

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

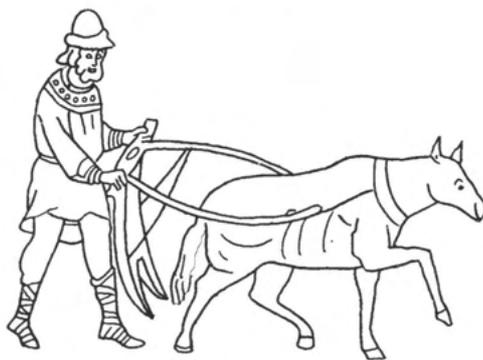
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Rural RUS' in the 9th-16th Centuries

Editors-in-chief:
N. A. MAKAROV, S. Z. CHERNOV

Compiled by
I. N. KUZINA

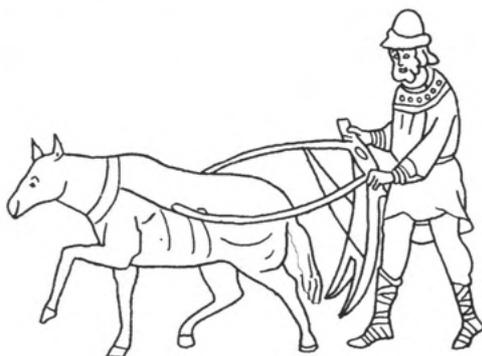
MOSCOW NAUKA 2008

К 564

Сельская Русь в IX-XVI веках

Ответственные редакторы:
Н. А. МАКАРОВ, С. З. ЧЕРНОВ

Составитель
И. Н. КУЗИНА

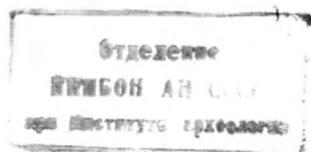
МОСКВА НАУКА 2008

УДК 94(47)
ББК 63.4(2)
С29

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 07-01-16178д*

Рецензенты:

доктор исторических наук А.А. МЕДЫНЦЕВА,
доктор исторических наук А.В. ЧЕРНЕЦОВ

9281/20

Сельская Русь в IX–XVI веках / отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов ;
сост. И.Н. Кузина ; Ин-т археологии РАН. – М. : Наука, 2008. – 418 с. –
ISBN 978-5-02-036728-9 (в пер.)

Издание продолжает публикацию тематических сборников по археологии Древней Руси, вышедших в 2003 и 2005 гг. ("Русь в XIII в.: Древности темного времени" и "Русь в IX–XIV вв.: Взаимодействие Севера и Юга"). В книге представлены результаты наиболее крупных исследовательских проектов, выполненных в последнее десятилетие в этой сфере. В нее входит 31 статья, в том числе и авторов из Норвегии, Чехии, Украины. Статьи сгруппированы в 4 раздела: проблемы сельского расселения и колонизации, хозяйственная деятельность и ее влияние на природную среду, материальная культура, результаты комплексных исследований исторических территорий.

Для археологов, историков, краеведов.

Темплан 2008-II-246

ISBN 978-5-02-036728-9

© Институт археологии РАН, 2008
© Кузина И.Н., составление, 2008
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2008

Н.А. Макаров
**Археологическое изучение севернорусской деревни:
пути, подходы, результаты**

Археология “Сельской Руси” или “Древнерусской деревни” не является новым направлением в изучении Средневековья. Она прошла долгий путь, основными вехами которого стали исследования древнерусских курганов как некрополей сельского населения, первые раскопки средневековых селищ, обследования сельских территорий и создание археологических карт, раскрывающих структуры сельского расселения, наконец, междисциплинарные проекты с использованием методов археологии и естественных наук, воссоздающие реальный облик средневековых сельских ландшафтов. Археология “Сельской Руси” долгое время воспринималась как часть изучения восточнославянских древностей, достаточно обособленная от общих проблем культурной истории средневековой Европы, однако сегодня мы видим, что эта тема теснейшим образом связана с европейской медиэвистикой, в которой проблемы археологии деревни и сельских территорий уже несколько десятилетий находятся в центре внимания. Истоки этого интереса вполне объяснимы: сегодня мы отчетливо сознаем, что становление средневекового общества и средневековой культуры связано с выработкой специфических форм организации расселения, обустройства культурного ландшафта, использования природных ресурсов, ведения сельского хозяйства. Древняя Русь не составляет в этом смысле исключения: основой для ее консолидации стало не только появление городов, но и формирование специфического строя сельской жизни.

Археологическое изучение севернорусской деревни развивалось в России в последние десятилетия как ряд региональных и локальных проектов, мало связанных между собой и не объединенных какой-либо единой программой. Исследователи, выступавшие в качестве инициаторов и руководителей этих проектов, имели значительную свободу в выборе объектов и методов исследования и разработке конкретных задач и приемов обработки материалов. Эти обстоятельства способствовали появлению глубоких и оригинальных исследований по отдельным регионам и памятникам (Культура средневековой Москвы, 2004; Шполянский, 2003; Гоняный, Кац, Наумов, 2003; Кудряшов, 2000; Средневековое поселение Настасьино, 2004), но затруднили создание обобщаю-

щих работ. Иная ситуация сложилась на Украине, где изучение сельских поселений с 1980-х годов было обозначено как особое научное направление, призванное аккумулировать археологические материалы для создания целостной характеристики южнорусского села. Изучение сельских памятников развивалось, таким образом, как единая программа, ключевым элементом которой стали широкие раскопки селищ в Поднепровье и Подесенье (Південноруське село..., 1997; Шекун, Веремейчик, 1999; Петрашенко, 2005). Раскопки на значительных площадях должны были раскрыть пространственную структуру, планировку и застройку сельских поселений и стоящую за ними социальную организацию сельских общин. На основе этих работ созданы обобщающие исследования, характеризующие различные аспекты хозяйства и культуры южнорусской деревни (Село Київської Русі..., 2003). Для археологии севернорусской деревни, таким образом, существенной задачей является сопоставление результатов отдельных локальных и региональных проектов, общий обзор и систематизация накопленного материала и выявление общих черт, характеризующих развитие “Сельской Руси” к северу от Днепра.

Важным моментом современного этапа изучения древнерусской деревни стало расширение раскопок селищ. Хорошо известно, что с 1950-х годов наиболее продуктивным путем изучения внутренней организации и динамики развития сельского общества были работы по реконструкции расселения в рамках отдельных территорий, начатые В.В. Седовым в Смоленском Поднепровье и продолженные в 1970–1990-х годах целым рядом исследователей как на Юге, так и на Севере Руси. Основу этого подхода составило обычное для археологии выявление и обследование поселений, картирование их и разделение материалов на отдельные хронологические срезы без сколь угодно широких раскопок. Методика этих работ постепенно развивалась: совершенствовались приемы выявления поселений, фиксации их географических координат и топографических характеристик; более полный сбор подъемного материала сделал возможным более точное и надежное датирование памятников. Выявление и обследование селищ, в последние годы дополненное междисциплинарными исследованиями, фактически открыло

для науки средневековый культурный ландшафт и заложило основу современных знаний о пространственной организации сельского мира до и после монгольского нашествия. Познавательные возможности этого направления оказались чрезвычайно велики. Однако по мере накопления данных, характеризующих структуры и динамику расселения, все более отчетливо обозначились пробелы в наших знаниях о материальной культуре и экономике сельской Руси, которые могут быть закрыты лишь путем раскопок. Помимо осознанного научного интереса, расширению стационарных работ на сельских памятниках способствовали активизировавшиеся в последние годы спасательные раскопки в зонах строительства.

Конечно, изучение древнерусской деревни как особого социально-экономического и культурного феномена по археологическим материалам и археологическое изучение древнерусских селищ – два направления исследований, содержание которых не во всем совпадает. В круг материальных памятников, характеризующих сельский мир Древней Руси, входят не только остатки поселений, но и другие категории древностей – могильники, остатки средневековых полей, приходские храмы, местные объекты религиозного почитания (“деревенские святыни”). Археология получила первые представления о культуре древнерусской деревни X–XIII вв. по раскопкам погребальных памятников – курганов. С другой стороны, не все неукрепленные поселения, для именованья которых в археологии используется термин “селища”, представляют собой остатки рядовых поселений, связанных с сельскохозяйственными занятиями и промыслами. Социальный облик этих памятников мог быть достаточно разнообразным. И все же трудно усомниться в том, что перспектива получения нового знания о древнерусской деревне домонгольского времени связана прежде всего с изучением селищ.

Древнерусские селища Севера и Центра: некоторые итоги раскопок

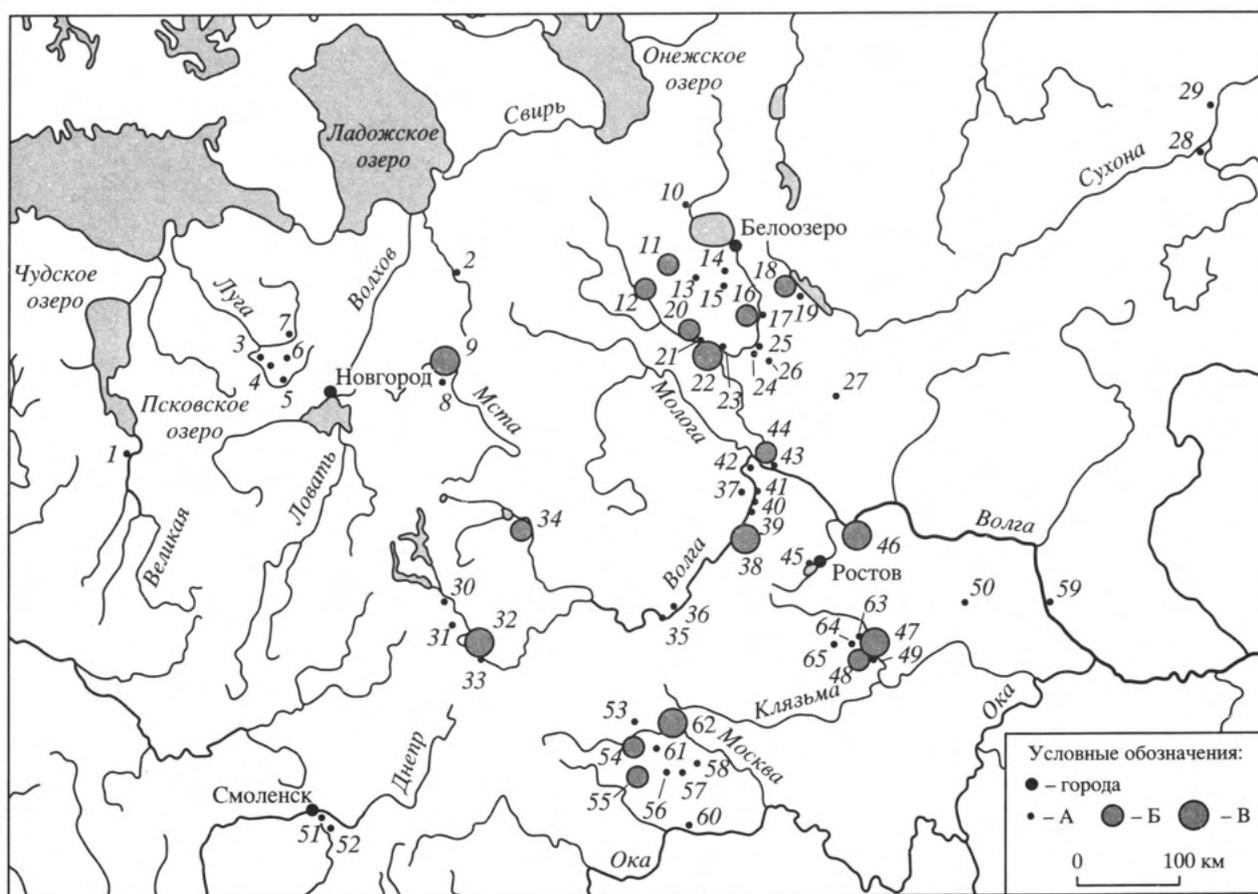
В Центре и на Севере Европейской России, на территории современных Псковской, Новгородской, Ленинградской, Вологодской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Московской, Костромской, Нижегородской, Ивановской и Владимирской областей раскопки на площади более 80 кв. м производились на 66 селищах X – первой половины XIII в. с вещевыми материалами древнерусского облика (рис. 1). В этот список не вошли открытые поселения на посадах древнерусских городищ, средневековые сельские поселения на площадках городищ железного века, многослойные поселения, на которых вещевые комплексы домонгольского времени трудно отделимы от позднейших и более ранних. Таким образом, лишь ничтожная часть общего массива древнерусских

селищ Севера и Центра затронута раскопками. Масштабы стационарных раскопок селищ на этой территории заметно уступают работам, проведенным на Юге, в Поднепровье и Подесенье.

Селища разных регионов охвачены раскопками неравномерно. Во многих значимых в историческом отношении районах Севера Древней Руси стационарные работы на сельских памятниках не производились. Легко заметить существенные диспропорции в исследованности сельских памятников Северо-Запада и Северо-Востока Руси. Примерно две трети затронутых раскопками селищ – памятники северо-восточных областей (рис. 1). Наиболее полно изучены раскопками селища южной части Белозерья (13 поселений), Углицкого и Ярославского Поволжья (9 поселений), Суздальского Ополья (7 поселений). Небольшие серии селищ, исследованных раскопками, представлены на северо-западе Новгородской земли в бассейне р. Луги (5 поселений), в верховьях Волги (4 поселения), в Москворецком бассейне (5 поселений). В остальных районах раскопками затронуты лишь единичные объекты.

Площади раскопок на большинстве селищ Севера и Центра Руси не превышают 500 кв. м, на десяти поселениях раскопки проведены на площади от 500 до 1000 кв. м, на семи – на площади свыше 1000 кв. м, наиболее значительная площадь (около 5000 кв. м) вскрыта во Введенском под Ярославлем. Раскопки показали, что при всех индивидуальных и региональных различиях, севернорусские селища в массе своей – памятники с небольшим по мощности культурным слоем, перемешанным распахкой. Длительная распахка затрудняет или делает невозможными не только стратиграфическое расчленение культурного слоя на многих памятниках, но и реконструкцию планировки поселений, на которых остатки жилищ плохо читаемы. Это в особенности касается северных областей, где жилища не имели подполий и заглубленных частей. Вскрытие значительных площадей на селищах далеко не всегда гарантирует получение значимой научной информации. В этой ситуации особое значение приобретает полный сбор вещевого материала, часто являющегося единственным “продуктом” раскопок.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о вещевых коллекциях, собранных при раскопках 49 селищ, дают определенные представления о насыщенности культурного слоя артефактами и составе вещевых материалов (рис. 2). Шесть вещевых собраний насчитывали не более 20 предметов, 23 – от 20 до 200 предметов, 11 – от 200 до 500 предметов, пять – от 500 до 1000 предметов. В составе четырех коллекций было более 1000 вещей, наибольшее их количество дали раскопки на поселениях Минино I на Кубенском озере (более 5150 артефактов) и Введенское под Ярославлем (более 2360 артефактов). Концентрация находок на боль-

Рис. 1. Древнерусские селища X – первой половины XIII в., исследованные раскопками

А – площадь раскопов от 80 до 500 кв. м; Б – площадь раскопов от 500 до 1000 кв. м; В – площадь раскопов более 1000 кв. м. 1 – Выбуты; 2 – Петровское 3; 3 – Удрай IV; 4 – Удрай III; 5 – Удрай I; 6 – Удрай II; 7 – Заполье 2; 8 – Заручье IV – VII; 9 – Бор IV; 10 – Никольское V на Кеме; 11 – Муриновская пристань; 12 – Никольское VI; 13 – Молебный остров; 14 – Дюково; 15 – Нефедово; 16 – Селище Воркопы; 17 – Андрюшино-Ирма; 18 – Минино I на Кубенском; 19 – Минино VI на Кубенском; 20 – Кривец; 21 – Октябрьский Мост; 22 – Соборная Горка; 23 – Урывково; 24 – Минино 4 на Юге; 25 – Минино 5 на Юге; 26 – Минино 2 на Юге; 27 – Телешово II; 28 – Морозови-

ца I–II; 29 – Гостинское; 30 – Волково; 31 – Холмово; 32 – Благовещение; 33 – Струйское; 34 – Шитовичи 6; 35 – Пекуновское; 36 – Кимрское; 37 – Олено; 38 – Грехов Ручей; 39 – Алтыново; 40 – Зологорустье; 41 – Нестерово; 42 – Васильки; 43 – Усть-Шексна 1; 44 – Усть-Шексна 2; 45 – Шурск II; 46 – Введенское; 47 – Весь 1; 48 – Гнездилово; 49 – Васильково; 50 – Рыбино (Стрелка 1); 51 – Дросненское; 52 – Яновское; 53 – Саввинская слобода; 54 – Письково; 55 – Кутыно Iа; 56 – Жданово; 57 – Покров 5; 58 – Новое Сьяново; 59 – Наговицyno I; 60 – Прилуки I; 61 – Десна; 62 – Мякинино; 63 – Весь 5; 64 – Вишенки 3; 65 – Кистыш 3

шинстве поселений составляет от 0,25 до единицы на квадратный метр вскрытой площади. На шести поселениях на 1 кв. м приходится от одной до двух вещей, на четырех – более двух вещей. Наибольшая концентрация находок зафиксирована на поселении Минино I, где на 1 кв. м приходится около 16 артефактов. Различия в численности собраний отражают не только реальное содержание средневековых вещей в культурном слое, но и некоторые другие факторы, прежде всего тщательность разборки культурных напластований и принципы отбора вещей в коллекцию. Наиболее крупные собрания получены на памятниках, при раскопках которых специально ставилась задача сбора мелких находок. Тем не менее, общий состав вещевых коллекций показывает, что культурный слой домонгольских сельских поселений Севера и Центра насыщен средневековыми вещами, и мы располагаем достаточно представительными коллекциями

для характеристики материальной культуры сельских поселений. В этих коллекциях значительными сериями представлены обычные предметы, характеризующие древнерусскую культуру: ножи, шиферные пряслица, стеклянные браслеты и бусы, украшения из цветных металлов, кресты-тельники.

Одним из важнейших итогов изучения севернорусской деревни можно считать выявление мощных процессов формирования новых расселенческих структур и аграрного ландшафта на огромных пространствах лесной полосы Восточной Европы в X – первой половине XIII в. При всей неравномерности археологической изученности различных областей и при всех различиях ситуаций в отдельных регионах Руси, совершенно очевидно, что указанный период был временем стремительного роста сельского населения и аграрного производства. На значительной части Севера и Центра средневе-

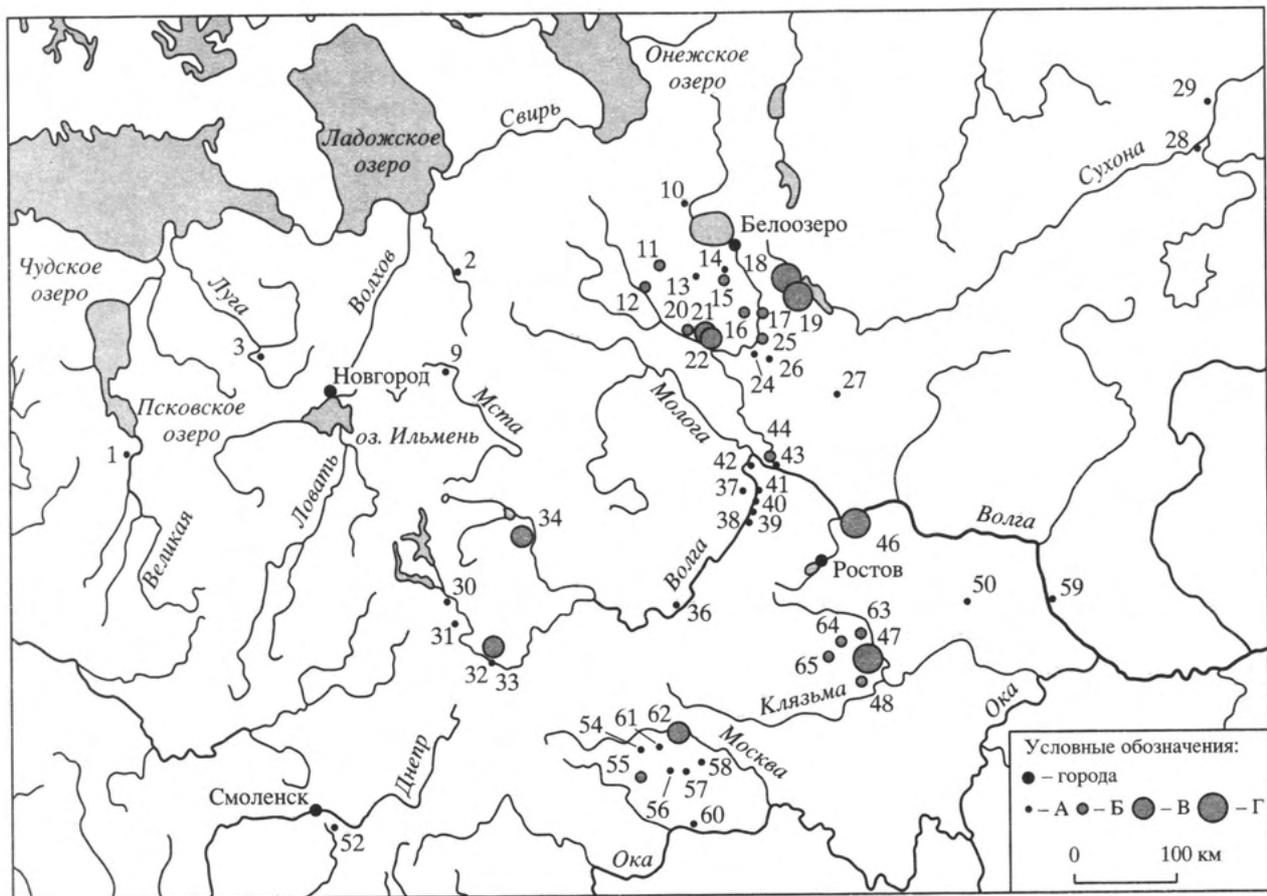

Рис. 2. Вещевые коллекции, собранные при раскопках селищ X – первой половины XIII в.

А – до 200 предметов; Б – 200 – 500 предметов; В – 500 – 1000 предметов; Г – более 1000 предметов. 1 – Выбуты; 2 – Петровское 3; 3 – Удрай IV; 9 – Бор IV; 10 – Никольское V на Кеме; 11 – Муриновская пристань; 12 – Никольское VI; 13 – Молебный остров; 14 – Дюково; 15 – Нефедово; 16 – Селище Воркопъ; 17 – Андриюшино-Ирма; 18 – Миныно I на Кубенском; 19 – Миныно VI на Кубенском; 20 – Кривец; 21 – Октябрьский Мост; 22 – Соборная Горка; 24 – Миныно 4 на Юге; 25 – Миныно 5 на Юге; 26 – Миныно 2 на Юге; 27 – Телешово II; 28 – Морозовица I-II; 29 – Гостинское; 30 – Волково;

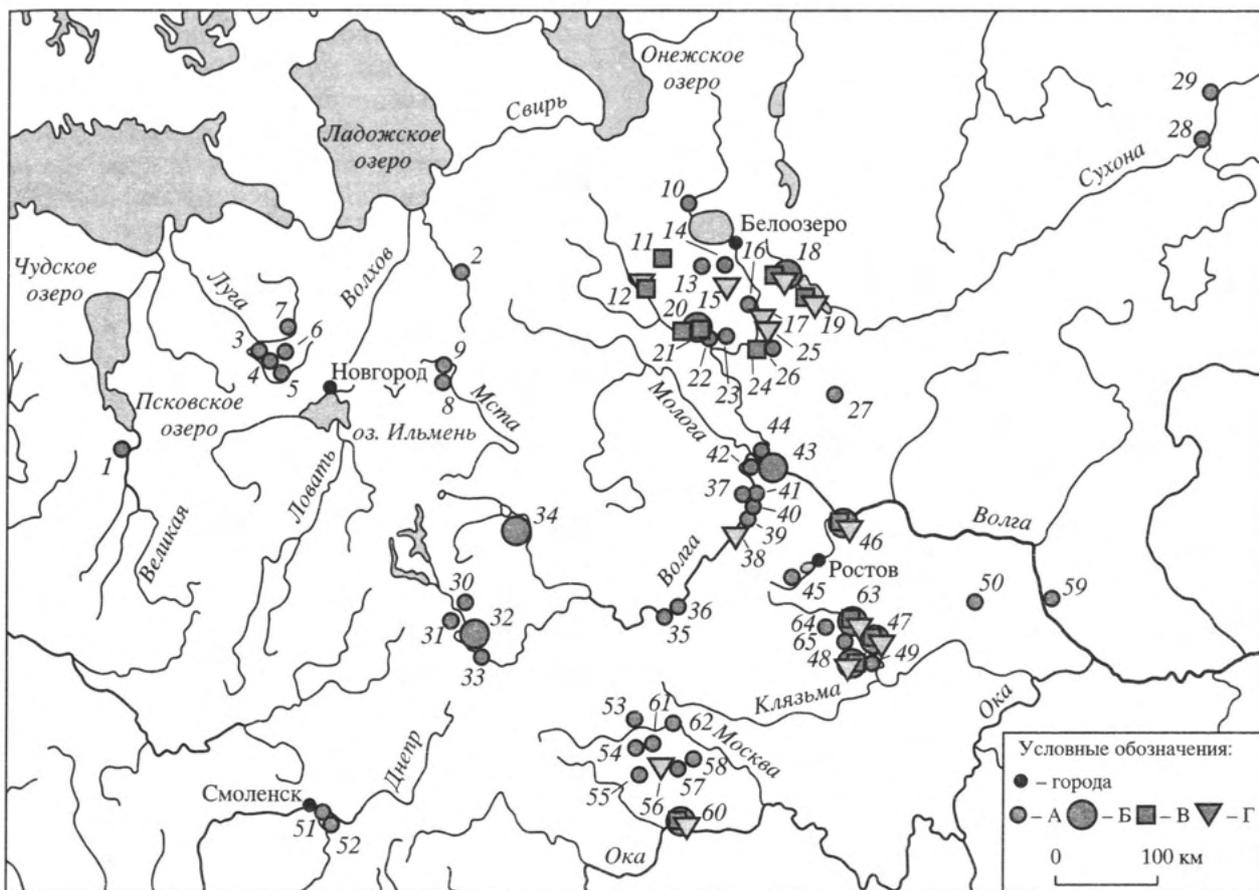
31 – Холмово; 32 – Благовещение; 33 – Струйское; 34 – Шитовичи 6; 36 – Кимрское; 37 – Оленино; 38 – Грехов Ручей; 39 – Алтыново; 40 – Золоторучье; 41 – Нестерово; 42 – Васильки; 43 – Усть-Шексна 1; 44 – Усть-Шексна 2; 46 – Введенское; 47 – Весь 1; 48 – Гнездилово; 50 – Рыбино (Стрелка 1); 52 – Яновское; 54 – Письково; 55 – Кутыно 1а; 56 – Жданово; 57 – Покров 5; 58 – Новое Съяново; 59 – Наговицyno I; 60 – Прилуки I; 61 – Десна; 62 – Мякинино; 63 – Весь 5; 64 – Вишенки 3; 65 – Кистыш 3

ковой Руси сеть расселения в этот период формируется на новой основе, вне связи с территориальными структурами предшествующего времени. Этот вывод нельзя считать неожиданным, но в последнее десятилетие он приобрел новые обоснования, будучи документирован не только археологическими картами, но и наблюдениями над хронологическим распределением материалов, собранных на селищах в ходе раскопок и, что еще более важно, серией спорово-пыльцевых разрезов, раскрывающих интенсивное сведение лесов и формирование открытых пространств в лесной полосе (Спиридонова, Алешинская, в печати).

Обращение к конкретным археологическим материалам, собранным при раскопках селищ и характеризующим культуру, производство и потребление сельских поселений, заставило пересмотреть многие стереотипы в оценке древнерусского сельского общества X–XIII вв., ранее сло-

жившиеся в историографии. Археологические источники свидетельствуют о достаточно высоком благосостоянии сельского общества, о вовлеченности его в торговлю, о сложной организации экономики сельских поселений, в которой значительную роль играли промыслы и ремесла, о доступности для сельского населения значительной части бытовых вещей и украшений, распространенных в городах. Находки престижных вещей и импортов характерны для многих сельских памятников, хотя конкретный набор подобных вещей на различных объектах может быть различным.

Вывод о товарности сельской экономики может быть проиллюстрирован двумя картами, на одной из которых показано распространение на селищах монет и торгового инвентаря (рис. 3), а на второй – распространение шиферных пряслиц (рис. 4). Дирхемы представлены в коллекциях из раскопок восьми севернорусских селищ, денарии – в коллек-

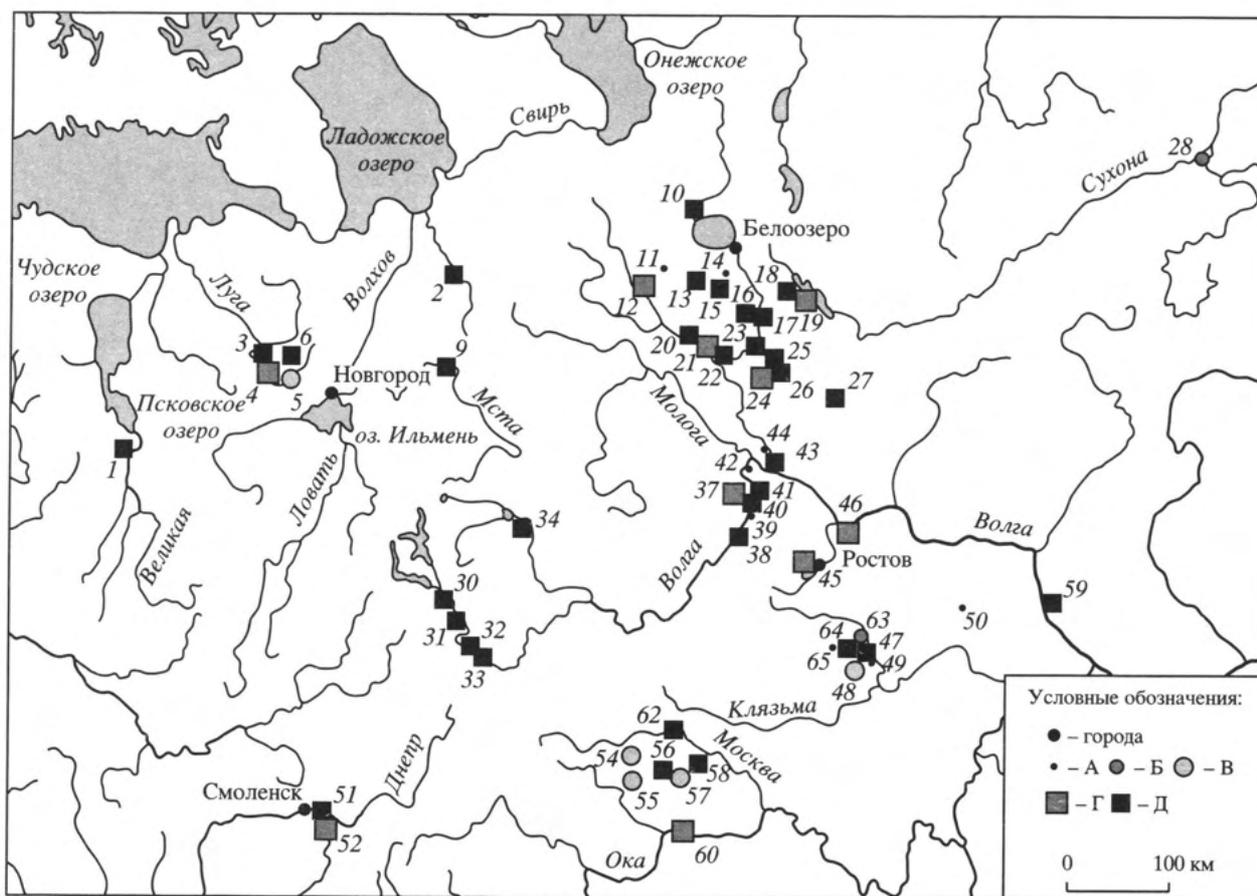
Рис. 3. Находки куфических монет, западноевропейских денариев и торгового инвентаря на севернорусских селищах X–XII вв.

А – селища без находок монет и торгового инвентаря; Б – селища с находками куфических монет; В – селища с находками западноевропейских денариев; Г – селища с находками весовых гирек и фрагментов весов для малых взвешиваний. 1 – Выбуты; 2 – Петровское 3; 3 – Удрай IV; 4 – Удрай III; 5 – Удрай I; 6 – Удрай II; 7 – Заполье 2; 8 – Заручьево IV–VII; 9 – Бор IV; 10 – Никольское V на Кеме; 11 – Муриновская пристань; 12 – Никольское VI; 13 – Молебный остров; 14 – Дюково; 15 – Нефедово; 16 – Селище Воркопъ; 17 – Андриюшино-Ирма; 18 – Минино I на Кубенском; 19 – Минино VI на Кубенском; 20 – Кривец; 21 – Октябрьский Мост; 22 – Соборная Горка; 23 – Урывково; 24 – Минино 4 на Юге; 25 – Минино 5 на Юге; 26 – Мини-

но 2 на Юге; 27 – Телешово II; 28 – Морозовица I–II; 29 – Гостинское; 30 – Волково; 31 – Холмово; 32 – Благовещение; 33 – Струйское; 34 – Шитовичи 6; 35 – Пекуновское; 36 – Кимрское; 37 – Оленино; 38 – Грехов Ручей; 39 – Алтыново; 40 – Золоторучье; 41 – Нестерово; 42 – Васильки; 43 – Усть-Шексна 1; 44 – Усть-Шексна 2; 45 – Шурскол II; 46 – Введенское; 47 – Весь 1; 48 – Гнездилово; 49 – Васильково; 50 – Рыбино (Стрелка 1); 51 – Дросненское; 52 – Яновское; 53 – Саввинская слобода; 54 – Письково; 55 – Кутьино 1а; 56 – Жданово; 57 – Покров 5; 58 – Новое Сьяново; 59 – Наговицыно I; 60 – Прилуки I; 61 – Десна; 62 – Мякинино; 63 – Весь 5; 64 – Вишенки 3; 65 – Кистыш 3

циях девяти селищ, весовые гирьки – в коллекциях пяти селищ, детали весов – в материалах пяти селищ (рис. 3). Селища с находками монет и торгового инвентаря составляют примерно четверть от всего массива сельских поселений X–XI вв. Шиферные пряслица присутствуют в коллекциях 52 селищ, т.е. 86% от всех, включенных в перечень, причем на 45 памятниках они являются единственным типом или заметно преобладают над пряслицами, изготовленными из других материалов (рис. 4). Таким образом, для обитателей селищ эти предметы были доступны в той же мере, что и для горожан. Материальная культура деревни X–XIII вв., так же как и культура города, – это новое явление, сложившееся в результате культурных и технологических инноваций, при участии внешних влияний.

Эти наблюдения закономерно ставят перед археологией вопросы о факторах и источниках демографического и экономического роста в сельских областях Древней Руси в X–XIII вв., о социально-экономических и культурных процессах, обеспечивших столь быстрое поступательное движение. При поиске ответа на эти вопросы невозможно ограничиться общими рассуждениями о наличии на Русской равнине обширных массивов незанятых земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения, и значительных промысловых ресурсов (прежде всего, пушнины), обладавших высокой ценностью в системе товарообмена. Ведь возможности использования этих ресурсов не реализовывались в течение многих столетий. Очевидно, в конце I тыс. н.э. в лесной полосе Восточной Европы сложились особые социальные и хозяйствен-

Рис. 4. Находки шиферных пряслиц на севернорусских селищах X – первой половины XIII в.

А – исследованные раскопками селища без находок пряслиц; Б – исследованные раскопками селища с находками глиняных пряслиц без находок шиферных пряслиц; В – исследованные раскопками селища на которых доля шиферных пряслиц составляет менее 50% от всего количества пряслиц; Г – исследованные раскопками селища на которых доля шиферных пряслиц составляет от 50% до 80% всего количества пряслиц; Д – исследованные раскопками селища на которых доля шиферных пряслиц составляет от 80 до 100% всего количества пряслиц. 1 – Выбуты; 2 – Петровское 3; 3 – Удрай IV; 4 – Удрай III; 5 – Удрай I; 6 – Удрай II; 9 – Бор IV; 10 – Никольское V на Кеме; 11 – Муриновская пристань; 12 – Никольское VI; 13 – Молебный остров; 14 – Дюково; 15 – Нефедово; 16 – Селище Воркопь; 17 – Андриюшино-Ирма; 18 – Минино I на Кубенском;

19 – Минино VI на Кубенском; 20 – Кривец; 21 – Октябрьский Мост; 22 – Соборная Горка; 23 – Урывково; 24 – Минино 4 на Юге; 25 – Минино 5 на Юге; 26 – Минино 2 на Юге; 27 – Телешово II; 28 – Морозовица I–II; 30 – Волково; 31 – Холмово; 32 – Благовещение; 33 – Струйское; 34 – Шитовичи 6; 37 – Оленино; 38 – Грехов Ручей; 39 – Алтыново; 40 – Золоторучье; 41 – Нестерово; 42 – Васильки; 43 – Усть-Шексна 1; 44 – Усть-Шексна 2; 45 – Шурскол II; 46 – Введенское; 47 – Весь 1; 48 – Гнездилово; 49 – Васильково; 50 – Рыбино (Стрелка 1); 51 – Дросненское; 52 – Яновское; 54 – Письково; 55 – Кутьино 1а; 56 – Жданово; 57 – Покров 5; 58 – Новое Сьяново; 59 – Наговицьино I; 60 – Прилуки I; 62 – Мякинино; 63 – Весь 5; 64 – Вишенки 3; 65 – Кистыш 3

ные механизмы, придавшие развитию сельских территорий новую динамику. Ключ к их пониманию может дать подробное изучение ситуации в отдельных микрорегионах.

Мининский проект в изучении севернорусской деревни

Мининский проект был задуман как попытка углубленного изучения истории колонизации компактной сельской территории на северной периферии Руси, как микрорегиональное исследование, нацеленное на выявление механизмов роста и культурных изменений. Планируя полевые работы на Кубенском озере, мы исходили из того, что зна-

чимые научные результаты могут быть обеспечены не только распространением раскопок на новые памятники, выделяющиеся особым качеством, но и обновлением методов, поиском новых приемов полевых исследований, адекватных тем проблемам, которые предстоит решить.

Общий подход определили три принципиальных момента. Во-первых, полевые работы изначально были организованы как “медленные раскопки”, с тонкими методами разборки культурного слоя, позволяющими полнее собрать вещевой материал, часть которого неизбежно уходит в отвал при обычных приемах раскопок, и точнее зафиксировать строение культурного слоя и остатков сооружений. В задачу проекта входило не полное вскрытие памятников, а получение репрезентативных

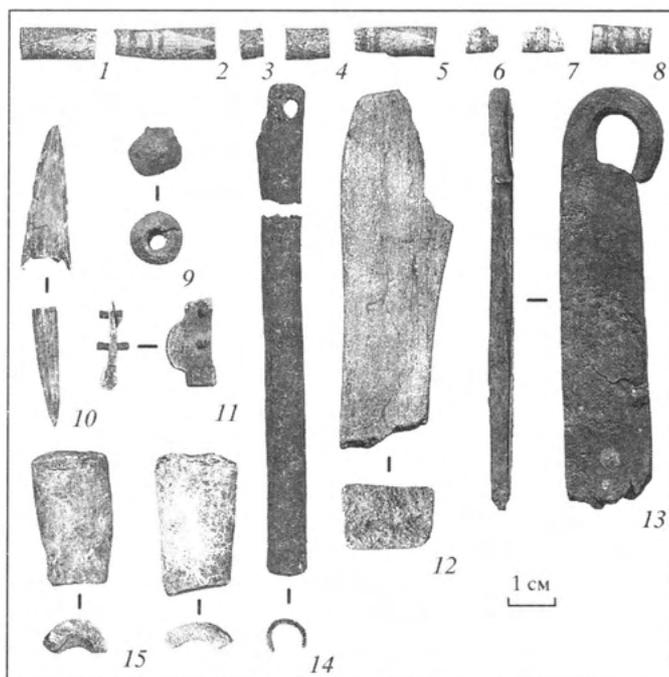
данных, достаточных для реконструкции различных аспектов средневековой жизни. Благодаря тонким приемам разборки культурного слоя на двух селищах, в раскопах общей площадью около 1000 кв. м было собрано около семи с половиной тысяч средневековых вещей. Собрание находок из раскопов на поселении Минино I является, как уже отмечено, наиболее крупной коллекцией вещей, когда-либо собранной при раскопках древнерусского селища домонгольского времени. Даже если учесть присутствие в коллекции значительного количества малоинформативных мелких обломков артефактов, это собрание дает неизмеримо более подробные представления о материальной культуре сельских поселений, чем коллекции других близких по характеру памятников.

Во-вторых, археологическая часть проекта дополнялась естественно-научными исследованиями, адаптированными к специфике конкретных памятников, в том числе изучением палеоэкологических материалов, собиравшихся в ходе раскопок. Специалистами изучены спорово-пыльцевые материалы из культурного слоя и естественных разрезов, зерновые материалы из культурного слоя, археозологические материалы, включая остатки ихтиофауны, антропологические материалы из могильника. Радиоуглеродным методом датировано около 40 образцов органики из культурного слоя и с площадки могильника. Реконструкция природной среды, окружавшей средневековые поселения, многих аспектов хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения, разнообразных палеоэкологических аспектов колонизации стала возможна именно благодаря участию в проекте специалистов-естественников.

Наконец, существенно параллельное исследование поселений, могильников и хозяйственной зоны, принадлежащих одному археологическому микро-региону, что дало возможность перекрестного изучения жизни одного средневекового коллектива по разным группам материалов и обеспечило определенную "стереоскопичность" в видении средневековой жизни в Минино.

Сформулирую, в самом сжатом виде, некоторые результаты проекта, важные для общего понимания развития сельских территорий на севере Древней Руси.

Огромная коллекция вещей и палеоэкологические материалы характеризуют продолжавшуюся не менее двух с половиной столетий жизнь двух крупных сельских поселений, возникших на крайней периферии Северо-Восточной Руси (Кубенское озеро..., 2001; Макаров, Захаров, 2003). Основным событием в средневековой колонизации Мининского микрорегиона стало возникновение поселения Минино I на мысовидной террасе вблизи устья р. Дмитриевки во второй половине X в. Это поселение, площадь которого уже на первом этапе его существования составляла 1 га, изначально

Рис. 5. Могильник Минино II на Кубенском озере. Комплекс вещей из погребения 74. Вторая половина X – рубеж X–XI вв.

1–8, 11 – фрагменты расчески; 9 – бусина; 10 – наконечник стрелы; 12 – оселок; 13 – кресало; 14 – фитильная трубка; 15 – томар. 1–8, 10–11, 15 – рог; 9, 14 – цветной металл; 12 – камень; 13 – железо

но возникло как крупный стационарный поселок и оставалось таковым до конца своего существования в первой половине XIII в. Экономическим базисом поселения было комплексное земледельческо-промысловое хозяйство, часть продуктов которого предназначалась для внутреннего потребления, а другая, прежде всего ценные сорта пушнины, – для продажи.

Раскопки в Минино раскрывают картину длительного и широкомасштабного пушного промысла, осуществлявшегося жителями кубенских поселений на протяжении двух с половиной столетий. Главными объектами промысла были бобр, белка и куница, кости которых в общей сложности составляют более 56% всех остеологических остатков из средневековых напластований. В культурном слое мининских поселений найдено 10 томаров, еще 3 происходят из погребальных комплексов (рис. 5). Присутствие наконечников стрел с тупым бойком в инвентаре древнейших мужских погребений в могильниках Минино и Владышнево, как и в могильнике Нефедьево на Волоке Славенском (Макаров, 1997. С. 159), при общей бедности инвентаря в захоронениях мужчин, свидетельствует, что пушная охота изначально была одним из главных хозяйственных занятий средневековых колонистов, требовавшим символического обозначения в погребальном обряде. Находки серии амулетов, изготовленных из таранных костей бобра, возможно, отражают существование особых

магических представлений, связанных с этим животным.

Обнаружение новых свидетельств пушной охоты в Минино не стало неожиданностью, если учесть проведенные ранее раскопки территориально близких белозерских памятников, поселения Крутик и могильника Нефедьево, в материалах которых представлены значительные массивы костей бобра и наконечники стрел с тупым бойком. Неожиданным оказался общий историко-археологический контекст, данные о сочетании промысла с сельским хозяйством на крупном средневековом поселении, о стабильности промысла в течение длительного времени, наконец, о непосредственном участии жителей поселка в торговле мехами. Последнее наблюдение, документированное находками серебряных монет, бус и других импортов, заслуживает особых комментариев.

В историографии прочно укоренилась точка зрения, что основным способом накопления мехов на новгородском пушном рынке в XIII–XV вв. был сбор дани, собиравшейся боярами как с окраинных северных волостей, в том числе с финно-угорского населения, для которого охота была традиционным занятием, так и с крестьянского населения центральных районов Новгородской земли (*Хорошкевич*, 1963. С. 47–72). Действительно, письменные источники XV в. содержат многочисленные сведения об уплате населением новгородских пятин части повинностей пушниной. А.Л. Хорошкевич полагает, что участие крестьян в пушной торговле стало сколько-нибудь заметным лишь в последней трети XV в., с заменой натуральных выплат пушной денежным оброком (*Хорошкевич*, 1963. С. 68–72). Цилиндры-бирки из новгородских раскопок, документирующие сбор государственных податей пушниной с отдаленных административных округов в Поонежье и Северодвинском бассейне в XI – первой четверти XII в. (*Янин*, 2001. С. 48–57), не оставляют сомнения в том, что подобная практика сложилась в древнейший период новгородской истории и имела жизненную важность для экономического благосостояния новгородского боярства.

Однако раскопки в Минино открывают иные механизмы сбора пушных ценностей. Археологические материалы, полученные на Кубенском озере, свидетельствуют, что существенная часть импортов, ввозившихся на Русь в X–XII вв., оседала в руках жителей периферии. Отсюда следует, что пушнина попадала на рынок не только в результате принудительного изъятия ее в качестве дани, но в не меньшей степени в результате цепочки торговых операций, непосредственными участниками которых были обитатели лесных поселений. Очевидно, экспортеры пушнины были не в состоянии получить весь необходимый им объем меховых ценностей, используя систему фиска. Участие в торговле и включенность в систему дальних торговых связей во многом определили облик культуры

и характер потребления северной деревни X–XII вв.

Интерпретация средневековых памятников Мининского микрорегиона предполагает обсуждение вопроса о том, насколько обычен состав коллекции для средневековых селищ, правомерно ли рассматривать его как вещевой комплекс рядового поселения. По составу коллекции и по самому характеру культурных напластований, обильно насыщенных вещевым материалом, селища Мининского комплекса обнаруживают значительное сходство с памятниками Белого озера, Шексны и Верхней Волги второй половины X – середины XII в. Для большинства этих памятников характерны: высокая концентрация изделий из цветного металла, прежде всего украшений, стеклянных бус, находки куфических и западноевропейских монет. В коллекциях шекснинских и белозерских поселений многочисленны бытовые вещи и орудия труда из железа, присутствуют сельскохозяйственные орудия, инструменты ремесленников и наконечники стрел, но редки находки боевого оружия, предметов воинского снаряжения и амфорной керамики. Таким образом, массовый вещевой материал шекснинских и белозерских памятников отражает относительно высокий достаток жителей сельских поселений, важность ремесла и товарных отношений в экономике и повседневной жизни, и вместе с тем – достаточно демократический облик культуры, отсутствие в ней, за единичными исключениями, специфических признаков аристократического и воинского быта. На общем фоне неукрепленных севернорусских поселений X–XIII вв., исследованных раскопками, мининские селища правомерно рассматривать как обычные населенные пункты на окраинах, не имевшие специальных функций управления и военного контроля. Источником благосостояния их обитателей была их собственная трудовая деятельность, а не изъятие и перераспределение продуктов, производившихся на других поселениях.

Раскопки в Мининском микрорегионе с большой надежностью документируют известный цикл жизни средневековых сельских поселений, охватывающий два с половиной или три столетия, с X до середины XIII в. Как показывают наблюдения палинологов, устройство крупных поселений на Кубенском озере стало возможно в условиях климатического оптимума, при общем потеплении климата, благоприятствовавшем земледелию и сделавшем возможным устройство полей на низких приозерных террасах, где риск вымерзания посевов был особенно велик. Длительное сохранение ячменя, культуры с коротким вегетационным периодом, устойчивой к низким температурам, как основной земледельческой культуры, безусловно отражает сложные условия ведения сельского хозяйства. В этой ситуации стабильное жизнеобеспечение достигалось путем сочетания земледелия, скотоводства, рыболовства (с употреблением в пищу

малоценных сортов рыбы) и охоты на крупных копытных, использования в пищу мяса бобров и, вероятно, белок. Обеспечение пропитания крупного по северным меркам поселения требовало значительных усилий, о недостатке пищевых ресурсов в отдельные периоды свидетельствуют следы заболевания цингой на костных останках из могильника и общая высокая детская смертность. После запустения центрального поселения Мининского региона в начале XIII в. в условиях неблагоприятных климатических изменений и кризиса пушной торговли развитие не было полностью оборвано. Выявленная связь между Мининским археологическим комплексом X–XIII вв. и Карачевским погостом позднего Средневековья и раннего Нового времени показывает, что при всех трансформациях и переменах в организации расселения, произошедших в XIII в., многие древнейшие очаги колонизации не были полностью заброшены, а стали основой для развития локальных центров, погостов и волостей.

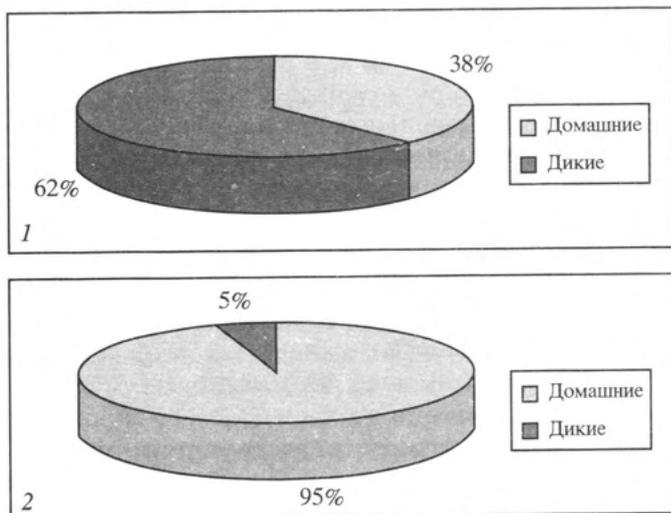
Наконец, раскопки в Монино выявили характер региональной культуры, сформировавшейся в процессе колонизации Севера. Специфика мининских древностей, как и белозерских древностей в целом, заключается в том, что в них отчетливо выражены культурные элементы, связанные по своему происхождению с древнерусской метрополией и в то же время – яркие черты своеобразия, в которых естественно видеть финские традиции. Можно сказать, что облик этой культуры определяется, с одной стороны, следованием классической древнерусской модели, с другой стороны – оппозицией ей. Свообразие культуры средневекового населения, образовывавшего локальные группы на северной периферии древнерусского ареала, в том числе на Кубенском озере, определялось не только соотношением финских и славянских элементов, но и целым рядом экономических, социальных и идеологических факторов. Специфические условия развития экономики, при значительном удельном весе в ней торговли и лесных промыслов, и накопление значительных материальных ресурсов на северных окраинах Руси создавали почву, с одной стороны, для сохранения у периферийных общин прочных связей с метрополией, культурные достижения которой приобретали особую ценность, с другой стороны, для выработки особых форм местной репрезентативной культуры, выразительными продуктами которой являются парадный женский костюм и погребальный обряд Мининского микрорегиона. Для этих групп было важно, с одной стороны, ощущать свою принадлежность к древнерусской цивилизации и включенность в общую сеть культурного и торгового обмена, открывавшую доступ к разнообразным достижениям метрополии, с другой стороны, обозначить собственную консолидированность, отличия от других региональных групп, продемонстрировать высокие

материальные возможности и социальную полноценность жителей окраин, в реальности занимавших подчиненное положение в иерархии древнерусских территориальных образований. Изменение вкусов и приоритетов, обозначившееся в парадном женском уборе на рубеже XI–XII вв. – свидетельство консолидации новых областных групп населения, осознававших свое особое положение среди прочих этнических и территориальных образований, формирования особой региональной идентичности.

Сельские памятники центра и периферии

Монино и Белозерско-Кубенский регион в целом стали той территорией, где археологии удалось сегодня детализировать наши представления о стратегии жизнеобеспечения, хозяйственном базисе и культурных традициях сельских коллективов значительно глубже, чем в других областях Северной Руси. Эта полнокровная картина сельской жизни на периферии Северо-Восточной Руси высветила серьезные пробелы в нашем знании о сельских поселениях центра и дала новые импульсы для возобновления обследования и раскопок селищ в Суздальском Ополе, изучение которых было прервано после продуктивных исследований 1970 – начала 1990-х годов (*Лапишин*, 1985; 1989; *Лапишин, Мухина*, 1988). Результатом нового четырехлетнего цикла полевых исследований в Суздальском Ополе стало выявление необычайно плотного сгустка сельских поселений, покрывавших около 2% территории центра Суздальской земли. Основной “каркас” этой системы составляли крупные поселения, площадью более 5 га, многие из которых стали основой для современных суздальских сел. Выявленная структура расселения и сам культурный ландшафт Ополя резко контрастируют с культурным ландшафтом Белого и Кубенского озер, что было отмечено уже в первых публикациях (*Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004. С. 19–34; 2005. С. 196–215). Однако самые последние раскопки под Суздалем неожиданно дали материалы, раскрывающие черты сходства хозяйственного уклада и, соответственно, способов накопления богатства сельского общества Севера и Центра на начальных фазах колонизации.

Суздальское Ополе традиционно рассматривается как важнейший сельскохозяйственный район Северо-Восточной Руси, как территория, экономический подъем которой был определен продуктивностью земледелия на плодородных темноцветных почвах. Проведенные в последние годы исследования суздальских селищ показывают, что для XII – первой половины XIII в. эти оценки безусловно справедливы. Они подтверждаются спорово-пыльцевыми диаграммами, свидетельствующими о существовании в этот период открытого ландшафта

Рис. 6. Соотношение костей диких и домашних животных в остеологических материалах селищ Суздальского Ополя

1 – селище Весь 5, вторая половина IX(?) – X вв. с примесью материалов второй половины XII – начала XIII в.; 2 – селище Вишенки 3, XII – начало XIII в.

та с преобладанием травянистой растительности и значительным количеством культурных злаков, археоботаническими остатками из культурного слоя (включающими карбонизированные зерна пшеницы, ячменя, бобовых и других культур и семена сорняков), наконец, остеологическими материалами, среди которых основную массу составляют кости домашних животных. Однако археологические и палеоэкологические материалы более раннего времени открывают иную картину хозяйствования и жизнеобеспечения. Речь идет о материалах из раскопок поселения Весь 5, на котором культурные напластования второй половины IX (?) – середины X в. впервые были исследованы с использованием тонких методов разборки культурного слоя, апробированных в Монино.

Вещевая коллекция, собранная в небольшом (около 100 кв. м) раскопе, насчитывает 459 находок. Более трети этой коллекции составляют стеклянные бусы и бисер (172 экз.), преимущественно “рубленный” бисер (121 экз.) и лимоновидные бусы (32 экз.), присутствие которых важно для определения хронологических позиций культурных напластований (рис. XXXV). Высокая доля стеклянных бус в составе вещевых коллекций средневековых поселений, как показало специальное исследование концентрации этих украшений в культурном слое средневековых поселений Севера Восточной Европы (Захаров, Кузина, 2005. С. 115–122), является одним из ярких индикаторов пушной торговли. Среди находок на поселении Весь 5 семь фрагментов дирхемов, три из которых поддаются определению (Аббасиды, Харун ар-Рашид, 805–806 г. н.э.; Аббасиды, ал-Мутааз, 866–867 гг. н.э.; Буиды (Бувейхиды). Муайид ад-Даула, 967–983 гг. н.э. (определение А.А. Молчанова). В остеологических

материалах из культурного слоя 62% составляют кости диких животных, более 80% которых принадлежит пушным видам: бобру (50,7%), белке (28,0%) и лесной кунице (7,9%). По своему видовому составу эта коллекция резко отличается от датированной XII в. коллекции с поселения Вишенки 3, в которой доминируют кости домашних животных, на долю которых приходится около 95% всей коллекции (определение О.А. Крылович – рис. 6). Из раннего горизонта культурного слоя поселения Весь 5 происходят также карбонизированные и минерализованные зерна и семена культурных растений, всего 125 экземпляров, определение которых было произведено Е.Ю. Лебедевой. Среди зерновых материалов доминируют пленчатая пшеница двузернянка и ячмень, представлены также просо, рожь, овес и голозерная мягкая пшеница. Однако концентрация остатков культурных растений в нижнем горизонте в три раза ниже, чем в горизонте второй половины XII – первой половины XIII в.

Как мы видим, раскопки на поселении Весь 5 документируют существование в Суздальском Ополе в первой половине – середине X в. поселений, хозяйственный уклад которых основывался на сочетании пушной охоты и земледелия и обеспечивал широкое поступление импортов, в том числе монетного серебра, покрывавшееся экспортом пушнины, т.е. той самой хозяйственной системы, которая после раскопок Крутика, Монино и ряда других памятников хорошо исследована на Севере. Мы не знаем, как долго эта хозяйственная система функционировала в Суздальском Ополе (к XII в. никаких следов ее уже не прослеживается), но мы можем с определенной долей вероятности полагать, что именно в ее рамках был заложен фундамент экономического благосостояния Ростово-Суздальской Руси. С учетом этих наблюдений находит объяснение и раннее проникновение в центральные районы Волго-Клязьменского междуречья куфических монет и скандинавских вещей (Леонтьев, 1988) и распространение здесь уже давно привлекающих внимание археологов глиняных бобровых лап, атрибутов почитания бобра (Фехнер, 1963). Разумеется, для проверки этих наблюдений необходимы дальнейшие целенаправленные сборы материалов о хозяйстве сельских поселений Волго-Окского региона на разных этапах их существования.

Таким образом, древнерусское сельское общество сегодня предстает перед нами как динамичная среда, находящаяся в X–XII вв. в процессе становления, вырабатывающая новый хозяйственный уклад и новые формы расселения и культуры.

Литература

- Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

- Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2005.* О некоторых особенностях материальной культуры северных поселений // РА. № 4.
- Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия: Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вологда, 2001.*
- Кудряшов А.В., 2000.* Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // РА. № 3.
- Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М., 2004. Т. I.*
- Лапшин В.А., 1985.* Система расселения в центральном районе Владимиро-Суздальской земли в X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: Тез. докл. науч. конф. М.
- Лапшин В.А., 1989.* Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздаlem // КСИА. Вып. 195.
- Лапшин В.А., Мухина Т.Ф., 1988.* Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздаlem // Проблемы изучения древнерусской культуры: (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.
- Леонтьев А.Е., 1988.* Городище Выжегша и происхождение Выжегшского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.
- Макаров Н.А., 1997.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). М.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2003.* Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII в. // Русь в XIII веке: древности тёмного времени. М.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001.* Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004.* Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. № 1.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005.* Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Петрашенко В.А., 2005.* Древнерусское село: По материалам поселений у с. Григоровка. Киев.
- Південноруське село IX–XIII ст. / За ред. О.П. Моці, В.П. Коваленко, В.О. Петрашенко. Київ, 1997.*
- Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель) / Від ред. О.П. Моці. Київ, 2003.*
- Средневековое поселение Настасыно // Тр. ПАЭ. М., 2004. Т. I.*
- Фехнер М.В., 1963.* Предметы языческого культа // Ярославское Поволжье в X–XI вв. М.
- Хорошкевич А.Л., 1963.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М.
- Шекун О.В., Веремейчик О.М., 1999.* Давьоруське поселення Ліскове. Чернігів.
- Шполянський С.В., 2003.* Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII в. у села Ознобишино в Подмоскowie // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
- Янин В.Л., 2001.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.

Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы

Микрорегиональные исследования структур расселения и хозяйственно-культурных типов освоения ландшафтов развернуты сегодня на территориях целого ряда областей средневековой Руси (рис. 1). За период, прошедший с того времени, когда данная программа была обсуждена на конференции, организованной в Институте археологии РАН (1991) (Древнерусская деревня, 1991) и на Черепнинских чтениях, проведенных Институтом российской истории (1994) (Чернов, 1994. С. 184–196), сделано не мало.

Важность этих исследований стала проявляться по мере структурных перемен, произошедших в средневековой Руси. В частности, интерес к микроистории и исторической антропологии сделал результаты этих работ востребованными отнюдь не только в сфере локальной истории, как это было ранее. Кроме того, широкое развитие цифровых технологий и поисковых инструментов создало среду, обеспечивающую доступность картографических¹ данных широкому кругу пользователей. Это позволяет сделать в будущем данные микрорегиональных исследований не только легко доступными, но и адаптировать их к другим информационным системам, отражающим массивы данных о прошлом.

Однако выросли не только потребность в такого рода исследованиях и их возможности. Выросли и требования к ним. Одновременно проявились и системные проблемы, которые связаны с использованием этой информации для понимания средневекового общества. Сегодня необходимо осмыслить полученные результаты, проанализировать возникшие трудности и сфокусировать внимание на наиболее значимых выводах. Немаловажно указать на положительные стороны и недостатки методических подходов, оценить “поле”, в котором

микрорегиональный метод оказался наиболее эффективен, и дать качественные оценки достоверности предложенных интерпретаций.

Только после подобного анализа можно будет намечать новые задачи этого направления.

Методы микрорегиональных исследований

Вначале необходимо напомнить о тех циклах развития, которые прошло данное направление.

Стремясь извлечь максимум информации из относительно немногочисленных поземельных актов XIV–XV вв., исследователи (С.Б. Веселовский (1969), А.И. Копанев (1951), Ю.Г. Алексеев (1966), Л.М. Марасинова (1966)) изучали происхождение и родственные связи владельцев участков и их примерную локализацию на местности с помощью материалов XVI–XIX вв. Это давало возможность проследить судьбу отдельных комплексов земельных владений на протяжении того или иного периода. Работы В.Л. Янина (1977; 1981), развившего методы комплексного источниковедения, продвинули далеко вперед методику региональных исследований.

К середине 1970-х годов благодаря трудам Дж. Хёрста, М. Бересфорда, Ф. Баркера в Англии, А. Стенсберга в Дании, Э. Черны, З. Сметанки, В. Некуда, Я. Клапсте в Чехии и Словакии были заложены основы средневековой ландшафтной археологии. Изучение древнего Радонежа (1976–1987) позволило развить это научное направление, связав его с традицией историко-географических изысканий, а затем наметить точки их сопряжения с методикой сплошных археологических разведок сельских поселений (Седов, 1960), предложив группу методов комплексного исследования исторических ландшафтов Московской Руси (рис. 1, 1–6). В основе такого подхода лежало наблюдение, сделанное в ходе практической работы: по мере количественного наращивания источников (описаний, карт, свидетельств устной микротопонимической традиции) и фиксации на современной геоподоснове данных межевых книг XVI–XVII вв. и Генерального межевания (1760–1780-е годы), наступает момент, когда эти данные позволяют

¹ В качестве наиболее характерных примеров можно указать на программу Google Earth, обеспечивающую через интернет доступ к современным космическим снимкам любой точки земной поверхности в масштабе примерно 1 : 100 000, а отдельных участков – в масштабе примерно 1 : 2000, а также на деятельность российской фирмы Litega, открывшей платный доступ к материалам генерального межевания на уровне уезда, к картам Военно-топографического депо (1 : 42 000) и другим материалам.

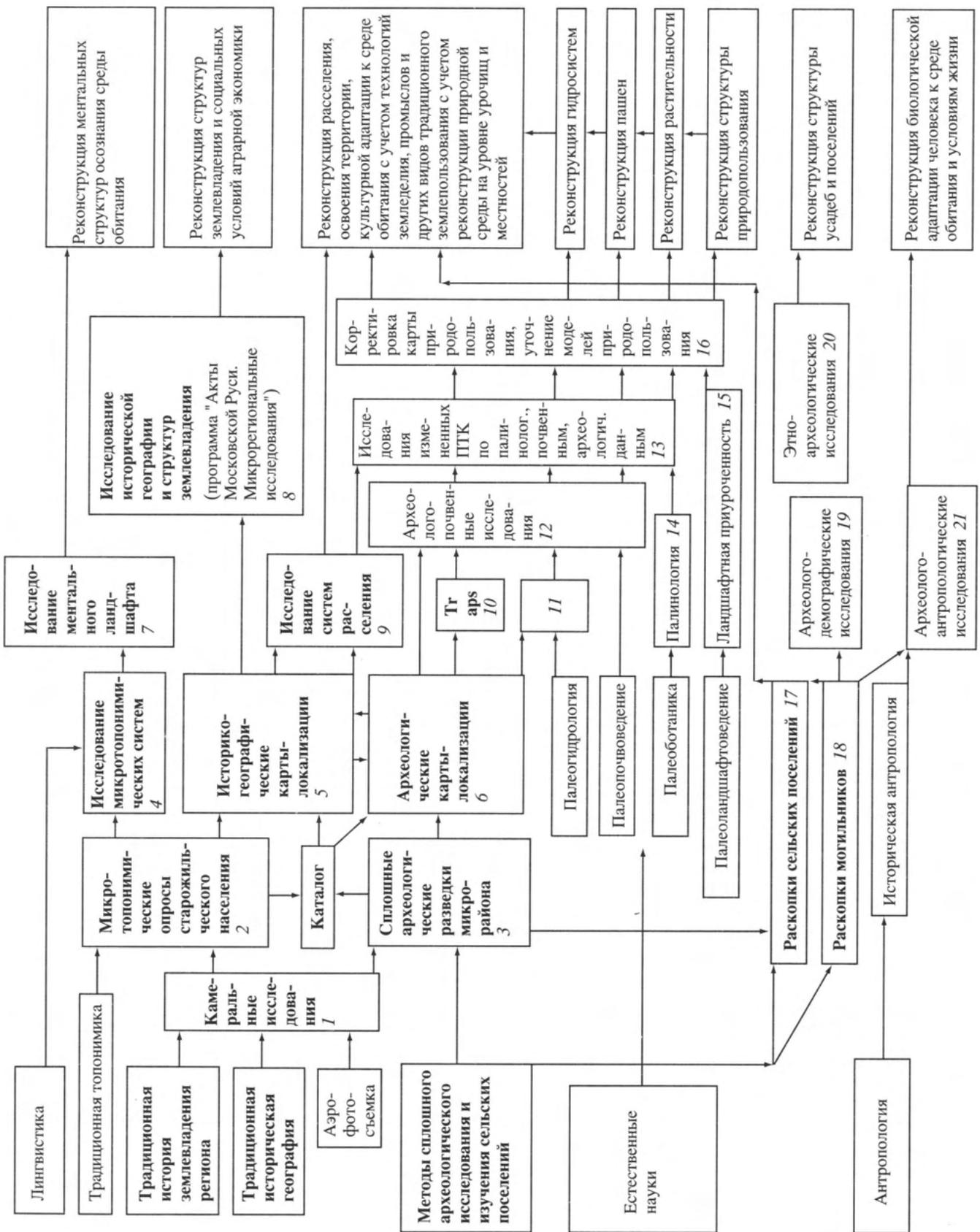
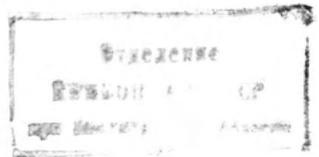

Рис. 1. Система методов комплексных исследований исторических территорий

локализовать упоминаемые в актах XV–XVI вв. границы, селения, дороги и угодья как целостную систему и идентифицировать ее с материальными остатками – памятниками археологии.

Применение комплексного исследования исторического ландшафта дало возможность картировать конкретные владения, установить их размеры с точностью, сравнимой с точностью определения площади земельных дач Генерального межевания, определить их хозяйственную освоенность, а в сочетании с историко-генеалогическим исследованием и при наличии значительного числа актов – выявить структуры землевладения и состав землевладельцев соответствующей волости или стана (Чернов, 1987).

Микрорегиональные исследования, проводившиеся на основании подобной или близкой к ней методики, оказались наиболее продуктивными в плане изучения и интерпретации структур расселения XIV–XVI вв. В настоящее время структуры землевладения и расселения изучены на территории ряда районов Новгородской земли: Жабенской волости (Буров, 1989. С. 74–84; 1986. С. 42–45; 1995. С. 44–58; 1990), Полужья (Кузьмин, 1991. С. 153–168), Взвядский погост на озере Ильмень (Янин, 1985. С. 92–104; Чернов, 1985. С. 104–112), Великолужская, Пусторжевская и другие земли на Литовском пограничье (Янин, Бассальго, 1995. С. 45–58; 1993. С. 108–124; Янин, 1998), территории в Водской (Селин, 1998; 1993. С. 189–203; 2003) и Деревской пятинах (Фролов, 2002. С. 61–75; 1998. С. 297–304; 2001), округи Новгорода (Анкудинов, 2007, С. 43–51.). На землях Великого Московского княжества исследован ряд станов Волока Ламского (Чернов, 1998), Радонежский удел и волость Воря (Чернов, 2000. С. 20–70; 2007), Московские городские станы (Чернов, 2005а).

Параллельно велись археологические исследования сети расселения на более значительных территориях и с более широким хронологическим диапазоном (Е.Н. Носов, В.Я. Конечский, С.А. Беляева, В.А. Лапшин, Н.И. Платонова, Б.Н. Харлашов, М.В. Цыбин, О.М. Веремейчик, И.В. Исланова, Н.А. Тропин). В цикле работ Н.А. Макарова по району Белоозера, построенных на сочетании методов исследования поселений, могильников, водно-волоковых путей и исторических ландшафтов, была реализована многоплановая программа изучения древнерусского этапа колонизации Русского Севера.

Мощный импульс для развития средневековой ландшафтной археологии дали палеоэкологические исследования, которые развернулись в 1980–1990-е годы в форме крупных проектов по изучению исторической среды Курского Посемья (А.А. Узянов, С.А. Сычева), Куликова поля (Б.А. Фоломеев, М.П. Гласко, М.И. Гоняный, М.А. Гуман), района Дьякова – Коломенского в Москве (Н.А. Кренке, В.С. Гунова, Н.А. Кирьянова, В.А. Низовцев), Радонежа (С.З. Чернов, Е.Г. Бызова, Е.А. Спиридонова), Белоозера (Н.А. Макаров,

Е.А. Спиридонова), Новгорода (А.Л. Александровский, П.Г. Гайдуков, Н.А. Кренке), Гнёздова (А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, В.С. Нефедов), других территорий². Н.А. Кренке были разработаны методы, которые помогли объединить усилия археологов и специалистов в области естественнонаучных дисциплин. Ключевым моментом стало выявление объектов таких исследований: погребенных почв, включенных в археологические памятники (под насыпями курганов, оборонительных валов и плотин, под культурным слоем поселений) и стратифицированных природных и антропогенно-природных отложений (пойменный аллювий, делювий на склонах и днищах балок и оврагов) (рис. 1, 10).

Археолого-палеопочвенные исследования (рис. 1, 12) основываются на методике диагностики почвенного профиля и реконструкции по этим данным его эволюции, включающей трансформации исходных профилей почв, сформировавшихся под коренными лесами голоценового времени в ходе хозяйственного использования (распашка, луг), чередовавшихся с периодами регенерации природного ландшафта (восстановление леса). Метод позволяет описывать характерные элементы агрогенного ландшафта (напаша, бровки на склонах, агроделювиальные накопления в долинах, оврагах и балках, смытые почвы на холмах и склонах) и оценивать информативные возможности этих объектов для уяснения интенсивности, длительности и размаха хозяйственной деятельности³. Отдельным разделом ландшафтной археологии стало выявление и описание памятников без культурного слоя (прудов, межевых ям, каналов, обеспечивавших режим лугов, и других), а также диагностика культурных злаков и сопутствующих сорняков (рис. 1, 11). Новые возможности для реконструкции древнего природного и агроландшафта, а также облесенности территории дает сопоставление пыльцевых данных с почвенными и археологическими при интерпретации затронутых влиянием человека горизонтов в почвенных разрезах (рис. 1, 13).

Появление палеоэкологического блока методов (рис. 1, 10–12) позволило существенно усовершенствовать методики, лежащие на грани ландшафтной археологии и исторического ландшафтоведения. Долго эти работы не шли далее анализа ландшафтной приуроченности археологических памятников. Развивая это направление, В.А. Низовцев предложил методику составления карт условно-восстановленных ландшафтов и ресурсных зон природопользования на уровне урочищ и местностей. В свою очередь, по мере накопления археолого-палеопочвенных исследований по

² Подробнее см.: Культура средневековой Москвы..., 2004. Т. 1. Гл. 1; Гоняный, Александровский, Гласко, 2007.

³ Подробнее см.: Культура средневековой Москвы... Т. 1. Гл. 3.

реконструкции пашен и установления характера растительности в период Средневековья в пределах конкретных природных территориальных комплексов удалось перейти к корректировке карт природопользования и разработке его уточненных моделей (рис. 1, 13)⁴.

На новые вопросы, которые были поставлены “нераскопчной” ландшафтной археологией, можно было ответить, лишь усовершенствовав методы раскопок селищ и могильников. И такое совершенствование произошло, став своего рода археологическим ответом на вызов палеоэкологического направления (рис. 1, 16, 17). Необходимо в этой связи отметить исследования М.И. Гоняного на верхнем Дону, в ходе которых раскрылось все богатство типов поселений (стационарные крестьянские дворы, выставки-летники для распашки в степи, гончарные и другие производства, вынесенные за пределы поселения и т.д.), лежащих за понятиями “селище” или “гнездо памятников” (*Гоняный*, 2003; 2005). Раскопки широкой площадью поселений Автуничи и Лисковое близ Чернигова продемонстрировали не только масштабы земледелия и скотоводства Южной Руси, но и выявили разнообразные ремесленные производства (варка железа из болотной руды и др.) (Південноруське село IX–XIII ст., 1997; *Шекун, Веремейчик*, 1999; *Село Київської Русі*, 2003). Работы на селище Минино на Кубенском озере позволили расширить спектр находок, обнаруживаемых на средневековом селище с помощью системы просеивания и промывок, и раскрыть микромир средневековой хозяйственной жизни (*Археология севернорусской деревни...*, 2007). В Подмосковье раскопки поселений XII–XV вв. широкой площадью, сопровождавшиеся серией естественно-научных исследований, дали весьма интересные результаты (*Шполянский*, 2003. С. 253–264; *Средневековое поселение Настасьино*, 2004).

Новые возможности для понимания вопросов демографии древнерусского населения и адаптации человека к среде обитания возникли в результате цикла исследований древнерусских могильников Белозерья, которые были дополнены палеоантропологическими исследованиями, раскрывающими механизмы биологической адаптации (рис. 1, 19). В итоге эти трудно уловимые (даже в рамках современных этнографических и медицинских наблюдений) процессы удалось проследить на примере нескольких поколений славянских насельников Русского Севера (*Макаров*, 1997; *Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001).

Исследования последних десятилетий показали поразительное разнообразие ландшафтов, стратегий их освоения и хозяйственно-культурных типов, которые реально существовали на Руси в IX–XVI вв. Это древние водно-волоковые пути с их промысловым хозяйством (Белоозеро, Поволжье, Поволжье), являвшиеся одной из основ про-

цветания Древней Руси X–XI вв., и ополя (округа Суздаля и Овручская возвышенность, район Чернигова), где в XII – первой трети XIII в. начались первые попытки освоения водоразделов (рис. II; IV), полесья и мешеры, испытавшие второй подъем промыслового хозяйства на заре внутренней колонизации (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) (рис. V–VII) и моренные гряды, ставшие базой экономического подъема периода “взлета на холмы” (XIV–XV вв.) (рис. III, VIII–XI).

Новые методы открывают перед исследователями широкие перспективы получения информации, что потенциально может продвинуть вперед понимание аграрной и социальной истории средневековой Руси. Однако необходимо учитывать, что эта информация разнородна и далеко не равномерно отражает различные стороны средневековой действительности. Так, археологические и палеоландшафтные данные позволяют реконструировать закономерности хозяйственного освоения и экономики конкретных территорий. Однако эти закономерности с большим трудом поддаются исторической интерпретации.

Особенности социального устройства населения сельских территорий и формы феодального землевладения могут быть изучены, по преимуществу, на основе письменных свидетельств. Более того, без предварительного специального анализа текстов грамот и описаний, без установления типологии поселений (земледельческих, промысловых, торговых и др.), элементов их инфраструктуры, локализации дорог и угодий, затруднена сама постановка археологического исследования такого сложного организма, каковым являются культурные ландшафты XIV–XVI вв. И здесь важны не только синхронные письменные источники, но и материалы более позднего времени. “Вовсе не так уж редко, как обычно думают, – писал об этом Марк Блок, – что для достижения полной ясности надо в исследовании доходить вплоть до нынешних дней. В некоторых своих основных чертах наш сельский пейзаж, как мы уже видели, восходит к эпохам чрезвычайно далеким. Но чтобы истолковать скудные документы, позволяющие нам проникнуть в этот туманный генезис, чтобы правильно поставить проблемы, чтобы их хотя бы представить себе, надо выполнить одно важнейшее условие: наблюдать, анализировать пейзаж современный. Он сам по себе дает перспективу целого, из которого необходимо исходить. Не для того, конечно, чтобы рассматривать этот облик как раз навсегда застывший и навязывать его каждому этапу прошлого, встречающегося при движении к верховьям потока времени. Здесь, как и повсюду, историк хочет уловить изменение. Но в фильме, который он смотрит, целым остается только последний кадр. Чтобы восстановить стершиеся черты остальных кадров, следует сперва раскрутить пленку в направлении, обратном тому, в котором шла съемка” (*Блок*, 1986. С. 29).

⁴ Подробнее см.: Там же. Т. 1. Гл. 2.

Осознание глубины различия археологических и письменных свидетельств о прошлом, достигнутое сегодня, породило скептическое отношение к возможностям археологии в реконструкции социальных структур и процессов. Между тем само это осознание содержит в себе огромный познавательный потенциал, и проблема, на самом деле, заключается лишь в том, как реализовать этот потенциал в практике исследований. Наибольшие успехи в этом направлении достигнуты там, где разработана сопряженная система методов изучения письменных, археологических и естественнонаучных данных применительно к той или иной сфере культуры средневековой Руси (комплексное источниковедение в изучении Новгорода, архитектурная археология, комплексное исследование исторических территорий). Постараемся под этим углом зрения взглянуть на перспективы изучения феодального землевладения и социально-экономических укладов Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.

Структуры землевладения: некоторые итоги изучения

Основным источником по социально-экономической истории средневековой Руси являются документальные, прежде всего акты, источники. Распределение актов по территории Северо-Восточной Руси очень неравномерно. Проведенные расчеты свидетельствуют о том, что более половины (65%) всего корпуса актов (до 1505 г.) приходится на 38 волостей и станов, которые составляют всего 6% от общего числа⁵ волостей и станов Северо-Восточной Руси⁶ (рис. 2; табл.).

⁵ Общее число волостей (без белозерских, вологодских и устюжских) определено по Ю.В. Готье и Я.Е. Водарскому. Поскольку для XV в. это число могло быть несколько меньшим, полученная цифра (5,6%), по всей видимости, должна быть несколько увеличена.

⁶ Соответствующие цифры для Белоозера, Вологды и Устюга не рассчитывались, но, судя по обширности этих земель, указанная закономерность здесь также проявляется.

Генерализованное распределение комплексов актов Северо-Восточной Руси (до 1505 г.) по станам и волостям

Уезд	Стан, волость, другие административные образования и их номера	Троице-Сергиев монастырь	Симонов монастырь	Прочие монастыри	Митрополия	Всего
Московские городские станы	1. Пехорский		12			12
	2. Бохов и Яузское мытище	5		4	3	12
	3. Жданский		9			9
	4. Сурожик	7		5		12
	5. Горетов	2	5	3		10
	6. Шахов		6			6
	7. Селецкая				33	33
	8. Сетунский	1			13	14
Московский	9. Радонеж	24				24
	10. Воря	52				52
Звенигород Переяславль	11. Городские станы			11	10	21
	12. Кинела	60				60
	13. Веходубенье	19				19
	14. Великая слобода	7			18	25
	15. Маринина слобода	9		13		22
Дмитров	16. Кистьма	39	4			43
	17. Вышгород	12	7	3	11	33
	18. Инобож	13				13
	19. Каменский	13				13
	20. Берендеев	4	16		7	27
Волок Ламский	21. Сестринский			10		10
	22. Локныш			6		6
Углич	23. Городские станы	48				48
Кашин	24. Нерехотский и			48		48
	25. Жабенский					
	26. Луцкий	9				9
Юрьев	27. Караш	1			12	13
	28. Шуткин	10			11	21
Суздаль	29. Опольский	15		32	3	50
	30. Гороховец			27		27
Владимир Кострома	31. Ярополч	14				14
	32. Нерехта и	45				45
	33. Великая соль					
Солигалич	34. город	19				19
	35. Верхний Березовец	34	4			38
Бежецк	36. Городецкий	49	5			54
Шехонский удел	37. Усть-Шехонская и Вольская	12			2	14
	Стародуб	2		8		10
ВСЕГО		523	77	150	114	886

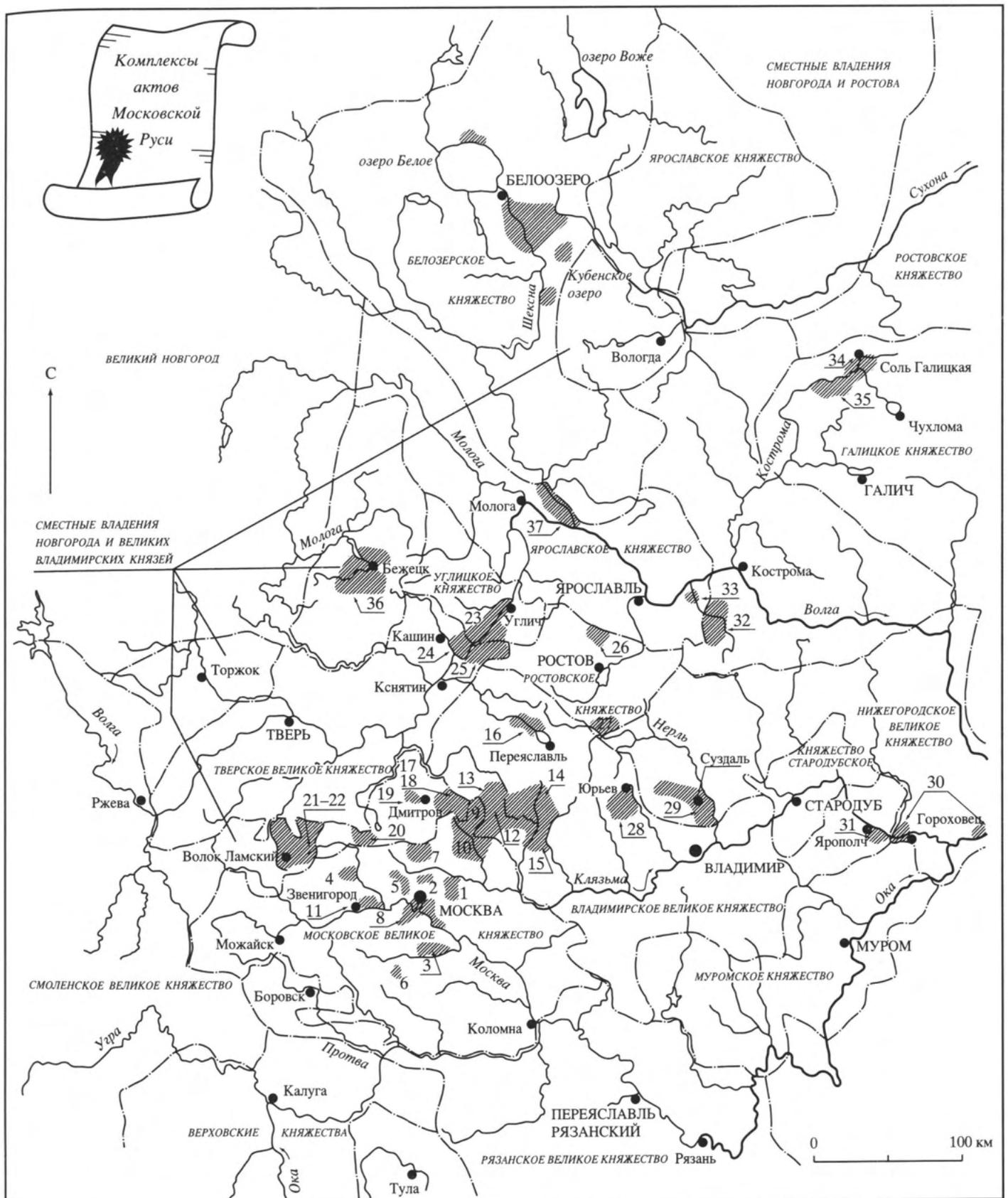

Рис. 2. Территории Северо-Восточной Руси, документированные комплексами актов (до 1505 г.)

Границы княжеств показаны на середину XIV в. (по В.А. Кучкину). Названия территорий (станов и волостей), показанных под номерами см. на табл. 1

Лишь для этих территорий мы обладаем более или менее полной системой свидетельств, отражающих особенности юрисдикции, состава землевладельцев и характер социальных связей. Основные типы юрисдикции, функционировавшие во второй половине XIV–XV вв. на территории Великого Московского княжества, довольно полно представлены территориями, обеспеченными актовыми источниками (Чернов, 1998. С. 9–11).

Эти наблюдения дают основания полагать, что наиболее перспективной исследовательской стратегией является создание сети эталонных территорий, обеспеченных актовыми и иными источниками, детальными археологическими и палеоландшафтными исследованиями.

Ставя перед научным сообществом столь масштабную задачу, следует, разумеется, быть уверенным в том, что усилия, вложенные в подобный гиперпроект, будут не напрасны. В связи с этим возникает вопрос: насколько результативны те микрорегиональные исследования, которые уже выполнены в настоящее время?

Попытка хотя бы отчасти ответить на этот вопрос применительно к центральным районам Великого Московского княжества была предпринята автором этих строк (Чернов, 2005б).

Было установлено, что землевладение XIV–XVI вв. (при всем его многообразии) может быть описано как система. В каждой изучавшейся административной единице того времени (волость или стан) удавалось выделить ядро, которое обычно представляло собой территорию, освоенную со второй половины XIII–XIV в. и известную источникам конца XIV–XV в. как черная волость или иная форма служебной организации, и периферию, где со второй половины XIV в. создавались боярские вотчины. В ряде случаев удалось выделить и промежуточную территорию, где располагались так называемые “служные земли” – условные владения княжеских министериалов, на плечи которых ложилась работа по устройению княжеского хозяйства и поддержанию правопорядка.

Кроме того, оказалось, что различные территории Северо-Восточной Руси и Московского княжества в частности, сильно отличались друг от друга по соотношению государственных (черных, служебных) и вотчинных земель. Так, земли, принадлежавшие московским князьям как великим владимирским (Волок Ламский, Переславль и ряд других), во второй половине XIV–XV в. обращаются в зоны почти сплошного вотчинного землевладения. Совершенно иначе развиваются Московские городские станы и ядра вновь создаваемых уделов, где сохраняются древние земли служебников и черные волости.

Исследование старовотчинных районов позволило выделить периоды, когда на той или иной территории складывается основной костяк вотчин. Сформировавшийся в условиях конкретной юрисдикции (великое княжение, удельное княжество

и др.) состав родов вотчинников оказывается настолько стабильным, что даже при изменении характера юрисдикции представители этих родов продолжали служить наследникам тех, кому служили их отцы и деды.

Исследования показали, что социально-экономический строй удельного периода (XIII–XV вв.), казавшийся ранее неизменным, на самом деле прошел в своем развитии две стадии.

Изучение владений московских князей в городских станах к востоку от Москвы показало, что их расцвет относится ко второй половине XIII–XIV в. и связан с формированием корпораций служебного населения и “слуг под дворским” – архаической формы социального устройства (“служебная организация”), которая играла существенную роль в становлении раннемосковского общества и хронологически предшествовала эпохе широкого распространения вотчинного землевладения (вторая половина XIV–XV в.). Прослежены характерные для нее типы промыслового хозяйствования и их генезис, обусловленный ресурсными возможностями различных подмосковных ландшафтов. Социальная структура, типичная для “служебной организации” – крестьяне-служебники (бортники Пехорской волости, “численные люди” и “ордынцы” Шахова и Сосенского станов), княжеские слуги-министериалы, вольные слуги и бояре-кормленщики – зафиксирована на обширных пространствах территории древнего ядра Московского княжества. Археологические данные свидетельствуют, что расселенческие структуры, соответствующие “служебной организации”, начали складываться во второй половине XIII в.

Вотчинное землевладение, развившееся в городских станах во второй половине XIV–XV вв., концентрировалось вне описанных территорий (северная часть Горетова стана, Вежецкий стан к северу от Москвы, Бохов стан на Клязьме, Жданский стан в нижнем течении р. Клязьмы), на периферии ряда станов. Эти вотчины достигали 2–3 тысяч десятин (Плещеевых в Горетове, Добрынских в Бохове, Колычевых в Жданском станах и др.). В станах, в которых доминировали княжеские земли, вотчинное землевладение представлено слабо и специфично. Так, на границе Пехорского, Бохова и Кошелева станов боярину Дмитрия Донского Дмитрию Минину (погиб в 1368 г.), его сыну и внуку (до 1430-х годов) принадлежала небольшая деревня у “перевесья” (Ревякинская) (рис. VII). Появление среди земель бортной волости этого владения связано с тем, что Минины традиционно занимали должности “путных бояр” (ловчие и др.) и организация добычи птицы к княжескому столу могла входить в число их обязанностей.

Ликвидация великим князем Дмитрием Ивановичем должности тысяцкого в 1373 г. и создание системы, включавшей московского наместника и

наместников, управлявших “третьими” Москвы и городских станов, не сопровождалось, как показывают микрорегиональные исследования, перестройкой системы подмосковного домена. Его внутренняя структура, описанная выше, не претерпела изменений, а часть функций по его управлению осталась в руках Вельяминовых. Поскольку вотчинное землевладение складывалось, как правило, на сопредельных землях, их развитие во второй половине XIV в. не привело к сокращению владений московских князей (Чернов, 2005а. С. 339–351).

Начиная с 1340–1360-х годов произошло резкое расширение вотчинного землевладения, которое ранее было представлено отдельными селами в городских станах. Особенно это типично для территорий, которые принадлежали московским князьям как великим владимирским князьям. Так, на Волоке Ламском Фоминские князья, изгнанные в 1350-е годы из своих владений (к югу от Ржевы) литовцами, завладели половиной Сестринского стана. Именно они стали во главе “волоцкой рати”, остановившей вместе с другими служилыми корпорациями литовский натиск на Москву в 1368–1372 гг. В XV в. их потомкам (Ржевским, Толбузиным, Полевым) принадлежала основная часть Сестринского стана. Позднее к ним присоединяются выходцы из Новгорода (Кутузовы), вассалы князей Холмских тверского дома (владения Мижуевых и Есиповых в Староволоцком стане), служилые люди кн. Владимира Андреевича (Хилиновы, Коуровы, Челищевы), потомки Патрикия Наримановича, выехавшего из Литвы с кн. Свидригайлой в 1408 г. (Хованский стан). Их землевладение формировалось по большей части в периферийных станах, которые в XIV в. активно заселялись (от 1,5–8 тыс. десятин) (Чернов, 1998). Данная модель формирования феодального землевладения ранее была прослежена в великокняжеском Переславле (вотчины Вельяминовых и Тарбеевых в волости Кинела) (Чернов, 1983. С. 12, 13).

На северо-востоке Московского княжества с середины XIV в. также наблюдается рост вотчинного землевладения. В период, когда эти земли входили в удел кнг. Ульяны (1340 – начало 1370-х годов) здесь располагались: 1) княжеские (волостные) земли в центре волостей (село Бели в волости Бели, село Радонежское в волости Радонеж, село Иевлево в волости Воря), 2) крупные боярские вотчины (возможно, пожалования) на перифериях волостей, на землях с удовлетворительными условиями для хозяйствования (вотчины Валуевых в волости Воря; Морозовых в волости Бели; Елизара, родоначальника бояр Беклемишевых и Княжниных, на радонежско-переславском пограничье), 3) крупные боярские вотчины, возникшие на основе кормлений первой половины XIV в. (село Даниловское Бяконтовых в Белях).

С появлением в первой половине 1370-х годов Радонежского удела и преобразованием села Радонежского в город Радонеж в этом районе начался новый цикл формирования землевладения. Возник сектор княжеских сел (Воздвиженское, Киясовское, Княжее). Сформировался пояс средних и мелких вотчин бояр и вольных слуг (приобретались, видимо, в форме купли с разрешения князя) на периферии волости с худшими условиями для хозяйствования (владения Скобельцыных, В.Б. Копина, Воронца Степанова).

Опираясь на археологические данные о возникновении поселений, удалось определить периоды появления поселений, входивших в эти земельные владения. Оказалось, что княжеские земли в центрах волостей представляют собой группы поселений, наиболее ранние из которых возникли во второй половине XIII – первой половине XIV в. Крупным боярским вотчинам на периферии волостей соответствуют селища второй половины XIV в., т.е. того же времени, что и появление вотчин. Мелким и средним вотчинам на периферии соответствуют поселения, возникшие в последней четверти XIV в. Возможно, эти земли заселялись самими вотчинниками, которые “называли” сюда крестьян.

Владения “слуг под дворским”, по всей видимости, появились в Радонеже в первой половине XIV в., на довотчинном этапе, на ближней периферии волости (владения Дюденевых, переселившихся в Радонеж в 1330-е годы вместе с родителями Сергия Радонежского). Во второй половине XIV–XV в. они структурировались в виде особого пояса земель, лежавших между княжескими и вотчинными зонами.

В отличие от районов, где в период великого княжения Дмитрия Донского и Василия I (1360–1425 гг.) сложились корпорации служилых людей великих московских князей, в Радонеже сформировался круг бояр и вольных слуг князя Владимира Андреевича Серпуховского и его потомков. Этот феодальный организм, являясь частью московского социума, демонстрирует особую модель его развития. На протяжении первой половины XV в. политические ориентиры служилых людей Радонежа менялись (связи с двором кн. Юрия Дмитриевича Звенигородского, переход кн. Василия Ярославича в стан сторонников Василия II, трагедия двора кн. Василия Ярославича в 1462 г.), но они не повторяли ориентиры великокняжеского двора.

Природа закономерностей, которые определяли генезис феодального землевладения и хозяйственного освоения территорий, были совершенно различны. Тем не менее, эти явления развивались не без связи друг с другом. От того, как именно циклы формирования землевладения накладывались на стадии хозяйственного освоения земель, собственно, и зависела модель аграрного и социального развития той или иной территории в эпоху Средневе-

ковья. Поэтому необходимо дать критический обзор тех данных о внутренней колонизации XIII–XV вв., которые были получены благодаря археологическим исследованиям.

Внутренняя колонизация второй половины XIII–XV вв.

Переходя к темам, связанным с расселением и освоением территории, следует напомнить, что те исследования, которые опубликованы к настоящему времени, показывают поразительное разнообразие ландшафтов, стратегий их освоения и хозяйственно-культурных типов, существовавших на Русской равнине в X–XVI вв.

Выделение хронологических пластов поселений второй половины XIII в. (керамика типа Царево – сруб 1 Исторического проезда) и первой половины XIV в. (керамика типа Лешково-2 – сруб 6 Исторического проезда) для периферийных волостей Московского княжества (волости Радонеж, Воря) и его центра (Пехорский стан) показало, что в этот период началось освоение водоразделов на тех участках, которые были удобны для распашки (южные склоны моренных гряд). Поселения вначале группировались вдоль небольших речек у подножия моренных возвышенностей, а затем начинали проникать на водораздел, удаляясь на 200–500 м от рек и ручьев и поднимаясь на высоту до 40 м над уровнем открытых источников воды (рис. VIII). Судя по всему, источником питьевой воды стали ключи. Если в домонгольский период большая часть поселений строилась на плоских приречных террасах, то теперь жилища начали возводить на пологих склонах.

Система земледелия, получившая распространение в XIV–XV вв., позволяла использовать дерново-подзолистые почвы Клинско-Дмитровской гряды, более плодородные, чем почвы, сформировавшиеся на опесчаненных суглинках Приклязьминской равнины. На возвышенности вместо речных террас, характерных для равнины, население встретило пологие склоны, а вместо плоских водоразделов – волнистую местность, расчлененную оврагами. Этим и следует объяснять появление поселений “на пологих холмах”.

Клинско-Дмитровская гряда, пересекающая северное Подмоскovie от Переславля до Волоколамска, осваивалась со второй половины XIII в. чрезвычайно активно. В результате центр тяжести населения постепенно начал сдвигаться из Суздальского Ополя к западу, что способствовало росту доходов и могущества переславских, московских и тверских князей.

Экономическая суть внутренней колонизации состояла в новой технологии хозяйствования, которая вела к быстрому экономическому и демографическому подъему сельских территорий. Процесс этот, как известно, охватил не только славянские

страны, но всю средневековую Европу. На Руси потенциал развития, накопленный в домонгольский период, был столь велик, что на протяжении XIII в., несмотря на последствия Батыева нашествия, процесс внутренней колонизации протекал весьма интенсивно.

На землях бывшей Каролингской империи эта эпоха, известная в археологической литературе как “взлет на холмы”, охватила период с 1050 по 1250 г. и проявилась в беспрецедентном экономическом подъеме и демографическом взрыве. В Западной и Центральной Европе это совпало с установлением прямых торговых связей с Востоком и вывозом сукна, приносившим огромные прибыли. На Руси же он совпал с эпохой изоляции. Волжский и Днепровский пути, на которых выросло богатство Киевской Руси, утратили значение трансконтинентальной коммуникации. Нашествие монголов разорвало нити, связывавшие Русь с Болгарией, Кавказом, Византией и другими странами, образующими восточнохристианскую цивилизацию.

Дальнейшие исследования районов, расположенных в различных ландшафтных зонах и по-разному затронутых экономическим кризисом, вызванным монгольским нашествием, позволят глубже понять экономические и демографические процессы, которые вызвали к жизни новый этап расселения XIII–XIV вв., фиксируемый археологически. Уже сегодня можно полагать, что первые шаги в освоении водоразделов были сделаны в домонгольский период (Суздальское Ополе, погост Жабна в Новгородской земле, участки на водоразделе р. Москвы и р. Пахры и в районе Царевского городища в волости Воря – *Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004. С. 19–34; *Буров*, 1995. С. 48, 49; *Кренке*, 2005; *Чернов*, 1991. С. 126–127). “...Сельское население, – отмечал Н.А. Макаров, – могло изменять стратегию землепользования лишь под давлением серьезных обстоятельств, а распространение инноваций в этих сферах было неизбежным. В качестве возможных факторов, подталкивавших преобразования, можно рассматривать недостаток пахотных земель в традиционно осваиваемых ландшафтных зонах, потребности увеличения пищевых ресурсов в условиях роста населения, неэффективность традиционных систем землепользования, наконец, экологические проблемы” (*Макаров*, 2003. С. 8). Думается, что причины освоения водоразделов и шире – новых ландшафтных зон, а также связанные с этим трансформации в типе расселения, несомненно, связаны с указанными причинами, тем более, что дефицит пищевых ресурсов периодически становился ахиллесовой пятой средневековой экономики и в Западной, и Центральной Европе.

Если новый топографический тип поселения второй половины XIII–XV вв. (селище “на пологих холмах”) был обусловлен новыми технологиями хозяйствования, то ряд черт структуры расселения,

возникшей в XIII–XIV вв., не находит исчерпывающего объяснения в природопользовании.

Наиболее плодородные почвы на Клинско-Дмитровской гряде находились на вершинах водораздельных холмов и имели площадь не менее 100 десятин (примерно 1 кв. км). При системе земледелия с перелогом потребности в земле среднего крестьянского двора (15 десятин в трех полях) могли быть удовлетворены наилучшим образом, если поселение не превышало 5–6 дворов. Селища второй половины XIII–XV вв. (1–4 тыс. кв. м, что соответствует 1–3 дворам) вписываются в эти величины. Впрочем, и селам, которые в XIV в. достигают 20–30 тыс. кв. м, оказывалось достаточно пахотных земель на вершинах холмов. Если бы влияние этого фактора было решающим, то на Приклязьминской равнине, где однородные почвы лежат большими массивами, деревни должны были сложиться более крупными. Однако они имели такие же размеры (2–3 тыс. кв. м), что и на гряде (селища второй половины XIII–XIV в. Алексеевка-5 (у Бахорева болота), Кукарки – бортная деревня села Душенова митрополита Алексея, Царево-2 у Теремьевского омута, Каблуково-2). Точно такие же малодворные поселения господствовали и в районах бортного промысла в Мещере – они просто располагались там более редкой сетью. Селища, идентифицируемые с бортными деревнями 1381–1382 гг. на Пехорке, не выходили за пределы 1–6 тыс. кв. м.

Следовательно, рассредоточенная система расселения со свойственным ей постоянным возникновением все новых и новых малодворных селений, группирующихся вокруг сел, не была жестко задана какой-либо системой хозяйствования.

Имеется ряд наблюдений, которые позволяют рассмотреть вопрос о “социальной составляющей” процессов, протекавших в период сложения этой системы расселения. Кинельская группа поселений второй половины XIII–XV вв., выявленная в долине р. Некушки, судя по актам Троице-Сергиевского монастыря 1460–1480-х годов, идентифицируется с Площевской волостью. Волость наделяла “волостных людей” пустошами, на которых ставился крестьянский двор (АСЭИ. Т. I. № 328, 421, 422, 424). Один такой двор, поставленный Шилом в начале XV в., был найден в ходе археологической разведки. В 50 м от него обнаружили следы поселения, которое дало серию курганных и серых сосудов второй половины XIII–первой четверти XIV в. Итак, Шило получил участок, освоенный за сто лет до того и остававшийся, судя по всему, в ведении распределявшей земельные участки волостной организации с первой четверти XIV в. (Чернов, 1991. С. 112–133).

Как показали сплошные разведки на Пехорке, структура расселения, частью которой являются великокняжеские бортные деревни 1381–1382 гг. (село Пехра и “тянувшие” к ней малодворные селения), сложилась во второй половине XIII–первой

половине XIV в. Несколько ранее (не позднее середины XIII в.) начала складываться группа малодворных селений близ Царевского городища, которая идентифицируется с волостью Воря духовной вел. кн. Ивана Калиты (1336 г.)⁷.

Древнее ядро Радонежской волости составляли шесть поселений, которые, по археологическим данным, возникли в последней четверти XIII–начале XIV в. и идентифицируются с волостью “Радонежское”, которая упоминается в той же духовной грамоте (ДДГ, 1950. С. 8, 9). По сообщению Епифания Премудрого, в конце 1330-х годов великий князь “наместника постави в ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обещаея тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашея мнози” (Житие преподобного..., 1885. С. 34, 35). Из приведенного текста видна роль княжеской власти в развитии “волостной организации” на этом этапе колонизации.

Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что рассредоточенная система расселения каким-то образом была связана с наделением “волостных людей” земельными участками, которые могли в ряде случаев передаваться по наследству.

Описанным выше группам поселений второй половины XIII в. соответствовал тип укрепленного поселения площадью не более 4 тыс. кв. м, который перестает использоваться во второй четверти XIV в. В связи с этим есть основания предполагать, что мы имеем дело с определенным этапом организации княжеской властью системы обложения податного населения.

При интерпретации системы расселения, свойственной описанным выше протоволостям, нельзя совершенно абстрагироваться и от формы обложения. Судя по археологическим данным, начальное развитие “волостной организации” пришлось на эпоху максимального усиления ордынского ига, когда в 1256–1257 гг. татары “изочтоша всю землю Суждалскую и Рязанскую и Моуромскую, и поставиша десятники, сотники, тысуцники, темники” (ПСРЛ. Пг. 1922. Т. XV, вып. 1. Стлб. 320). В этот период была введена система, по которой сбор ордынского “выхода”, осуществлявшийся численниками и контролировавшийся баскаками, основывался на описаниях, проводившихся примерно через 20 лет (второе “число” 1275 г.). Возможно, при такой системе новые поселения, не вошедшие в описание, получали определенные льготы в выплате податей, что могло способствовать их численному росту а, возможно, и закреплению в качестве единицы расселения⁸.

⁷ В XV в. здесь еще сохранялись черные земли (АСЭИ. Т. I. № 595), часть которых (с. Введенское) в 1533–1538 гг. принадлежала Елене Глинской (ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 530. Москва. № 195. Л. 213–214 об.).

⁸ Следует напомнить, что огромное число брошенных в 1570–1612 гг. малодворных селений не было восстановлено потому, что пашня “наездом” в XVII в. облагалась меньшими податями.

Проблемы и перспективы микрорегиональных исследований

Н.А. Макаров в работе, посвященной расселению Белозерья, писал по поводу предложенной выше интерпретации: “Глубокие изменения систем расселения, произошедшие в конце XIII–XIV в., четко прослеживаются по археологическим материалам, но с трудом поддаются исторической интерпретации... Не отвергая эти объяснения, я отмечу лишь, что они никак не увязаны с конкретными материалами, характеризующими хозяйство, потребление и культуру сельских поселений XII–XIII вв. и XIII–XIV вв. Без подобных материалов, а, следовательно, без раскопок средневековых селищ широкими площадями, любые объяснения изменения организации расселения в конце XIII–XIV в. будут оставаться гипотетическими” (Макаров, 2001. С. 225).

С этим мнением нельзя не согласиться. Более того, можно умножить число аргументов, которые заставляют не спешить с попыткой увидеть в “волостной организации” землепользования одну из причин формирования или закрепления дисперсной формы расселения. Так, остается не изученной история домохозяйств, семьи и родства на Руси в период, предшествующий XVII в., между тем как возникновение дисперсной формы расселения малыми деревнями прямо связано с выделением из общего хозяйства и отселением женившихся сыновей⁹.

Подводя итог, следует выделить два аспекта рассмотренной проблемы. Исследованиями северо-восточной и центральной частей Московского княжества установлено, что изменение структуры расселения, наблюдаемое по археологическим данным во второй половине XIII–первой половине XIV в., совпадает по времени с появлением групп поселений, которые с 1330-х годов фиксируются письменными источниками как “волости” и земли служебников московских князей с характерной для них организацией распределения земель. Более того, эти группы поселений собственно и являются пионерами в распространении новых традиций расселения. Поэтому можно говорить о периоде второй половины XIII–первой половины XIV в. как времени сложения структур “волостной” и “служебной” организации на значительных пространствах Московского княжества. Имела ли место связь дисперсной формы расселения малодворными деревнями, “тянущими” к крупным селам, с системой распределения земель, использовавшейся в “волостной организации”, – вопрос, который сегодня не может быть однозначно разрешен.

Таким образом, микрорегиональные исследования способны ставить широкие проблемы и, в ряде случаев, предлагать варианты их решения, которые в дальнейшем могут быть верифицированы. По своей сути углубленное археологическое изучение сельской жизни средневековой Руси стоит довольно близко к целям, которые ставят в плане аграрной истории такие направления, как микроистория и историческая антропология. Их роднит стремление к многоаспектности и так называемому плотному описанию.

Однако имеются и принципиальные расхождения. При попытках сопоставить столь разнородные по своему происхождению источники возникает ряд методических трудностей. Эти трудности обусловлены отнюдь не только тем, что археологические материалы отражают по преимуществу хозяйство и материальную культуру, а письменные свидетельства – социальные отношения. Археологическое и палеоландшафтное видение генезиса исторических территорий адекватно отражает процессы и структуры, существующие во “времени большой длительности” (*la longue duree*), без описания которых невозможно понимание аграрной истории. Однако этот подход не идентичен микроистории в том ее понимании, которому мы обязаны итальянским исследователям 1970–1980-х годов, группировавшимся вокруг журналов “*Quaderni Storici*” и “*La micro-histoire*”, и исследователям гёттингенского Института истории Макса Планка. Лишь историко-географическое и генеалогическое исследование, основанное на актовых и иных письменных свидетельствах, может раскрыть конкретные исторические прецеденты, мотивации и механизмы принятия решений людей в прошлом, без чего невозможно описать функционирование социальных структур.

Эти соображения могут быть проиллюстрированы на материалах по истории и археологии Пехорской бортной волости, располагавшейся к востоку от Москвы. Археологическое исследование демонстрирует на протяжении XV в., особенно с 1460-х годов, расширение распашки, что вело к утрате бортных ухажав. Передача части ухажав (3 тысячи десятин из 8 тысяч десятин общей площади волости) Дмитрием Донским Симонову монастырю в 1381–1382 гг. обострило ситуацию. Письменные известия фиксируют борьбу ведомства дворецкого за возвращение этих земель. В правление Василия II (1425–1463) 2 тысячи десятин было возвращено. Вторая попытка возвращения земель была предпринята в 1460-е годы, однако у монастыря тогда оказался влиятельный челобитчик владыка Геронтий, и Иван III сохранил земли за монастырем. Это решение способствовало тому, что в первой половине XVI в. бортный промысел

⁹ Исследования этих сюжетов, основанные на материалах середины XVIII в., фиксируют патрилинейную семью, которая уходит корнями в местные традиции образования общественных форм (Mitterauer, Каган, 2004. С. 76, 77).

был здесь утрачен (Чернов, 2005а). Таким образом, данные, полученные разными методами, должны быть корректно сопоставлены.

Сопряженное микрорегиональное изучение хозяйственного развития, генезиса культурно-хозяйственных типов и формирования социального ландшафта различных районов средневековой Руси может дать в руки исследователей неоценимые возможности для понимания социальной и политической истории страны в XIII–XVI вв.

Для этого необходимо создание усилиями многих исследователей своего рода “площадок” – территорий, детально изученных и на уровне структур землевладения, и на уровне расселения и природопользования. Это могут быть станы южного Переславля, освещенные троицкими актами начиная с первой четверти XV в., земли на Волге, на пограничье тверского Кашина и Углицкого княжества, Суздальское околородье, окрестности Соли Галицкой, белозерские волости в районе Кириллова монастыря и другие (рис. 2; табл.).

Особенно важно то, что на этих “площадках” могут разрабатываться многие темы и использоваться подходы, характерные для микроистории и предполагающие описание механизмов функционирования средневекового общества с учетом мотивов действий его членов – от корпорации землевладельцев того или иного района, принадлежащих к конкретному княжескому двору, до групп бортников или княжеских министералов (Чернов, 2005а. С. 10–12).

Далеко не исчерпаны возможности изучения экономических и демографических изменений на сельских территориях на протяжении XIII–XVI вв., влияние эпидемий 1350-х, 1420-х годов, 1570 г., переселений и других факторов. Разумеется, для периода Средневековья мы не обладаем такими источниками, как, например, окладные книги, которые позволяют увидеть экономику и демографию населения волости XVIII–XIX вв. во всем многообразии (см., например: Мамсик, 2004). Однако как письменные, так и археологические данные могут быть использованы для статистических расчетов, отражающих хозяйственную конъюнктуру в тот или иной период.

Особое направление, которое может развиваться в рамках микрорегиональных исследований, ведущихся с участием археологов, почвоведов и палеоботаников, – изучение экологии сельского хозяйства XIII–XVI вв. (смыв почв, адаптация тех или иных сельскохозяйственных культур и др.).

Археологические исследования способны выделить локальные традиции природопользования и расселения, погребальной обрядности и ремесла. Все это открывает определенные возможности для исследований, написанных в жанре исторической антропологии¹⁰.

¹⁰ Пример исследования такого рода см.: Культура средневековой Москвы..., 2005. Т. 3. С. 13–28.

Говоря образно, глядя на мир средневекового русского поземельного быта через окна микрорегиональных исследований, мы способны увидеть его весьма явственно и многопланово. Однако эти окна должны быть расположены систематично и обеспечивать обзор возможно более широкой перспективы. Говоря более конкретно, для каждого средневекового русского княжества целесообразна детальная разработка структур землевладения и истории расселения по нескольким группам волостей (станов), обеспеченным письменными свидетельствами XIV–XVI вв. и отражающим территории, где формирование феодального землевладения протекало по разным моделям. В этих микрорайонах возможен выбор более локальных территорий в пределах контрастных ландшафтов, по которым проводится изучение культурно-хозяйственных типов и палеоэкологии.

Микрорегиональные исследования должны избежать целого ряда нежелательных трендов. Любое упрощение исследовательских процедур, а тем более утрата четко поставленных целей, может привести к появлению чисто краеведческих работ. В свою очередь распад на специальные направления (изучение древней растительности, ремесла и сельского хозяйства и т.д.) может привести к распаду целостного видения аграрной истории.

Избежать подобных сценариев можно лишь с помощью создания системы эталонных микрорегионов, отражающих микромиры сельской Руси, на материалах которых можно было бы исследовать разнообразный спектр исторических проблем, который не исчерпывается аграрной историей. Речь идет о создании своего рода микроисторического токамака, через который можно было бы “прогонять” те или иные варианты интерпретаций по широкому кругу тем социальной, экономической и культурной истории России XIII–XVI вв.

Литература

- Алексеев Ю.Г., 1966. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переславский уезд. М.: Л.
- Анкудинов И.Ю., 2007. Историко-географическое изучение Ильменского Поозерья XV–XVII веков // Вестн. РГНФ. № 4 (49).
- АСЭИ. М. Т. 1.
- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М., 2007. Т. 1.
- Блок М., 1986. Апология истории или ремесло историка. М.
- Буров В.А., 1986. К истории сложения волости в земле смоленских кривичей // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. предстоящей научно-практической конференции. Псков.
- Буров В.А., 1989. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI веках по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.
- Буров В.А., 1990. Этапы расселения в междуречье Шлины и Граничной на Валдае в III–XVI вв. и эволюция общины (по материалам Жаровского конца новгородской волости Жабна) // VI Международный конгресс славянской археологии: Тез. докл. советской делегации. М.

- Буров В.А., 1995. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // РА. № 2.
- Веселовский С.Б., 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.
- Гоняный М.И., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII–третьей четверти XIV в. района Куликова поля: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Гоняный М.И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М.
- Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П., 2007. Северная лесостепь бассейна верхнего Дона времени Куликовской битвы. М.
- ДДГ. М., 1950.
- Древнерусская деревня: Археологическое исследование микрорегионов: Тез. докл. М., 1991.
- Житие преподобного... Сергия Чудотворца... // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1885. Т. 58.
- Копанев А.И., 1951. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.
- Кренке Н.А., 2005. “Взлет на холмы”: Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // КСМ ИЛ. М. Т. III.
- Кузьмин С.Л., 1991. Которский погост – локальный центр конца I–начала II тыс. н.э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.
- Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1.
- Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 3.
- Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин древней Руси в XI–XIII веках. М.
- Макаров Н.А., 2001. Древнерусское Белоозеро и некоторые общие вопросы изучения средневекового расселения // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Макаров Н.А., 2003. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. № 1.
- Мамсик Т.С., 2004. Бердская волость по материалам массовой статистики 20-х гг. XIX в. Новосибирск.
- Марасинова Л.М., 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.
- Миттерауер М., Казан А., 2004. Структура семьи в России и в Центральной Европе: сравнительный анализ // Семья, дом и узы родства в истории. СПб.
- Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997.
- ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV, вып. 1.
- Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М.
- Селин А.А., 1993. Сельское расселение в Среднем Поореджье в XVI–XVIII вв. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород.
- Селин А.А., 1998. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: южные уезды Водской пятины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Селин А.А., 2003. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб.
- Село Київської Русі. Київ, 2003.
- Средневековое поселение Настасьино // Тр. ПЭ ИА РАН. М., 2004. Т. 2.
- Фролов А.А., 1998. О локальной истории земель по Верхней Волге // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 12.
- Фролов А.А., 2001. Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Фролов А.А., 2002. Изменения в численности и составе погостов и волостей Деревской пятины во второй половине XV в. // ВМУ. Сер. 8, История. № 1.
- Чернов С.З., 1983. Происхождение вотчин XIV–XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Чернов С.З., 1985. Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России: Межвузовский сборник. Л.
- Чернов С.З., 1987. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М.
- Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.
- Чернов С.З., 1994. Проблемы изучения феодального общества XIV–XV вв. и программа “Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования” // Сословия и государственная власть в России XV – середина XIX в.: Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина: Тез. докл. М. Ч. II.
- Чернов С.З., 1998. Волок Ламский в XIV–первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации // Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования. М. Т. 2.
- Чернов С.З., 2000. Землевладение волости Бели Радонежского уезда // Очерки феодальной России. М. Вып. 4.
- Чернов С.З., 2005а. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 гг. // Культура средневековой Москвы... М. Т. II.
- Чернов С.З., 2005б. Структуры землевладения Великого Московского княжества в XIV–XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований (Волок Ламский, Радонежский удел, московские городские станы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Чернов С.З., 2007. Радонеж: от волости к княжескому уделу (1332–1456). // Древняя Русь. № 4.
- Шекун О.В., Веремейчик Л.М., 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернівці.
- Шполянський С.В., 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишина в Подмоскovie // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
- Янин В.Л., 1977. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М.
- Янин В.Л., 1981. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М.
- Янин В.Л., 1985. К истории взаимоотношения Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России: Межвузовский сборник. Л.
- Янин В.Л., 1998. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.
- Янин В.Л., Бассальго Л.А., 1993. Пусторжевская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. № 5.
- Янин В.Л., Бассальго Л.А., 1995. Великолужская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. № 6.

**СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ
И КОЛОНИЗАЦИЯ**

Территории и археологические памятники, рассматриваемые в статьях сборника, представлены на рисунке I вклейки. В легенде они привязаны к административному делению Руси XIII–XV вв.:

1 – Нижнее течение и устье р. Невы – Новгородская земля (статья П.Е. Сорокина, с. 351–362); 2 – Тесовский погост – Водская пятна Великого Новгорода (статья А.А. Селина, с. 333–350); 3 – погосты по р. Мсте – Деревская пятна Великого Новгорода (статья А.А. Фролова, с. 363–372); 4 – Заонежские погосты – Обонежская пятна Великого Новгорода (статья И.И. Муллонен и Е.В. Ляля, с. 373–379); 5 – волости на Лозско-Азатской озерной системе – центральная часть Белоозерского княжества (статья А.В. Кудряшова, с. 91–100); 6 – Мининский археологический комплекс на Кубенском озере – волость Сяма Ярославского княжества (статья Н.А. Макарова, с. 5–15 и И.Е. Зайцевой, с. 275–287); 7 – Кирилло-Белозерский монастырь (статья И.В. Папина, с. 222–229, Н.Б. Черных и А.А. Карпухина, с. 230–238); 8 – поселение Усть-Шексна – Шехонский удел Ярославского княжества (статья А.А. Молчанова, А.Н. Рыкунова и И.И. Рыкуновой, с. 308–318); 9 – села Пужбол, Шурскол и Согило – Саввинский стан Ростовского княжества (статья А.Е. Леонтьева, с. 74–81); 10 – околгородные станы Суздаля (статья Н.А. Макарова, с. 5–15; А.С. Алешинской, М.Д. Кочановой, Н.А. Макарова, Е.А. Спиридоновой и А.А. Карпухина, с. 127–156, С.В. Шполянского, с. 157–170, А.Н. Федориной, с. 299–307); 11 – волости Радонеж и Воря – северо-восток

Московского княжества и околгородный Пехорский стан (статья С.З. Чернова, с. 16–28); 12 – Троице-Сергиев монастырь (статья А.Л. Александровского, Е.Г. Ершовой, М.Д. Качановой, Ю.А. Лаврушина, Е.А. Спиридоновой, С.З. Чернова и А.В. Энгватовой, с. 187–206); 13 – Введенский монастырь – околгородье Звенигородского удела Московского княжества (статья А.В. Алексева и Ю.Б. Королева, с. 207–221); 14 – Мякининское 1 селище на территории околгородного Горетова стана Московского княжества (статья А.В. Энгватовой и В.Ю. Ковалю, с. 319–330); 15 – село Дьяково – Московское княжество (статья Н.А. Кренке, с. 380–391); 16 – селище Ближнее Константиново-1 – Березопольский стан к югу от г. Нижний Новгород (статья Н.Н. Грибова, с. 253–264); 17 – Гнёздовский археологический комплекс под Смоленском (статья Н.А. Кирьяновой и Т.А. Пушкиной, с. 171–176); 18 – Овручская волость – Киевское княжество (статья А.П. Томашевского, с. 50–73, С.В. Павленко, с. 241–252); 19 – центральная часть Черниговского княжества (статья В.М. Веремейчик, с. 82–90); 20 – центральная часть Елецкого удела – Новосильское княжество (статья Н.А. Тропина, с. 108–124); 21 – область Червленый Яр (статья М.В. Цыбина, с. 101–107); 22 – селища Измерское и Семеновское к северу от Болгара в Волжской Булгарии (статья С.И. Валиулиной, с. 288–298).

Карта составлена И.Н. Кузиной, В.А. Кулишовым, В.А. Сафроновой, И.Ю. Стрикаловым, О.Е. Тесленко, С.З. Черновым.

Новое открытие средневековой фермы: Недавние археологические исследования в Западной Норвегии

В Норвегии средневековая археология в течение долгого времени оставалась более или менее синонимом городской археологии. Сельские поселения и сельский уклад жизни как объект изучения были по преимуществу отданы историкам. В последнее время эта тенденция изменилась. В течение последнего десятилетия несколько археологических исследований (докторские диссертации и проекты, включая магистерские диссертации) привели к новому взгляду на крестьянское общество и землепользование в Средние века – фермерство, экономику сельского хозяйства, включая использование окружающих земель и социальные аспекты землевладения. Здесь я сосредоточусь на некоторых из этих проектов и на значении их результатов, касающихся хозяйствования и расселения, землепользования, структуры крестьянского хозяйства и сельскохозяйственных методов. Хотя они имеют отношение по преимуществу к Западной Норвегии, вопросы и ответы, полученные в этом регионе, могут представлять общий интерес, как с эмпирической, так и с методологической точек зрения.

Теоретические и методологические основания

Традиционно в основе всех теоретических и методологических построений норвежских аграрных исторических исследований лежит предположение о высокой степени преемственности в развитии структуры крестьянского общества, основанного на натуральном хозяйстве, ведущемся обособленными разбросанными фермами. Ретроспективный, или регрессивный, метод, использующий более поздние и богатые источники, для того чтобы пролить свет на более ранние и менее документированные обстоятельства, таким образом, рассматривался как особенно подходящий в Норвегии. Сильна также традиция использования географических наименований при датировании доисторических и средневековых сельских поселений, когда определенные типы или классы названий используются для датирования доисторических ферм ранним или поздним железным веком или Средневековьем. Развитие ферм по большей части рассмат-

ривается как общая эволюция от более крупных образований к более мелким, что обусловлено демографическими и экономическими переменами. Кроме того, часто подчеркивается личная свобода средневековых норвежских крестьян; не существовало резких различий между арендаторами и собственниками в юридических и экономических вопросах – утверждение, поставленное под сомнение в некоторых недавних исследованиях, как исторических, так и археологических (Iversen T., 1995; 1996; 1997; Skre, 1998; Iversen F., 1999; 2004).

В то время как историки делают акцент на преемственности, археологические исследования средневековых сельских поселений традиционно фокусируются на отклонениях и перерывах в их развитии. Изучаются по преимуществу заброшенные и скорее всего неприбыльные маленькие одиночные фермы, большая часть которых расположена на юго-западе и западе Норвегии (Petersen, 1933; 1936; Myhre, 1980; Kaland, 1979; Randers, 1981). Исследование жилых холмов в северной Норвегии, обнаружившее сильную преемственность в заселении, может быть исключением (Bertelsen and Lamb, 1995). До 1970-х годов археологические исследования сосредоточивались в основном на конструкциях домов и расположении построек ферм (Petersen, 1933; 1936; Myhre, 1980; Skre, 1996); меньшее внимание уделялось фермерским угодьям как таковым (Remneseth, 1975; Myhre, 1985). Однако возникший в последнее время интерес к экологическим процессам потребовал более тесного сотрудничества между археологами и представителями естественных наук, результатом чего стало изучение сельскохозяйственной округи, а также использования и объемов природных богатств (Kaland, 1979; 1986; 1987; Randers, 1981; Kvamme, 1982). Обычно социальным аспектам и контексту придается второстепенное значение, и мало внимания уделяется анализу исторических данных, таких как налоговые реестры, письменные свидетельства и т.п., и тому, как они могут быть ретроспективно применены к археологическому контексту. Однако в некоторых недавних археологических исследованиях рассматриваются и эти аспекты и методы (Skre, 1998; Iversen F., 1999; 2004).

Новые археологические исследования ферм в районе Западной Норвегии демонстрируют новые

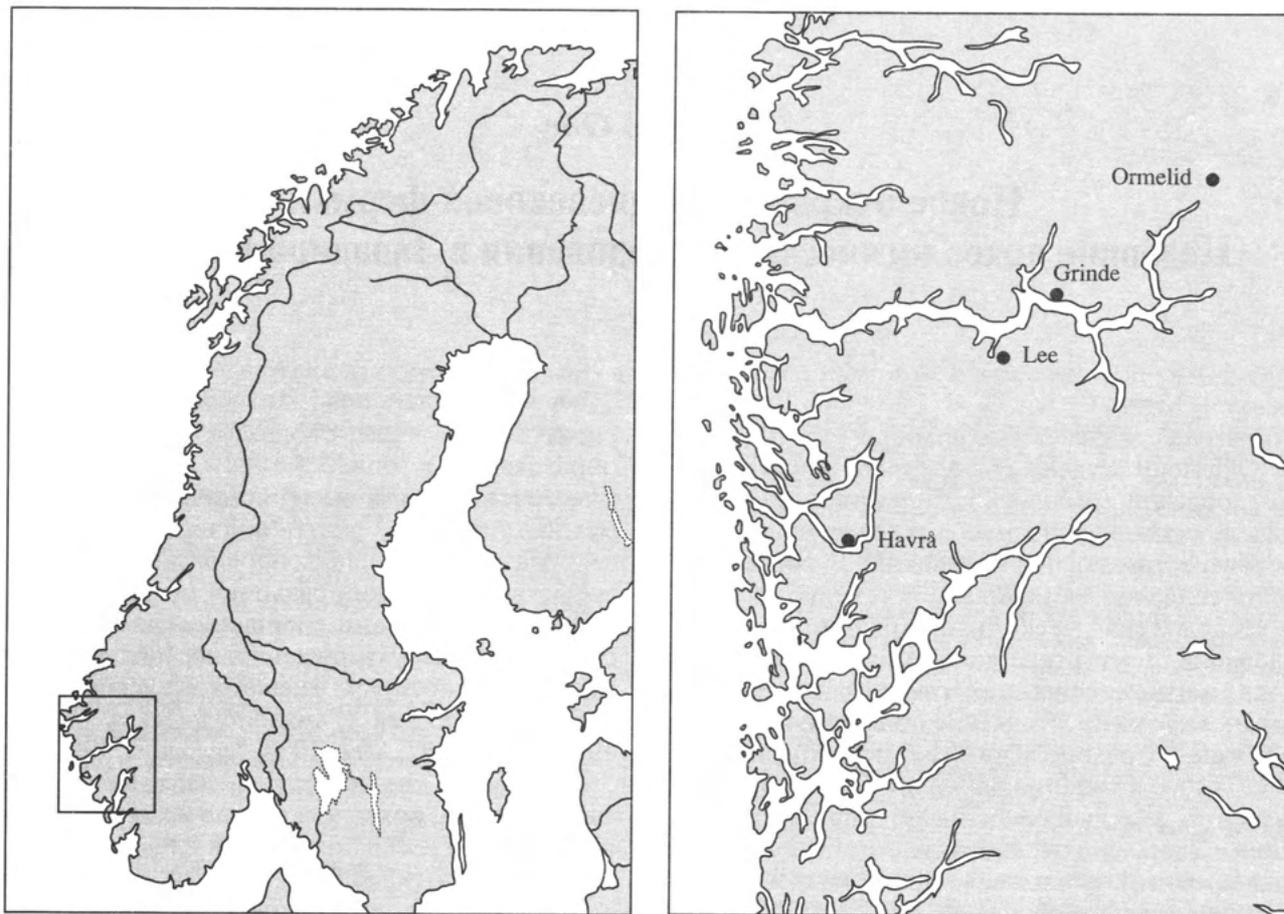

Рис. 1. Фермы Гавра, Гринд, Ли и Ормелид на карте Западной Норвегии

подходы к их археологическому изучению. В то время как традиционный подход заключается в изучении в основном незначительных *заброшенных* ферм, с особым упором на жилые постройки, новым для археологии стало обращение также к более состоятельным и сложным типам ферм и территориям освоения природных ресурсов, которые дают более полное представление о средневековых и более ранних фермах в целом. По этой причине новые исследования осуществлялись на все еще функционирующих фермах или тех, которые использовались до недавнего времени. Кроме того, их фокус сместился с районов расселения и остатков домов на прилегающие к фермам земли и их использование. Изучались различные типы ландшафтов, которым соответствуют различные типы ферм средневекового периода и раннего Нового времени: одиночные фермы, фермы с несколькими земельными участками, как отдельными, так и объединенными.

Одним из главных направлений исследований является сельское хозяйство и системы его ведения. Соответственно, исследования сосредоточиваются на аграрном ландшафте как таковом – территориях ферм, как внутренних, так и прилежащих, включая горные пастбища, где строились сезонно обитаемые жилые сооружения и укрытия для скота, – так называемая система *seter* (древнескан-

динавск. *scetr*), идентичных британским шилингам¹. Одним из неперенных теоретических и методологических условий является то, что остатки различных времен и сооружения различных возрастов до сих пор сохраняются и различимы в ландшафте, как на поверхности земли, так и под ней. Это часто бывает справедливо для более или менее вертикальных ландшафтов Западной Норвегии, но не всегда – для лучших фермерских земель, которые радикально преобразованы современными сельскохозяйственными методами. И все-таки сохранились еще “островки” законсервированных аграрных сооружений, таких как линчеты², навалы камней, образовавшиеся при расчистке полей (*clearance cairn*), изгороди, остатки домов, которые несут важную информацию (рис. XII).

Поскольку средневековая археология является исторической дисциплиной, принимались во внимание все относящиеся к теме источники того периода, а также письменные свидетельства раннего

¹ Shieling – шилинг, название летних пастбищ вдали от основной фермы, использующихся во время летних месяцев в Шотландии (Мир: страны, народы, достопримечательности, 1999).

² Термин, используемый в Англии для обозначения небольших террас на склоне холма, созданных, возможно, еще в доисторические времена (Мир: страны, народы, достопримечательности, 1999).

Нового времени, ставшие основой для поиска и отображения на карте более древних аграрных структур и для выбора объекта археологических раскопок. Последние проводились в небольших масштабах, с помощью траншей, в профилях которых можно проследить стратиграфию. Исследуя подобные структуры в разных зонах в пределах ферм, можно составить представление об использовании земель на более обширных территориях. Конечной целью было выяснение вопроса о стабильности или переменах, но без отдания заранее предпочтения стабильности.

Кратко представлю методологические подходы и некоторые из результатов конкретных археологических исследований, проводившихся в Западной Норвегии и к настоящему времени уже завершённых. Сейчас в этом регионе также осуществляются несколько проектов, цель которых – получение еще более полного представления о многообразном сельском ландшафте и землепользовании (*Lia*, in prep; *Zehetner*, in prep; *Dahle*, in prep; *Olsen*, in prep; *Sivertsen*, in prep) (рис. 1).

Конкретные исследования

Конкретные исследования, о которых здесь говорится, затронули пять ферм. Четыре из них стали частью междисциплинарного исследовательского проекта, в рамках которого изучалась традиционная западнонорвежская ферма, – *Vestlandsgardsprosjektet* (1995–1998), – результаты которого недавно были опубликованы (*Austad, Øye et al.*, 2001; *Øye*, 2002). К ним я добавлю также пятую ферму – Крокен (*Kroken*), которую исследовали несколькими годами позже (*Stang*, 2003). Во многих отношениях методы и подходы, использованные в “*Vestlandsgardsprosjektet*”, применяются также в проводимых ныне исследованиях, однако в усовершенствованном и перестроенном в соответствии с их специальными целями виде.

Исследуемые районы включают в себя фермы, расположенные в различных географических зонах – от прибрежных до удаленных от моря районов, – на разных высотах, с разными условиями существования, зависящими от ресурсов, территорий, расположения, поселенческой структуры и статуса: три из них находятся в районе фьордов, а две – в горной местности Западной Норвегии.

В районе фьордов расположены фермы *Havra* в графстве *Hordaland* (*Julshamn*, 1998; *Øye*, 2002), а также *Grinde* (*Bade*, in prep; *Øye*, 2002) и *Kroken* (*Stang*, 2003) в графствах *Sogn* и *Fjordane*. Территории ферм *Хавра* и *Гринде* простираются от моря до гор, а ядра их обитания находятся на высоте от 75 до 100 м над уровнем моря. *Хавра* имеет средние, по меркам Западной Норвегии, размеры (рис. XIII). Территория фермы тянется приблизительно до 500 м над уровнем моря. *Гринде* больше, она расположена на террасе в устье долины. Боковые долины

также входят в территорию фермы. Ферма имеет доступ к богатым горным пастбищам и шилингам на высокогорных пастбищах на высоте приблизительно от 400 до 1000 м над уровнем моря. Обе фермы были подразделены на несколько земельных владений, с общей жилой зоной, представляющей собой группу разнообразных построек на фермерской усадьбе, – *tun* (этимологически соответствует ‘town’). Будучи средневековой жилой центральной фермой, принадлежащей знатному роду, Крокен имел большие размеры и более сложную структуру, чем *Хавра* и *Гринде*, и впоследствии был разделен на четыре самостоятельные фермы. Общая площадь фермы тянулась на несколько километров от центральных полей рядом с фьордом до высоты ок. 600 м над уровнем моря; ферме принадлежали богатые горные пастбища и несколько шилингов на высоте до 820 м над уровнем моря. И в *Гринде*, и в *Крокене* большая часть полей обрабатывалась современными земледельцами, поэтому сохранились нетронутыми лишь небольшие “островки” древних сооружений.

Обе горные фермы расположены в районе *Sogn*: *Lee* (*Valvik*, 1998; *Øye*, 2002) – в районе средней части фьорда, а *Ormelid* (*Åstveit*, 1998; *Øye*, 2002) – у самой углубленной в сушу части *Согне-фьорда* (*Sognefjord*). *Ормелид* находится на большой высоте, в долине у перевала между *Sogn* и восточной частью страны. Ферма разделена на два земельных владения, расположенных на двух террасах, с отдельными поселениями, а также полями (*infields*). Исследовался верхний из двух земельных участков, на высоте 450 м над уровнем моря (рис. XIV). С обоих участков имелся доступ к обширным горным территориям с тремя шилингами, расположенным на разных уровнях (до 1100 м над уровнем моря) и используемым весной, летом и осенью.

Как и *Ормелид*, *Ли* расположена на плато, приблизительно в 300 м над уровнем моря, с богатыми плодородными почвами и благоприятными условиями для растительности (рис. XV). В течение исторического времени это была сложная ферма, состоявшая из нескольких земельных владений со своими усадьбами в общей жилой зоне, *tun*, которая была разделена в конце XIX в. Ее *seter* расположен приблизительно в 800 м над уровнем моря и в часе ходьбы от фермы.

Таким образом, археологическими исследованиями оказались охвачены различные типы ферм в разных географических зонах, на разных высотных отметках, с различными природными условиями. Это предоставляет возможность сравнения ферм, имеющих разные размеры и организацию в зависимости от доступа к разнообразным природным ресурсам.

Четыре фермы идентифицируются как средневековые по литературным источникам, возможно, они восходят еще к железному веку, в соответствии с традиционными критериями, выработанными в рамках норвежского исследовательского проекта

Deserted Farms and Villages (1969–1978) (Sandnes, Salvesen, 1978). С другой стороны, первое письменное упоминание об Ормелид относится к концу XVI–началу XVII в., но она была предположительно отнесена к средневековым фермам, в соответствии с традиционными критериями, применяемыми историками. Три из ферм не содержали археологических остатков в виде погребальных холмов, которые могли бы подтвердить их доисторическое происхождение, в то время как на двух более крупных – Крокен и Гринде – обнаружено несколько погребальных холмов.

Основания и методы

Главной целью этих археологических исследований было получение представления о сельскохозяйственном развитии данного района Западной Норвегии. Сравнительное изучение разных типов поселений в различных географических районах дает более широкие основания для выводов, чем более ранние исследования в этой области. Общий способ представления проблем и совместимая методология являлись предпосылками для такого сравнения.

Исследования были сосредоточены на аграрном ландшафте как таковом – на всех ресурсах фермы, как полях, так и округе, включая горные пастбища и сезонные летние сельскохозяйственные занятия. Археологический проект предполагал изучение способов обработки почв и методов их эксплуатации, но также и развитие используемых при этом исследовательских методов. Одной из целей было выявление самых ранних археологических следов сельскохозяйственных занятий на ферме. С какой целью и какими способами использовались эти территории? Каковы были сельскохозяйственная структура этих ферм, а также принципы и методы обработки почв? Таким образом, связь между обрабатываемыми полями и округой, между пашнями и пастбищами, была центральным объектом исследования. Рассматривался также вопрос стабильности или изменчивости производства и поселенческой структуры. И, наконец, следующий: когда эти фермы были основаны в качестве постоянного поселения и производящей единицы?

Поскольку эти фермы не слишком пострадали от современной механизированной сельскохозяйственной техники, старые сельскохозяйственные сооружения еще сохранились в аграрном ландшафте, направляя археологические исследования и предоставляя главный материал для них. Следовательно, важным предварительным условием исследований является сохранность этих остатков – таких как линчеты, изгороди, расчищенные поляны, навалы камней и др. – и возможность их проследить, что гораздо реже можно сделать в других частях страны, с лучшими условиями для пахотного земледелия. Ландшафты обследовались с целью обнаружения законсервированных следов аграрных

сооружений – искусственно построенных сельскохозяйственных террас, пирамид из камней (*clearance cairns*), изгородей и заборов, прогонов для крупного рогатого скота и других материальных остатков сельскохозяйственной деятельности. Различные сооружения и слои также представляют разные временные уровни в ландшафте, как на поверхности, так и под землей. Поэтому датирование радиоуглеродным методом очень важно, поскольку дает возможность обсуждать вопросы о прерывности или непрерывности землепользования, а также о принципах обработки почв и методах эксплуатации.

Исследования заключались в осмотре, картировании, раскопках, анализе, датировании, интерпретации и осмыслении этих сооружений в общем контексте их территорий. Для идентификации старых полей и других аграрных остатков использовались старые топонимы, устная традиция и письменные свидетельства. На старой карте одной из ферм, сделанной до ее разделения в конце XIX в., видна группа домов с разбросанными вокруг них участками (рис. XVI). Она оказала большую помощь при интерпретации средневекового и доисторического ландшафта.

Рассматриваемые в историческом контексте, территории ферм, как представляется, устраивались с учетом близости от жилья: ближе всего к поселениям располагались приусадебные поля, а пастбища находились в более отдаленных районах. Таким образом, территория фермы была разделена на концентрические зоны вокруг поселения или, скорее, на вертикальные уровни в соответствии с высотой: (зона 1) приусадебная территория (*home fields*) с распаханной землей и лугами; (зона 2) ближние прилегающие земли с лугами, лесами и т.п.; (зона 3) ближние шилинги и более отдаленная округа; (зона 4) горные районы с шпинтами, охотничьи угодья и т.п. (рис. 2). В че-

Рис. 2. Деление территорий ферм на хозяйственные зоны

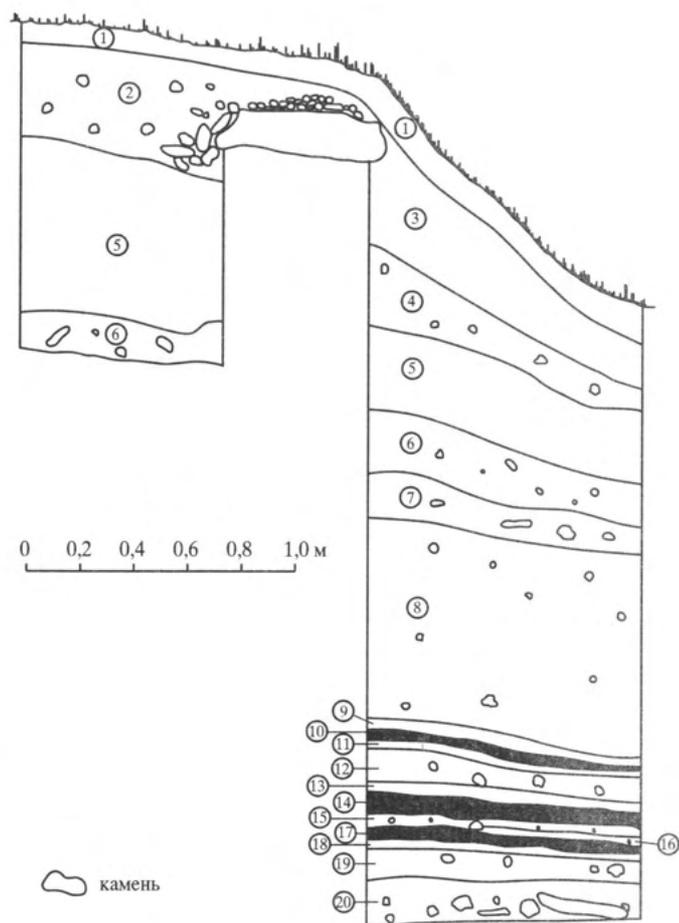
тырех этих зонах результаты человеческого труда становятся все менее и менее заметными по мере увеличения расстояния от обжитого центра, но отдаленные зоны были, возможно, не менее важны как источник средств существования.

Это деление на зоны, однако, не является окончательным и застывшим. Такой подход использован в качестве аналитического инструмента, позволяющего оценить и сравнить протяженность и характер использования пространства в различных районах в разные времена. Для того чтобы проследить изменения в способах эксплуатации, как в пространстве, так и во времени, каждая из этих зон должна быть изучена археологически.

Результаты

Была установлена высокая степень преемственности основных сооружений. Оказалось, что даже фермы, которые традиционно считались незначительными и средневековыми или постсредневековыми, как, например, Ормелид, использовались и в более ранние периоды – в раннем железном веке или даже в еще более отдаленные времена. Несмотря на преемственность, очевидны также изменения в функциональном назначении земель и сельскохозяйственных методах. Различные стратиграфические слои сохранившихся старых искусственных земледельческих террас, их состав и мощность, которые позволили изучить профили раскопанных траншей, демонстрируют различные системы производства и изменения в таких системах на протяжении длительного отрезка времени.

На территориях всех ферм в переходный период от позднего неолита к бронзовому веку (ок. 2400–1500 гг. до н. э.) имела место систематическая расчистка лесов. В Хавре и Ли древнейшие ее следы обнаружены в зоне 1 – районе позднейших приусадебных полей (*home fields*). И в Крокене, и в Ормелид самые древние свидетельства земледелия получены в зоне 2. На территориях других ферм эти внешние зоны были впервые освоены в течение бронзового века (1500–500 гг. до н. э.), но в самом начале этого периода, за исключением Гринде, где это произошло позже, в позднем бронзовом веке. Лиственные леса в этих районах сжигали и расчищали для устройства пастбищ. Свидетельства возделывания почв также относятся к этому, переходному от позднего неолита к раннему бронзовому веку, периоду. Все следы пахотного земледелия пространственно связаны с зоной 1 и с переходом ее в зону 2 – территориями, которые позже, как доказано, были обрабатываемыми полями (*infields*). Самые ранние следы на настоящее время обнаружены на высокогорной ферме Ли. На другой горной ферме, Ормелид, следы обработки почв более поздние, чем на других фермах, и датируются поздним бронзовым веком.

Рис. 3. Профиль одного из раскопов на землях фермы Ли

Несколько тонких прослоек, содержащих уголь (слои 10, 14 и 17), интерпретируются как следы подсечно-земледелия. Интенсивная культивация участка выражена более мощными прослойками

1 – дерн; 2 – темно-коричневый слой с мелкими камнями и включениями угля; 3 – темно-коричневый слой практически без камней и с включениями угля; 4 – темно-коричневый слой с отдельными мелкими камнями и редкими включениями угля; 5 – темно-коричневый слой практически без камней и с включениями угля; 6 – коричневый слой с кусками сланца и включениями угля; 7 – темно-коричневый слой с большими обломками сланца; насыщен углем; 8 – коричневый слой с небольшим количеством камней и включениями угля; 9 – светло-коричневый слой (погребенный дерн) и супесь; 10 – черный углистый слой с мелкими фрагментами угля; 11 – светло-коричневый слой (погребенный дерн) и супесь; 12 – желто-коричневая супесь с небольшим количеством угля и мелких камней; 13 – серо-коричневый слой с несколькими камнями; 14 – черный углистый слой с мелкими фрагментами угля; 15 – светло-коричневая супесь с небольшим количеством мелких камней; 16 – красно-рыжий песок и гравий; 17 – черный углистый слой с большими фрагментами угля; 18 – серая супесь; 19 – темно-серая супесь с небольшим количеством мелких камней (на дне слоя меньше камней и больше фрагментов угля); 20 – серо-желтый стерильный слой (материк)

Слои демонстрируют смену экстенсивного метода эксплуатации земли, основанного на различных типах ротации почв, в том числе с помощью подсечно-огневых методов, с оставляемыми под паром участками, более интенсивной формой земледелия, без перерывов в обработке (рис. 3). Интенсивная

Рис. 4. Вид на усадьбу Ормелид с одного из летних пастбищ фермы

культивация проявляется и идентифицируется в виде более мощных слоев культурной почвы, в которых земля сильно переработана вследствие регулярных перекопок и внесения удобрений (возможно, навоза и других полезных добавок к почвам, вроде домашних отходов, торфа и др.). На всех фермах подобные слои датируются доримским (500–0 гг. до н.э.) и римским (0–400 гг. н.э.) периодами. Их структура свидетельствует о том, что эти участки земли использовались более или менее непрерывно, без заметных пауз в обработке. В то же время, для системы сельскохозяйственного производства необходимы были вокруг расчищенных от леса и обрабатываемых участков свободные площади для пастбищ и, возможно, охоты.

Создается впечатление, что в позднем железном веке (ок. 600–1000 гг.) и раннем Средневековье (ок. 1000–1150 гг.) имело место новое расширение пахотных земель. Это расширение коснулось и горных пастбищ, а также устройства шилингов. Система *seter* позволяла содержать большее количество скота, чем земли собственно фермы. На всех фермах шилинги и системы *seter* можно датировать поздним железным веком, в Ли – возможно, римским периодом, что также является результатом археологического изучения другого *seter*-комплекса в этом регионе (Skrede, 2002). Шилинги, принадлежащие Крокену, датируются периодом Великого

переселения народов (ок. 400–600 гг. н. э.) (Stang, 2003. P. 124). В Ормелид было два, а в Гринде – три взаимосвязанных *seter* на разных высотных отметках, так что скот могли переводить все выше, по мере того как туда продвигалось лето (Øye, 2002. P. 54–61) (рис. 4). Археологические результаты “Vestlandsgardprosjektet” в некоторой степени были подтверждены также данными спорово-пыльцевого анализа, которые отчасти дополнили археологические результаты, отчасти совпали с ними.

Так были ли эти фермы ровесницами установленных следов обработки почв, или эти следы связаны с другими способами обитания и производства, например ротационным земледелием и полукочевым образом жизни? Представление о ферме в большой степени связано с постоянным проживанием, регулярным и стабильным хозяйствованием на ограниченной и определенной территории. Поскольку исследованию подвергались лишь эти территории как таковые, а не фермерские усадьбы и не места поселений, то свидетельства тому – лишь косвенные, но есть также и отдельные непосредственные приметы оседлой жизни и постоянной обработки земли. Постоянно обрабатываемые пахотные поля, существование которых подтверждают линчеты, мощные слои культурной, интенсивно перерабатываемой и удобряемой почвы, искусственные террасы считаются индикаторами

существования в непосредственной близости постоянного поселения, так же как пашни обычно указывают на местоположение фермерской усадьбы. Кроме того, следует принимать во внимание топографию и состояние почв, поскольку они часто образуют естественные границы и определяют возможности пахотного земледелия в этой части страны. Прогоны для скота и остатки домов, с другой стороны, считаются прямыми доказательствами существования поселения.

В целом, имеются явные свидетельства непрерывного существования исследованных памятников, возможно в рамках ферм, начиная по меньшей мере с раннего железного века. Самые древние из них, относящиеся к доримскому периоду, обнаружены в Гринде и Ли. В Крокене, Хавре и Ормелид такие следы приблизительно на 100 лет младше. В Хавре и прогоны для скота, и искусственные земледельческие террасы датируются римским периодом. В Крокене интенсивно обрабатываемые участки указывают на существование постоянного поселения самое позднее в раннеримский период, а непрерывность существования памятника подкрепляется погребальными холмами позднеримского периода. На двух второстепенных фермах в Крокене – Ловен и Линггерде (*Loven* и *Lingjerde*), – которые в соответствии с традиционными критериями датирования должны быть отнесены к развитию Средневековью (ок. 1150–1350 гг.) и раннему Новому времени соответственно, обнаружены следы обработки земли и, возможно, также поселения, относящиеся к раннему железному веку. Это свидетельствует о том, что фермы часто создавались на месте старых ферм и на уже расчищенных пространствах, а не на целине.

В позднем железном веке и раннем Средневековье, похоже, имело место новое расширение пахотных земель. Оно сопровождалось расширением пастбищ в горах и созданием новых шилингов, что свидетельствует о важности животноводства и о том, что животноводство было дополнением к земледелию. Остатки домов, расположенных в разных местах в горах, датируются ранним и развитым Средневековьем. Смена функционального назначения зон в процессе их использования свидетельствует о динамизме и гибкости в освоении ландшафта. Во временной перспективе становится ясно, что отношения между ближней и дальней сельскохозяйственной округой менялись, не представляя собой закрытой и застывшей системы (Øye, 2003).

Одна из ферм, Ли, как представляется, пострадала во время аграрного кризиса в позднем Средневековье и была покинута после эпидемии чумы, но в XVII в. была восстановлена. То же можно было бы сказать и об Ормелид, если руководствоваться традиционными критериями, но археологически устанавливаются признаки обработки земли на ее территории в XV в. Фермы, расположенные ниже, – Гринде, Крокен и Хавра, – устояли во время позднесредневекового аграрного кризиса.

Выводы

В целом эти исследования позволили по-новому взглянуть не только на сельскохозяйственный, но и на социальный ландшафт, равно как и на датировку следов сельскохозяйственного производства и сельских поселений. Исследования показали, что фермы, возможно, имеют гораздо более длительную историю, чем это признавалось до сих пор. Даже расположенные на больших высотах фермы, которые ранее считались выморочными и довольно молодыми, оказались столь же древними, как и фермы, имеющие большие пахотные площади и расположенные ближе к фьорду. Это может иметь важное значение для оценки темпов роста и распространения поселений, особенно в эпоху викингов (ок. 800–1000 гг.) и в раннем Средневековье, – и, следовательно, оценки положения крестьян. Расчистка земель на более ранней стадии может свидетельствовать о более активном использовании земельных ресурсов, и, соответственно, расширение их в эпоху викингов и раннее Средневековье может оказаться переоцененным.

В методологическом отношении исследования показали, что традиционные критерии датирования происхождения ферм и их исторического развития неудовлетворительны. Название только одной из исследованных ферм, Ли, первоначально содержащее суффикс *-v/l*, связано с классами датированных наименований доисторических ферм. Археологические результаты, полученные в Ли, свидетельствуют, однако, о более длительном ее сельскохозяйственном использовании, начавшемся еще в доримский период. Сельскохозяйственная деятельность на ней и, косвенно, также поселение, таким образом, видимо, появились ранее, чем это предполагает традиционное датирование *-w l*-названий. Наименования других ферм подобным образом не датируются, но такие названия, как Крокен, Гринде и Ормелид, кажутся более молодыми, чем это предполагают археологические свидетельства. Следовательно, нельзя исключать изменения названий. Ормелид, например, на более ранней стадии, возможно, называлась *Lid* (Øye, 2002. P. 28). Исследования, однако, показали, что топонимическая хронология вовсе не так надежна и должна рассматриваться критически и сравниваться с археологическими данными.

Только дальнейшие археологические исследования в норвежской сельской местности могут показать, насколько характерны эти тенденции для всего региона и других частей страны. В Западной Норвегии археологические возможности для таких исследований, вероятно, шире, чем в других районах, из-за ломаной топографии, которая ограничивает сельскохозяйственные площади. Но даже в других регионах комплексное использование археологических и письменных

источников, а также позднейших сооружений, предоставляет потенциальные возможности для осмысления ландшафта и его составляющих с точки зрения землепользования и социальной организации.

Заклучение

Суммируя изложенное, следует сказать, что на всех пяти фермах следы сельскохозяйственной деятельности оказались гораздо более древними, чем считалось ранее, и датируются начиная с переходного от позднего неолита к раннему бронзовому веку периодом. Однако с помощью используемых методов и скурых данных радиоуглеродного датирования трудно доказать, что эти площади использовались непрерывно. Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов, взятых на одной из ферм, Хавре, в основном согласуются с археологическими результатами и подтверждают их, демонстрируя стабильность и непрерывность эксплуатации почв, но различными методами в разные периоды – от экстенсивных периодических способов обработки до более интенсифицированных техник. На других фермах, *возможно*, были перерывы в производстве, и, следовательно, в функционировании поселений, наиболее отчетливо прослеживаемые в позднесредневековой Ли.

Рассматриваемые с археологической точки зрения, результаты исследования этих ферм вовсе не кажутся такими удивительными. В некоторых аспектах они вписываются в общее представление об аграрном развитии этой части страны, начавшемся в позднем неолите, которое смогли в последние годы составить археологи. Но это представление основано на исследовании более мелких и разрозненных памятников и не принимает в расчет территории древних ферм. Кроме того, считавшиеся ранее незначительными и довольно молодыми высокогорные фермы Ли и Ормелид оказались такими же древними, как и фермы с более обширными пахотными землями и расположенные ближе к фьорду. Таким образом, новым в описанных проектах стало определение пространственной структуры исторической фермы и оценка аграрного развития на протяжении длинного отрезка времени, как в пространственном, так и во временном отношении. Пока можно сказать, что археологи и историки, возможно, недооценили возраст и непрерывность занятий сельским хозяйством и постоянных поселений.

Литература

Austad Ingvild, Øye Ingvild et al., 2001. Den tradisjonelle vestlandsgården som kulturbiologisk system // Kulturminner og miljø, Forskning i grenseland mellom natur og kultur. Oslo.

Bade Rolf (in prep.). En agrararkeologisk punktundersøkelse av Grinde i Leikanger, Sogn og Fjordane: Unfinished MA-thesis in archaeology. University of Bergen.

Bertelsen Reidar and R. Lamb, 1995. Settlement Mounds in the North Atlantic // Sentrale temaer i nordnorsk mellomalder arkeologi. Stensilerie B. Tromsø. N 34.

Dahle Kristoffer (in prep.). Bruk og forvaltning av utmarken. Arkeologiske undersøkelser i et utmarksområde i Romsdal: Unfinished MA-thesis in archaeology. University of Bergen.

Iversen Frode, 1999. Var middelalderens lendmannsgårder kjerner i eldre godssamlinger? En analyse av romlig organisering av graver og eiendomsstruktur i Hordaland og Sogn og Fjordane // Arkeologiske avhandlinger og rapporter fra Universitetet i Bergen. Bergen. Bind 4.

Iversen Frode, 2004. Eiendom, makt og statsdannelse. Kongsgårder og gods i Hordaland i yngre jernalder og middelalder: Doctoral thesis in archaeology. University of Bergen.

Iversen, Tore, 1995. Framveksten av det norske leilendingsvesenet i middelalderen – en forklaringskisse. Trondheim. Heimen bd. 32.

Iversen Tore, 1996. Jordleie, patroner og klienter før høymiddelalderens leilendingsvesen i Norge. Heimen 2.

Iversen Tore, 1999. Til diskusjonen om det tidlige leilendingsvesenet. Svar til Knut Dorum. Heimen 2-1999.

Julshamm Linda, 1998. Havrå – fra fjorden til fjellet. En arkeologisk punktundersøkelse av gården Havrå, Osterøy, Hordaland: Unpublished MA-thesis in archaeology. University of Bergen.

Kaland, Sigrid H.H., 1979. Lurekalven, en lynchegård fra vikingtid/middelalder // På leiting etter den eldste garden: Nye metoder i studie av tidlig norsk bosettingshistorie / Eds. Fladby and Sandnes. Oslo.

Kaland, Sigrid H.H., 1986. Middelaldergårder ved Bergen, arkeologisk belyst // Kjøpstad og rikssentrum. Onsdagskvelder i Bryggens Museum II. Bergen.

Kaland, Sigrid H.H., 1987. Viking/Medieval Settlement in the Heathland Area of Nordhordland. Universitetets Oldsaksamlings skrifter. Nye rekke nr. 9. Proceedings of the Tenth Viking Congress. Oslo.

Kvamme Mons, 1982. En vegetasjonshistorisk undersøkelse av kulturlandskapets utvikling på Lurekalven Lindås hd. Hordaland: Master thesis in botany. University of Bergen.

Lia Vibeke (in prep.). Urnes: Kulturen i landskapet. Stedene og rommet, Unfinished MA-thesis in archaeology, University of Bergen.

Mathisen Pål (in prep.). Gård, gods og grav på Giske og sunnmørsøyene i Borgund. Et forsøk på identifisering av stormanns/lendmannsgod fra jernalder og middelalder: Unfinished MA-thesis in archaeology, University of Bergen.

Myhre Bjørn, 1980. Gårdsanlegget på Ullandhaug I. Gårdshus i jernalder og tidlig middelalder i Sørvest-Norge. AmS-Skrifter 4. Stavanger.

Myhre Bjørn, 1985. Arable Fields and Farm Structure. Archaeology and Environment. Umeå. 4.

Olsen Dag Erik, (in prep.). Gard, støl og utmark i Jondal. MA-thesis in archaeology, University of Bergen.

Petersen Jan, 1933. Gamle gårdsanlegg i Rogaland // Fra forhistorisk tid til middelalder, utg. av Institutt for sammenlignende kulturforskning. Serie B. Oslo. Skrifter XXXIII.

Petersen Jan, 1936. Gamle gårdsanlegg i Rogaland. Fortsettelse, utg. av Institutt for sammenlignende kulturforskning, Serie B, Oslo. Skrifter XXXI.

Randers Kjersti, 1981. Høybøen – en ødegård på Sotra // En undersøkelse av bruksperioder og erverv basert på bosetningsspør fra eldre jernalder og middelalder: Unpubl. thesis in archaeology. University of Bergen.

Ronneseth Ottar, 1975. Gard und Einfriedigung // Geografiska annaler serie B. Human geography. Stockholm. N 2.

Sandnes Jørn, Salvesen Helge, 1978. Ødegårdstid i Norge: Det nordiske ødegårdsprosjekts norske undersøkelser. Oslo.

Sivertsen Ann Katrine (in prep.). Gardsbusetnad og jordbruksdrift i Jostedal: Unfinished MA-thesis in archaeology, University of Bergen.

Skre Dagfinn, 1996. Rural settlements in medieval Norway // Ruralia I. Prague. 8th–14th September 1995. Pamatky archeologické.

Skre Dagfinn, 1998. Herredømmet: Bosetning og besittelse på Romerike 200–1350 e. Kr. // Acta Humaniora. Oslo.

Skrede Marit, 2002. Utmark og gard: Nærstudie av tuftområdet i Friksdalen i Leikanger, Sogn og Fjordane: Unpublished MA-thesis in archaeology, University of Bergen. Bergen.

Stang, Gunhild Berge, 2003. Kroken – gard og grend: Arkeologiske punktundersøkingar Kroken, Luster, Sogn og Fjordane: Unpublished MA-thesis in archaeology, University of Bergen. Bergen.

Valvik, Kjell Arne, 1998. Lee – en tradisjonell vestlandsgård? En arkeologisk punktundersøkelse av gården Lee, Vik, Sogn og Fjordane: Unpublished MA-thesis in archaeology, University of Bergen. Bergen.

Zehetner Janicke (in prep). Metodisk og teoretisk tilnærming til konstitueringen av et vestnorsk jordbrukslandskap, med vekt på

jernalder og middelalder. Matre i Kvinnherad. Unfinished doctoral thesis in archaeology, University of Bergen.

Oye Ingvild, 2002 (ed.) Vestlandsgården – fire arkeologiske undersøkelser: Havrå – Grinde – Lee – Ormelid: Linda Julshamn, Rolf L. Bade, Kjell Arne Valvik og Janicke Larsen // Arkeologiske avhandlinger og rapporter fra Universitetet i Bergen 8, Bergen.

Øye Ingvild, 2003. Outfields as part of the medieval farm – four archaeological case studies from Western Norway // Scandinavian Archaeological Practice – in Theory: Oslo Archaeological Series, vol 1. Oslo.

Astveit Janicke, 1998. Ormelid – marginal eller sentral? En arkeologisk punktundersøkelse av Ormelid, Luster, Sogn og Fjordane: Unpublished MA-thesis in archaeology, University of Bergen. Bergen.

Сельское заселение раннесредневековой Моравии: К вопросу о зонах влияния главных великоморавских городищ с учетом агломерации Старе Место – Угерске Градиште

Моравия в IX в. была центральной территорией первого государственного образования среднеевропейских и западноевропейских славян, названного императором Византийской империи Константином VI Порфирогенетом в середине X в. Великой Моравией. Это образование в определенной степени представляло собой модель Франкского государства при правлении Каролингов, приспособленную моравской династией Моймировцев к условиям славянской среды IX в. В Моравии, главным образом вдоль берегов одноименной реки, а также вдоль других водотоков, располагались два основных центра Великой Моравии (а именно Старе Место – Угерске Градиште и Микульчице) и некоторые другие важные городища. На территории этих центров, как и на территории таких городищ, как Бржецлав – Поганско, Брно – Лишень “Старе Замки”, Зноймо – св. Ипполит, Оломоуц – холм с крепостью и Страхотин – Луг Петра, Нейдек – Поганско, проводились или до сих пор проводятся археологические исследования, а также обработка и анализ находок, найденных здесь ранее. Продолжается пополнение наших знаний, позволяющих с большой определенностью и вероятностью судить о характере и функциях этих городищ, об их застройке, укреплении, о социальной структуре их населения и так далее. Постоянный интерес, проявляемый к городищам, обусловлен важной ролью, которую они играли в рамках военно-административной и экономической системы Великой Моравии, а также тем, что они были родиной всех слоев славянского общества того времени, от князей и вельмож до людей невольных и рабов.

Что касается исследования открытых селищ и поселений, находившихся в окрестностях великоморавских городищ, то здесь положение совершенно иное (Dostál, 1987. S. 9–32; Galuska, 2004. S. 16–45; Nekuda, 1982. S. 33–66, последний – вообще о селищах и поселениях VI–XV вв.; и др.). О существовании этих селищ в большинстве случаев мы знаем только по находкам, сделанным в ходе сбора подъемного материала, а также по отдельным раскопанным объектам, исследование которых проводилось или проводится лишь потому, что

они были затронуты при проведении каких-либо земляных работ. Систематическое исследование достаточного для суждений о структуре и характере всего селища количества объектов было проведено всего лишь на нескольких памятниках. В прошлом такое плохое состояние изучения поселений было связано с тем, что в бывшей Чехословакии почти не существовало возможности для проведения систематических исследований широкими площадями. При этом археологи, работавшие в области славянской археологии, отдавали предпочтение систематическому исследованию городищ или мест погребений в их окрестностях, по сравнению с менее привлекательным и, одновременно, более трудоемким и кропотливым исследованием открытых поселений. В настоящее время объемы строительных работ существенно увеличились, с чем связана необходимость проводить обширные охранные раскопки на больших площадях, однако они проводятся за счет систематических исследований. Немалая часть результатов проведенных ранее раскопок и исследований осталась без надлежащей научной обработки и оценки, что в значительной степени ограничивает специалистов, целеустремленно занимающихся в настоящее время славянской археологией. Однако необходимо заметить, что в настоящее время в Археологическом институте Академии наук Чешской Республики в Брно в рамках гранта изучаются проблемы заселения связанных с раннесредневековыми центрами окрестностей, и что этой теме был посвящен международный научный симпозиум, состоявшийся в Микульчицах в 2005 г.

Славянское поселение как основная единица заселения культурного ландшафта достоверно известно уже в VI – середине VII в., т.е. в ранний славянский период. Оно состояло из скоплений или гнезд объектов (Бржецлав – Поганско), иногда эти постройки были расположены кругом или полукругом вокруг свободного пространства (Мутенице – рис. 1; 2). В первом случае мы имеем дело с поселением типа скопления, а во втором – с поселением с площадью (Dostál, 1985. S. 35–50; Klanica, 1993. S. 83–91). Однако существуют определенные сигналы, что в то время уже могло существовать поселе-

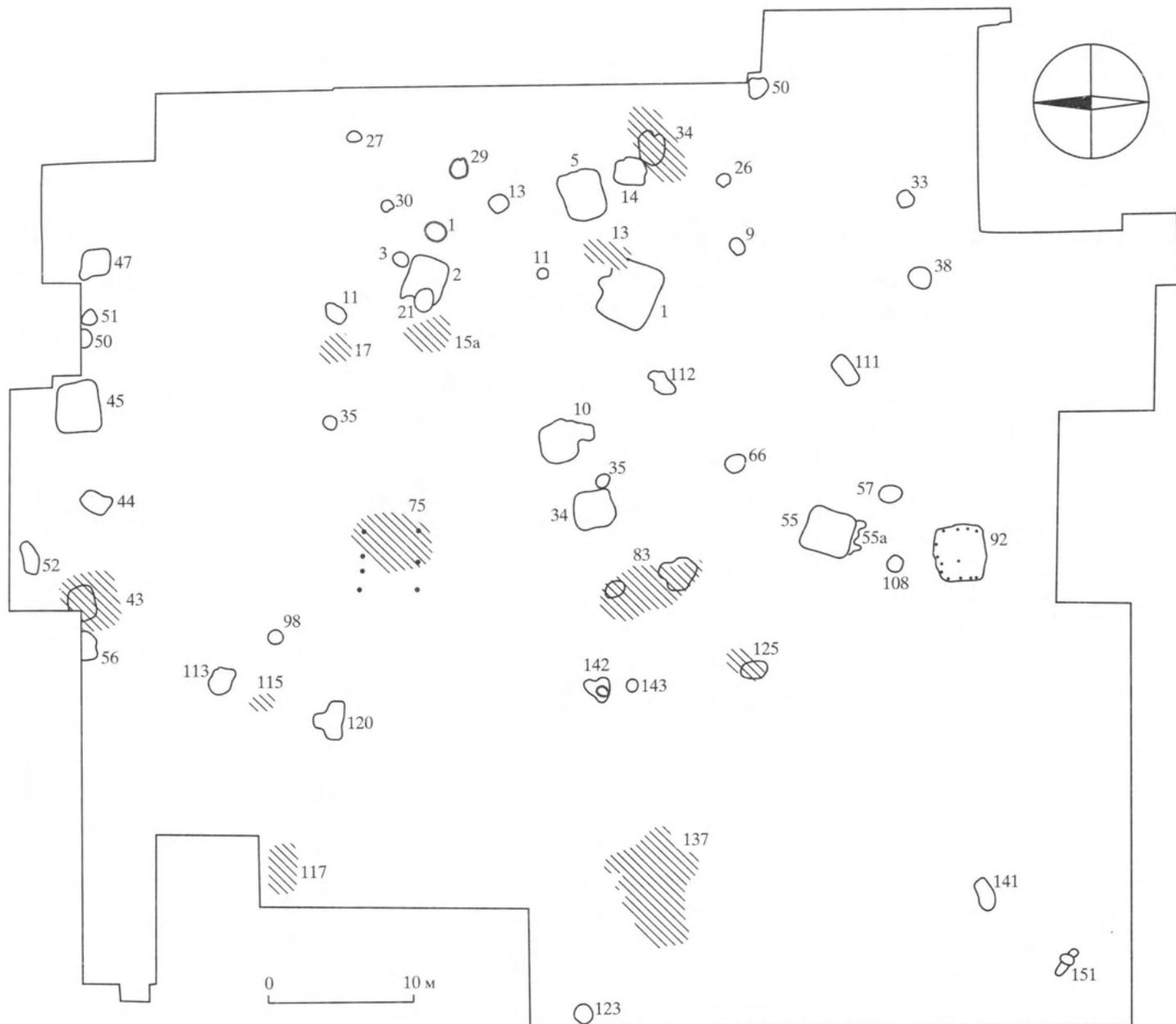

Рис. 1. Мутнице. Раннеславянское селище пражского типа (VI–VII вв.). (Klanica, 1986)

ние с объектами, расположенными рядами (Розтки под Прагой). Количество жилых построек в таком поселении составляло в большинстве случаев не более десяти, причем они сопровождалась подземными хранилищами зерна – зерновиками, а иногда также другими хозяйственными постройками. Свои первые поселения славяне строили на лёссовых дюнах или щебеночных возвышенностях в поймах больших рек или на находившихся недалеко от них террасах и склонах. Предполагается, что в таком поселении могло жить от 40 до 60 человек. Если учесть необходимые хозяйственные площади каждого поселения – в идеале круг радиусом 1,5 км (Pleinerova, 1975. S. 20), то можно предполагать, что в южной Моравии, в районе города Бржецлав, жило примерно 5–6 человек на кв. км, причем население было сосредоточено примерно на 30 сели-

щах (Unger, 1992. S. 97; Klanicova, 2001. S. 32). Очевидно, аналогичная ситуация была и в других плодородных областях Моравии VI–VII вв.

Парадоксально, что поселения середины VII – конца VIII в., т.е. позднего городищного периода, изучены несколько меньше, чем поселения предшествующего раннеславянского периода. Ни одно из этих поселений не исследовалось достаточно для суждений об их общем характере. Известны только типы селищных объектов и тот факт, что поселения в большинстве случаев находились в традиционных низменных областях недалеко от водотоков (например, Бржецлав – Либива – Macháček, 2001. S. 39–41; Брно – Стары Лисковец – Čižmářová, 1994. S. 271–288). Однако в нескольких случаях можно заметить определенный сдвиг: видно, что были заселены также территории, славянами до

Рис. 2. Бржецлав-Либива. Раннеславянский и великоморавский (внизу) этапы селища

тех пор незаселенные, т.е. находившиеся вне речных пойм и смежных склонов, например, Чешско-Моравская возвышенность (Гротовице-Мстенице – *Nekuda*, 2000. S. 120–122).

Некоторые селища VI–VII вв. продолжают свое существование в VIII в. Известны селища, функционирующие и в период Великой Моравии (Мутенице – *Klanica*, 1987. S. 130–131) и даже после прекращения ее существования (например, Острожска Нова Вес – *Marešová*, 1967. S. 75–86; *Galuska*, 2001. S. 50–57). Однако и в этом случае в отношении организации и характера поселений VIII в. можно сказать только то, что на некоторых из них рядом с ориентированным на земледелие населением жили также члены более высокого социального слоя – всадники и воины. Об этом свидетельствуют редкие находки, например, железные шпоры и служащие для украшения бляшки аварского стиля из бронзы, которые относятся ко второй половине VIII в. или рубежу VIII и IX вв. (Острожска Нова Вес, Угерски Острог-Квачице – *Galuska*, 2000. S. 36).

Девятый век в Моравии – это время важного славянского государственного образования – Великой Моравии. Поселения этого периода, ввиду продолжающей преобладать направленности на земледелие и скотоводство, сосредоточены на плодородных низменных почвах вдоль водотоков, т.е. прежде всего на традиционных площадях, но местами стали заселяться также менее плодородные почвы, например, район г. Могельнице в северной Моравии (Палонин, Могельнице – *Goš, Kápl*, 1986. S. 176–204; *Goš*, 1988. S. 182–184) или район г. Визовице в восточной Моравии (Злин, Храстешов – *Kohoutek*, 1995. S. 136). Однако находящиеся на большей высоте над уровнем моря территории были заселены лишь в порядке исключения, например, в связи со строительством городищ и опорных пунктов на стратегически важных местах или в случаях, когда железодельная мастерская переносилась ближе к сырьевым источникам. Это касается железодельной мастерской в кадастре с. Оломучаны в области Моравского карста, севернее города Брно (*Souchopova*, 1986) или Желеховиц в районе г. Уничов в северной Моравии (*Pleiner*, 1958), а также некоторых городищ, например, городища на горе св. Климента под Осветиманы в районе городов Угерске Градиште (*Menoušková*, 2001. S. 159–184). Однако определенную форму заселения даже этих холмистых областей Моравии необходимо предполагать. Об этом свидетельствуют курганные могильники с труположением и трупосожжением, находящиеся в районе городов Славичин, Бойковице и Лугачовице на окраине Белых Карпат, а также в районе города Угерске Градиште, на склонах Хржибов, зачастую на высоте около 300 м над уровнем моря (*Dostál*, 1957. S. 37–74; *Dohnal*, 1980. S. 63–76; *Galuska, Lutovský*, 1993. S. 151–161; *Kohoutek*, 1995. S. 136–138; и др.). Однако о характере заселения

этих холмистых областей говорить более детально пока не представляется возможным. Чуть больше можно сказать о сельском заселении плодородных низменных областей южной Моравии. Например, в случае с упомянутым выше районом города Бржецлав предполагается, что количество населения по сравнению с раннеславянским периодом VI–VII вв. здесь увеличилось в три раза, количество поселений увеличилось в два раза (примерно 60). В два раза увеличилась также плотность населения (примерно 10 человек на кв. км – *Unger*, 1992. S. 98–100; *Klanicová*, 2001. S. 32–36).

Находящиеся в Моравии поселения периода Великой Моравии, которые, по всей вероятности, подверглись наиболее комплексному исследованию, это Палонин “На плахте” (район г. Шумперк), Угерске Градиште – Сады “Дольни Котвице” (район г. Угерске Градиште) и Мутенице (район г. Годонин). Поселение под Палонином возникло в IX в. и прекратило свое существование где-то после середины XIII в. (*Goš, Kápl*, 1986. S. 176–204). Его первая фаза от IX–X вв. находилась в нижней части пологого увала на высоте 250–260 м над уровнем моря, вблизи ручья, вблизи затопляемых рекой Морава территорий, и занимала площадь 5625 кв. м. На этой площади заведующим исследованиями Владимиром Гошем (*Goš V.*, 1988. S. 182–184) было выявлено несколько регулярно повторяющихся скоплений селищных объектов, которые были атрибутированы как остатки основных единиц поселения – дворов. Каждый двор состоял из одного жилого объекта, одного-двух зернохранилищ и нескольких хозяйственных построек. Жилой объект в Палонине IX–X вв. представлял собой деревянный сруб размерами 4 × 4 – 5 × 5 м, построенный на поверхности местности, в котором жила парная семья. В двух установленных типах зернохранилищ можно было хранить 8,6–14,4 или 38–49 гл. зерна. Среди бытовых объектов были выявлены ямы для гашения извести. Наряду с общераспространенной городищной керамикой к наиболее интересным находкам с поселения относятся железная шпора с пластинкой, железный наконечник стрелы со втулкой, дужка ведра, миска силезского типа и крюкообразный ключ. В районе Могельнице кроме селища в Палонине известны еще два земледельческих селища, которые также располагались вблизи водотоков. Они находятся на расстоянии 4 км друг от друга.

Славянское поселение в Угерском Градиште – Садах возникло, возможно, уже в VII в. и прекратило свое существование в IX в. Оно находится в нижней части пологого южного склона, на высоте 185–190 м над уровнем моря, приблизительно в 6 м над поймой р. Ольшава, причем его изученная площадь составляет 2840 кв. м. По заведовавшей исследованиями Кристине Марешовой (*Marešová*, 1985), на этой площади было выявлено 7 регулярно повторяющихся скоплений селищных объектов – экономически самостоятельных дворов (рис. 3).

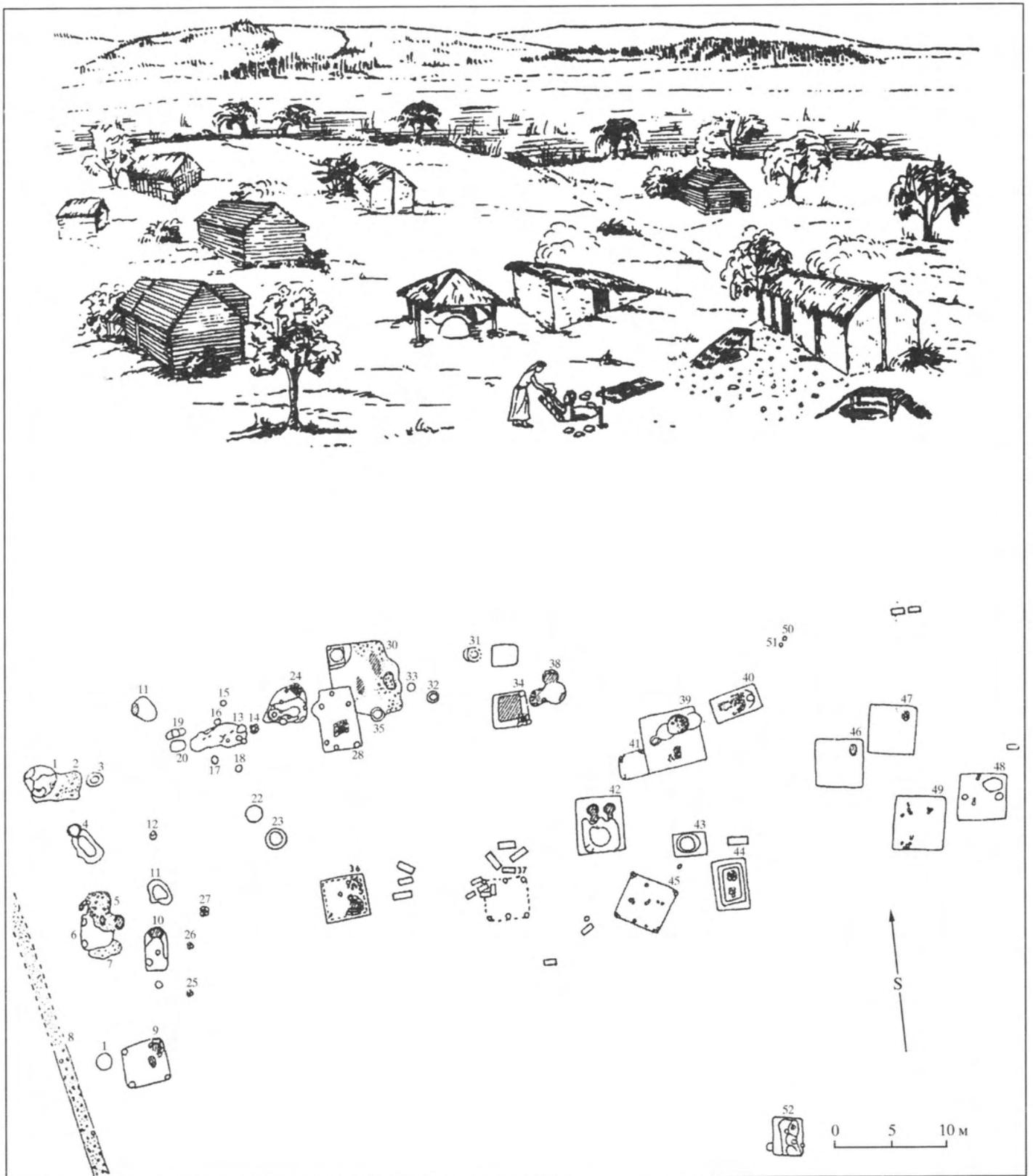

Рис. 3. Угерске Градище “Долне Котвице”. Великоморавское селище и его гипотетическая реконструкция (по Marešova, 1985)

Каждый двор состоял из жилого объекта, зернохранилища или ямы для запасов и производственного объекта. Жилые объекты представляли собой землянки (3,0–4,4 × 3,0 м), полуземлянки (2,6–5,0 × 2,6–5,0 м) или объекты (4,0–5,8 × 3,0–4,0 м) с полом, устроенным ниже дневной поверхности или на ней. Производственные объекты представляют собой кузницу, хлебопекарню, мастерскую для обработки рогов, металлургическую мастерскую и мастерскую для выделывания каменных пряслиц (Marešová, 1977. S. 31–37). В одном из зернохранилищ даже сохранились следы от крепления из прутьев. По Кристине Марешовой (Marešová, 1985. S. 41) кажется, что эти дворы вели хозяйство и не только занимались производством изделий для нужд своей собственной семьи, но и обслуживали свое окружение (их производительность была больше). Из числа важных находок следует назвать хотя бы железные гривны в виде топорика, железную шпору с крючками, бытующие с середины IX в., часть круглого точила, железные миски силезского типа и ладан в виде смолы, привезенной с Востока. Выше на склоне, недалеко от селища, было открыто погребение с труположением с обрядовым объектом, в пределах которого в 242 могилах было похоронено 252 человека, среди которых преобладали мужчины с топорами (Marešová, 1983). Поселение в Угерском Градиште – Садах входило в число селищ, расположенных непосредственно в окрестностях великоморавской агломерации Старе Место – Угерске Градиште.

Среди поселений расположенных в окрестностях городища Валы под Микульчице в достаточной степени исследовалось лишь поселение в Мутеницах – часть “Зброд” (Klanica, 1987. S. 130–131; 1993. S. 83–91). Оно расположено на западной террасе реки Морава, вблизи речки Кийовка. Изученная площадь поселения составляет 5000 кв. м. Кроме доминирующего заселения от раннеславянского периода часть селища относится к периоду Великой Моравии. Оно состояло из шести землянок и приблизительно такого же количества остатков селищных объектов между поверхностью и материком с пятью зернохранилищами. Землянки отличались небольшими размерами (приблизительно 3 × 3 м), однако в них было найдено довольно большое количество разных находок, в том числе шпоры. Интерес представляют кости хищных птиц, главным образом ястреба и сокола, на основании чего, по З. Кланице (Klanica, 1987. S. 131), можно было бы прийти к выводу об определенной специализации населения этого селища. Мутеницкое селище было частью линии заселения на правобережной террасе реки Морава. Отдельные селения находились здесь на расстоянии приблизительно 2 км друг от друга. Это селище, так же как поселение в г. Угерске Градиште – Сады, прекратило свое существование где-то в начале X в., т.е. во время, когда перестала существовать Великая Моравия.

На основании результатов проведенных на настоящий момент исследований поселений великоморавского периода для области Моравии можно подвести некоторые предварительные итоги, а именно: преобладающая часть поселений и селищ находится в плодородных областях вблизи больших и малых водотоков, но не на затопляемых ими площадях, а на качественных почвах, которые можно земледельчески обрабатывать. Во многих случаях было установлено или хотя бы предполагается, что вблизи них проходил торговый путь локального значения или даже дальний. Самые большие скопления селищ находились вблизи центров, т.е. в связанных с городищами и центрами власти окрестностях. Площадь поселений была, по всей вероятности, различной. Например, в случае г. Угерске Градиште – Сады его предположительная длина составляла 400 м. Внутреннее деление на самостоятельные дворы, как свидетельствуют исследования в Палонине и Угерском Градиште – Садах, является более высокой организационной формой. Сходную ситуацию можно предположить и для селищ в рамках важных центров, таких, как, например, Старе Место – Угерске Градиште, Микульчице или Бржецлав – Поганско. Хотя очевидно, что жизнь населения открытых селищ была направлена на земледелие, тем не менее, на большинстве из них выявлены следы производственной деятельности, прежде всего кузнечного дела (например, Дольни Вестонице – Klima, 1985. S. 44). Это вполне логично, так как универсальный кузнец, способный отремонтировать земледельческие орудия, нужен был на каждом селище. В наиболее комплексном виде производство – земледельческое и ремесленное – можно, очевидно, проследить на селище в г. Угерске Градиште – Сады “Котвице”. По всей вероятности, это обусловлено тем, что данное селище, с одной стороны, прямо обеспечивало существование большого центра в Старом Месте – Угерске Градиште, а с другой стороны, оно очень многое получало от контактов с его жителями, т.е. с высокоспециализированными ремесленниками, отечественными и иностранными купцами и вельможами. Однако необходимо также сказать, что некоторые игравшие важную роль поселения были в то время родиной стоявших выше на общественной лестнице лиц, в том числе вельмож. Например, в окрестностях, связанных с агломерацией Старе Место – Угерске Градиште, члены их семей жили как на селищах вблизи агломерации, так и на некоторых селищах, находившихся на довольно большом расстоянии от нее (см. ниже). Напротив, в окрестностях, связанных с Микульчицами, следы полной социальной структуры – дифференциации – проявляются лишь в так называемой второй селищной зоне, которая находилась приблизительно в 10 км от городища. На селищах первой зоны, находящейся на расстоянии 5 км, присутствие членов высших слоев пока не прослежено (Klanica, 1987. S. 132).

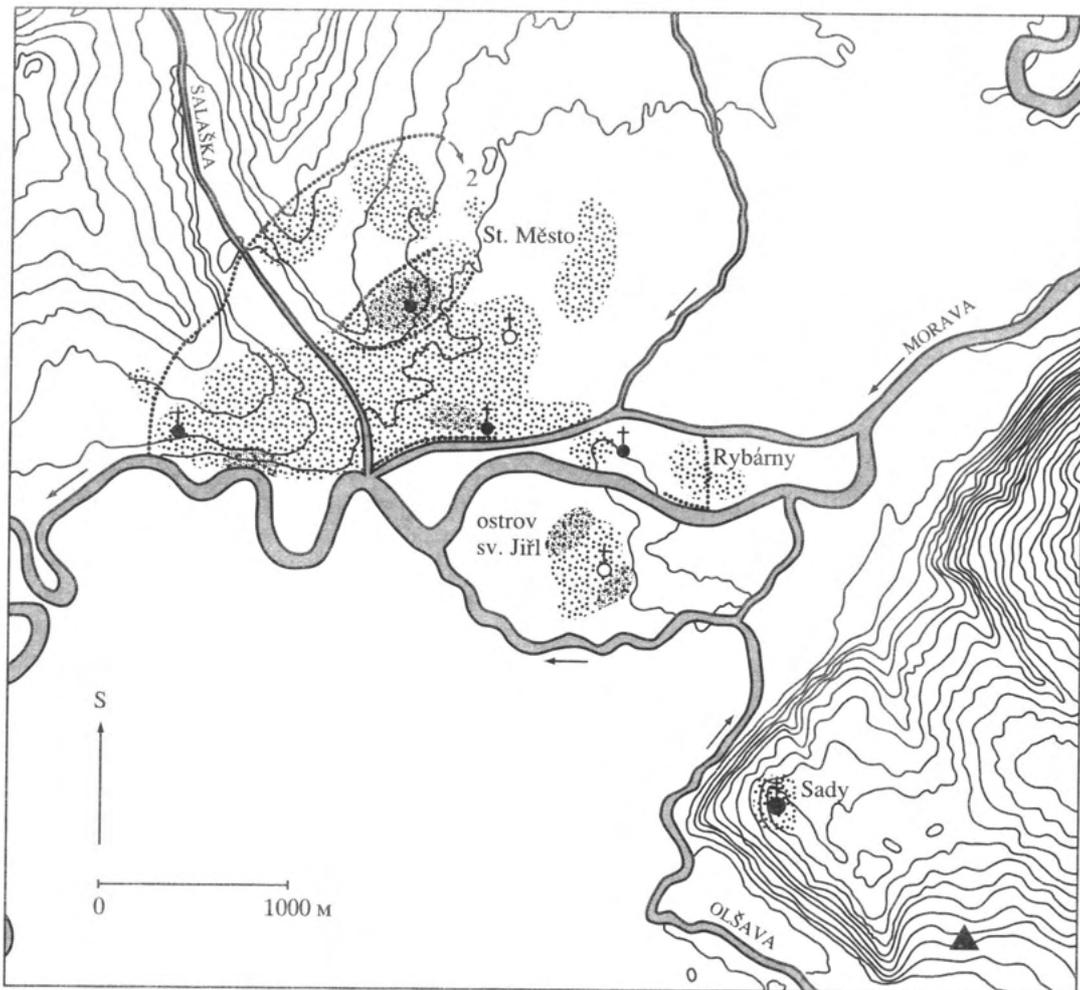

Рис. 4. Великоморавская агломерация Старе Место – Угерске Градиште и селище Сады (по Galuska, 2001)

В заключение необходимо отметить, что по сравнению с упомянутыми местами погребений в отношении исследования славянских поселений периода Великой Моравии в Моравии у нас есть пока еще большие долги.

Одним из наиболее важных центров периода Великой Моравии с обширными сельскими окрестностями была важная агломерация Старе Место – Угерске Градиште. Она возникла на весьма выгодном в стратегическом отношении месте (Galuska, 2001. S. 123–137). Ее западная часть простиралась на двух возвышенных террасах, средняя, наиболее низко расположенная часть, занимала острова и дюны в пойме реки Морава, а восточная часть находилась на склонах, относящихся к предгорью Белых Карпат (рис. 4). В рамках этой большой агломерации в течение второй половины IX в. сконцентрировалось большое количество населения, которое образовало общество с ярко выраженной дифференциацией. Во главе этого общества стояли представители княжеского слоя, а на его нижних ступенях находились рабы и люди, находившиеся в общественной зависимости. В большой степени был представлен слой специализированных ремесленников.

Агломерация Старе Место – Угерске Градиште простиралась по обе стороны реки Морава, в непосредственной близости от ее слияния с рекой Ольшава. Вдоль берегов обеих рек с доисторических времен проходили известные торговые пути. Это были ветви древнего Янтарного пути, которые вместе с другими дорогами, проходившими через Хржибы на запад в среднюю Моравию, а оттуда далее в Чехию, образовали на месте агломерации важный перекресток торговых путей.

Агломерация Старе Место – Угерске Градиште находилась в центре территории, которая была с трех сторон ограничена природными доминантами. Ее центром была пойма реки Морава шириной в среднем приблизительно 5–6 км. Однако в районе агломерации ширина поймы составляла всего лишь 2–3 км. Западнее, приблизительно в 10–12 км от агломерации, тянулись склоны Хржибов, восточнее простиралась волнистая местность Визовицких холмов, которые через 22–25 км переходили в пограничные горы – Белые Карпаты. Севернее агломерации, на расстоянии 10 км находилось узкое Напаедловское ущелье шириной всего лишь около 0,5 км. Напротив, южнее агломерации никакой естественной природной границы не было, гипоте-

тически ее наличие можно предполагать где-то между городами Весели над Моравой и Стражнице. Вероятно, что данная территория, протяженностью с запада на восток – около 40 км, а с севера на юг – около 25–30 км, была своего рода зоной влияния или же областью, связанной с агломерацией Старе Место – Угерске Градиште. На юге она соприкасалась с зоной влияния агломерации Микульчице.

Частью зоны влияния были непосредственные окрестности агломерации. Для IX столетия на территории радиусом 10 км от агломерации Старе Место ранее было выявлено 67 синхронных селищ и почти 40 могильников (*Hrubý, Pavelčík, 1992. S. 158–161*). Такая высокая концентрация памятников в Великой Моравии нигде более не встречается. Необходимо уточнить, что в большинстве селища и могильники исследованы только частично: изучены отдельные объекты и захоронения. Однако думается, что для определения масштабов окрестностей, связанных с агломерацией Старе Место – Угерске Градиште как с центром власти, искусственно созданная зона радиусом десять километров является критерием весьма формальным и условным. Более важными представляются конфигурация местности и вероятное прохождение путей.

Северо-западнее – юго-западнее агломерации Старе Место – Угерске Градиште селища находились в пологоволнистой местности предгорья Хржибов. Они расположены на расстоянии 2–5 км от центра. Эти селища часто сопровождаются местами погребений с труположением, в большинстве случаев плоскими, однако встречаются также могильники (*Hrubý, Pavelčík, 1992. S. 158–161*). Доминирующим местонахождением в этой части региона является Модра под Велеградом, находящаяся приблизительно в 3 км к северо-западу от окраины Старого Места (*Hrubý, Hochmanová, Pavelčík, 1955. S. 42–126; Hrubý, 1965. S. 95–97; Galuska, Vaškových, 2002. S. 76–86*). Возникновение находящегося здесь селища можно отнести, по меньшей мере, к началу IX в. Тогда же здесь был возведен белокаменный (с кладкой на растворе) костел, один из древнейших на территории будущей Великой Моравии. Рядом с ним находилось место погребений с труположением, где были захоронены также представители правящего слоя. Усадьба, которая, согласно письменному источнику периода самого большого расцвета Средневековья, здесь находилась, открыта пока еще не была. Селище и костел продолжали функционировать в период после прекращения существования Великой Моравии.

Северо-восточнее – юго-восточнее агломерации Старе Место – Угерске Градиште селища располагались на склонах Визовицких холмов. Некоторые из них находятся в пределах существующего в настоящее время “большого” Угерского Градиште, так что в IX в. они находились лишь в 1–3 км от

агломерации. Они были расположены полосой, тянувшейся от реки Ольшава в северном направлении. Большинство селищ здесь также сопровождалось грунтовыми могильниками с труположением. Важнейшими памятниками здесь являются упомянутые уже выше селища и места погребений в Угерском Градиште – Садах “Котвице” (*Marešová, 1983; 1985*). Из числа более удаленных северо-восточных – юго-восточных местонахождений следует назвать хотя бы селище в Глуке и находящееся там обширное место погребений “Глубочек” (приблизительно в 10 км от агломерации). Дольни Немчи (приблизительно в 14 км), расположенное на возвышении селище в с. Острожска Льгота (приблизительно в 13 км) и селище в с. Бржезолупы (приблизительно в 11 км). Связь памятников, находящихся на расстоянии более чем 20 км, в окрестностях городов Лутачовице и Славичин, с агломерацией Старе Место – Угерске Градиште вызывает сомнения (я не совсем уверен в их связи), но тем не менее, находящиеся здесь, в окрестностях Рудимова, месторождения железной руды, очевидно, снабжали агломерацию этим драгоценным сырьем. Административным центром в данном случае, очевидно, было городище Градца (*Hrubý, Pavelčík, 1992. S. 173*).

Металлургическая рудицко-бойковицкая область своей южной окраиной соприкасалась с Поольшавским путем, бывшей Бригетийской ветвью древнего Янтарного пути. По этому пути в долину реки Морава привозили железную руду, по этому пути приходили сюда купеческие караваны, однако по этому пути часто приходили сюда также отряды врагов. О значении области реки Ольшава свидетельствуют несколько селищ и, по крайней мере, два городища, расположенные по обоим берегам р. Ольшава, приблизительно в 9–11 км от агломерации Старе Место – Угерске Градиште. Это – городища Болеградица под Градчовице и Валы под городом Влчнов. К наиболее важным памятникам в области р. Ольшава относятся Угерски Брод (15 км), Гавржице (13 км), Дрславице (11 км), Велетины (9 км), Подоли “Выпуста” (6 км) и, главным образом, Угерске Градиште – Сады (*Galuska, 1996; Marešová, 1983; 1985*). К числу памятников в области реки Ольшава относят также Куновице с четырьмя славянскими селищами. Находящееся здесь селище “Узке” считается противоположным полюсом по отношению к селищам в Угерском Градиште – Садах. Предполагается, что население этих селищ контролировало выход Поольшавского пути в область р. Морава (*Marešová, 1985. S. 7–16; Hrubý, Pavelčík, 1992. S. 172; Snášil, 1996. S. 23–24*). Однако на большинстве названных памятников обширные исследования, к сожалению, не проводились, так что наши знания о них поверхностны.

В окрестностях города Куновице, что в 2–3 км к югу от агломерации Старе Место – Угерске Градиште, находятся Острожска Нова Вес и Хилице

(Galuska, 2001. S. 51–55). В западной части их кадастров, вплоть до северной окраины города Угерски Острог, в пойме, но на возвышенных дюнах, находилось, может быть, даже 10 селищ. Среди них наиболее изучено селище на “Орачинах”, основанное в VI в. Помимо других находок здесь была найдена железная шпора с глазками (петельками) (Marešová, 1967. S. 78) и улитки *Murex brandaris*, привезенные в Великую Моравию из средиземноморской области. Это, кроме прочего, свидетельствует о том, что здесь жили члены семей, стоявших выше на общественной лестнице. Скопление селищ под селом Острожска Нова Вес с довольно большой концентрацией населения находилось в 6–10 км от агломерации Старе Место – Угерске Градиште. К сожалению, большая часть этих селищ была уничтожена при добыче песка.

Концентрация сельских памятников, аналогичная ситуации у села Острожска Нова Вес, обнаружена на расстоянии 2–4 км также севернее агломерации Старе Место – Угерске Градиште, в рамках кадастра села Гуштеновице (Hrubý, Pavelčík, 1992. S. 158). Оттуда полоса селищ продолжалась вдоль реки Морава далее на север, вплоть до города Бабице. Селища под с. Гуштеновице и г. Бабице, так же как селища под селом Острожска Нова Вес, были расположены вблизи главной северо-южной трассы Янтарного пути.

Что касается окрестностей агломерации Старе Место – Угерске Градиште, думаю, что они представляли собой не круг, а, скорее, треугольник со слегка выпуклыми сторонами. Одна его сторона, западная, проходила по склонам Хржибов по линии Оржехов – Стршибрнице – Бухловице – Велеград – Напаедла. Вторая, южная сторона, проходила между городами Бзенец, Весели над Моравой, Глук до города Угерски Брод. Третья, северная сторона, соединяла район города Угерски Брод с Напаедловским ущельем.

Размещение селищ в окрестностях, связанных с агломерацией Старе Место – Угерске Градиште, свидетельствует о том, что в юго-западной – северо-западной части у агломерации был своего рода определенный незаселенный форланд (предполье), шириной 2–3 км. Ввиду характера местности на нем, очевидно, находились виноградники, сады, поля, может быть и пастбища. За этой экономически важной территорией располагалась полукругом первая полоса селищ. Аналогичная незаселенная территория находилась в 2–3 км южнее агломерации. Это было вызвано, очевидно, тем, что там находилась влажная, болотистая местность, неподходящая для создания селищ и полей, так что можно предполагать, что здесь располагались пастбища. Только за этой местностью, на возвышенных местах в середине поймы р. Морава, находились селища под селом Острожска Нова Вес. Такую же ситуацию наблюдаем севернее агломерации, где геологическими работами подтвердилось наличие депрессий, местами постоянно заполненных водой,

и только за этой зоной были селища под селом Гуштеновице и городом Бабице. Напротив, восточнее агломерации, на окраине Визовицких холмов, имелись хорошие для строительства поселений условия, поэтому полоса селищ, сопровождавшаяся, очевидно, также полями и пастбищами, находится относительно недалеко от агломерации, всего лишь на расстоянии около 1–2 км.

Изучение раннесредневековых поселений Моравии, а также окрестностей, связанных с великоморавским Старым Местом – Угерским Градиштем, все еще находится в начальной стадии, в отличие от исчезнувших моравских поселений периода самого большого расцвета Средневековья.

Литература

- Čižmářová J., 1994. Sídliště ze starší doby hradištní v Brně // Starém Lískovci, Pravěk NR 4.
- Dohnal V., 1980. Slované žárovy mohyly na východní Moravě // Slované 6.–10. století. Brno.
- Dostál B., 1957. Slovanický mohylník u Žlutavý // SPFFBU E2.
- Dostál B., 1985. Břeclav – Pohansko: Časně slovanické osídlení. Brno.
- Dostál B., 1987. Stavební kultura 6.–9. století na území ČSSR // Archaeologiahistorica. 12.
- Galuska L., 2000. Osídlení katastru Uherského Ostrohu před vznikem Ostrova-Stanice // Uherský Ostroh. Brno.
- Galuska L., 2001a. Pravěké a raně středověké osídlení katastru // Ostrožská Nová Ves: Z děj in Nové Vsi a Chylic. Ostrožská Nová Ves.
- Galuska L., 2001b. Staroměstsko-uherskohradištní aglomerace – vývoj osídlení a přírodní podmínky v 6.–10. století // Velká Morava mezi Východem a Západem. Brno.
- Galuska L., 2004. Slované, doteky předků: O životě na Moravě v 6.–10. století. Brno.
- Galuska L., Lutovský M., 1993. K málo známé etapě výzkumu slovanického mohylníku u Hluku na Uherskohradištsku: (K problematice moravských středohradištních mohylníku) // ČMM-VSLXXVIII.
- Galuska L., Vaškových M., 2002. Památník Velké Moravy: Uherské Hradiště. Brno.
- Goš V., 1988. Slované osídlení severní Moravy // V. Frolec (připravil); Rodná země. Brno.
- Goš V., Kápl V., 1986. Slovanická osada u Palonína, okr. Šumperk // Archeologické rozhledy. XXXVIII.
- Hrubý V., 1965. Staré Město: Velkomoravský Velehrad. Praha.
- Hrubý V., Pavelčík I., 1992. Nejstarší dějiny středního Pomoraví // Uherskohradištsko. Brno.
- Klanica Z., 1987. K vývoji sídlištní struktury zázemí Mikulčic v 6.–13. století // XVI Mikulovské sympozium 1986. Praha.
- Klanica Z., 1993. Mutěnice – slavjanskoje poselenije VII–X vv. // Actes du Xlle Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Bratislava, 1–7 Septembre 1991. Bratislava.
- Klanicová E., 2001. Archeologické lokality z doby hradištní v zázemí hradiska Pohansko u Břeclavi // Archaeologia mediaevalis Moravica et Silesiana 1/2000, Konference Pohansko 1999. Brno.
- Klima B., 1985. Hradištní osada u Dolních Vestonic, okr. Břeclav // Archeologické rozhledy. XXXVII.
- Kohoutek J., 1995. Slované a středověké osídlení // Zlínsko. Brno; Zlín.
- Macháček J., 2001. Zpráva o archeologickém výzkumu Břeclav-Líbivá 1995–1998 // Archaeologia mediaevalis Moravica et Silesiana 1/2000, Konference Pohansko 1999. Brno.
- Marešová K., 1967. Slované sídliště v Ostrožské Nové Vsi (okr. Uherské Hradiště) // ČMM-VSLII.

- Marešová K.*, 1977. Přesleny ze sadského lupku // ČMM-VS LXI.
- Marešová K.*, 1983. Uherské Hradiště – Sady: Staroslovanské pohřebiště na Horních Kotvicích. Brno.
- Marešová K.*, 1985. Uherské Hradiště – Sady: Staroslovanské sídliště na Dolních Kotvicích. Brno.
- Menoušková D.*, 2001. Hradisko sv. Klimenta // *Archaeologia mediaevalis Moravia et Silesiana* 1/2000, Konference Pohansko 1999. Brno.
- Nekuda V.*, 1982. Středověká vesnice na Moravě ve světle archeologických výzkumů zaniklých osad // *Archaeologia historica*. 7/82.
- Nekuda V.*, 2000. Mstěnice: Zaniklá středověká ves u Hrotovic: Raně středověké sídliště. Brno.
- Pleiner R.*, 1958. Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemích. Praha.
- Pleinerová I.*, 1975. Březno: Vesnice prvních Slovanů v severozápadních Čechách. Praha.
- Poláček L.*, 2001. K poznání přírodního prostředí velkomoravských nížinných hradišť // *Velká Morava mezi Východem a Západem*. Brno.
- Snášil R.*, 1981. Osídlení území města v pravěku a časně době dějinné // *Uherské Hradiště, dějiny města*. Brno.
- Snášil R.*, 1992. Změny sídlištní sítě a jejich příčiny v 10.–19. století // *Uherskohradištsko*. Brno.
- Snášil R.*, 1995. Polešovice ve světle archeologických pramenů // *Polešovice 1595–1995*. Velehrad.
- Snášil R.*, 1996. Archeologie a Kunovice // *Kunovice v proměnách času*. Kunovice.
- Součopová V.*, 1986. Hutnictví železa v 8.–11. století na západní Moravě // *SAÚČSAV v Brně*. III/1.
- Unger J.*, 1992. Nástin vývoje životního prostředí na Břeclavsku od 6. do 15. století // *XXI Mikulovské sympozium*, 1991. Brno.
- Vaškových M., Menoušková D.*, 2005. Doklady archeologického osídlení středního Pomoraví // *Soupis nálezů z katastrů obcí Babice, Huštěnovice, Jarošov, Kněžpole, Kostelany nad Moravou, Kunovice, Mařatice, Míkovice, Nedakonice, Ostrožská Nová Ves, Polešovice, Spytihněv, Topolná, Uherský Ostroh, Věsky, Slovácko* 2004. R. XLVI.

А.П. Томашевский

Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте

Цель данной работы – дать представление о системе заселения Овручской волости, истории, этапах и способах ее изучения, о проблемах и результатах этого исследования.

Реконструкция систем заселения требует синтеза обширной и разнообразной информации, а значит – и организации специальных исследований артефактов, экофактов и их хронологии, детального анализа памятников в их динамике, изучения географических, палеоэкологических и иных аспектов заселения. Поэтому программа изучения системы заселения является ключевой в Овручском проекте, она практически и логически неразрывно связана со всеми иными программами проекта, посвященными сбору, обработке и анализу информации о компонентах местной природной среды (геологии, геотектоники, минералогии, ландшафтах, ботанических реликтах и биоценозах), а также об особенностях до-древнерусского и позднесредневекового населения волости г. Овруча, и др. Она выполняется с помощью внедрения новых принципов документирования, сохранения и презентации данных, а также ГИС-подходов в исследовании и охране уникального культурного и природного наследия Овручской волости (*Томашевский*, 1988; 2002; 2005).

Уникальность системы заселения Овручского кряжа и волости

Реализация программы изучения системы заселения открывает редкую для Южной Руси возможность исследовать Овручскую волость как модель исторически известного, длительно развивавшегося и трансформировавшегося социально-природного исторического организма (СПИО), вписанного в конкретный специфический природный контекст. Такой подход позволяет впоследствии, на основе всестороннего анализа, определить и оценить роль природных и социальных факторов в развитии данного социально-природного исторического организма, выявить характер и силу его внутренних системообразующих связей. Очень важно, что возникновение данной системы заселения было результатом выполнения сознательной стратегии великокняжеской власти. В какой степени осознан-

ной была эта стратегия, с помощью каких ресурсов она реализовывалась, какими темпами, каковы оказались пространственные характеристики этого явления – эти вопросы являются весьма актуальными не только для Овручского проекта, но и для древнерусской археологии в целом.

На фоне других южнорусских систем заселения ситуация с Овручской волостью уникальна. Здесь наблюдаются отчетливые проявления преемственности заселения и освоения территории постепенно сформировавшейся местной популяцией на протяжении племенного (частично), всего древнерусского и средневекового времени вплоть до современности. Овручская волость имела сложный пространственный состав, охватывая территорию Овручского лёссового кряжа (ядро – каркас всей системы) и обширных Полесских территорий в бассейнах рек Уж, Уборть, Ирша общей площадью более 12,5 тыс. км² (рис. 1; XVII). Системы заселения всей Овручской волости и входившего в нее Овручского кряжа складывались во взаимосвязи, но были различны по своим характеристикам, особенностям, истории и динамике развития. Наибольший интерес представляет изучение способа заселения собственно Овручского кряжа. Это обусловлено тем, что на этом компактном пространстве имело место сочетание редких географических, геотектонических, социально-исторических и историко-технологических особенностей. Проследить как именно, с помощью каких механизмов заселялся и осваивался уникальный лёссовый кряж – одна из наиболее интересных и важных по значимости задач Овручского проекта.

Результаты изучения системы заселения Восточной Волыни

Обратимся вначале к кратким результатам исследования общей картины формирования системы заселения Древянской земли.

Историография древянской проблематики достаточно насыщена субъективными оценками и интерпретациями, прежде всего – историческими, но также и археологическими. Так, границы Древянской земли традиционно проводились на основе весьма произвольно отобранных отдельных кате-

..... Границы древнерусских княжеств в XII–XIII вв. (по Б.А. Рыбакову)

● Курск летописные центры княжеств

- - - - - Современные границы Украины

■ Границы исследуемой территории Древлянской земли, Овручской волости

Рис. 1. Восточная Волынь, Древлянская земля и Овручская волость на карте Древней Руси и современной Украины

горий археологических памятников, например, определенных типов погребальных комплексов или некоторых видов городищ (Русанова, 1960; Седов, 1982; Звиздецкий, 1990).

Участие автора в архивных поисках и полевых разведках для составления Свода памятников истории и культуры Житомирской области в 80-е годы XX в. способствовало осознанию того обстоятельства, что лишь полная, синхронизированная археологическая картина позволит воссоздать систему заселения определенной территории в конкретный промежуток времени. Восстановление системы заселения в ее пространственно-временной динамике дает ответ на ключевые вопросы о генезисе исторически известных образований, о механизмах их развития, границах, преемственности традиции заселения и хозяйствования, историко-археологических предшественниках и наследниках, исторических судьбах и др. Для осуществления такой задачи на детальных разномасштабных картоосновах нами были нанесены все известные памятники всех типов V–XIII вв. н.э. в пределах условной прямоугольной рамки размерами 250 × 290 км, площадью более 70 000 км². Эти рамки заведомо охватывали зону распространения Древлянского племенного союза и соседние территории Погорыни и Киевского Поднепровья, в том числе – так называемых малого и частично большого киевских треугольников, лимитируемых на юге соответственно Стугной и Росью (Томашевский, 1993. С. 2–4) (рис. 2).

Памятники (их 600) разделились на пять последовательно сменявших друг друга хронологических периода: два – раннеславянского времени V–VII и VIII–IX вв. (соответственно: культуры Корчак и культуры Луки-Райковецкой) и три древнерусских периода: X, XI, XII–XIII столетия. Это стало основой для осуществления многоэтапного, многоуровневого, многофакторного, поливариантного, пространственного в своей основе анализа и создания географической информационной системы, тогда еще, к сожалению, не компьютерной.

Результатом этого стало решение многих неясных, малоизученных вопросов истории, археологии и географии Древлянского княжения и в целом – правобережья Киевской великокняжеской земли. На основе послойно реконструированной системы заселения определились реальные границы и естественные природные пространственные пределы распространения, отделяющие ее от соседних синхронных систем. Определяющую роль здесь сыграло сплошное картографирование поселенческих памятников, комплексов памятников и реконструкция на этой основе древних населенных пунктов, центральных мест, древних протоагломераций и коммуникаций. Стали ясны способы, направления и тенденции славяно-русского заселения и освоения данной территории.

Была получена картина развития постепенного свободного племенного расселения древлян в бассейнах трех рек – Тетерева, Ужа и Случи со слож-

ными внутрибассейновыми и межбассейновыми связями. Оказалось, что в основе всех трех очагов такого расселения лежали гнезда корчакских памятников. Судя по последним типолого-хронологическим изысканиям, именно в основе этих гнезд находились наиболее ранние пражско-корчакские комплексы, что позволяет рассматривать этот ареал как наиболее вероятную зону первичной прародины, откуда исходили импульсы славянского расселения (Гавритухин, 2000. С. 73–84). Необходимо отметить, что с точки зрения системности заселения, именно на Восточной Волыни прослеживается наиболее прочная культурная непрерывность, наследование и эволюция ключевых традиций в основных компонентах культуры непосредственного жизнеобеспечения (КНЖО) – способе освоения территории, определении и выборе необходимых природных условий заселения, устройстве поселений, жилищ, погребений, производстве пищи, одежды, утвари. К X в. структура заселения племенного союза древлян, последовательно развиваясь, достигла своих наибольших пространственных и количественных характеристик.

Пространственный поэтапный анализ позволил определить системные признаки древлянского погрома великой княгини Ольги 945 г., красочно описанного в летописи. Непосредственная деструкция большинства племенных городищ дополняется картиной затухания жизни или ее полного прекращения во многих регионах бывшего племенного заселения. На протяжении второй половины X в. и всего XI в. наблюдается смещение зон внутрибассейнового заселения, исчезновение старых селитбных группировок и появление новых, в новых ландшафтных и коммуникационных условиях. Одновременно формируются каркас и опорные пункты для развития системы заселения XII–XIII вв.

Изучение территории и примененные исследовательские приемы позволили реконструировать характер, динамику, направленность и особенности управления специально организуемым Киевом заселением покоренной земли.

Основная масса населенных пунктов и населения к XIII в. сместилась на юг и сконцентрировалась в лесостепи. Лесостепных поселений не только количественно больше, они многолюднее полесских. Таким образом, пресловутый демографический взрыв XII–XIII вв. имеет вполне конкретные и зримые ландшафтные предпочтения. Из совокупной площади выявленных памятников XII–XIII вв. две трети сконцентрировано в пределах лесостепной зоны, ближе к ее границе с лесом (рис. 3). Реконструированные условные пятикилометровые ресурсные зоны поселений V–VII вв. охватывали не более 9%, в VIII–X вв. – 14%, а в XII–XIII вв. – уже 37% анализируемой территории.

Мы имеем дело с длительной, почти тысячелетней традицией заселения и хозяйственного освоения территории, видны тенденции и направления

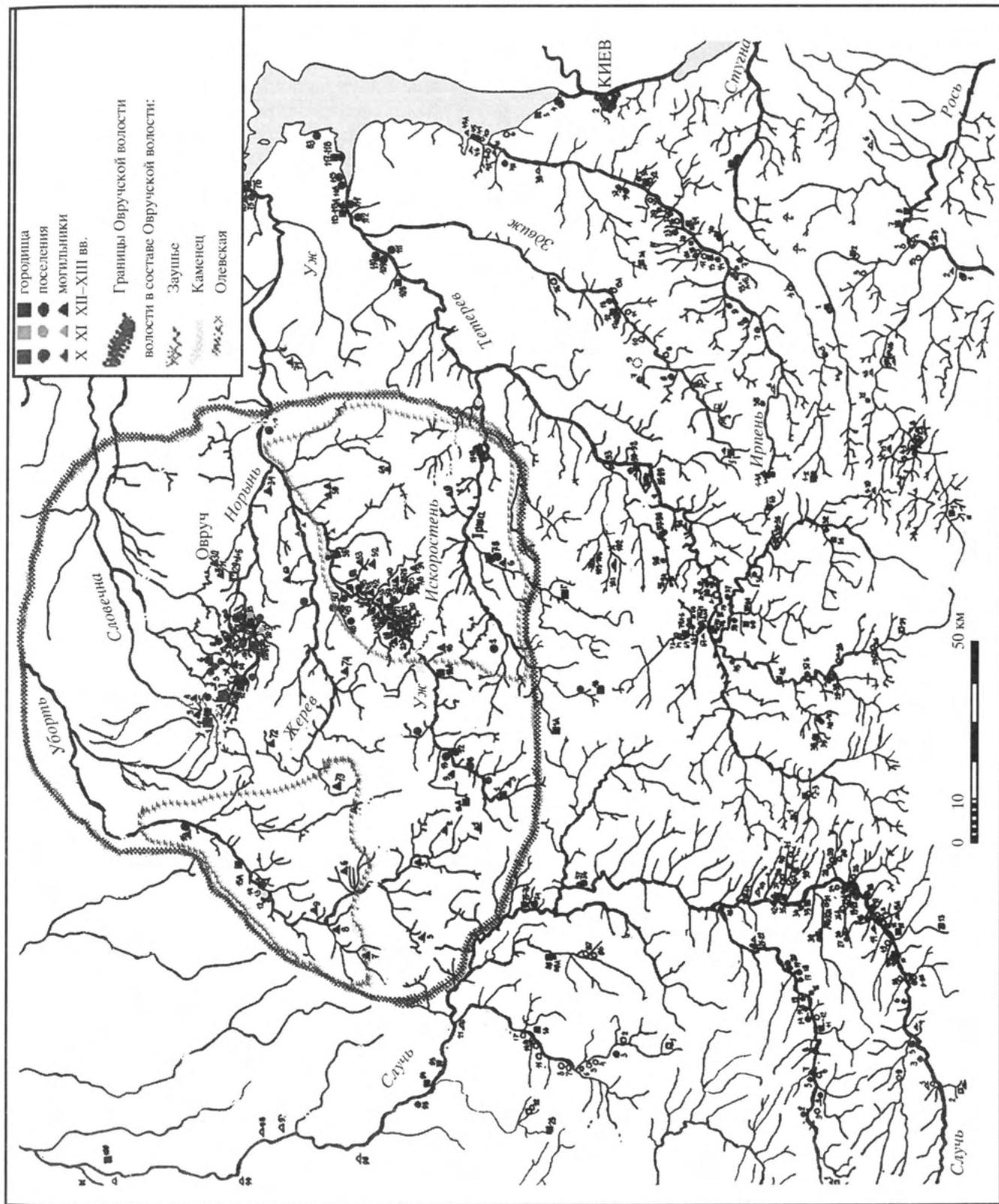
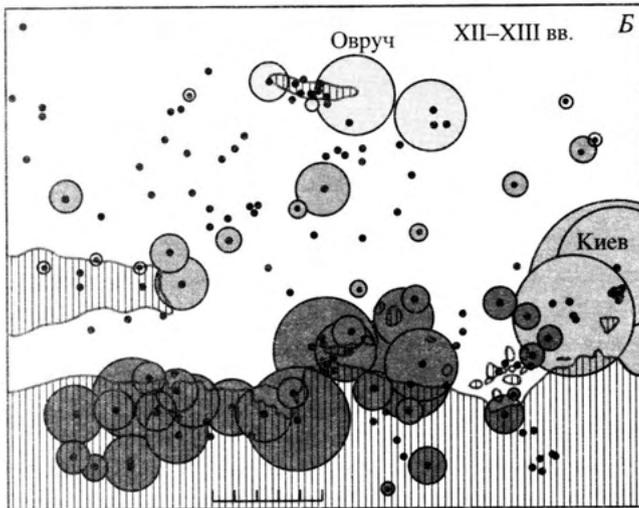
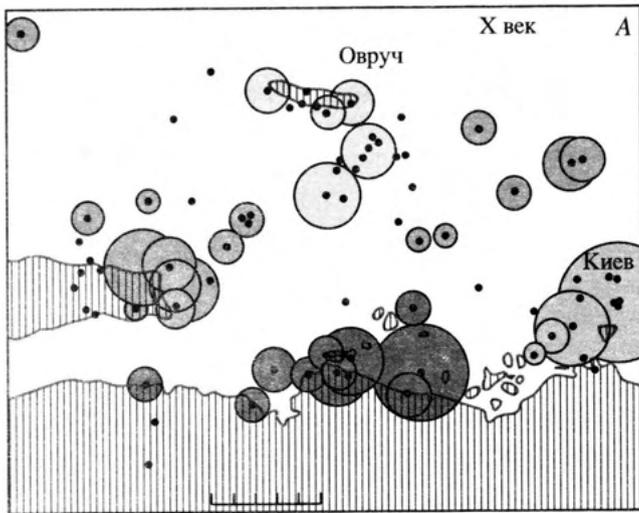

Рис. 2. Восточная Волянь древнерусского времени (рамка 250 × 290 км) с границами Овручской волости по состоянию изученности на 1993 год

Условные обозначения:

- Лесостепь и лесовые острова
- Ранжированные по площади культурного слоя населенные пункты. Радиус пропорционален площади НП
- Населенные пункты (НП)

Рис. 3. Схема смещения к XII–XIII вв. основной массы населения Древлянской земли на юг к экотону в область Болоховской земли, и на север, на территорию Овручской волости и Овручского края

этих процессов. Можно выделить три основных вектора ландшафтного освоения и расселения: 1) на лёссовые равнины с черноземными разновидностями грунтов; 2) к более продуктивным мореноводноледниковым и водноледниковым притеррасным ландшафтам; 3) к зональному экотону. Анализ динамики изменения палеоботанических спектров освоенных ландшафтов (в ресурсных зонах) в совокупности со спектрами поселений (на памятниках) позволил выделить магистральное направление аграрного развития: переход

от лесных огневоздействующих форм аграрной деятельности к поливариантным многопольным пропашным комбинациям, с соответствующим развитием разветвленного (дающего растениеводству необходимый объем удобрений) животноводства.

Анализ изучения динамики расселения и освоения ландшафтов выявил наличие усиливающихся со временем двух параллельных тенденций: 1. Развитие комплексного характера хозяйства отдельных населенных пунктов, расширение спектра хозяйственных занятий для насыщения растущих потребностей увеличивающегося населения. Эта тенденция наблюдается в полосах зонального и локальных ландшафтных стыков – экотон. Хозяйственную деятельность местное население нередко совмещало с выполнением специфических социально-политических, оборонных, торгово-обменных, коммуникативных и иных функций. 2. Развитие специализированного отраслевого (регионального и зонального) производства продуктов для внелокального потребления и распространения. Эта тенденция более характерна для глубинных, типичных, ландшафтно-монотонных природных массивов (сельское хозяйство в лесостепи, промыслы на полесье).

Проведенный анализ продемонстрировал глобальное изменение общей схемы исторической географии территории Древлянского племенного союза и формирование на его месте новых крупных социально-исторических организмов – волостей и земель. Эти новые явления были синхронны с кардинальными изменениями в хозяйственной практике и размещении массивов населения, положившими начало формированию современной территориальной структуры. На юге бывшей племенной территории сформировалась Болоховская земля, а на севере “Дерев” возникла Овручская древнерусская, а затем – средневековая волость. Кстати выяснилось, что оба этих исторических образования оказались разделены специально незаселенной в XII–XIII вв. полосой лесных массивов.

Уже на этом этапе наших исследований стала очевидной повышенная концентрация древнерусских памятников на Овручском краю, особая конфигурация и плотность местной системы заселения, связанной с производственной специализацией (Томашевский, 1993. С. 9).

Методика изучения системы заселения Овручского края

Реконструирования система заселения является синтезом всей суммы собранной информации. Основные методические приемы, последовательность осуществления исследовательских операций и аналитических процедур, апробированных нами в изучении систем заселения, уже неоднократно излагались (Томашевский, 2003). Здесь мы хотим

обратить внимание на несколько важных моментов, касающихся используемых методического аппарата и инструментария.

Изучение и реконструкция системы заселения Овручской волости с ее пространственной и физико-географической спецификой неизбежно потребовали разработки таксономически многоуровневой и многослойной ГИС, связанной с системой регистрационных и аналитических баз данных. В результате поэтапно была создана археолого-географическая информационная система (АГИС) "Овручский проект". Основы, условия, структура, достижения и проблемы АГИС "Овручский проект" изложены в специальной публикации (Томашевский, Вовкодав, 2007). Надо подчеркнуть, что яркая геоморфологическая специфика Овручского края в полевых и аналитических исследованиях на первый план вывела именно орографический фактор. Ведущее место здесь заняло цифровое моделирование местности. Для территории исследуемого региона были созданы серии многоуровневых цифровых моделей рельефа (ЦМР): общая модель Овручского края, микрорегиональные модели, модели отдельных памятников и объектов. Во многих случаях только объемные, трехмерные ЦМР дали возможность выразить и проанализировать топографическую, пространственную суть и специфику способа заселения конкретного древнего поселения, микрорегиона и территории в целом. Широко использовано тематическое многослойное картографирование, позволяющее выделять географическую и функциональную специфику населенного пункта и ареалов заселения.

Надо заметить, что основной организационно-технической проблемой в проведении как полевых, так и аналитических пространственно ориентированных исследований является отсутствие и недоступность необходимого картографического покрытия требуемых масштабов. В полевых разведочных поисках, аналитических прогнозах и реконструкции моделей заселения серьезный качественный рывок позволило совершить использование аэрокосмических материалов и данных дистанционного зондирования земли (ДЗЗ), полученных в последние годы благодаря налаживанию научного сотрудничества между Овручской экспедицией ИА НАНУ и Украинским центром менеджмента земли и ресурсов, а также Государственным научно-производственным центром "Природа".

О понятиях, используемых при анализе и реконструкции системы заселения

Археологический памятник в данной программе и во всем проекте является основной базовой таксономической единицей, рабочей категорией исследования и объектом исследования.

Расселение как один из видов жизнедеятельности населения отображает пространственно-

временную форму организации его существования (Фацевский, Палий, Немченко, Старостенко, 1992. С. 11). Территориальные совокупности населенных пунктов, связанных друг с другом производственными и социальными отношениями, рассматриваются как системы заселения (Алаев, 1983. С. 217–218). Признаками, которые объединяют совокупность населенных пунктов в систему, выступают: общность социальной и производственной инфраструктуры; производственные связи; наличие центров как главных элементов системы, иерархически связанных со всеми населенными пунктами; управляемость на основе административно-территориального деления. Населенные пункты как места проживания населения и его производственной деятельности являются базовыми элементами заселения (Фацевский, Палий, Немченко, Старостенко, 1992. С. 25–26). Соответственно и в данной работе основным объектом исследования выступают археологические памятники, в древности образовывавшие отдельные населенные пункты. Это понятие не только является рабочим инструментом в реконструкции системы заселения, но также очень важно в осуществлении непосредственного полевого поиска. Под населенным пунктом понимаем древний, территориально отдельный очаг достаточно длительного проживания, археологическим отображением которого является археологический памятник или комплекс археологических памятников. Выделение отдельных населенных пунктов на основе археологических памятников осуществляется при соблюдении требования синхронности (в границах этапов) и территориальной близости (например, 0,5 км). Демографический потенциал древнего населенного пункта определяется площадью распространения культурного слоя или совокупностью площадей памятников в многокомпонентных населенных пунктах, количеством курганов и их групп. Важными характеристиками населенного пункта является состав и структура археологических памятников, объединяемых в населенный пункт. Можно утверждать, что прослеживаются повторяющиеся пропорции в распределении между площадями комплексов, их сложностью (индекс) и количеством составляющих соответствующих памятников (городищ, поселений, курганов). Отдельный предмет разработки составляет проблема выделения и изучения функциональной дифференциации и типологии древних населенных пунктов.

Логика развития исследований подвела нас к необходимости разработки, создания и апробации геоинформационного палеоэкологического археолого-памятниковедческого комплексного паспорта для памятников археологии и археологических ареалов. В многооконном режиме представлены все имеющиеся варианты космических и аэроснимков, карты, планы, схемы микрорегионов, ЦММ разного происхождения, ДЗЗ, изображения вариантов зонирования соответствующих ресурсных

зон населенного пункта с тематическими слоями, зоны видимости, координаты и вся база геопространственных данных, как регистрационных, так и аналитически полученных. Геоинформационный паспорт памятника является составной частью общего информационного ресурса – паспорта объекта историко-культурного наследия вместе со связанными базами данных об артефактах, экофактах и их анализе, истории исследования, состоянии сохранности, административном подчинении, имеющейся полевой документации, собранной графической и фотодокументации и другой информации.

Задача детального углубленного изучения памятников и населенных пунктов неизбежно потребовала разработки и внедрения специальной *памятниковедческой программы*, ставшей отдельной программой проекта. С помощью специально собираемой архивной документации и обработки данных наших полевых исследований синтезируется, обрабатывается и анализируется комплекс памятниковедческой информации. Сюда входит выяснение того, какие угодья занимали и занимают сегодня памятники, как эта площадь эксплуатировалась раньше и теперь, устанавливается динамика собственности на эту территорию. Отдельный блок посвящен характеру, способам и степени исследованности памятника в диапазоне от стационарных профессиональных раскопок до разовых посещений и случайных сборов. Наконец, еще один блок этой базы данных посвящен фиксации степени сохранности памятника, определению реальных и потенциальных угроз и рисков для памятника как объекта культурного наследия. Ясно, что реализация этой программы тесно связана с изучением современных природных условий региона и палеоэкологической программой Овручского проекта.

В последние годы на основе привлечения к работе в проекте местных молодых исследователей, краеведов, преподавателей школ начались специальные исследования по микроистории отдельных сел, окружающих села пространств и микрорегионов. Наиболее интересным оказалось детальное картографирование микротопонимии урочищ вокруг исторически известных современных населенных пунктов, в окрестностях которых нами были обнаружены древнерусские и средневековые археологические памятники. Выявлен массив реликтовой топонимии и гидронимии, к конкретным урочищам и памятникам приурочены варианты местных исторических легенд об основании населенных пунктов и происхождении названий, часть из которых очевидно восходит к древнерусской традиции.

Заселение Овручского края в древности

Понятно, что для серьезного изучения системы заселения Овручского края необходимо представлять историю, географию, культурный контекст предшествующих эпох изучаемой территории.

История и периодизация заселения интересовала нас с самого начала реализации проекта. Собирались архивная и полевая информация о всех этапах заселения и освоения территории. В рамках проекта были проведены специальные полевые исследования интереснейших палеолитических памятников Овруч и Шоломки (*Нужный*, 1998; 2000). Разнообразные по функциональному назначению и датировке стоянки компактно расположены в юго-восточном микрорегионе массивов древних лёссов Овручского края. Памятники мезолита и неолита расположены в пределах дюнно-болотистых ландшафтов полесского типа, опоясывающих Овручский край со всех сторон. Памятники и находки бронзового века известны, в основном, также вокруг Овручского края. На самом крае материалы этого периода, а также раннежелезного века немногочисленны и невыразительны. Вследствие этого установить надежно их более точную культурно-хронологическую принадлежность невозможно. И это – несмотря на проведение сплошных многоразовых, радиальных и иных видов разведок и сознательную установку, равноценное внимание участников экспедиции к поиску артефактов всех эпох. Ясно, что системного заселения Овручского края в бронзовое и скифское время не было. Тем более интересны факты нахождения формочек, скорее всего вырезанных из овручского пиррофиллитового сланца, в некоторых ранних античных центрах северного Причерноморья*. Не выделены на Овручском крае и надежные материалы римского времени. Нами за все годы исследований не найдены здесь раннеславянские древности второй и третьей четверти I тыс. н.э. – Корчака и Луки-Райковецкой. Эти древности выявлены вне Овручского края, в бассейнах рек Ужа, Уборти, Ирши в пределах Овручской волости. Таким образом, необходимо констатировать, что древнерусское заселение Овручского края началось практически “с чистого листа”.

История изучения древнерусского заселения Овручского края

Предварительно собранная информация о древнерусских памятниках Овручского края показала, как мы уже упоминали, их особую концентрацию в этой зоне Овручской волости. Однако с точки зрения состояния и характера данных собранной тогда источниковедческой базы было так же ясно, что необходима организация и проведение специальных полевых разведок и раскопок для понимания реальной картины заселения, характера памятников и их особенностей.

*Специальный анализ этих свидетельств импорта пиррофиллитового сланца в античные центры через скифскую Невриду проводится в настоящее время.

Степень исследованности и методы археологической разведки

Как выглядела археологическая карта Овручского кряжа до начала осуществления Овручского проекта? Основой ее были данные, собранные, обработанные и опубликованные проф. В.Б. Антоновичем в его “Археологической карте Волынской губернии” 1901 г. Здесь была собрана и систематизирована вся накопленная к тому времени сумма знаний о памятниках археологии данной территории (Антонович, 1901. С. 1–140). К этой информации в XX в. добавились сведения о полутора десятках древнерусских памятников. Из них 8 памятников (7 НП) были описаны В.О. Месяцем в 1950-х – начале 1960-х годов (Житомирский музей); 2 городища (2 НП) изучены М.П. Кучерой в 1975 г.; 7 памятников (4 НП) выявлены и описаны Р.С. Орловым в 1983 г. Это были эпизодические разведки, в случае В.О. Месяца – плохо и неточно документированные. К 1993 г. имелись данные о 30 древнерусских памятниках Овручского кряжа, составлявших 18 реконструируемых отдельных населенных пунктов. Несмотря на широкую известность в археологической литературе Овручского региона и его наиболее эффектных артефактов – пиррофиллитовых пряслиц и других изделий из пиррофиллитового сланца, систематическое изучение местных древностей региона не проводилось.

Для изменения этого положения в 1996 г. началась реализация полевых исследований в рамках Проекта “Комплексного изучения и охраны историко-археологического и палеоприродного наследия средневековой Овручской волости на одноименном кряже” или сокращенно – Овручского проекта. В результате за 1996–2007 гг. ситуация радикально изменилась (см. табл. 1). Сравнительные данные о динамике количества выявленных древнерусских памятников приведено в таблице 1.

В настоящее время на Овручском кряже известно 145 древнерусских памятников, составлявших в древности 42 населенных пункта: 6 городищ с посадами, 5 селища, 5 местонахождений, 5 групп карьеров и 64 могильника.

Таблица 1. Динамика количества выявленных древнерусских памятников

	Количество древнерусских памятников	Количество древнерусских населенных пунктов	Среднее количество памятников в составе населенного пункта
Всего к 1993 г. было известно:	30–34	18	1,8
Работами Овручского Проекта, 1996–2007 гг.	145	42	3,5
Среднее увеличение количества с 1993 по 2007 г.	в 4,5 раз	в 2,3 раза	почти в 2 раза

В настоящее время Овручский кряж принадлежит к числу наиболее изученных регионов Киевской земли. В то же время с точки зрения требований детальной сплошной археологической разведки территории состояние исследованности еще недостаточно и мы не можем сейчас выполнить полную реконструкцию, создав законченную модель системы заселения Овручского кряжа и волости. Поэтому окончательные цифровые количественные модели пока преждевременны. В полевом аспекте еще остается не достаточно обследованным ряд микрорегионов. Не завершено изучение объектов, верификационное прогнозирование и вариантное моделирование. Однако мы можем с большой степенью уверенности наметить основные тенденции расселения, определить закономерности, особенности и специфические черты этого региона среди соседних. Нами составляются и постоянно обновляются специальные карты с нанесенными зонами посезонного обследования территории, в базах данных фиксируется информация о частоте, характере, объеме исследования и способе документирования каждого известного или вновь выявленного памятника и территории, от случайного посещения до спасательных или плановых раскопок.

Здесь уместно сказать несколько слов о полевом опыте и исследовательских шаблонах.

Оказалось, что отработанные десятилетиями приемы и подходы к полевому поиску и разведке древнерусских памятников в зонах Полесья и лесостепи не срабатывали на Овручском кряже в необходимой степени. Предыдущий опыт, полученный при изучении равнинно-низинных полесских территориальных систем заселения, где населенные пункты славяно-русского периода почти всегда привязаны к рекам и, в частности, к приречным террасам, оказался малоэффективным. Неприменимыми напрямую в условиях ограниченного обводненными равнинами возвышенного и сильно дренированного Овручского лёссового острова оказались также модели террасно-балочного бассейнового освоения лесостепных пространств. Потребовались сезоны полевых разведок, пространственный анализ собранной и многократно перепроверенной в поле информации, чтобы научиться выявлять древнерусские памятники и подойти к пониманию региональных моделей заселения Овручской кряжа. Необычность и нестандартность поиска потребовали развития и адаптации методики проведения всех разновидностей полевых разведок.

Мы столкнулись с определенными объективными и субъективными трудностями в проведении полевых разведок. В условиях относительно густо заселенного и хозяйственно освоенного сегодня

кряжа большинство древних поселений находится близ сел, на огородах и на территории сельских усадеб. На древнерусских курганных некрополях часто расположены современные деревенские кладбища. В последние десятилетия резко активизировалась и расширилась криминальная деятельность мародеров, именуемых почему-то “черными археологами”. Изменение статуса собственности земельных угодий также не способствует сохранности памятников. Для территории Овручского кряжа характерна длительная история антропогенных изменений природной среды, влияющих на историю существования и современное состояние сохранности памятников.

Комбинации сложных разновременных природных процессов и антропогенных трансформаций создают сложности в поиске памятников и интерпретации полученных результатов. Например, мы столкнулись с интересным, но непонятым до сих пор фактом залегания на значительной площади срединной возвышенной части кряжа погребенных гумусированных почв. Они залегают на вершинах гряд, по сути – водоразделах, под значительными по мощности верхними пластами лёссовых суглинков, выходящими на пахотную поверхность. Причем на поверхности этого распаханного или слабо задернованного слабогумусированного суглинка находятся редкие средневековые артефакты. Шурфовка на местах этих находок дает почти метровый слой суглинка, ниже которого начинается глубокий (тоже до метра) слой темного гумусированного погребенного “мертвого” чернозема без видимых пока следов культурного слоя и находок. Поскольку это – практически самые возвышенные и удаленные от водных артерий местные участки – гряды, сложно предположить, откуда могли взяться огромные массы перекрывшего их суглинка и какими силами они вообще могли быть перемещены. Неясно и время происхождения этого феномена, равно как и происхождение находимой на поверхности немногочисленной фрагментированной керамики.

Неясность, нечеткость или сознательное искажение приведенных скупых привязок затрудняет обнаружение некоторых, якобы найденных в 1950–1960-х годах памятников. При этом характерно, что при наличии необходимых ресурсов (время, транспорт, финансирование) значительно более удачно складывается поиск памятников, описанных у В.Б. Антоновича, П.А. Тутковского и других ученых XIX–XX вв.

Складывание системы заселения на Овручском кряже в X веке

Итак, данные, которыми мы располагаем на сегодняшний день, свидетельствуют о том, что системное заселение кряжа началось после середины X в. Достаточно развитая керамика второй полови-

ны X в. н.э. встречена нами на большинстве открытых поселений и всех городищах Овручского кряжа. Надежно диагностируемых материалов ранее второй половины X в. (славянских и раннерусских) в течение 10 лет работ на кряже практически не найдено. Памятники древлянского облика начала – первой половины X в. известны сегодня на южных подступах к кряжу. Очевидно, что традиционное расселение древлян и освоение ими “Дерев” не охватило территорию кряжа в силу хозяйственных причин. Видимо, тогда не было необходимости и возможности осваивать лёссовые возвышенности, покрытые плодородными серыми лесными почвами. Это означает, по нашему мнению, что системное заселение кряжа следует связывать с государственным освоением этого региона после событий 945 г. и военной деструкции системы заселения Древлянского племенного союза. Освоение обширных пространств Овручского кряжа является уникальным примером целенаправленного, спланированного, организованного и направляемого киевской великокняжеской администрацией государственного заселения значительного по масштабам и потенциалу внутреннего неприграничного региона. Еще раз подчеркнем, что не только административные, технологические но и хозяйственно-экологические условия для освоения данной территории сложились лишь с приходом сюда представителей и ресурсов киевской великокняжеской администрации. Опыт хозяйственного, прежде всего – аграрного, освоения лёссов и плодородных почв на них не был наследием древлянской аграрной традиции, а был результатом переноса сюда опыта освоения аналогичных территорий в Киевском Приднпровье и Причерноморье. Изучение такого способа заселения, не имевшего обычных предшествующих традиций, представляет большой научный интерес. Он тем более закономерен, если учитывать многочисленные собственно природные и производные от них особенности самой территории. Очевидно, что стратегия и задачи заселения Овручского кряжа предполагали реализацию двуединой цели: 1) администрирование покоренной и включенной в состав Киевской земли территории разгромленного племенного Древлянского союза; 2) освоение и хозяйственная разработка уникальных местных природных ресурсов: различного камня, залежей железа, лесных богатств. Железодобывающий и железообрабатывающий комплекс на службе овручской пиррофиллитовой индустрии и интенсивного аграрного освоения Овручского лёссового острова на кряже.

С темой государственного освоения и заселения Овручской волости связано участие предполагаемых иноэтничных компонентов в складывании и развитии системы заселения Овручской волости.

Здесь несколько слов следует сказать о так называемом византийском следе. Сооружение церкви

Богородицы Десятиной в Киеве в 90-х годах X в. маркирует дату начала масштабного использования декоративно-отделочных строительных материалов исключительно овручского происхождения – овручского пиррофиллитового сланца (неправильно именуемого шифером) и овручского красного кварцита. Эти овручские минералы в значительных объемах использовались для изготовления стеновых поясов-прокладок, рельефных резных панно, парапетов, цельноплитовых и мозаичных полов, карнизов арочных пят, баз колонн, лестничных ступеней и перекрытий ходов на хоры, плитовых саркофагов и в качестве фундаментных камней. Чтобы использовать готовые изделия из данных минералов в строительстве уже первых каменных храмов и дворцов Киева, необходимо было предварительно на месте их нахождения провести значительные поисково-разведочные работы, оценить их запасы, развернуть достаточно мощную по тем временам производственную инфраструктуру, создать транспортную систему, обеспечить все этапы добычи, первичной обработки и транспортировки сырья и изделий рабочей силой и условиями ее существования. Знания об облике и инженерных свойствах перечисленных архитектурно-декоративных элементов были в то время, безусловно, только у непосредственных представителей византийско-корсунской строительной традиции, приглашенных в Киев. Оценить на месте декоративный и архитектурный потенциал материалов, возможность и объем его добычи, обработки и транспортировки могли только греки. Они же, по-видимому, принимали участие в открытии разработок первых сырьевых карьеров, налаживании первых производственных центров, формировании производственных навыков и технологических приемов добычи и обработки сырья, изготовлении первых образцов продукции. Такой проект мог осуществиться лишь при активном руководстве всеми его этапами и звеньями представителями великокняжеской администрации, консультируемыми соответствующими греческими специалистами. Изучение собранных нами данных и материалов позволяет говорить, при всей сложности археологического отражения подобных явлений, о наличии некоторой суммы археологических, палеоботанических и иных доказательств пребывания тут византийских мастеров и участия их в становлении местной системы заселения и промышленности.

Ятвяги, балтийские элементы и история Овручской волости

Область распространения курганов с каменными кругами – кромлехами доходит до р. Случи на юге и охватывает бассейн р. Уборть и водораздел Уборти – верхнего Ужа. Крайним восточным пунктом распространения этих курганов является

Городец на западной оконечности Овручского княжества. Характерно, что только здесь, в Городце, вокруг грандиозного комплекса из трех городищ, посада и селища общей площадью 20–25 га находятся три могильника, где все курганы были с каменными конструкциями. В других же известных подобных могильниках X–XIII вв. (Ходурки, Андреевичи-Мокляки, Велика Глумча, Зубковичи, Лопатичи, Олевск, Тепеница) такие “каменные” курганы соседствуют с другими типами погребений без использования камней. Вокруг Городца (возможно, в древнерусское время – Каменца – Камня) как пространственно и демографически центрального места всей локальной системы заселения мы и реконструируем Каменецкую (Каменщину) волость (рис. XVIII).

О расселении киевскими князьями ятвяжского населения, могут свидетельствовать документы начала XV в. о подчиненности Каменецкой и Убортской волостей виленским Капитулу и Епископии, что зафиксировано в жалованной грамоте Витовта под 1412 и 1415 гг. Возможно, что это ятвяжское (прусское, мазовецкое или шире – прибалтийское) население появилось здесь уже после похода князя Владимира Святого на ятвягов в 983 г. (ПВЛ, 1996. С. 38). Известно, что походы киевских и волыньских князей на ятвягов имели место в XI и XII вв. Переселенцы, оторванные от родины, не имеющие в местной среде своих корней и поддержки, ориентировались на службу киевскому князю. Они должны были стать надежной региональной опорой в деятельности киевской великокняжеской администрации по коренному переселению покоренной Древлянской племенной земли и созданию новой поселенческой, управленческой, промысловой инфраструктуры рождающейся Овручской волости. Такое “балтийское” присутствие в Овручской волости (кстати, фиксируемое здесь и антропологами) в некотором смысле созвучно и идее А.В. Назаренко о торгово-коммуникационных мотивах древлянского погрома великой княгини Ольги и необходимости для Киева гарантировать свободное прохождение денежно-торговых потоков через Дерева и Волынь далее на запад до Регенсбурга (Назаренко, 2001). Любопытно в этой связи, что именно в Дорогичине, считавшемся центром ятвягов (Седов, 1982. С. 412–413), отмечается помимо пломб необычная концентрация и овручских пиррофиллитовых пряслиц (Рыбаков, 1948. С. 470–471).

Исторические, топонимические, микротопонимические данные, появляющиеся в нашем распоряжении в последнее время, позволяют предполагать наличие следов присутствия среди собираемого киевской великокняжеской администрацией населения Овручской волости представителей и иных этносов: половцев – куман, алан, татар и др. Проблема их надежной археологической идентификации важна и актуальна.

Средневековая Овручская волость и феномен овручской околичной шляхты

Программа изучения древнерусской системы заселения Овручского княжества и волости неразрывно связана с программой, посвященной позднесредневековой истории и археологии региона. Изучение средневековой Овручской волости позволило детально определить ее внешние границы и внутреннюю структуру в XIV–XVI вв., которые пространственно совпадают с археологически реконструируемым древнерусским заселением этой территории. Средневековые данные являются важной пространственно-хронологической опорой и подсказкой для прогнозного “вычисления” и поиска в поле искомым древнерусских памятников.

Сумма собранных и обрабатываемых данных свидетельствует о том, что внутренняя структура волости, ее основные элементы, конфигурация границ и другие пространственные характеристики сложились в древнерусское время и были наследованы в Средневековье, когда и были зафиксированы письменными свидетельствами XIV–XV вв. Изменяясь в своих границах, средневековая Овручская волость к XIX в. территориально трансформировалась в Овручский уезд.

В состав этого административно-территориального образования, кроме ядра собственно на Овручском княжестве, входили: волость Заушье (Завшье) в бассейне р. Уж (Уш), Олевская волость (Волевщина) в бассейне Уборти, Малинская волость на р. Ирша. Также на северо-западе края Словечанско-Овручской возвышенности находились отдельные Каменецкая волость (Каменщи(з)на), и Убортская в нижнем течении Уборти, зафиксированные, как уже говорилось, документами начала XV в. как собственность виленских капитула и епископов (*Клепатский*, 1912. С. 224–229; *Крикун*, 1993. С. 169).

На уровне населенных пунктов структура волости выглядит достаточно мозаично (рис. XVII, XVIII). Это коронные замки, владения овручской околичной шляхты, селянские мужицкие села, магнатские владения, еврейские местечки, колонии западноевропейцев, села староверов.

Профессор В.Б. Антонович в своей специальной работе, посвященной Овручской околичной шляхте, высказал и аргументировал предположение о том, что этот исторический социальный феномен являлся прямым генетическим продолжением и наследием местного древнерусского боярства (*Антонович*, 1867). Значение факта сохранения в XV в. значительного по площади и объему реликтового древнерусского массива населения в условиях южнорусских историко-географических и археологических реалий невозможно переоценить.

Известно около 55 родов овручской околичной шляхты на территории бассейнов рек Ужа, Иршы, Уборти, Норыни, Словечны и Жерева (рис. XIX,

XX). Овручская околичная шляхта характеризуется комплексом специфических черт: существованием документации боярского происхождения и землевладения, датируемой начиная с XIV–XV вв. (с традицией к удревнению); отчаянным отстаиванием своих прав и привилегий; стойким православием на протяжении всей истории; клановым устройством сел и локального расселения; наличием мощного пласта разноплановых реликтов этнологического характера (обряды, фольклор, вышивки и пр.); спецификой устной языковой традиции и диалектологии (топонимия, гидронимия, древнейшие названия поселений и их легендарные объяснения); родовыми преданиями и геральдикой. Сейчас существуют различные (этносоциально и хронологически) концепции происхождения овручской околичной шляхты, считающие ее либо остатками древнерусского служилого населения, т.е. дружины – бояр, или потомками приведенных Литвой татар и / или другого не местного населения.

Лишь на определенном этапе полевых исследований и реконструкции поселенческих процессов древнерусского времени, стало возможным подойти к изучению связей между этапами развития средневекового населения волости и феноменом Овручской околичной шляхты. Поливариантное картографирование и археологические материалы, впервые полученные нами, открыли возможность для пространственного историко-археологического изучения этого феномена в контексте развития системы заселения Овручской волости.

Наложение карты древнерусских археологических памятников и родовых гнезд овручской околичной шляхты позволило сделать важные наблюдения. В основе большинства обследованных нами существующих сел, известных по документам как гнезда овручской околичной шляхты, обнаружены древнерусские памятники. Значит, эти населенные пункты были вкраплены в древнерусскую систему заселения, и мы наблюдаем явление поступательной преемственности (вплоть до современности) как минимум целого сегмента древнерусской системы заселения. Родовые гнезда овручской околичной шляхты как населенные пункты Овручской волости возникают в сердцевине и по краям ареалов традиционной концентрации гнезд раннеславянских памятников Луки-Райковецкой и опорных пунктов конца IX – первой половины X в. Ушской и Иршанской групп бассейновой системы заселения Древлянского племенного союза. Хронология археологических памятников и соответствующих населенных пунктов еще не совершенна и базируется пока лишь на данных разведок. Большинство приемлемо изученных поселений содержат материалы X–XIII вв. и всего периода позднего Средневековья. Последующие культурно-хронологические комплексные исследования родовых гнезд овручской околичной шляхты, их материальной культуры и ее традиций позволят, как мы надеемся, получить ответ на вопрос: если это древнерус-

ское население и заселение, то когда именно оно возникло? Это могло произойти в X – начале XI в., оно было направлено против покоренных древлян и организовывалось для контроля осваиваемой и переселяемой киевской великокняжеской администрацией бывшей племенной территории. Так же это могло происходить во времена Рюрика Ростиславича и расцвета его волости. Нам кажется наиболее соответствующим археологическим данным вариант, предусматривающий постепенное появление и разрастание боярско-дружинных безусловных владений, начиная с X в., вкрапленных и вписанных в общую систему административно формируемой волости.

На Овручском кряже родовые гнезда овручской околичной шляхты размещаются в северо-восточной части кряжа вокруг Овруча, на широтных коммуникациях, а также в западной части кряжа, в районе стыка с волостью Каменец (рис. XIX, XX). На уровне древних населенных пунктов и микрорегионов заметно, что родовых гнезд овручской околичной шляхты нет в пределах основных опорных центров овручской пиродилитовой индустрии. Эти родовые гнезда не связаны и со всеми шестью городищами, часть которых (дожившая до XIII в.), по нашим наблюдениям, превращается в литовское время в опорные военные замки. Получается, что те древнерусские населенные пункты, которые были связаны с осуществлением великокняжеского контроля (овручским князем и его администрацией) – укрепления и высоко специализированные производственные центры – после 1240 г. изменили свой статус и перешли в владение Литвы (а потом – Польши). “Села” и “жизнь”, пожалованные князем служилым дружинникам и боярам были безусловными владениями и оставались гнездами выживших кланов на протяжении Средневековья и Нового времени.

Программа изучения волости средневекового времени и феномена овручской околичной шляхты разрастается и включает все новые потенциальные исследовательские подпрограммы. Перспективы изучения данного явления лежат, конечно же, в плоскости организации и реализации комплексных междисциплинарных историко-археологических, этнолингвистических, медико-генетических и антропологических исследований. На повестке дня специальное детальное изучение родовых гнезд, их орографии, планировки, динамики пространственных переносов поселений, исторической микрогеографии и археологии, особенностей материальной культуры.

Система заселения Овручского кряжа

Карты древнерусского заселения (поселения показаны знаками, сомасштабными картографической основе) мы разместили на цветных и черно-белых трехмерных орографических моделях Овручского кряжа и прилегающих равнинных

территорий. Для большей наглядности некоторых аспектов и конфигурации заселения может быть полезной схема размещения древнерусских населенных пунктов без географического фона (рис. 4; XXI). Мы видим, что древнерусскую систему заселения на Овручском кряже можно разделить на восточную и западную части, отделенные неосвоенным пространством. Так же выделяются северная и южная зоны – полосы заселения, совпадающие с линиями северных и южных внешних уступов и склоновых террас Овручского кряжа. К этим полосам приурочены современные трассы дорог и зона наиболее плотного размещения древних и существующих населенных пунктов (рис. XX; 4). В ходе более детального анализа на основе комбинации и совмещения описанных выше восточной, западной, северной и южной зон были выделены четыре зоны типичного заселения. Они отличаются преобладанием присущих только им характеристик геоморфологии, рисунка рельефа, совокупностью элементов ландшафта (рис. XXII).

Выяснилось, что для Овручского кряжа был определяющим не бассейновый, а орографический принцип расселения. Расселение организовывалось на кряже, расчлененном и омываемом разно-ориентированными реками разного порядка и различных речных систем. В данном случае гидрографический принцип заселения подчинен топографическому. Фактор сложности рельефа, изрезанности поверхности был определяющим в складывании очертаний и конфигурации системы заселения древнерусского времени и последующих эпох. Заселение здесь формировалось вокруг серединной части кряжа, расчлененного массивами овражных долин и яров меридиональной ориентации, обращенных, в зависимости от зоны кряжа, соответственно на север и юг (рис. XXIII).

При изучении системы заселения такого орографически и топографически сложного природного создания, как Овручский кряж, неопределимую роль играют материалы аэрокосмических съемок и данные дистанционного зондирования земли. Вместе с комбинированными реконструкциями они помогают выявлять важнейшие особенности всей системы заселения, ее отдельных регионов, сегментов и узлов. При моделировании взгляда “сверху” они становятся наиболее очевидными, хотя формировались эти очертания древней системы заселения, естественно, вне возможности оценить ее с высоты (рис. XXI, XXIV, XXV).

Следует подчеркнуть, что именно система заселения наиболее зримо ощущается и проявляется как таковая в своей коммуникационной проекции. Коммуникационная модель сочетает в себе как пространственно четко привязанные археологически датированные опорные узлы, образующие каркас расселения, так и предполагаемые трассы путей сообщения между этими узлами (рис. XXVI).

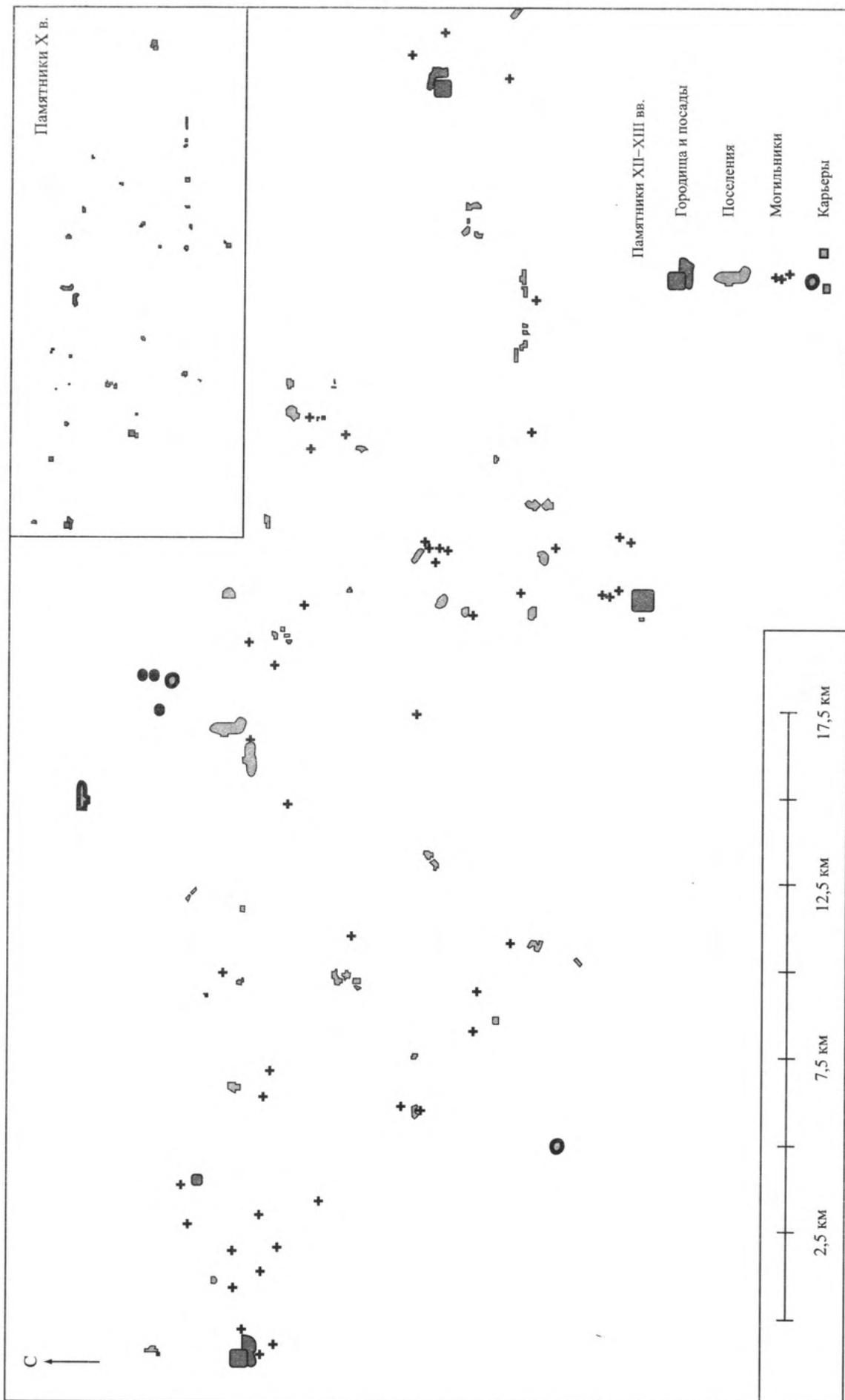

Рис. 4. Карта конфигурации и структуры древнерусской системы заселения Овручского края вне геосновы

Геоморфологический фактор (количество и сложность водных преград, эрозионная сеть, уровень пересеченности местности) определяет внутреннюю структуру межзловых коммуникаций, степень сложности и доступности отдельных населенных пунктов. Выделяются основные и локальные возможные коммуникации. Одни опоясывают как кряж в целом, так и отдельные его возвышенные, сильно расчлененные массивы на востоке и западе. Другие трассы прокладывались через такие массивы с несколькими внутренними водораздельными грядами. Очень интересно, что переходы и проходы между верховьями оврагов и обходы их по водоразделам часто маркированы курганами и курганными группами – своеобразными реперами путей тысячелетней древности (рис. XXVII, а также рис. XXIII). Важно, что и сейчас мимо таких перевалов и курганных групп (к сожалению, сильно поврежденных грабителями) проходят дороги, соединяющие села на северной и южной стороне Овручского кряжа. Связь ядра заселения на кряже с остальной территорией Овручской волости осуществлялась из нескольких ключевых узлов, чаще всего – через контролируемые основные внешние направления (по странам света) городища. Внешние сухопутные пути сообщений с другими волостями, землями и городами дополнялись коммуникациями через реки, прежде всего – по системе рек Норын – Уж – Днепр и Припять. Для периода максимального расцвета древнерусского заселения наблюдаются усложнение сети коммуникаций, формирование инвариантных внутренних переходов (так называемых решеток) между соседними узлами и звеньями коммуникационных цепочек системы заселения.

Коммуникации и расселение Овручского кряжа и волости еще не изучены в полной мере. Поэтому нет смысла приводить имеющиеся на данный момент, но еще не окончательные цифровые значения основных параметров, индексов близости, соседства, тяготения, характеризующих систему заселения. Однако порядок их уже понятен, максимальные пределы значений – тоже. Минимальные измеряемые значения еще могут уточняться, очевидно, в сторону еще большего уменьшения. Так, среднее расстояние до ближайшего населенного пункта в выделенных четырех типичных зонах заселения на кряже колеблется в пределах от чуть более 2 км до 1 км, приближаясь в средних значениях по кряжу к 1,5 км. Показатели плотности населенных пунктов, ожидаемого расстояния между ними, общего индекса соседства по зонам и в регионе демонстрируют – по мере наращивания информации – картину оптимизированной и гармонизированной системы заселения. Заметны проявления процессов протоагломерирования, стягивания, которые фиксируются не только вокруг городов (комплексов городищ с посадами, селищами и могильниками), но и в районе концентрации специализированных производственных пиррофилитообработывающих поселений, где наблюдается свое-

Таблица 2. Количественные показатели площади населенных пунктов овручского кряжа

Населенный пункт	Структура	Площадь max, га	Площадь min, га	Площадь средн., га	Курганы, кол-во
Скребеличи I–IV	C4M3	8,81	3,88	6,34	6
Прибытки I–III	C3M2	9,25	6,6	7,93	162
Татаринка – Рудка					
Швабы	C1	10	3,5	6,75	
Белка I–II	C2M1	10,02	6,9	8,46	16
Чернеций Лан					
Шоломки	C8M2	10,7	8,3	9,5	30
Овруч весь	G2П1M1	20,35	20,35	20,35	2
Городец	G3П1C2M3	23	28	18	132
Норинск	G1П2C2M3	35,71	21,28	28,5	210
Нагоряны – Хлупляны	C3M4	39	21,8	30,4	274
Всего на кряже:		241,93	165,3	195,2	1730

образный сгусток поселенческой и коммуникационной инфраструктуры.

Думается, что несколько преждевременно использование имеющихся данных о площади населенных пунктов (и численности курганов в соответствующих могильниках) для определения демографического потенциала и создания иерархической шкалы овручских населенных пунктов. Имеющиеся в нашем распоряжении данные представлены в таблице 2.

Отчетливо видно, что наибольшую площадь имеет Нагорянский поселенческий узел, тем более, если присоединить ближайший к нему и сходный по функциональной принадлежности населенный пункт Скребеличи. Вместе они составляли в X–XIII вв. единый поселенческий микрорегион с несколькими специализированными производственными пиррофилитообработывающими поселениями, карьерами, транспортной инфраструктурой и многочисленными обширными могильниками. Кроме Нагорян, самыми мощными демографически являются три крупных городских населенных пункта со сложной внутренней структурой на базе городищ, посадов, окольных градов, селищ и нескольких могильников. Они совмещали ряд административных и хозяйственных функций, были центрами своих округ и агломераций.

Наконец, коснемся кратко вопроса о плотности и освоенности территории Овручского кряжа и Овручской волости. Состояние изученности и моделирование позволяет утверждать, что лимит топографических, почвенных, ландшафтных, водных и прочих условий, необходимых для основания и роста поселений оставался в значительной степени не исчерпанным, а имеющийся фонд пригодных мест не освоенным.

Факторы формирования системы заселения

Заселение на кряже формировалось под действием суммы основных взаимосвязанных факторов различного порядка, определяющих месторасположение древних населенных пунктов. Основными среди них являются:

Геопространственный: геотектоника и обусловленные ею геоморфология, рельеф, орография поверхности.

Геохозяйственный и функциональный: минерально-сырьевой потенциал микрорегиона, определявший промышленно-технологическую специализацию.

Пространственно-коммуникационный: предельно допустимые и рациональные расстояния до соседних НП и общесистемного центра.

Ландшафтно-экологический: наличие комбинации потенциально необходимых для жизнеобеспечения условий, в том числе – близость (и высота) к ближайшей доступной водной артерии.

Наиболее сложная, интересная и важная исследовательская задача – выяснить, действие каких же из этих факторов, точнее – их комбинации, были определяющими и насколько как в каждом отдельном случае для населенного пункта или звеньев заселения, так и в целом для всей системы заселения региона.

Геология и тектоника

В ходе реализации геолого-минералогической программы Овручского проекта нам удалось собрать и получить различные по характеру и информационной основе эксклюзивные пространственные данные о геологической истории и о строении изучаемой территории. Эта информация была картографирована, в том числе и средствами ГИС, а полученные картосхемы были сопоставлены с другими картографическими слоями. Появилась возможность с помощью наложения и совмещения масштабированных тематических слоев карт исследовать геологическую, геотектоническую подоснову складывания разновременных систем заселения всей территории Овручской волости, ее административно-территориальных элементов, отдельных регионов, древних и современных населенных пунктов.

Оказалось, что границы Овручской волости в значительной степени совпадают с границами так называемого Коростенского плутона, в основании Овручского кряжа лежит так называемый Овручский грабен (рис. XXVIII). Эти грандиозные и очень сложные по составу и истории формирования структуры обусловили уникальность природных компонентов в глубине земли и на ее поверхности. Детально прослеженное совпадение тектонических линий и контуров разломов; речных

долин, разломных нарушений и коммуникационных путей, пунктов вулканизма и археологических объектов на территории Овручской волости открыли принципиально новые возможности для изучения и интерпретации связей природных и историко-археологических территориальных комплексов в рамках единого природно-исторического организма. Впервые появились научно документированные основы для постановки и методически корректного исследования таких интересных вопросов, как влияние глубинного геотектонического строения на развитие конкретных популяций древности и в целом на формирование локальной традиции заселения. Мы получили также очень важную возможность соотнести археологически выявленные специализированные средневековые карьеры по добыче пиррофиллитового сланца и кварцита с геологическими данными о месторождениях этих минералов и их свойствах.

Эколандшафтная основа заселения Овручского кряжа

Изучению ландшафтной подосновы заселения посвящена специальная программа Овручского проекта, и результатам проведенных в ее рамках исследований следует, видимо, посвятить отдельную работу. Здесь мы коротко коснемся лишь нескольких аспектов, связанных с развитием местной системы заселения. Моделирование и пространственное зонирование ресурсных зон древнерусских населенных пунктов в совокупности с данными о расстояниях между ними показало практически повсеместную их сомкнутость, что является свидетельством высокого уровня хозяйственной освоенности территории (рис. 5; XXIX).

Нами был осуществлен отбор датированных проб грунта из заполнений археологических объектов. В ходе проведения стационарных раскопок осуществлялась полная промывка заполнения объектов, что обеспечило исчерпывающий сбор содержащихся в заполнении артефактов и экофактов. В результате были получены синхронные палеоботанические (ПБС) и палинологические (ПнС) спектры наиболее интересных памятников в составе таких населенных пунктов, как Овруч, Городец, Нагоряны, Прибытки, Норинск и Листвен. Они раскрыли не только ассортимент выращиваемых аграрных культур, но и состав рудерально-сегетальной флоры, показали направленность и динамику антропогенных трансформаций в микрорегионах заселения и на Овручском кряже в целом.

Ландшафтная приуроченность памятников Овручского кряжа своеобразна. Большая часть населенных пунктов находится в экотоне на ландшафтной границе, геоморфологическом и почвенном барьере (рис. XXIX). Половина площадей вымежеванных соседними ресурсными зонами населенных пунктов расположена на лёссовом

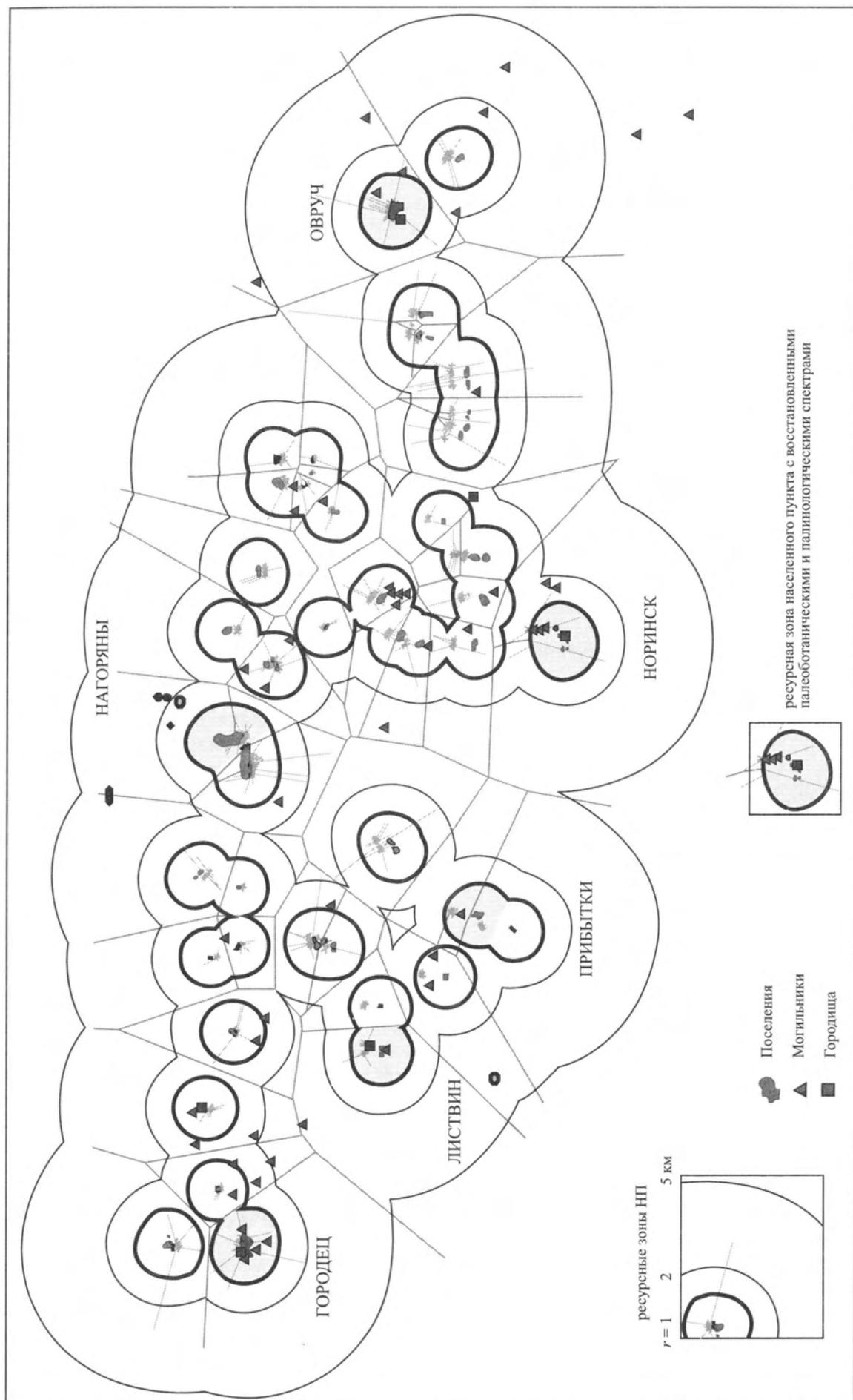

Рис. 5. Картограмма реконструированных условных ресурсных зон древнерусских населенных пунктов Овручского края, схема суммарной освоенности ресурсными зонами с радиусами 1, 2 и 5 км площади края, с указанием тех из них, для которых проанализированы синхронные палеоботанические и палинологические спектры

кряже, а половина – вне лёссовых массивов в моренных долинах и речных террасах. Примерами могут служить ресурсные зоны населенных пунктов Нагоряны, Прибытки, Збраньки, Норинск, Полохачёв, Левковичи, Черевки и др. На самом крупном производственном пиррофилитообработывающем поселении Нагоряны отчетливо выраженная линия экотона, отделяющего лёссовую часть от песчаной ледниковой, проходит прямо через площадь самого памятника, поперек его меридиональной оси и обводняющей речки.

Функциональные особенности узлов систем заселения

Можно утверждать, что на Овручском кряже система древнерусского заселения в целом и отдельные ее сегменты были в значительной степени функционально детерминированы. Функция населенного пункта, возможно, определяла не только размещение, локальную селитебную структуру, демографический потенциал, положение и значение конкретного поселения в общей иерархии каждого из узлов заселения микрорегиона, но и весь процесс создания системы заселения, ее конфигурацию. Функционально обусловленные сегменты подчиняли себе другие звенья заселения и таким образом формировали всю систему заселения, определяли ее пространственные и качественные характеристики. Это обстоятельство связано так же с этапами зарождения, складывания, развития и позднейшего трансформирования системы заселения. Уникальность системы древнерусского заселения Овручского кряжа связана с тем, что это было целенаправленно создаваемое ядро Овручской волости со своими специальными задачами. Овручский кряж – это заселяемая и осваиваемая земля, но не завоевываемая, без предшествующего покорения и уничтожения аборигенов. Изначально местное заселение было подчинено выполнению суммы специальных экономических и административно-управленческих задач.

Производственная специализация

Изучению организации и функционированию специализированных камнедобывающих и камнеобрабатывающих поселений посвящена специальная программа Овручского проекта. Результаты проведенных полевых исследований уже публиковались. Развернутая картина жизнедеятельности одного из самых интересных и важных поселений содержится в работе С.В. Павленко, помещенной в настоящем издании (с. 241–252). В сформированной на кряже уже в X в. инфраструктуре овручской пиррофилитовой индустрии существовали поселения, специализировавшиеся на производстве пряслиц, декоративных ювелирных украшений, литей-

ных форм, иконок, изготовлении плит полов, архитектурных деталей для церковного и светского великокняжеского строительства, панелей саркофагов, производстве жерновых кругов и других деталей для различных механизмов. Часть населенных пунктов была задействована в процессе добычи, транспортировки, первичной обработки, разделки и сортировки глыб и блоков пиррофилитового сланца и кварцита. Вместе с карьерами и соответствующей транспортной инфраструктурой они составляли единый, но сложный по пространственному составу комплекс. Производство изделий, например, пряслиц, было высоко механизированным и стандартизированным, объемы изготовленных продуктов были очень большими, отбракованные отходы исчислялись миллионами единиц. Объем доставленных в столичные княжеские центры плит и глыб пиррофилитового сланца и красного овручского кварцита для архитектурного украшения и строительства тоже может исчисляться тысячами тонн.

Железодельное производство функционировало на большей части древнерусских населенных пунктов, где находят остатки горновых агрегатов, сопла, крицы, шлаки, собственно железные предметы. Степень распространения черной металлургии в населенных пунктах Овручского кряжа превышает уровень, характерный для полесских территорий Овручской волости.

Важно отметить тот факт, что практически на всех известных нам сегодня пиррофилитообработывающих центрах параллельно функционировали металлургические комплексы, получавшие железо и изделия из него, прежде всего – инструменты и агрегаты, необходимые для камнеобработки. В последние годы нами выявлены центры производства железа в разных поселенческих регионах Овручского кряжа. Их размеры и потенциал поражают. Мощные слои производственных отходов, тянущиеся на километр вдоль сильно оржавленного берега речки, покоятся на метровых отложениях болотной руды. Значение и место этих центров в системе заселения и промысловой структуре волости, а также технологические особенности местной металлургии еще предстоит детально изучить. Любопытно, что эти специализированные на железообработке древнерусские населенные пункты совпадают с некоторыми описанными выше гнездами Овручской околичной шляхты.

Геоморфологический аспект заселения

Перед рассмотрением способа заселения на уровне отдельных памятников, составляющих древние населенные пункты, следует обратить внимание на геоморфологический аспект заселения. Речь идет о том, что при определении, описании и моделировании местоположения и топографии поселений Овручского кряжа приходится применять

систему встречающихся признаков: геоморфологических (уровень местностей), топографических (уровень урочищ), микротопографических (уровень фаций). Для фиксации и анализа используется совокупность нескольких основных переменных параметров окружающего пространства, характеризующих локацию памятников:

- 1) высота расположения;
- 2) экспозиция;
- 3) степень и характер наклона поверхности;
- 4) расстояние до ближайшей речки;
- 5) ландшафтный состав;
- 6) почвенный состав;
- 7) наличие и характер топографической обособленности поселения.

Значение различных видов археологических памятников в изучении системы заселения Овручского края

Поселения в системе заселения. Наблюдаемые нами варианты топографической и микротопографической модели поселений Овручского края, несмотря на накопленный опыт и довольно представительную выборку, пока еще слабо поддаются детальной систематизации и обобщению.

При определении, описании, внесении в базу данных и геоинформационный паспорт конкретной топографической позиции поселения приходится использовать признаки различной таксономии и смыслового содержания. Для поселений каждой из выделенных нами четырех зон края такие сочетания признаков различны. В каждом из регионов заселения среди признаков пространственно-топографической позиции открытых древнерусских селищ выделяются как определяющие черты, так и особенные специфические нюансы способа размещения и устройства поселения.

Топографические модели различны у селищ, расположенных:

- на приречных террасах закрытых долин внутри лёссовых массивов края;
- на внешних склонах южной и северной террас края вдоль дренирующих обводненных долин;
- вокруг края, вдоль речных долин у подошв склонов внешних его террас;
- на склонах речных долин внутренних высоких гряд края.

Для известных нам 50 древнерусских поселений Овручского края выделяется порядка 25 неповторяющихся полностью вариантов комбинированного географического описания (рис. XXX).

Вне базы данных описания геотопографической привязки поселений без цифровых данных о высоте, экспозиции, координатах, угле наклона, расстояний до воды, гидрографического блока и другой фиксируемой пространственной информации

могут выглядеть примерно следующим образом (рис. 6):

высотное лёссовое плато, северная центральная гряда восточной части края, ее мысовидный отрог выдвинут в долину, выпуклый склон террасы; внутренняя проходная долина юго-западной части края, вогнутый склон надпойменной террасы, обособлен речными долинами, мысовый изгиб; северо-восточная часть края, внутренняя долина, мысовый изгиб плато, обособлен оврагами, выпуклый склон, сложно-сегментное поселение.

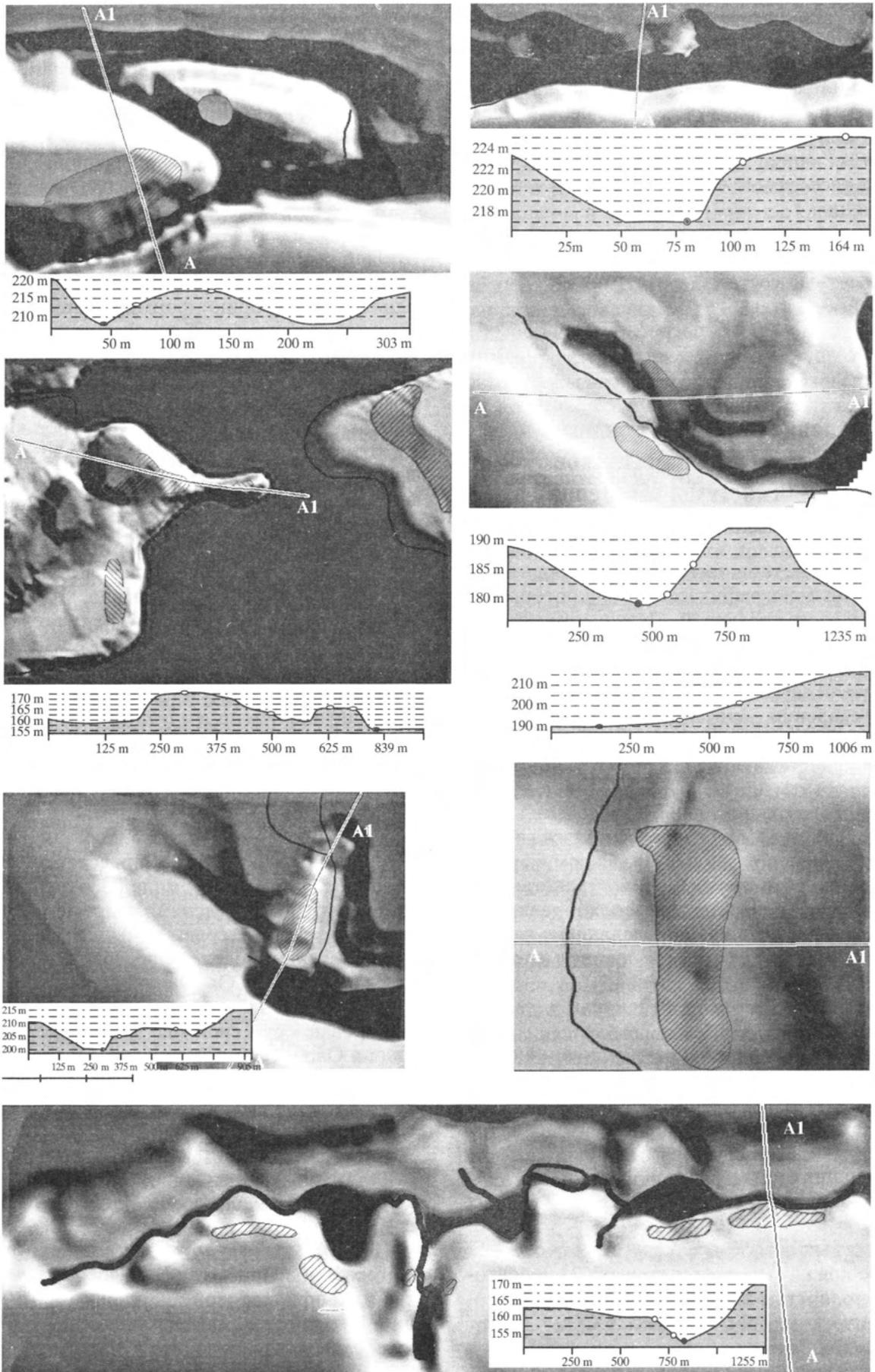
Конкретные микротопографические условия влияли на историю формирования планировки древних поселений и на конфигурацию культурного слоя соответствующего археологического памятника (рис. XXXI). Например, на Овручском крае мы фиксируем сложно-сегментные поселения, относительно обособленные составные участки которых разделены овражно-балочными комплексами. Распространены также мысовые склоновые поселения в излучинах рек, а также селища со сплошным пятном культурного слоя, тянущегося вдоль пологих склонов надпойменных террас. Еще одним признаком для различения селищ выступает способ группировки поселений. Для изучаемой нами территории известны случаи гнездовой, а чаще – парной локализации поселений, разделенных речной долиной.

Необходимо отметить, что работа по структурированию информации о типах и разновидностях топографического положения селищ еще продолжается, и окончательный вариант универсального описания пока не создан. Для решения возникающих вопросов мы привлекаем специалистов по географии и геоморфологии, информатике.

Специальный интерес представляет создание геопро пространственной модели отдельных групп древнерусских поселений, например, производственных, а также сравнительный анализ геопро пространственных моделей поселений на крае и вне края в пределах Овручской волости.

Возвращаясь к мысли о функциональной детерминированности системы древнерусского заселения на Овручском крае, скажем, что определяющим фактором в выборе месторасположения значительной части поселений была ориентация на минеральное природное сырье в сочетании с наличием комбинации приемлемых топо-географических, гидрографических, ландшафтно-экологических условий удовлетворения нужд культуры непосредственного жизнеобеспечения.

Показательны в этом отношении поселения Нагоряны I и Прибытки I – базовые пункты Овручской пирофиллитовой индустрии (рис. 7). Поселение Нагоряны – самое большое на Овручском крае и волости, основное в локальной протонагломерационной зоне концентрации производственных пирофиллитобработывающих населенных пунктов X–XIII вв. Оно ближе и удобнее всего расположено по отношению к карьерам, где в древне-

Рис. 6. Фрагменты цифровых трехмерных рельефных моделей древнерусских поселений Овручского края, их профильных сечений

русское время осуществлялась открытая добыча поверхностных выходов месторождений пиррофиллитового сланца и окаймляющего его кварцита. Здесь в широких масштабах было организовано массовое, технически и механически высокопроизводительное производство огромного количества стандартизованных пряслиц из определенных разновидностей пиррофиллитового сланца. Вскрытые на поселении остатки мастерской и других археологических комплексов дали выразительную картину функционирования высокопрофессионального производства и организации его хозяйственно-бытового обеспечения.

Поскольку мастерские и производственные участки едва ли не впервые стали объектом специального исследования, была разработана и внедрена программа специальных методических приемов исследования и регистрации информации. Она касалась приемов расчистки и последующей промывки специфических заполнений объектов, отбора материалов, проб и артефактов, их полной последующей археометрии и многоаспектного статистического анализа. Особенностью таких поселений является то, что при минимуме находимой тут готовой продукции их культурные слои содержат миллионы единиц бракованных остатков и отходов производства.

Эти артефакты и являются предметом специального исследования, на основе которого изучается и восстанавливается как сам продукт промысла, так и его организация – демографический, ресурсно-сырьевой, агрегатный потенциал, инструментарий, производственные приемы, технологии, стилевые особенности, сферы и направления распространения готовой продукции. Уникальность таких памятников определила наш специальный интерес к детальному исследованию специфики культурного слоя поселений Нагоряны I и Прибытки I. Культурный слой оказался необычайно насыщенным производственными, и в меньшей мере – бытовыми артефактами. Разбор, сортировка, подсчет и анализ составляющих этого археологического вещества, взятого из контрольных квадратов с последующей аппроксимацией на всю площадь раскопов и всего поселения, дали представление о грандиозных для Средневековья масштабах данного производства.

Карьеры в системе заселения. В рамках реализации программ Овручского проекта древнерусские сырьевые карьеры впервые стали объектом специального исследования. Карьеры находятся на северных и южных отрогах Овручского кряжа и на сегодняшний день покрыты реликтовыми лесами. На севере, в урочищах “Ровки” и “Буда” они представляют собой пространственно вытянутую систему ям и отвалов разной глубины и размеров. В центральной части ямы глубже (до 2 м от уровня современной поверхности) и шире, иногда соседние углубления сливаются, образуя группы. Очевидно, что тут велись разработки и выемка породы пирро-

филлитового сланца, по краям объекты менее мощные, скорее всего – это остатки поисковых пробных ям. На юге, в урочище “Ямы”, древнерусским человеком было найдено и освоено уникальное компактное (60 × 40 м), вышедшее на поверхность месторождение декоративных бело-розовых, полосатых и крапчатых разновидностей пиррофиллитового сланца (рис. 7, А.) Здесь археологически исследованы не только заполнения ям (всего их 65) и состав конусов отвалов, но и ровные участки площади в стороне от ям. Среди массы сопутствующих кварцитовых глыб и камней, обломков породы пиррофиллитового сланца всюду встречались экземпляры пиррофиллитовых фрагментов со следами разных вариантов специальной первичной обработки, и, что самое важное – полузаготовки для изготовления пряслиц и украшений. Очевидно, что уже тут, у места непосредственной добычи, функционировала какая-то часть производственного цикла и присутствовали люди. Насколько стационарным и длительным было здесь присутствие людей, какой характер оно имело – станет ясно только в результате будущих специальных раскопок.

Эти объекты являются не только уникальными археологическими памятниками, но и памятниками геологии, природы (здесь растет реликтовый скальный дуб), памятниками истории древнерусского горного дела и добывающей промышленности.

Открытие и изучение этих карьеров открыло нам исходные пункты специализированной системы заселения и коммуникационной сети Овручского кряжа древнерусского времени. В результате стало возможным на основе комплекса полевых и лабораторно-камеральных исследований проследить движение сырья, продуктов производства, технологий и их носителей в пространственно-временных связках: конкретный карьер – конкретное производственное поселение (отдельные его мастерские) – отдельные пункты (адреса) дальнейшего распространения на просторах тогдашнего средневекового мира. В контексте системы заселения и производственной инфраструктуры Овручского кряжа и волости большое значение имеет моделирование непосредственных путей, связывающих специализированные производственные поселения по обработке пиррофиллитового сланца и открытые Овручской экспедицией древнерусские карьеры, где добывалось соответствующее минеральное сырье. Подбор вариантов наиболее оптимальных коммуникаций учитывает особенности микротопографии и геоморфологию соответствующих микрорегионов, пересеченность и гидрографический рисунок местности, исторически сложившиеся традиционные отрезки дорог (рис. 7).

Могильники в системе заселения. На данный момент по результатам наших полевых обследований и геоинформационного анализа выделяется несколько вариантов пространственно-топографических моделей соотношения могильников и посе-

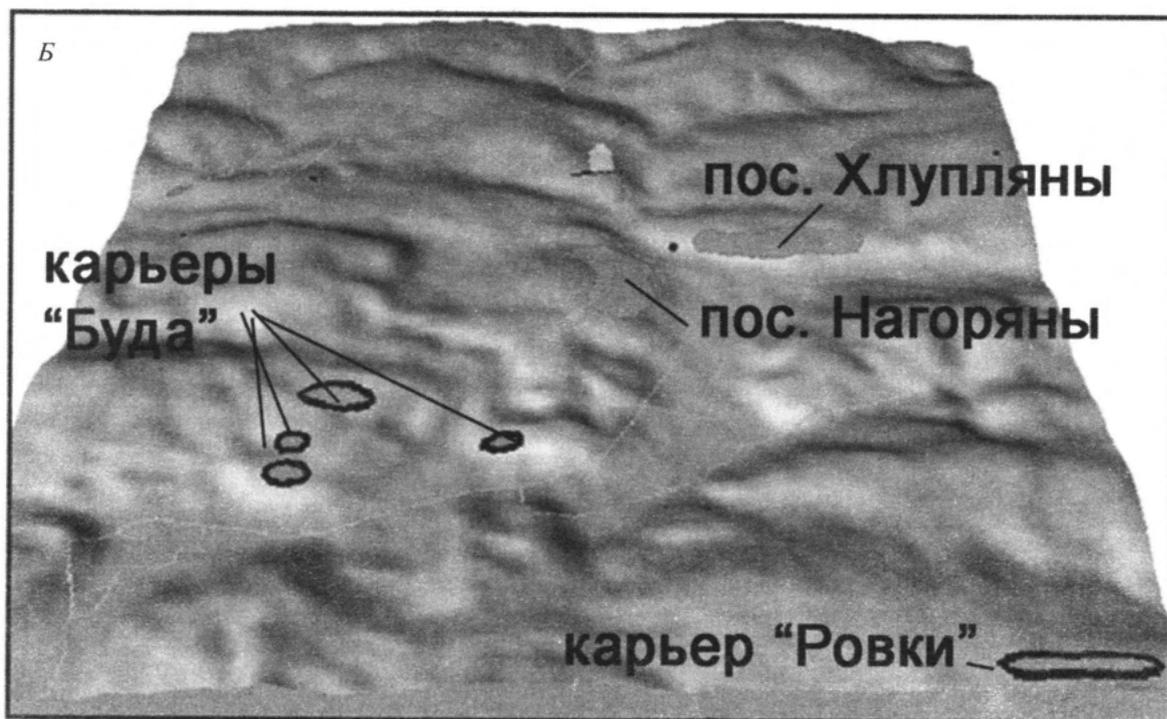
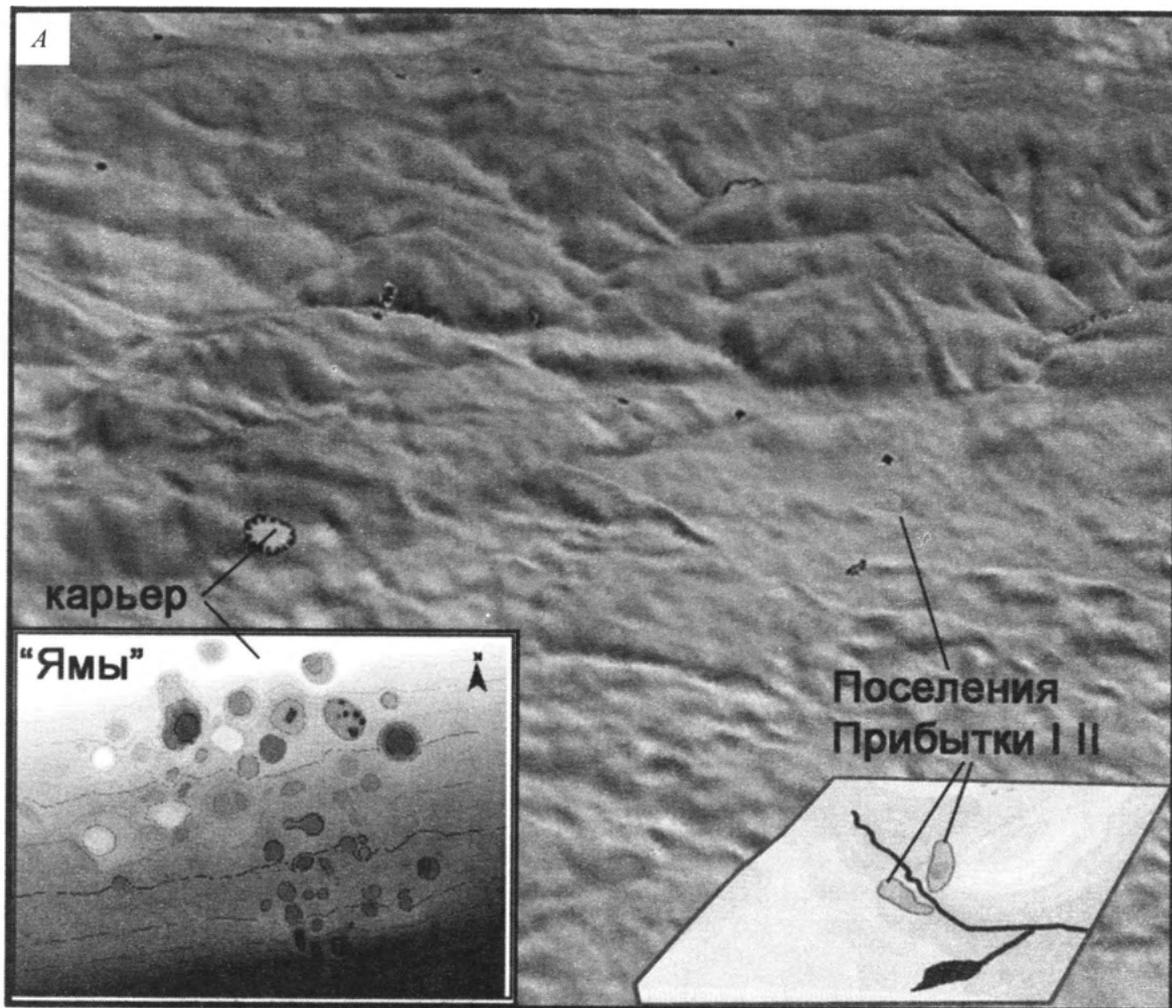

Рис. 7. Фрагменты цифровых трехмерных моделей рельефа микрорегионов древнерусской системы заселения с производственной инфраструктурой на Овручском кряже. Пирофиллитодобывающие карьеры и специализированные поселения в микрорегионах Нагоряны (А) и Прибытки (Б)

ленческих комплексов внутри НП и микрорегионов заселения.

Могильники нередко расположены на границах сомкнутых реконструируемых ресурсных зон НП, между соседними поселениями на разделяющих условных линиях пропорционального площади поселения зонирования по тину так называемых полигонов Тиссена. Курганные наземные могильники, таким образом, выполняют функцию своеобразных, долговременных, хорошо заметных и почитаемых межевых реперов (рис. XXVII).

Часть могильников размещалась на вершинах гряд – водоразделов, над соответствующими им поселениями. Такая картина наиболее отчетливо фиксируется, например, для населенных пунктов Збраньки, Хайча – “Рубеж”, Желонь. К этому типу относились и целые курганные поля на вершинах взгорий террас, о которых есть сообщения в литературе XIX–XX вв. и о чем рассказывают местные жители. Сегодня их остатки читаются в виде отдельных курганных групп, сохранившихся на сельских кладбищах и в перелесках (например, населенные пункты Верпа – Бокиевщина).

Типичным является также способ размещения нескольких групп могильников вокруг комплексов крупных населенных пунктов с городищами в своей основе, например в Городце и Норинске (по три крупных могильника). Есть могильники с ненайденными пока возле них соответствующими поселениями, и они являются в таком случае единственным основанием для реконструкции в непосредственной близости потенциально существовавшего тут синхронного могильнику населенного пункта.

Как и для всех других параметров системы заселения, окончательные цифровые соотношения между поселенческими и погребальными комплексами пока еще не могут быть точно указаны. Можно сказать, что среднее расстояние от поселения до соответствующего могильника насчитывает чуть менее 500 м. Оно колеблется в зависимости от зоны и микрорегиона заселения. Наиболее типичные дистанции составляют 50, 200, 350, 450, 600 и 1000 м. В изученных на сегодня древнерусских населенных пунктах минимальное расстояние от поселения до могильника составляет около 40 м, а максимальное – в пределах 1,2 до 1,5 км.

В последнее время, по мере накопления и обработки полевой и архивной информации все яснее становится необходимость углубления изучения могильников Овручского края и Овручской волости, подбора и апробации специальных приемов и исследовательских процедур. Задачами такой отдельной программы Овручского проекта будет более детальное и широкое специальное изучение орографии и топографии могильников, в том числе фиксирование данных о наклоне поверхности, высоте, дистанции до поселения и воды и т.п. Применение трехмерного моделирования и создание цифровых моделей курганных могильников и рельефа, в который они вписаны, открыло новые возможно-

сти для корректного анализа внутренней структуры могильников и их планиграфии. Есть интересные наблюдения о связях между функциональным назначением населенного пункта, его пространственным положением и особенностями соответствующего могильника, его топографией, строением курганов, погребальными обрядами и другими характеристиками. Задача сравнительного сопоставления площади культурного слоя, селитебных составных населенного пункта и потенциалов могильников делает необходимым рассмотрение данных о числе погребенных в древнерусских могильниках и их соответственном ранжировании. Однако тут невозможно обойтись без специальных памятниковедческих исследований и оценки степени сохранности могильников и моделирования временной динамики изменения количественного состава курганных групп. На этот счет можно привести такие красноречивые данные: могильник в Словечно в начале XX в. насчитывал “до 200 курганов”, в 2006 – 2 кургана; могильник в Великой Хайче насчитывал более 100 курганов, а ныне – всего 18. Интересно и полезно для прогнозирования изучение вопроса о том, какими видами угодий (поле, выгон, луг, кустарник, лес, кладбище) был раньше и сейчас занят могильник, как он использовался, и насколько это повлияло на его теперешнюю сохранность.

Городища в системе заселения. Сегодня на Овручском краю известно шесть разнотипных археологических комплексов, включающих городища: Овруч, Збраньки, Норинск, Листвин, Городец и Словечна. Городища как бы опоясывают край с запада на восток, располагаясь вдоль южного контура южной террасы края.

Три крупнейших и сложных по структуре городища в комплексе с посадками, прилегающими поселениями и могильниками – Овруч, Городец и Норинск. Первые два расположены на меридиональных краях края – на востоке и западе, Норинск – на юге, фактически на середине пути между Овручем и Городцом (табл. 2; рис. XXXII).

Столичный *Овруч* в целом занимал не менее 20 га и контролировал всю систему заселения, важнейшие сухопутные и речные пути на Киев, Чернобыль и Мозырь (Томашевский, 2004. С. 264–278).

Городец (суммарная площадь до 28 га) контролировал всю западную часть края, пути на запад, на Уборть, Погорыну и Вольнь. Топография его трех городищ, огражденного посада и огромного селища гидрографически и топографически детерминирована и жестко связана с эрозионно-овражной сетью. Специально и дополнительно изолированные останцы городищ и посада вписаны в кромку правого борта древнего оврага с отвесными и высокими стенами – склонами. Мы уже упоминали ранее о том, что определенную роль в возникновении, развитии и позднейшей судьбе этого населенного пункта могли играть ятвяги или шире – балты.

Норинск лежит на пути в южную часть Овручской волости, на Уж, Искоростень, и далее на юг. Городища и соответствующие им древние населенные пункты как “врата” выдвинуты каждый в своем направлении, в сторону разрабатываемых сырьевых месторождений и дорожных путей. Историческая судьба и функции этого населенного пункта менялись. Проведенные нами небольшие разведывательные работы показали, что из первоначального противодревлянского форпоста на юге кряжа (и на севере от бывшей племенной территории) он трансформировался сначала в административный центр южной части системы заселения кряжа XII–XIII вв., а со второй половины XIII в. превращается в замок раннего литовского периода.

Словечна как городище идентифицировано и впервые обследовано Овручской экспедицией. Мы обратили внимание на фотографию 1960-х годов, где проглядывала необычная, городище-подобная форма овально-яйцевидной площадки, выдвинутой в пойму р. Славечна и занятой под строительство партизанского музея. Укреплений не сохранилось, здесь размещались помещичьи усадьба и двор, до этого, возможно, – замок. Многолетние обследования площадки, склонов, окружающей застроенной сельскими усадьбами местности, наблюдения за выходами культурного слоя на поверхность и за земляными работами дали материалы X в. и позднего Средневековья, начиная с XIV в.

Городища являются, по сути, памятниками сильнейшего и сознательного антропогенного преобразования рельефа и ландшафта, происходившего как в процессе создания и обустройства, так и в последующее время. Особенно сильно и многократно изменялись городища в Словечне, Збраньках и Листвине. И если в Словечне и Збраньках они в значительной мере были перепланированы в Средневековье и в Новое время, то в Листвине просто бесследно исчезла, как бы срезана, половина овальной площадки городища, выдвинутая в пойму Норыни. Причем ни в документах, ни в народной памяти о разрушении городища нет никаких свидетельств.

Южные городища в Норинске и Збраньках выдвинуты в долину р. Норыни и размещены на уникальных господствующих лессовых останцах и грядах над поймой Норыни.

Материалы, полученные в ходе проведенных нами разведок и раскопок, позволяют прояснить датировку городищ Овручского кряжа. На всех них найдена керамика X в. Материалов XI–XIII вв. в Збраньках, Листвине, и, возможно, Словечно пока не выявлено. Можно предполагать, что городища возникли приблизительно в середине X в., были направлены против древлян, их функцией был контроль ситуации на границе только что покоренной древлянской племенной территории, защита и организация административного и хозяйственного порядка создаваемой великокняжеской Овручской

волости. Овруч, Городец и Норинск продолжали развиваться.

Своеобразие пространственного расположения городищ относительно друг друга, населенных пунктов региона и особенностей ландшафта обусловило потребность проведения анализа расположения городищ средствами ГИС (*Томашевский, Вовкодав, 2007*). Условно можно выделить шесть так называемых зон контроля, которые были проанализированы путем использования условного зонирования полигонами Тиссена с последующим акцентированием внимания на факторе видимости (обзорности) территории с каждого из городищ. В результате были получены зоны потенциальной (а не действительной, получаемой с учетом факторов растительного покрова, возможностей невооруженного глаза человека и т. п.) видимости для каждого из них. Картографирование всех шести зон и генерирование общей карты видимости позволило определить несколько интересных особенностей, важных для последующих историко-археологических реконструкций (рис. XXXII). Оказалось, что зоны видимости ближайших городищ смыкаются по краям и незначительно накладываются, образуя общую систему сплошного визуального контроля, охватывающую не только соответствующие подчиненные сегменты системы заселения, но и значительно более удаленные пространства вне кряжа. Выяснилось также, что полученное распределение размеров площадей зон видимости связано с пространственным положением объектов, в частности, высотой расположения и географической позицией относительно орографии кряжа. Городища Овруча, Норинска и Городца на краях кряжа с выдающимся топографическим положением имеют наибольшую зону видимости. Эти доминирующие и наиболее крупные населенные пункты располагали природной потенциальной возможностью для реализации своей административно-управленческой, оборонной и контролирующей функции. Зона видимости в прилегающих долинах и террасах, сфера административной ответственности в сегментах заселения, коммуникациях и площадь тяготеющего к такому центральному месту агломерированного узла заселения пространственно совпадают! Они взаимно пропорциональны, отвечают демографическому потенциалу и сложности состава населенных пунктов. Есть корреляция и между качественными особенностями населенных пунктов близ городищ, размером зон их видимости, ответственности и хронологии. Так, именно городища Збраньки и Листвин с наименьшей площадью видимости, едва возникнув, затухают уже в X в. И наоборот. Величина и ранг площади населенного пункта, зона его видимости, позиция в системе заселения, размер контролируемого им сегмента этой системы пропорционально сопоставимы, адекватны функциям и историческому значению поселения (табл. 2).

Проблемам и результатам изучения и моделирования всех аспектов связей системы заселения Овручской волости следует посвятить отдельную работу. Изложенный опыт, накопленный в Овручском проекте, и результаты изучения локальной системы заселения Овручской волости и его ядра на Овручском кряже демонстрируют новые исследовательские возможности, открываемые комплексным пространственным палеоэкологическим подходом и применением новых геоинформационных методик.

Литература

- Алаев Э.Б., 1983. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.
- Антонович В.Б., 1901. Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI АС в Киеве. М., Т. I.
- Антонович В.Б., 1867. Акты о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России // Архив Юго-Западной России. Киев. Ч. 4, т. 1.
- Гавритухин И.О., 2000. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Київ; Чернівці. Вып. 1.
- Звиздецкий Б.А., 1990. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Клепатский П.Г., 1912. Очерки по истории Киевской земли. Одесса. Т. I: Литовский период.
- Крикун М.Г., 1993. Административно-территориальный устрій Правобережної України в XV–XVIII ст. // Кордони воєводства у світлі джерел. Київ.
- Назаренко А.В., 2001. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.
- Нужный Д.Ю., 1998. Нові дані про пізній палеоліт Овручського кряжу // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. № 2.

- Нужный Д.Ю., 2000. Епіграфетські пам'ятки Овручського кряжу // Археологія. № 2.
- ПВЛ. СПб., 1996.
- Русанова И.П., 1960. Территория древлян по археологическим данным // СА. № 1.
- Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. (Археология СССР).
- Седов В.В., 19. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).
- Томашевський А.П., 1993. Населення Східної Волині V–XIII ст. н.е.: (Система заселення, екологія, господарство): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ.
- Томашевський А.П., 1988. Овручський кряж: комплексне вивчення та збереження історико-археологічної і палеоприродної спадщини: (Завдання, перспективи, структура проекту) // Археологія. № 2.
- Томашевський А.П., 2002. Овручський проект і досвід реалізації комплексного міждисциплінарного вивчення і збереження історико-археологічної та палеоприродної спадщини середньовічної Овручської волості // Нові технології в археології: Міжнародна конференція. Львів.
- Томашевський А.П., 2003. Глава 1: Правобережне Полісся // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ.
- Томашевський А.П., 2004. Археологічні дослідження літописного Вручого в Овручському проекті // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ.
- Томашевський А.П., 2005. Дослідницькі програми і особливості Овручського проекту вивчення і збереження спадщини середньовічної Овручської волості // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей присвячений пам'яті В.В. Седова. Переяслав-Хмельницький. Вип. 16.
- Томашевський А.П., Вовкодав С.М., 2007. Археолого-геоінформаційна система "Овручський проект" // Археологія і геоінформатика. М. Вып. 4. [Електронний ресурс]. CD-ROM. М.
- Фацевский Н.И., Палий Т.М., Немченко М.П., Старостенко А.Г., 1992. Территориальная организация жизнедеятельности населения. Київ.

А.Е. Леонтьев

Пужбол, Шурскол и Согило: Археологические данные к истории поселений ростовской округи

Все три существующие в настоящее время поселения расположены вблизи Ростова Великого на склонах коренного берега оз. Неро в северо-западной части озерной котловины (рис. 1). Село Пужбол находится на расстоянии 4 км к ЮЗ от города, поселок Шурскол – в 6 км, деревня Согило – в 12 км к СЗ. На современной карте Пужбол и Шурскол относятся к ближним городским поселениям. Согило, напротив, является окраинным населенным пунктом городской округи на современной границе муниципального округа. Далее к северу и западу плотность населения и уровень хозяйственного освоения территории заметно ниже в сравнении с ростовской округой. Поселения связаны с археоло-

гическими памятниками, их названия сугубо индивидуальны и принадлежат к числу многочисленных в бассейне оз. Неро топонимов субстратного (дославянского) происхождения.

Пужбол (рис. 1, 1) как населенный пункт упомянут под 1213 г. в Тверском сборнике, летописи ростовского происхождения, при описании похода владимирского князя Юрия Всеволодовича на Ростов (ПСРЛ. Т. XV. С. 337). Потомки ростовских князей одной из линий конца XIV–XVI в. именовались князьями Пужбольскими (*Титов*, 1885. С. 578–587), что не оставляет сомнений в названии центра их удела. В дальнейшем название села встречается в документах XVII–XVIII вв. Во вто-

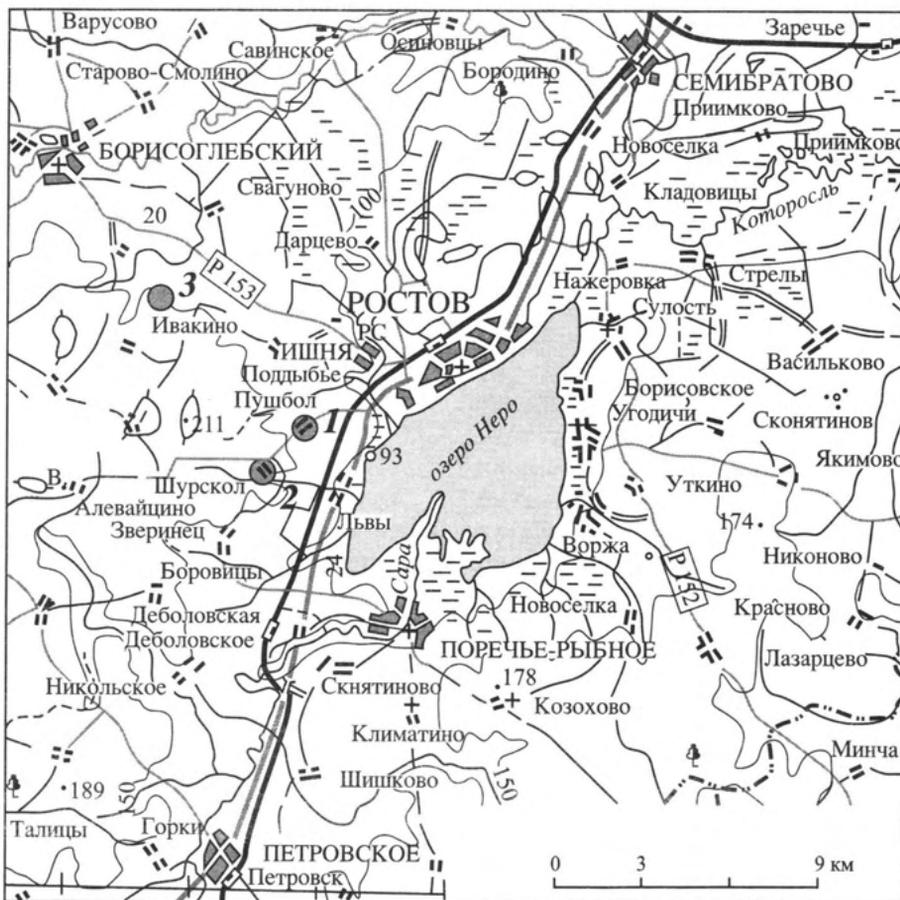

Рис. 1. Окрестности Ростова, котловина оз. Неро. Современная карта
1 – Пужбол; 2 – Шурскол; 3 – Согило

рой половине XIX в. Пужбол – не очень крупное село, “при пруде и колодцах, в 5 верстах от уездного города; 57 дворов 173 рев. души и 171 надела” (Титов, 1885. С. 449). Современное село сохранило традиционную планировку и насчитывает около 300 жителей.

Пужбол традиционно считается мерянским по происхождению ойконимом благодаря форманту (суффиксу) – бол. (Попов, 1974. С. 15, 16; Леонтьев, 1996. С. 27; Матвеев, 1996. С. 6; Альквист, 1997. С. 23–26). Не вдаваясь в сложности этимологизации и иных проблем ономастики, связанных с трактовкой происхождения указанной группы ойконимов, следует отметить, что ареал названий на “бол”, значительно перекрывающий собственно мерянскую территорию, позволяет предполагать их еще более долгую историю (Альквист, 2000. С. 31–34). Однако в любом случае в русском языке название могло появиться только благодаря контактам с предшествующим мерянским населением.

Памятником этого времени являлось селище Пужбол 1, находившееся в 0,75 км северо-западнее села на пологом левом берегу ручья Подрощенки (рис. 2, 1). Площадь поселения при обследовании была определена в 3 га (Леонтьев, 1996. С. 38), однако в действительности она могла быть больше: памятник был сильно поврежден карьером, а в настоящее время полностью разрушен. Исследования 1987 г. показали, что культурный слой селища по своей специфике и материалу идентичен слоям других мерянских поселений (Леонтьев, 1987. Л. 53–54, рис. 114). Лепная керамика встречалась вверх по течению ручья (селище Пужбол 4), и на противоположном берегу ручья (селище Пужбол 3). Однако точная идентификация этих памятников затруднена малым количеством имеющегося подъемного материала и плохой сохранностью памятников.

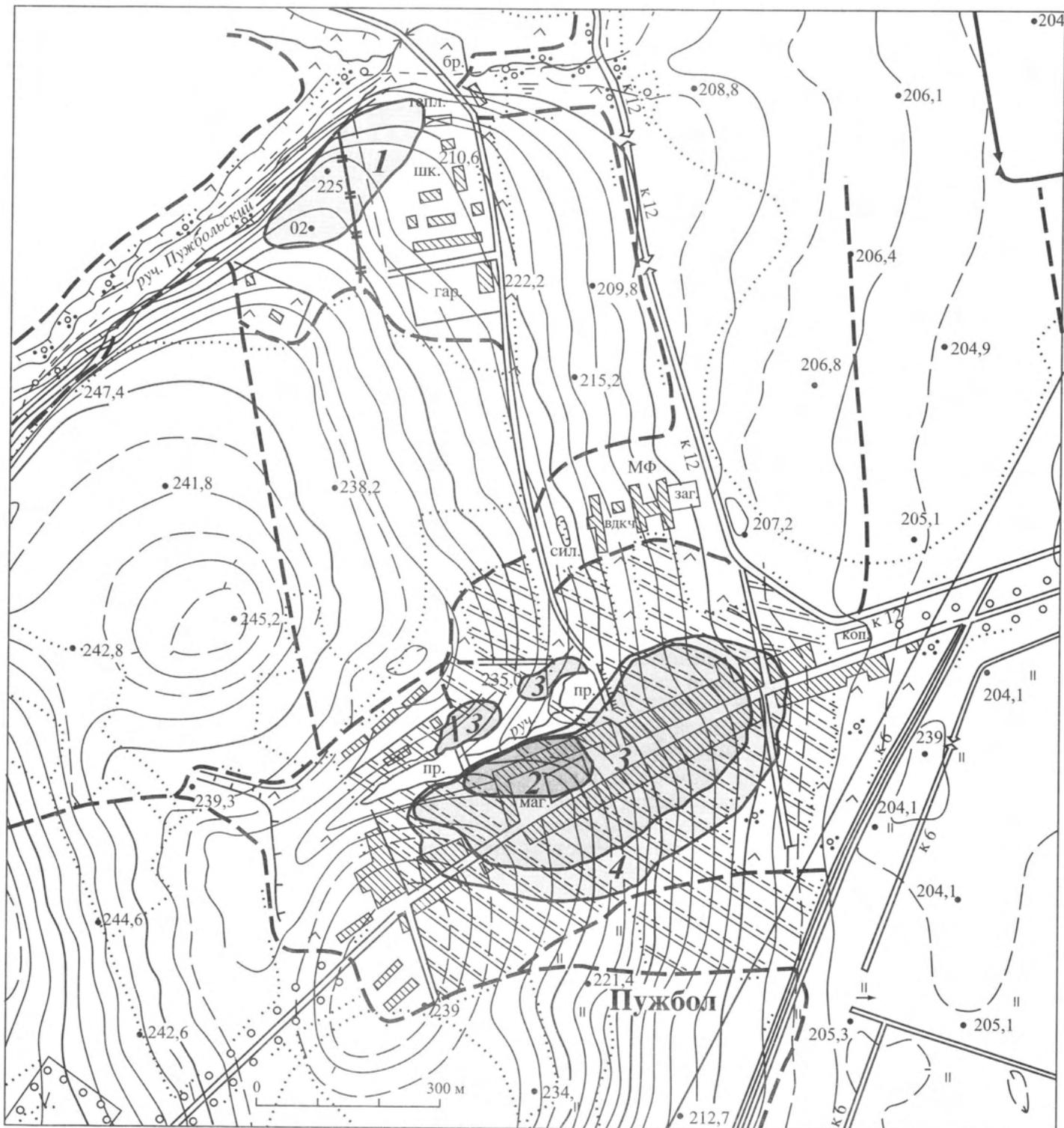
К древнерусскому времени, XI–XII вв., относилась курганная группа у с. Пужбол, исследованная П.С. Савельевым в 1854 г. Ее точное местонахождение неизвестно (до настоящего времени курганы не сохранились). По имеющимся данным могильник находился в отдалении от села, “на пашне деревни Подъивьи” (Уваров, 1871. С. 663), т.е. в отсеченной двумя оврагами местности ближе к дер. Подыбье на расстоянии не менее 1 км от села и, скорее всего, принадлежал жителям одного из нескольких древнерусских селищ, известных поблизости (Леонтьев, 2003. С. 164). Ранние древнерусские селища X–XIII вв. в непосредственной близости от села неизвестны.

Возможно, они не существовали, так как обследование территории села показало, что поселение на своем месте существовало изначально. В результате анализа коллекции керамики, собранной на приусадебных участках и практически на всей территории села (всего около 900 фрагментов) удалось подтвердить в общих чертах непрерывность истории села.

Наиболее ранним оказался, как и следовало ожидать, участок вокруг церкви. В топографическом отношении это окраинная часть пологого плато с выходом на более крутой спуск в озерную котловину при протекающем по оврагу с северной стороны ручье (рис. 2, 2). Именно здесь на склонах были найдены немногочисленные фрагменты круговой домонгольской керамики и два обломка лепной посуды. Площадь первоначального поселения без дополнительных работ определить трудно, но по имеющимся данным она составляет участок размерами не более 150 × 200 м. Более широко распространена красноглиняная неорнаментированная керамика, показательная для периода XIV–XV вв., которая встречена сериями на всей территории, прилегающей к ручью и, в значительно меньшем количестве, в южной части села (рис. 2, 3). Отсутствуют материалы этого времени в нижней восточной и окраинной западной частях современного села с явной застройкой в основном XX в. Практически везде отмечены фрагменты чернолощеной посуды, повсеместно встречается поздняя сероглиняная керамика XVI–XIX вв. (рис. 2, 4). Топографически обособленную территорию представляет участок по левому берегу ручья, где также представлена керамика XII–XVI вв. (АКР, 2005. С. 224, № 376). Более поздние материалы здесь отсутствуют (рис. 2, 3). Таким образом, при всей условности выделения хронологических периодов истории села можно полагать, что, возникнув, поселение продолжает существовать на своем месте до сих пор.

О времени возникновения первоначального поселка дает представление византийская золотая монета, случайная находка в старейшей части села, недалеко от церкви, хранящаяся в ростовском музее (рис. 3). Это солид императора Феофила (829–842 гг.). На территории Ростово-Суздальского княжества золотые византийские монеты ранее не были известны. На территории Руси в целом находки солидов редки, связаны преимущественно с бассейном Днепра, а монета Феофила встречена только в Гнёздово (курган 47, 1950 г.; использована как подвеска) (Кропоткин, 1962. С. 11, 28, № 106. Карты 6–9). Время чекана, разумеется, не определяет время попадания монеты в Пужбол, но позволяет отнести село к числу старейших древнерусских поселений ростовской округи. До проведения более серьезных исследований (раскопок) время его возникновения можно определить в рамках второй половины X – первой половины XI в. (Леонтьев, 1996. С. 278, 280).

Шурскол (рис. 1, 2). В летописях как населенный пункт не отмечен, известен по источникам конца XVII–XVIII в. В последней четверти XIX в. “...село, казенного ведомства, до сего времени сохранившее неизменное мерянское название; оно стоит при р. Вздериноге в 12 верстах от города; 54 двора и 188 рев. душ, при 163 наделах... Село это расположено на живописной местности и на горе... Близ

Рис. 2. Пужбол. Археологическая ситуация

1 – селище Пужбол I; 2 – территория поселения X–XIII вв.; 3 – территория поселения XIV–XV вв.; 4 – территория поселения XVI–XIX вв.

села находится так называемая Красная горка, на которой находится древнее кладбище состоящее из 101 кургана, разрытых в 1853 году графом Уваровым”. Отмечены также действующих 5 родников около села (Тумов, 1885. С. 340, 341). Вздеринога (Вздериножка) – прежнее, известное по документам и картам XVIII – середины XIX в. название

р. Мазихи (Видинева, 2004. С. 222; Леонтьев, 2003. Рис. 2). Очевидный микротопоним, зафиксированный со слов местных жителей, характеризующий незначительность речки и отнюдь не единственный на картах XIX в. (Каптанов, 1997. С. 4).

С 1970-х годов Шурскол – крупный новый поселок, “аггородок”, в котором прежнее село стало

Рис. 3. Солид императора Феофила (829–842 гг.). Находка в Пужболе

окраинной частью. Занимает край плато коренного озерного берега по левому берегу р. Мазихи, текущей в глубоком овраге (рис. 4). Современные Шурскол и Пужбол разделяет всего 1 км.

Ойконом Шурскол относится к той же модели названий, что и Пужбол. Археологическим памятником, которому изначально могло бы принадлежать это название является селище Шурскол 3, расположенное на противоположном правом берегу р. Мазихи. Памятник занимает удобный участок при небольшом овражке, еще в историческом прошлом с родником (рис. 4, 1). Это одно из крупнейших мерянских поселений на побережье оз. Неро общей площадью более 10 га. Раскопки показали, что поселение возникло не позднее VII в. (Леонтьев, 1996. С. 58, 67; рис. 17, 19). Время, когда закончилось его существование определить сложно. Коллекция находок не содержит предметов, характерных для древнерусского времени, полностью отсутствует древнерусская круговая керамика. Однако один из найденных на поселении ножей с прямой спинкой и длинным черенком (рис. 5, 1) относится к поздним формам своего типа (Леонтьев, 1996. С. 108, 109, рис. 17, 16), которые известны в слоях X–XI вв. в Ростове (Леонтьев, Розанова, 2005. С. 159; рис. 1, 9130; 2, 8769). Временем не ранее IX в. (Леонтьев, 1989. С. 78, 79; рис. 22, 2, 9; Захаров, 2004. С. 168; рис. 48, 1) определяется период бытования найденного на селище браслетообразного ложновитого (?) височного кольца (рис 5, 2). Таким образом, есть основания предполагать существование мерянского поселения в период появления древнерусского населения, что объясняет возможность сохранения ойконима “Шурскол” в последующее время.

Первое древнерусское поселение возникло поблизости от мерянского: в 200 м ниже по склону на пологом участке подножия коренного озерного берега, вытянувшись по правому берегу р. Мазихи (рис. 4, 2). Судя по сохранившимся данным, поблизости именно от этого селения располагалась кур-

ганная группа, раскопанная П.С. Савельевым в 1854 г. Указанное на современной раскопкам карте В. Аляева расположение группы в урочище “Красная горка” приходится на территорию между мерянским и древнерусским селищами к юго-западу от последнего (Леонтьев, 2003. С. 164; рис. 2). Курганов давно нет, но их вероятное местоположение приходится на удобный возвышенный участок (рис. 4, 4).

Раскопки древнерусского поселения (Шурскол 2) позволили определить время его существования в пределах X – начала XIII в. (Исланова, 1982. С. 185–195). Полученные со времени публикации новые данные позволяют уточнить предложенную датировку и точнее охарактеризовать материалы раскопок. Ранние образцы как лепной, так и круговой керамики селища аналогичны ростовской из слоев третьей четверти X – начала XI в. (Леонтьев, Самойлович, 1991. С. 56–66; Кадиева, 1995. С. 173–202). В это же время в Ростове появляется болгарская керамика, известная в коллекции селища и найденная в нижней части культурного слоя. К древностям того же периода принадлежит плоская костяная копоушка (рис. 5, 3) – характерный, хотя и редкий элемент материальной культуры населения Северо-Восточной Руси (Леонтьев, 1998. С. 151; рис. 10, 6, 7; 11, 9). В мерянской традиции был изготовлен нож без верхнего уступа у черенка (рис. 5, 5). К тому же кругу относится или, вполне возможно, попала из Поочья, ажурная застежка с шумящими привесками (рис. 5, 4), известная по находкам в погребениях мордвы и муромы второй половины X – первой половины XI в. (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 30; рис. 8; Беляев, Вихляев, Зеленева, Шитов, 1998. С. 12; рис. 48, 10). Это поздний или подражательный вариант украшения. Традиционные парные конские головки, венчавшие застежку, заменены условными волнообразными выступами.

Хронология находок и керамики показывает, что поселение возникло в период второй половины

Рис. 4. Шурскол. Археологическая ситуация

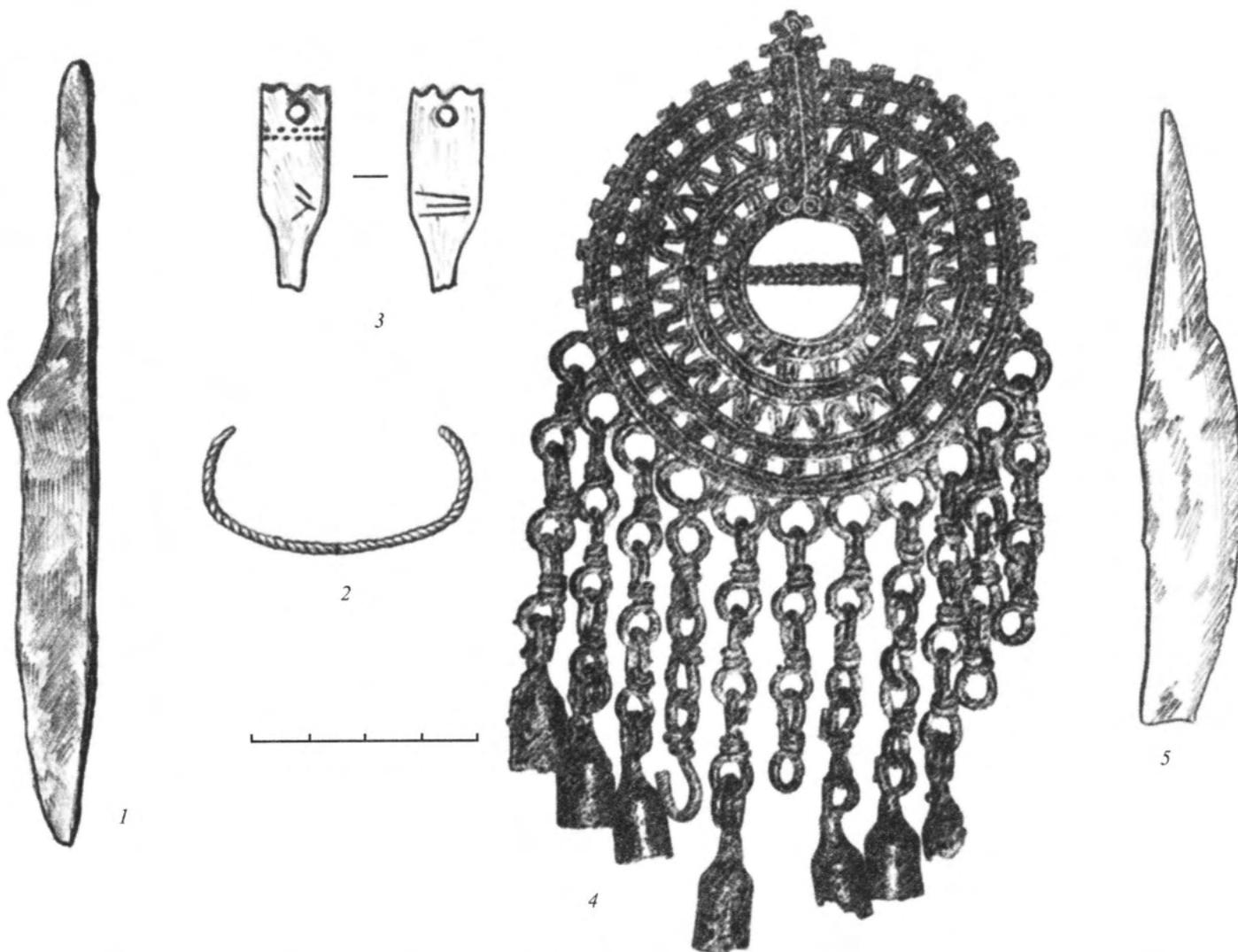
1 – селище Шурскол 3; 2 – селище Шурскол 2; 3 – участок села с находками средневековой керамики; 4 – предполагаемое местоположение курганной группы

X – начала XI столетия и может рассматриваться как одно из первых древнерусских в округе Ростова. Поздняя дата памятника – начало XIII в. – достаточно хорошо определена опубликованными материалами раскопок.

В дальнейшем история Шурскола продолжается на левом берегу реки. В сборах на современной территории села в прибрежной его части (рис. 4, 3) найдена разновременная керамика от красноглиняной XIII–XIV вв. до поздней сероглиняной “деревенской” XVIII–XIX вв. (Куляпин, 2005. С. 4; рис. 20). Более ранние материалы здесь отсутствуют. Несмотря на скудость археологических дан-

ных, можно полагать, что современное село возникло в период XIV–XV вв. и с тех пор ни имени, ни местоположения не меняло.

Согило (-а;-ы;) (рис. 1, 3). В источниках XVII – середины XVIII в. известен Согильский стан в составе Ростовского уезда, при том, что формирование территории уезда происходило ранее, в XV–XVI вв. (Капитанов, 1996. С. 8). Согильский стан находился к западу от Ростова и, по мнению Ю.В. Готье, получил название по р. Согилке (Готье, 1906. С. 46). Однако форма гидронима указывает на его очевидную производность от названия населенного пункта. К тому же, основной

Рис. 5. Находки на селищах Шурскол 2 (3–5) и Шурскол 3 (1, 2)

1, 5 – ножи; 2 – обломок височного кольца; 3 – копушка; 4 – застежка. 1, 5 – железо; 2, 4 – бронза; 3 – кость

рекой на территории стана являлась Шула, невзрачным притоком которой является ручей Согилка.

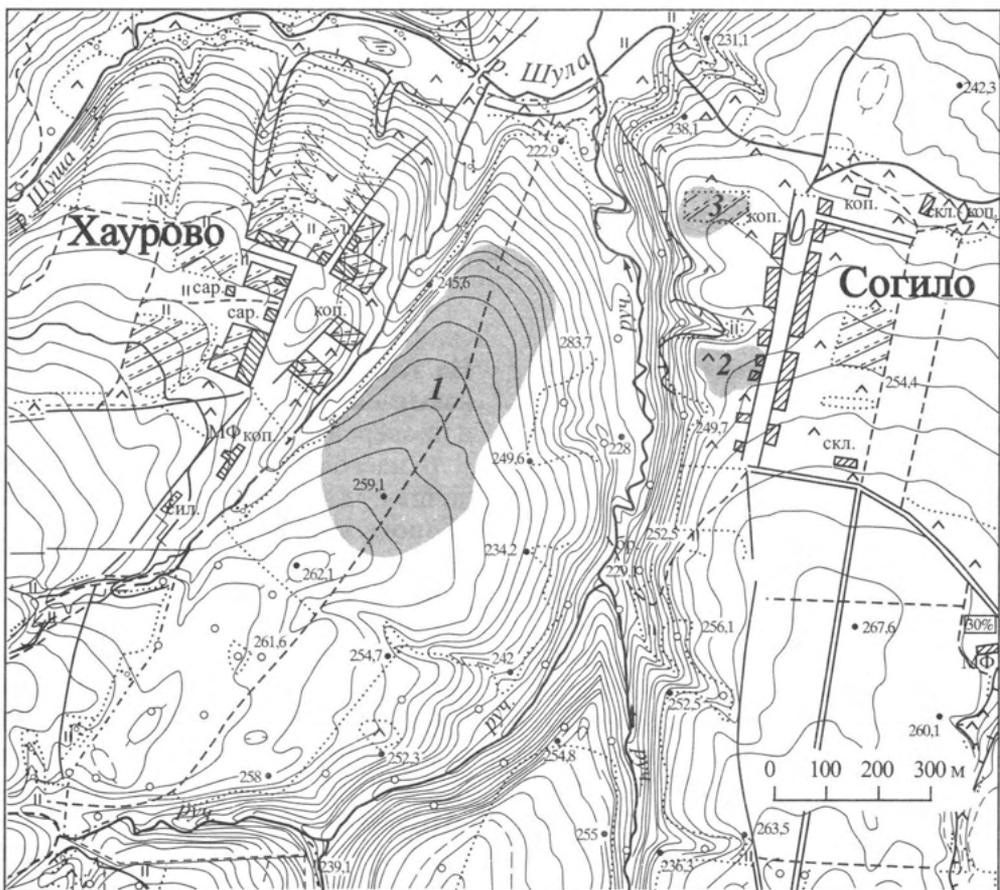
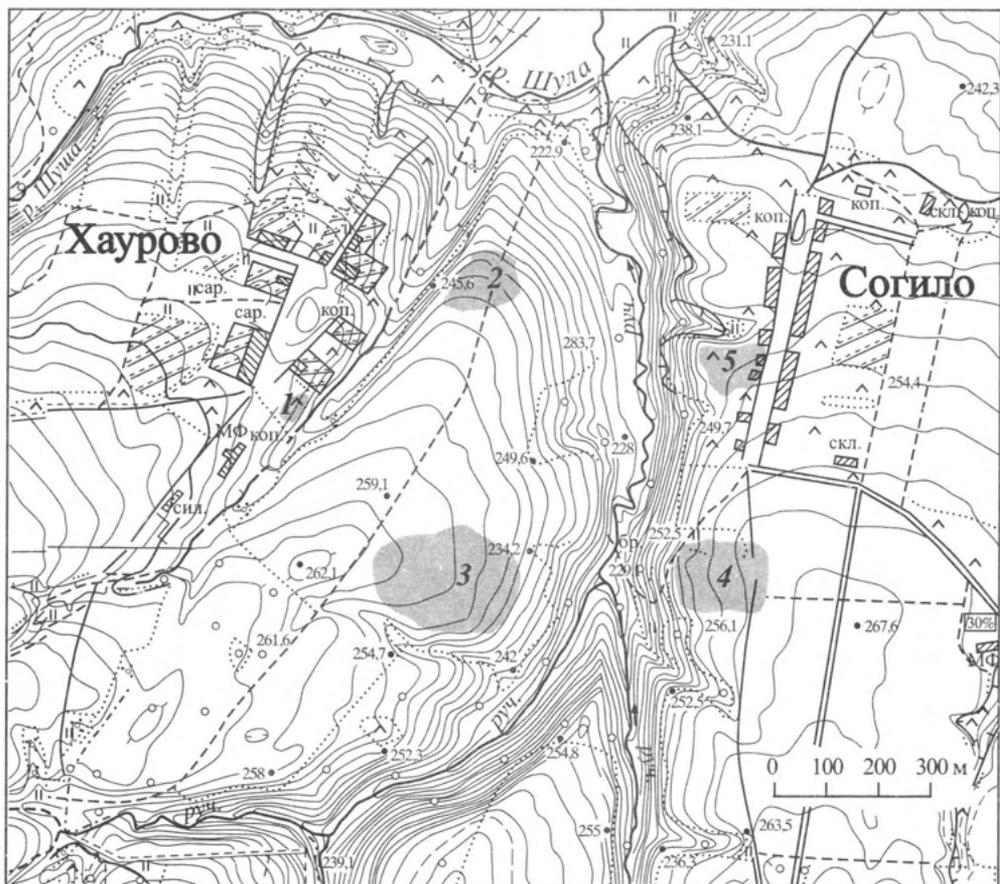
По мнению А. Альквист, название *Согило(ла)* является примером ойконима, образованного с использованием распространенного ойконимического суффикса *-ла*, известного в прибалтийско-финских языках и сохранившегося в ряде названий на прежней мерянской территории, в том числе в Ярославской области (Альквист, 2001. С. 449). Так или иначе, но непонятность названия привела к тому, что на топографических картах и в документах обозримого прошлого при неизменной основе гласные в окончании слова употреблялись разные.

К 1885 г. Согила – “казенная деревня, с древним финским названием, при р. Согилке, в 12,5 верстах от Ростова; 39 дворов, 76 рев. душ и 75 наделов” (Титов, 1885. С. 453). Приводимая А.А. Титовым далее легенда уводит историю деревни в XIV–XV вв., связывая ее с именами вполне исторических лиц, представителями ростовских княже-

ских фамилий Катыревых и Бритых-Бычковых. Но эти сведения восходят к ныне утраченному так называемому “Хлебниковскому летописцу” XVI в. и проверены быть не могут.

В настоящее время деревня преимущественно дачная, насчитывает 25 домов. Находится на ровном участке западной стороны глубокого оврага, по которому протекает впадающий в р. Шулу ручей. На современных картах он безымянный, но очевидно, это р. Согилка, упомянутая А.А. Титовым. Однако примечательно, что у современных жителей д. Хаурово, находящейся в 500 м западнее за двумя оврагами, протекающий с восточной стороны ручей также называется Согилкой.

Раскопки археологических памятников в округе Согил не проводились, данные разведок неполны, поэтому о принадлежности и хронологии поселений можно судить лишь по подъемному материалу разведок и в сопоставлении с другими памятниками бассейна оз. Неро. Наиболее ранним селищем, культурный слой которого характеризуется наход-

Рис. 6. Согило. Археологическая ситуация

1 – поселения с лепной керамикой: 1 – Хаурово; 2 – участок селища Согило 1; 3 – селище Согило 2; 4 – селище Согило 3; 5 – участок современной деревни. 2 – поселения с керамикой XII–XVI вв.: 1 – селище Согило 1; 2, 3 – участки современной деревни

ками лепной керамики, является Согило 2 (АКР. С. 226, № 389). Это было достаточно крупное для своего времени поселение, занимавшее площадь около 5 га (рис. 6-1, 3). Среди керамики встречены обломки характерного сосуда с прямым венчиком, что позволяет предполагать принадлежность поселения мере. Лепная керамика встречена также на участке селища Согило 1 (рис. 6-1, 2). Еще одно поселение, Согило 3 (рис. 6-1, 4), судя по находкам лепной и круговой керамики и грушевидного крестопорезного бубенчика (АКР. С. 226, 227, № 390), было синхронно Шурсколу 2. Находки отдельных фрагментов лепной керамики отмечены также на участке современной деревни (рис. 6-1, 5), а также в прибрежной части дер. Хаурово (рис. 6-1, 1) (Куляпин, 2005. С. 6; рис. 20).

В XII в. на мысе между двумя ручьями остается одно большое поселение – Согило 1. Судя по найденной керамике, среди которой встречается и чернолощеная (АКР. С. 226, № 388, 389), оно существовало на протяжении ряда столетий, вполне вероятно, вплоть до XVIII в. Максимальная территория селища составляла не менее 15 га (рис. 6-2, 1), что позволяет считать его одним из крупнейших в округе средневекового Ростова. Учитывая хронологию и размеры поселения, есть все основания полагать, что именно оно было центром Согильского стана Ростовского уезда.

Средневековый культурный слой с керамикой XIV–XVI вв. отмечен также в двух местах современной деревни (рис. 6-2, 2, 3), но эти освоенные участки явно вторичны по отношению к основному поселению (Согило 1), объяснение причины и время запустения которого нужно искать в документах XVII–XVIII столетий.

Таким образом, история Пужбола, Шурскола, Согил имела свои особенности, но во всех случаях прослеживается, возможно не абсолютная, но в историческом масштабе непрерывная хронологическая последовательность сменявших друг друга поселений. Все начиналось с поселков, мерянская принадлежность которых для Пужбола и Шурскола, кажется очевидной. Однако в обоих случаях современные населенные пункты оказались стоящими в ином, но территориально близком месте. Археологические памятники у дер. Согило требуют более внимательного изучения.

Литература

- Археологическая карта России: Ярославская область / Сост. К.И. Комаров. М., 2005.
- Альквист А., 1997. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // Вопросы языкознания. № 6.
- Альквист А., 2000. Меряне, не меряне... Ч. 1 // Вопросы языкознания. № 2.
- Альквист А., 2001. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб.
- Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., 1998. Кельгининский могильник. Саранск.
- Видинева А.Е., 2004. Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века. М.
- Готье Ю.В., 1906. Материалы по исторической географии Московской Руси: Замосковные уезды и находившиеся в их составе станы и волости по писцовым и переписным книгам XVII столетия. М.
- Гришаков В.В., Зеленева Ю.А., 1990. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Исланова И.В., 1982. Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. № 2.
- Кадиева Е.К., 1995. Круговая посуда Ростова конца X–XIII вв.: классификация, орнаментация, хронология // Сообщения Ростовского музея, VIII. Ростов.
- Каишанов С.М., 1996. Формирование Ростовского уезда в XV–XVI вв. Ч. I: Рождественский стан // История и культура Ростовской земли, 1995. Ростов.
- Каишанов С.М., 1997. Формирование Ростовского уезда в XV–XVI вв. Ч. II: Станы Луцкий и Сотемский // История и культура Ростовской земли, 1996. Ростов.
- Кропоткин В.В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М. (САИ; Вып. Е4-4).
- Куляпин В.П., 2005. Отчет об археологических разведках в Ярославской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.
- Леонтьев А.Е., 1987. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11982.
- Леонтьев А.Е., 1989. Поповское городище // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: (материалы работ Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР). М.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предистории Северо-Восточной Руси. М.
- Леонтьев А.Е., 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Леонтьев А.Е., 2003. Забытые карты раскопок 1854 г. // Археология: история и перспективы: Первая межрегиональная конференция. Ярославль.
- Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Матвеев А.К., 1996. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. № 1.
- ПСРЛ. М., 1965. Т. 15: Тверская летопись.
- Титов А.А., 1885. Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-статистическое описание. М.
- Уваров А.С., 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. М.

Сельские поселения Черниговского Полесья конца IX – первой половины XIII века

Территория вокруг Чернигова с прилегающими к городу селами была очень привлекательной в экономическом и политическом отношении. Именно поэтому за нее в середине XI в. и шла острая борьба, отдельные фрагменты которой попали на страницы летописи. Так, под 1135 г. в летописи сообщается: “иде Ярополк с братьею своею и Юрьи и Андреи на Всеволода на Олговича и поимаша около города Чернигова села” (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 295). Позднее, в 1142 г., князь Изяслав Мстиславич “повоева около Десны села их и около Чернигова и тако повоевав” (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 311). В 1148 г. также упоминаются разрушения в окрестностях Чернигова: “и пожьжеже вся села их оли и до Боловоса ... се есми села их пожгли вся, и жизнь их всю” (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 361). По летописи, села находились не только возле Чернигова – они тянулись в северо-западном направлении, от Ольгова поля и до Любеча: “став на Олгове поле, ту села наши пожгли оли до Любеча и всю жизнь нашу повоевали”, – жаловались черниговские князья на Изяслава (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 363). И, наконец, последний раз упоминаются села исследуемой территории под 1160 г.: “и приехав Изяслав к Десне противу Свенковичем ... а Половци воюють и селце святого Спаса зажгоша” (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 507).

Такое пристальное внимание летописца к селам около Чернигова, по-видимому, объясняется тем, что эта территория входила в состав вотчины черниговских князей. Вотчина известна, главным образом, по летописной статье 1159 г., когда Святослав Ольгович, заняв черниговский стол, жаловался, что князь киевский дал ему лишь “...Чернигов с 7-ю город пустых Моровиеск, Любеск, Оргощ, Всеволож, а в них седять псареве же и Половци” (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 500). Однако он категорически отказался обменять свои “пустые” владения на другие, что неоднократно отмечалось исследователями (Коваленко, 1986. С. 22).

Упоминания сел и территорий вокруг Чернигова в летописи при описании событий середины XII в. не могли не обратить на себя внимания исследователей во второй половине XIX – начале XX в. И на смену отождествления летописных сел с названиями, сохранившимися на географической карте, приходят первые попытки обнаружения сельских поселений.

Началом археологического изучения сельских поселений Черниговщины бесспорно можно признать подготовку к XIV Всероссийскому Археологическому съезду, который проходил в Чернигове в 1908 г. В трудах Московского предварительного комитета по устройству съезда были опубликованы поверхностные сведения о семи сельских поселениях с территории Черниговского Полесья (Самоквасов, 1906. С. 13–15; Уварова, 1906. С. 87, 91–92).

На протяжении первой половины – середины XX в. проводилось мозаичное обследование разных регионов Черниговщины, где наряду с памятниками предшествующих эпох были обнаружены и поселения X–XIII вв. В этом отношении большая работа по выявлению памятников в среднем Подесенье была проведена сотрудником Сосницкого историко-археологического и этнографического музея Ю.С. Виноградским (*Виноградський*, 1928. С. 147–168); по обследованию левого берега Днепра в пределах Черниговской области, территории нижнего Подесенья, а также участка между Любечем и Черниговом сотрудником Черниговского государственного исторического музея А.А. Попко (*Попко*, 1947. С. 21–30; 1971. С. 129–140); в бассейнах правых притоков Десны – рек Белоуса и Стрижня Д.И. Блифельдом (*Бліфельд*, 1949. С. 2–20; 1955. С. 12–21).

Многие исследователи, работая в рамках различных проектов, попутно выявляли и сельские поселения древнерусского времени в регионе. Так, Я.В. Станкевич (1946) и Д.И. Блифельд (1948; 1956–1958), исследуя древности с. Шестовицы, обнаружили несколько поселений (*Станкевич*, 1962. С. 14–15; *Бліфельд*, 1977. С. 5).

Работы экспедиции ИА АН СССР под руководством Б.А. Рыбакова в Любече и Чернигове способствовали изучению древностей в этом регионе, в том числе исследованию курганных могильников и выявлению сельских поселений, находящихся рядом с ними (*Рыбаков*, 1958/25. С. 52–53; 1959. С. 86–93; *Ширинский*, 1962. С. 1–12; 1964. С. 1–9; 1965. С. 3–7; 1969. С. 100–106). Итогом предшествующего периода изучения археологических памятников было издание археологической карты, в которую вошли данные о 24 сельских поселениях древнерусского времени северной части Чернигов-

ского Полесья (Древности железного века в междуречье Десны и Днепра, 1962. С. 32, 34–35).

Определенный вклад в выявление археологических памятников разных эпох внесла работа ново-строечной экспедиции в зоне строительства Киевского водохранилища (*Телегин и др.*, 1962. С. 48; *Телегин, Круц*, 1966. № 4575. С. 25–29; *Попко*, 1966. № 4577. С. 15–21).

Нельзя не отметить работу на Черниговщине различных экспедиций Института археологии АН УССР, АН СССР и ЛОИА, занимавшихся на протяжении конца 40-х – начала 80-х годов XX в. поисками раннеславянских памятников в бассейне Десны, попутно обследовавших и открывавших древнерусские городища, курганные могильники и поселения. И.И. Ляпушкин в 1947 г. посетил памятники нижнего и среднего Подесенья, а в 1961 г. – памятники по р. Снов (*Ляпушкин*, 1947. С. 50–56; 1961. С. 4–5, 17–22). Э.А. Сымонович обследовал нижнее течение рек Стрижня и Снова (*Сымонович*, 1960. С. 3); П.Н. Третьяков и Е.А. Горюнов открыли несколько памятников в среднем Подесенье и по правобережью Снова (*Третьяков*, 1966. С. 9–10; 1970. С. 9; *Горюнов*, 1970. С. 1–6, 10–12); Е.В. Максимов и Р.В. Терпиловский – участки вокруг Чернигова и Седнева (*Максимов и др.*, 1975. С. 3; 1976. С. 2–3; *Максимов, Терпиловский*, 1977. С. 7); А.М. Обломский разведками охватил бассейн р. Мены в среднем течении р. Десны (*Обломский*, 1981. С. 1–13).

С середины 70-х годов XX в. в работу по выявлению памятников археологии в регионе активно включаются черниговские краеведы и археологи, усилиями которых тщательно обследованы ближайшие округа Чернигова, Любеча, Седнева, бассейны рек Белоуса, Стрижня, правобережье Снова. В результате разведочных работ Г.А. Кузнецова открыты поселения в окрестностях Чернигова. В 1974–1975 гг. обнаружены памятники севернее и западнее Чернигова. В 1982–1987 гг. исследователь сосредоточил свои усилия на обследовании окраин города в юго-западном и восточном направлении, уделив большое внимание пойме р. Десны около с. Новоселовка (*Кузнецов*, 1975; 1982; 1984; 1985; 1987).

Огромная работа по обследованию и выявлению памятников разных эпох, в том числе поселений и курганных могильников, была проведена А.В. Шекуну на протяжении 1976–1991 гг. Сначала были обследованы верховья рек Белоуса и Стрижня, позднее – бассейн Днепра около Любеча, бассейны рек Белоуса с притоками, Стрижня, Якомани и других в междуречье Днепра и нижнего течения Десны (*Шекун*, 1976/53; 1977/86; 1978/1; 1979/67; 1980/89; 1983/170; 1988/186; 1989/200; 1990/123; 1991/128). Одновременно проводились разведочные работы и в восточных регионах Черниговского Полесья – в бассейне Снова и бассейне среднего течения р. Десны (*Шекун, Веремейчик*, 1986. С. 329; *Шекун*, 1990/123). Автором обследованы участки корен-

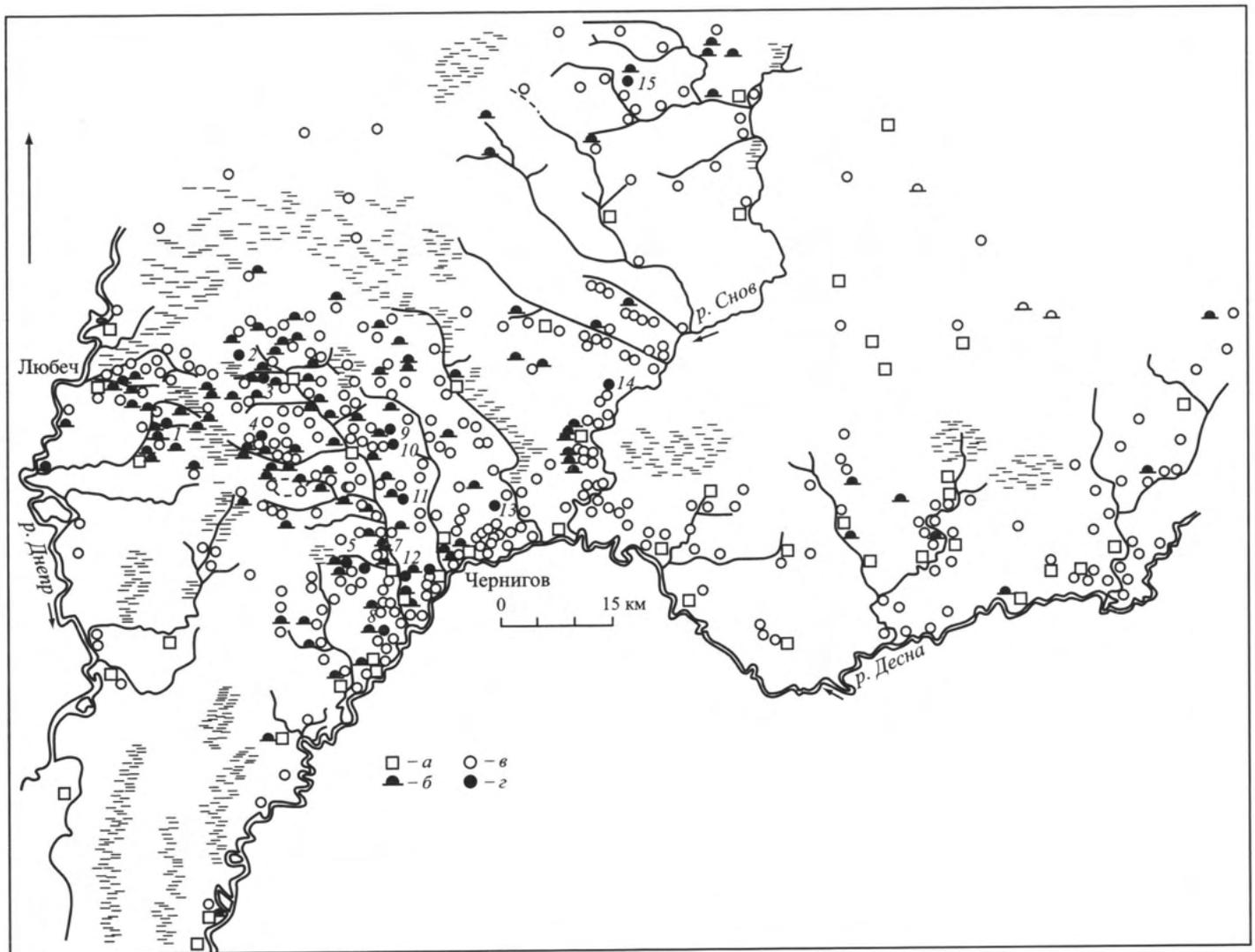
ных террас и пойм Десны и Замглая, бассейны Белоуса и Стрижня (*Веремейчик*, 1983/64а; 1984/109; 1986/136; 1987/48; 1988/179; 1989/46).

В пойме Замглая и на правобережье Снова проводили разведки Г.В. Жаров (1988/146; 1989/150; 1990/189; 1991/134; 1992/64) и А.Г. Пильник (1990а), ближайшая округа Седнева обследовалась В.В. Простантиновой (1984/108; 1985/77; 1989/175) и А.А. Мултанен (1986/88; 1992/69; 1993/87).

В результате этих исследований опубликованы археологические карты памятников древнерусского времени – междуречья нижнего течения Десны и Днепра (*Шекун, Веремейчик*, 1988. С. 93–110; *Веремейчик*, 1998. С. 51–65); правого берега р. Снова (*Жаров*, 1993. С. 76–78; *Пильник*, 1990. С. 30–33) и правого берега среднего течения р. Десны (*Шекун*, 1990а. С. 22–29). Карту памятников территории летописного Задесенья – нижнего и среднего течения левого берега р. Десны – составил Ю.Н. Сытый (*Сытый*, 1998. С. 38–50). Свообразным итогом предшествующих работ по изучению сельских поселений Черниговского Полесья было сведение результатов исследования селищ в коллективной монографии по южнорусскому селу, где была сделана попытка реконструирования динамики пространственно-хронологического развития поселений конца IX – первой половины XIII в. (*Веремейчик*, 2003б. С. 26–47).

Кроме обследования территории и выявления памятников в регионе на протяжении конца 1970-х – середины 1990-х годов велись и археологические раскопки селищ. В Черниговском Полесье есть два поселения, которые считаются наиболее изученными на территории Южной Руси – поселение Лесковое в верховьях р. Белоус (раскопанная площадь около 14 000 кв. м) (*Шекун, Веремейчик*, 1999) и поселение Автуничи на р. Верпч (раскопанная площадь свыше 25 000 кв. м) (*Моця, Орлов, Коваленко и др.*, 1997. С. 34–69). Кроме этого, ряд памятников исследован на значительной площади: Деснянка (*Шекун*, 1985. С. 374–375), Клонов (*Шекун*, 1987/47), Криница (*Шекун, Сита*, 1993. С. 40–49), Козарки (*Веремейчик*, 1990. С. 76–83), Овраменков Круг (*Веремейчик*, 1987. С. 315–316), Ров 2 (*Коваленко, Моця, Шекун*, 1985. С. 288), Рудка (Зеленые Рвы-2) (*Веремейчик и др.*, 1988. С. 264–265), Шумлай (*Веремейчик*, 1993. С. 18) и другие (рис. 1). Несмотря на высокий уровень археологического изучения памятников, публикация и введение в научный оборот материалов раскопок остаются неудовлетворительными. В настоящее время полностью изданы только материалы исследований поселения Лесковое (*Шекун, Веремейчик*, 1999), остальные опубликованы фрагментарно.

Несмотря на пристальное внимание исследователей к территории Черниговского Полесья на протяжении XX в., она обследована неравномерно. Наряду с хорошо изученными участками есть реги-

Рис. 1. Памятники X–XIII вв. северной части Черниговского Полесья

a – городище; *б* – курганный могильник; *в* – поселение; *г* – исследованное поселение: 1 – Клонов (исследовано 1300 кв. м); 2 – Козарки (764 кв. м); 3 – Лесковое (13 825 кв. м); 4 – Кези-3 (500 кв. м); 5 – Льговка (200 кв. м); 6 – Веремеев Ров (120 кв. м); 7 – Криница (4000 кв. м); 8 – Ров-2 (1100 кв. м); 9 – Шумлай

(2160 кв. м); 10 – Юрковщина (760 кв. м); 11 – Деснянка (1240 кв. м); 12 – Гора (100 кв. м); 13 – Овраменков Круг (2200 кв. м); 14 – Рудка (Зеленые рвы-2) (1020 кв. м); 15 – Автуничи (25 000 кв. м)

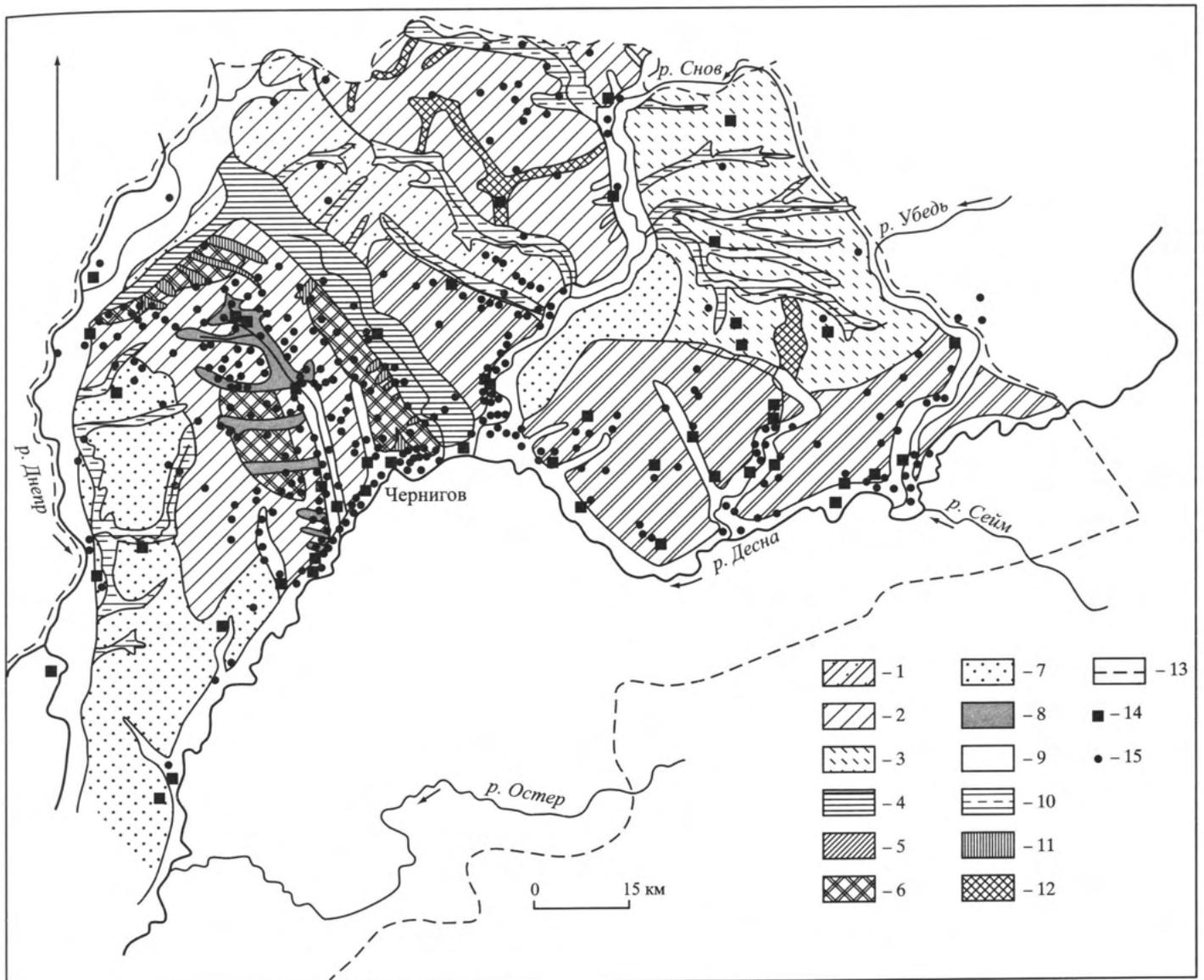
оны, где планомерные исследования по выявлению археологических памятников практически не проводились. Кроме этого, некоторые поселения невозможно локализовать по упоминаниям в литературе (отсутствуют точные привязки на местности), известны селища с неполной информацией (отсутствуют сведения о площади распространения культурного слоя и датировка памятника).

Черниговское Полесье охватывает территорию на левобережье Днепра от места впадения в Днепр р. Десны на западе и до впадения в Десну р. Убеди на востоке. Свообразным стержнем, делящим на неравные части эту географическую зону, является р. Десна. В предложенном исследовании целесообразно ограничиться рассмотрением памятников Черниговского Полесья севернее Десны. На территории летописного Задесенья (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 377) (левый берег реки) полесская зона попадает только в излучину реки, рядом с ней находится лесо-

степная область, оказывавшая значительное влияние на систему заселения, хозяйство жителей сельских поселений, этнический состав, и как следствие – на материальную культуру этого региона (рис. 2).

В северной части Черниговского Полесья известно 514 памятников конца IX – первой половины XIII в., среди которых 50 укрепленных населенных пунктов, в том числе и крупные города – Чернигов, Любеч, Сновск и другие; 337 сельских поселений, 121 курганный и 6 грунтовых могильников.

Важным элементом изучения системы заселения каждого региона является выяснение компонентов окружающей среды и степень использования их сельским населением в конкретный исторический период. Без детального анализа палеоландшафта, палеопочв, древней флоры и фауны невозможно полноценно оценить занятия сельских жителей и в целом уровень экономики региона, княжества, в конечном итоге – древнерусского государства.

Рис. 2. Ландшафты северной части Черниговского Полесья

Моренно-водноледниковые равнины: 1 – холмисто-волнистые песчаные с дерново-слабо- и среднеподзолистыми почвами под сосновыми и дубово-сосновыми лесами; 2 – волнистые, сложенные супесями и опесчаненными суглинками с дерново-подзолистыми и серыми лесными почвами, значительно обезлесенные; 3 – слабоволнистые песчаные, с дерново-подзолистыми почвами под сосновыми и сосново-дубовыми лесами; 4 – древняя долина “Замглай” с заболоченным днищем, с торфяниками, дерново-подзолистыми оглееными и черноземно-луговыми почвами, с черноольховыми лесами. Лёссовые равнины: 5 – слаборасчлененные с черноземами типичными, распаханые, в прошлом под широколиственными лесами; 6 – сильнорасчлененные с черноземами типичными, распаханые, с дубово-грабовыми лесами в балках. Древнеаллювиальные равнины: 7 – песчаные с дерново-слабоподзолистыми поч-

вами под сосновыми и дубово-сосновыми лесами; 8 – песчано-суглинистые с дерново-подзолистыми и светло-серыми лесными почвами, частично под хвойными и широколиственными лесами. Аллювиальные равнины: 9 – песчаные и суглинистые с пойменными дерновыми почвами под ивняками и злаково-разнотравными лугами; 10 – плоские с лугово-болотными почвами на разноощных низинных торфяниках с черноольховыми лесами, лугово-болотной растительностью. Характерные урочища: 11 – балки сложного профиля в лёссовидных суглинках, сырые и заболоченные, со смытыми серыми лесными почвами и черноземами обыкновенными под дубово-грабовыми лесами на склонах; 12 – проходные долины с черноземно-луговыми и болотными почвами под лугово-болотной растительностью. 13 – граница Черниговского Полесья; 14 – городище; 15 – поселение

Для северной части Черниговского Полесья характерна развитая речная система (Ландшафты..., 1985. С. 27). Реки с небольшим падением и спокойным течением в древности, безусловно, были более полноводными. Из рек, кроме Днепра и Десны, значение которых трудно переоценить, важное значение имели правые притоки Десны – Белоус (летописный Боловес) (ПСРЛ, 1962. Т. 2.

С. 361, 474), Стрижень (летописный Стрежень) (ПСРЛ, 1962. Т. 1. С. 201), Замглай (летописная Свинь) (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С.456, 458), Снов (летописный Снов) (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 161, 458), Убедь и другие. Распахивание земель, мелиоративные работы и вырубка лесов привели к существенным изменениям водного баланса и к полному исчезновению мелких рек и ручьев. Грунтовые воды залегают на

глубине 1–3 м на террасах и 5–7 м на водораздельных равнинах, они подпитывают небольшие болота и озера, образованные на блюдцевидных впадинах (Головач, 1986. С. 191).

Почвообразующими породами являются морена преимущественно супесчаного гранулометрического состава, водно-ледниковые, глинисто-песчаные, песчаные отложения, а также лёссовидные суглинки. Лёссовидные суглинки занимают обширные площади, с одной стороны, образуя повышенные плато, с другой – покрывая обширные низменности. Почвенный покров неоднородный, контрастный. На возвышенностях, в частности на лёссовых плато бассейна Десны, развиты серые, местами темно-серые лесные почвы; на лёссовых низменностях формируются темно-серые почвы и даже оподзоленные черноземы (Менская лёссовая низина). Остальное пространство вне лёссовых островов занято комплексом дерново-подзолистых почв разной степени подзолистости и оглеения, различного механического состава (Почвы, 1986. С. 85; Атлас..., 1991. С. 19) (рис. XXXIII).

На протяжении X–XIII вв. в Черниговском Полесье были освоены практически полностью волнистые моренно-водноледниковые равнины, сложенные супесями и опесчаненными суглинками с дерново-подзолистыми и серыми лесными почвами, расположенные между Любечем и Черниговом, в бассейне р. Белоус и между р. Смяч и средним течением правого берега р. Снов, а также сильно- и слабонерасчлененные лёссовые равнины с черноземами типичными (участки в бассейне р. Белоус, бассейне р. Стрижень, на правом берегу нижнего течения р. Снов, и в среднем течении р. Десны.) (рис. XXXIII; 3). Отмечено наличие сельских поселений и в поймах крупных рек – Днепра, Десны, Снова, особенно рядом с крупными центрами, такими как Чернигов, Любеч и Сновск. В меньшей степени освоена древняя долина “Замглай”, с заболоченным днищем, с торфяниками, дерново-подзолистыми оглеенными и черноземно-луговыми почвами.

Низкой степенью освоения характеризуются холмисто-волнистые и слабоволнистые песчаные моренно-водноледниковые равнины с дерново-подзолистыми почвами, расположенные между Замглаем и р. Смяч и на левобережье р. Снов, находящиеся под сосновыми и сосново-дубовыми лесами. Следует оговорить, что эти районы менее всего обследованы. Ныне здесь известны лишь отдельные памятники X–XIII вв., но в силу природных условий предполагать наличие густой сети поселений древнерусского времени на этих территориях вряд ли стоит.

Кроме отмеченных ранее, в исследуемом регионе есть ландшафты, слабо освоенные как в древнерусское время, так и в последующие эпохи. Это древнеаллювиальные равнины с песчаными дерново-подзолистыми почвами, находящиеся под сосновыми и дубово-сосновыми лесами, располо-

женные в нижней части междуречья Десны и Днепра и на левобережье нижнего течения Снова.

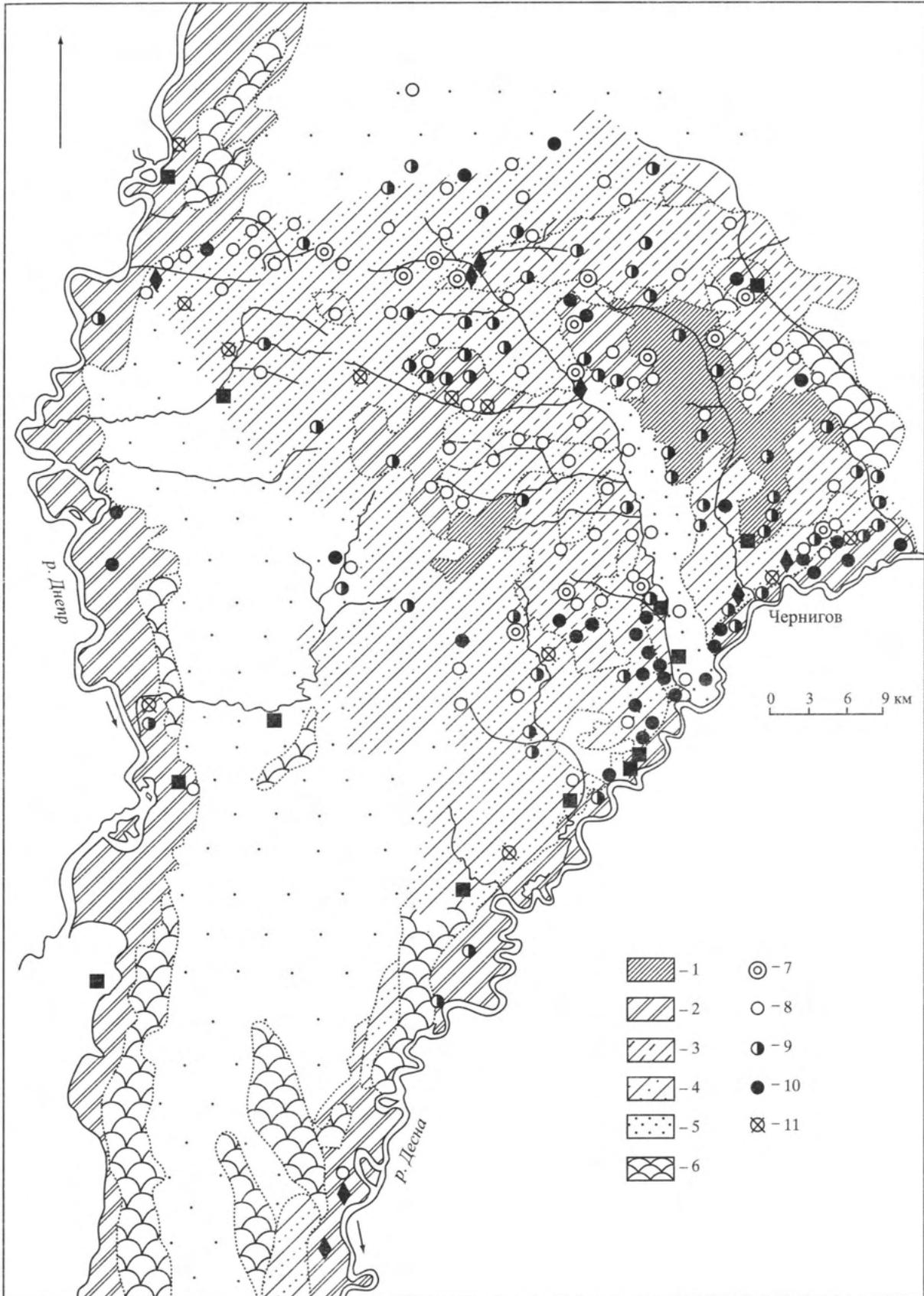
Таким образом, в древнерусское время территория Черниговского Полесья освоена была крайне неравномерно (Шекун, 1990б. С. 74). Наряду с регионами, где селища зафиксированы на расстоянии 0,5–3 км (среднее расстояние – 1,8 км) (Веремейчик, 2003б. С. 39), отмечены регионы с поселениями, расположенными на значительном расстоянии (6–15 км) друг от друга. По-видимому, это отражение общеевропейской тенденции средневекового расселения, где отмечено чередование густонаселенных регионов с благоприятными для колонизации условиями, со слабозаселенными в менее благоприятных условиях.

Наиболее исследованы в Черниговском Полесье бассейны рек Белоус и Стрижень (территория между Черниговом и Любечем). В результате неоднократных обследований удалось собрать достаточно полные сведения о находящихся здесь памятниках (площадь распространения культурного слоя, типы расположения селищ на местности, данные о датировке поселений и т.д.). Сопоставление карты памятников с картой палеопочв с учетом данных о времени возникновения поселений позволило реконструировать динамику освоения различных типов почв в исследуемом регионе на протяжении X–XIII вв.

Из 194 известных в рассматриваемом регионе селищ только об 11 памятниках (5,5% от общего числа поселений) отсутствуют сведения о площади и датировке. Это селища, известные по литературе, и при повторных обследованиях их либо не удалось обнаружить, либо культурный слой уничтожен в результате хозяйственной деятельности. Однако такой незначительный процент вряд ли существенно изменит общую картину.

Во второй половине – конце IX в. на этой территории возникает 14 памятников (7,2% от общего количества поселений), в основном вдоль рек Белоус, Десна, Стрижень, Вереп. Следует отметить, что эти памятники возникают на территориях, освоенных еще в раннеславянское время носителями киевской и последующих культур. Все поселения, за исключением двух, просуществовали с конца IX до середины XIII в. Расстояние между поселениями в этот период значительное – 8–12 км, лишь в верховьях Белоуса оно составляет 3–6 км. Из 14 селищ, возникших во второй половине – конце IX в., шесть расположены на дерново-подзолистых супесчаных и легкосуглинистых почвах, пять – на светло-серых и серых лесных, два – на темно-серых лесных и одно – на луговых почвах.

На протяжении X в. количество памятников увеличивается в 5 раз (72 поселения, или 37,1%). В это время осваиваются все без исключения притоки рек Белоус, Стрижень, Замглай, Вереп (бассейн Десны), а также р. Муравля, верховья рек Ворзны и Пакульки (бассейн Днепра). Кроме этого, возникают поселения вдоль коренных террас Днепра и

Рис. 3. Карта почв междуречья нижнего течения Десны и Днѣпра

1 – темно-серые лесные почвы и черноземы оподзоленные;
 2 – луговые почвы; 3 – светло-серые и серые лесные почвы;
 4 – дерново-слабо- и среднеподзолистые супесчаные и суглинистые почвы; 5 – дерново-слабоподзолистые песчаные

почвы; 6 – торфо-болотные почвы. Поселения возникшие:
 7 – во второй половине – конце IX в.; 8 – в X в.; 9 – в XI в.;
 10 – в XII – середине XIII в.; 11 – дата не установлена

Десны. Отмечено появление нескольких поселений возле болот и небольших озер. Среди них лишь два прекращают свое существование в XI в., все другие (70) существуют и в более позднее время. Площадь большинства возникших ранее поселений значительно возрастает, а расстояние между памятниками ощутимо сокращается, теперь они расположены на расстоянии 3–4 км, а иногда и ближе. Среди 72 поселений, появившихся в X в., 39 (20,1%) возникли на дерново-подзолистых супесчаных и легкосуглинистых, 18 (9,3%) – на светло-серых и серых лесных, 8 (4,1%) – на луговых, 6 (3,1%) – на дерново-подзолистых песчаных и лишь одно (0,5%) – на темно-серых лесных почвах.

В XI в. процесс возникновения новых поселений несколько замедляется. В это время появляется 63 новых селища. Однако тенденция к первоочередному освоению супесчаных и легкосуглинистых почв сохраняется: здесь возникают 24 поселения (12,4%). Второе место занимают луговые почвы, на которых появляется 18 (9,3%) памятников. Третье место разделяют светло-серые и серые лесные (9 поселений, или 4,7%) и темно-серые лесные почвы (10 поселений, или 5,2%). На песчаные почвы попадает лишь два (1%) новых поселения. Так на протяжении XI в. постепенно осваиваются тяжелые темно-серые почвы.

В XII–XIII вв. замедление темпов возникновения поселений еще более заметно. В это время появляются 34 новых объекта. Однако следует обратить внимание, что замедление темпов возникновения новых поселений в XI в. и XII – первой половине XIII в. ни в коей мере не может говорить об уменьшении населения. Следует учитывать, что время бытования подавляющего большинства поселений длится до середины XIII в., а на некоторых памятниках зафиксированы и культурные слои второй половины XIII–XIV в., причем площадь распространения культурного слоя, как правило, увеличивается. В это время 12 новых поселений (6,2%) возникают на супесчаных и легкосуглинистых и 11 (5,7%) на луговых почвах. Продолжается процесс дальнейшего освоения светло-серых (7 поселений – 3,6%) и песчаных (4 поселения – 2,1%) почв. И, наконец, следует напомнить, что время появления 5,5% поселений не выяснено.

Таким образом, в древнерусское время в регионе были освоены и заселены все пригодные для сельского хозяйства земли (Канівець, 1985. С. 93; Почвы, 1986. С. 85). В целом незаселенными остались лишь болота на севере, в центре и на юго-западе территории, а также леса, расположенные на неплодородных почвах.

Из почв под первоочередное освоение в конце IX–X в. попадали дерново-слабо- и среднеподзолистые супесчаные и суглинистые (30 баллов плодородия по 100-балльной шкале от уровня полтавских черноземов), светло-серые и серые лесные (40 баллов), а также луговые почвы (50–70 баллов). После освобождения от леса они относительно легко

распахивались и давали, по-видимому, более-менее удовлетворительный урожай. С XI в. происходит окультуривание более тяжелых темно-серых лесных почв (60–70 баллов плодородия), хотя в этот период интенсивному распахиванию подвергались и почвы, освоенные раньше. Возможно, из-за уровня развития орудий труда темно-серые почвы было достаточно тяжело освоить, и поэтому плотность населенных пунктов здесь не превышает плотности на других комплексах почв.

Колонизация и освоение подходящих для земледелия почв, на первый взгляд, может свидетельствовать о приоритетном и единственном занятии жителями селищ исследуемого региона сельским хозяйством и в первую очередь земледелием. Это правильно только отчасти. При более внимательном изучении разных категорий находок, обнаруженных на селищах при археологических исследованиях, бросается в глаза достаточно малое количество орудий труда и построек, отражающих различные стадии земледельческого цикла по сравнению с другими занятиями сельских жителей. Кроме этого, необходимо учитывать различия в занятиях жителей поселений в отдельные хронологические периоды. Это трудно сделать для находок, происходящих из подъемного материала и из культурного слоя поселений, часто практически полностью уничтоженного многолетней распашкой, и вследствие этого датируемых широко. Однако уверенно можно сказать, что расцвет и хозяйства, и материальной культуры сельских поселений приходится на XII – первую половину XIII в. (Веремейчик, 1996. С. 68–70; 2003б; Веремейчик, Коваль, 2005).

Материалы исследований поселений наглядно демонстрируют достаточно непростую хозяйственную структуру сельской экономики Полесского региона. Наряду с традиционными занятиями сельского населения – земледелием, скотоводством, рыболовством, бортничеством, охотой, лесохимическими промыслами, добычей железа, обработкой дерева и кости, прядением и ткачеством и т.д., на сельских поселениях развивалось кузнечное и слесарное дело, гончарство, ювелирное производство, обнаружены и следы изготовления стеклянных браслетов. Таким образом, для Черниговского Полесья накоплены материалы, отражающие все отрасли сельскохозяйственного производства и промыслов, а также свидетельствующие об определенном уровне развития ремесла и торговли. На современном этапе перед исследователями встает вопрос о соотношении этих отраслей и их роли в экономике средневековой деревни в разные хронологические периоды.

Изучение систем заселения разных регионов Руси (Гоняный, Кац, Наумов, 2003. С. 228–264; Культура средневековой Москвы, 2004; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001; Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004. С. 19–33; Петрашенко, 2003. С. 47–62; Седов, 1960; Томашевский, 2003. С. 4–26;

Тропин, 2005. С. 244–254; Чернов, 2003. С. 168 – 223 и др.) и исследование поселений (Макаров, Захаров, 2003; 2005. С. 136–148; Макаров, 2005. С. 3–10, Моця, Орлов, Коваленко и др., 1997. С. 34–69; Средневековое поселение Настасьино, 2004; Петрашенко, 2005; Шекун, Веремейчик, 1999) наглядно продемонстрировали, что при внешней несхожести и огромной удаленности рассматриваемых территорий друг от друга, в изучаемых процессах четко прослеживаются как общие тенденции и черты сходства, так и определенные, не менее четкие различия, что в значительной степени определялось характером природной среды, зависимость от которой человека эпохи Средневековья не стоит преуменьшать. Черты сходства прослеживаются в системах заселения, крупных размерах памятников и небольшом расстоянии между ближайшими населенными пунктами отдельных регионов, например, в Суздальском Ополе и в Южной Руси (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005. С. 214). Черты отличия сельских поселений разных регионов Руси (состав и уровень развития отраслей хозяйства, особенности материальной культуры и т.д.), кроме характера окружающей среды определяются, по-видимому, еще и комплексом социальных, политических, в известной степени – этнических факторов, среди которых важное значение имели степень приближенности-удаленности к центрам сосредоточения властных структур, уровень урбанизации региона, интенсивность функционирования международных и внутренних торговых путей, а также влияние соседних народов и государств.

Литература

Атлас Черниговской области. М., 1991.
 Бліфельд Д.І., 1949. Звіт про роботу Деснянської археологічної експедиції 1949 р. // НА ІА НАН України. 1949/7.
 Бліфельд Д.І., 1955. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // АП УРСР. Київ. Т. V.
 Бліфельд Д.І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
 Веремейчик Е.М. Отчеты о разведках за 1983, 1984, 1986, 1987, 1988, 1989 г. // НА ІА НАНУ. 1983/64а, 1984/109, 1986/136, 1987/48, 1988/179, 1989/46.
 Веремейчик Е.М., 1987. Работы Селищного отряда // АО 1985 г. М.
 Веремейчик Е.М., 1990. Охранные исследования поселения X–XIII вв. у с. Петруши // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
 Веремейчик О.М., 1993. Охоронні розкопки поселення Шумлай біля Чернігова // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк.
 Веремейчик О.М., 1996. Матеріальна культура сільського населення IX-першої половини XIII ст. межиріччя нижньої течії Десни та Дніпра // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). Київ.
 Веремейчик О.М., 1998. Географічне середовище і розміщення сільського населення межиріччя нижньої Десни та Дніпра у IX–XIII ст. // Україна і Росія в панорамі століть. Чернівці.
 Веремейчик О.М., 2003а. Дружинні старожитності з поселення Ліскове // Дружинні старожитності Центрально-Східної

Європи VIII–XI ст.: Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. Чернівці.
 Веремейчик О.М., 2003б. Лівобережне полісся // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ.
 Веремейчик Е.М., Казаков А.Л., Коваленко В.П. и др., 1988. Работы Чернигово-Северской экспедиции // АО 1986 г. М.
 Веремейчик Е., Коваль. В.Ю., 2005. Византийские амфоры на сельских поселениях Черниговщины // Наукові записки з Української історії: Збірник наукових статей присвячений пам'яті В.В. Седова. Переяслав-Хмельницький. Вип. 16.
 Виноградський Ю., 1928. Сосниця та її околиці: Топографічні й археологічні матеріали, перекази та історичні відомості // Чернівці і Північне Лівобережжя. Київ.
 Головач І.К., 1986. Черниговская область // Использование и охрана природной среды Среднего Поднепровья. Киев.
 Гоняний М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
 Горюнов Е.А. Отчет об археологическом обследовании поречья р. Снов на участке с. Брусилы – с. Горск Черниговской области в 1970 г. // НА ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 35. Оп. 1. 1970. № 16.
 Древности железного века в междуречье Десны и Днепра // САИ. 1962. Вып. Д1-12.
 Жаров Г.В. Отчеты о разведках за 1988–1992 гг. // НА ІА НАНУ. 1988/146, 1989/150, 1990/189, 1991/134, 1992/64.
 Жаров Г.В., 1993. Округа селища Автуничи в 1–2 тыс. н.э. // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернівці.
 Канівець В.І., 1985. Роль природних умов у формуванні території Чернігово-Сіверської землі // Тези доп. першої Чернігівської обл. конференції з історичного краєзнавства. Чернівці.
 Коваленко В.П., 1986. Вотчина черниговских князей по летописной статье 1159 г.: (к постановке проблемы) // Черниговская обл. научно-методическая конференция, посвященная 800-летию “Слова о полку Игореве”: Тез. докл. Чернигов.
 Коваленко В.П., Моця О.П., Шекун А.В., 1985. Работы Шестовицкой экспедиции // АО 1983 г. М.
 Кузнецов Г.А., Отчеты о разведках за 1975, 1982, 1984, 1985, 1987 гг. // НА ІА НАНУ. 1975/103, 1982/54, 1984/68, 1985/119, 1987/129.
 Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1.
 Ландшафты и физико-географическое районирование: Природа Украинской ССР. Киев, 1985.
 Ляпушкин И.И., 1947. Отчет о работе экспедиции в 1947 г. по обследованию памятников в бассейне р. Сейм, нижнего течения р. Десна и левого берега Днепра, Киевской, Курской, Полтавской, Сумской, Харьковской областях // НА ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 35. Оп. 1. 1947. № 31.
 Ляпушкин И.И., 1961. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции Института археологии АН СССР 1961 г. // НА ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 35. Оп. 1. 1961. № 21.
 Макаров Н.А., 2005. Археологическое изучение северорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX–XIV вв.: От новых методов изучения к новому пониманию. Кириллов.
 Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2005. Севернорусская деревня по материалам раскопок средневековых селищ на Кубенском озере // КСИА. Вып. 219.
 Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом Озере. М.
 Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополе // РА. № 1.
 Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.

- Максимов Е.В. и др., 1975. Отчет о полевых исследованиях 1975 г. Среднеднепровской раннеславянской экспедиции // НА ИА НАНУ. 1975/24.
- Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. и др., 1976. Отчет о работе Среднеднепровской раннеславянской экспедиции в 1976 г. // НА ИА НАНУ. 1976/21.
- Максимов Е.В., Терпиловский Р.В., 1977. Отчет о работах Среднеднепровской раннеславянской экспедиции ИА АН УССР в 1977 г. // НА ИА НАНУ. 1977/4.
- Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П. та інші., 1997. Поселення Х–ХІІІ ст. біля с. Автуничі // Південноруське село ІХ–ХІІІ ст. Київ.
- Мултанен А.А. Отчеты о разведках за 1986, 1992, 1993 гг. // НА ИА НАНУ. 1986/88, 1992/69, 1993/87.
- Обломский А.М., 1981. Отчет об исследованиях, проведенных в Менском районе Черниговской обл. в 1981 г. разведочным отрядом Новгород-Северской археологической экспедиции // НА ИА НАНУ. 1981/54.
- Петрашенко В.А., 2003. Лісостепова зона // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ.
- Петрашенко В.А., 2005. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Київ.
- Пильник А.Г., 1990а. Отчет о разведке за 1990 г. // НА ИА НАНУ. 1990/253.
- Пильник А.Г., 1990б. Правобережье Поснов'я в X – XIII ст. // Минуле Сосниць та її околиць. Чернігів.
- Попко А.А., 1947. Археологические разведки в Черниговской области в 1947 г. // НА ИА НАНУ. 1947/20.
- Попко А.А., 1966. Дневник научного сотрудника разведочного отряда Киевской экспедиции ИА АН УССР // НА ИА НАНУ. 1966/1. № 4577.
- Попко О.О., 1971. Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни // Середні віки на Україні. Київ. Вип. 1. Почвы: Природа Украинской ССР. Київ, 1986.
- Простантинова В.В. Отчеты о разведках за 1984, 1985, 1989 гг. // НА ИА НАНУ. 1984/108, 1985/77, 1989/175.
- ПСРЛ. М., 1962. Т. 1: Лаврентьевская летопись.
- ПСРЛ. М., 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись.
- Рыбаков Б.А., 1958. Отчет о работе Южно-Русской экспедиции за 1958 г. в Любече // НА ИА НАНУ. 1958/25.
- Рыбаков Б.А., 1959. Отчет о работах Черниговской экспедиции в городах Любече и Чернигове в 1959 г. // НА ИА НАНУ. 1959/20б.
- Самоквасов Д.Я., 1906. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV археологического съезда // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. М. Вип. 1.
- Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. № 92.
- Ситий Ю.М., 1998. Етапи заселення Чернігівського Задесення (спроба реконструкції процесу внутрішньої колонізації) // Україна і Росія в панорами століть. Чернігів. Середньовекове поселення Настасіно. М., 2004.
- Станкевич Я.В., 1962. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. Вип. 87.
- Сымонович Э.А., 1960. Отчет о разведках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР 1960 г. // НА ИА НАНУ. 1960/26.
- Телегин Д.Я., Березанская С.С., Митрофанова В.И., Круц В.А., 1962. Отчет об археологических исследованиях в зоне Киевского водохранилища в 1962 г. // НА ИА НАНУ. 1962/15.
- Телегин Д.Я., Круц В.А., 1966. Отчет о работе Киевской экспедиции в 1966 г. // НА ИА НАНУ. 1966/1. № 4575.
- Томашевський А.П., 2003. Правобережне Полісся // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ.
- Третьяков П.Н., 1966. Отчет об археологических обследованиях на территории Черниговской области в 1966 г. // НА ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 35. Оп. 1. 1966. № 64.
- Третьяков П.Н., 1970. Отчет о работах Деснинского археологического отряда 1970 г. // НА ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 35. Оп. 1. 1970. № 14.
- Тропин Н.А., 2005. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв.: формирование и развитие региона // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Уварова П.С., 1906. Городища и курганы: Выборка из дел Черниговского статистического комитета общества Нестора-летописца и архива гр. П.С. Уваровой // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. М. Вип. 1.
- Чернов С.З., 2003. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: “традиционные” и “новационные” модели выхода из кризиса: (по материалам археологических исследований 1976–1993 гг. волостей Воря и Пехорка) // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
- Шекун А.В. Отчеты о разведках за 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1983, 1988, 1989, 1990, 1991 гг. // НА ИА НАНУ 1976/53, 1977/86, 1978/1, 1979/67, 1980/89, 1983/170, 1988/186, 1989/200, 1990/123, 1991/128.
- Шекун А.В., 1985. Исследования на Черниговщине // АО 1983 г. М.
- Шекун А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях в зоне строительства газопровода к г. Славутич в 1987 г. // НА ИА НАНУ. 1987/47.
- Шекун А.В., 1990а. Памятники Сосницкого ополья IX–XIII вв. // Минуле Сосниць та її околиць. Чернігів.
- Шекун А.В., 1990б. К вопросу территориального развития древнерусской селищной структуры // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
- Шекун А.В., Веремейчик Е.М., 1986. Исследования на Черниговщине // АО 1984 г. М.
- Шекун А.В., Веремейчик Е.М., 1988. Селища IX–XIV вв. в междуречье низовой Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев.
- Шекун О.В., Веремейчик О.М., 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів.
- Шекун О.В., Сита Л.Ф., 1993. Пам'ятники IX–XII ст. в околицях с. Старий Білоус поблизу Чернігова // Старожитності Південної Русі. Чернігів.
- Ширинский С.С., 1962. Отчет о раскопках, произведенных в 1962 году Черниговским отрядом Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР // НА ИА НАНУ. 1962/56.
- Ширинский С.С., 1964. Отчет о раскопках, произведенных в 1964 г. Черниговским отрядом Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР // НА ИА НАНУ. 1964/60.
- Ширинский С.С., 1965. Отчет о раскопках Черниговского отряда Приднепровской экспедиции в 1965 г. // НА ИА НАНУ. 1965/31.
- Ширинский С.С., 1969. Курганы X в. у деревни Пересаж // КСИА. Вип. 120.

А.В. Кудряшов

Сельские поселения Лозско-Азатской озерной системы в эпоху Средневековья

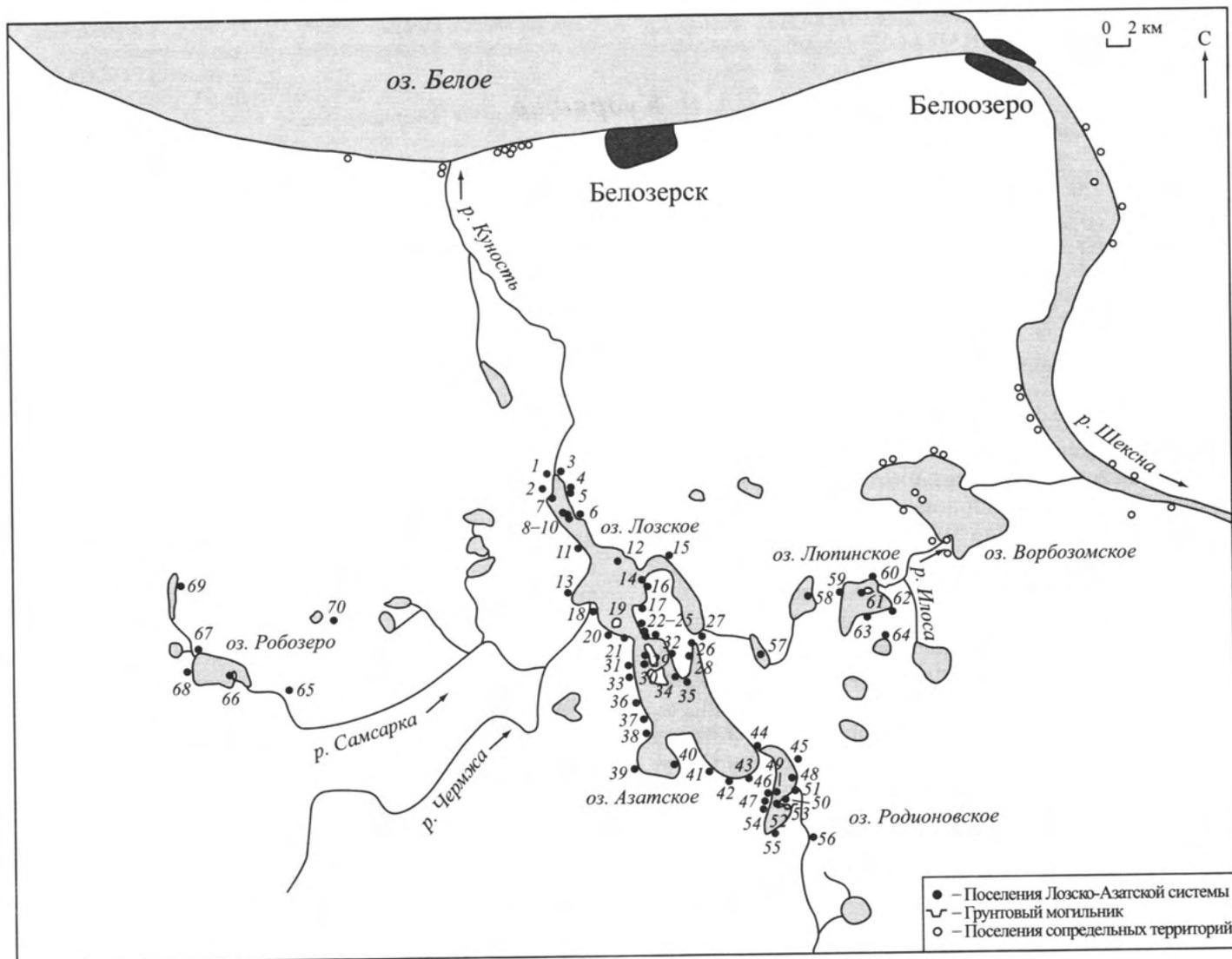
В последние десятилетия в нашей стране осуществился ряд проектов, направленных на исследование сельских поселений и могильников Древней Руси. Благодаря этим работам удалось решить некоторые проблемы, связанные с изучением механизмов заселения обширной территории древнерусского государства, с ее хозяйственным освоением, исследованием этнокультурных процессов, происходивших в том или ином регионе Руси. Значительная работа по изучению сельских памятников была выполнена и на территории Русского Севера.

Лозско-Азатская озерная система является составной частью территории Белозерья. Она находится в 15–20 км к югу от Белого озера и представляет собой скопление озер, большинство которых связаны между собой протоками. Центральное место в ней занимают два самых крупных озера – Лозское и Азатское. Эти озера соединяются коротким широким проливом и местными жителями воспринимаются как единый водоем, который они называют Лозско-Азатским озером (общая площадь 3507 га). Озеро простирается с севера на юг на расстояние свыше 15 км, с запада на восток – до 5 км. С Лозско-Азатским озером с помощью рек и речек соединяется еще несколько озер. Среди них по размерам выделяются озера Родионовское (Илозеро), Робозеро, Ангозеро. Некоторые из озер, входящих в систему, находятся на водоразделах. Озера Лозско-Азатской системы имеют ледниковое происхождение, берега некоторых из них сильно изрезаны, на многих водоемах имеются острова. Лозско-Азатское озеро принимает в себя многочисленные притоки, среди них имеются реки протяженностью в 3–4 десятка километров – Чержма с Самсаркой и Рыбница. Единственной рекой, вытекающей из Лозско-Азатского озера является Куношь, она связывает озерную систему с Белым озером. Исследуемая территория имеет размеры приблизительно 25 × 35 км.

Наиболее ранние письменные упоминания данной территории относятся к XV в. (АСЭИ, 1958. С. 103, 168). Местность по Лозскому озеру в документах названа “Лозой”. В 50–70-е годы XX в. берега Лозско-Азатского озера неоднократно осматривались череповецким краеведом А.А. Алексеевой (Еремеев, 1996. С. 181–187). Она собрала несколько десятков коллекций подъемного материала,

относящегося, в основном, к каменному веку. В 50–60-х годах XX в. на Лозско-Азатском озере проводили раскопки памятников каменного века И.К. Цветкова и Р.В. Козырева (*Козырева*, 1969. С. 69–71; *Цветкова*, 1961. С. 47–71). В 70-х годах исследования памятников каменного века продолжила С.В. Ошибкина (1978). В 1989 г. Лозско-Азатское озеро обследовано Калининской (Тверской) археологической экспедицией под руководством А.В. Мирецкого. Было обнаружено несколько памятников разных эпох (*Мирецкий*, 1989). К началу 90-х годов XX в. на Лозско-Азатском озере было известно чуть более четырех десятков памятников археологии, датируемых, в большинстве своем, каменным веком. С начала 90-х годов XX в. исследованием региона занимается экспедиция Череповецкого музейного объединения под руководством автора (*Кудряшов*, 1998. С. 12–17). За последние 15 лет в регионе нами было обнаружено более 100 памятников археологии разных эпох. На сегодняшний день на Лозско-Азатской озерной системе известно свыше 150 поселений, почти на 70 из них присутствуют материалы Средневековья.

Часть поселений Лозско-Азатского озера подверглась разрушению в результате подъема воды в водоеме, вызванного сооружением в начале 1970-х годов плотины в истоке р. Куноши. Культурный слой некоторых памятников получил разрушения в результате многолетней хозяйственной деятельности населения. Большинство средневековых селищ обнаружено на Лозско-Азатском озере, небольшие скопления их известны также на Родионовском, Люпинском озерах, а также на Робозере (рис. 1). В регионе широкими раскопками исследовались три средневековых селища и один могильник. Изучались поселение Дюково на Люпинском озере (1997 г.), где вскрыто 120 кв. м площади, поселение Остров Молебный на Робозере (1998 г.), на котором исследовано 132 кв. м, поселение и могильник Нефедово 1, 2 на озере Родионовском (1994, 1995 гг.). На поселении Нефедово 1 изучено около 500 кв. м площади. На большинстве поселений системы были заложены шурфы, собраны коллекции подъемного материала. В результате исследований последних лет была создана источниковая база, позволяющая решать задачи реконструкции исторических процессов, происходивших в

Рис. 1. Археологические памятники Лозско-Азатской системы

микрорегионе в различные периоды эпохи Средневековья.

Среди известных поселений лишь пять могут быть отнесены к эпохе раннего Средневековья – второй половине I тыс. н.э. По региону эти памятники распределены разреженно, но более-менее равномерно (рис. 2, а). Три селища из пяти находятся на островах (Дюково, Пречистая 4, Зубово-Кумозеро), два занимают небольшие озерные мысы. При определении высоты площадки поселений над водой выяснилось, что четыре из пяти селищ располагались на высоте чуть более 1 м над меженным уровнем воды, и лишь одно располагается на высоте до 3 м. Размеры селищ этого времени незначительны, их площадь не превышает 0,25 га. Материалы, полученные с памятников, в основном, малоинформативны. Здесь обнаружены, в большинстве своем, фрагменты лепных слабопрофилированных сосудов средних и крупных размеров, лишенных какой-либо орнаментации. Делать серьезные выводы о хозяйственном укладе населения микрорегиона в эпоху раннего Средне-

вековья при отсутствии раскопанных памятников представляется делом сложным. Тем не менее, учитывая низкую расположенность данных селищ над водой и присутствие в их культурном слое материалов предшествующих эпох, можно с осторожностью предположить, что у местного населения в этот период, как и в предшествующее время, господствовало присваивающее хозяйство, основой которого было в первую очередь рыболовство. Слабая заселенность Лозско-Азатского микрорегиона наблюдается до конца I тыс. н. э.

В X – середине XI в. количество поселений увеличивается более чем в два раза и достигает 12 (рис. 2, б). Они распределяются по региону следующим образом: пять из них находятся на островах в центральной части Лозско-Азатского озера, пять расположены на озере Родионовском. По одному селищу этого времени известно на Робозере (Молебный остров) и на Люпинском озере (Дюково). Четвертая часть селищ находится на островах. Среди них имеются острова больших размеров, такие как Большой Мойкин остров. Пять поселений

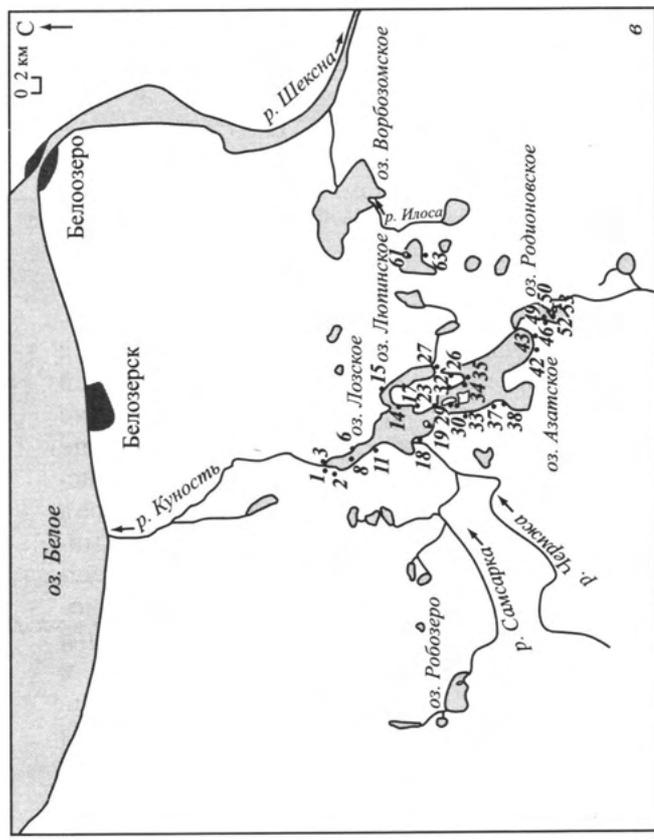
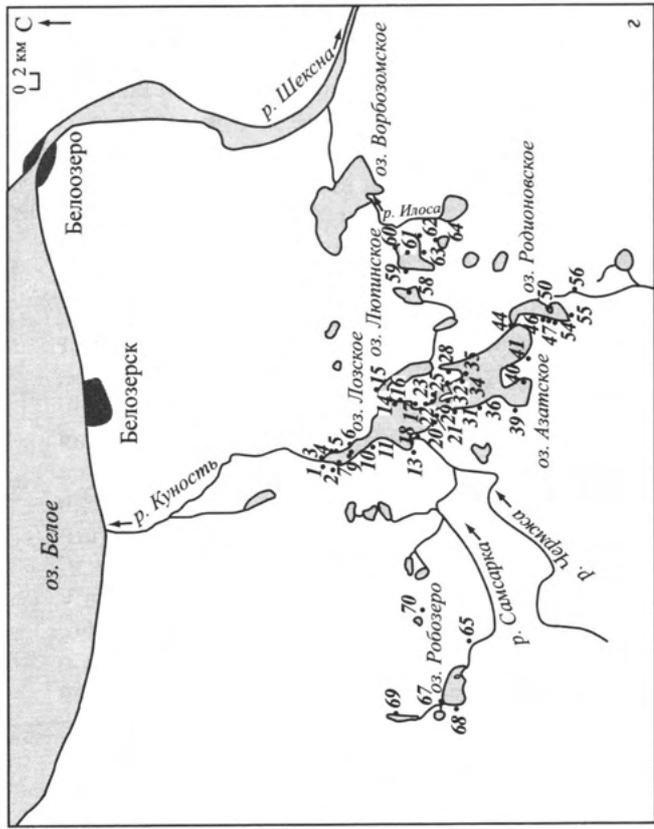
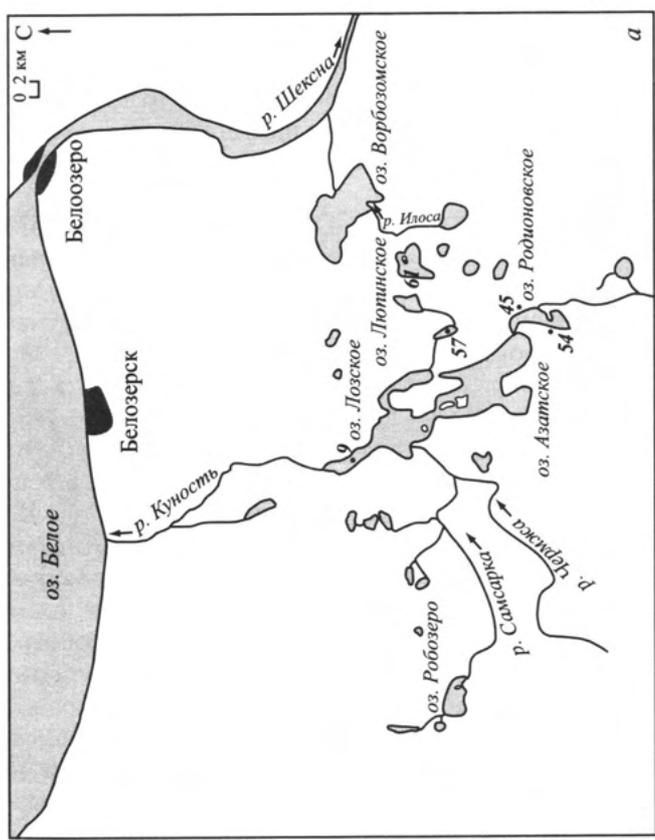
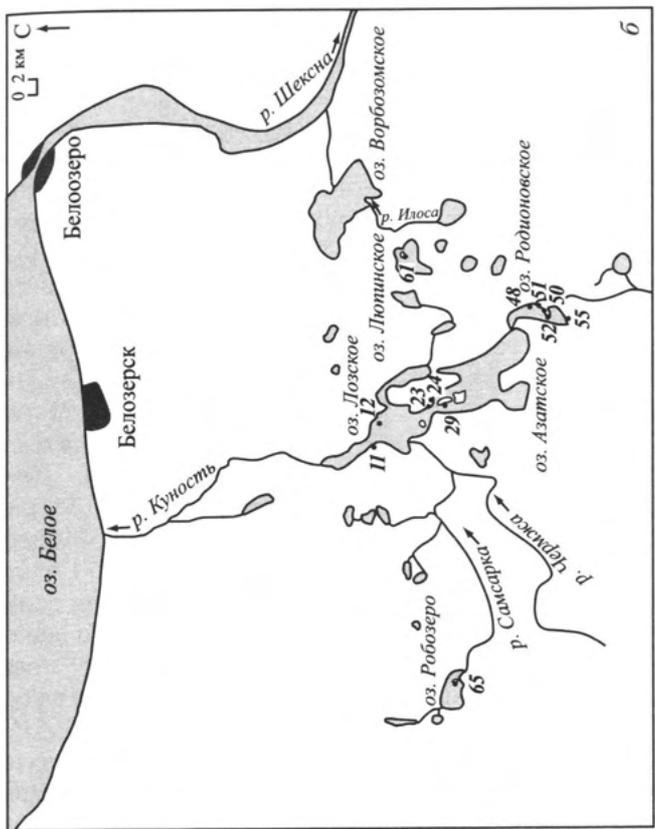

Рис. 2. Хронологическое распределение археологических памятников в бассейне Лозко-Азатской системы

занимали озерные мысы, некоторые селища располагаются на озерных береговых террасах. Площадь селищ X – первой половины XI в. варьирует от 0,1 га до значительных по местным масштабам размеров – 0,5 га. Площадь от 0,25 до 0,5 га имели 60% всех существовавших в то время центров. Большая часть поселений располагается на высоте 1–2 м над уровнем воды. Вместе с тем, уже в это время появляются селища, возвышающиеся над меженным уровнем воды на высоту до 6 м. Особенностью поселений X – первой половины XI в. является то, что культурный слой большинства из них содержал материалы предшествующих эпох.

Хозяйственный уклад населения Лозско-Азатских озер в X – первой половине XI в. может быть реконструирован благодаря материалам, полученным в результате раскопок поселений. Так, при изучении культурного слоя поселения Молебный остров на Робозере, обнаружено свыше 70 индивидуальных находок X–XI вв. (рис. 3). Среди них имеются 25 рыболовных грузил, четыре наконечника стрел, шесть ножей группы IV по классификации Р.С. Минасяна (1980. С. 69–73), топор типа V по классификации А.Н. Кирпичникова (1966. С. 37–38), оселки, точила, шило, два шиферных и одно глиняное пряслица, обрезки пластинчатой бронзы, бронзовая заготовка, обломки листового железа и некоторые другие предметы. Из украшений имелись лишь тройная буса-пронизка и большая бутылковидная подвеска. Судя по находкам, охота и рыболовство были основой хозяйственного уклада жителей селища. Из других занятий здесь присутствовала, вероятно, “холодная” обработка листовой бронзы. Основная часть обнаруженной здесь керамики оказалась лепной (99,7% всего комплекса), 23% керамики орнаментированы гребенчатым и рамочным штампами, а также насечками и вдавлениями. Лепная керамика изготавливалась на месте. На Молебном острове обнаружены жилищные пятна, оставшиеся от нескольких наземных построек с очагами-каменками и подпольными ямами. Судя по всему, поселение Молебный остров было небольшой деревней, жители которой занимались лесными промыслами. Поселение было финно-угорским. Небольшое селище X–XI вв., так же принадлежавшее финно-уграм, исследовано на острове Дюково (озеро Люпинское). На памятнике обнаружены, кроме лепной керамики, украшенной гребенчатым штампом, нож (группы IV по Р.С. Минасяну) и фрагменты других ножей, зубильце, фрагмент косы-горбуши, клинья топоров, фрагменты листовой бронзы, оселки и точила. В отличие от поселения Молебный остров, на Дюково не обнаружены украшения и предметы быта. На острове Дюково, судя по характеру находок, в X – первой половине XI в. находился охотничье-рыболовный стан. Необходимо отметить, что селища Дюково и Молебный остров располагались, как и большая часть островных поселений региона, на южной оконечности островов, они

были прикрыты их растительностью от холодных ветров северного направления. Охотничье-рыболовные станы, каким было Дюково, были довольно широко распространены в эпоху Средневековья в Белозерье.

Еще одно исследованное поселение этого времени – Нефедово 1 находилось на мысу, образованном большими заливами озера Родионовского. Ранний период существования средневекового поселения Нефедово 1 относится к X – первой половине XI в. Здесь обнаружены вещевые находки, бытующие в то время. Среди них имеются бусы – глазчатая, лимонка и мозаично-глазчатая буса, изготовленная в технике миллефиори, а также пластинчатое кресало, весовая бочонковидная гирька для малых взвешиваний, ножи IV группы по классификации Р.С. Минасяна и некоторые другие предметы (рис. 4; 5). К этому времени относится и лепная керамика. Среди лепной керамики, украшенной гребенчатым штампом, имеются сосуды стройных пропорций. В отличие от селищ Молебный остров и Дюково, поселение Нефедово 1 было большим по размерам. Население его также занималось охотой, это подтверждают находки наконечников стрел, костей животных – бобра, лося, северного оленя, обнаруженных на памятнике (кости определены М.В. Саблиным, ЗИН РАН). О развитом рыболовстве свидетельствуют не только рыболовные грузила, найденные на поселении, но и зубья остроги, большие промысловые крюки, ледоходный шип. В культурном слое селища, в предматериковой его части, обнаружены кости коровы и овцы. Население Нефедово 1 в X–XI вв. оказывается втянутым в торговые отношения – об этом свидетельствует вышеупомянутая находка весовой гирьки – важной принадлежности профессионального торговца.

Материалы X – первой половины XI в., в первую очередь лепная керамика, часто орнаментированная гребенчатым штампом, были обнаружены при обследовании других селищ на территории изучаемого микрорегиона.

Таким образом, мы можем наблюдать рост численности населения региона в X–XI вв. Финно-угорский характер культуры этого населения не вызывает сомнений. Оно заселило, в первую очередь, наиболее крупные водоемы озерной системы. Хозяйственный уклад местных жителей составляли охота и рыболовство, скотоводство, и, возможно, земледелие. Специализированная пушная охота местного финно-угорского населения способствовала втягиванию его в торговые отношения. Кузнечная обработка железа, “холодная” обработка цветных металлов имели в то время характер домашних занятий. Тогда же, по всей видимости, в микрорегионе начинается дифференциация поселений – наряду с небольшими лесными деревнями существовали охотничье-рыболовные станы и центры, где присутствовали признаки производящего хозяйства: скотоводства, домашнего ремесла.

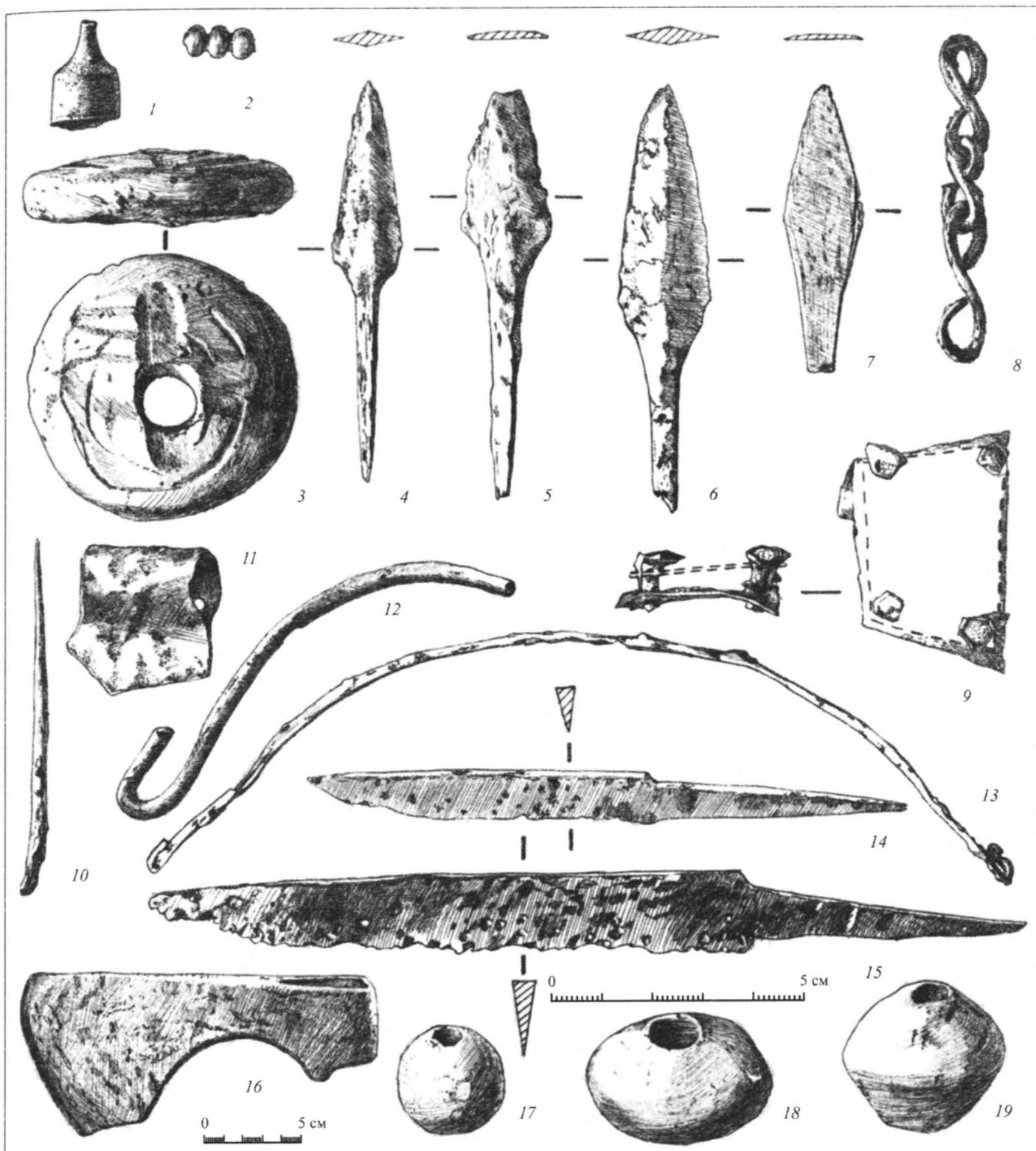

Рис. 3. Предметы быта

Со второй половины XI–XII в. происходит рост числа поселений. Общее количество селищ этого времени составляет 28, т.е. увеличивается более чем в 2 раза по сравнению с предшествующим периодом (рис. 2, в). К существовавшим в то время поселениям можно отнести еще два местонахождения археологических материалов и один грунтовый могильник. Основная часть селищ второй полови-

ны XI – первой половины XIII в. обнаружена на самых крупных озерах системы – Лозском, Азатском. Скопления их прослеживаются также на Родионовском, Люпинском озерах. Большое количество поселений этого времени находится на озерных мысах (свыше 43%), восемь селищ располагаются на островах, как крохотных (Золотилово), так и значительных, имевших площадь в несколько

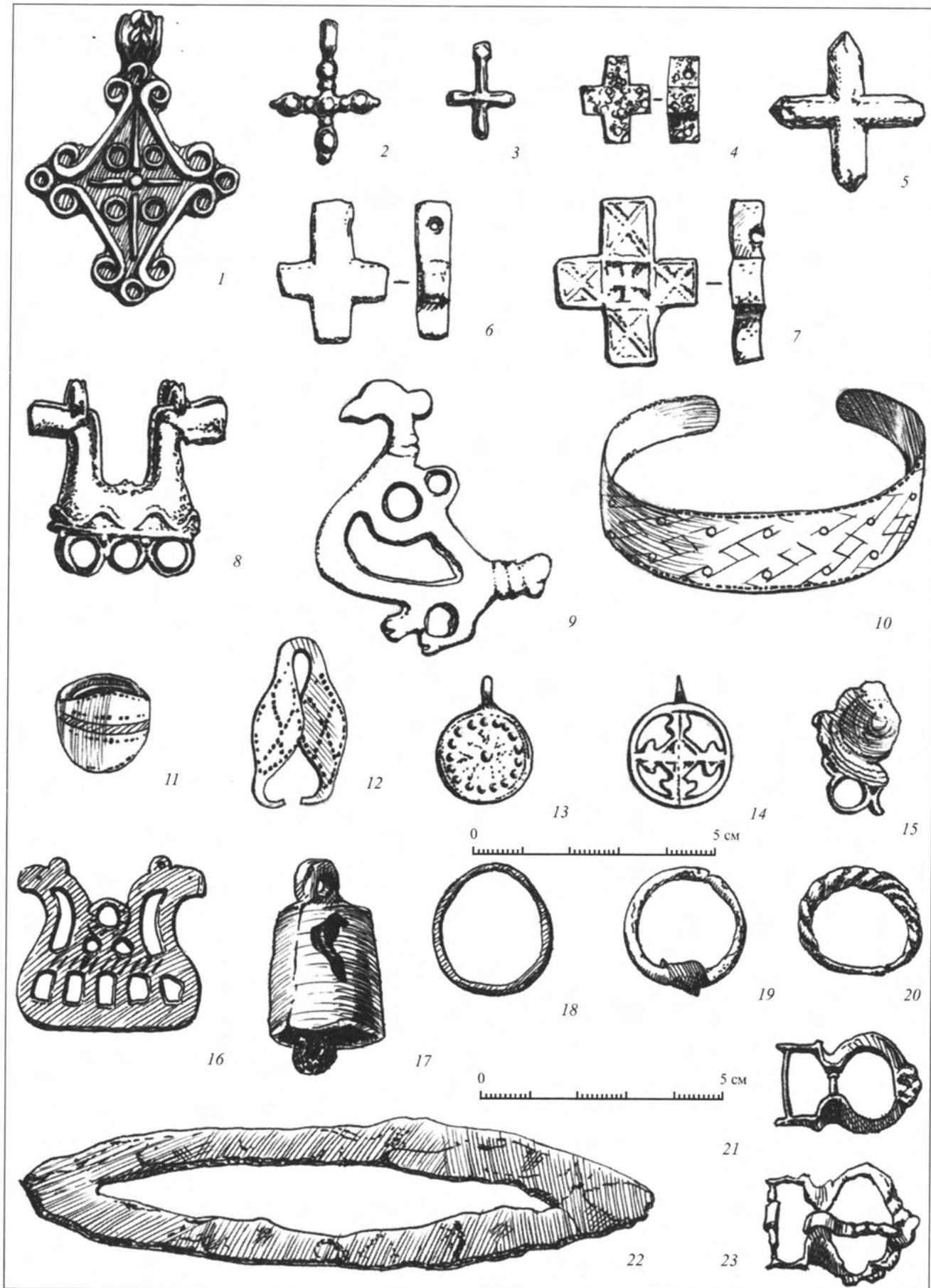

Рис. 4. Украшения и изделия из металла

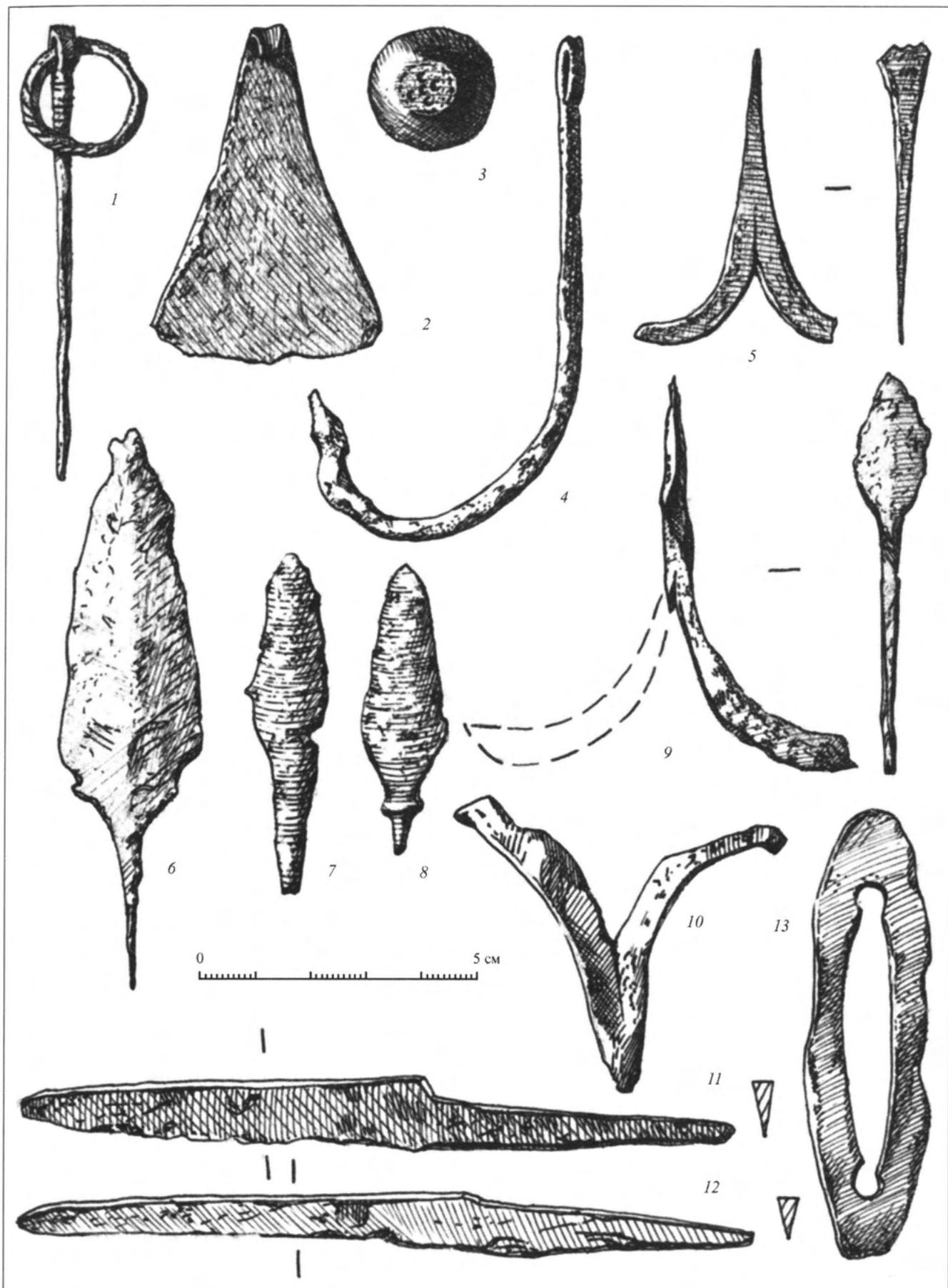

Рис. 5. Хозяйственный инвентарь

гектар (Большой Мойкин остров, Большой Антоновский остров, остров Пречистая). Большие острова, на наш взгляд, избирались населением для жилья не только ввиду их относительной безопасности, но и из-за ресурсной привлекательности. На таком острове находилось место не только для жилья, но и для пашни, пастбищ и сенокосов. Третью селища XI–XIII вв. располагалась на береговых террасах высотой от 4 до 12 м. Больше половины селищ этого времени располагались над водой на высоте 1–2 м. По размерам поселения распределились таким образом: более трети их имели площадь от 0,1 до 0,25 га, приблизительно столько же имели площадь от 0,25 до 0,5 га. Только два селища имели площадь более 0,5 га. Если принять за единицу измерения площадь, необходимую для существования одного двора на сельском средневековом поселении, приблизительно 300–400 кв. м, то мы убедимся, что большая часть средневековых селищ в регионе состояла из двух–пяти дворов. Из памятников этого времени раскопками исследовались, как уже сообщалось, поселения Дюково, поселение 1 и могильник 2 у д. Нефедово. В могильнике обнаружено восемь грунтовых погребений по обряду ингумации. Древнерусское поселение XII–XIII вв. Нефедово 1 оказалось на месте предшествующего ему финно-угорского селища X–XI вв. В ходе раскопок были обнаружены остатки наземных построек, вытянутых вдоль берега озера в два ряда. Внутри построек находились подпольные ямы, а также печи-каменки, часть из них имела подпечные ямы. В культурном слое памятника найдено значительное количество вещевых находок: орудий труда, предметов быта, украшений, предметов культа, а также отходов производства, многочисленных фрагментов керамики. Найдены фрагменты серпов и косы-горбуши. В культурном слое обнаружены зерна овса, ржи и установлено также присутствие в нем сорняков зерновых культур (карпологический анализ произведен Н.А. Кирьяновой, ГИМ). Основными занятиями жителей селища были скотоводство и земледелие. Занимались также охотой и рыболовством. На Нефедово в XII–XIII вв. проживали ремесленники. По всей вероятности, здесь варили сыродутное железо, проводили его кузнечную обработку. Об этом свидетельствуют обнаруженные в слое железные шлаки, железные заготовки, обрубки пластинчатого и пруткового железа. Из 16 ножей, подвергшихся металлографическому анализу, половина оказалась выполненной целиком из железа, три ножа изготовлены местными мастерами по технологии трехслойного пакета в подражание “классическим” привозным ножам и остальные были сделаны по технологии наварки стального лезвия на железную основу (металлографический анализ произведен Л.С. Розановой, Н.Н. Тереховой, ИА РАН). Местные мастера изготавливали холодным способом изделия из цветных металлов. Обнаружены многочисленные обрезки пластинча-

той бронзы, бронзовой проволоки, а также полуфабрикаты бронзовых изделий. Кроме того, из культурного слоя Нефедово 1 происходят орудия и приспособления для домашних промыслов – костяные кочедыки, резец по дереву, фрагмент пилы, лошिला, шиферные и глиняные пряслица, булавки-заколки и другие предметы. Необходимо отметить, что набор вещевого инвентаря, происходящего с поселения, достаточно представительен (рис. 4; 5). Здесь найдены украшения – бусы, височные кольца, перстни, браслеты, подвески из бронзы, детали пояса. Среди бытовых предметов можно отметить кресала, фрагменты посуды из цветных металлов, около десятка замков и ключей, целых и фрагментированных. Погребения в могильнике, принадлежавшем данному поселению, сопровождалось также вещевым инвентарем – топорами, ножами, кресалами, деталями пояса, украшениями из бронзы. В могиле – кенотафе были обнаружены плоская коньковая подвеска и бронзовый колокольчик. Все это говорит об относительно высоком уровне жизни жителей Нефедово 1 еще в XII–XIII вв.

Материалы, обнаруженные на древнерусском селище Нефедово 1, позволяют освещать различные аспекты хозяйственно-культурной жизни населения Лозско-Азатского региона в XI–XIII вв.

Кроме того, материалы, полученные при исследовании селища и принадлежавшего ему могильника могут помочь проследить процесс взаимопроникновения культур финно-угорского и славяно-русского населения. Он выявляется по присутствию в очагах древнерусских построек одновременно древнерусской круговой и лепной керамики, принадлежавшей местному финно-угорскому населению. В слое древнерусского селища найдены отдельные украшения, которые традиционно относят к финским – это, в частности, зооморфные и умбонovidная с петлями для привесок подвески, фрагменты других шумящих украшений. Наиболее ярко переплетение культур двух этносов региона прослеживается в могильнике. В некрополе можно выделить две группы погребений, между ними наблюдалось небольшое свободное пространство. В одной из групп находились погребения, ориентированные головой на запад. Во второй группе имелись захоронения с южной, юго-западной и восточной ориентировками. Кроме того, погребения могильника разнятся по присутствию орудий труда в одних могилах и отсутствию их в других, по различному положению погребального инвентаря в могилах, по размерам и глубине могильных ям. В засыпке некоторых могил обнаружены угли и фрагменты лепной керамики, украшенной гребенчатым штампом.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что процесс ассимиляции финно-угорского населения древнерусским в микрорегионе продолжался в XII и даже XIII в. Отражением его может быть сосуществование в микрорегионе финно-угорской и славяно-русской топонимики. При

анализе современных топонимов местности на Лозско-Азатских озерах, выясняется, что среди названий существующих ныне и существовавших до недавнего времени населенных пунктов резко преобладают русские названия, за редким исключением (Перховта, бывшая Перхлохта), а среди гидронимов сохранилось немало финно-угорских названий (Маткозеро, Буозеро, Пелтозеро, Ангозеро, Кукозеро, Чермжа, Самсарка и др.). Это свидетельствует о том, что процесс освоения древнерусским населением озерной системы шел постепенно, население не вытеснялось, а медленно трансформировалось. Некоторые острова на Лозско-Азатском озере имели название “Чудин” (АСЭИ, 1958. С. 103).

Необходимо отметить, что население округа Лозско-Азатских озер в X–XIII вв. поддерживало тесные связи с внешними центрами ремесла и торговли, в том числе, с центром исторической области, частью которой являлось, – Белоозером. Эти связи прослеживаются еще в “финно-угорский” период истории округа. Население ее с конца I тыс. н.э. установило контакты с международным шекснинско-волжским торговым путем, который связал Север с удаленными южными и западными территориями. Благодаря участию в пушной торговле, население озерного края получало привозные товары – украшения: бусы, бронзовые изделия; цветное металлическое сырье, качественную посуду, а позднее шиферные пряслица, предметы христианского культа. Впечатляет коллекция крестов – тельников разных типов из бронзы, камня, глины в количестве семи экземпляров, которая происходит с поселения Нефедово. Такого количества предметов христианского культа не обнаружено ни в одном из сельских центров Средней Шексны. В данном случае, очевидно, чувствуется близость Белоозера – крупнейшего центра по производству такого вида продукции.

Лозско-Азатская озерная система занимала в Белозерье очень выгодное географическое положение. Ее население, по всей видимости, ощущало себя в относительной безопасности, находясь чуть в стороне от шекснинской магистрали. В то же время селища Лозско-Азатских озер располагались сравнительно недалеко от Белоозера и шекснинских торговых центров. Единственная река, вытекающая из Лозско-Азатского озера, – Кунонь связывала систему с Белым озером и древним городом, находившимся в истоке р. Шексны. По Кунони был возможен и обратный путь из Белого озера в “Лозу” – против течения реки. Естественными препятствиями для движения были пороги, которые располагаются в ее среднем течении. Это препятствие вероятнее всего преодолевалось с помощью обходного маневра, через озеро с финно-угорским “дорожным” названием – Моткозеро, которое связано с Кунонью небольшой речкой. Поднимаясь вверх по течению Кунони, путешественники входили по этой речке в Моткозеро,

двигались по нему, существенно сокращая свой путь. Пространство между Моткозером и Антушевским заливом Лозского озера (около 3 км) преодолевалось, очевидно, волоком и с помощью большого ручья, впадающего в Лозское озеро вблизи Антушева.

Другой дорогой, связывающей Лозско-Азатские озера с Шексной и Белоозером был расположенный с востока от Лозско-Азатского озера водно-волоковой путь, маркированный финно-угорскими и древнерусскими “путевыми” топонимами. Он начинался от восточного залива Лозского озера, имеющего самостоятельное название “Маткозеро”, речкой Маткозеркой соединялся с Куозером. Куозеро, в свою очередь, речкой Троицкой соединяется с Ангозером. Между Ангозером и Люпинским озером имеется небольшой перешеек шириной около 2 км, который, очевидно, преодолевался волоком. Далее путь продолжался по озеру Люпинскому, которое лежит на водоразделе между Лозско-Азатскими озерами и Шексной. Весной, в половодье, у озера появляется слив в виде ручья, соединяющегося с р. Илосой, впадающей, в свою очередь, в озеро Ворбозомское. Вблизи устья Илосы на берегу Ворбозомского озера имеется урочище “Волочок”. Озеро Ворбозомское связано с р. Шексной рекой Ворбозомкой, в нижнем течении она течет по местности “Волохово”. На описанном выше пути известно несколько средневековых поселений. Вполне допустимо комбинированное использование вышеописанных путей. Из Лозско-Азатского озера путешественники по р. Кунони сплавились до Белого озера, затем плыли вдоль южного его берега к истоку Шексны, где располагался древний город. От Белоозера путь пролегал вниз по течению Шексны до устья Ворбозомки. Дальнейшее движение от Шексны до Лозско-Азатского озера осуществлялось вышеописанным водно-волоковым путем. Наиболее удобными эти пути были весной, когда благодаря подъему воды исчезали преграды в виде порогов, мелей, заболоченных низин.

Последний описываемый период средневековой истории Лозско-Азатской озерной системы относится ко второй половине XIII–XIV в. Количество поселений этого времени значительно увеличилось. Их насчитывается около 50 (рис. 2, г). Необходимо отметить, что реальное количество позднесредневековых селищ было определенно большим. К сожалению, обследование некоторых крупных сел на берегах Лозско-Азатских озер, превратившихся к началу XXI в. в настоящие дачные агломерации, практически невозможно из-за их плотной застройки.

География селищ этого времени изменяется. Они располагаются не только на берегах крупных озер, но и распространяются на небольшие озера системы, возникают на реках-протоках, и даже на сухих водоразделах между озерами (Большая Шайма). Изменяется и топография селищ – они занима-

ют не только невысокие озерные мысы, но и береговые террасы, достигающие высоты 10–12 м. В это время продолжает существовать небольшое количество селищ на островах, имеющих значительные размеры. Среди описываемых поселений имеются большие по величине центры – площадью от 0,5 до 1 га. Основная же масса населенных пунктов округа остается по размерам прежней – от 0,12 га до 0,5 га (80%). Необходимо отметить, что 23 поселения XIII–XIV вв., почти половина, обнаружены на месте современных деревень. Это означает, что именно в это время начинает формироваться система сельского расселения на территории, которая просуществовала практически до конца II тысячелетия.

Несмотря на то, что количество исследованных раскопками средневековых памятников Лозско-Азатской системы пока невелико, результаты археологического изучения памятников региона позволяют в целом реконструировать хозяйственно-демографическую ситуацию на данной территории для разных периодов истории. При продолжении археологического исследования памятников

региона, появится возможность проследить на более высоком уровне динамику формирования системы средневекового расселения не только в Белозерье, но и на всем Русском Севере.

Литература

- АСЭИ. М., 1958. Т. 2.
Еремеев С.Т., 1996. Памяти А.А. Алексеевой // Череповец: Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 1.
Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. М.; Л. Вып. 2: Топоры, копья, сулицы (САИ; Вып. Е 1-36).
Козырева Р.В., 1969. Исследование неолитических стоянок в районе озера Белого в 1965 г. // КСИА. М. Вып. 117.
Кудряшов А.В., 1998. Археологические памятники Лозско-Азатской озерной системы // Белозерье: Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.
Минасян Р.С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Л. Вып. 21.
Мирецкий А.В., 1989. Отчет о разведках в Вологодской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14450.
Ошибкина С.В., 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
Цветкова И.П., 1961. Неолитическое поселение в районе Белого озера // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда.

М.В. Цыбин

Русские поселения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье

Территория Среднего Подонья (от устья р. Воронеж до устья р. Иловля) представляет несомненный интерес для изучения русско-золотоордынского пограничья. Если на территории Верхнего Подонья известны только русские поселения (см.: *Гоняный, 2005; Тропин, 2004*), то в Среднем Подонье выявлены и изучены археологические памятники различных этнических групп населения (рис. 1), что, видимо, отражалось и на специфике расселения и хозяйственного освоения этого региона русским населением.

Следует оговориться, что для русских поселений рассматриваемой территории пока отсутствует узкая шкала датировки. На выявленных поселениях, как правило, присутствует золотоордынская неполивная керамика XIV в., на двух (Шиловское поселение, поселение Инясево) – золотоордынские дирхемы XIV – начала XV в. Поэтому применительно к схеме расселения мы должны оперировать этими, достаточно широкими, хронологическими рамками.

Русские поселения зафиксированы в четырех районах: нижнее течение р. Воронеж и Костенковско-Боршевское Подонье; павловский участок Дона в Донском Белогорье; Побитюжье; Прихоперь (реки Хопер, Савала, Карачан, Ворона). Сейчас известно более шестидесяти поселений.

Для рассматриваемой территории был характерен долинный (приречный) тип заселения. Русские поселения тяготели к районам, где в XVI–XVII вв. располагались лесные массивы. По особенностям топографического расположения поселения подразделяются на три группы: находящиеся на местности пойменного типа (на дюнах и гривах в пойме рек, на ровных участках центральной и приустьевой части пойм); расположенные на местности надпойменно-террасового типа (на языках первой надпойменной террасы или на ее ровных участках и склонах); находящиеся на местности приречного (склонового) типа (на мысе или ровном участке коренного берега, на дне или террасе склона балки). Поселения второй группы составляют около 40%, поселений первой и второй групп – примерно по 30%.

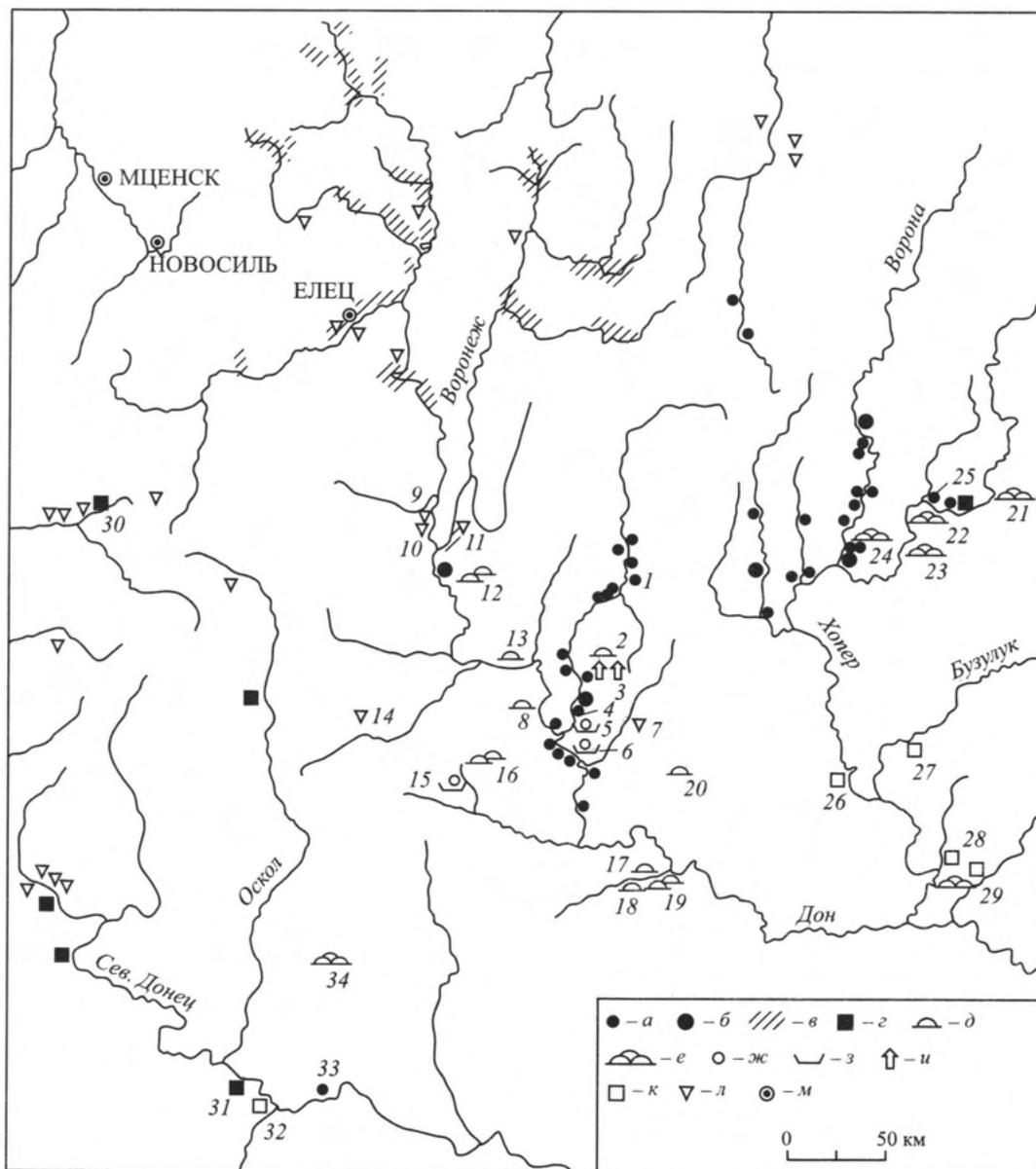
Площадь поселений, исследовавшихся раскопками, не превышает 0,4 га, составляя в среднем 0,3 га. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том,

что в Среднем Подонье доминировал малодворный тип застройки. Кроме того, часть поселений могла иметь временный (сезонный) характер по типу сезонных поселков XVI в. в этом районе.

Для низовий р. Воронеж наиболее показательным поселением является Шиловское. Его материалы полностью введены в научный оборот (*Пряхин, Винников, Цыбин, 1987*), поэтому применительно к этому памятнику следует отметить лишь несколько аспектов. Это единственный памятник рассматриваемого района, на котором присутствуют два хронологических этапа: домонгольский и золотоордынский. Последний надежно датирован тремя золотоордынскими монетами конца XIV – начала XV в., серией золотоордынской неполивной керамики. Средневековое поселение изучено практически полностью (вскрыто более 4500 кв. м), поэтому уверенно можно говорить о малодворном типе застройки. И, наконец, на нем получена репрезентативная керамическая серия.

Значительный интерес представляют поселения, расположенные на павловском участке в Донском Белогорье (рис. 2). Здесь зафиксированы поселения всех трех групп топографического расположения. Особенностью этого региона является расположение некоторых поселений в балках правого мелового берега Дона. Отмечу, что и сейчас здесь нет практически ни одной выходящей к Дону крупной овражно-балочной системы, в устье которой не размещался бы населенный пункт. В этом отношении показателен хутор Коловерть, который расположен на террасе склона балки, где зафиксированы поселения XVII–XVIII и XIV вв. И на других выявленных в балках русских поселениях золотоордынского периода есть материалы позднего Средневековья, что свидетельствует об устойчивости этого типа топографического расположения на протяжении длительного периода.

Наиболее интересным на рассматриваемом участке является поселение Верхнекарабутское I, исследовавшееся под руководством В.И. Погорелова в 1983 г. Поселение расположено на дне балки у ее устья, между двумя меловыми мысами, один из которых местные жители называют “Гора Татарка”. В раскопе 2 площадью 320 кв. м, заложенном на оконечности конуса выноса из балки,

Рис. 1. Расположение археологических памятников на периферии Золотой Орды в Подонье

а – селище с русской керамикой (в ряде случаев – и с золотоордынской); *б* – группа селищ с древнерусской керамикой; *в* – участки концентрации древнерусских селищ в Верхнем Подонье (по работам М.И. Гоняного, Н.А. Тропина, результатам исследований экспедиции Воронежского госуниверситета); *г* – поселение с древнерусской керамикой (керамикой “древнерусского облика”) и с золотоордынской керамикой на городищах предшествующего времени; *д* – подкурганное кочевническое погребение; *е* – курганный кочевнический могильник; *ж* – поселение золотоордынского круга; *з* – грунтовой могильник золотоордынского круга; *и* – золотоордынский мавзолей; *к* – золотоордынское поселение с постройками из кирпича;

л – клад золотоордынских монет; *м* – летописные города XIV в.; 1 – Дрениха, 2 – Новый Буравль (Сафоновка), 3 – Красный, 4 – Антиповка, 5 – Таганский, 6 – Затон I, 7 – Воронцовка, 8 – Марки, 9 – с. Семилуки, 10 – Девица, 11 – г. Воронеж, Отрожки, 12 – Олень-Колодезь, 13 – Лиски, 14 – Нижнепокровское, 15 – Новохарьковка, 16 – Караяшник, 17 – Вerveковка (III Богучарский могильник), 18 – Лофицкое, 19 – Дьяченково (Высокая гора), 20 – Новомеловатка, 21 – Ключи, 22 – Лесное (Свиноуха), 23 – Третьяки, 24 – Власовский, 25 – Инясево, 26 – Тишанское, 27 – Дурновское, 28 – Кумылженское, 29 – Глазуновская; 30 – Бесединское (Ратское), 31 – Царино, 32 – Казачья Пристань (Райгородок), 33 – Зливки, 34 – Нижняя Дуванка

исследована полуземляночная постройка неправильной формы, размерами 3,74 × 3,80 м. Глубина котлована в материке 1,1 м. Вдоль северо-западной, западной и южной стен котлована находились материковые останцы – “лавки” высотой 0,48 и 0,52 м, шириной соответственно 0,76 и 0,70 м. В заполнении котлована встречено большое количество кусков глиняной обмазки, возможно, от отопи-

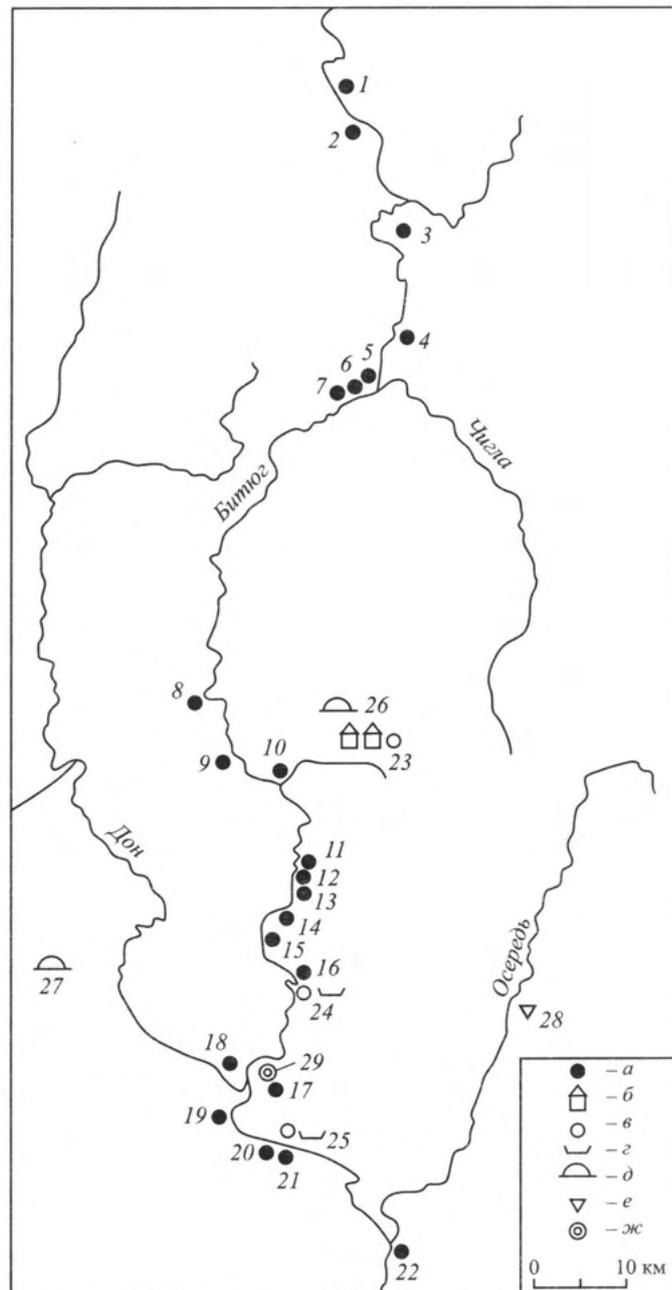
тельного устройства. В полу постройки находились две ямы. Одна из них имела трапецевидную форму размерами 0,8 × 1,45 м и глубиной 0,4 м. В верхней части заполнения ямы зафиксирована линзовидная прослойка угля толщиной до 7 см, оставшаяся, видимо, от накрывавшей яму деревянной крышки. Вторая яма имела овальную форму размерами 0,96 × 1,36 м и глубиной 0,56 м.

На “лавке” у юго-западного угла найдены каменные наковальня и точило. В заполнении котлована найдены три костяные проколки, оселок, железный нож. Керамический комплекс из постройки включал как русскую керамику, так и керамику, изготовленную в золотоордынских центрах. На полу постройки найден развал русского горшка (рис. 3, 1). Кроме него в заполнении котлована встречены фрагменты венчиков примерно от 20 горшков, имевших серые, желтые, красно-коричневые внешние и внутренние поверхности. В тесте – примесь песка и шамота. Обжиг сосудов неравномерный. Горшки имеют венчики либо без утолщений, с округлым краем (рис. 3, 1, 5, 6, 7), либо с утолщениями с внешней стороны (рис. 3, 8, 9). Орнаментация представлена волнистыми линиями по верхней части горшков либо сочетанием волнистой и прямой линий. На днищах горшков видны следы мелкозернистой подсыпки. Найдены два днища с клеймами (рис. 3, 8, 9). Золотоордынская керамика представлена развалом кувшина (рис. 3, 10). Он имел стройное яйцевидное тулово и относительно высокое горло. Размеры кувшина, исходя из примерной графической реконструкции, следующие: высота 55–60 см, наибольший диаметр тулова 32–35 см, диаметр по верху 12 см, диаметр дна 14 см. Сосуд имеет красно-коричневый цвет, на поверхности видны темные пятна (обвар?), тесто плотное с примесью песка и шамота. На днище кувшина видны следы крупнозернистой подсыпки. Сосуд орнаментирован широкими прочерченными линиями, образующими в верхней части рифление, рядами наколов, волнистой линией и вертикальными прочерченными линиями.

В постройке найдены кости крупного рогатого скота, лошади, мелкого рогатого скота, свиньи, лисицы и лося (определение О.П. Журавлева), а также кости рыбы.

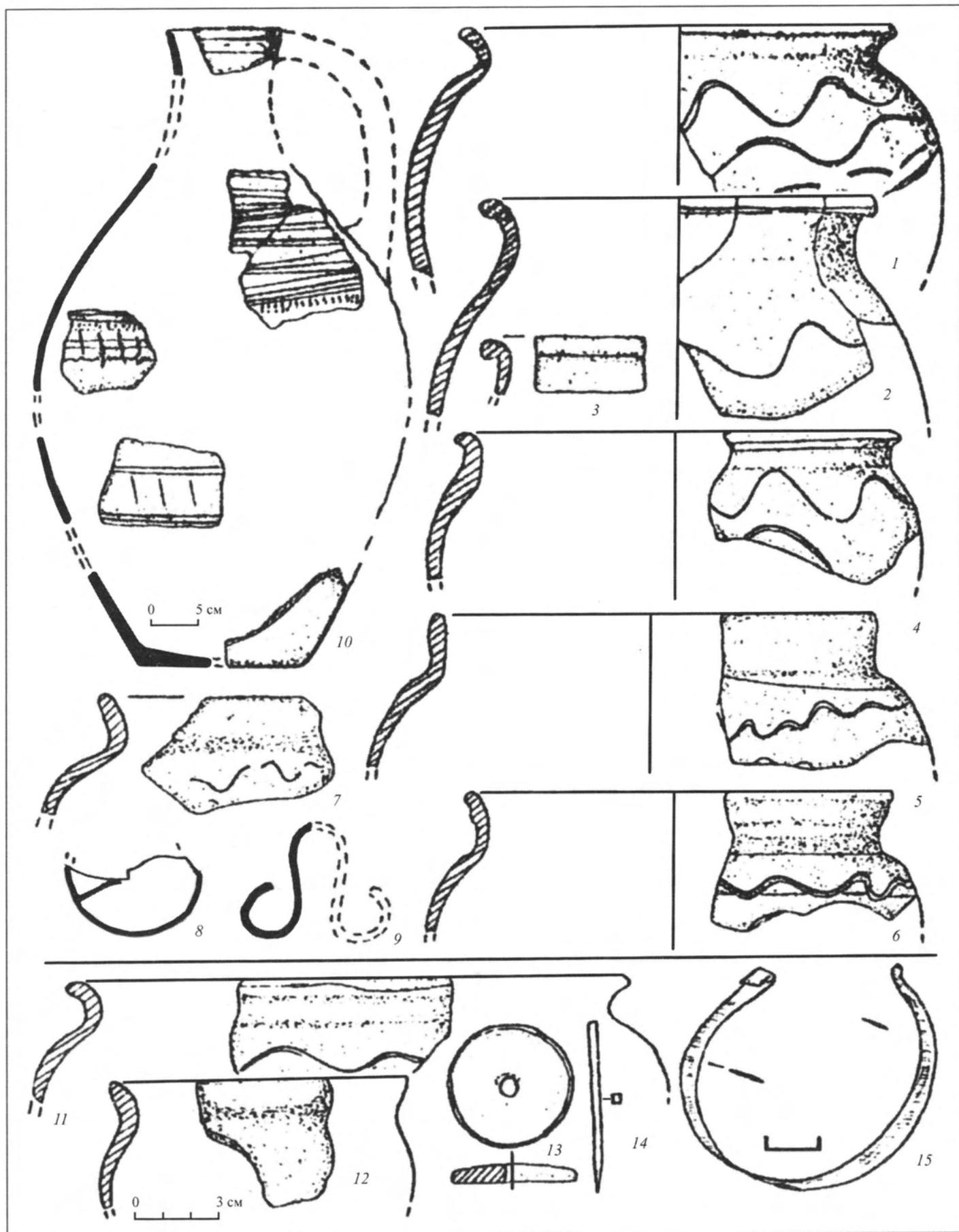
Рядом с постройкой находились две ямы. В их заполнении находок не было, но судя по конструктивным особенностям (наличие материковых приступок вдоль стен), они одновременны с постройкой. Из находок в культурном слое стоит отметить бронзовый пластинчатый браслет (рис. 3, 15) и пряслице, изготовленное из стенки красноглиняного сосуда (рис. 4, 13). Встречены четырнадцать фрагментов венчиков от русских горшков, одиннадцать стенок и один фрагмент днища от золотоордынских сосудов.

Примерно в 0,5 км выше по течению Дона находится одновременное поселение Верхнекарабутское 2, занимающее относительно ровную площадку на склоне широкой балки у ее устья. В раскопе площадью около 1000 кв. м (раскопки под руководством В.И. Погорелова в 1983, 1984 гг.) выявлены две хозяйственные ямы золотоордынского времени. В их заполнении, а также в слое встречены фрагменты русских и золотоордынских сосудов. Количество преобладает русская керамика. Так, в культурном слое найдены фрагменты венчиков от

Рис. 2. Расположение археологических памятников золотоордынского периода в Побитюжье и на павловском участке Донского Белогорья

a – селище с русской керамикой (в ряде случаев – и с золотоордынской); *б* – золотоордынский мавзолей; *в* – поселение золотоордынского круга; *г* – грунтовой могильник золотоордынского круга; *д* – подкурганное кочевническое погребение; *е* – клад золотоордынских монет; *ж* – круговые ровики; 1 – Мосоловское, 2 – Желанное, 3 – Светлый путь, 4 – Дрониха, 5–7 – Старая Чигла, 8 – Николо-Варваринка, 9 – Пчелиновка, 10 – Мечетка, 11 – Шестаково (поселение 2), 12 – Шестаково (поселение 3), 13 – Шестаково (поселение 4), 14 – Шестаково (поселение 6), 15 – ур. Игнатовские Ольхи (поселение у водонапорной башни), 16 – Антиповка, 17 – поселение 1 у брода через р. Протока, 18 – Перебой, 19 – Коловерть, 20 – Верхнекарабутское 2, 21 – Верхнекарабутское 1, 22 – Павловск, 23 – Красный, 24 – Таганский, 25 – Затон-1, 26 – Новый Буравль (Сафоновка), 27 – Марки, 28 – Воронцовка

Рис. 3. Поселение Верхнекарабутское I
 1-10 – материалы из постройки; 11-15 – материалы из слоя раскопа 2

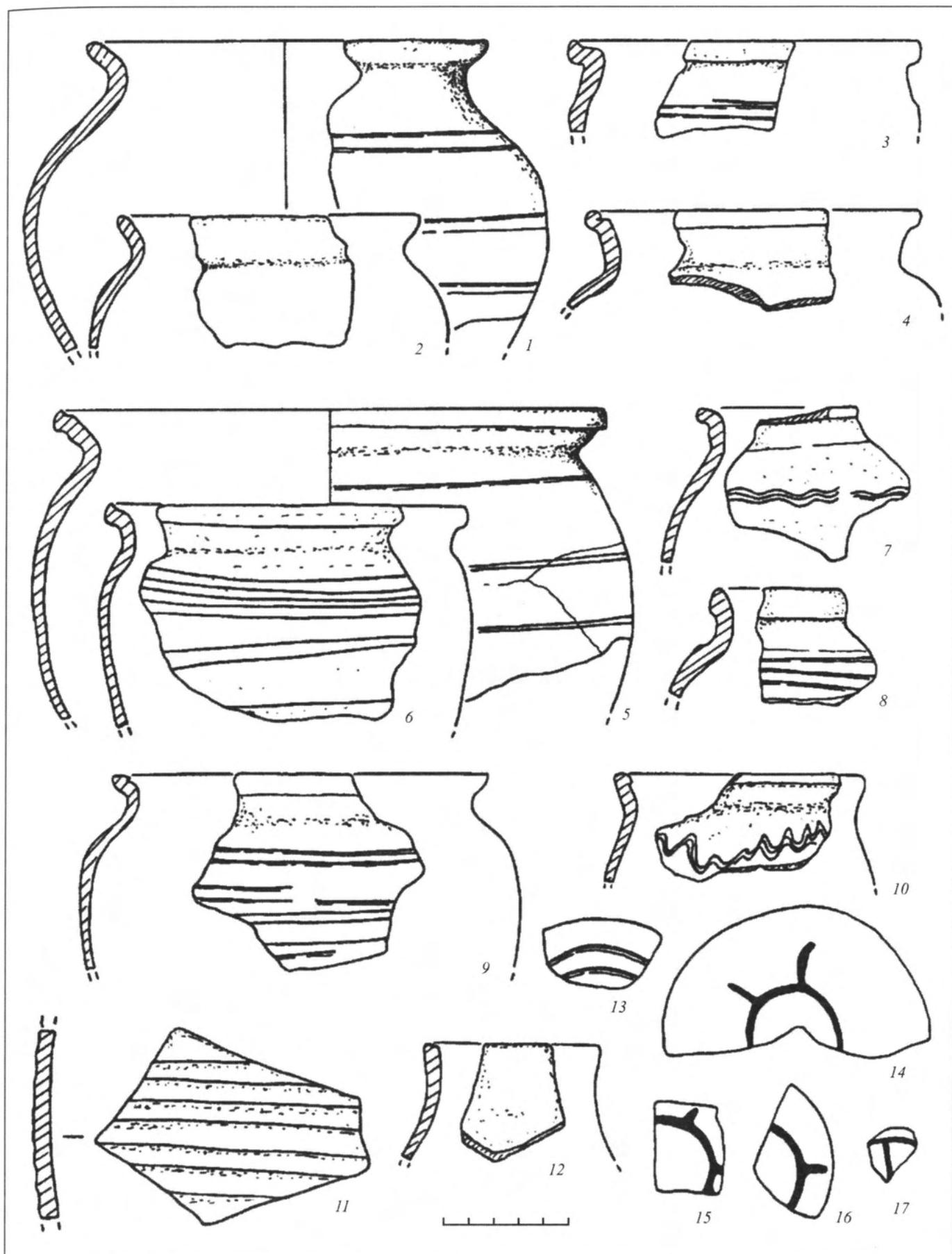

Рис. 4. Средневековая керамика поселения Дрониха

24 русских горшков. Золотоордынская керамика представлена фрагментами от 2–3 сосудов, среди которых есть фрагмент широкогорлого кувшина. Эта керамика имеет красно-коричневый цвет, изготовлена из плотного теста с примесью песка, ее обжиг равномерный.

Отмечу, что топографическое расположение поселений Верхнекарабутское 1 и 2 в балках было благоприятно для занятия земледелием. Этому способствовало относительно высокое плодородие намытых балочных днищ, их значительная ширина и выровненность. В балках правого берега Дона до сих пор сохранились нагорные дубравы и байрачные леса. Плато правого берега Дона осваивалось кочевыми группами населения. Об этом свидетельствует погребение у с. Марки с дирхемом начала 60-х годов XIV в.

Перспективным районом для изучения русских поселений является Побитюжье. Здесь выявлено около двадцати поселений (рис. 2), расположенных в основном на первой надпойменной террасе. Материалы золотоордынского времени получены на двух многослойных поселениях: Мосоловском и Дронихе. Наиболее выразительны материалы последнего (руководитель раскопок А.Т. Синюк).

Поселение Дрониха занимает южную часть надпойменной террасы левого берега р. Битюг у с. Старая Тишанка Галовского района Воронежской области. К золотоордынскому времени на нем относятся две полуземляночные постройки. Первая из них имеет подпрямоугольную форму размерами 6,5 × 4 м. Глубина котлована в материке 0,5–0,65 м. Длинной осью постройка ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Пол котлована ровный. В юго-восточном углу находились остатки отопительного устройства, представлявшие собой круглую в плане площадку из обожженной глины и золы диаметром 0,4 м и толщиной 0,25 м. В материковом полу вдоль стен котлована расчищены пять столбовых ямок.

Еще одна постройка имела почти квадратную форму размерами 4,3 × 4,35 м. Глубина котлована в материке – 0,25–0,3 м. У северо-восточной стены котлована зафиксированы остатки печи, представлявшие собой скопление обожженной глины, камня и угля. Высота сохранившейся части печи 0,35 м. Ее основание лежит на обожженной глиняной площадке размерами 0,5 × 0,65 м. В заполнении котлована обнаружены фрагменты русских горшков и двух золотоордынских неполивных сосудов.

К золотоордынскому периоду на рассматриваемом поселении относятся несколько хозяйственных ям.

Достаточно выразительна керамическая серия с поселения Дрониха. Она включает около двухсот фрагментов венчиков русских горшков. Венчики без утолщений с округлым или приостренным краем составляют 28,4% (рис. 4, 1, 2). Венчиков с загнутым внутрь краем, образующим с внутренней стороны желобок (рис. 4, 3–6) – 10,8%. Венчики,

край которых загнут наружу, образуя утолщения различной формы (рис. 4, 8), составляют 22,1%. Венчики с загнутым во внутрь краем, образующим преимущественно уплощенное утолщение (рис. 4, 9, 10) составляют 36,6%. Редки венчики, край которых отогнут наружу в виде “kozyрька” (рис. 4, 7).

Диаметры верха горшков 12–24 см. Они орнаментированы волнистыми или прямыми линиями. Найдено несколько фрагментов днищ с клеймами, представленными кругом с отходящими от него лучами – 5 экз. (рис. 4, 14–16), кругом в кресте – 1 экз. (рис. 4, 13) и кругом, видимо, с вписанным в него крестом – 1 экз. (рис. 4, 17). Русская керамика изготовлена из теста с примесью песка. Сосуды имеют желтые, серые или красноватые внешние и внутренние поверхности. На некоторых днищах по краю имеются бортики и заметны следы мелкозернистой подсыпки. Следует отметить находку шести фрагментов от узкогорлых неполивных сосудов желтого цвета, вылепленных из плотного теста с высоким качеством обжига. Стенки сосудов имеют рифление (рис. 4, 11, 12).

Площадь поселения Дрониха составляла примерно 0,28–0,30 га. Примерно на такой же площади были распространены материалы XIV в. на Мосоловском поселении.

В нижнем течении р. Битюг от с. Шестаково до с. Лосево сплошными разведками выявлена группа русских поселений золотоордынского периода, перспективных для дальнейшего изучения (рис. 2). Небольшие разведочные раскопки были проведены автором на поселении у с. Антиповка, расположенном на боровой террасе левого берега Битюга. Наличие на поселении золотоордынской керамики позволяет уверенно относить его к XIV в. Необходимо отметить, что примерно в двух километрах к юго-востоку находится Таганский грунтовой могильник и сопутствующее ему поселение золотоордынского круга (Матвеев, Цыбин, 2004). Не исключено, что поселение Антиповка и Таганский комплекс синхронны, что перспективно для их сопоставительного изучения.

Неоднократно привлекал к себе внимание исследователей и район Прихоперья, упомянутый в грамотах митрополитов Феоноста и Алексея к жителям Червленого Яра. Действительно, работами Воронежского гос. университета, пед. университета, Балашовского музея краеведения в Прихоперье выявлено около 30 русских поселений золотоордынского периода.

Они располагаются на первых надпойменных террасах, участках коренных берегов, возвышениях, в пойме, у пойменных озер. Хронология поселений определяется по находкам золотоордынской керамики. А на поселении у с. Инясево Романовского района Саратовской области найдена монета хана Узбека, чеканенная в Новом Сарае в 1329 г. (Хреков, 1994). Правление Узбека и Джанибека в Золотой Орде было благоприятным периодом для заселения и хозяйственного освоения Прихоперья,

как и Среднего Подонья в целом, русским населением, что и нашло отражение в грамотах митрополитов. Этому способствовали и природные условия Прихоперья: обилие лесов в поймах, многочисленные пойменные озера, разнообразный животный мир.

Экспедицией Балашовского музея краеведения под руководством А.А. Хрекова в 1978–1980, 1984 гг. проводились раскопки городища у с. Никольевка Балашовского района Саратовской области. Городище расположено на невысоком мысу правого берега р. Хопер. Размеры городища 80 × 100 м. С напольной стороны фиксируются вал и ров, время сооружения которых не ясно. На площадке городища исследовано более 400 кв. м. Материалы XIV в. представлены фрагментами примерно от ста русских горшков, железными орудиями труда, частью навесного замка. Исследованы остатки наземной постройки. Для датировки памятника важны находки фрагментов красноглиняной золотоордынской керамики и нескольких пряслиц из стенок золотоордынских сосудов.

Этой же экспедицией на р. Ворона у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области в 1984–1986 и 1988 гг. исследовалось многослойное поселение Шапкино II. Памятник занимает часть террасы, которая с трех сторон ограничена цепочкой озер и ручьем, впадающим в реку Ворона. Высота террасы 5–6 м. Изучено около 350 кв. м площади памятника. Получена небольшая серия русской керамики, найдены фрагменты красноглиняных золотоордынских сосудов и часть чугунного котла.

В 1992–1994 гг. экспедицией Саратовского университета изучалось многослойное поселение Алмазово II у с. Алмазово Балашовского района Саратовской области (Изотова, 1999). Памятник занимает небольшой пологий мыс, ограниченный с юга р. Хопер, с запада и северо-запада поймой реки, плавно переходя в восточной части в первую надпойменную террасу. Изучено 500 кв. м площади поселения. Средневековый слой имел мощность до 0,35 м. Изучена хозяйственная яма, очаг и часть фундамента наземной постройки. Керамическая серия содержит фрагменты как XIV в., так и более позднего периода. Автор раскопок предполагает, что поселение могло быть основано в домонгольский период.

Как и в других районах Среднего Подонья, в Прихоперье фиксируется и кочевое население, оставившее подкурганые погребения (Власовский

могильник, могильник Третьяки), расположенные на водоразделах.

Для выяснения характера русских поселений, их статуса на периферии Золотой Орды, особенностей хозяйственной деятельности оставившего их населения, необходимо продолжение их изучения на микрорегиональном уровне. В настоящее время такой подход начинает реализовываться применительно к памятникам Побитюжья.

Необходимо еще раз обратить внимание на тот факт, что в Среднем Подонье выявлены не только русские поселения. Одно из них, сопутствующее Таганскому грунтовому могильнику, уже упоминалось выше. Еще одно поселение, составляющее один комплекс с Новохарьковским грунтовым могильником, расположено на террасе правого берега р. Ольховатка. В разведочном раскопе получена серия золотоордынской керамики. По определению И.В. Волкова, в ней есть фрагменты сосудов, изготовленных в золотоордынских поволжских центрах, в Подонье, Восточном Крыму, Маджаре. Найдены также фрагменты амфор трапезундской группы. Встречена небольшая серия типичных русских гончарных горшков, а также несколько фрагментов от лепных (или лишь правленных на круге) горшков, напоминающих средневековую кочевническую керамику. По результатам антропологического анализа население, оставившее Новохарьковский могильник, являлось потомками алан (Новохарьковский могильник..., 2002. С. 99, 101).

Литература

- Гоняный М.И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М. (Тр. ГИМ. Вып. 150).
- Изотова М.А., 1999. Древнерусское поселение Алмазово II // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования. Саратов. Вып. 3.
- Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовый могильник. Воронеж.
- Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.
- Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Тропин Н.А., 2004. Сельские поселения XII–XIV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж.
- Хреков А.А., 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.

Н.А. Тропин

Средневековые поселения XIV–XVII веков в округе Ельца: Сравнительно-историческая характеристика систем заселения по реке Ельчик*

Изучение региональных особенностей расселения, поселенческих структур в Древней Руси в последние годы превратилось в одно из ведущих научных направлений по изучению Средневековья. Совершенствование исследовательских методик привело к пониманию необходимости использования междисциплинарных методов и улучшения полевых работ. Вследствие этого постепенно возрастает понимание логики ранее скрытых своего рода механизмов исторического развития поселенческих структур в конкретных регионах. Однако разная степень изученности регионов при попытках больших обобщений приводит к значительным условиям в выводах, которые оказались неизбежными и в наших оценках отдельных групп концентраций памятников (Семилюкский участок Дона, бассейны рек Воронежа, Красивой Мечи) на юге Рязанской земли в XII–XIV вв. (*Тропин, 2004*).

Значительно большие успехи в зоне Чернигово-Рязанского порубежья в выявлении и дальнейшем изучении сельских поселений в округе г. Ельца были достигнуты в результате совместных исследований Воронежского и Елецкого государственных университетов в конце 1980-х – 1990-е годы (*Пряхин, Разуваев, Цыбин, 1996; Тропин, 1996б; 2002*). По степени изученности, без сомнений, лучшими являются древнерусские памятники лишь в районе Куликова поля. Осмысление результатов работ в окрестностях Ельца за этот период позволило вычленив наиболее освоенную в хозяйственном отношении территорию в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны в области нижнего междуречья Воргола и Пальны, обозначенную нами как ядро Елецкой земли, наметить динамику сельских поселений, сформулировать ряд факторов, определивших развитие территории в целом (*Тропин, 1999а; 2000*).

Однако современное понимание степени изученности сельских поселений в округе Ельца ставит новые задачи. Они сводятся к необходимости использования междисциплинарных исследований отдельных поселенческих структур, локальных групп, целенаправленному поиску памятников на водораз-

делах, разработке детальной хронологической шкалы сельских поселений. Решение этих задач позволит установить локальные механизмы развития поселенческих структур, понять ментальность заселения конкретных памятников.

Это переосмысление во многом связано с результативностью исследований Лавского археологического комплекса (вскрыто 4993 кв. м), давшего материалы широкого хронологического диапазона XI–XIV вв., пониманием необходимости нового подхода к изучению керамики Чернигово-Рязанского порубежья. Впрочем, переосмысление подходов к изучению сельских поселений в округе Ельца обусловлено и наиболее важными с позиций результативности и эффективного использования различных методик реализуемыми новейшими проектами изучения локальных участков памятников и микрорайонов сельских поселений Древней Руси (*Макаров, Захаров, Бужилова, 2001; Гоняный, 2003; Чернов, 2004; 2005; Кренке, 2004а; 2004б*).

Задачи работы, метод решения. С позиций археологии нами рассматривается характер расселения древнерусского времени на сравнительно хорошо исследованном разведками участке р. Ельчик (левый приток Быстрой Сосны) протяженностью 5 км от северной окраины города (Знаменский монастырь) до с. Пищулино. Опираясь на сведения письменных источников конца XVI – первой трети XVII в., мы определяем расположение сельских поселений этого времени, характер заселения, их статус, размеры по количеству дворов. При определении более точного месторасположения поселений мы опираемся на сравнение данных письменных источников с картографическим материалом Генерального межевания конца XVIII – начала XIX в., так как современное расположение населенного пункта не всегда может соответствовать его первоначальному расположению в XVII в. либо населенный пункт давно прекратил существование.

Новизна в решении задач определяется сравнительно-историческим подходом к исследованию характера освоения долины р. Ельчик в XIV в. с поселениями конца XVI – первой трети XVII в., известными по письменным источникам этого времени. Этот метод с опорой на письменные сведения

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-73101 а/ц.

дает нам возможность понять логику заселения пространств р. Ельчик в Средневековье и интерпретировать группы поселений.

Правомерность нашего подхода, опирающегося на использование более поздних документов и экстраполяцию сведений на более раннее время, мы объясняем следующими обстоятельствами. Прямой преемственности в развитии сельских поселений по р. Ельчик, как впрочем, и в округе Ельца с XII по XVII в. нет. Заселению древнерусским населением р. Ельчик в XIV в. не предшествовала хозяйственная деятельность в период раздробленности. Древнерусские памятники р. Ельчик относятся к одной хронологической группе XIV в., что заметно выделяет этот микрорайон от других в бассейне Быстрой Сосны (р. Пальна, Воргол, Пажень), где известны селища домонгольского времени и второй половины XIII в. Это подтверждается фиксируемой только однотипной белоглиняной керамикой с примесью песка и определенных видов венчиков, а также датировемыми находками (чугун, керамический импорт).

Наиболее близкими по времени известными памятниками по р. Ельчик являются раннеславянские селища III–V вв. н.э. (определение А.М. Обломского). Таким образом, началу освоения древнерусским населением р. Ельчик предшествовал тысячелетний отрезок времени без признаков антропогенного воздействия на ландшафт. Однако продолжительность хозяйственной деятельности человека на р. Ельчик, как и в бассейне Быстрой Сосны, была не длительной и закончилась в основном в 1414 г., согласно летописным упоминаниям о полном разорении Елецкой земли (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 405).

Дальнейшее заселение территории происходит спустя почти 200 лет, с 1592 г., с момента постройки Ельца. Причиной запустения послужили активные татарские набеги, пока правительство не предприняло решительных мер по укреплению южнорусских рубежей (Загоровский, 1991. С. 31, 34–35). Данная ситуация, сложившаяся в округе вновь отстроенного Ельца в 1592 г., очень напоминает картину, которую могло увидеть население в XIV в., когда прибывших поселенцев окружала природа, долгое время не испытывавшая антропогенного воздействия. Полагаем, что данный факт вполне можно считать корректным при сравнительно-исторической характеристике двух систем заселения разных эпох, но близких в конкретных бытовых реалиях.

Степень археологической изученности р. Ельчик. До рубежа 1980–1990-х годов р. Ельчик обследовалась эпизодическими разведками. Первые разведки по реке предприняты в 1960-х годах отрядом экспедиции Воронежского гос. университета под руководством А.Д. Пряхина, обнаружившего немногочисленные памятники эпохи бронзы (Пряхин, 1963). В 1970-х – первой половине 1980-х годов В.И. Матвеева, возглавлявшая Верхнедонскую экспедицию ИА АН СССР, проводила эпизодические разведки по р. Ельчик (включая территорию города), глав-

ный итог которых состоял в открытии многослойного Александровского городища (Матвеева, 1973; 1974; 1979; 1985).

Важный этап в археологических исследованиях как по р. Ельчик, так и в бассейне Быстрой Сосны наступил в конце 1980-х годов, когда экспедиция Воронежского гос. университета (рук. А.Д. Пряхин) и Елецкого гос. пед. института (рук. Н.А. Тропин) приступили к реализации научной программы “Елец и его историческая округа – уникальная территория России” в рамках научно-исследовательской темы “Археологические памятники Центрального Черноземья в системе историко-культурного наследия народов Российской Федерации” (Пряхин, 1993). В рамках поставленных исследовательских задач в 1990 г. были проведены разведки по р. Ельчик автором (Тропин, 1991), а в 1991 г. – Ю.Д. Разуваевым (1992). Тогда же он начал, а в 2001 г. продолжил раскопки на Александровском городище, обнаружив материалы городищной культуры раннего железного века и древнерусского времени (Разуваев, 2002). В 1991 г. археологическую разведку по р. Ельчик осуществляла и экспедиция Липецкого гос. пед. института (рук. А.Н. Бессуднов) (Бессуднов, 1992).

В дальнейшем экспедиция Елецкого пед. института (с 2001 г. гос. университета) продолжала работы разведочного характера по р. Ельчик (Тропин, 1996б). В 1998 г. были предприняты охранные раскопки на территории Знаменского монастыря (левый берег р. Ельчик) (Тропин, 1999б. С. 182–184). Они позволили выявить свидетельства эпохи бронзы, железного века и древнерусского времени. В настоящее время р. Ельчик продолжает обследоваться елецкими археологами (Цельковский, 2005, 2006) и другими (Обломский, 2000).

Итоги разведочных работ на р. Ельчик пока следует считать предварительными. Лучшее всего обследовано нижнее (за исключением участков городской застройки) и среднее течение реки. Почти не обследованными остается значительная часть верховий балок. На сегодняшний день по р. Ельчик насчитывается немногим более 80 памятников преимущественно раннего железного века и XVII–XVIII вв. К древнерусскому времени относятся 18 селищ и 1 местонахождение. На них проводился сбор подъемного материала, фиксировалась топографическая привязка, выяснялись размеры селищ визуальным методом, уточнялась датировка по керамическому материалу. Раскопки проводились лишь на одном памятнике – Александровском городище, где вскрыто 584 кв. м площади. Результаты раскопок предоставили важнейшие датировочные находки (чугун, керамический импорт), которые позволили, опираясь на керамические серии, соотнести время бытования этого памятника с другими селищами р. Ельчик.

Современный ландшафт р. Ельчик (рис. XXXIV). Река Ельчик (в источниках XVI–XVIII вв. р. Елец) является левым притоком р. Быстрая Сосна.

Ее протяженность с водостоком составляет более 20 км. Река берет исток в Становлянском районе к северу от д. Агеевки, в месте слияния двух водосточных балок Ближней и Дальней Скородни среди расчлененной оврагами местности. Верховья балки р. Ельчик находятся в районе с. Плоское. Для ее верхнего течения более характерен сглаженный рельеф, представленный пологими коренными склонами. Однако перепад высот от уровня воды в реке значителен и составляет 35–55 м. В среднем течении реки попеременно сочетаются пологие и крутые склоны, иногда встречается слабовыраженная первая надпойменная терраса. Левобережная и правобережная овражно-балочные системы весьма характерны для всего течения реки.

Долина реки совершенно меняется в нижнем течении. От д. Александровка (северная окраина г. Ельца) русло реки течет по каньонному участку, где местами наблюдаются выходы известняков. Перепад высот составляет, как правило, 55–60 м. В районе Знаменского монастыря река образует неширокую пойму до 300 м и, петляя через частный сектор застройки города, впадает в Быструю Сосну.

В нижнем и среднем течении реки сохранились значительные по площади участки леса, известные в топонимике XX в. как Ростовцевы дачи, леса Ходов, Пищулинский, Заусайловский, Средний и др. Верховья балок также сохранили залесенные участки (см. рис. XXXIV).

Нижнее течение р. Ельчик от д. Александровка и Знаменского монастыря входит в черту города и сравнительно плотно застроено дачными участками и жилым частным сектором. Однако лишь низовья реки от монастыря и далее через слободы Монастырскую, Ламскую, Черную, Аргамачу являются труднодоступными для исследований.

Севернее от современной городской черты уже в среднем течении р. Ельчик расположены крупные сельские поселения: села Хмелинец, Сазыкино, Александровка. На овражно-балочной системе реки – села Подхорошее, Тростное, Пищулино, деревни Верхний и Нижний Белевец. Рядом с Верхним Белевцом через водораздел находится с. Рогатое, расположенное на балке р. Пальна. Территория данных сельских поселений конца XVI – начала XVII в., включая территорию современного с. Александровки, является также нашим объектом исследования (рис. 1).

В верхнем течении р. Ельчик расположены поселок городского типа Становое, с. Плоское, деревни Агеевка, Красное утро и Слободка. Учитывая недостаточную степень изученности с позиций археологии верхнего течения р. Ельчик, данную территорию мы не рассматриваем.

Современный ландшафт демонстрирует нам активные антропогенные изменения на всем течении р. Ельчик. Наглядно это заметно при сравнении карт Генерального межевания конца XVIII – начала XIX в. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 3781, 3785–3787, 3788–3790 – см. рис. 2) с картами второй

половины XX в. (съемка 1958 г.), на которых отражена тенденция уменьшения территории лесов и увеличение площадей пахотных земель, рост территорий, занятых населенными пунктами. Антропогенное воздействие активно началось с момента строительства Елецкой крепости в 1592 г. и раздачи в 1593–1594 гг. поместий (“усадищ”) детям боярским. С этого времени и берут свое начало сельские поселения по р. Елец, входившие в состав Елецкого стана. Весьма активное уничтожение лесов в Елецком уезде происходило после отмены крепостного права.

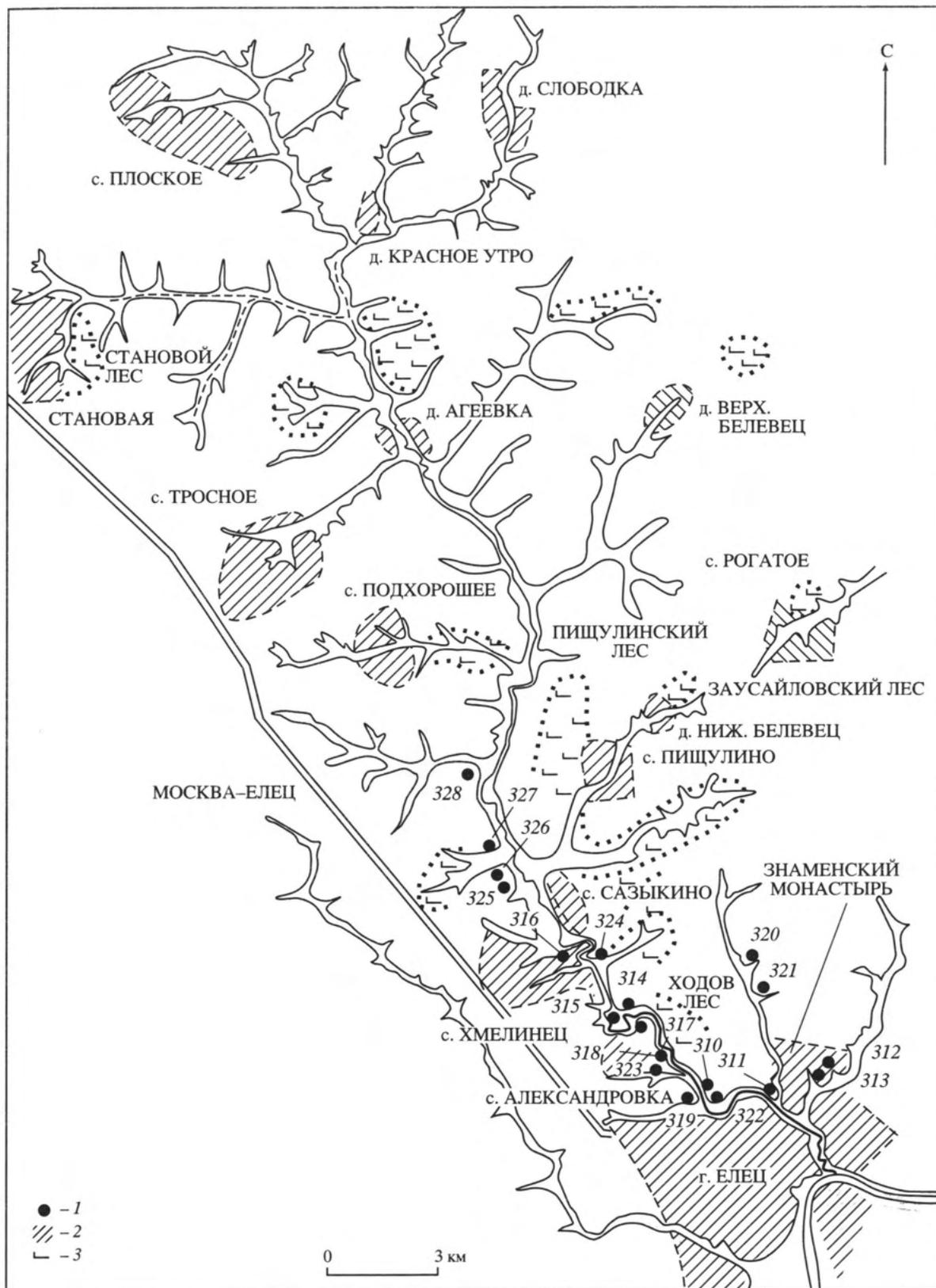
Древнерусские памятники на р. Ельчик. Древнерусские селища на р. Ельчик входят в состав группы концентрации памятников в области междуречья Воргола и Пальны. На площади немногим более 300 кв. км. насчитывается к настоящему времени 61 селище, два монетных ордынских клада, три случайных местонахождения единичных ордынских монет (рис. 3). Важно подчеркнуть тот факт, что участок междуречья Воргола и Пальны являлся своего рода удобной экологической нишей, где наблюдалась концентрация населения более ранних эпох: раннего железного века и раннего Средневековья (Пряхин, Разуваев, Цыбин, 1996).

К настоящему времени на р. Ельчик известно 19 памятников: 18 селищ и одно местонахождение (табл.) (рис. 4). Большинство из них связано с приречным типом расселения (14 памятников), с овражно-балочной системой – пять памятников. Однако из 14 памятников, относимых нами к приречному типу расселения, шесть расположены в устьях балок. Удаленность селищ приречного типа расселения от источника воды не превышает, как правило, 100 м, что соответствует геоморфологии р. Ельчик.

По топографическим условиям расположения большинство селищ относится к поселениям склонового типа, занимая пологие участки коренных берегов (13 селищ). Малочисленность памятников на террасе (5 селищ) можно объяснить отсутствием удобных площадок для селитьбы из-за ее геоморфологической неоформленности. Один памятник – местонахождение – обнаружен на участке высокой поймы. В среднем течении реки памятники преимущественно занимают террасы, высокую пойму (4 памятника) и участки склонового типа (3 памятника), в нижнем течении встречаются памятники как на низких участках до 20 м (7 памятников), так и на высоких свыше 20 м (5 памятников) склоновых участках.

Известны размеры 15 селищ. Для основной массы памятников занимаемая площадь составляет 0,1–0,4 га (13 селищ). Реже – 0,7–0,9 га (2 селища).

По р. Ельчик явно выраженных участков концентрации памятников не наблюдается. Однако в целом заметно, что селища тяготеют к нижнему течению р. Ельчик, где расположено известное по раскопкам многослойное Александровское городище. В его окрестностях, в 1 км выше по течению реки и 1,1 км вниз по течению находятся семь селищ.

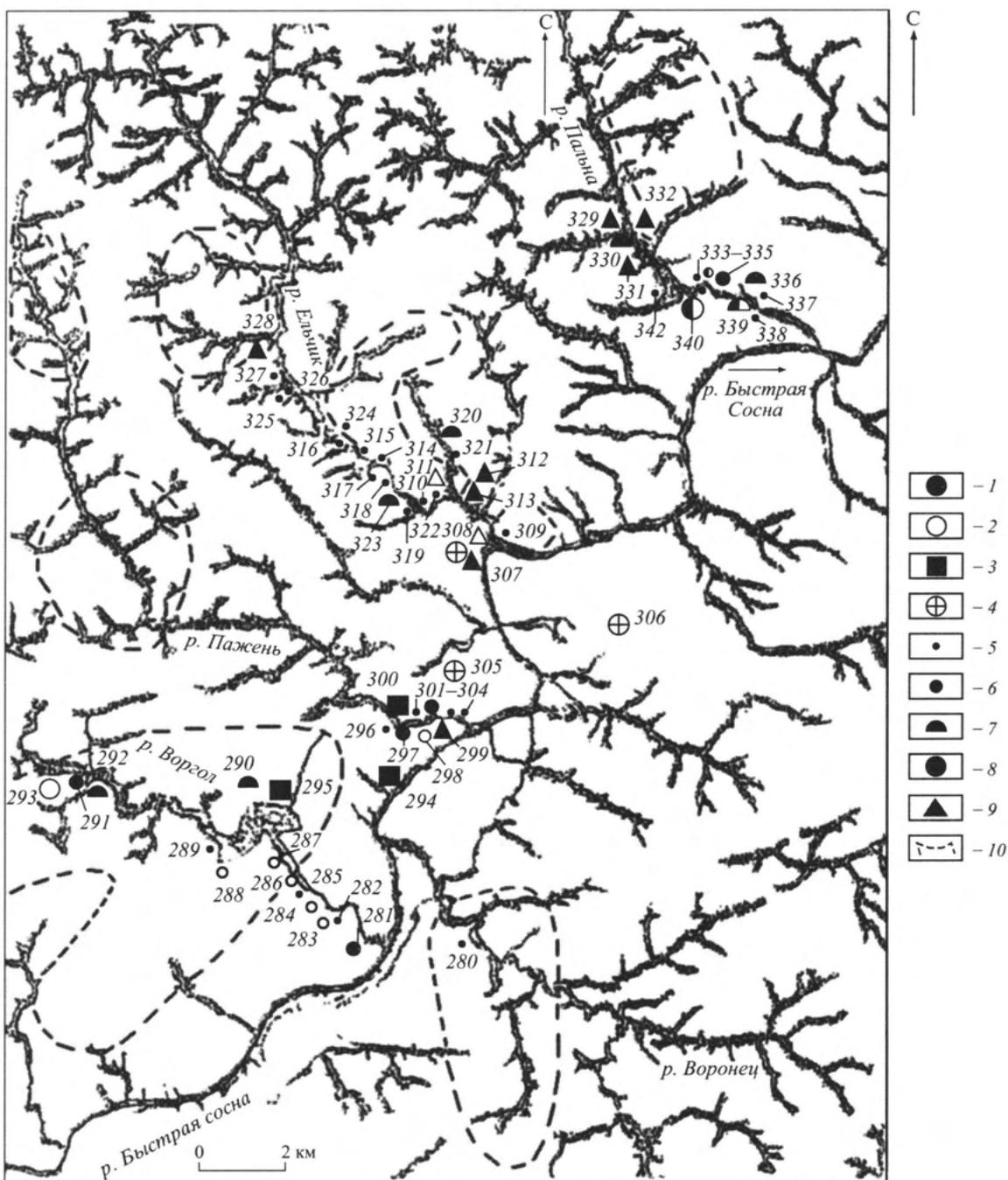
Рис. 1. Древнерусские памятники по р. Ельчик в системе современного ландшафта

1 – селища; 2 – территории современной застройки; 3 – сохранившиеся участки леса. Нумерация памятников приводится в соответствии с каталогом памятников южных территорий Чернигово-Рязанского порубежья. 310 – Цельковка 3; 311 – Знаменский монастырь; 312 – Черная слобода 4; 313 – Черная слобода 5; 314 – Александровка 3; 315 – Алек-

сандровка 4; 316 – Хмелинец-4; 317 – “Лесная школа”; 318 – Александровское городище; 319 – Александровка 1; 320 – Черная слобода 11; 321 – Черная слобода 12; 322 – Цельковка 4; 323 – Александровка 8; 324 – Созыкино 7; 325 – Подхорошее 5; 326 – Созыкино 2; 327 – Подхорошее 6; 328 – Подхорошее 1

Рис. 2. Город Елец и его округа. Фрагмент карты Генерального межевания начала XIX в. (РГИА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 3788)

Рис. 3. Древнерусские памятники в междуречье Воргола и Пальны

1 – селища середины XIII–XIV в.; 2 – селища XII – первой половины XIII в.; 3 – городища; 4 – монетные клады и отдельные находки; 5 – селища площадью 0,1–0,3 га, 6 – селища площадью 0,3–0,7 га; 7 – селища площадью 0,8–1,5 га; 8 – селища площадью свыше 1,5 га; 9 – селища, размеры которых неопределены; 10 – границы лесов по данным карт Генерального межевания конца XVIII в. Нумерация памятников приводится в соответствии с каталогом памятников южных территорий Чернигово-Рязанского порубежья. 280 – Воронеж; 281 – Воргол 9; 282 – Воргол 8; 283 – Воргол 5; 284 – Воргол 6; 285 – Воргол 7; 286 – Воргол 4; 287 – Воргол 12; 288 – Воргол 11; 289 – Воргол 3; 290 – Воргол 1; 291 – Рябинки 3; 292 – Рябинки 2; 293 – Рябинки 3; 294 – Лавский археологический комплекс; 295 – Воргольское городище; 296 – Паженъ 1; 297 – Дачный поселок 2; 298 – Дачный поселок 1; 299 – Лавы 1; 300 – Паженъское городище; 301 – Лавы 5; 302 – Лавы 6;

303 – Лавы 2; 304 – Лавы 7; 305 – Лавы; 306 – Елецкий уезд; 307 – г. Елец (ул. Октябрьская, 97); 308 – г. Елец, Соборная площадь; 309 – завод мостовых конструкций; 310 – Цельковка 3; 311 – Знаменский монастырь; 312 – Черная слобода 4; 313 – Черная слобода 5; 314 – Александровка 3; 315 – Александровка 4; 316 – Хмелинец-4; 317 – “Лесная школа”; 318 – Александровское городище; 319 – Александровка 1; 320 – Черная слобода 11; 321 – Черная слобода 12; 322 – Цельковка 4; 323 – Александровка 8; 324 – Созыкино 7; 325 – Подхорошее 5; 326 – Созыкино 2; 327 – Подхорошее 6; 328 – Подхорошее 1; 329 – Касимовка 1; 330 – Касимовка 2; 331 – Касимовка 3; 332 – Пальна Ламская 2; 333 – Аргамач-Пальна 4а; 334 – Аргамач-Пальна 4; 335 – Аргамач-Пальна 3; 336 – Аргамач-Пальна 5; 337 – Аргамач-Пальна 6; 338 – Аргамач-Пальна 7; 339 – Аргамач-Пальна 1; 340 – Аргамач-Пальна 2; 341 – Аргамач-Пальна 8; 342 – Аргамач-Пальна 9

Таблица 1. Памятники нижнего и среднего течения р. Ельчик

№	Памятник	Участок реки		Кем открыт (обследован)	Тип расселения	Топография	Высота площадки (м)	Площадь (га)
		нижнее течение	среднее течение					
310	Цельковка 3	+		Тропин Н.А., 1995	приречной	склон	12-15	0,25
311	Знаменский монастырь	+		Матвеева В.И., 1978; Тропин Н.А., 1998	приречной	склон	10-16	?
312	Черная слобода 4	+		Бессуднов А.Н., 1991	овражно-балочный	склон оврага	20	?
313	Черная слобода 5	+		Бессуднов А.Н., 1991	овражно-балочный	склон оврага	4	?
314	Александровка 3	+		Разуваев Ю.Д., 1991	приречной	коренной склон	18-20	0,1
315	Александровка 4		+	Матвеева В.И., 1974; Тропин Н.А., 1990; Разуваев Ю.Д., 1991	приречной	терраса	8-10	0,15
316	Хмелинец 4		+	Пряхин А.Д., 1962; Тропин Н.А., 1990; Разуваев Ю.Д., 1991.	приречной	терраса	6-7	0,1
317	Лесная школа	+		Бессуднов А.Н., 1991	приречной	коренной склон	25-32	0,3
318	Александровское городище	+		Матвеева В.И., 1984; Разуваев Ю.Д., 1990, 1991, 2002	приречной	коренной склон	25-29	0,3
319	Александровка 1	+		Разуваев Ю.Д., 1991	приречной	терраса	8-10	0,3
320	Черная слобода 11	+		Цельковский М.В., 2004	овражно-балочный	склон оврага	28-35	0,7
321	Черная слобода 12	+		Цельковский М.В., 2004	овражно-балочный	склон оврага	25-30	0,4
322	Цельковка 4	+		Цельковский М.В., 2004	приречной	терраса	8-10	0,4
323	Александровка 8	+		Цельковский М.В., 2004	овражно-балочный	склон оврага	20-25	0,9
324	Сазыкино 7		+	Цельковский М.В., 2004	приречной	коренной склон	22-32	0,2
325	Подхорошее 5		+	Цельковский М.В., 2005	приречной	коренной склон	30-42	0,25
326	Сазыкино 2		+	Бессуднов А.Н., 1991; Цельковский М.В., 2005.	приречной	терраса	7-10	0,15
327	Подхорошее 6		+	Разуваев Ю.Д., 1990; Бессуднов А.Н., 1991; Цельковский М.В., 2005.	приречной	коренной склон	10-17	0,2
328	Подхорошее 1		+	Цельковский М.В., 2005.	приречной	высокая пойма	2-5	?

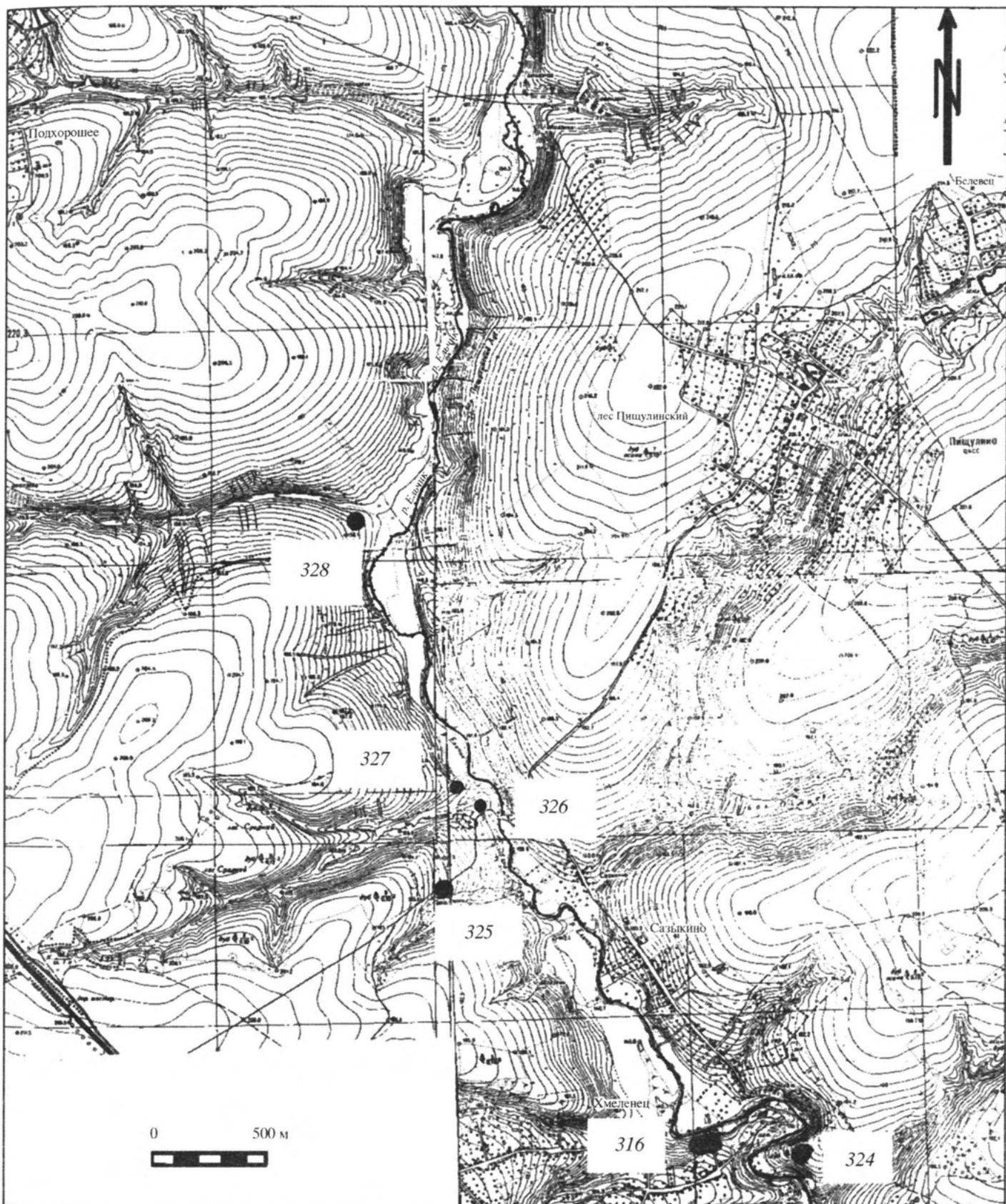

Рис. 4. Локальная группа древнерусских селищ на р. Ельчик. Нумерацию памятников см. рис. 2

Александровское городище расположено на мысу правого берега р. Ельчик на высоте 25–29 м над уровнем воды (рис. 5). Площадка городища имеет подтреугольную в плане форму и размеры 55 × 70 м. С напольной стороны площадка ограничена двумя линиями укреплений, состоящими из валов и рвов. Высота внутреннего вала – 1,5 м, внешнего – 0,5 м. Глубина рвов – около 0,5 м. На городище с учетом площади укреплений раскопано 568 кв. м. Раскопки показали, что ранний культурный горизонт, как, впрочем, и сами укрепления, относится к городищной культуре раннего железного века. Находки этого времени преимущественно концентрируются по периметру укрепленной площадки. Центральная часть городища занята древнерусским селищем XIV в., точнее сказать, одной усадьбой, которая раскопана примерно наполовину (рис. 6).

С ней связаны остатки наземной жилой постройки (постройка № 1) и трех хозяйственных сооружений. У постройки № 1 частично углубленный пол. Размеры углубленной части составили 2,4 × 3,1 м, глубина в материке 0,25 м (Разуваев, Тропин, 1991; Пряхин, Разуваев, Цыбин, 1996). Дно котлована местами сохранило искусственную глиняную подмазку. Близ юго-восточного угла котлована с внешней стороны расположены остатки печи в виде прокаленного в материке грунта и очажной ямы, заполненной обожженной глиной. В заполнении постройки встречено небольшое количество белоглиняной гончарной керамики (39 фрагментов) (рис. 7, 1–15), фрагмент красноглиняного золотоордынского сосуда, чугунная крышка от круглого в диаметре котла (рис. 7, 18), дверной пробой (рис. 7, 16), глиняное пряслице (рис. 7, 17) и каменное орудие. Находки красноглиняной ордынской керамики и крышки чугунного котла весьма точно указывают на XIV в. как время бытования постройки.

Возле жилища расчищены остатки трех хозяйственных построек. Особый интерес представляет хозяйственная яма № 3, предоставившая весьма интересные находки. Их наибольшее количество (около 200 фрагментов) связано с белоглиняной керамикой с примесью мелкого песка (рис. 7, 19, 20, 22, 23), фрагментами 13 глиняных грузил, комками глиняной обмазки.

В числе находок, важных для датировки селища и определения социального статуса владельца усадьбы, находятся фрагменты чугунного котла (рис. 7, 24), один из которых явно круглый в диаметре и по размерам соответствует крышке, обнаруженной в постройке № 1; фрагмент стенки дорогой штампованной посуды с зеленой поливой (определение В.Ю. Ковалева); пряслица, изготовленного из стенки аналогичного сосуда (рис. 7, 21).

По всей видимости, усадьба принадлежала зажиточному владельцу. Об этом свидетельствует как сам комплекс посуды, так и выбор места для усадьбы на древнем городище, имевшем заметные укрепления.

Слабая насыщенность культурного слоя и сооружений массовым материалом (около 500 фрагмен-

тов керамики) указывает на кратковременность бытования селища. Известно, что производство штампованной посуды с зеленой поливой осуществлялось в Восточном Крыму в начале 1330–1360-х годов (Джанов, 1998. С. 82–89). Полагаем, что время бытования данной усадьбы следует отнести ко второй–третьей четверти XIV в. Данное наблюдение становится чрезвычайно важным для датирования аналогичной древнерусской керамики, встреченной на многих памятниках в округе Лавского археологического комплекса и летописного Ельца (белоглиняная, тщательно промешанное тесто, толщина стенки исключительно до 5 мм, мелкие примеси песка).

В настоящее время мы далеки от мысли, чтобы охарактеризовать данную группу памятников как сельскую общину. В отличие от локальной группы памятников на р. Пальна, сельские поселения округа Александровского городища не имеют явно выраженного территориального тяготения к условному центру. Отсутствуют на р. Ельчик и крупные селища. Характер расселения по р. Ельчик в большей степени представляет собой свободное расположение поселений вдоль реки, что было обусловлено миграционными или хозяйственными процессами.

Репрезентативность письменных сведений конца XVI – первой трети XVII в. С этим временем связан круг документов, хранящихся в РГАДА. Наиболее ранним является “Отдельная книга земель елецким служилым людям 1593–1594 гг.” (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 26. Л. 1–24), известная по публикациям (Анпилов, 1963; Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001. С. 192–216). Документ отражает истоки появления населенных пунктов на территории уезда в момент раздачи поместий детям боярским весной 1593–1594 гг., содержит обширные топонимические сведения, упоминает дороги. Методом сравнения топонимических данных этого времени с топонимами карт Генерального межевания, а также и современными возможно определить места ранних “усадьб”. Другой источник – Платежные книги 1618–1620 гг. – содержит наиболее ранние известные нам сведения по сформировавшимся населенным пунктам и землевладельцам (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Платежные книги Елецкого уезда 1618, 1620 гг.). И последний источник – Писцовая книга 1628/1630 гг. кроме полного перечня населенных пунктов, землевладельцев, упоминания топонимов, впервые предоставляет значительные сведения о церковном землевладении (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 132–134. Писцовая и межевая книга Елецкого уезда 1628/1630 гг.).

Ограничиваясь этим кругом источников, считаем его достаточным в силу того, что они фиксируют завершившийся первый этап заселения уезда.

Подходы к локализации сельских поселений конца XVI–XVII в. (рис. 8). Локализуя сельские поселения в бассейне среднего течения р. Ельчик по письменным источникам с использованием данных карт Генерального межевания, мы учитываем ряд обстоятельств, которые напрямую указывают на их

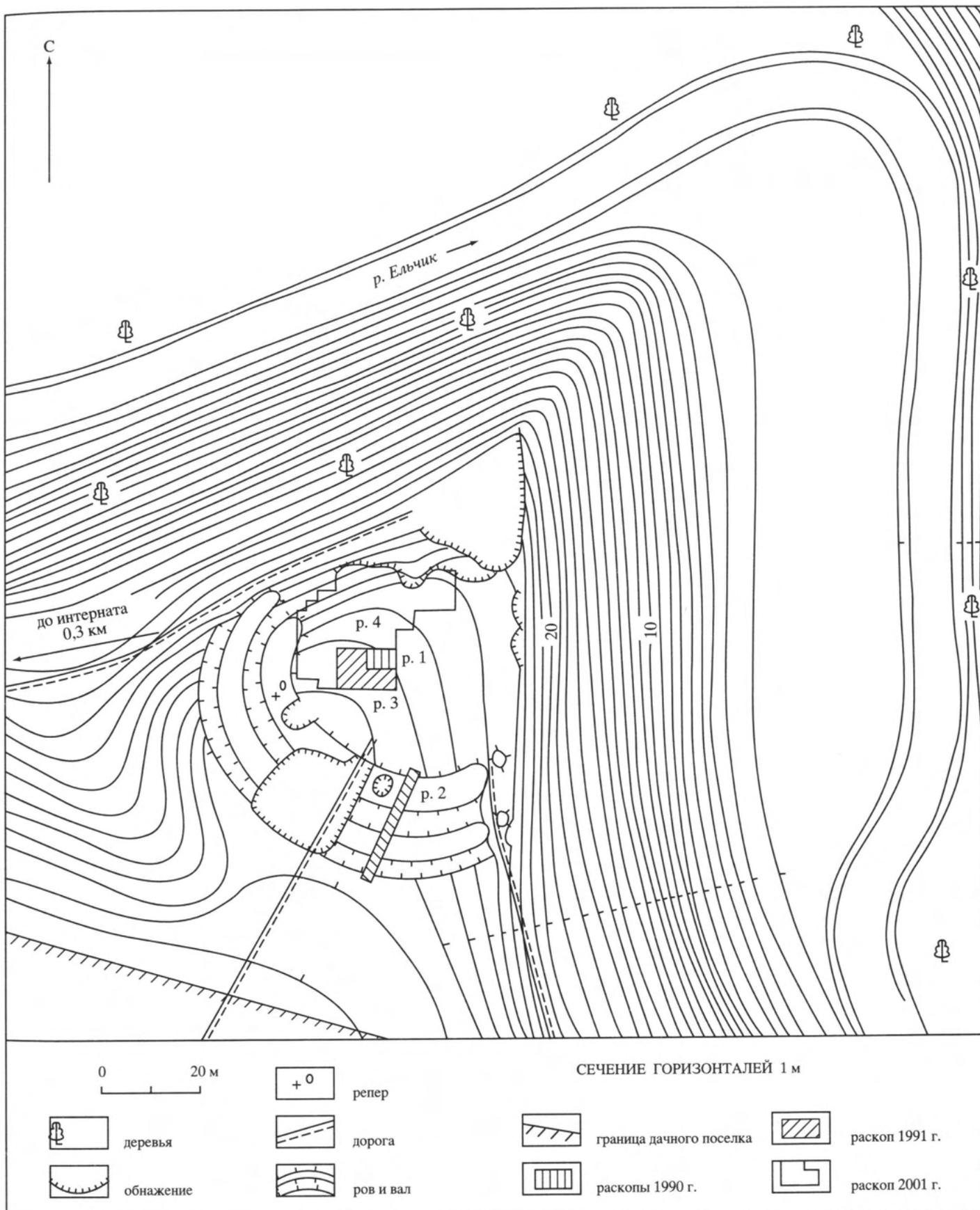

Рис. 5. Александровское городище. План

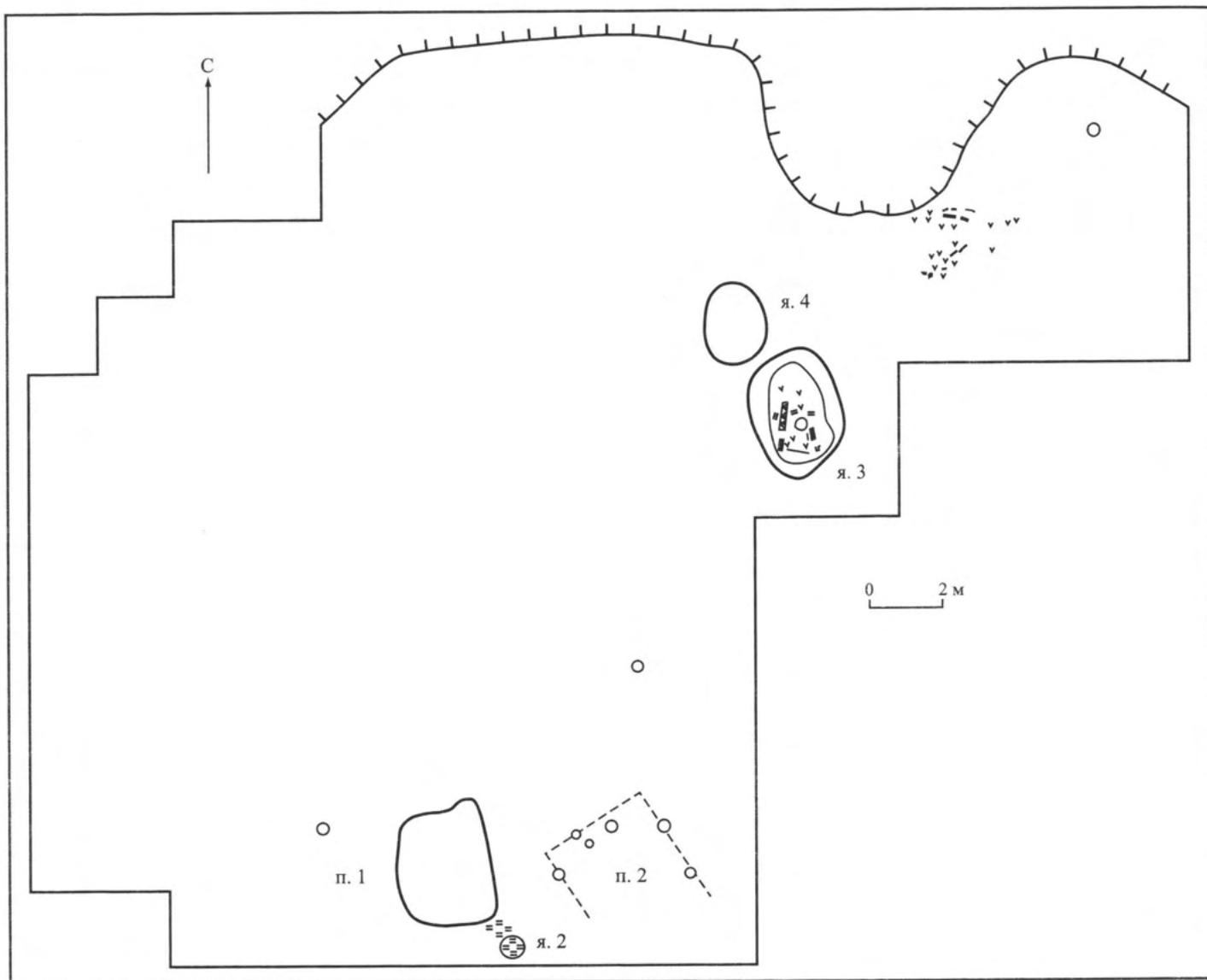

Рис. 6. Александровское городище. План раскопа усадьбы XIV в.

размещение в этом районе. Все они относятся к Елецкому стану, на их местонахождение указывают топонимические сведения о расположенных близ лесах, оврагах (колодезях – по местному диалекту). Ряд поселений сохранились до настоящего времени и отражены на картах Генерального межевания. В локализации поселений этого времени нами пока не учитывается керамический материал из-за его бессистемного сбора, а также неполного археологического обследования территорий населенных пунктов.

На исследуемом пространстве среднего течения р. Ельчик в письменных источниках первой трети XVII в. упоминаются 13 сельских поселений. Из них к настоящему времени сохранились семь. Такие поселения, как деревни Верхнее Тростное, Высокая (Жоково), Кривая поляна, Седельная, Комардино (Капустино), починок Дубовый Рог не сохранились до настоящего времени. Причины этого явления могли быть самыми разными. Территории деревень Верхней Тростной, Кривой поляны

(известных по картам Генерального межевания) были поглощены с. Нижним Тростным, переименованным в Тростное. На картах Генерального межевания не отмечены д. Седельная и поч. Дубовый Рог. Вполне вероятно, что на момент их составления эти населенные пункты не существовали или были “поглощены” соседними более крупными поселениями. На съемке 1958 г. не отмечена д. Высокая (Жоково), известная на карте Генерального межевания как д. Жоково.

Вызывает у нас недоумение расположение д. Комардина (Капустино тож) на картах Генерального межевания в значительной отдаленности от оврага Белевец на р. Пальне. Согласно письменным сведениям, ее удаленность от с. Пищулино, являвшегося центром ее церковного прихода, должна быть незначительной, тем более что д. Комардина (Капустино тож) расположена на Истобном верху под Большим Елецким лесом, в непосредственной близости от д. Вышний Белевец, имеющей анало-

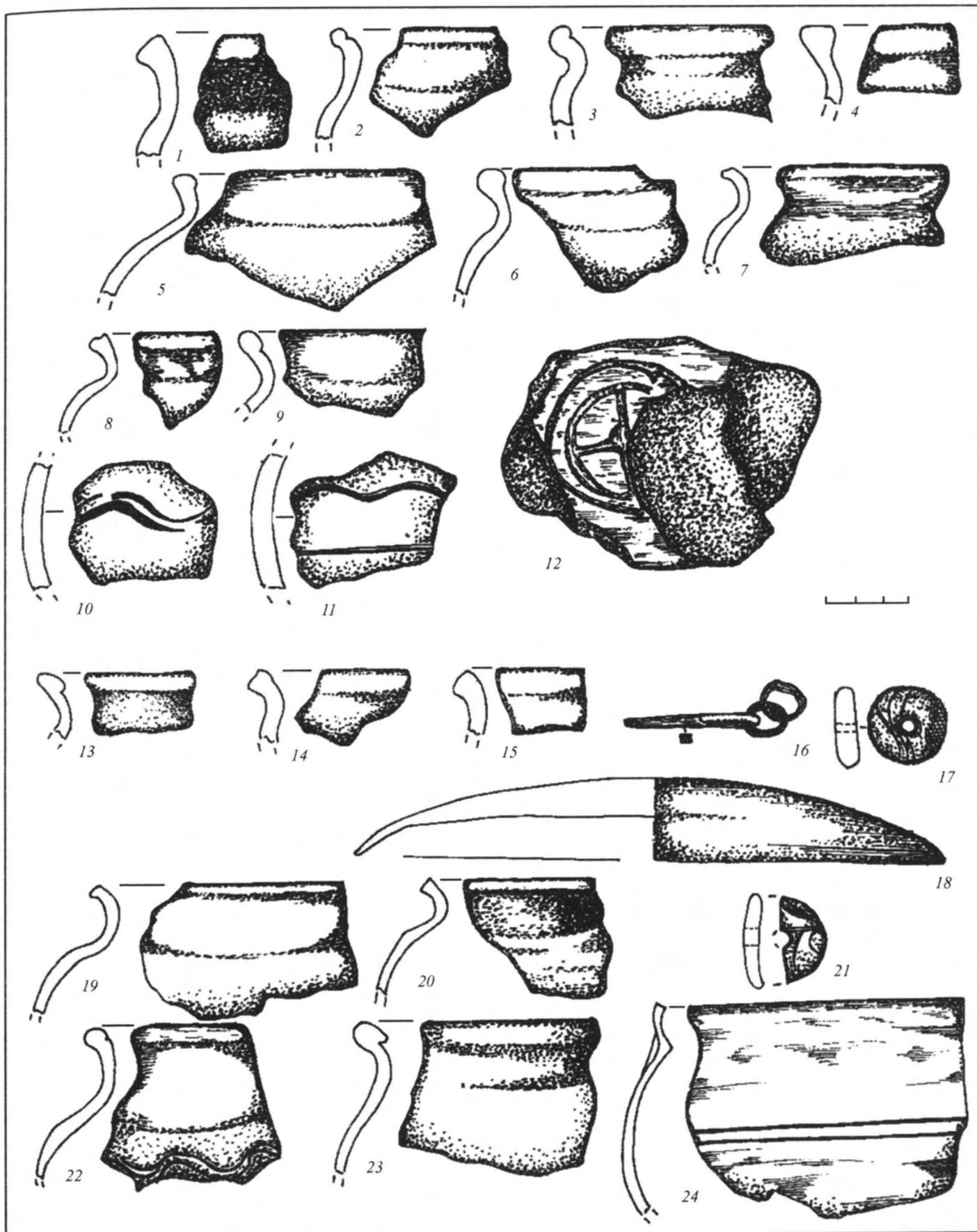
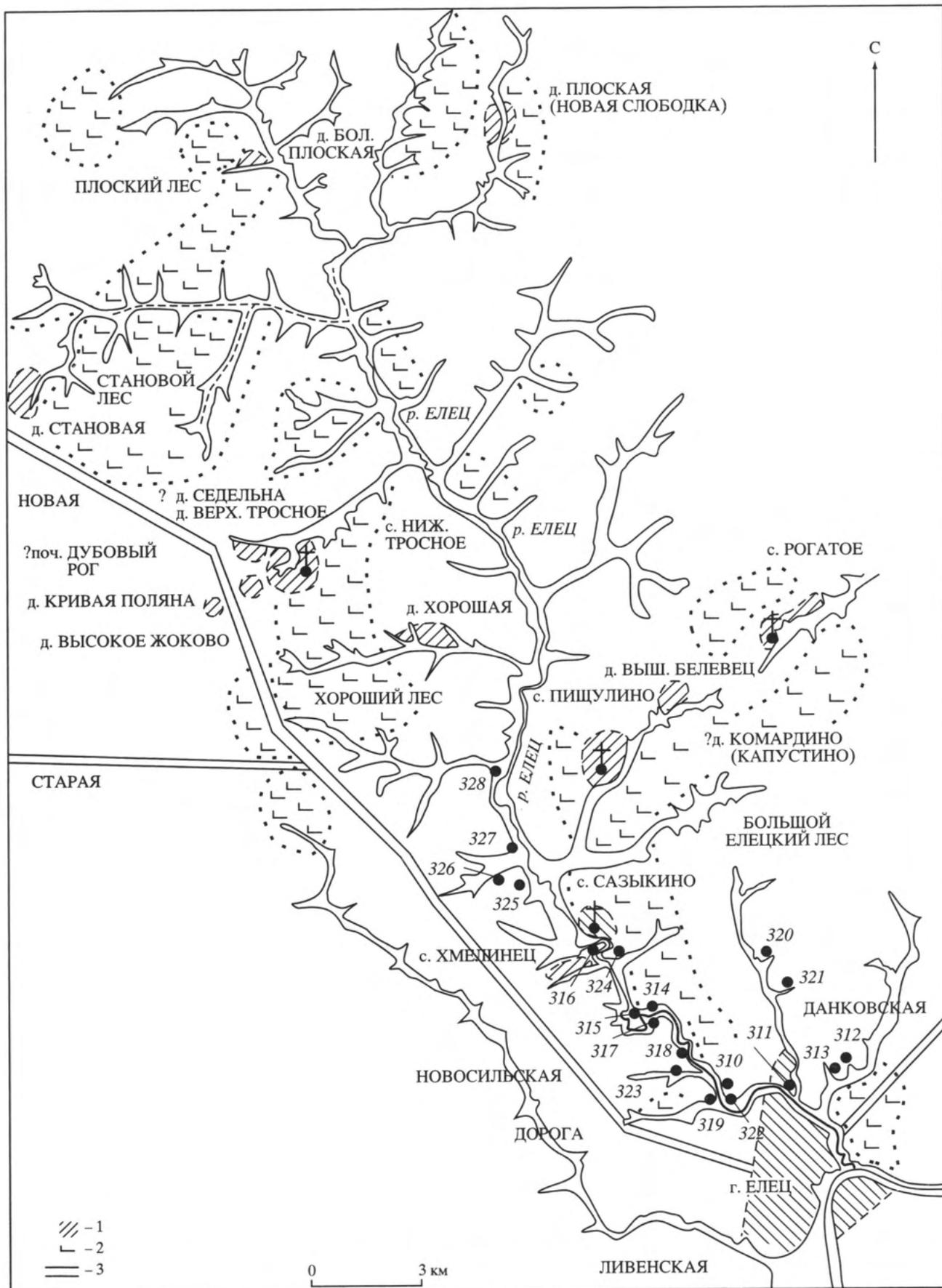

Рис. 7. Александровское городище. Комплекс находок середины – второй половины XIV в.
 1–18 – из постройки № 1; 19–24 – из хозяйственной ямы № 3

Рис. 8. Сельские поселения конца XVI – первой трети XVII в. по р. Ельчик и древнерусские поселения XIV в. (по данным Генерального межевания конца XVIII в.)

1 – территории поселений; 2 – леса; 3 – дороги. Нумерация памятников приводится в соответствии с каталогом памятников южных территорий Чернигово-Рязанского порубежья

гичные топонимические координаты. Не исключаем вероятность расположения деревни на левом берегу оврага, напротив д. Вышний Белевец. В этом месте топографами отмечено отдельно стоящее строение.

Сельские поселения Елецкого стана в системе исторического ландшафта XVI–XVII вв. По данным платежной книги 1618 г., наиболее раннего источника, сообщающего в полной мере о населенных пунктах в уезде, в бассейне среднего течения р. Елец (с учетом с. Рогатое) располагались четыре села: Нижнее Тростное, Пищулино (Богоявленское), Рогатое (Дмитриевское), Сазыкино (Рождественское), восемь деревень (Верхнее Тростное, Хорошая, Седельная, Жоково, Хмелинец, Комардино, Кривая поляна, Вышний Белевец), один починок (Дубовый рог) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1, 2 об., 4 об., 6 об., 7 об., 8 об., 9, 12, 13 об., 15 об., 17 об., 25 об.). Они занимали компактную территорию размерами 10 × 12 км по обоим берегам р. Елец.

Численность сельских поселений не изменилась и на момент переписи 1628/1630 гг. В верховьях р. Ельчик располагались лишь три деревни: Становая, Большая Плоская и Плоская (Новая Слободка). Известны поселения восточнее р. Ельчик по р. Пальне и западнее по р. Пажени.

Как населенные пункты они возникают в 1593 г., согласно “Отдельной книге”, зафиксировавшей земельный отвод поместий елецким детям боярским (Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001. С. 192–211, рис. 2). В указанном районе среднего течения р. Елец получили свои поместья 39 из 200 первых елецких помещиков. Изначально это оказалась одна из плотно освоенных территорий формирующегося Елецкого стана. Всего же в пределах стана, географически связанных с р. Елец, Паженью, междуречьем Ельца и Пальны, поместья получили 68 детей боярских (рис. 9).

Западнее от р. Пажени по р. Воргол находились поместья формирующегося Воргольского стана. Это был плотно заселенный участок, где были помещены 115 детей боярских.

“Отдельная книга земель елецким служилым людям 1593–1594 гг.” содержит сведения о местонахождении наиболее крупных лесов, локализованных нами применительно к концу XVI в. с учетом распространения серых лесных почв: Радушкин, Елецкий, Паженьский, Воргольский, Суслов, Хомутов, Хороший.

Этот же источник упоминает три дороги: Данковскую, Ливенскую, Новосильскую, начинающиеся от г. Ельца, а также Сакму в междуречьи Ельчика и Пальны. Важность этих упоминаний существенна как реалии своего времени.

На карте-схеме (не лишенной неточностей), опубликованной нами в 2001 г., явно прослеживается концентрация первых усадищ-поместий в непосредственной округе города Ельца, по рекам Елец, Пажень, Воргол, балках Пальны. Удаленность поместий от города не превышала 12–16 км (рис. 9).

Общая площадь формирующегося Елецкого уезда на 1593 г. составила в среднем 324 кв. км.

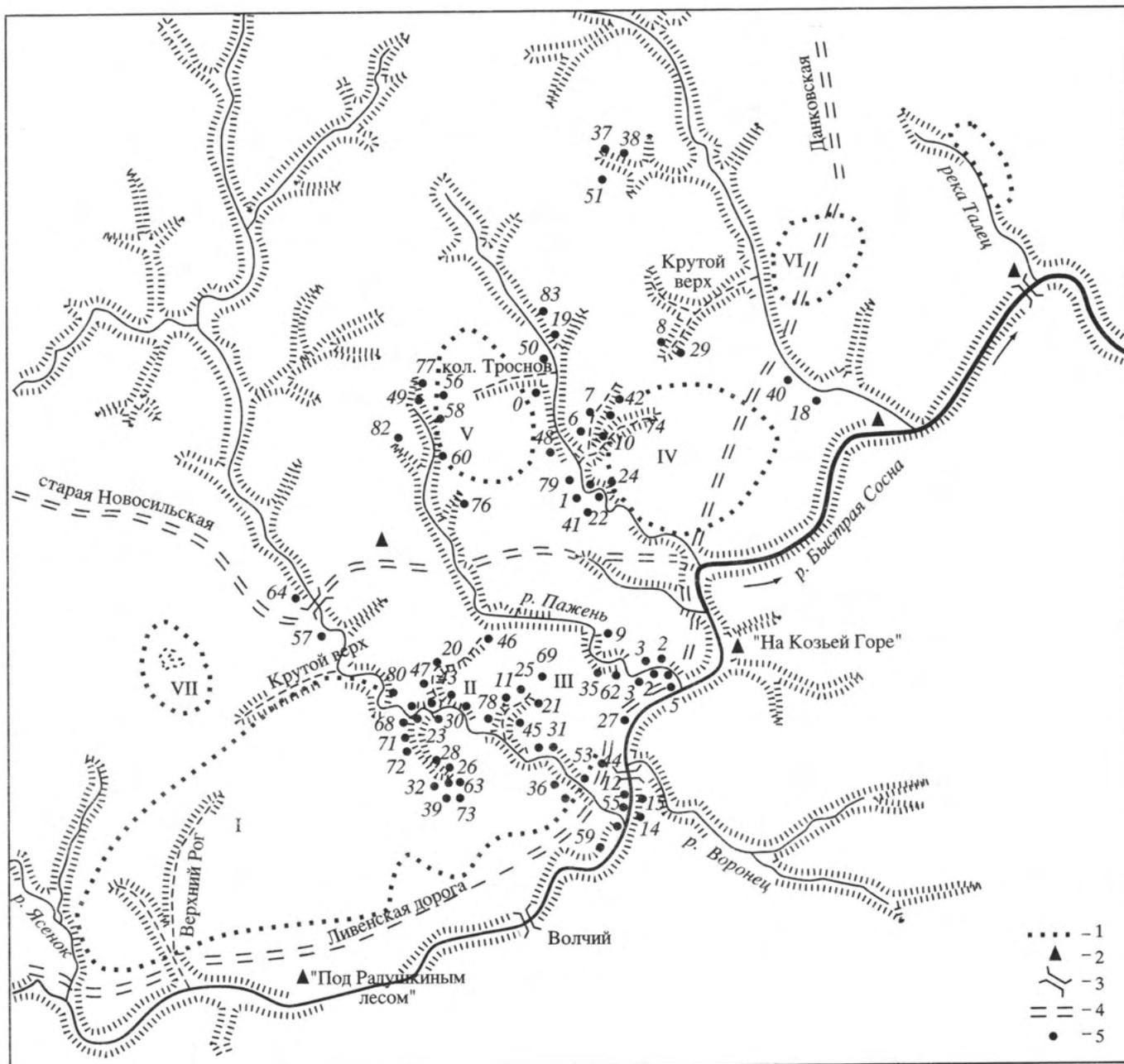
Посмотрим на известные 13 сельских поселений в бассейне среднего течения р. Ельчик взглядом археолога. Их концентрация в этом районе сопоставима с таким понятием как “куст памятников”, состоящий из четырех локальных групп (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 199–216). Каждая такая группа состояла из села, и в трех случаях в группу объединялись деревни и один починок. Обращает на себя внимание, что расстояние между селами, являвшимися центрами приходов, составляло 2,5–7 км. В сравнительной близости от села располагались другие сельские поселения.

Первая локальная группа рассматривается нами на примере с. Рогатое (Дмитриевское). Источники сообщают о расположении села на Крутом верху под Большим Елецким лесом (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 17; Ед. хр. 132. Л. 290 об.). Название населенного пункта связано с особенностями рельефа балки. На картах Генерального межевания село занимало левый склон верховий балки, в настоящее время – оба склона. По данным Писцовой книги 1628/1630 гг. в нем насчитывалось 102 двора (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 290 об.). Церковный приход села состоял лишь из жителей этого же населенного пункта.

Вторая локальная группа поселений с центром в с. Пищулино расположена через водораздел на балке Белевец. По источникам, с. Пищулино (Богоявленское) расположено на колодезе Белевце под Большим Елецким лесом (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 13 об.; Ед. хр. 132. Л. 233 об.). Название оно получило по фамилии трех братьев Пищулиных – Леонтия, Курбата и Осипа, получивших в 1593 г. поместья (Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001. С. 196–197). Как отголосок старой традиции (владельческой или межевой в связи с соседством с с. Сазыкино) на карте съемки 1958 г. отмечен Пищулинский луг, расположенный между р. Ельчик и Пищулинским лесом. На карте Генерального межевания село занимало правый склон балки, в настоящее время – оба склона.

В состав этой локальной группы входили деревни Вышний Белевец и Комардино (Капустино). Деревня Вышний Белевец, по данным карт Генерального межевания, расположена выше села Пищулино по уровню стока балки, на ее правобережном склоне. В настоящее время деревня занимает оба склона балки. Изначальному расположению деревни не противоречат письменные сведения XVII в., отмечая расположение ее на колодезе Белевце на Истобном верху под Большим Елецким лесом (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1; Ед. хр. 132. Л. 233). Название деревни происходит от названия балки. Уточнение “Вышний” связано с ее расположением относительно села (в период с 1593 г. по начало XVII в. деревни) Нижний Белевец.

Местонахождение д. Комардино (Капустино) нами определяется на левом склоне балки, напротив

Рис. 9. Заселенная округа Елецкой крепости в конце XVI в.

1 – границы лесов по распространению площадей серых, лесных почв; 2 – сторожи; 3 – броды; 4 – дороги; 5 – поместья. Номера поместий см.: Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001

д. Вышний Белевец. По письменным сведениям, она находилась на Истобном верху под Большим Елецким лесом (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 15 об.; Ед. хр. 132. Л. 252). Свое двойное название поселение получило по фамилиям детей боярских Комардина Олфима и братьев Капустиных – Макара, Фатьяна, Гаврилы, получивших в 1593 г. поместья (Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001. С. 193, 203, 204, 208).

По данным Писцовой книги 1628/1630 гг. количество дворов в поселениях этого церковного прихода было представлено следующим образом: с. Пищулино (Богоявленское) – 52 двора, д. Вышний Белевец – 37 дворов и Комардино – 38 (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 210 об., 232 об., 262).

Основой формирования этой локальной группы сельских поселений, объединенных в один приход, являлась балка Белевец.

Третья локальная группа представлена с. Сазыкиным (Рождественское) и расположенной близ него д. Хмелинец. Оба населенных пункта находятся напротив друг друга, но по разным берегам р. Елец. По источникам, с. Сазыкино находится под Большим Елецким лесом на р. Елец (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1; Ед. хр. 132. Л. 52 об.). На картах Генерального межевания оно занимает сравнительно небольшой участок вблизи того места, где русло реки имеет петлеобразную форму (“праворот”). На карте съемки 1958 г. село выросло вверх по течению и граничит с территорией Пищу-

линского луга и леса. Название село получило по имени сына боярского Созыки Зиборова, получившего поместье в “правороте” (Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001. С. 207).

Деревня Хмелинец, по сведениям письменных источников, находится под Хмелинским лесом на р. Елец (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 3; Ед. хр. 132. Л. 75). На карте Генерального межевания она занимает компактную территорию между двумя оврагами. На сегодняшний день Хмелинец является очень крупным селом. Название населенного пункта, вероятно, связано с названием оврага. По данным писцовой книги 1628/1630 гг., количество дворов в с. Сазыкино – 26, в д. Хмелинец – 21 (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 132. Лл. 52 об., 75). Источники не дают сведений о месте церковного прихода жителей д. Хмелинец.

Четвертая локальная группа состоит из семи поселений с местом церковного прихода в с. Нижнее Тростное (Егорьевское). Письменные источники сообщают, что село находится под Большим Хорошим лесом на Тростном колодезе (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 6 об.; Ед. хр. 132. Л. 135 об.). Карты Генерального межевания показывают, что село располагалось в верхней части правобережного склона балки. В настоящее время с. Тростное занимает все верховья балки, поглотив территорию других населенных пунктов. Название оно получило по названию балки.

В верховьях этой же балки, на ее правобережных склонах, согласно сведениям карт Генерального межевания, располагалась д. Верхняя Тростная. Письменные источники сообщают лишь о том, что деревня находилась под Хорошим лесом на Тростном колодезе (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 7 об.; Ед. хр. 132. Л. 147). Аналогичные сведения без уточнений имеются о местонахождении починка Дубовый Рог (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 159 об.), который нами не локализуется.

Остальные поселения, входившие в приход села Нижнее Тростное, располагались на водоразделе вне балки Тростное. Наиболее близко к селу находилась д. Кривая поляна под Хорошим лесом (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 162 об.). Название она получила по характеру залесенной местности. Деревня Высокая (Жоково) упоминается в письменных источниках расположенной под Хорошим лесом на Высокой гряде (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 9; Ед. хр. 132. Л. 168 об.). И в данном случае название деревни было дано по характерному ландшафту этой местности. Обе деревни уверенно локализируются на картах Генерального межевания. Деревня Седельная, расположенная под Становым лесом, не локализуется.

Наиболее удаленной от села была д. Хорошая под Хорошим лесом, располагавшаяся южнее на соседней балке (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 97). Карты Генерального межевания отмечают ее расположение в средней части левобережного склона балки восточнее леса. Название она получила по

одноименному лесному массиву. В настоящее время это с. Подхорошее.

Писцовая книга 1628/1630 гг. предоставляет сведения о количестве дворов в этих сельских поселениях. В с. Нижнее Тростное насчитывалось 28 дворов, Верхнее Тростное – 36, д. Жоково – 23 двора, Седельная – 11 дворов, Хорошая – 49, Дубовый рог – 12 дворов (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 132. Лл. 135, 147, 168, 403 об., 97, 153 об.). Церковный приход села включал жителей деревень Жоково и Седельная, другие населенные пункты в составе прихода не упоминаются.

Локальная группа поселений с центром в с. Нижнее Тростное территориально формировалась по одноименной балке, охватывая также населенные пункты на водоразделе.

Выводы о характере расселения в XVI–XVII вв. в среднем течении р. Ельчик. Рассмотренный нами “куст памятников” в среднем течении р. Ельчик являлся результатом хозяйственной деятельности населения разных церковных приходов и корпоративных общин служилых землевладельцев. Он сформировался в относительно короткий промежуток времени 1593 г. – начала XVII в. и в полном перечне поселений отразился в Платежной книге 1618 г.

Выделяем три важнейшие особенности расселения. 1. Типичным можно считать сочетание овражно-балочного, водораздельного и приречного характера расселения, отвечающего уровню хозяйственного уклада, основанного на земледелии и занятиях сельскохозяйственными промыслами. Преимущественно поселения располагались как на балках с постоянным водостоком, так и вдоль русла реки. Лишь три поселения (Кривая поляна, Высокая (Жоково) и Седельная) не имели этих привязок.

2. Появление поселений, расположенных в верховьях балок и на водоразделе, обусловлено проходившими вблизи дорогами. Локальная группа поселений с центром в с. Н. Тростное находилась у Новосильской дороги. По водоразделу между д. Вышний Белевец и с. Рогатое проходила Сакма, изначально отмеченная в районе с. Сазыкино на р. Елец, в ее “правороте”. На картах Генерального межевания на водоразделе Ельца и Пальны обозначена проходящая из города дорога на Ефремов. В сознании ельчан XX в. она отождествляется со Старой Московской дорогой, отдельные участки которой в виде мощеного камня по водоразделу сохранились и сегодня.

Первоначальное размещение многих поселений по внешним дорогам указывает на хорошую осведомленность о местности людей, поселившихся во второй половине XVI в.

3. Все поселения располагались у лесов, что также отвечало хозяйственным задачам. Однако лес являлся также и своего рода “убежищем” в период татарской опасности, сохранявшейся в пределах Елецкого уезда до третьей четверти XVII в.

Выводы о системах заселения в среднем течении р. Ельчик в XIV–XVII вв. При явных различиях в

преобладании разных систем расселения для XIV в. и конца XVI–XVII вв. важно обратить внимание на их общие черты, выявленные в регионе.

1. Значительное совпадение основной зоны заселения Елецкой округи в XIV в. и в конце XVI в. Территория в области нижнего междуречья Воргола и Пальны, известная как ядро Елецкой земли, послужила основой формирования Елецкого уезда в дальнейшем. В основе такого совпадения лежат различные причины (экономические, политические и др.). С территорией Поочья было связано заселение Быстрой Сосны как во второй половине XIII–XIV вв., так и в конце XVI в. В данном случае речь может идти об устойчивых этнографических группах населения.

2. Открытые на овражно-балочной системе селища XIV в. косвенно могут свидетельствовать о функционировании дороги по водоразделу Ельчика и Пальны. Впрочем, как уже отмечалось, селища по р. Ельчик, не образуя отдельных локальных групп, в большей степени соответствуют логике миграционного потока, освоившего среднее и нижнее течение реки в непосредственной близости от летописного Ельца XIV–XV вв.

3. Селища XIV и XVII вв. отчетливо тяготеют к залесенным участкам.

Литература

- Антилогов Г.Н., 1963. Новый документ об отводе земельного жалования елецким служилым людям (1593–1594 гг.) // Археографический ежегодник за 1962 год. М.
- Бессуднов А.Н., 1992. Отчет об археологических разведках в исторической части города Ельца и его окрестностях в 1991 году // Архив музея археологии ЕГУ.
- Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А., 2001. Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец.
- Гоняный М.И., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Джанов А.В., 1998. Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь.
- Загоровский В.П., 1991. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж.
- Кренке Н.А., 2004а. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты: В 3-х т. М. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв.
- Кренке Н.А., 2004б. Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII–XIII вв. (по данным исследования парка “Царицино”) // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты: В 3 т. М. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Матвеева В.И., 1973. Отчет об археологических работах Верхнедонской экспедиции в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4868.
- Матвеева В.И., 1974. Отчет об археологических работах Верхнедонской экспедиции в Липецкой области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5088.
- Матвеева В.И., 1979. Отчет о работе Верхнедонской экспедиции в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7987.
- Матвеева В.И., 1985. Отчет о работе Верхнедонской экспедиции в Липецкой области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10356.
- Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М., 1950.
- Обломский А.М., 2000. Отчет о работе по теме «Археологическое обследование территории и разработка мероприятий по охране памятников археологии в составе инженерного проекта реконструкции участка федеральной магистральной автомобильной дороги “Дон” на участке обхода г. Ельца» // Архив ИА РАН. Р-1.
- Пряхин А.Д., 1963. Отчет к Открытому листу № 56 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей в 1962 г. // Архив музея археологии ВГУ.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1996. Елец и его округа – уникальная историческая территория России // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.
- Пряхин А.Д., 1993. Отчет о научно-исследовательской работе “Археологические памятники Центрального Черноземья в системе историко-культурного наследия народов Российской Федерации” за 1992 г и основные итоги за 1991–1992 гг. // Архив Музея археологии ВГУ.
- Разуваев Ю.Д., 1991. Отчет о раскопках городищ скифского времени в Воронежской и Липецкой областях в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15693.
- Разуваев Ю.Д., 1992. Отчет об исследованиях в бассейне р. Быстрая Сосна на территории Липецкой области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16335.
- Разуваев Ю.Д., 2002. Отчет о раскопках в Липецкой и Воронежской областях в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Разуваев Ю.Д., Тропин Н.А., 1991. Результаты исследований памятников на р. Ельчик // Елец и его округа: (археологические исследования 1991 г.). Воронеж.
- Тропин Н.А., 1991. Отчет об исследованиях на территории Липецкой области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15898.
- Тропин Н.А., 1996а. Древнерусское поселение XIII–XIV вв. у села Аргамач – Пальна // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.
- Тропин Н.А., 1996б. Отчет о разведках в 1995 г. в бассейне Быстрой Сосны в пределах Елецкого и Становлянского районов Липецкой области // Архив ИА РАН. Р-1. № 19190.
- Тропин Н.А., 1999а. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец.
- Тропин Н.А., 1999б. Исследования на Знаменском монастыре г. Ельца в 1998 г. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк.
- Тропин Н.А., 2000. Сельские поселения XII – начала XV в. в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны // РА. № 1.
- Тропин Н.А., 2002. Гончарные сооружения второй половины XIV века на селище Аргамач-Пальна-5 // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула. Т. 1: Археология.
- Тропин Н.А., 2004. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж.
- Чернов С.З., 2004. Сельское расселение и ландшафты на Пехорке: загадка хозяйственного подъема в Мещере при первых московских князьях // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. В 3-х т. М. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв.
- Чернов С.З., 2005. Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. В 3-х т. М. Т. 2: Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы.
- Цельковский М.В., 2005. Отчет об археологической разведке экспедиции Елецкого государственного университета по р. Ельчик Елецкого района Липецкой области в 2004 году // ОПИ ИА РАН.
- Цельковский М.В., 2006. Отчет об археологической разведке экспедиции Елецкого государственного университета по р. Ельчик Становлянского района Липецкой области в 2005 году // ОПИ ИА РАН.

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ПРИРОДНАЯ СРЕДА
И ЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ**

---

*А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова, Н.А. Макаров,
Е.А. Спиридонова, А.А. Карпухин*

Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований)*

Становление Северо-Восточной Руси как особого центра древнерусского расселения и государственности теснейшим образом связано с освоением части территории Волго-Клязьменского междуречья, выделяющейся особым характером ландшафта и особыми свойствами почвенного покрова. Эта территория, вытянутая с юго-востока на северо-запад, от впадения р. Нерли в Клязьму до Берендеева болота вблизи Переславля-Залесского, почти на 110 км, и представляющая собой остров безлесных пространств с темноцветными и серыми лесными почвами в зоне смешанных лесов, получила название Владимирского Ополя. Географический термин Ополье (“Опольский стан”), указывающий на особые свойства ландшафта, известен в источниках с конца XV в. (АФЗ, 1951. Т. 1, № 81; АСЭИ, 1964. Т. III. С. 121, № 90) и закреплен в административном членении Владимирского и Суздальского уездов, часть которых в XVII в. была выделена в Опольские станы (Водарский, 1977. С. 235, 244–245). В пределах Ополя или на его пограничье находился целый ряд крупных городских центров Северо-Восточной Руси – Суздаль, Владимир, Клешин, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польской. Значение опольских ландшафтов как особой природной среды, благоприятной для земледельческого освоения, в которой процессы колонизации развивались наиболее интенсивно, неизменно подчеркивалось историками и археологами, обращавшимися к изучению древнейшего периода истории Ростово-Суздальской земли (Любавский, 1996. С. 107, 152; Воронин, 1961. С. 23; Горюнова, 1961; Седова, 1997. С. 4–5; Леонтьев, 1996. С. 193). “И донныне здешний край на протяжении от Юрьева почти до Владимира слывет под именем Опольщины... Суздальщина, по представлению летописи вообще, является как бы безлесной или малолесной страной, вследствие чего и называлась Залесьем, а главный ее город Владимир – Залесским... Наиболее раннее и густое заселение этой именно

области объясняется, по-видимому, тем, что она была наименее лесиста...” (Любавский, 1996. С. 107, 152). При этом ландшафт Ополя рассматривался, с одной стороны, как одна из предпосылок продуктивной земледельческой колонизации, с другой стороны, как результат многовековой аграрной деятельности.

Столь же актуальна проблема генезиса Владимирского Ополя как особого экстразонального ландшафта и для естественных наук. Вопрос возникновения и природа ополей на Русской равнине занимает ученых уже более 100 лет. Еще в 1896 г. Г.И. Танфильев в работе “Доисторические степи Европейской России” рассматривал причины возникновения ополей и их дальнейшего вытеснения лесами. Позже исследования в этом направлении проводились многими учеными, однако комплексные работы впервые были предприняты Л.С. Бергом (1947), который также называл ополья островами доисторических лесостепей и считал причиной их образования колебания климата в послеледниковое время. Ф.Н. Мильков (1964) связывает появление ополей с карбонатными подстилающими породами и, в первую очередь, с лёссовидными грунтами, а также с климатическими условиями, близкими к климату современной северной лесостепи. Средняя температура воздуха в июле на юго-востоке Владимирского Ополя 18 °С – такая же, как и на западе среднерусской лесостепи в районе Тулы – Калуги (Климатические ресурсы..., 1956). Сумма температур воздуха за период с устойчивой температурой выше 10 °С во Владимире около 2000 °С, а число дней в году со средней суточной температурой воздуха выше 10 °С составляет 130, как в Казани, расположенной на севере приволжской лесостепи. Средняя многолетняя сумма осадков – 500–600 мм, летние осадки иногда выпадают, как и в лесостепи, в виде очень интенсивных ливней. Коэффициент увлажнения, как и на севере среднерусской лесостепи, выше единицы. Общие черты природы также указывают на северо-лесостепной характер Владимирского Ополя, находящегося внутри зоны смешанных лесов примерно в 200 км от северной границы лесостепи

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 04-06-80292.

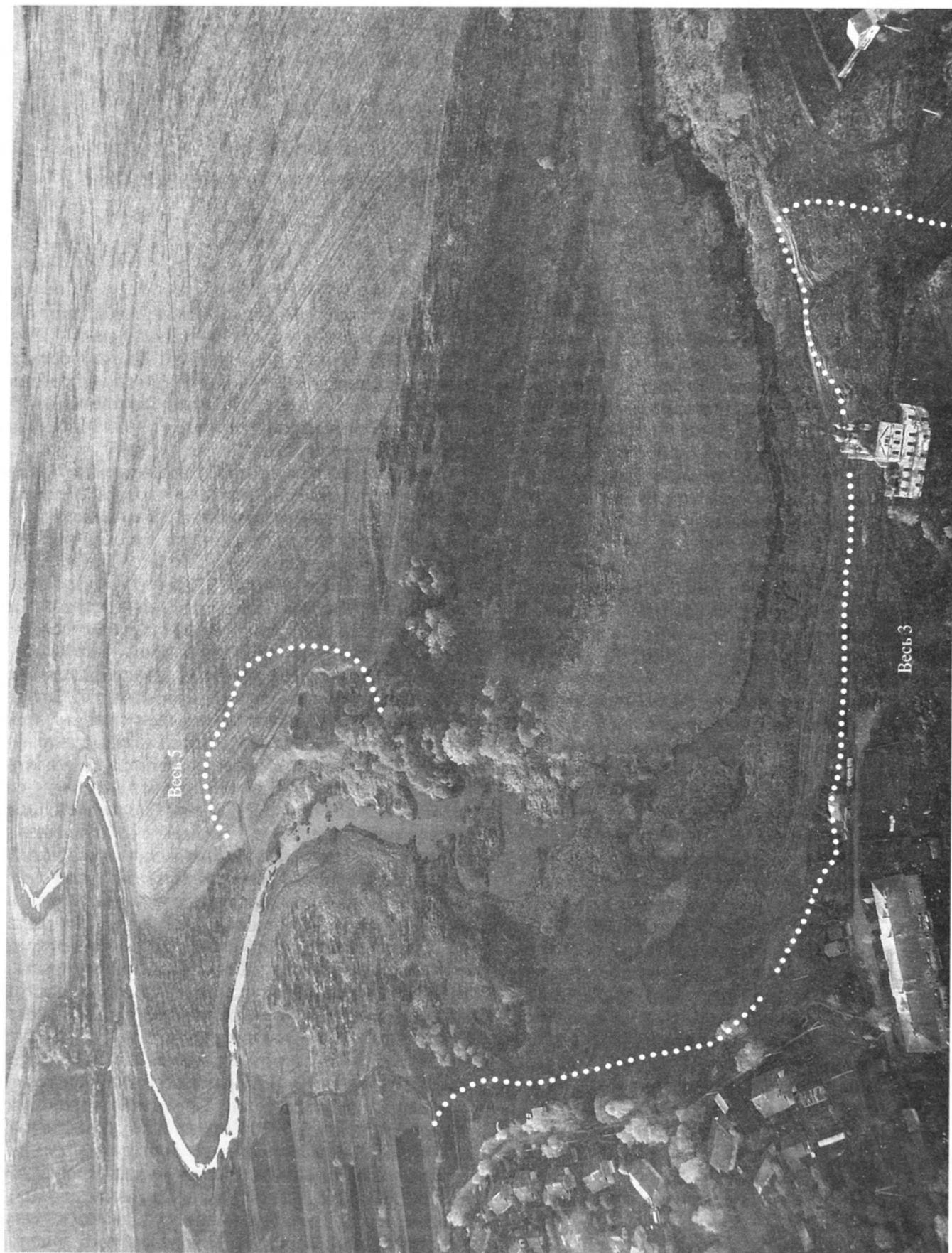

Рис. 1. Участок Суздальского Ополья у с. Вес с селищами Вес 3 и Вес 5. Общий вид

(Мильков, 1964). Он же прослеживает определенную связь между опольями и полесьями, определяя их роль в качестве главного межзонального ландшафтного комплекса Русской равнины. Немаловажное значение в формировании ландшафтов ополей отводится и многовековой хозяйственной деятельности человека. Л.М. Ахромеев (2000) считает, что возникновение ландшафтов типа ополей относится к XIII–XV вв. По его мнению, именно с этого времени начинается отсчет возраста ландшафта Владимирского Ополя.

Несмотря на значительный интерес историков, географов и почвоведов к феномену Владимирского Ополя, вопросы о времени формирования этой территории как безлесной сельскохозяйственной области, о связи этого процесса с древнерусской колонизацией, о конкретном влиянии человека на природную среду этой области в период, предшествующий славянскому освоению Северо-Востока, и в период расцвета Ростово-Суздальской земли остаются нерешенными. С точки зрения исторической науки особую важность представляет вопрос о том, существовали ли открытые безлесные ландшафты между Клязьмой и Плещеевым озером до начала славянской колонизации или эта область стала ополем в результате интенсивного сельскохозяйственного освоения в XI–XII вв. Для прояснения этих проблем в 2001–2006 гг. были предприняты междисциплинарные исследования территорий на правом берегу р. Нерли и на ее правых притоках Ирмесе и Каменке, прилегающих к г. Суздалю (рис. 1; XXXVI). Этот район носит названия Суздальского Ополя и составляет часть Владимирского Ополя. Проект “Культурный ландшафт Суздальского Ополя” включал сплошное археологическое обследование территории площадью около 160 кв. км с выявлением и картированием средневековых поселений, сбор и исследование спорово-пыльцевых материалов из разрезов вблизи ключевых археологических памятников, изучение почвенно-экологических характеристик археологических микрорегионов и почвенной приуроченности селищ, сбор и анализ карпологических и палеозоологических остатков из культурного слоя селищ. Для освещения истории формирования Ополя особое значение также имеет изучение палинологических материалов.

В настоящей статье излагаются некоторые результаты археологического обследования Суздальского Ополя и в значительно более подробном виде – результаты спорово-пыльцевых исследований. Эти исследования при высокой детальности изучения разрезов позволяют проследить изменения растительного покрова на рассматриваемой территории в течение длительного промежутка времени, а также дают возможность определить степень антропогенного воздействия человека на ландшафт на различных этапах его существования. Сопоставление палинологических материалов, характеризующих природную среду

на различных хронологических срезах, с археологическими данными о заселенности Ополя в те же периоды, дает надежно документированную картину становления и развития культурного ландшафта.

Средневековое расселение в Суздальском Ополье по археологическим данным

Выбранный для изучения район охватывает поречье р. Нерли от д. Пантелиха выше устья р. Подоксы до с. Абакумлево ниже устья р. Каменки, территории на левобережье р. Нерли вплоть до д. Глазово и Березницы и обширные участки правобережья р. Нерли, между ее притоками Ирмесом и Каменкой, простирающиеся на запад до р. Тумки. Как отдельный микрорегион обследован участок в районе с. Шекшово и Большое и Малое Давыдовское на р. Ирмесе вблизи впадения в нее р. Урды (рис. 2). Эта территория, составляющая крайнюю восточную часть Ополя и распространяющаяся на левобережье р. Нерли за его пределы, неоднородна по гипсометрическим и литологическим параметрам и почвенному покрову. Ополье занимает восточную оконечность Клиско-Дмитровской гряды. Основная часть обследованной территории представляет собой холмисто-увалистую возвышенную равнину и является частью Юрьев-Польского плато и его окончания – относительно невысокого Суздальского плато. Холмисто-увалистая возвышенная равнина Суздальского плато, сильно расчлененная густой овражно-балочной сетью, двумя геоморфологическими уровнями переходит к пойме р. Нерли. Третий гипсометрический уровень Суздальского Ополя представлен высокой поймой р. Нерли и ее притоков. Основная поверхность Ополя сложена покровными лёссовидными карбонатными суглинками с развитыми на них серыми со вторым гумусированным горизонтом почвами (Алифанов, 1995; Алифанов, Гугалинская, Иванникова, Овчинников, 2006. С. 22–23; Макеев, Дубровина, 1990. С. 5–22). Восточная граница Ополя по современному ландшафтному районированию проходит по р. Нерли. Территории на левобережье р. Нерли представляют собой слаборасчлененную зандровую равнину московского оледенения с серыми лесными и дерново-подзолистыми почвами (Макеев, Дубровина, 1990. С. 5–7; Трифонова, Романов, 2000. С. 1047–1053).

На обозначенной территории зафиксировано 140 поселений с керамикой эпохи Средневековья и раннего железного века, здесь же находились 20 курганных групп, исследованных раскопками 1851–1852 гг., местоположение которых определено по сохранившимся отвалам и остаткам насыпей или по топографическим материалам А.С. Уварова. 35 поселений было известно к моменту составления археологических карт Ивановской и Влади-

мирской областей в 1994–1995 гг. (АКР, 1994; АКР, 1995), еще 105 были впервые выявлены в ходе обследований Суздальской экспедиции ИА РАН в 2001–2006 гг. Суммарная площадь обследованных поселений составляет 384,5 га. На этих поселениях собрано более 13 100 фрагментов верхних частей средневековых сосудов и более 1700 находок – предметов из металла, стекла, камня, кости, рога и глины. Таким образом, в Суздальском Ополе зафиксирована исключительно высокая концентрация средневековых культурных остатков, отражающая высокую плотность населения. Для средней полосы России эта ситуация необычна – сеть средневековых поселений в XI–XIII вв. здесь была редкой, а количество подъемного материала на распахиваемых селищах, чаще всего, невелико. Это самый плотный массив древнерусских сельских поселений в центральной и северной России, документированный археологией.

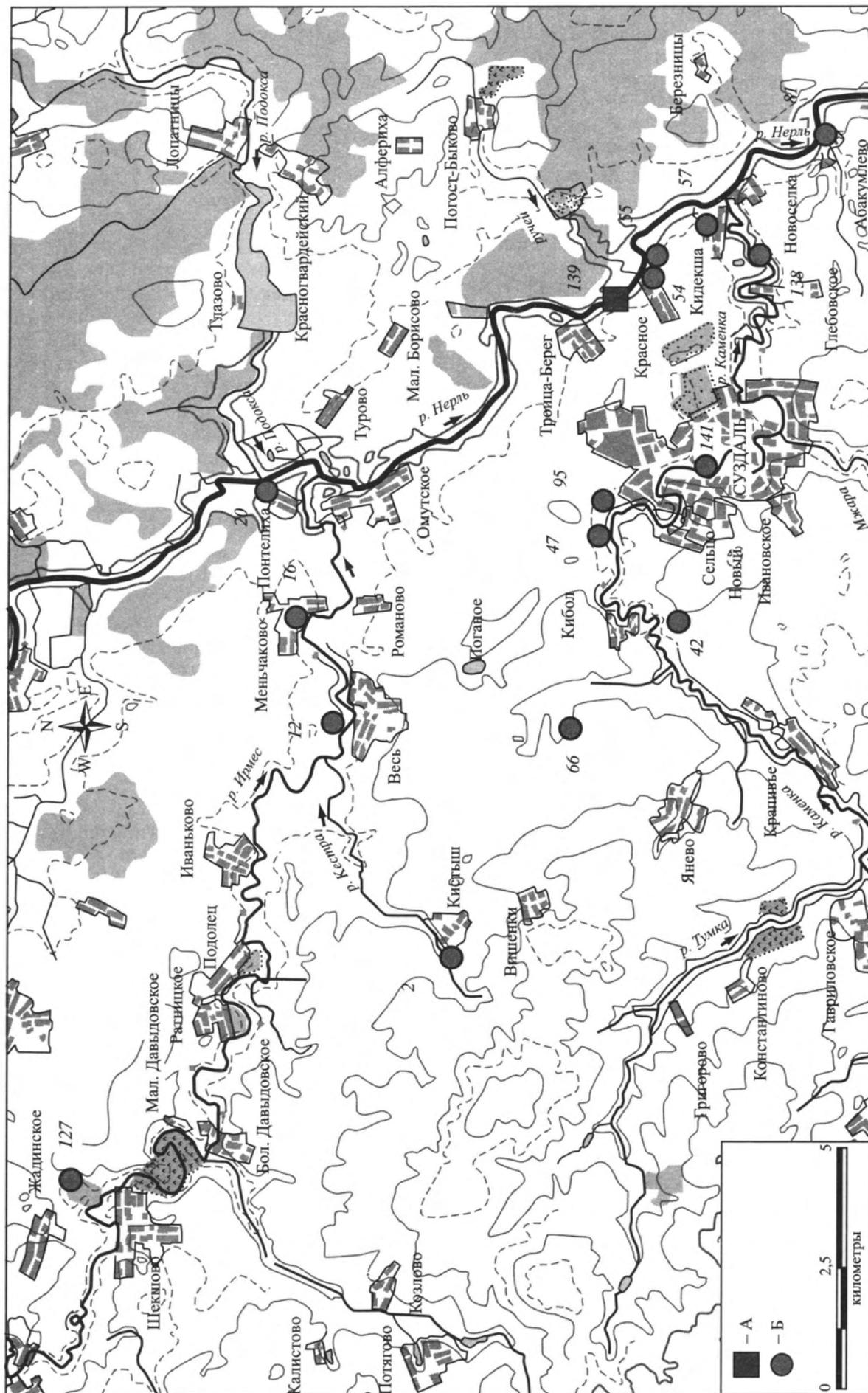
Поскольку общая характеристика средневековых селищ по результатам полевых работ 2001–2004 гг. (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004; 2005) уже представлена в публикациях, в настоящей статье мы коротко суммируем лишь основные наблюдения о развитии средневекового расселения и обратим внимание на некоторые новые аспекты колонизационных процессов, выявившиеся по итогам полевых работ 2005–2006 гг.

Средневековые селища довольно равномерно распределены по всей обследованной территории на правом берегу Нерли, на левом берегу они менее многочисленны. Большинство крупных поселений приурочено к долине р. Нерли и ее правым притокам – Ирмесе и Каменке. Как правило, они занимают участки на краю надпойменных террас, однако около 60 памятников выявлено на водораздельных участках. Преимущественно это небольшие поселения, приуроченные к оврагам, иногда совершенно малозаметным. Среди водораздельных селищ представлены и крупные памятники, например селище Янево 6, площадь которого составляет около 16 га. Столь плотное и глубокое освоение водоразделов – явление несвойственное для средневекового ландшафта средней полосы Европейской России. Более 60% от общего числа обследованных памятников находятся в черте исторических сел и деревень, существующих ныне или исчезнувших в недавнем прошлом, или в ближайших окрестностях этих поселений, документируя тем самым значительную преемственность в расселении.

Селища заметно варьируют по своим размерам. Площадь наиболее крупного из них, Омутского 1–2–3, составляет 19,1 га, площади некоторых небольших селищ (Сельцо 5, Погост-Быково 3, Кистыш 7) исчисляется в пределах 0,07–0,2 га. Преобладают относительно крупные поселения с размерами от 2 до 6,5 га (29 селищ). Картирование памятников показывает, что большинство из них ассоциировано в гнезда или локальные группы.

Археологические остатки, отражающие присутствие человека на обследованном участке Ополя в железном веке, составляют очень небольшую долю в общем массиве собранных материалов. Находки сетчатой керамики, являющейся наиболее ярким индикатором поселений раннего железного века в Волго-Окском междуречье, зафиксированы на обследованной территории на 14 памятниках и местонахождениях (рис. 3). На всех поселениях, кроме Малодавыдовского городища и поселения Кибол 11, эти находки представлены небольшими сериями, насчитывающими от одного-двух до нескольких десятков фрагментов керамики. По своему облику сетчатая керамика с отпечатками ткани, найденная на поселениях Кибол 4, Кибол 5, Кибол 7, Кибол 11, Малодавыдовское городище, сходна с классической дьяковской керамикой. Малодавыдовское городище – единственное укрепленное поселение раннего железного века и единственное крупное поселение, аккумулировавшее значительный культурный слой этого времени. Находки сетчатой керамики зафиксированы на правом берегу Нерли в удаленных друг от друга пунктах на р. Нерли, Каменке, Ирмесе и Кестре и на водоразделе (селище Кибол 11). Наиболее высокая концентрация их отмечена на р. Каменке в районе с. Кибол. Исходя из сложившихся представлений о времени бытования текстильной керамики в Волго-Окском бассейне эти материалы могут быть датированы в широком хронологическом интервале I тыс. до н.э. – первых веков I тыс. н.э. Единственная датирующая находка, которая может быть связана с сетчатой керамикой – найденный на селище Кибол 11 фрагмент дужки подковообразной фибулы с гнездами, заполненными красной эмалью. Время бытования украшений с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля определяется в пределах III–V вв. н.э. (Гороховский, 1982. С. 134), наиболее ранние находки этих вещей в последнее время датированы второй половиной – концом II в. (Обломский, 2002. С. 13). Очевидно, поселения с сетчатой керамикой в Суздальском Ополе продолжали функционировать по крайней мере до второй половины II–III в. н.э.

Начальный этап средневековой колонизации Ополя документирован появлением поселений с лепной неорнаментированной керамикой с шероховатой, заглаженной или подлощенной поверхностью. Находки подобной керамики зафиксированы на 47 поселениях, причем на многих из этих селищ лепная керамика значительно доминирует на всей площади или на отдельных участках (рис. 4). Исходя из этого, существование, по крайней мере, 33 поселений должно быть отнесено ко времени до XI в., когда древнерусская круговая керамика получила широкое распространение в Суздальской земле. В коллекциях 10 памятников присутствуют предметы, которые могут рассматриваться как хроноиндикаторы конца I тыс. н.э. – куфические монеты, ножи с прямыми спинками, бусины из тянутых

Рис. 3. Поселения с сетчатой керамикой раннего железного века
 А – городище; Б – селища и местонахождения

стеклянных трубочек, в том числе цветные лимонки и рубленый бисер, бутылковидные привески, глиняные литейные формочки для отливки мелкой зерни, сковородки с загнутым бортиком. На двух селищах (Кибол 7, Сельцо 4) найдены предметы, которые могут быть датированы третьей четвертью I тыс.: навитые печеночные бусы, бронзовая пластинчатая обоймица от венчика, железная В-образная пряжка, калачевидная пряжка из свинцово-оловянистого сплава, привеска в виде четырехгранной пирамидки с шариками зерни на нижней грани. В пределах VI–VIII вв. определяется дата наиболее выразительных в хронологическом отношении вещей из раскопок В.А. Лапшина на поселении Кибол 1 – пластинчатого кресала с расширяющейся нижней частью и свернутым в крюк кольцом и бронзовой сьюльгамы с плоским прямоугольным сечением и короткими усами-трубочками (Лапшин, 1989. Л. 5).

Картирование поселений с лепной керамикой второй половины I тыс. показывает, что сеть расселения этого времени распространилась на достаточно широкие территории правобережья Нерли, включая край коренной террасы ее правого берега, берега рек Каменки, Ирмеса, Урды и Кестры, а также некоторые водораздельные участки. Наиболее высокая концентрация памятников с лепной керамикой отмечена на р. Каменке от ее устья до с. Кибол. Размеры многих поселений второй половины – конца I тыс. н.э. составляли 1,5–2 га, площадь некоторых из них достигала 4 га. Однако концентрация лепной керамики на большинстве поселений низкая. В общем объеме керамической коллекции лепная посуда составляет чуть менее 4%.

Древнерусская круговая керамика XI – первой половины XIII в. собрана на 108 поселениях, при этом на большинстве из них представлены формы венчиков, характерные для XII – первой половины XIII в. (рис. 5). На 40 поселениях помимо керамики собраны датирующие вещи XI – первой половины XIII в. На большинстве памятников керамика представлена значительными сериями, что свидетельствует о возросшей интенсивности формирования культурных отложений и длительном существовании поселений. 79 селищ с находками древнерусской круговой керамики – новые поселения, возникшие на ранее не освоенных местах. Развитие расселения в XI–XIII вв. характеризуется, с одной стороны, увеличением размеров селищ, с другой – формированием более густой сети поселков и заселением ранее не занятых участков, прежде всего, территорий в низовьях Ирмеса и в поречье Нерли от устья р. Подоксы до с. Троица-Берег, на небольших речках – левых притоках Нерли. В этот период на правобережье Нерли, практически на всем исследованном участке Ополя формируются крупные поселения площадью 3–6 га. Существенной чертой в развитии расселения в XI–XIII вв. стало освоение водораздельных участков Ополя между Ирмесом, Каменкой и Тумкой. Большинст-

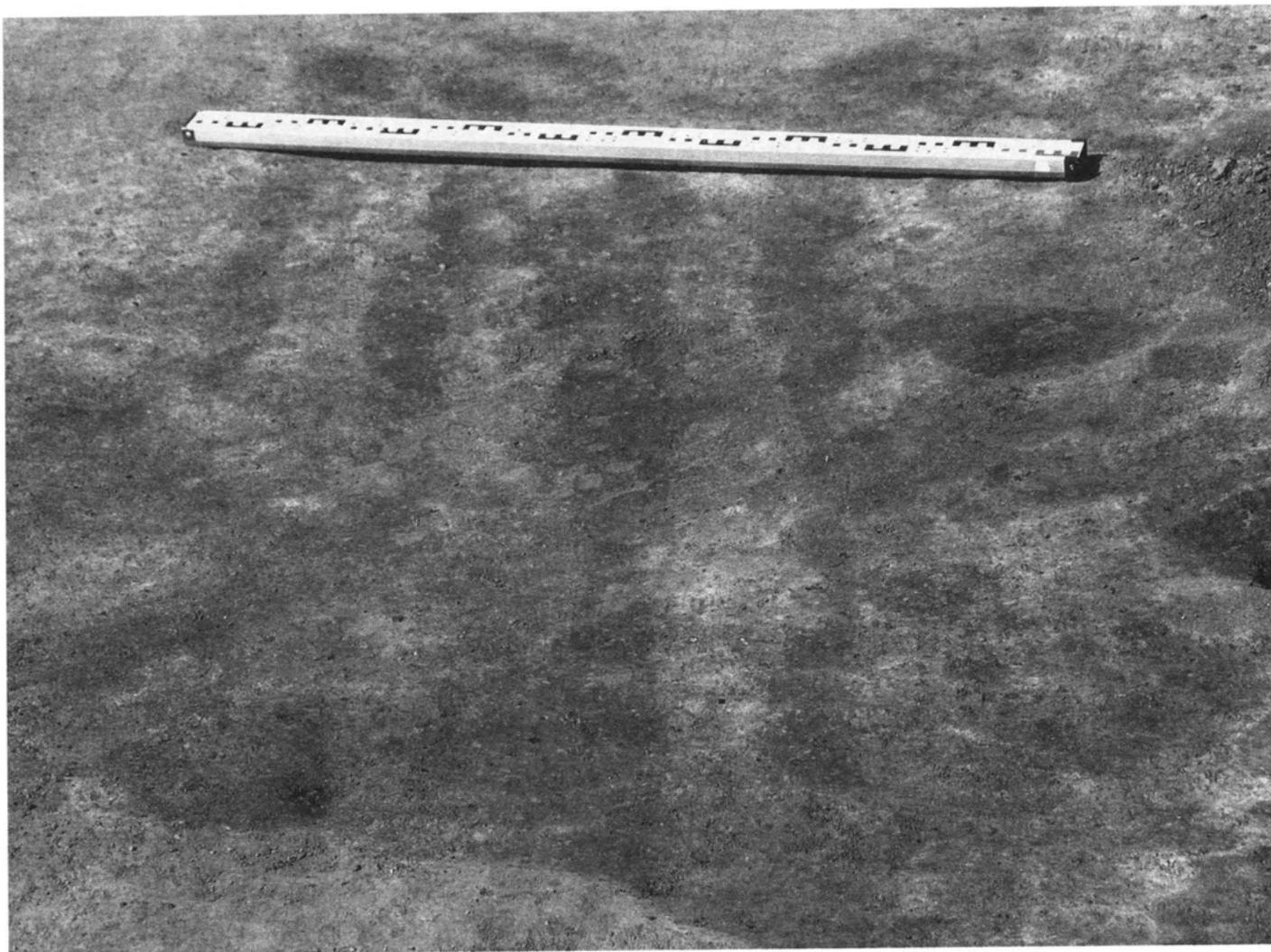
во этих поселений приурочено к оврагам, по дну которых протекали ручьи. Очевидно, для обеспечения водоснабжения на ручьях сооружались запруды, остатки которых прослежены вблизи некоторых селищ. В этот период на исследуемой территории завершается формирование основных локальных групп поселений.

Таким образом, по археологическим материалам, период XI – первой половины XIII в. характеризуется как время чрезвычайно интенсивной сельской колонизации, причем процесс образования новых и расширения старых поселений приобрел особый размах в XII – первой половине XIII в. Представление о масштабах роста дает 12-кратное преобладание в керамической коллекции круговой керамики XI – первой половины XIII в. над более ранней лепной. Суммарная площадь сельских поселений с керамикой XII–XIII вв. составляет 310 га, что примерно в 6 раз превышает площадь Суздаля в границах кремля и окольного города.

Круговая керамика второй половины XIII–XV в. собрана на 75 поселениях, преимущественно на тех же памятниках, что и материалы предыдущего периода. Большинство поселений, возникших в домонгольское время, в этот период продолжили свое существование. Наблюдения, сделанные на ряде памятников, свидетельствуют о возросшей интенсивности жизни и расширении площади поселений. Эти тенденции ярко проявились в развитии двух наиболее крупных поселений – Омутского 1–2–3 и Кидекши, которые выросли, соответственно, до 19,1 и 16,2 га. Однако 33 поселения в этот период прекратили свое существование. Это, преимущественно, небольшие поселения на водоразделе Ирмеса, Каменки и Тумки и на левом берегу Нерли, основанные в XII в. Очевидно, что в XIII–XV вв. в Суздальском Ополе продолжалось стабильное развитие системы крупных сел, возникших в XI–XII вв. Сеть малодворных деревень, являвшихся основной формой сельского поселения на Руси во второй половине XIII–XV вв., сформировалась в это время лишь на левобережье Нерли, на некотором удалении от реки.

Пахотные горизонты на средневековых селищах

В условиях многовекового сельскохозяйственно-го использования территории Ополя с постепенным расширением полей и применением все более мощных пахотных орудий вероятность сохранения средневековых пахотных горизонтов вблизи селищ сведена к минимуму. Как уже отмечалось, на многих селищах средневековый культурный слой полностью перемешан распашкой. Выявляемые иногда в шурфах и раскопах борозды конной пахоты, перекрытые сильно распаханым культурным слоем селищ, не могут быть датированы. Тем не менее при раскопках на двух селищах вблизи Суздаля

Рис. 6. Средневековый пахотный горизонт на поселении Вишенки 3. Общий вид

выявлены следы полей, достоверно относящихся к средневековому времени (рис. 6; 7).

На селище Весь 5 средневековая распашка обнаружена у восточной стенки раскопа 2006 г. на расстоянии 11–19 м от края возвышения левого берега р. Ирмес (рис. 7). Средневековый пахотный горизонт сформировался на культурном слое IX(?)–X вв. Он перекрыт культурным слоем второй половины XII – первой половины XIII в. с прослойками пережженной глины и печной обмазки и прорезан погребением второй половины XI – начала XII в. Борозды были зафиксированы в виде крестообразно расположенных прерывистых полос темно-серой гумусированной супеси, хорошо заметны на фоне материка (желтовато-серой плотной супеси) и обнаружены на глубине 0,33–0,4 м от поверхности. Борозды размещались перпендикулярно и параллельно берегу реки на расстоянии 0,15–0,8 м друг от друга, были ориентированы по линиям север – юг и запад – восток с небольшими отклонениями. Некоторые из борозд размещались с незначительным смещением относительно общего направления распашки. Ширина борозд составляла от 0,02 до 0,06 м, глубина от уровня выявляе-

ния – 0,01–0,04 м, форма борозд клиновидная. Всего было найдено 11 борозд, расположенных параллельно берегу реки (ориентированы с запада на восток), и 8 – перпендикулярно (ориентировка с севера на юг). В заполнении борозд, представленном темно-серой гумусированной супесью, присутствовали мелкие фрагменты печины, что свидетельствует о том, что распашка участка происходила уже после первоначального обживания территории памятника в конце I тыс. На одном из участков (кв. 38–39/71–72), где распашка сохранилась наилучшим образом, хорошо читается крестообразное расположение борозд, которые размещены здесь наиболее плотно. Расстояние между ними составляло 0,15–0,2 м. Длина борозд варьировала от 0,07 до 1,4 м.

Характер размещения, ширина и форма борозд позволяют говорить о том, что пахотное орудие, которым они были оставлены, вероятнее всего, представляло собой рало или однозубую соху. Прерывистость борозд представляет характерным моментом при использовании легкого пахотного орудия, масса которого недостаточна для равномерной вспашки на одной глубине.

На селище Вишенки 3 распашка выявлена в центральной части раскопа, на участке около 10 кв. м. Слой средневековой пахоты частично перекрыт остатками жилища второй половины XII – первой половины XIII в. – подушкой из материкового желто-коричневого стерильного суглинка мощностью до 0,12 м, на которой находился развал пережженной глины и печных камней, и нижележащим слоем гумусированной супеси, содержащим керамику конца XI – первой половины XII в. и более позднего времени.

Борозды распашки выявлены при зачистке материковой поверхности. Они представляют собой полосы темного гумусированного суглинка, направленные по линии ЮЗ–СВ (рис. 6). Всего выявлено 6 борозд, их длина достигала 1,3 м, ширина – 0,18 м. Перекрытый культурным слоем поселения слой распашки – темно-серый гумусированный суглинок с волнообразным нижним краем мощностью до 0,07 м – зафиксирован в северном, восточном и западном профилях раскопа. Судя по ширине

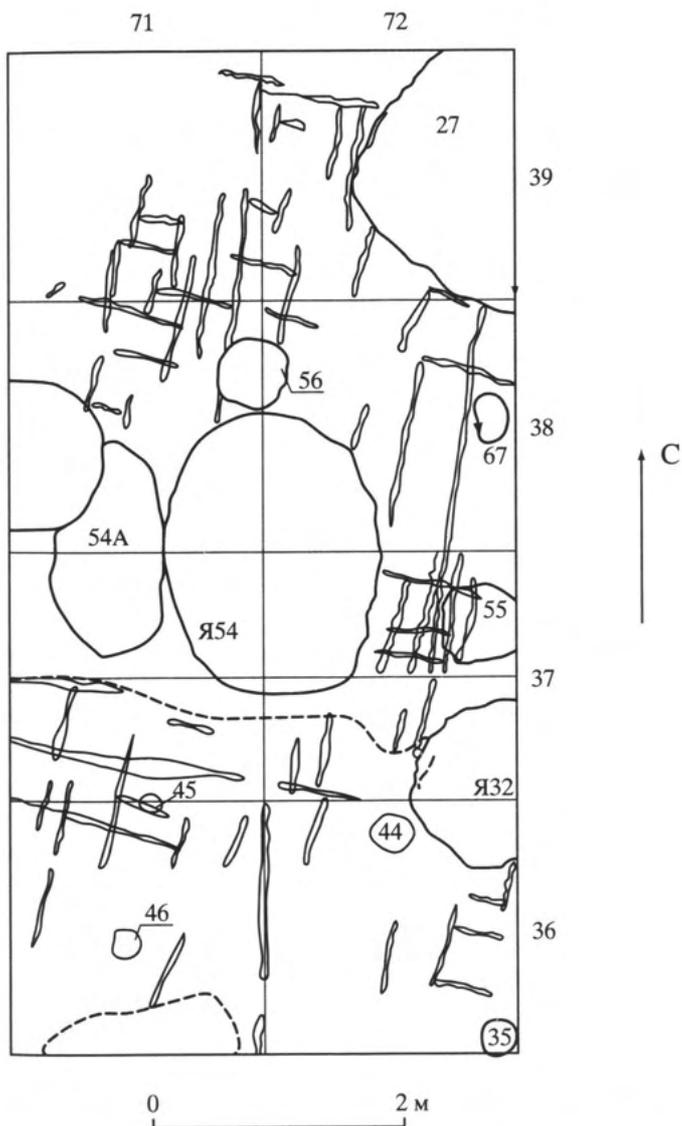

Рис. 7. Средневековый пахотный горизонт на поселении Весь 5. План

борозд, распашка производилась пахотным орудием с более широким, чем в Веси, наконечником.

Обнаружение следов средневековой пахоты в раскопах на поселениях подтверждает плотность хозяйственного освоения Суздальского Ополя и документирует местоположение полей, находившихся как на коренных террасах рек, так и на водораздельных участках. Устройство поля на площадке селища Весь 5 соответствует временному запустению поселения в XI в., когда функционировали другие поселки Весской локальной группы, находившиеся на противоположном берегу Ирмеса, примерно в полукилометре от исследованного участка. Пашня, выявленная на селище Вишенки 3, – свидетельство раннего освоения водораздельных территорий в окрестностях Суздаля, включенности их в систему сельскохозяйственных угодий, по крайней мере, к середине XII столетия.

Динамика растительного покрова Суздальского Ополя по данным палинологического анализа

В районе Суздальского Ополя палинологическим методом было исследовано пять разрезов на селищах Весь 1 и 5, Вишенки 3, Кистыш 3, Кибол 5 и четыре естественных разреза у селищ Весь 1 и 5, Троица-Берег 3, и у Малодавыдовского городища. Спорово-пыльцевые материалы были собраны в шести микрорегионах с разными геоморфологическими условиями и различным характером археологических объектов, отражающих особенности средневековой колонизации. Некоторые из этих микрорегионов отстоят друг от друга на значительные расстояния.

Четыре разреза были заложены у села Весь на р. Ирмесе, в центре обследованной территории, где локализуется одно из крупных гнезд средневековых поселений, развитие которого документировано археологическими материалами с конца I тыс. н. э. Пробы отбирались в разрезах с культурными слоями на поселениях IX(?)–X–XIII вв. и в естественных разрезах старичных органогенных отложений вблизи поселений. Еще один разрез органогенных отложений был заложен в заболоченной старице Ирмеса в 300 м от Малодавыдовского городища, в 18 км к СЗ от Суздаля. На Малодавыдовском городище зафиксирован культурный слой раннего железного века с сетчатой керамикой, отложения конца I тыс. и XII–XIII вв. К сожалению, в исследованном естественном разрезе верхняя часть отложений оказалась уничтоженной при торфоразработках. Четвертый естественный разрез был изучен за пределами Ополя, в 4 км к СВ от Суздаля, на левом берегу р. Нерли, на участке заболоченного луга рядом с селищем Троица-Берег 3 (Исады), датированном XII – первой половиной XIII в. Спорово-пыльцевые материалы были отобраны также

в разрезе культурного слоя на поселении Кибол 5 на р. Каменке, на котором представлены стратифицированные напластования XI–XIV вв. и в разрезах культурного слоя XII – первой половины XIII в. на поселениях Кистыш 3 и Вишенки 3, на водораздельных участках между Каменкой и Ирмесом. Таким образом, исследованиями была охвачена обширная территория Ополя, а в поле зрения оказались как археологические микрорегионы с культурным слоем относительно короткого накопления (XII – первая половина XIII в.), так и микрорегионы, насыщенные археологическими материалами различных, протяженных во времени исторических периодов.

Для выделения как можно большего количества пыльцы и спор и отделения их от вмещающей породы нами применялась сепарационная методика В.П. Гричука (1950), в которую были внесены необходимые изменения. Порода кипятилась в 10% HCl, затем после отмывки в дистиллированной воде то же повторялось в 10% KOH. Обработанный таким образом и вновь отмытый в воде осадок центрифугировался в растворе KI+Kdl с удельным весом около 2,2–2,3. Полученный материал помещался в пробирку с глицерином.

Определение пыльцы и спор, подсчет зерен и микрофотосъемка микрофоссилий проводились на световом микроскопе Olympus CX-41 с увеличением $\times 400$. При подсчете учитывались все пыльцевые зерна и споры, встреченные в препарате, при этом принималась во внимание морфологическая развитость форм и их сохранность.

Все встреченные микрофоссилии объединялись в три группы: древесные и кустарниковые породы; травянистые и кустарничковые растения; споры. Состав по группам рассчитывался от общей суммы всех встреченных форм. Процентное содержание пыльцы древесных пород рассчитывалось от суммы пыльцы древесных пород, пыльца травянистых растений – от суммы травянистых, споры – от суммы споровых растений.

Статистическая обработка результатов анализа и построение диаграмм производилось с помощью компьютерной программы FLORA, разработанной в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН в 2006 г. На диаграммах общий состав и состав по группам показаны значковым способом, а остальные компоненты спектра внутри каждой группы – заливкой.

Анализ и обобщение полученных результатов позволили проследить динамику растительного покрова территории, выявить климатические изменения на протяжении конца железного века и большей части Средневековья, а также определить степень антропогенного воздействия на изученную территорию, связанную в первую очередь с хозяйственным освоением местности около селищ.

Расположение изученных памятников и естественных разрезов в разных геоморфологических условиях и на достаточном удалении друг от друга

в определенной степени усложнило их сопоставление, но в то же время дало наиболее объективное представление об изменении природных условий и характере влияния на них человека в пределах всего региона. Учитывались также и локальные условия, связанные с хозяйственной деятельностью людей на поселениях. Путем корреляции всех изученных разрезов с учетом данных абсолютного датирования удалось проследить общие закономерности динамики растительных сообществ, определяющих ландшафт территории, выявить какие из них в большей степени были связаны с изменениями климата, а какие были обусловлены антропогенной деятельностью.

В результате обобщения материалов полученных по всем разрезам было выделено 16 палинологических зон (табл.), которые характеризуют развитие растительного покрова исследованной территории, начиная с I–II вв. до н. э. и до XVI в. н. э.

Первая палинологическая зона (ель, сосна, широколиственные породы) прослеживается в естественном разрезе 1 у селища Весь 1 (II спорово-пыльцевой комплекс/спк) (рис. 8). На этом уровне была получена наиболее древняя дата по ^{14}C , которая составила $2070 \pm 55 \text{BP}$ (Le-6491) ($95 \pm 70 \text{BC}$)¹.

В общем составе господствует пыльца древесных пород (до 75%). На долю травянистых растений и спор приходится примерно по 15%.

Древесные породы представлены главным образом пыльцой ели и широколиственных пород. Среди них чаще всего встречается пыльца липы (*Tilia*), единично дуба (*Quercus*), вяза (*Ulmus*), лещины (*Corylus*). Довольно часто присутствует пыльца ольхи (10–17%), сосны (12–20%) и березы (7–21%).

В составе травянистых растений отмечается тенденция уменьшения содержания пыльцы злаков вверх по разрезу – с 46% в образце 2 до 23% в образце 5. Соответственно увеличивается количество пыльцы разнотравья (от 21 до 56%). Этот рост происходит главным образом за счет пыльцы семейства цикориевых и астровых. Много пыльцы осок (16–34%). Среди споровых преобладают папоротники семейства *Polypodiaceae* (до 83%). Также встречаются споры зеленых и сфагновых мхов, плаунов.

В это время на окружающей территории господствовали еловые леса, в состав которых входили береза и сосна с примесью широколиственных пород. Сосна, по-видимому, не являлась основной лесобразующей породой, что неоднократно наблюдалось в последующие этапы.

Вторая палинологическая зона (ель с участием ольхи) выделяется в естественном разрезе 4 у Малодавыдовского городища (V спк) (рис. 9).

Абсолютная датировка, полученная на уровне этого комплекса составляет $1820 \pm 30 \text{BP}$ (Le-7466) ($184 \pm 39 \text{AD}$).

¹ Пересчет датировок произведен по программе CalPal (www.calpal-online.de).

Корреляция данных палинологического анализа по естественным разрезам и селищам на территории Суздальского Ополя

Календарный возраст	Абс. возраст по C ¹⁴	Палинологические зоны		Весь 1		Весь 5		Вишенки 3	Кистыш	Кибол 5	Троица-Берег 3	Малое Давыдовское гор. ест. разр.
				поселен.	ест. разр.	поселен.	ест. разр.					
XIV–XVI вв.	1544 ± 61AD	Сосна, ель, береза	16	IV	IX						IV	
	1475 ± 21AD											
	1329 ± 44AD										II*	
		Сосна, береза	15		VIII	VI		II		IV		
XIII в.		Сосна, широколиственные породы	14	III		V	IV		II	III		
XII в.		Широколиственные породы, береза, ольха, сосна	13				III II I	I	I	II		
XI в.		Береза, сосна	12	II I						I	I	
IX–X вв.		Широколиственные породы, береза	11			IV						
		Рудеральный комплекс с преобладанием маревых	10			III						
		Береза, ольха, с участием широколиственных пород	9			II						
		Береза, ольха	8			I						
		Сосна с участием ели	7		VII VI							
VIII в.	738 ± 56AD	Сосна, ель	6		V*							VII
VII в.		Береза с участием ели, сосны	5		IV							
VI в.	560 ± 50AD	Ель, сосна	4		III*							
IV–V вв.	373 ± 97AD	Ель с участием сосны	3									VI*
II в.	184 ± 39AD	Ель с участием ольхи	2									V*
I–II вв. до н.э.	95 ± 70BC	Ель, сосна, широколиственные породы	1		II*							

* Спорово-пыльцевые комплексы, по которым получены абсолютные датировки;
 спорово-пыльцевые комплексы с преобладанием пыльцы древесных пород;
 спорово-пыльцевые комплексы с равным соотношением пыльцы древесных пород и травянистых растений;
 спорово-пыльцевые комплексы с преобладанием пыльцы травянистых растений

По сравнению с предыдущей зоной, в общем составе отмечается снижение количества пыльцы древесных пород, которые, тем не менее, продолжают доминировать в этом комплексе (48%). В это же время происходит увеличение до 40% содержания спор.

Среди древесных пород на фоне по-прежнему большого количества пыльцы древесных пород (49%) выявляется увеличение до 24% пыльцы ольхи.

В группе травянистых растений чаще всего встречается пыльца осок (46%) и злаков (31%).

Споровые представлены главным образом папоротником семейства *Polypodiaceae* (71%). Реже встречаются споры зеленых мхов (23%).

Судя по составу описанных спектров, во II в. н.э. отмечалось увеличение увлажненности территории, которое сопровождалось расширением участков, занятых ольшанниками. Большую часть территории по-прежнему занимали еловые леса, где в нижнем ярусе стало больше папоротников и зеле-

ных мхов. Роль луговой растительности была незначительна.

Третья палинологическая зона (ель с участием сосны) охарактеризована по VI спорово-пыльцевому комплексу из того же разреза 4. Абсолютная датировка, полученная на уровне образца 4, составляет 1670±70BP (Le-7465) (372±97AD), что свидетельствует о заметном временном интервале, прошедшем с момента формирования предыдущей зоны.

В общем составе вновь увеличивается количество пыльцы древесных пород, достигая в третьем образце 76%. Пыльца травянистых растений составляет от 12 до 17%, споры – 11–24%.

В составе древесных пород по-прежнему доминирует пыльца ели (47–65%). В то же время отмечается увеличение пыльцы сосны, содержание которой ко второму образцу доходит до 34%.

В группе травянистых растений помимо преобладающей пыльцы осок больше становится пыльцы злаков. Немного богаче становится и состав разнотравья.

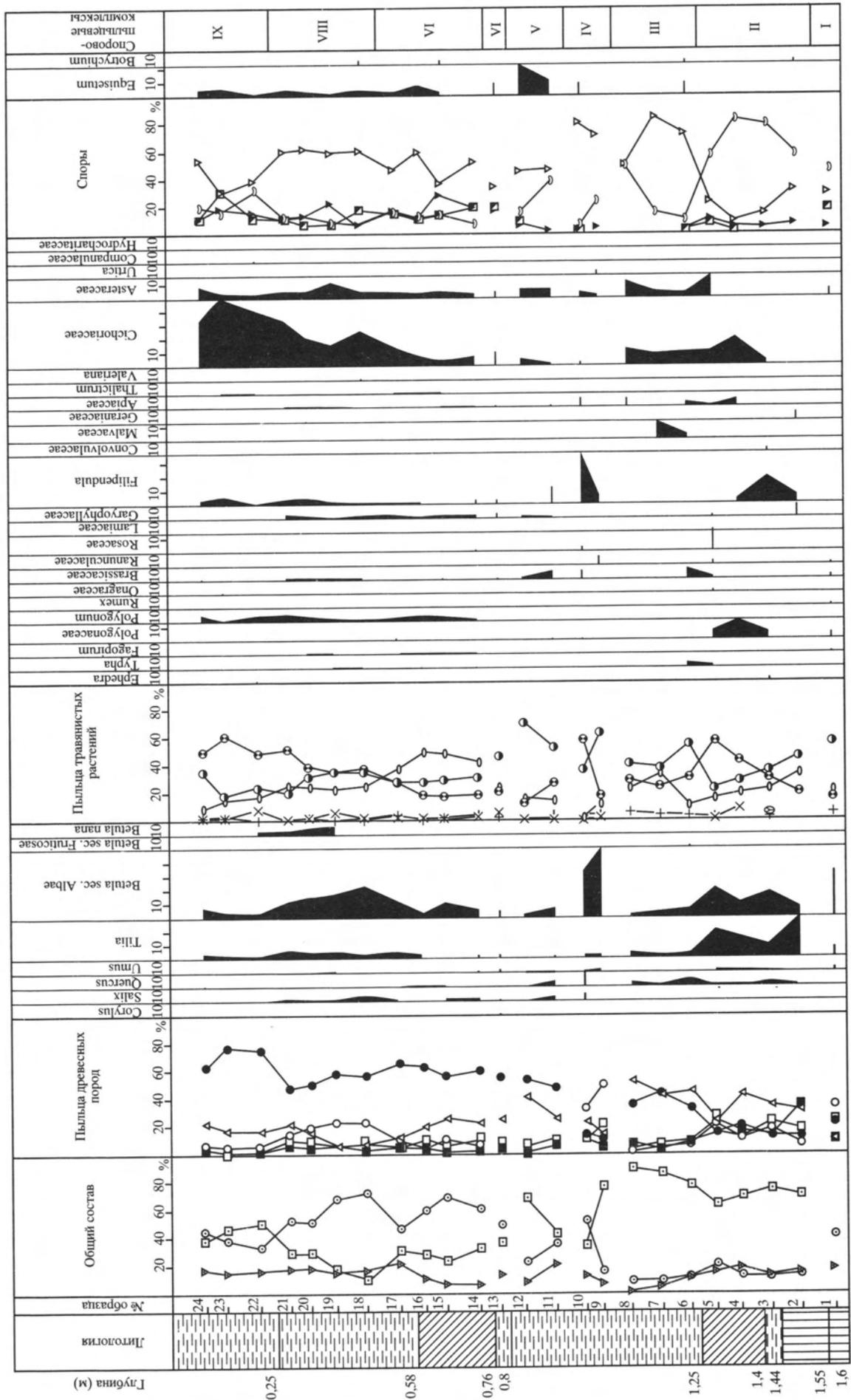

Рис. 8. Спорово-пыльцевая диаграмма по естественному разрезу Вось 1

Среди споровых отмечается увеличение количества зеленых мхов, которые в образцах 2, 3 уже преобладают над папоротниками.

Судя по составу полученных спектров, в это время отмечается меньшая увлажненность и начало потепления климата, которое по данным В.А. Климанова (1989) имело место около 1600–1900BP. Температуры были выше современных: годовые на 1–1,5°, июльские на 1°, январские на 1–2°. Вместо еловых лесов местами появляются сосново-еловые леса, в которых процент участия сосны постепенно увеличивается, а в моховом ярусе образуется плотный покров из зеленых мхов, что может быть связано с большой сомкнутостью древостоя. В составе лугов помимо злаков увеличивается роль разнотравья.

Четвертая палинологическая зона (ель, сосна) описана по III спорово-пыльцевому комплексу из естественного разреза 1 у селища Весь 1. Для данного комплекса на уровне 7,8 образцов была получена радиоуглеродная датировка, которая составила $1490 \pm 45BP$ ($560 \pm 50AD$) (Le-6488).

В общем составе по-прежнему господствует пыльца древесных пород (до 90%). Пыльца травянистых растений составляет 9–11%, споры 1–11%.

Среди древесных пород, как и в предыдущем комплексе, преобладает пыльца ели (42–52%), но на данном интервале помимо ели отмечается большое количество пыльцы сосны (33–43%). В то же время содержание пыльцы широколиственных пород, ольхи и березы, существенно ниже, чем в предыдущей зоне.

В составе травянистых растений вновь доминирует пыльца злаков (38–55%). От 10 до 33% приходится на долю осок. Разнотравье представлено в основном пылью семейства цикориевых и астровых. В небольшом количестве (до 6%) встречается пыльца полыней.

Споровые представлены зелеными мхами и папоротниками семейства *Polypodiaceae*.

По сравнению с предыдущей зоной состав палинологических спектров этого времени отражает менее стабильную климатическую обстановку. В период похолодания сомкнутость древостоя в лесных массивах уменьшалась, что способствовало увеличению роли папоротников. При возрастании увлажненности и возможно некотором заболачивании в более влажных местообитаниях увеличивалась роль сосны, а в составе трав – осок.

Пятая палинологическая зона (береза с участием ели и ольхи) прослеживается в том же разрезе по IV спорово-пыльцевому комплексу.

Спорово-пыльцевые спектры данного комплекса отражают дальнейшие изменения в ландшафте изученной территории, выразившиеся в уменьшении общей облесенности и связанные, скорее всего, с деятельностью человека.

Количество пыльцы древесных пород резко уменьшается с 77% в образце 9 до 35% в образце 10,

в котором господствует пыльца травянистых растений, составляя 52%.

В составе древесных также отмечается смена доминирующих пород. Основное место занимает пыльца березы (33–50%). В девятом образце часто встречается пыльца ольхи (21%), а в образце 10 – снова увеличивается роль пыльцы ели (23%). Пыльца широколиственных пород и сосны встречается редко.

Среди травянистых растений основное место занимает пыльца злаков, причем в образце 10 встречаются и культурные формы большого размера. В этом же образце очень много пыльцы таволги / лабазника (*Filipendula*) (37%), растения, произрастающего на приречных лугах и сырых опушках. Споровые представлены главным образом зелеными мхами (до 81%). Эта палинозона отражает резкие изменения в составе растительного покрова в окрестностях изученного разреза. Поскольку эта зона прослеживается только в данном разрезе, мы не можем говорить о том, были ли эти изменения локальными или имели более широкое распространение. Трудно судить и о происхождении данных вторичных лесов. Чаще всего подобная резкая смена коренных лесов на березовые с изменением соотношения между древесными породами и травянистыми растениями происходит при вырубке леса или после пожара. Кроме этого среди пыльцы злаков встречаются и крупные пыльцевые зерна культурных видов, что также свидетельствует о деятельности человека.

Шестая палинологическая зона (сосна, ель) выделяется в естественных разрезах 1 у селища Весь 1 (V спк) и 4 у Малодавыдовского городища (VII спк). Абсолютная датировка, полученная по гумусу из разреза 1 составила $1280 \pm 50BP$ ($738 \pm 56AD$) (Le-1280).

В общем составе вновь доминирует пыльца древесных пород (43–68%). Количество пыльцы травянистых растений снижается до 11–23%. На долю споровых приходится от 9 до 24%.

Состав древесных пород изменился по сравнению с предыдущим комплексом. Содержание пыльцы березы уменьшается до 2–6%. В то же время резко увеличивается содержание пыльцы сосны (44–53%) и ели, которая составляет 26–41%.

Среди травянистых растений в разрезе 1 преобладает пыльца злаков (53–70%), в том числе имеются и культурные формы; а в четвертом разрезе пыльца осок насчитывает 74%, что, скорее всего, является локальной особенностью этого разреза. Здесь пыльца осок преобладает во всех комплексах. Тем не менее и в первом разрезе она встречается довольно часто (15%).

Состав споровых разнообразен. Здесь встречаются споры зеленых и сфагновых мхов, хвощей, плаунов и папоротников семейства *Polypodiaceae*.

В условиях сравнительно более прохладного и влажного климата снова произошло восстановле-

ние лесных массивов, образованных сосной и елью с небольшим участием широколиственных пород. Однако по сравнению с предыдущими этапами соотношение лесообразующих пород изменилось. Так, ель становится только субдоминантом, а сосна делается основной лесообразующей породой и остается таковой и в последующие периоды.

Седьмая палинологическая зона (сосна, с участием ели) охарактеризована по двум комплексам (VI, VII) из естественного разреза 1 у селища Весь 1.

В общем составе этой палинозоны отмечаются резкие изменения. Начиная с этой зоны, в палинологических спектрах резко увеличивается роль пыльцы травянистых растений. В спектрах она составляет 50–69%, а количество пыльцы древесных пород уменьшается до 37%. 14% приходится на долю спор.

Вместе с тем состав древесных пород мало изменяется по сравнению с предыдущим комплексом. Отмечается только незначительное уменьшение количества пыльцы ели (до 25%) и увеличение до 10% пыльцы ольхи.

Состав травянистых растений существенно меняется. Количество пыльцы злаков снижается примерно до 30%, а доминировать начинает пыльца осок, составляя 38–50%. Также увеличивается содержание разнотравья, среди которого чаще всего встречается пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) и астровых (*Asteraceae*).

В составе споровых по-прежнему много зеленых мхов (35%), примерно в равных количествах (около 20%) встречаются споры сфагновых мхов, плаунов и папоротников семейства *Polypodiaceae*. 9% составляют споры хвощей.

В это время впервые на изученной территории фиксируется появление обширных открытых ландшафтов. Состав леса практически не меняется, отмечается только увеличение количества ольхи, что наряду с большим количеством осок может быть связано с увеличением увлажненности.

Восьмая палинологическая зона (береза, ольха) охарактеризована по разрезу на селище Весь 5 (I спорово-пыльцевой комплекс) (рис. 10). В образце помимо пыльцы и спор в большом количестве встречаются зола и угольки. Органических остатков не много, но среди них попадает древесина сосны и ели.

В общем составе преобладает пыльца древесных пород (41%). Часто встречаются споры (32%), а на долю травянистых растений приходится 27%.

Среди древесных пород господствует пыльца березы (*Betula*) (56%) и ольхи (*Alnus*) (25%). В небольших количествах встречается пыльца ели (*Picea*) (9%) и сосны (*Pinus*) (4%). Также отмечена пыльца ивы (*Salix*) (3%) и единично пыльца широколиственных пород, среди которых присутствует дуб (*Quercus*), вяз (*Ulmus*) и липа (*Tilia*).

Состав травянистых растений не отличается большим разнообразием. Основу составляет пыльца злаков (*Poaceae*) (21%), среди которых встреча-

но несколько крупных пыльцевых зерен культурных видов. Широко развито разнотравье, где преобладает пыльца семейства астровых (*Asteraceae*) (16%). Довольно часто встречается пыльца таволги (*Filipendula*) (9%). Кроме этого в значительном количестве отмечена пыльца полыней (*Artemisia*) (12%) и осок (*Cyperaceae*) (11%).

В группе споровых чаще всего встречаются споры зеленых мхов (*Bryales*) (44%) и папоротников семейства *Polypodiaceae* (39%). Также присутствуют споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (10%) и плаунов (*Lycopodium*) (7%).

Для данного этапа характерно более высокое содержание пыльцы древесных пород, особенно березы, чем это отмечалось в предыдущей зоне. Это может свидетельствовать о существовании вблизи поселения обширной вырубki или пожара, зарастающих вторичным березняком. О пожаре свидетельствует не только присутствие “пожарной травы” – иван-чая, но и большое количество кристалликов золы и угольков в образце. О нарушении естественного почвенного покрова говорит и большое количество зеленых мхов и полыней, которые одними из первых появляются на нарушенных субстратах. Возможно, что место было довольно влажным, поскольку наряду с березой здесь в больших количествах произрастала ольха, а из травянистых растений – осока и таволга. Присутствие ольхи может также свидетельствовать о начинающемся потеплении климата, тем более, что в следующих палинозолах в большем количестве появляются широколиственные породы.

Девятая палинологическая зона (береза, ольха с участием широколиственных пород) выделяется в том же разрезе (II спорово-пыльцевой комплекс). В образце помимо пыльцы и спор встречаются и другие органические остатки, а также угольки и зола.

В общем составе, по сравнению с предыдущим комплексом, содержание пыльцы древесных пород снижается, хотя и остается довольно высоким (35%). Количество спор также уменьшается, составляя всего 9%. В этом комплексе, как и во всех последующих, господствует пыльца травянистых растений, достигая 57%.

Среди древесных пород по-прежнему доминирует пыльца березы (*Betula*) (43%) и ольхи (*Alnus*) (29%). Помимо отдельных пыльцевых зерен в образце отмечены скопления пыльцы этих пород (рис. 11). Довольно часто встречается пыльца сосны (*Pinus sylvestris*) (9%) и широколиственных пород, которые представлены в основном липой (*Tilia*) (11%). Кроме этого в небольших количествах отмечена пыльца ели (*Picea*) (3%) и ивы (*Salix*) (4%).

Состав травянистых растений существенно меняется по сравнению с предыдущим комплексом. Для них характерно преобладание пыльцы разнотравья, главным образом семейством цикориевых (*Cichoriaceae*) и астровых (*Asteraceae*) (по 30%). Необходимо отметить присутствие пыльцы иван-чая

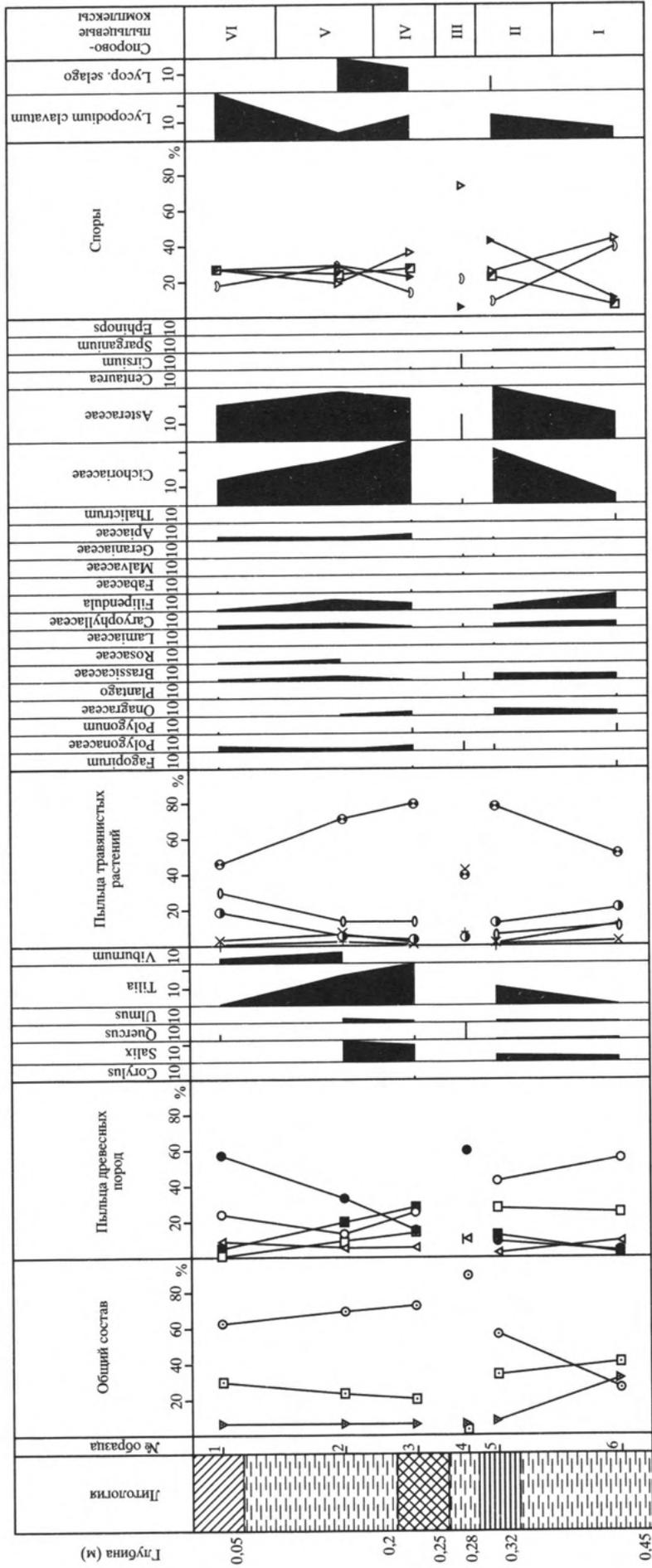

Рис. 10. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на селище Везь 5

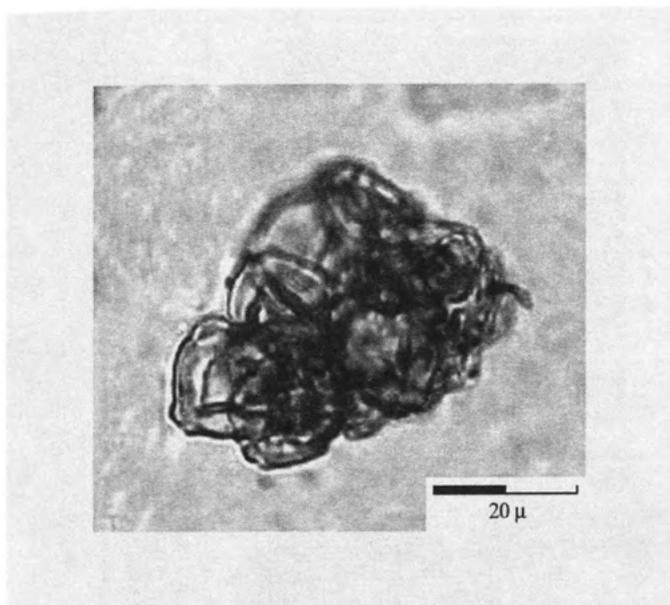

Рис. 11. Скопление пыльцы березы (*Betula*) в образце 5

(семейства кипрейных – *Onagraceae*) (4%), который часто произрастает на месте пожарищ и по вырубкам. 13% приходится на долю пыльцы злаков (*Poaceae*), среди которых имеются и крупные формы, возможно культурных видов. Довольно часто встречается пыльца осок (*Cyperaceae*) (6%), а вот пыльцы полыней (*Artemisia*) совсем мало (менее 1%).

В составе споровых преобладают сфагновые (43%) и зеленые (26%) мхи. Также встречаются споры плаунов (*Lycopodium*) и папоротников семейства *Polypodiaceae*.

Судя по составу спектров, в это время вблизи поселения продолжал существовать березовый лес, но его площадь сократилась и преобладали открытые пространства, занятые луговой растительностью, и в большей степени группировками, связанными с деятельностью человека. То есть различными представителями рудеральных сорняков из семейства астровых, цикориевых, кипрейных и др.

Десятая палинологическая зона (рудеральный комплекс с преобладанием маревых) также охарактеризован по разрезу на селище Везь 5 (III спорово-пыльцевой комплекс).

Эта зона коренным образом отличается от всех других зон. В общем составе безраздельно господствует пыльца травянистых растений, составляя 90%. 7% приходится на долю спор, а пыльца древесных пород насчитывает всего 4%.

Так как пыльца древесных пород встречается в очень небольшом количестве (всего 10 пыльцевых зерен), то говорить об их составе можно только условно. Больше всего было отмечено пыльцы сосны (*Pinus sylvestris*) (6 шт.), по одному зерну встретилось пыльцы ели (*Picea*), березы (*Betula*), ольхи (*Alnus*) и дуба (*Quercus*).

Состав травянистых растений можно охарактеризовать как буйство сорняков (рис. 12). 43% соста-

вляет пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (рис. 13), 8% – полыней (*Artemisia*). Часто встречается пыльца семейства астровых (*Asteraceae*) (23%), среди которых 8% приходится на долю пыльцы бодяка (*Cirsium*) (рис. 13). Кроме этого отмечена пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*), подорожника (*Plantago*), горца (*Polygonum*).

Среди споровых доминируют зеленые мхи (*Bryales*) (73%). 21% составляют споры папоротников сем. *Polypodiaceae* и 5% споры сфагновых мхов (*Sphagnum*).

Подобный состав спектров свидетельствует об очень серьезных нарушениях коренных сообществ и о преобладании синузий, связанных с деятельностью человека. Вероятно, лес, существовавший на предыдущем этапе, был вырублен, но участок никак не использовался и зарос сорняками.

Одиннадцатая палинологическая зона (широколиственные породы, береза, с участием сосны и ольхи) выделяется по IV спорово-пыльцевому комплексу из культурного слоя конца IX–X вв. на селище Везь 5. Помимо пыльцы и спор в образце встречено много других растительных остатков, в том числе древесных пород (ель), а также угольки.

В общем составе по-прежнему доминирует пыльца травянистых растений (72%), но по сравнению с предыдущим комплексом возрастает содержание пыльцы древесных пород, составляя 21%. На долю спор приходится 6%.

Среди древесных пород господствует пыльца широколиственных пород и березы (*Betula*) (примерно по 25%). Широколиственные породы представлены в основном пыльцой липы (*Tilia*) (24%). Единично присутствует пыльца вяза (*Ulmus*), дуба (*Quercus*) и лещины (*Corylus*). Часто встречается пыльца сосны (*Pinus*) (16%) и ольхи (*Alnus*) (14%), реже – пыльца ели (*Picea*) (6%).

В группе травянистых растений преобладает пыльца разнотравья, основу которого по-прежнему составляют сорные растения из семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (36%) и астровых (*Asteraceae*)

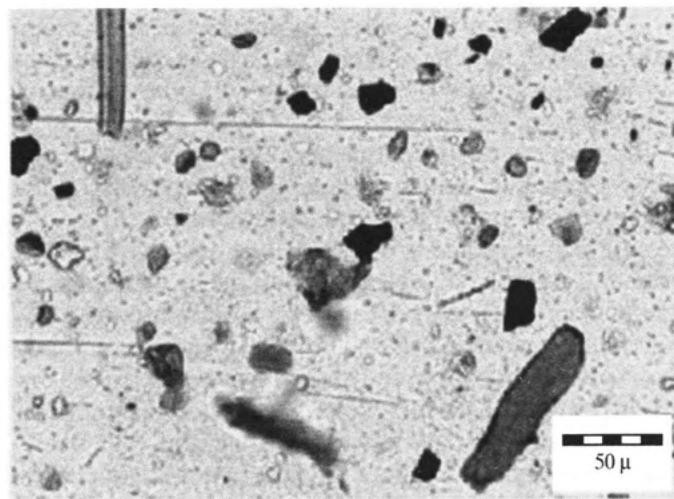
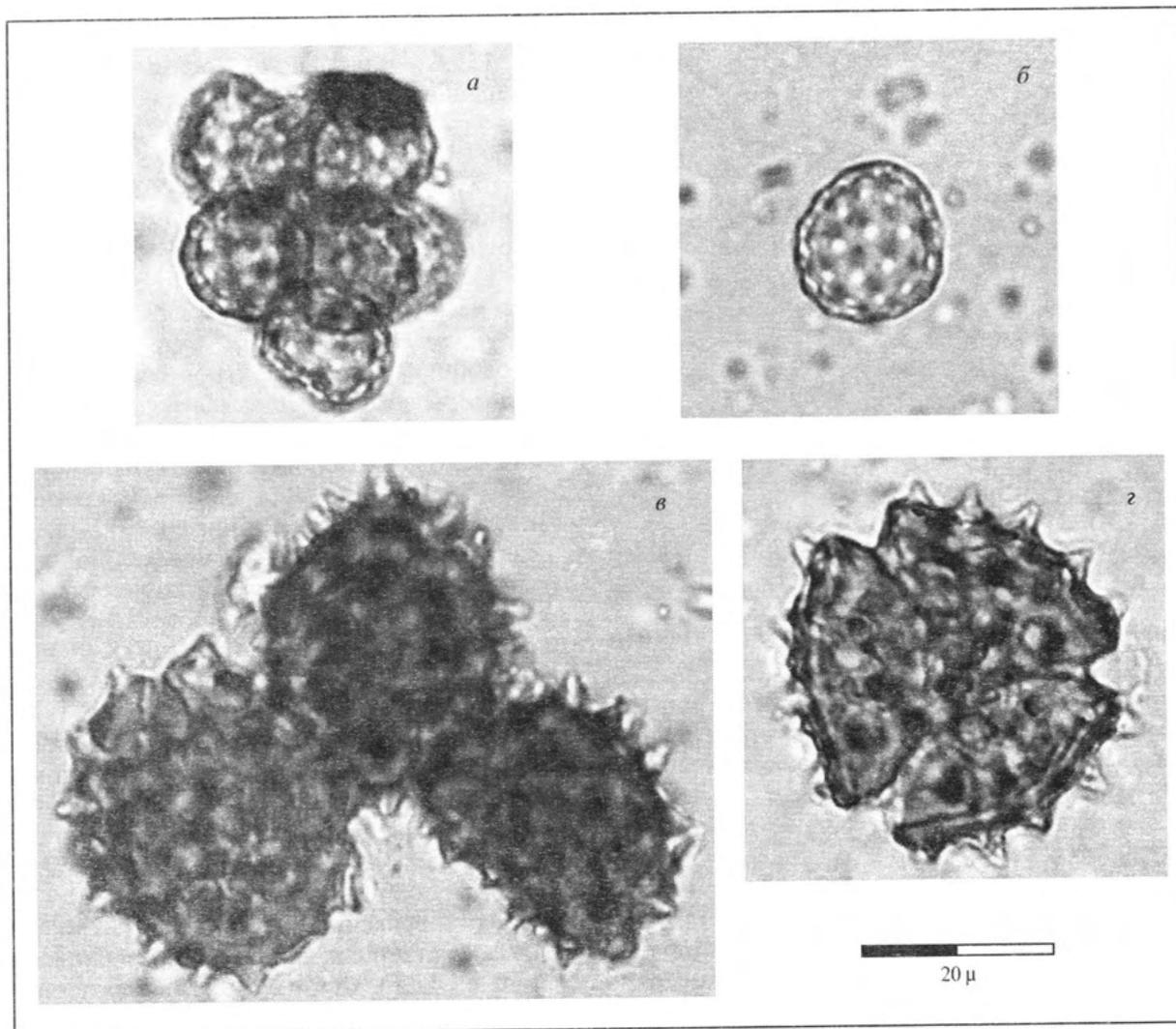

Рис. 12. Общий вид образца 4

Рис. 13. Микрофотографии пыльцы сорных растений

Семейство маревых (*Chenopodiaceae*): *a* – скопление пыльцы; *б* – отдельное пыльцевое зерно. Семейство астровых (*Asteraceae*) (бодяк – *Cirsium*): *в* – скопление пыльцы; *г* – отдельное пыльцевое зерно

(24%). Довольно часто встречается пыльца осок (*Cyperaceae*) (14%). Пыльцы злаков (*Poaceae*) мало, всего 3%. Среди нее встречаются как мелкие, так и крупные формы.

Состав споровых довольно разнообразен. Здесь встречаются споры зеленых (36%) и сфагновых (23%) мхов, плаунов (*Lycopodium*) (21%) и папоротников семейства *Polypodiaceae* (14%).

Данные спорово-пыльцевые спектры характеризуют теплые условия начала средневекового климатического оптимума. Около поселения по-прежнему господствовали открытые ландшафты, но в отличие от предыдущего этапа, когда лес практически отсутствовал, в это время в окрестностях поселения существовали небольшие участки широколиственных лесов, в состав которых также могла входить сосна. Отдельные липы скорее всего росли и в пределах самого селища. Возможно, что часть леса вырубалась, и появлялись вторичные березняки, о чем свидетельствует высокий процент участия пыльцы березы (25%).

Двенадцатая палинологическая зона (береза, сосна) прослеживается в разрезах на селищах Весь 1 (I, II спк) (рис. 14), Кибол 5 (I спк) (рис. 15) и в естественном разрезе у селища Троица-Берег 3 (I спк).

В общем составе во всех разрезах преобладает пыльца травянистых растений (до 60%). Пыльца древесных пород составляет 24–49%, споры – 5–15%.

В группе древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) (36–68%). На долю пыльцы сосны (*Pinus*) приходится от 20 до 38%. В очень малом количестве отмечена пыльца ольхи (*Alnus*), ели (*Picea*), липы (*Tilia*), дуба (*Quercus*).

Среди травянистых растений, чаще всего встречается пыльца разнотравья, среди которого господствует пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (до 30%) и астровых (*Asteraceae*) (около 20%). В составе астровых присутствует пыльца василька (*Centaurea*) и бодяка (*Cirsium*). Также встречается пыльца семейства гречишных (*Polygonaceae*) и подорожника (*Plantago*). Большинство этих

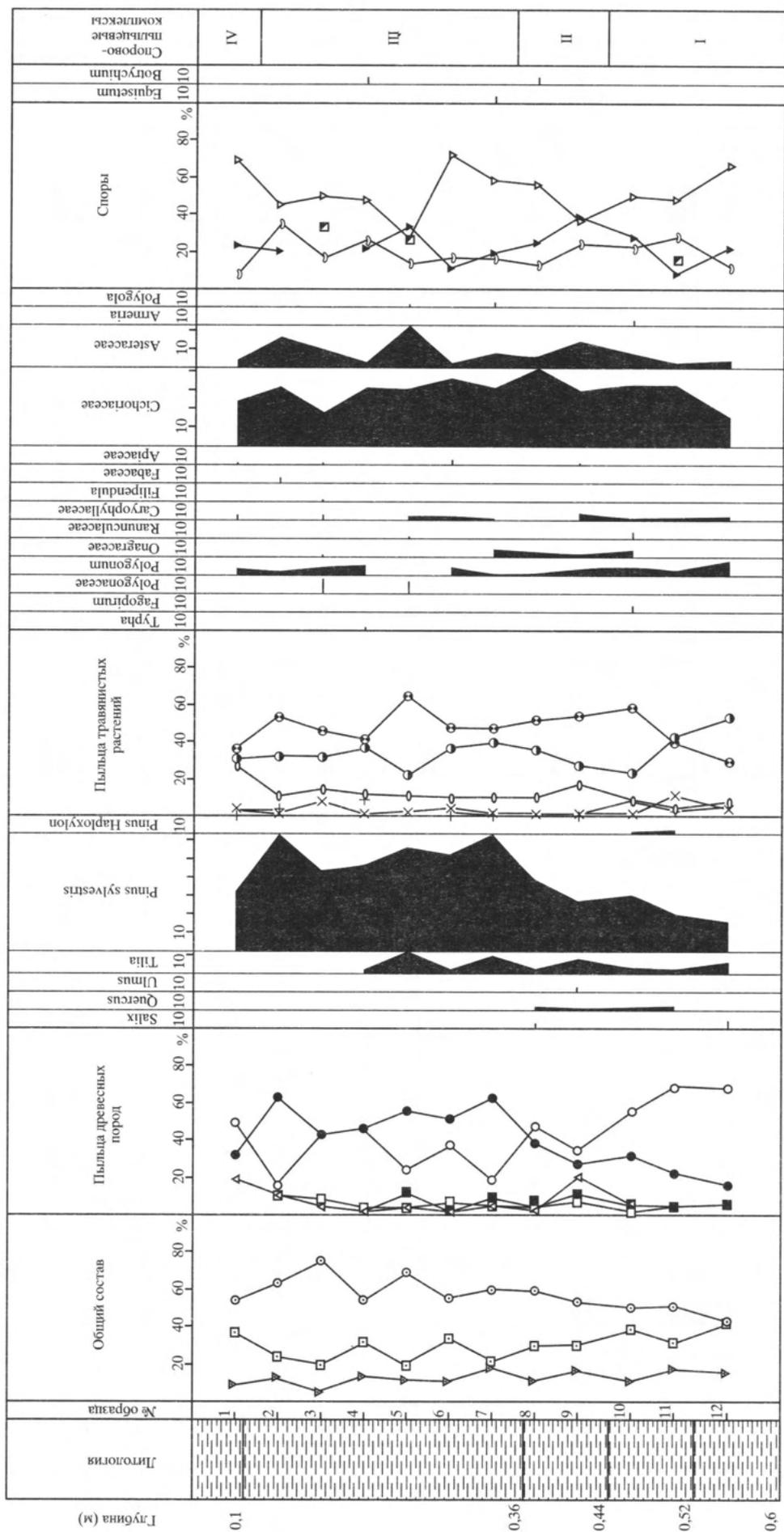

Рис. 14. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на селище Вась 1

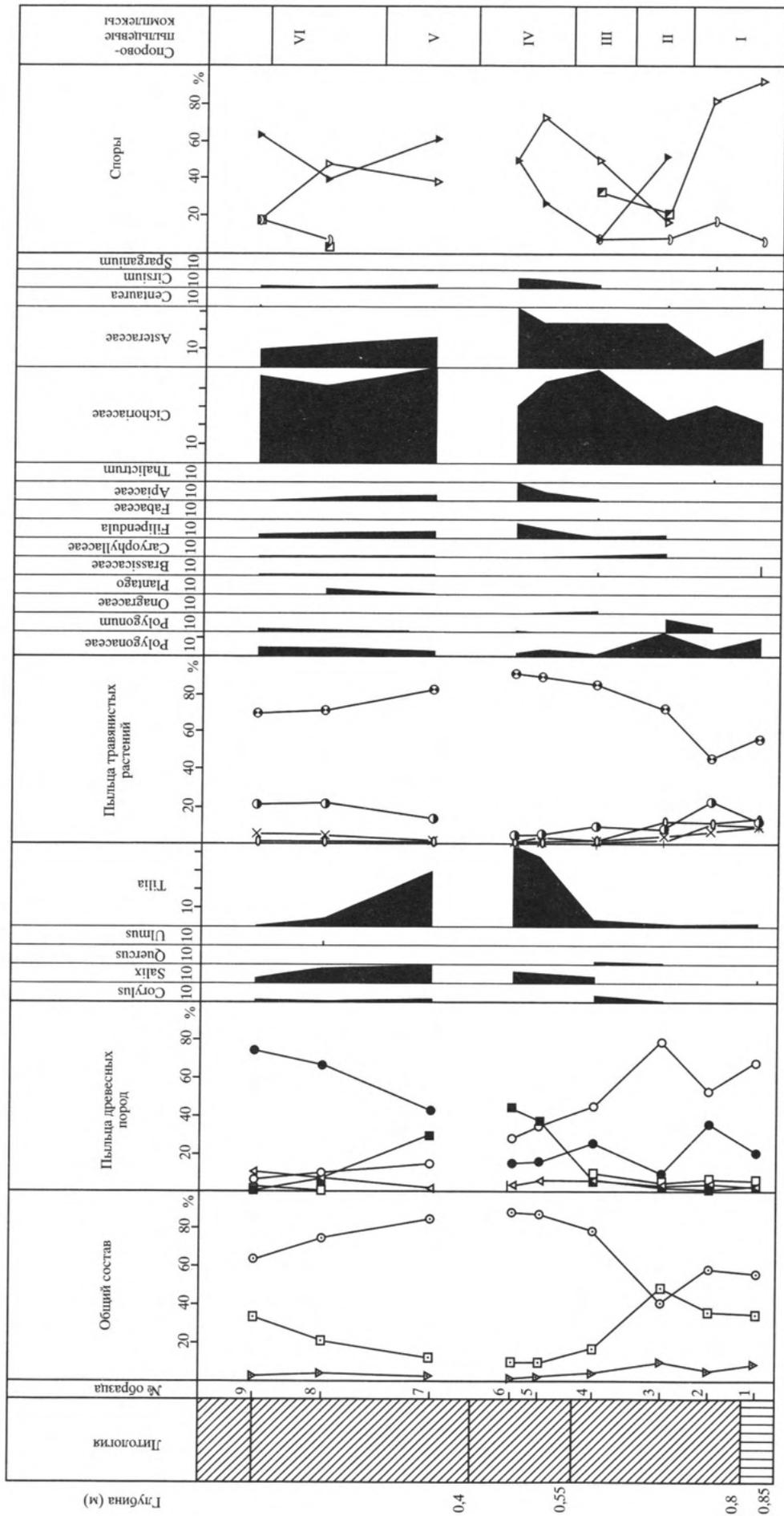

Рис. 15. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на селище Кибол 5

растений является сорняками, сопутствующими человеку. К таким же растениям относятся и многие представители семейства маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*), пыльца которых также присутствует в исследованных образцах. Отмечена пыльца злаков (*Poaceae*), среди которых преобладают дикорастущие виды, хотя встречаются и крупные пыльцевые зерна, возможно культурных видов.

Споровые растения представлены зелеными (*Bryales*) и сфагновыми (*Sphagnum*) мхами, плаунами (*Lycopodium clavatum*) и папоротниками семейства *Polypodiaceae*.

Основываясь на результатах наших исследований и данных археологии, этот этап можно датировать XI в., когда отмечалось незначительное похолодание климата. С этим возможно была связана и смена состава леса. Тем не менее, нельзя исключать и антропогенный фактор. Большое количество сорных растений, как рудеральных, так и пасквальных, свидетельствует о том, что этот этап был связан с присутствием человека на данной территории. В это время преобладали полуоткрытые пространства, которые были заняты лугами, частично пашней и березовыми перелесками. Кое-где сохранились и небольшие массивы сосновых лесов с примесью ели и широколиственных пород.

Тринадцатая палинологическая зона (широколиственные породы, береза, ольха, сосна) описана по разрезам на селищах Вишенки 3 (I спк) (рис. 16), Кистыш 3 (I спк) (рис. 17), Кибол 5 (II спк) и естественному разрезу 2 у селища Весь 5 (I-III спк) (рис. 18).

В общем составе спектров, полученных по разрезам, на поселениях преобладает пыльца травянистых растений, достигая своих максимальных значений (75–89%). Пыльца древесных пород составляет около 10%. В то же время в спектрах естественного разреза 2 у селища Весь 5 доминирует пыльца древесных пород (до 80%).

Состав древесных пород несколько отличается по разрезам в зависимости от локальных условий. Основную роль играет пыльца широколиственных пород, главным образом липы (около 40%). Реже встречается пыльца березы и сосны.

Среди травянистых растений безраздельно господствует пыльца разнотравья. Чаще всего здесь отмечается пыльца семейства цикориевых (31–44%) и астровых (24–32%). Из сорных растений также присутствует пыльца семейства гречишных, кипрейных, полыней и маревых. Из лугового разнотравья отмечена пыльца семейства зонтичных, гвоздичных, таволги, василистника. Содержание пыльцы злаков сильно отличается по разрезам. Больше всего ее на поселениях Вишенки, Кистыш и в естественном разрезе у селища Весь 5 (20–36%), а на поселении Кибол 5 всего 5%. Среди злаков присутствуют как дикорастущие, так и культурные виды.

Споровые представлены зелеными и сфагновыми мхами.

Данный этап относится к одному из наиболее теплых периодов Средневековья – средневековому оптимуму, пик которого приходился на XII в.

Судя по составу спектров, около поселений в это время господствовали открытые пространства. Большое количество сорных растений свидетельствует о сильной нарушенности естественных ландшафтов. Небольшие площади занимали злаково-разнотравные луга, на более влажных участках произрастали таволга, осока. Вероятно, что пахотные угодья тоже имели место, причем у селищ Кистыш 3 и Вишенки 3 они занимали большие площади, чем в Киболе 5. Большое количество пыльцы липы в естественном разрезе 2 у поселения Весь 5 свидетельствует о существовании в его окрестностях обширного лесного массива, в состав которого помимо липы также входили ольха, сосна, ель, береза.

Что касается селищ Кибол 5, Кистыш 3 и Вишенки 3, то здесь лесные участки или были расположены довольно далеко, или были небольшими по площади, но и в них помимо сосны и березы росло много липы, присутствовала ольха. Хотелось бы отметить, что пыльца липы в больших количествах часто присутствовала в образцах на многих археологических памятниках XII в. Несмотря на то что в целом пыльцы древесных пород на поселениях немного, процент липы остается довольно высоким. Возможно, это объясняется тем, что липу старались не вырубать в больших количествах и давали возобновляться древостою, поскольку эта порода широко использовалась в хозяйстве.

Четырнадцатая палинологическая зона (сосна с участием широколиственных пород) выделяется по разрезам на селищах Весь 1 (III спк), Весь 5 (V спк), Кибол 3 (III спк) и естественному разрезу 2 у селища Весь 5 (IV спк).

В общем составе в палинологических спектрах всех разрезов доминирует пыльца травянистых растений (60–80%), пыльцы древесных пород насчитывает от 10% до 35%.

Состав древесных пород существенно меняется по сравнению с предыдущей зоной. Здесь преобладает пыльца сосны (*Pinus*) (45–64%). Довольно часто встречается пыльца ели (*Picea*) (12–17%), ольхи (*Alnus*) (12–15%) и широколиственных пород (до 30%).

Среди травянистых растений по-прежнему чаще всего встречается пыльца разнотравья, в том числе и сорного, представленного в основном пылью семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) и астровых (*Asteraceae*). Также отмечена пыльца осок (*Cyperaceae*) и злаков (*Poaceae*) как дикорастущих, так и культурных видов.

В составе споровых преобладают зеленые мхи (*Bryales*) и папоротники семейства *Polypodiaceae*.

Изменения в составе древесных пород фиксируют начавшееся похолодание климата. На данном этапе они, вероятно, не были значительны, поскольку в составе сосновых лесов еще оставалось

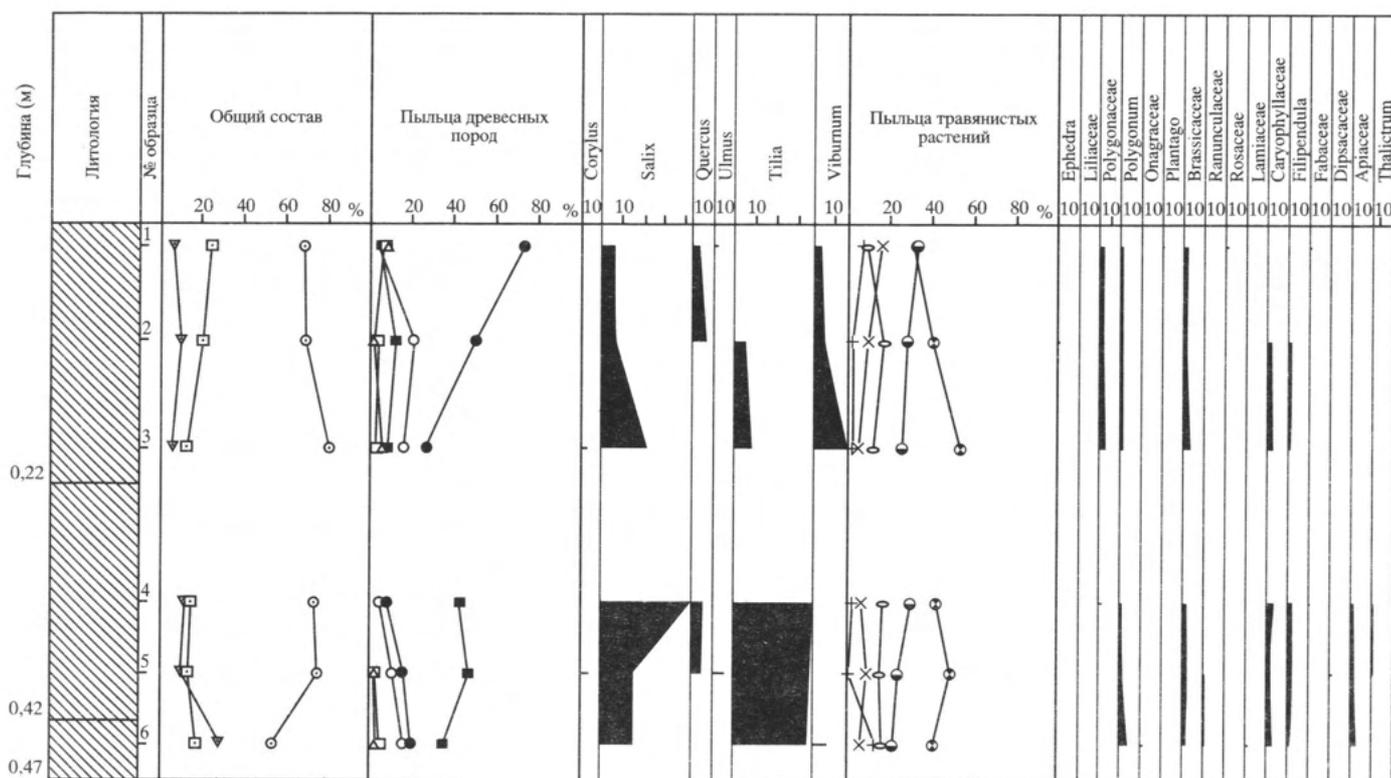

Рис. 16. Спорво-пыльцевая диаграмма по разрезу на селище Вишенки 3

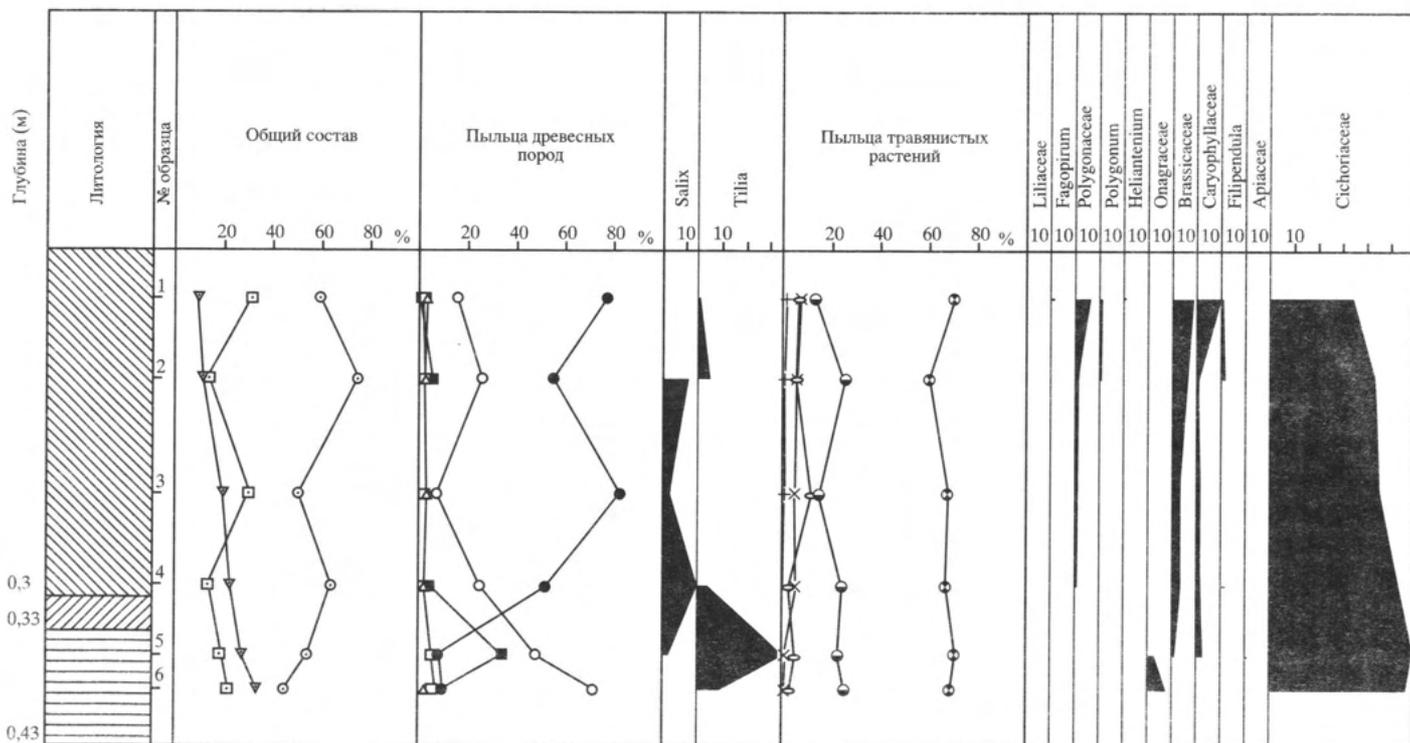
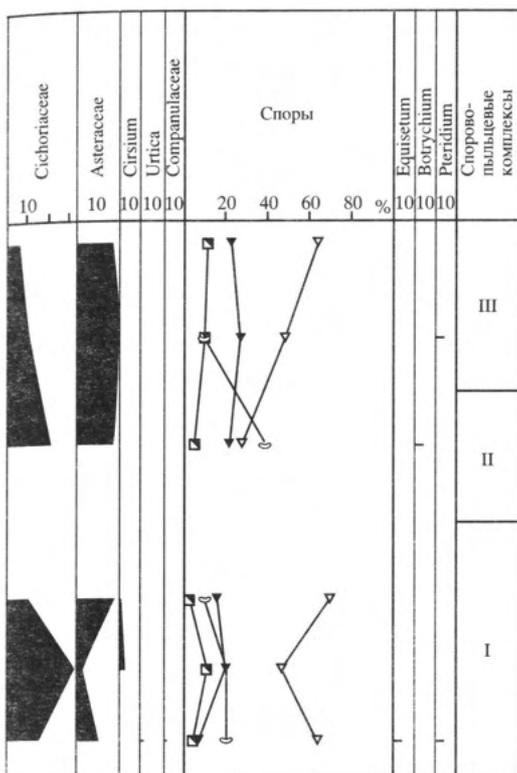

Рис. 17. Спорво-пыльцевая диаграмма по разрезу на селище Кистыш 3

довольно много липы. Площади лесов по-прежнему были незначительны, открытые пространства занимали луга и пашни, а на низкой пойме были широко развиты осочники, местами произрастали ольха и ива.

Пятнадцатая палинологическая зона (сосна, береза) прослеживается по разрезам на селищах Вель 5 (VI спк), Вишенки 3 (II, III спк), Кистыш 3 (II спк), Кибол 5 (IV спк) и в естественном разрезе 1 у селища Вель 1 (VIII спк).

сосны. Вместо пыльцы широколиственных пород в спектрах этой зоны часто встречается пыльца березы, хотя в небольшом количестве присутствует пыльца липы.

В составе травянистых растений по-прежнему превалирует пыльца разнотравья, которое представлено главным образом пылью семейств цикориевых (41–51%) и астровых (10–17%). Среди астровых отмечена пыльца василька и бодяка. Помимо этого среди разнотравья встречается пыльца семейств гречишных, кипрейных, крестоцветных, гвоздичных, зонтичных, а также подорожника, таволги. Больше становится пыльцы злаков (до 20%), встречаются и крупные пыльцевые зерна культурных видов, иногда в скоплениях.

В группе споровых преобладают сфагновые и зеленые мхи. Также присутствуют споры папоротников семейства *Polyodiaceae* и плаунов.

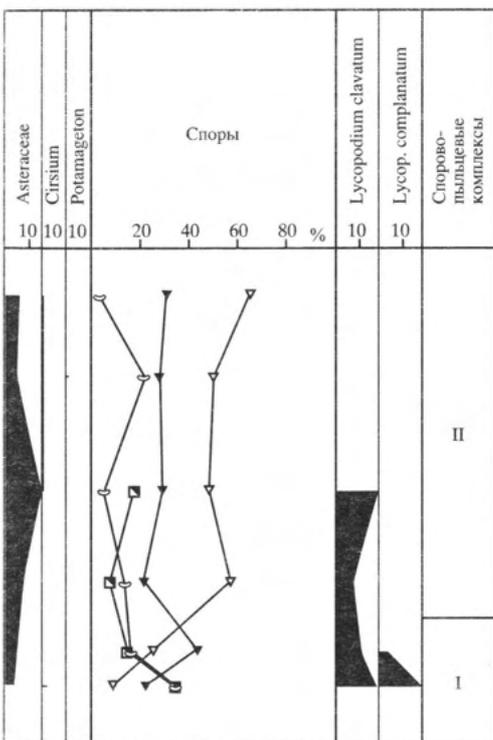
В это время в окрестностях селищ по-прежнему преобладали открытые пространства, занятые злаково-разнотравными лугами. Судя по увеличению количества пыльцы культурных злаков и наличию сеgetальных растений (василек), можно говорить и о некотором увеличении посевных площадей. На самих селищах и вблизи них произрастало большое количество рудеральных растений из семейств цикориевых, астровых, а также лебеда, подорожник, горец и др. На более низких и влажных участках поймы росли таволга, осока.

По-прежнему сохраняются и небольшие лесные перелески, площади которых, немного увеличились, изменился их состав. Это были сосновые боры, в которых помимо сосны в небольшом количестве присутствовали береза, ель, а из широколиственных пород в основном липа. Возможно, что береза образовывала и самостоятельные вторичные леса по вырубкам, пустошам или пожарищам. По берегам рек чаще росли ольха и ива. Начавшееся на предыдущем этапе похолодание климата продолжилось, что отразилось главным образом на составе лесов, и в первую очередь на участии в них широколиственных пород.

Шестнадцатая палинологическая зона (сосна, ель, береза) охарактеризована по разрезам на селище Везь 1 (IV спк), естественному разрезу 1 (IX спк) у этого же селища и естественному разрезу 3 у селища Троица-Берег 3 (II–IV спк) (рис. 19). По этому разрезу на уровне II и III комплекса получены абсолютные датировки, которые составляют $1329 \pm 44 \text{AD}$, $1475 \pm 21 \text{AD}$, $1544 \pm 61 \text{AD}$.

В общем составе палинологических спектров из естественных разрезов отмечается увеличение пыльцы древесных пород, количество которой доходит до 70%. В то же время на селище Везь 1 пыльца травянистых растений продолжает доминировать, но и здесь прослеживается увеличение содержания пыльцы древесных пород почти до 40%.

В составе древесных пород, помимо большого количества пыльцы сосны (50–80%), встречается много ели (до 30%) и березы. Последней особенно

В общем составе на фоне по-прежнему высокого содержания пыльцы травянистых растений отмечается некоторое увеличение количества пыльцы древесных пород, среди которых, как и в предыдущей палинозоне, доминирует пыльца

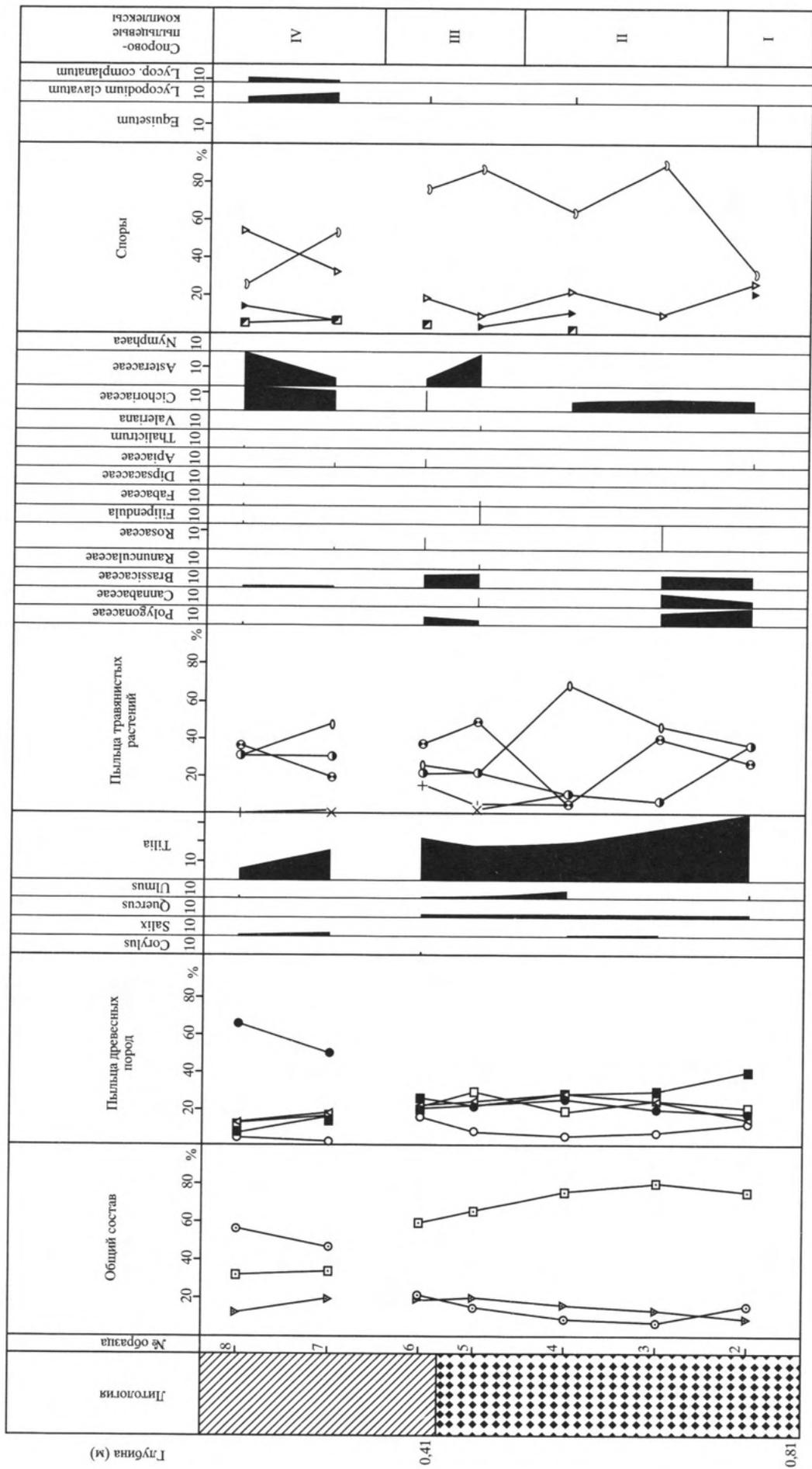

Рис. 18. Спорно-пыльцевая диаграмма по естественному разрезу 2 у селца Весь 5

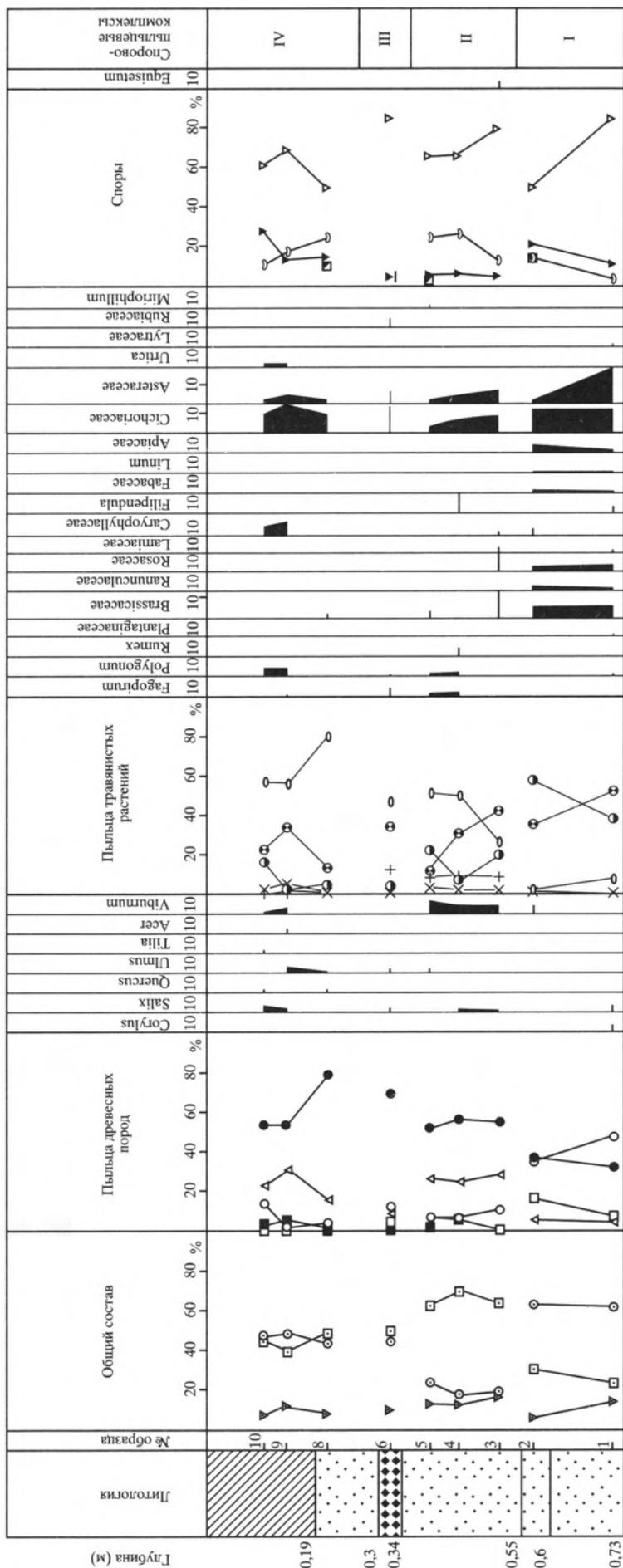

Рис. 19. Спорово-пыльцевая диаграмма по естественному разрезу у селища Троица-Берег 3

много в спектрах на селище Весь 1 (49%), что скорее всего связано с вырубкой сосны в районе селища и формированием вторичных березовых лесов.

Среди пыльцы травянистых растений по-прежнему много пыльцы разнотравья, главным образом за счет большого количества пыльцы семейства цикориевых (33–49%). Часто встречается пыльца злаков, как дикорастущих, так и культурных видов.

Судя по палинологическим данным и радиоуглеродным датировкам, эта палинозона соответствует достаточно продолжительному промежутку времени, связанному с малым ледниковым периодом. В это время на изученной территории отмечалось увеличение массивов хвойных елово-сосновых лесов.

Леса появились даже вблизи селища Весь 1, где наряду с коренными лесами произрастали и вторичные березовые. Тем не менее, вокруг селища продолжали преобладать открытые пространства, занятые лугами и пашнями. Расширились участки, занятые осочниками, что связано с похолоданием и увеличением увлажненности.

Изменения природной среды и влияние на нее человека в процессе освоения Ополя

Анализируя полученные палеоботанические материалы, можно не только проследить особенности динамики климата на исследуемой территории с конца железного века и в Средневековье, но и установить характер изменений растительного покрова Суздальского Ополя и выявить определенные закономерности формирования его структуры в зависимости от геоморфологического положения местности.

Как показали наши исследования, на протяжении изученного отрезка железного века на исследованной территории существовал естественный растительный покров, который сохранялся вплоть до IX–X вв. В это время здесь произрастали обширные лесные массивы. Таким образом, несмотря на то что современное ополье рассматривается как “остров доисторической лесостепи” (Танфильев, 1986; Берг, 1947), существовали периоды, когда эта территория была покрыта сомкнутыми лесами смешанных и таежных формаций. По мнению указанных выше исследователей, “доисторические лесостепи” были вытеснены широколиственными лесами. Вероятно, так оно и было, но после этого климат неоднократно менялся, а следовательно, менялся и характер лесов, и к моменту их сведения человеком в IX в. на изученной территории существовали обширные лесные массивы, представленные в более теплые периоды смешанными широколиственно-еловыми лесами, а в более холодные – сосново-еловыми и елово-сосновыми лесами. К сожалению, мы не располагаем материалами, которые позволили бы проследить смену расти-

тельности, начиная с момента существования “доисторической лесостепи” до вторичного возникновения ополей в IX–X вв.

Присутствие человека на правобережье Нерли и ее притоках и на водораздельных участках, документированное находками сетчатой керамики в турбированном культурном слое и стратифицированных культурных отложениях железного века на Малодавыдовском городище и селище Кибол 11, практически не отражено в палинологических спектрах. Это может быть объяснено либо небольшими масштабами освоения территорий, либо более ранним временем жизни поселений с сетчатой керамикой, прекративших свое существование к началу I тыс. н.э.

Изменения в составе растительного покрова, выразившиеся, в частности, в уменьшении облесенности и появлении вторичных лесов и культурных злаков впервые отмечены в горизонте, время формирования которого, судя по радиоуглеродным датам, – VII в. К сожалению, палинозона этого времени зафиксирована пока лишь в одном разрезе, и общий характер изменения растительности во второй половине I тыс. реконструируется недостаточно подробно. Существенно однако, что немногочисленные датированные материалы, собранные на селищах с лепной керамикой в Суздальском Ополе, позволяют определить начальный период их существования как VI–VII вв.

Начиная с IX–X вв., а возможно и чуть раньше, в окрестностях селищ прослеживается сокращение площадей, занятых лесом. Им на смену приходят открытые пространства, занятые пустошами на месте вырубок, луговой растительностью и пашнями. Вблизи селищ и на их территории широкое развитие получает рудеральная растительность. Это – подорожник, горец, лебеда, крапива, полынь, иван-чай, различные сорные виды из семейств цикориевых и астровых. В посевах встречаются пасквальные сорняки – василек, горец, и др. О существовании земледелия говорит наличие не только пашенных сорняков, но и пыльцы культурных злаков, которые иногда встречаются в скоплениях.

Очень наглядно процесс антропогенного воздействия на ландшафт прослеживается на спорово-пыльцевой диаграмме разреза на селище Весь 5 (см. рис. 10; табл.). Здесь еще ниже уровня залегания культурного слоя IX–X вв. по комплексу I отмечается изменение состава леса – преобладание вторичных березовых лесов и ольхи. В дальнейшем происходит сокращение даже этих лесов (комплекс II), и, наконец, в III комплексе фиксируется почти полная деградация естественной растительности и существование пустоши, когда в спектрах господствует только сорная растительность. Эти изменения точно согласуются с археологической картиной освоения участка коренной террасы левого берега Ирмеса, где находится селище Весь 5: первоначальным возникновением поселения в IX – начале X в., активным функционированием

его вплоть до конца X в., когда поселок был перенесен на противоположный берег р. Ирмеса, а место первого поселения использовалось сначала под пашню (рис. 7; XXXVII), а затем для размещения грунтового могильника.

По данным, полученным по большинству разрезов, в XII в., когда климат был наиболее теплый, в районе исследований преобладали открытые ландшафты. В то же время в пределах речных долин произрастали широколиственные леса с участием липы, дуба и вяза, при высоком значении ольхи (Весь 5, естественный разрез 2). Период XII в. характеризовался полной перестройкой в составе леса. По существу произошло смещение ландшафтной зоны смешанных лесов к северу и установление здесь зоны широколиственных лесов и лесостепи.

Причиной сокращения лесов, помимо потепления климата, была активная хозяйственная деятельность человека. К такому выводу нас приводит тот факт, что процесс освоения территории хорошо отражается в спорово-пыльцевых спектрах изученных селищ. В первую очередь происходит резкое сокращение количества пыльцы древесных пород и увеличение среди них пыльцы березы, что свидетельствует о появлении в это время вторичных березовых лесов, которые произрастали на месте вырубленных ранее коренных основных или смешанных лесов. О нарушении естественного почвенного покрова говорит и большое количество сорняков: полыней, иван-чая, которые одними из первых появляются на нарушенных субстратах. О присутствии человека говорит наличие и других сорных растений, а о пожарах разного происхождения свидетельствует не только появление иван-чая, но и наличие большого количества золы и угольков в изученных образцах. Эти данные вполне согласуются с археологическими свидетельствами об освоении Ополя в XII – первой половине XIII в., согласно которым именно этот период стал временем наиболее интенсивной сельской колонизации, когда сеть поселений стала наиболее густой, распространившись на водоразделы и соседствующие с Ополем участки левобережья р. Нерли, а площади поселений достигли максимальных величин.

По данным палинологического анализа, во второй половине XIII в. наблюдается увеличение лесных массивов, где помимо широколиственных пород заметно возросла роль сосны, хотя открытость ландшафта сохраняется. Продвижение сосны в пределы исследованной территории скорее всего можно связать с похолоданием климата. В палинологических спектрах XV в. помимо пыльцы сосны появляется ель, составляя более 20% от суммы пыльцы древесных пород. В это время в естественных разрезах пыльца древесных пород начинает господствовать в общем составе, при все еще высокой роли травянистых растений. Рост заболочивания и наступление хвойных лесов особенно отчетливо выражены в пыльцевых спектрах из разреза у селища Троица-Берег 3 (Исады) на левобережье

Нерли. В то же время, по данным разреза на селище Весь 1, в районе поселения открытые пространства продолжают занимать обширные территории. В целом к концу XV в. на изученной территории сформировался ландшафт сельскохозяйственных полей и фрагментов в основном вторичных лесов.

Как показывают археологические материалы, сеть расселения, сложившаяся в Суздальском Ополе в XII – первой половине XIII в., в последующий период не претерпела радикальных трансформаций, а большинство крупных сел, возникших в домонгольское время, продолжало свое существование во второй половине XIII–XV вв. Наименее устойчивыми оказались поселения на водораздельных участках между Каменкой и Ирмесом и на коренной террасе левого берега р. Нерли. Большая часть их запустела во второй половине XIII в. Палеоботанические материалы из разреза у поселения Троица-Берег 3, прекратившего существование в этот период, показывают, что именно климатические изменения могли быть основным фактором, дестабилизировавшим расселение. Однако в целом изменения в Суздальском Ополе в этот период были не столь значительны, как во многих других районах Северо-Восточной Руси, где местоположение поселений изменилось, а на многих староосвоенных участках восстановились коренные леса. Напомним, что появление в источниках географического термина “ополье” относится именно к концу XV в.

Таким образом, открытый ландшафт Суздальского Ополя представляет собой вторичное образование, сложившееся в результате средневековой колонизации территорий, занятых лесом и остававшихся незаселенными или слабозаселенными во второй четверти – середине I тыс. н.э. Высказывавшееся историками предположение о безлесности этой территории как о факторе, обусловившем особую привлекательность Суздальской земли для земледельческого освоения, не подтверждается палинологическими материалами, как не находит подтверждения и высказанное географами мнение о формировании ополей под воздействием человека в XIII–XV вв. (Ахромеев, 2000). Как показали наши исследования, активное преобразование ландшафтов началось значительно раньше. Вероятно, первые расчистки леса в Средневековье были здесь произведены мерянским населением в VII в. С IX–X вв. человек становится непосредственной силой, приводящей к смене ландшафтов.

Уже в это время ландшафт территории включал коренные и природно-антропогенные группы растительных сообществ, соотношение которых менялось во времени и в большой степени определялось деятельностью человека. Открытый ландшафт окончательно сформировался в XII в., в период массовой древнерусской колонизации, в условиях потепления климата, способствовавшего, как и в других регионах Руси, земледельческой экспансии на север.

Как показали результаты изучения современных поверхностных проб, отобранных в различных растительных формациях, в настоящее время трансформация природного комплекса по существу достигла своего максимума. Так, не зависимо от места отбора проб: в сосновом, сосново-березовом лесу, на опушке, на лугу или пашне – во всех палинологических спектрах отмечается большое количество пыльцы березы и сорных растений, свидетельствующее о высокой роли вторичных природно-антропогенных сообществ, которые затушевывают роль коренных группировок. Флористически богатый многоярусный растительный покров Суздальского Ополя трансформировался и упрощался.

Проделанная работа позволила установить роль коренных формаций ополя в течение различных этапов Средневековья, определить антропогенную составляющую ландшафтов, а также проследить постепенную смену ландшафтных зон исследованной территории в Средневековье. Задача дальнейших исследований – более подробное изучение изменения растительного покрова во второй половине I тыс. н.э., уточнение характера антропогенного воздействия на природную среду в период, непосредственно предшествующий славянской колонизации и соответствующий начальным ее этапам.

Литература

- Алифанов В.М., 1995. Палеокриогенез и современное почвообразование. Пущино.
- Алифанов В.М., Гугалинская Л.А., Иванникова Л.А., Овчинников А.Ю., 2006. Почвенно-экологическая характеристика средневековых археологических стоянок Суздальского Ополя // Экология и почвы. Пущино. Т. V.
- Ахромеев Л.М., 1986. География и ландшафтные особенности ополей Центральной России // Природное районирование и проблемы охраны природы. Уфа.
- Ахромеев Л.М., 2000. История изучения ополей Центральной России: ландшафтный аспект // Вестник Воронежского университета. № 1.
- Берг Л.С., 1947. Географические (ландшафтные) зоны Советского Союза. М.
- Гричук В.П., 1950. Пыльцевой анализ.
- Климанов В.А. Геохронология и корреляция климатических показателей Северной Европы за последние 13 000 лет // Геохронология четвертичного периода. Таллин, 1989.
- Климатические ресурсы центральных областей европейской части СССР и использование их в сельскохозяйственном производстве. Л., 1956.
- Кононова М.Д., Спиридонова Е.А., Алешина А.С., 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всерос. палинологической конф. "Палинология: теория и практика". М.
- Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси. М. Т. I: XII столетие.
- Гороховский Н.Л., 1982. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. Вып. 94.
- Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.
- Лапшин В.А., 1989. Раскопки селища Кибол I под Суздаlem в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14820.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предистории Северо-Восточной Руси. М.
- Любавский М.К., 1996. Обзор истории русской колонизации. М.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополе // РА. № 1.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Макеев А.О., Дубровина И.В., 1990. География, генезис и эволюция почв Владимирского Ополя // Почвоведение. № 7.
- Мильков Ф.Н., 1964. О природе ополей на Русской равнине // Вопросы регионального ландшафтоведения и геоморфологии СССР: Географический сб. Львов. Вып. 8.
- Обломский А.М., 2002. Днепровское лесостепное левобережье в позднемеримское и гуннское время. М.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.
- Танфильев Г.И., 1896. Доисторические степи Европейской России // Землеведение. М. Кн. II.
- Трифонова Т.А., Романов В.В., 2000. Почвенно-ландшафтное районирование Владимирского Ополя // Почвоведение. № 9.

Заселение водоразделов в Суздальском Ополье (по материалам исследований последних лет)

В 2001–2006 гг. Суздальской археологической экспедицией ИА РАН проводились исследования с целью изучения средневекового расселения и культурного ландшафта на части территории, представляющей собой исторический центр Суздальской земли. В процессе работ был обследован небольшой участок площадью около 160 кв. км, располагавшийся по обоим берегам р. Нерли и в междуречье ее правых притоков – р. Ирмеса и Каменки, размещающийся в основном к северу – северо-западу от г. Суздаля. В результате этих работ было открыто и обследовано 140 средневековых поселений и местонахождений второй половины I – первой половины II тыс. н.э. (Макаров, Леонтьев и др., 2004; 2005; Макаров, Шполянский и др., 2005; Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005) (рис. XXXVIII)*.

Одним из наиболее значимых результатов исследований стало получение представительных мате-

риалов, документирующих чрезвычайно плотное освоение земель Ополья, выраженное в формировании развитой многоуровневой структуры расселения. Наличие развитой плотной сети расселения в Ополье и высокая средняя дворность поселений Суздальского уезда, по сравнению с другими территориями средневековой Руси, отмечались исследователями и раньше (Дегтярев, 1980. С.102). Проведенные археологические исследования позволили в полной мере представить особенности формирования сети сельских поселений Суздальской округи и в первом приближении наметить динамику ее развития в Средневековье.

Среди характерных особенностей освоения территории Ополья в древнерусское время оказалось наличие развитой сети поселений на водоразделах, вдали от основных водных артерий региона. Как показывают археологические исследования последнего времени, выход поселений на водоразде-

* См. карту на цветной вклейке: 1 – селище Кистыш 3; 2 – местонахождение Кистыш 5; 3 – селище Кистыш 7; 4 – селище Кистыш 4; 5 – селище Кистыш 6; 6 – селище Кистыш 8; 7 – селище Кистыш 2; 8 – селище Кистыш 1; 9 – селище Весь 1; 10 – селище Весь 6; 11 – селище Весь 2; 12 – селище Весь 5; 13 – селище Весь 3; 14 – селище Романово 2; 15 – селище Романово 1; 16 – селище Меньчаково 1; 17 – селище Омутское 4; 18 – селище Омутское 1, 3, 2; 19 – селище Пантелиха 2; 20 – селище Пантелиха 1; 21 – селище Турово 1; 22 – селище Турово 2; 23 – селище Глазово 1; 24 – селище Вишенки 1; 25 – селище Вишенки 2; 26 – селище Вишенки 3; 27 – селище Вишенки 4; 28 – селище Поганое 2; 29 – селище Поганое 1; 30 – селище Троица-Берег 4; 31 – селище Троица-Берег 3; 32 – селище Погост-Быково 1; 33 – селище Погост-Быково 3; 34 – селище Погост-Быково 2; 35 – селище Янево 5; 36 – селище Янево 4; 37 – селище Янево 3; 38 – селище Янево 6; 39 – селище Янево 2; 40 – селище Кибол 6; 41 – селище Кибол 2; 42 – селище Кибол 4; 43 – селище Кибол 3; 44 – селище Кибол 5; 45 – селище Кибол 1; 46 – местонахождение Кибол 8; 47 – селище Кибол 7; 48 – селище Кибол 1а; 49 – селище Сельцо 4; 50 – селище Сельцо; 51 – селище Троица-Берег 2; 52 – селище Троица-Берег 1; 53 – селище Красное 3; 54 – селище Красное 2; 55 – селище Красное 1; 56 – селище Красное 4; 57 – селище Кидекша 1; 58 – селище Новоселка 1; 59 – селище Березницы 1; 60 – селище Весь 7; 61 – селище Вишенки 5; 62 – селище Вишенки 6; 63 – селище Вишенки 6а; 64 – селище Кибол 9; 65 – селище Кибол 10; 66 – селище Кибол 11; 67 – селище Кибол 11а; 68 – селище Кибол 12; 69 – селище Кистыш 9; 70 – селище Крапивье 1; 71 – селище Крапивье 2; 72 – селище Крапивье 3; 73 – селище Крапивье 4; 74 – селище Крапивье 5; 75 – селище Новоселка 2; 76 – селище Новоселка 3; 77 – место-

нахождение Новоселка 4; 78 – поселение Пантелиха 3; 79 – селище Янево 7; 80 – селище Янево 8; 81 – селище Абакумлево 1; 82 – селище Абакумлево 2; 83 – селище Б. Давыдовское 5; 84 – селище Б. Давыдовское 2; 85 – селище Б. Давыдовское 3; 86 – селище Б. Давыдовское 4; 87 – селище Глебовское 1; 88 – селище Глебовское 2; 89 – селище Глебовское 3; 90 – нахождение Глебовское 4; 91 – селище Глебовское 5; 92 – селище Иваново 1 (Жосеево); 93 – селище Иваново 2; 94 – селище Кистыш 10; 95 – селище Сельцо 6; 96 – селище Хламово 1; 97 – селище Хламово 2; 98 – селище Хламово; 99 – селище Шекшово 2; 100 – селище Шекшово 3; 101 – селище Б. Давыдовское 6; 102 – селище Б. Давыдовское 6а; 103 – селище Весь 8; 104 – селище Григорово 1; 105 – местонахождение Григорово 2; 106 – местонахождение Григорово 3; 107 – селище Григорово 4; 108 – селище Григорово 5; 109 – местонахождение Григорово 6; 110 – местонахождение Григорово 7; 111 – местонахождение Григорово 8; 112 – местонахождение Григорово 9; 113 – селище Константиново 1; 114 – селище Константиново 2; 115 – селище Константиново 3; 116 – местонахождение Константиново 4; 117 – селище Константиново 5; 118 – селище Константиново 5А; 119 – селище М. Давыдовское 2; 120 – селище М. Давыдовское 3; 121 – селище Шекшово 1; 122 – селище Шекшово 1; 123 – селище Шекшово 5; 124 – селище Шекшово 6; 125 – селище Малоборисково 1; 126 – местонахождение Хламово 4; 127 – городище М. Давыдовское; 128 – селище Шекшово 7; 129 – селище Шекшово 8; 130 – селище Подолец 1; 131 – селище Сельцо 1; 132 – селище Сельцо 1; 133 – селище Кистыш 11; 134 – селище Сельцо 7; 135 – селище Жадиново 1; 136 – селище Михали 1; 137 – селище Михали 2; 138 – местонахождение Глебовское 6; 139 – городище Красное; 140 – селище Б. Давыдовское 1; 141 – селище Александровский монастырь.

лы, сопровождавшийся существенным расширением ресурсных зон, является одним из наиболее ярких проявлений процесса внутренней колонизации, развернувшегося в Северо-Восточной Руси, по крайней мере, с начала XIII столетия (Макаров, 2003. С. 8–9).

В качестве отличительной черты освоения древнерусским населением Ополя размещение поселений вдалеке от крупных водоемов, по берегам малых рек и ручьев было отмечено еще В.А. Лапшиным (1985. С. 101–104). Однако характер и масштабы освоения водоразделов стали понятны только сейчас, после проведения сплошных разведок, нацеленных на максимально полное выявление памятников.

Заселение водоразделов как новый этап в развитии древнерусских систем расселения наиболее полно был изучен С.З. Черновым на материалах Московского княжества. По мнению исследователя, появление поселений, размещавшихся в новых топографических условиях, на удалении от постоянных источников воды, приуроченных к пологим склонам водораздельных плато, связано с изменениями форм хозяйствования и социальной структуры «основного земледельческого населения обширных пространств Северо-Восточной Руси», происходивших в древнерусском обществе с начала XIII столетия (Чернов, 1991. С. 129).

С точки зрения развития структур расселения, при отступлении от более архаичной «линейной» системы освоения территорий, ориентированной на размещение поселений вдоль берегов рек и ручьев, и слабо выраженной иерархией памятников, сложившаяся в XIII в. новая форма освоения территорий имела довольно явно выраженную двухчастную структуру. Основным типом поселений в новых условиях становятся малодворные деревни, группирующиеся вокруг достаточно крупных сел. Именно малодворные поселения, в первую очередь, размещаются на «пологих холмах» представляя собой главную хозяйственную единицу формирующейся волостной общины (Чернов, 1991. С. 123–124, 128).

Выявленные закономерности в размещении, размерах и хронологии поселений, открытых в процессе разведок в Суздальском Ополье, несмотря на сравнительно небольшие объемы проведенных исследований, позволяют говорить о значительном своеобразии процессов, происходивших здесь, по сравнению с землями московского региона.

Отличие от территорий с доминированием лесных ландшафтов (а исследования в пределах Московского княжества могут считаться эталонными для подобных территорий) в условиях Ополя проявляется в возникновении чрезвычайно стабильной системы расселения, основой которой являются большие поселения, не меняющие своего положения в течение нескольких столетий. Сравнительно крупные селища (площадью от 2 до 6,5 га) составляют большинство известных к настоящему

моменту на правобережье Нерли памятников, датируемых в пределах конца I – первой половины II тыс. н.э. Большая их часть приурочена к долинам основных водных артерий региона: собственно самой Нерли и рек Ирмеса и Каменки – двух ее правых притоков. Высокая плотность размещения памятников не оставляла возможности для развития сети малодворных или сезонных поселений вокруг них (Макаров, Леонтьев, Шплянский, 2005. С. 213).

В условиях высокой плотности заселения речных долин и вообще берегов большинства регулярных водотоков (в процессе разведок было установлено, что основные узлы древнерусского расселения формируются примерно в одно и то же время) на водоразделах складывается достаточно развитая сеть расселения. При отнесении поселений к числу расположенных на водоразделах решающим представляется критерий размещения вдали от постоянных источников воды. Такой подход позволяет разделить весь массив обследованных памятников, тяготеющих к возвышенным участкам рельефа и находящихся на значительном удалении от основных водных артерий региона, на две различные по своим основным характеристикам группы.

К первой из них могут быть отнесены памятники, хотя и расположенные на склонах возвышенностей по берегам стекающих с них мелких рек и ручьев, топографические условия размещения которых, тем не менее, традиционны с точки зрения ориентации на существующие постоянные источники водоснабжения. Для таких поселений характерна достаточно выраженная приуроченность к берегам водотоков, ассоциация в географически компактные гнезда или локальные группы памятников с наличием одного или нескольких крупных селищ в их составе (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005. С. 198).

Сейчас можно выделить, по крайней мере, два подобных гнезда памятников. Одно из них расположено в верховьях р. Кестры (правого притока р. Ирмес) на территории и в ближайшей округе с. Кистыш (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005. С. 202–203), другое – по берегам нижнего течения р. Урды (также правого притока Ирмеса), в более чем полукилометре от ее устья (Макаров, Леонтьев и др., 2004. С. 180–181). Именно появление таких поселений было отмечено в качестве особенностей освоения Ополя В.А. Лапшиным по результатам исследований, проведенных в 80-х годах XX в. (Лапшин, 1985. С. 103–104).

Единственным, хоть и очень крупным селищем, представлен описанный принцип освоения водораздельных территорий в бассейне р. Каменки. Здесь, в пределах с. Янево в процессе разведок 2002 г. было открыто селище Янево б. Размещаясь на высоком берегу оврага, оно почти на полтора километра удалено от долины р. Каменки. Площадь памятника составляет более 16 га, что ставит его в ряд наиболее крупных селищ из известных сейчас в окрестностях Суздаля.

При проведении сборов подъемного материала, было отмечено наличие в пределах обозначенной площади двух зон концентрации домонгольской керамики (в северной и центральной частях памятника). Это позволяет предположить размещение здесь на раннем этапе существования памятника не одного, а двух селищ меньших размеров, удаленных друг от друга на незначительное расстояние (около 150 м), составлявших локальную группу сельских поселений. Тем не менее размеры этих поселений довольно значительны и составляют суммарно не менее 6–7 га.

К числу селищ, тяготеющих к водоразделам и расположенных вблизи постоянного источника воды, относятся также два памятника на берегу озера Поганого, обнаруженные в результате разведок 2001 г.

Наличие серии подобных поселений демонстрирует, по-видимому, определенный этап в развитии средневековых систем расселения Ополя, выражавшийся в стремлении наиболее полного освоения земельных ресурсов региона в условиях высокой плотности населения при использовании традиционных схем расселения (вблизи постоянных источников воды).

Вторая группа памятников, которую, собственно, и можно характеризовать как группу водораздельных поселений, существенно отличается от первой и по составу, и по топографическим условиям размещения селищ. Памятники этой группы в основном размещаются в верховьях разветвленных овражных систем или приурочены к берегам оврагов, прорезающих склоны водоразделов. Большинство этих оврагов имеют только сезонные (весенне-осенние) водотоки, оставаясь сухими большую часть теплого времени года. В ряде случаев можно говорить о приуроченности к овражной системе только в смысле наличия пространственного ориентира, поскольку даже в период весеннего таяния снегов их наполнение влагой совершенно не достаточно для водоснабжения поселений.

Общая характеристика особенностей размещения именно этих памятников представляет особый интерес с точки зрения развития систем расселения в Суздальском Ополе и прояснения универсальности выработанной здесь стратегии освоения водоразделов применительно ко всем землям средневековой Руси.

Абсолютное большинство поселений, приуроченных к водораздельным территориям, было обнаружено при обследовании обширной возвышенности в междуречье среднего течения рек Ирмеса и Каменки, представляющей собой завершение протяженной водораздельной гряды, тянущейся в направлении с северо-запада на юго-восток и возвышающейся над долинами обеих рек более чем на 50–60 м.

В процессе разведочных работ был обследован крайний юго-восточный отрог возвышенности,

ограниченный с запада и северо-запада верховьями р. Кестры и крупными оврагами левобережья р. Тумки (левый приток р. Каменки в ее верхнем течении). К востоку, по мере приближения к Нерли, водораздел плавно понижается, постепенно переходя в слабоволнистую равнину с большим количеством так называемых блюдцевидных понижений, заросших кустарником. Кроме верховьев рек, обладающих развитой овражной сетью, южный склон водораздельной возвышенности расчленяется двумя крупными оврагами с сезонным водотоком. Максимальная высотная отметка, зафиксированная в пределах обследованной территории, составляет 171,1 м по Балтийской системе высот и находится в северо-западной оконечности обследованного участка.

В результате исследований здесь было выявлено 32 памятника, расположенных в отдалении от постоянных источников воды, в основном датируемых в пределах XII – первой половины XIV в. Еще три селища, размещенные в сходных топографических условиях, были обнаружены западнее, на северном склоне водораздела. Они приурочены к овражной системе правобережья р. Урды и крупному безымянному оврагу, входящему в долину р. Ирмес в его среднем течении (см. табл.).

Значительное количество селищ, расположенных на обследованном участке водораздельной гряды, разнообразие (как будет показано ниже) расположения в рельефе и относительно друг друга рисует картину довольно развитой системы землепользования, нацеленной на наиболее полное освоение всех имеющихся в микрорегионе земельных ресурсов.

Большая часть размещенных на водоразделах памятников представляет собой сравнительно небольшие поселения или местонахождения средневековой керамики и вещей. За единственным исключением их площади составляют менее 2,5 га. Размеры более 1,5 га имеют восемь памятников из 35, что демонстрирует непривычную для Суздальского Ополя картину численного преобладания мелких селищ над крупными.

Как уже было сказано выше, большинство найденных памятников тяготеют к разветвленным овражным системам, и поэтому на сравнительно небольшой обследованной площади отрога водораздельной гряды (около 20–25 кв. км), расположены неравномерно. Большая часть памятников концентрируется в пределах восьми скоплений. Помимо селищ, входящих в скопления, были обнаружены шесть одиночных поселений. Рассмотрение взаимного расположения памятников в скоплениях и самих скоплений относительно друг друга представляется необходимым для прояснения закономерностей в освоении обследованного водораздела.

Наиболее плотно освоенным участком обследованной части водораздела оказалось наклонное плато, представляющее его восточный склон, обращенный в сторону Нерли и Суздаля. Большинство

**Средневековые водораздельные селища Суздальского
Ополя
(по материалам разведок 2001–2006 гг.)**

№ на карте*	Название памятника	Датировка, вв.	Площадь (га)
24	Вишенки 1	XII–XV	2,5
25	Вишенки 2	XI (?)–XIII	0,9
26	Вишенки 3	XI (?)–XIII	0,5
27	Вишенки 4	XII–XIII	1,4
35	Янево 5	XIII–XVI	1,1
36	Янево 4	XII–XVI	2,0
37	Янево 3	XII–XIII	1,1
61	Вишенки 5	XII–XIII	0,5
62	Вишенки 6	XI (?)–XIII	1,6
63	Вишенки 6а	XII–XIII	0,8
64	Кибол 9	конец I тыс. н.э.	0,1
65	Кибол 10	XII–XIII	0,1
66	Кибол 11	XII–XIII	1,4
67	Кибол 11 а	XII–XIII	0,3
68	Кибол 12	XII–XIII	0,1
79	Янево 7	XII–XIII	1,7
80	Янево 8	XII–XVI	0,3
85	Б. Давыдовское 3	XII–XIII	1,6
86	Б. Давыдовское 4	XII–XIII	0,8
104	Григорьево 1	XII–XV	0,3
105	Григорьево 2	XII–XIII (?)	–
106	Григорьево 3	XII–XIII (?)	–
107	Григорьево 4	XII–XIII	1,6
108	Григорьево 5	XII–XIII	0,5
109	Григорьево 6	XII–XV (?)	–
110	Григорьево 7	XII–XV (?)	–
111	Григорьево 8	XIII–XV (?)	–
112	Григорьево 9	XII–XV (?)	–
114	Константиновское 2	XII–XV	1,8
115	Константиновское 3	XII–XIII	0,3
117	Константиновское 5	XII–XV	2,0
118	Константиновское 5а	XII–XV (?)	0,1
129	Шекшово 8	XII–XIII	1,2
133	Кистыш 11	XII–XIII	0,7

* См. рис. XXXVIII.

обнаруженных здесь селищ приурочены к слабо выраженным мелким оврагам, которые прорезают плато в юго-восточном направлении. Все небольшие овраги, на которых расположены селища, представляют собой верховья разветвленного большого оврага с сезонным водотоком, имеющего протяженность около 3,5 км и входящего в долину правого берега Каменки в полукилометре выше села Кибол.

Здесь обнаружены 11 поселений, девять из которых концентрируются в три скопления. Наиболее крупное скопление включает пять селищ, расположенных на территории площадью менее 1 кв. км. Эти памятники представляют собой компактную группу одновременных или очень близких по хронологии поселений. Поселения расположены на небольшом расстоянии друг от друга, которое между наиболее удаленными памятниками не превышает 0,8 км. В среднем, селища в скоплениях отсто-

ят друг от друга не более чем на 200–300 м. Все пять поселений расположены по обоим берегам небольшого отвершка оврага, вытянувшегося в направлении с востока на запад, максимальная глубина которого не превышает 1,5 м.

За единственным исключением селища располагаются на некотором удалении от русла оврага, на небольших возвышениях, образовавшихся при формировании верховьев разветвленной овражной системы, сейчас полностью распаханной и почти не читаемой на местности. Исключение – селище Вишенки 3, выше всего расположенное по рельефу, и размещенное в непосредственной близости от остатков небольшой дамбы (высота менее 1 м, протяженность – около 20 м), перегораживающей овраг (рис. 1).

Наличие дамбы рядом с поселением, представляется одним из наиболее интересных моментов расположения памятника. Именно сооружение прудов как источников постоянного водоснабжения считается исследователями одним из необходимых условий при заселении водоразделов (*Александровский, Кренке, Чернов, 1990. С. 95*). В настоящий момент нет данных, позволяющих говорить о времени возведения дамбы, однако несомненным представляется существование запруды в непосредственной близости от площадки селища. Расположение памятника на обоих берегах оврага выше дамбы свидетельствует, по меньшей мере, о традиционности в использовании именно этого участка русла оврага для водоснабжения окрестных сельскохозяйственных угодий.

При сравнении памятников, входящих в скопление, довольно определенно можно отметить следующее: наиболее крупные памятники (Вишенки 6 и Вишенки 4) размещаются на более низких участках рельефа, там, где перепады высот между дном оврага и уровнем площадки селища минимальны и не превышают 1–2 м. Наименьшие по площади памятники (Вишенки 3 и Вишенки 5) располагаются, напротив, на выраженном склоне плато. При этом насыщенность культурных слоев всех поселений находками различается незначительно. Диспропорции в размерах поселений, расположенных выше и ниже по рельефу выглядят еще более заметными, если учесть, что селище Вишенки 6а находится очень близко от Вишенки 6 (расстояние менее 50 м), представляя с ним, по-видимому, одно достаточно крупное поселение площадью чуть менее 2,5 га.

Остальные два скопления памятников, приуроченные к верховьям оврага, впадающего в р. Каменку западнее с. Кибол, представлены парными поселениями, в которых одно значительно больше другого. Одно из них расположено примерно в километре к югу от первого скопления, к западу от села Янево и тяготеет к одному из ответвлений оврага, в верховьях которого расположен небольшой пруд. К нему приурочено крупнейшее из двух поселений – Янево 7 (площадь 1,7 га). Меньшее по

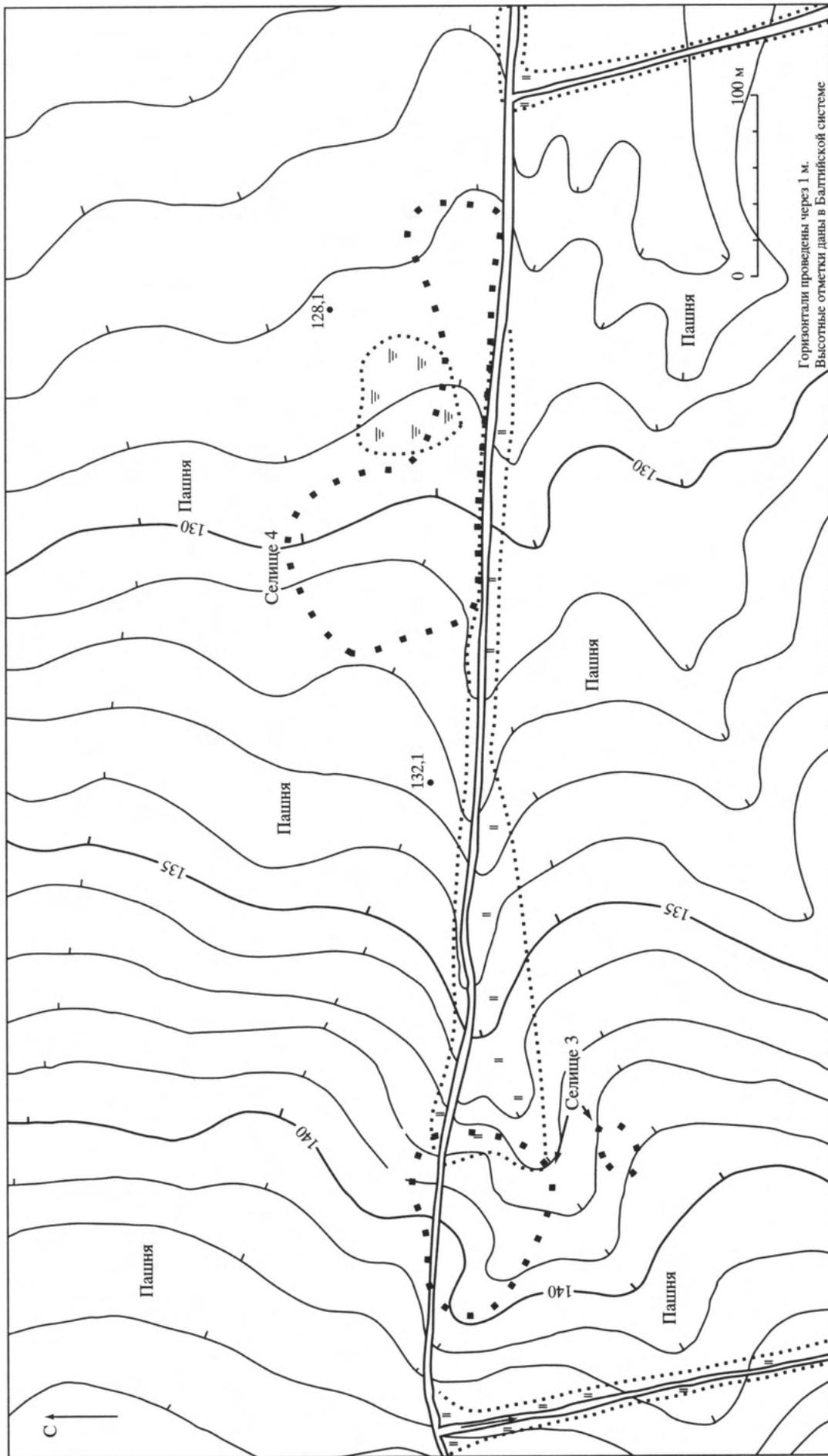

Рис. 1. Расположение селищ Вишенки 3 и 4 в верховьях Кибольского оврага

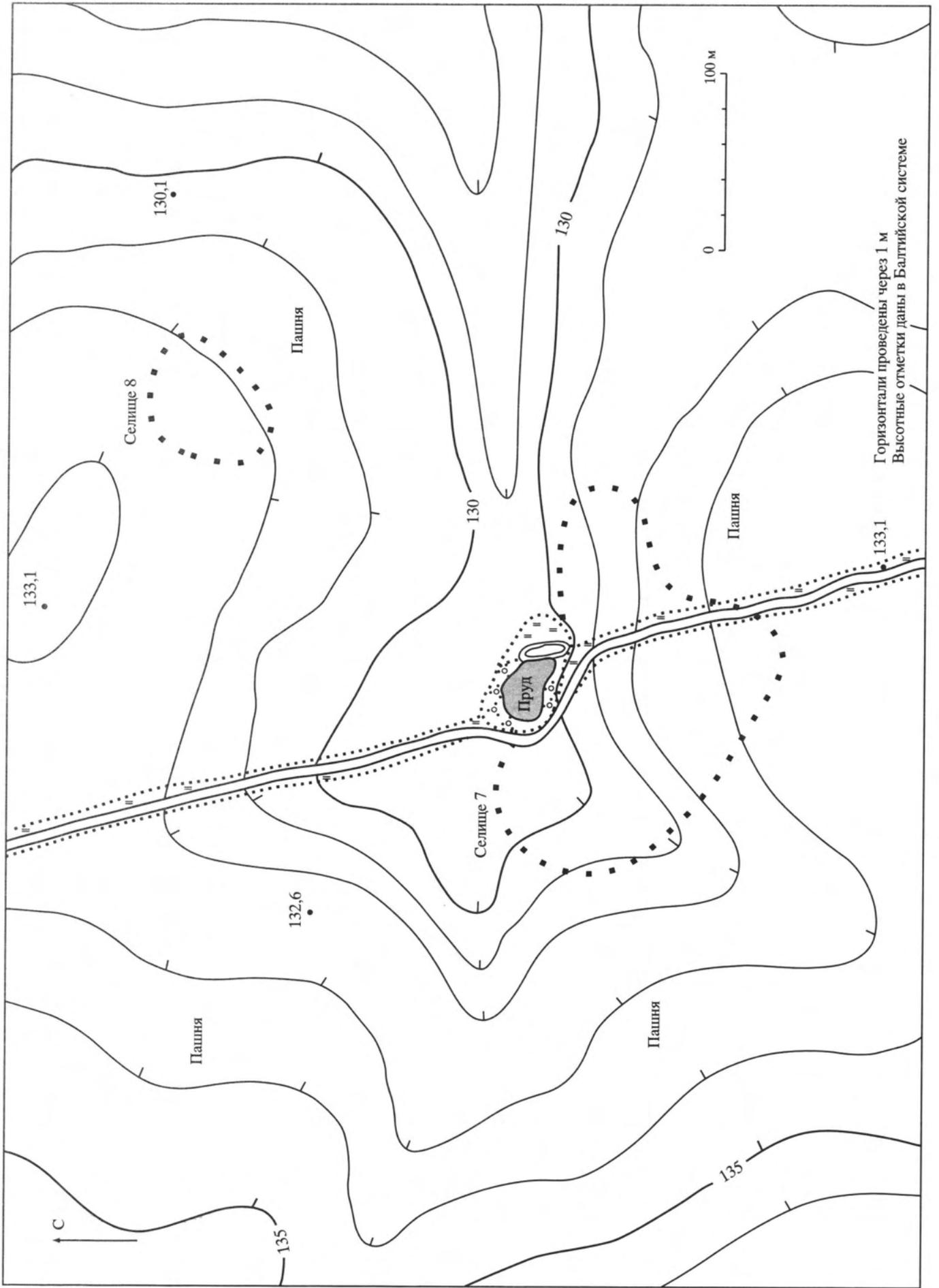

Рис. 2. Взаимное расположение селищ Янево 7 и Янево 8

площади селище (Янево 8) размещается в 100–150 м северо-восточнее, на возвышенном участке рельефа и удалено почти 100 м от водотока. Его размеры не превышают 0,3 га (рис. 2).

Третье скопление, также состоящее из двух поселений, расположено примерно на равном расстоянии от первых двух и приурочено к северному склону небольшой возвышенности и правому борту ответвления оврага, в верховьях которого располагается первое скопление. Расстояние между тремя скоплениями составляет 1–1,2 км.

Особенности расположения поселений в третьем скоплении обусловлены характером местности: здесь водораздельное плато имеет очень небольшой уклон к востоку и юго-востоку, овражная сеть на этом его участке сглажена, отсутствуют выраженные детали рельефа. Оба памятника расположены очень близко друг к другу, по-видимому, так же как и Вишенки 6 и 6А, могут быть интерпретированы как одно поселение, тяготеют к наиболее возвышенной точке рельефа. Их размеры составляют 1,4 и 0,3 га. Наименьший по площади памятник (Кибол 11А), находится выше по склону возвышенности относительно крупнейшего (Кибол 11), который вытянут вдоль русла оврага, сейчас практически не читаемого (рис. 3).

Два селища в бассейне Кибольского оврага, не входящие в скопления, расположены на его левом берегу и имеют очень небольшие размеры. Поселение Кибол 9 размещается на мысу, образованном бортом оврага и его ответвлением. Памятник имеет площадь всего около 200 кв. м, в пределах которых было собрано небольшое количество железного шлака и мелких фрагментов лепной керамики.

Селище Кибол 12 приурочено к склону левого борта оврага в 0,7 км от русла р. Каменки, состоит из двух пятен культурного слоя площадью 200 и 150 кв. м.

Памятники такой небольшой площади, по мнению исследователей, представляют собой остатки специализированных сезонных либо разрушенных поселений (Гоняный, 1998; Грибов, 2000). Интерпретация этих двух селищ как сезонных сельскохозяйственных (Кибол 12) или производственных (Кибол 9) представляется вполне вероятной, поскольку они расположены на незначительном удалении от одного из наиболее крупных памятников долины р. Каменки – селища Кибол 5. При рассмотрении закономерностей размещения крупных гнезд средневековых селищ в Суздальском Ополе было установлено, что расстояние между центральными поселениями этих гнезд варьирует от 0,7 до 2,5 км, чаще всего составляя 1,4–2,3 км (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005. С. 209). Расстояние от двух одиночных памятников на овраге до селища Кибол 5 составляет 0,8–1,2 км, что примерно соответствует окраине ресурсной зоны этого поселения.

Картина, сходная с прослеженной при обследовании обширной овражной системы, прорезающей восточный и юго-восточный склоны обследован-

ного водораздела, в общих чертах повторяется на северном и южном склонах возвышенности. Здесь выявлены два скопления памятников, одно из которых приурочено к верховьям оврага, составляющего часть бассейна р. Кестры, текущей на север, в долину Ирмеса, и расположено на территории современного с. Вишенки. Другое скопление размещается в верховьях крупного, проточного весной и осенью оврага протяженностью более 3 км, в среднем течении которого находится с. Янево.

Селищ, найденных на территории села Вишенки два, одно из них, наиболее крупное (Вишенки 1), размером 2,5 га, размещается на северной окраине села, по обоим берегам слабовыраженного оврага, глубина которого здесь не превышает полуметра. Территория селища очень незначительно возвышается над руслом сезонного водотока в ручье, в целом площадка памятника ровная, перепад высот не превышает 1–2 м. Селище Вишенки 2, находится на южной окраине села, примерно в 300 м к югу от первого, занимает склон правого борта одного из ответвлений оврага, отстоит от его русла на 60–100 м.

Скопление в верховьях Яневского оврага состоит из трех памятников (рис. 4). Два из них (Янево 4 и Янево 5), расположены друг против друга у дамбы, которая запруживает верховья оврага, еще одно расположено на его левом берегу, 150–170 м юго-восточней селища Янево 4. Все три памятника довольно большие, наиболее крупное селище – Янево 4 имеет площадь в 2 га. Янево 3 и 5 примерно одинаковы по размерам (1,1 га).

Кроме двух скоплений, размещающихся на наиболее возвышенных участках водораздела, на его северном и южном склонах, в верховьях одного из оврагов бассейна Кестры было обнаружено селище Кистыш 11. В отличие от одиночных памятников, расположенных на овраге у села Кибол, это поселение имело заметно большие размеры (0,7 га), что не позволяет относить его к числу сезонных (так же как и значительное количество происходящего с него подъемного материала).

В результате исследований западного и юго-западного склонов водораздельной возвышенности было обнаружено семь поселений и шесть местонахождений средневековых вещей и керамики, приуроченных к разветвленной овражно-балочной системе, представляющей собой часть бассейна р. Тумки, левого притока Каменки в ее верхнем течении. Овраги прорезают наклонное плато западной – юго-западной экспозиции, перепад высот от уровней начала водосбора до долины р. Тумки составляет более 40 м. Памятники здесь концентрировались в трех скоплениях, которые, в свою очередь, были вытянуты вдоль бортов протяженных (до 4 км от долины Тумки) оврагов.

Около половины найденных здесь памятников привязано к участкам среднего течения сезонных ручьев Ширшиха (рис. 5) (3 селища и 2 местонахождения) и Знаменский (2 селища), впадающих

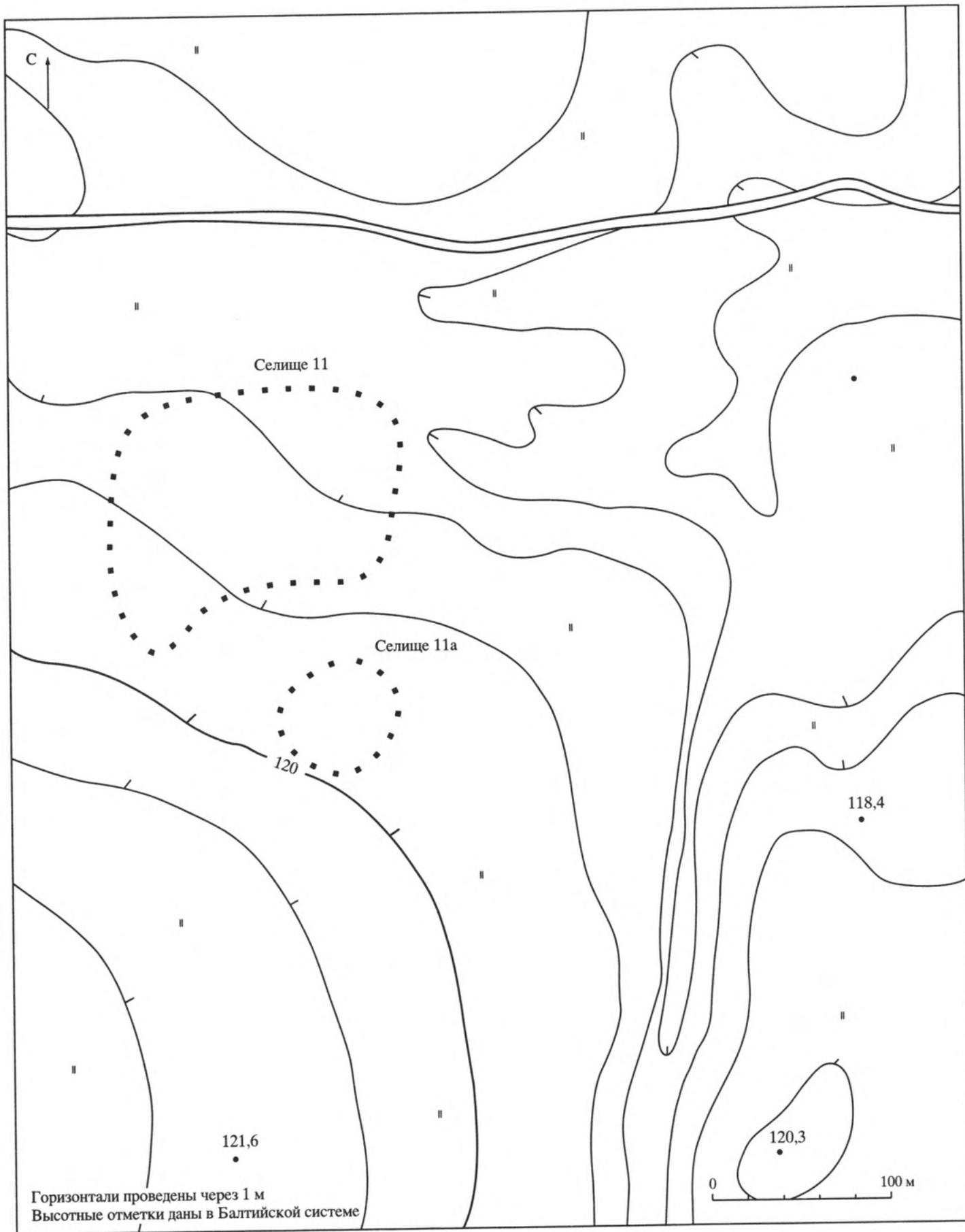

Рис. 3. Селища Кибол 11 и Кибол 11 А

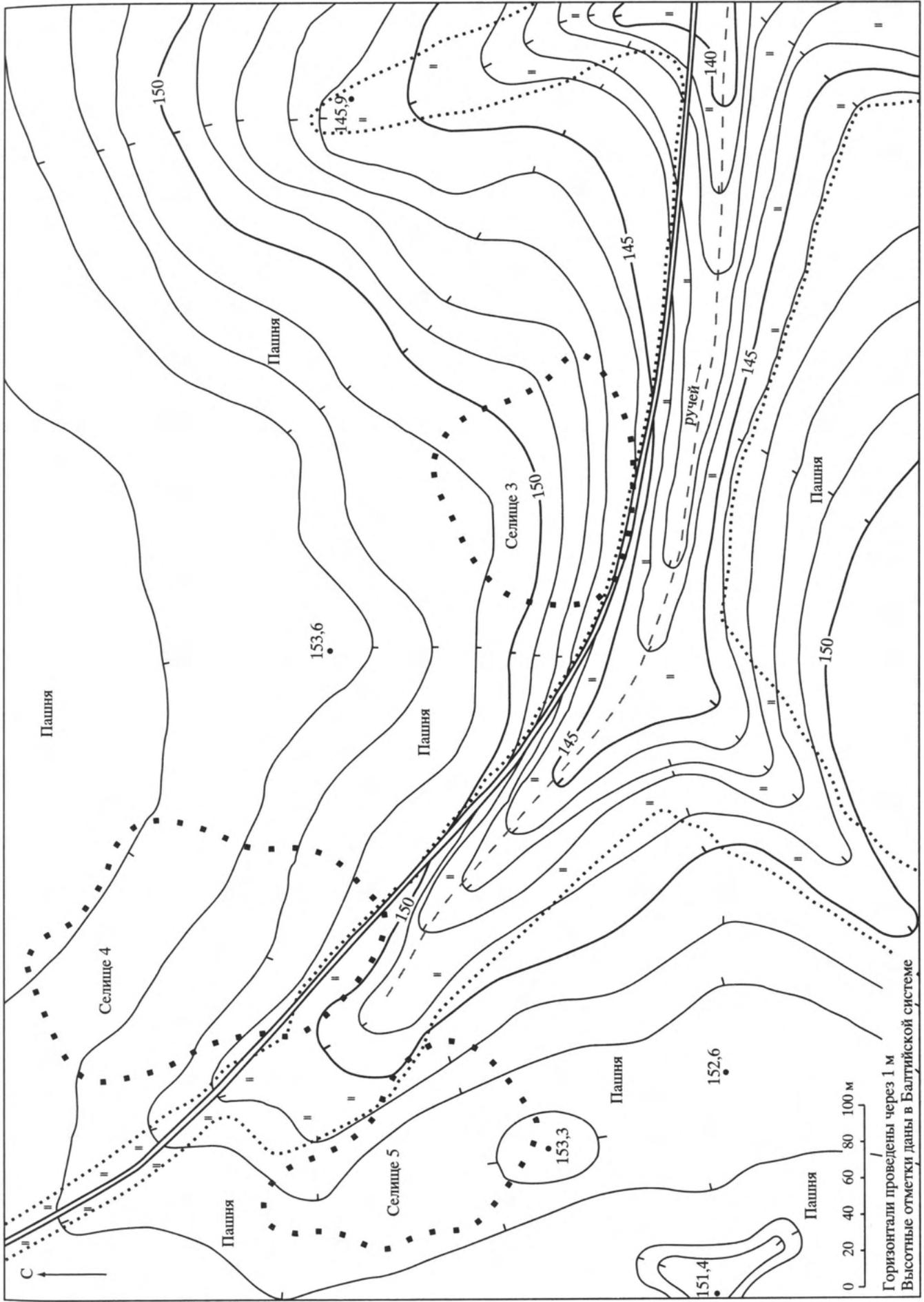

Рис. 4. Расположение селищ Янево 3, Янево 4 и Янево 5 в верховьях Яневского озера

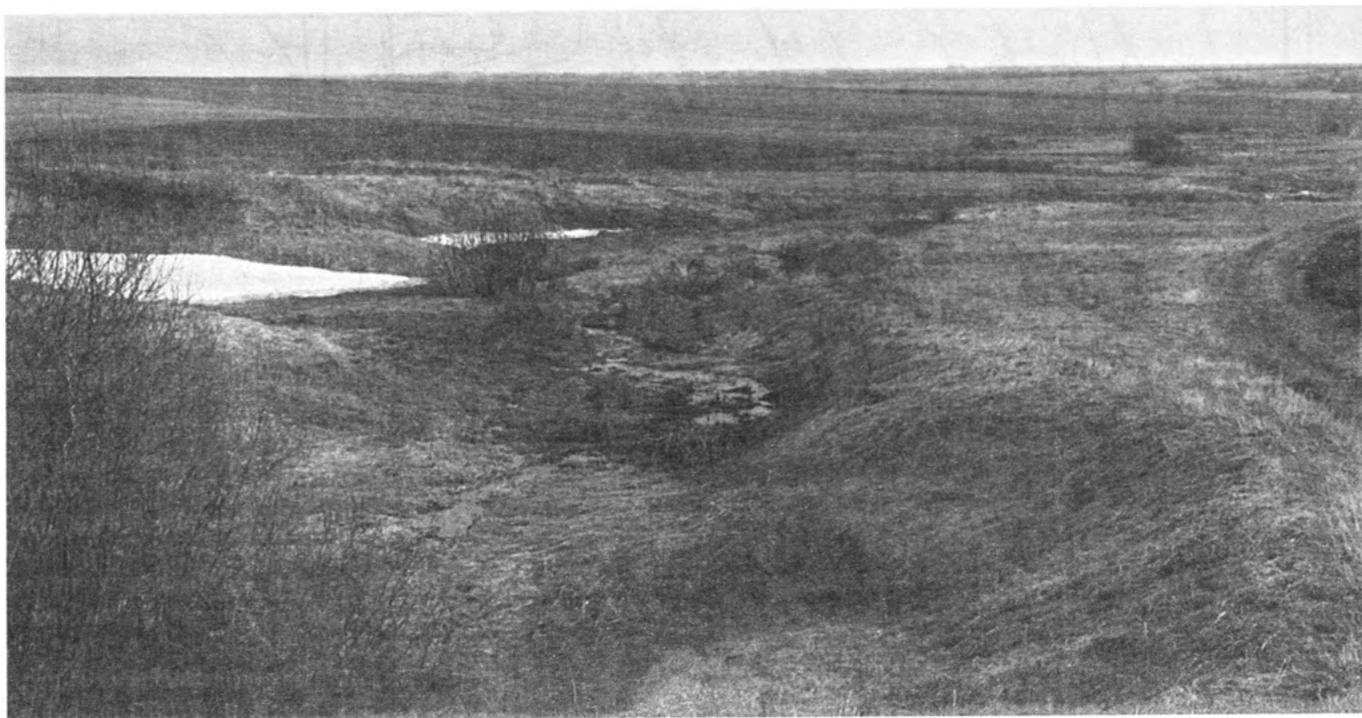

Рис. 5. Весенний водоток в овраге Ширшиха

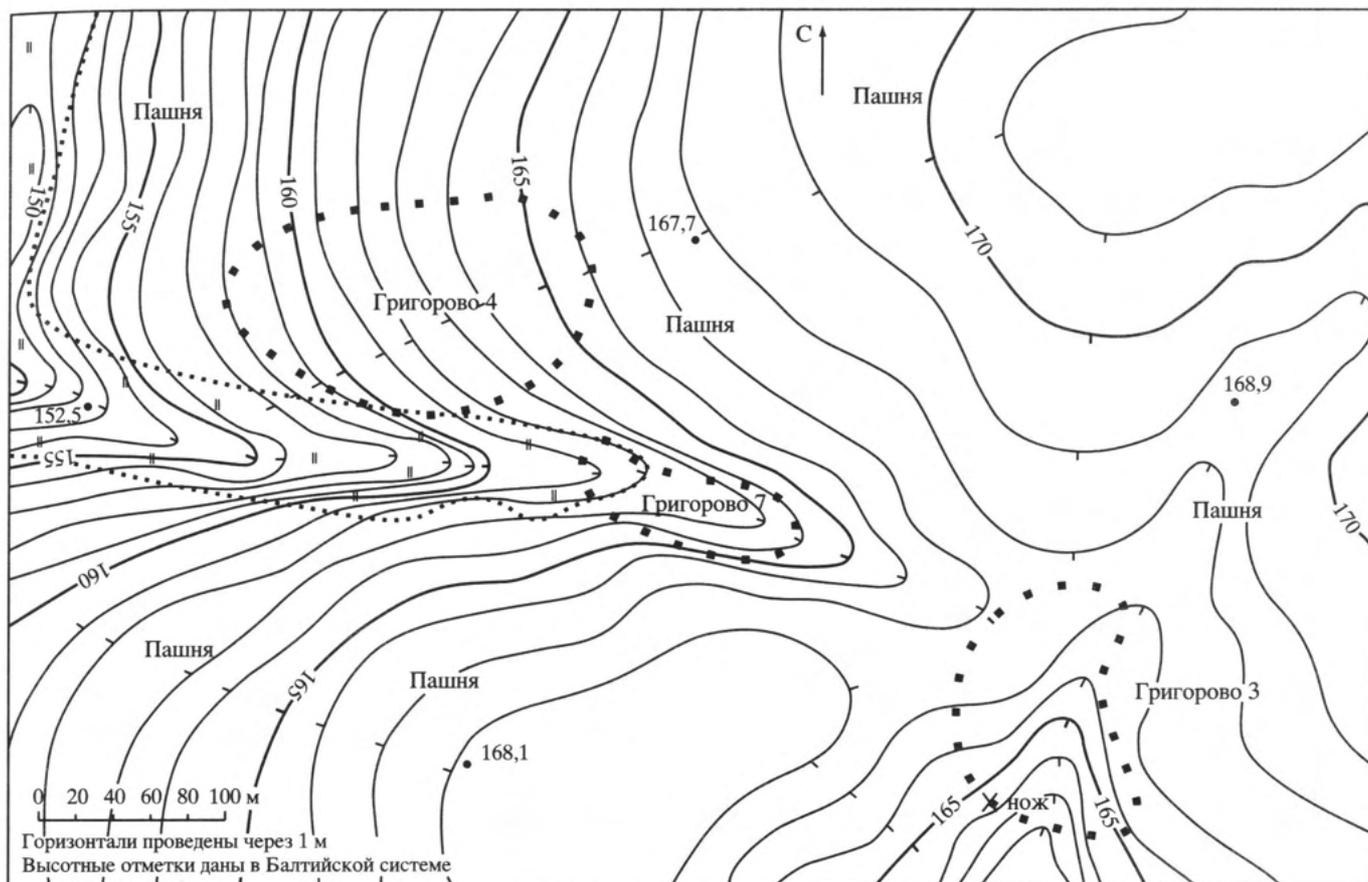
в Тумку. Селища и местонахождения размещаются на небольших возвышениях относительно прибрежного русла ручьев, довольно полноводных в межсезонье (превышения составляют не более 3–4 м). Памятники располагаются на расстоянии от 300–400 м до 1,5 км от долины реки, возвышаясь над ней не менее чем на 10–15 м. При этом на участке берега реки, расположенном между устьями оврагов, обнаружены одно селище и одно местонахождение, размещение которых соответствует традиционному приречному типу расселения. Наиболее крупные памятники этих двух скоплений (Константиново 2 и Константиново 5) располагаются на расстоянии 400–500 м от долины реки, примерно на одном высотном уровне. Площади их почти равны и составляют 1,8 и 2,01 га. В непосредственной близости от них, выше по склону плато и дальше относительно русла Тумки, размещаются селища меньших размеров и местонахождения (на Ширшихе). Расстояние между двумя наиболее крупными памятниками составляет около 1,5 км. На более высоких уровнях, на расстоянии около полутора километров от долины реки, в верховьях овражной системы Березье, располагается еще одна группа памятников, состоящая из двух селищ и четырех местонахождений. Наиболее крупный памятник этой группы (Григорово 4 – рис. 6), приуроченный к верховьям небольшого отвершка оврага, площадью 1,6 га, в три с лишним раза превышал по площади расположенное рядом поселение (Григорово 5 – рис. 7).

Кроме селищ и местонахождений, размещенных компактно на водораздельной возвышенности, ограниченной с запада долинами рек Кестры и

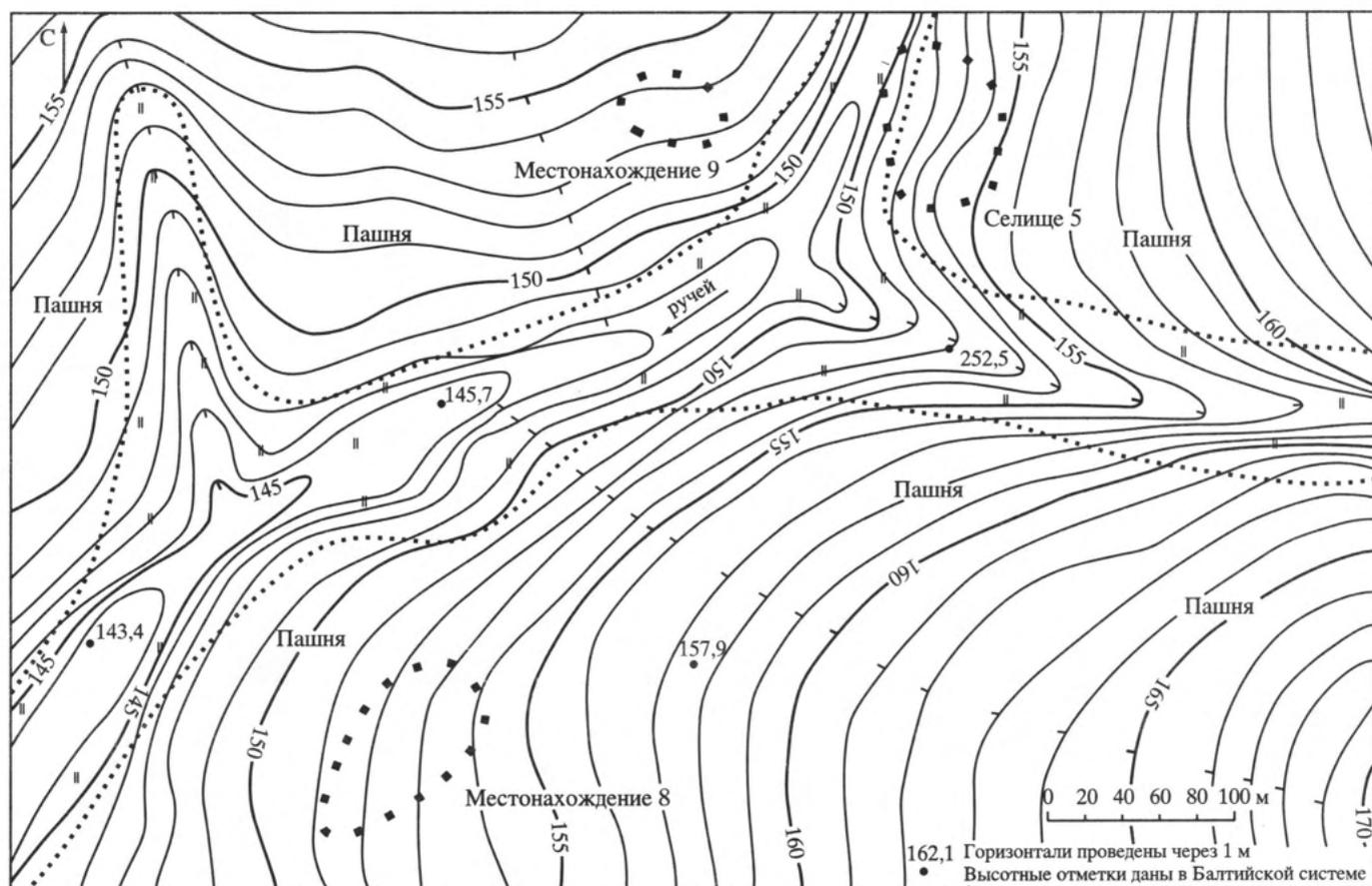
Тумки, на северном склоне водораздела, в среднем течении Ирмеса было обнаружено еще три селища, которые по особенностям своего расположения в рельефе также могут быть отнесены к числу водораздельных памятников. Однако сплошного обследования территории водораздельной возвышенности здесь не проводилось. Тем не менее, сам факт обнаружения подобных памятников, показывает масштабы процесса освоения водоразделов, проходящего по всей территории Ополя, а не только в ближайших окрестностях Суздаля.

Полученные при обследовании части водораздела рек Ирмеса и Каменки (наиболее крупных правых притоков Нерли Клязьминской в окрестностях Суздаля) результаты, позволяют говорить о наличии единой схемы формирования структуры древнерусского расселения на возвышенных территориях в пределах выбранного для исследований участка. Основой сети расселения служат сравнительно крупные, от 1,5 га и больше поселения, вокруг которых формируется свита небольших памятников, сопоставимых по своим размерам с малодворными поселениями лесных районов Северо-Восточной Руси.

Прослеженные закономерности преимущественного размещения небольших памятников на более высоких водораздельных уровнях, чем более крупные селища, свидетельствует, по-видимому, о единой схеме возникновения скоплений. Она состоит в размещении центрального поселения скопления в наиболее выгодных топографических условиях (на сравнительно плоских площадках, незначительно возвышающихся над уровнем

Рис. 6. Расположение памятников на водоразделе оврагов Ширшиха и Березье

Рис. 7. Расположение памятников по берегам оврага Березье

сезонного водотока в русле оврага). Более мелкие памятники располагаются на возвышенных участках рельефа, вероятнее всего, в непосредственной близости от сельскохозяйственных угодий. В ряде случаев можно говорить о размещении ресурсных зон выделенных скоплений вдоль русел оврагов, что формирует вытянутую по склону водораздела сеть поселений.

Интенсивный характер землепользования на водораздельных территориях вокруг отдельных групп памятников документирован значительным количеством местонахождений древнерусских вещей и керамики, которые, вероятно, могут быть интерпретированы как остатки сезонных сельскохозяйственных поселений.

При сравнении формирования расселенческих структур на разных участках обследованного водораздела, при сравнении скоплений на западном и восточном его склонах можно отметить некоторые диспропорции в плотности размещения и размерах памятников. Памятники, размещенные на овражных системах бассейна Тумки, в среднем несколько меньше поселений верховьев Кибольского и Яневского оврагов. Кроме того, здесь зафиксировано значительно большее количество местонахождений, что, возможно, говорит о несколько иной практике землепользования, с использованием преимущественно сезонных поселений для проведения летних сельскохозяйственных работ.

Отмеченные локальные особенности систем расселения не меняют общей тенденции в освоении водоразделов и формировании системы расселения с опорой на сравнительно крупные поселения, окруженные группой небольших селищ и местонахождений. Среднее расстояние между границами выделенных скоплений варьирует от 0,3–0,4 до 1,5 км, что примерно в половину меньше расстояний между группами селищ, располагающихся в долинах рек. Исключение составляют только расстояния между скоплениями, которые расположены по разные стороны водораздела, здесь оно может достигать 1,5–2 км. С учетом меньших размеров памятников, расположенных на водоразделах, можно констатировать сопоставимость плотности размещения поселений на водоразделах и в долинах, а значит и сходность активности сельскохозяйственного использования территорий.

Одной из наиболее важных проблем, решение которой необходимо при изучении систем расселения на водораздельных возвышенностях, является вопрос о времени возникновения поселений и продолжительности существования сформировавшихся здесь в древнерусское время структур сельского расселения и землепользования. Основным источником информации о хронологии памятников при проведении разведочных работ служат результаты площадных сборов подъемного материала (в основном керамики). Кроме этого, большое значение для определения характера и датировки существо-

вавших на водоразделах селищ, играют результаты небольших раскопок, проведенных на селище Вишенки 3 в 2003–2004 гг. (работы САЭ ИА РАН).

На нынешнем уровне изучения хронологии керамики памятников Суздальского Ополя и самого Суздаля применительно к датировке поселений на основании собранного подъемного материала наиболее корректным представляется разделение собранной керамики на три основные типохронологические группы. К первой из них, наиболее ранней, была отнесена лепная неорнаментированная керамика с прямым или слабоотогнутым венчиком, датируемая в рамках второй половины I – начала II тыс. Ко второй группе – круговая сильнопрофилированная посуда с венчиком, сформованным с резким отгибом наружу. Период ее бытования обобщенно может быть ограничен в пределах XI–XIII вв. В третью группу были выделены круговые сосуды, менее профилированные, по сравнению с предыдущей группой, с несколько менее отогнутыми, иногда уплощенными венчиками. Такая профилировка верхних частей сосудов находит достаточно много аналогий в материалах Москвы и Московского региона, где хронологическая шкала разработана достаточно подробно, и подобная керамика датируется в рамках XIII–XV столетий.

Разделение всего собранного керамического материала на три большие хронологические группы было применено при проведении разведочных работ Суздальской археологической экспедицией ИА РАН в 2001–2002 гг. (Макаров, Леонтьев, Шполянский 2005. С. 205–207). Такой подход представляется вполне оправданным для выявления общих закономерностей в хронологии обследуемых памятников, позволяя составить в первом приближении представление об основных закономерностях развития систем расселения в регионе.

Результаты стационарных исследований на селище Вишенки 3, так же как и на ряде других поселений, проведенных в последние годы (Кистыш 3, Весь 3, Кибол 5, Кибол 7), позволяют говорить о в целом верном определении хронологических позиций поселений при проведении поверхностных сборов, исходя из предложенного подхода.

Вместе с тем, сохраняя разделение на основные хронологические группы, при рассмотрении материалов, происходящих с конкретных памятников, или при оценке хронологии развития скоплений селищ и местонахождений, в ряде случаев удается выделить особенности состава коллекций, позволяющих дополнить существующие подходы к датировке поселений. К числу таких особенностей относится количественное соотношение керамики выделенных групп, концентрация керамики разных групп на отдельных участках площади поселений, возможность выделения выразительных керамических типов (например, круговой краснолощеной и чернолощеной, белоглиняной, лепной сетчатой или подлощеной, раннекруговой керамики), имеющих четкую хронологическую привязку.

На основании материалов, происходящих с памятников, динамику освоения обследованного участка водораздела можно представить следующим образом.

Начальный этап включения водораздельных территорий в орбиту хозяйственной деятельности населения региона документируется находками лепной керамики, которые довольно немногочисленны. Известно всего три пункта обнаружения лепной неорнаментированной керамики на склонах водораздела, и два из них (на озере Поганом и в пределах ассоциации поселений в районе с. Кистыш) приурочены к постоянным источникам воды, т.е. размещаются в традиционных для «линейных» систем расселения условиях.

Третий из памятников с лепной керамикой, расположенный на овраге северо-западнее села Кибол, исходя из своих размеров, размещения и состава находок (наличие железного шлака), с большой долей вероятности, может быть отнесен к сезонным производственным поселениям (Кибол 9).

Следующий этап освоения водоразделов представлен памятниками, на которых обнаружена так называемая раннекруговая керамика. Фрагменты раннекруговых сосудов встречены как на поселениях, расположенных по берегам рек и ручьев, так и на памятниках, приуроченных к сезонным источникам воды. Наиболее определенно об условиях находки фрагментов раннекруговой керамики можно говорить на материалах раскопок селища Вишенки 3 в 2003 г. (Макаров, Шполянский, 2004). Подобная керамика в небольшом количестве встречена и на некоторых других водораздельных поселениях как в качестве подъемного материала (Вишенки 6), так и в составе стратифицированных культурных отложений (Вишенки 2). В настоящий момент ориентировочно (исходя из современных представлений о постепенном исчезновении лепной керамики в регионе к началу XII столетия), она может быть датирована концом XI – началом XII в.

Собственно находки раннекруговой керамики маркируют начало древнерусского освоения склонов водораздела. Характер этого освоения сейчас не до конца ясен. Скорее всего речь может идти о размещении здесь сельскохозяйственных угодий и небольших сезонных поселений. В пользу такого предположения свидетельствует обнаружение при раскопках 2004 г. на Вишенках 3, под культурным слоем, датированным XII–XIII вв., следов конной распашки, перекрытых глинобитным полом наземной постройки (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005. С. 184).

Возникновение абсолютного большинства водораздельных памятников, появление развитой структуры расселения и землепользования на основании многочисленных материалов (как керамики, так и значительных по численности вещевых коллекций) может быть уверенно датировано в пределах XII–XIII столетий. Именно к этому времени

относится расцвет водораздельных поселений, формируются все восемь выделенных скоплений, максимально используются сельскохозяйственные ресурсы территорий.

Вероятно, именно к этому времени относится сооружение в верховьях оврагов небольших прудов (всего в настоящий момент их известно три), необходимых для водоснабжения поселений. Стабильность существования селищ на водоразделах в XII–XIII в. подтверждается высокой плотностью находок этого времени на памятниках, наличие среди них так называемых статусных вещей (предметов вооружения, снаряжения всадника и коня, престижных предметов личного благочестия, обломков амфор).

Однако, предположительно, начиная с конца XIII в. количество селищ на водоразделах уменьшается. Поселения почти полностью исчезают с восточного склона возвышенности, здесь материалы конца XIII–XV вв. присутствуют только на одном селище (Янево 8) небольшой площади (0,3 га). На наиболее высоких водораздельных уровнях керамика и находки XIII–XV вв. представлены на селищах Вишенки 1 и Янево 5 и 4. Здесь, по-видимому, сформировавшаяся в домонгольское время структура расселения сохранилась. При этом, в одном случае сократились площади памятников (в верховьях Яневского оврага), а в другом – поселение дожило до современности, что больше соответствует развитию памятников, существовавших в рамках стабильных систем расселения, сложившихся в долинах рек региона.

Ситуация, сходная с той, что была прослежена для этих двух скоплений, характерна и для памятников, расположенных на западном и юго-западном склонах возвышенности. Здесь из трех наиболее крупных поселений, расположенных в центрах скоплений, в XIII–XV вв. продолжают существовать два (Константиново 2 и Константиново 5). При этом, по-видимому, интенсивность жизни на одном из них – Константиново 5, исходя из небольшого количества находок, отнесенных к этому времени, заметно падает с конца XIII столетия.

Причины исчезновения значительной части поселений с водоразделов в XIV–XV вв., сейчас не могут быть прояснены в полной мере. На фоне продолжения стабильного развития крупных сел в долинах рек, активного освоения лесного левобережья Нерли, что фиксируется как при проведении археологических изысканий, так и в материалах письменных источников (Дегтярев, 1980. С. 109–110), запустение водоразделов в окрестностях Суздаля не может быть объяснено простым уменьшением численности населения региона. Скорее всего объяснение полученных результатов исследований лежит в плоскости возможностей дальнейшего использования ресурсов территории, плотность освоения которой в XII–XIII вв. представляется одной из наиболее высоких в Восточной Европе.

Подводя итог рассмотрению результатов обследования участка водораздела в окрестностях Суздаля, следует отметить несколько принципиальных моментов, отличающих процесс формирования структур сельского расселения здесь от тенденций в освоении водоразделов и развитии сети сельских поселений, известных в настоящий момент, преимущественно для Московских земель.

1. Освоение склонов водоразделов в Суздальском Ополе фиксируется, по крайней мере, с начала XII столетия, что ровно на столетие раньше появления первых “поселений на пологих холмах” в Московских землях.

2. В отличие от системы расселения со слабо выраженной иерархией памятников, господствовавшей до середины XIII в. на лесных территориях Владимиро-Суздальской земли, выявленная в окрестностях Суздаля сеть сельских поселений формировалась в виде локальных групп, с наличием в их числе наиболее крупных “центральных” селищ, окруженных свитой менее значительных по размерам поселений. В целом, подобный принцип формирования скоплений селищ, характерен и для поселений, расположенных на водоразделах.

3. Расцвет селищ, расположенных на водоразделах, в пределах изученной территории, приходится на вторую половину XII–XIII в., а время со второй половины XIII столетия, которое становится эпохой “взлета на холмы” подмосковных памятников и формирования рассредоточенной системы расселения с ярко выраженной иерархией селищ, наоборот, приносит постепенную стагнацию водораздельных систем расселения Ополя.

Все выше изложенное позволяет предположить возможность возникновения именно в условиях высокой степени заселенности Ополя новаций, связанных с освоением обширных водораздельных пространств. Эти новации, представляющие собой не линейный, а пространственный подход к освое-

нию территорий, впоследствии нашел свое отражение в процессах, получивших в отечественной исторической науке название “внутренняя колонизация”.

Литература

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З., 1990. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем: (археолого-почвоведческое исследование) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. М. Вып. 1.

Гоняный М.И., 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII–XIV вв. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской волости // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ. Вып. 96).

Грибов Н.Н., 2000. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV вв. // Ежегодник: Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Дегтярев А.Я., 1980. Русская деревня в XV–XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л.

Лапшин В.А., 1985. Система расселения в центральных районах Владимиро-Суздальской земли в X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.

Макаров Н.А., 2003. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., Федорина А.Н., 2004. Исследования в Суздальском Ополе // АО 2003 г. М.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Карпунин А.А., Шполянский С.В., 2005. Обследование селищ в Суздальском Ополе // АО 2004 г. М.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв.: Взаимодействие Севера и Юга. М.

Макаров Н.А., Шполянский С.В., Красникова А.М., Федорина А.Н., 2005. Раскопки средневековых поселений Вель 5 и Вишенки 3 под Суздалем // АО 2004 г. М.

Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества в XII – XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Н.А. Кирьянова, Т.А. Пушкина

Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова

Торгово-ремесленный характер Гнёздова X – начала XI в. давно ни у кого не вызывает сомнения. Многолетние полевые исследования всего комплекса гнёздовских памятников дали богатый материал, позволяющий говорить о высоком уровне местного металлообрабатывающего ремесла, включающего изготовление ювелирных украшений из драгоценных и цветных металлов, наличия гончарного и косторезного производств, активном использовании монетного серебра в качестве платежного средства (Пушкина, 2001). В последнее время получила распространение оценка Гнёздова в качестве раннегородского центра (Жарнов, 1992а. С. 22; Нефедов, 1998. С. 37, 41). Все это вызывает неизбежный вопрос об условиях жизнеобеспечения одного из наиболее ярких центров периода формирования Древнерусского государства.

Постоянное население Гнёздова, по некоторым оценкам, насчитывало 800–1100 человек, а для поселка в целом была характерна относительно стабильная демографическая структура (Жарнов, 1992б. С. 164–165, 169).

Прежде чем обратиться к анализу имеющихся к настоящему времени в нашем распоряжении материалов, позволяющих представить себе источники обеспечения продуктами питания населения этого многолюдного центра, рассмотрим природно-климатические характеристики места его расположения.

Гнёздово находится на западе Смоленского Поднепровья, расположенного в западной части Русской равнины, в пределах Прибалтийской низменности. Господствующие почвы Смоленского Поднепровья – дерново-подзолистые.

Смоленское Поднепровье занимает территорию, входящую в лесную ландшафтную зону с умеренно-континентальным климатом, характеризуется сравнительно теплым летом (средняя температура июля +17,6 °С) и умеренно холодной зимой (январь –8,6 °С). В настоящее время это регион с несколько избыточным увлажнением, в котором практически не наблюдаются засухи. Годовое количество атмосферных осадков составляет от 570 до 634 мм. В течение года они распределены достаточно равномерно, хотя летом их интенсивность несколько увеличивается – наибольшее их количество приходится на июнь–август. Зимой

устанавливается снеговой покров в 30–40 см, достигающий иногда 52 см, а на защищенных участках – 94 см. Ледостав наступает в конце ноября и продолжается до начала апреля. Промерзание почвы происходит ежегодно, причем часто при температурах ниже –10 °С. Глубина сезонного промерзания зависит от состава грунтов, но в среднем составляет 50–80 см, иногда достигая 115 см. Число ясных дней в году 30–40, число пасмурных – около 200. Таким образом, для региона характерен преимущественно рассеянный свет и малое число часов солнечного сияния. Продолжительность вегетационного периода составляет 130–140 дней при температуре от +13 до +16° и 170–180 дней при температуре выше +5°. Климат благоприятный для выращивания ржи, льна, овощей и др.

Район входит в подзону смешанных елово-широколиственных лесов, занимающих в настоящее время 10–15% территории.

Территория, занимаемая курганами и поселениями Гнёздовского археологического комплекса, принадлежит бассейну Днепра и располагается в пределах Гусинско-Гнёздовского района почв аллювиально-зандровой низменной равнины, которые сформировались на песчано-супесчаных породах. Для микрорегиона характерны сочетания дерновых-подзолистых, дерново-подзолистых заболоченных бурых лесных и ржавоземных почв (Маймусов, 1997). Основная часть памятников располагается на первой надпойменной террасе, частично на ее склоне, на высокой пойме левого и в пределах поймы правого берега Днепра. В районе Гнёздова долина Днепра имеет глубину 60–80 м. Правый склон долины более расчленен. Ширина долины Днепра 1,5–2,0 км и более, поймы – 200–500 м.

В настоящее время пойма полностью затопливается в половодье. Однако по данным исследований, проведенных специалистами факультета почвоведения МГУ и института географии РАН, поселение в Гнёздове возникло (мы полагаем, что не ранее X в.) в условиях некоторой засушливости климата, когда пойма Днепра была занята лесной растительностью и была достаточно суха для размещения на ней построек различного характера. На отдельных участках поселения, расположенных на первой надпойменной террасе, под культурным слоем

зафиксированы следы почв лесного облика, что говорит о залесенности территории ко времени начала ее хозяйственного освоения (Зазовская, Бронникова, 2001. С. 197–199). Своеобразным косвенным подтверждением распространения лесов является преобладание в западной части селища среди остатков мелкого рогатого скота костей коз над остатками овец/баранов (Ляпушкин, 1967. С. 32). В то же самое время палинологические исследования показывают, что довольно быстро происходит сокращение лесов и постепенно увеличиваются паводки, а в спектре возрастает доля индикаторов хозяйственной деятельности человека. Судя по данным спорово-пыльцевого анализа, важную роль в экономике поселения играли пастбищное хозяйство и возделывание культурных растений (Зазовская, Бронникова, 2001. С. 199).

Одним из результатов сотрудничества со специалистами факультета почвоведения МГУ и Института географии РАН стало обнаружение следов древней пахоты под насыпями Днепровской группы (Пушкина, Нефедов, 1997. С. 162). Зольный слой погребальных кострищ нескольких курганов залегал на поверхности древнего пахотного горизонта, следы которого в виде пересекающихся полос серого цвета отчетливо выделялись на фоне светло-желтой материковой супеси. Аналогичные следы пахотного горизонта несколько раз оказались прорезанными могильными ямами. Эти следы были замечены и зафиксированы при раскопках Днепровской курганной группы в 1984–1990 гг., однако какое-то время оставались непонятыми. Теперь очевидно, что, по крайней мере, часть курганов Днепровской группы была насыпана на территории прежде обрабатываемого участка, площадь которого составляла не менее 0,5 га. Учитывая же характер рельефа местности, на которой расположена эта курганная группа (невысокая, узкая гряда, вытянутая вдоль края первой надпойменной террасы), и общий характер расположения всех составляющих группу курганов, можно достаточно уверенно предположить, что древняя пашня занимала около 1,5 га площади. Надо думать, что этот участок – только некоторая часть пахотных угодий, которые и должны были бы обеспечивать гнёздовское население хлебом.

Судя по размерам и характеру расположения полос, распашка производилась пахотным орудием “крест-накрест”, ширина пахотных борозд (на уровне поверхности материка) 6–8 см, глубина не менее 4 см. Спорово-пыльцевой анализ почвы, заполнившей борозды распашки, показал присутствие пыльцы пшеницы и сорных растений (Зазовская, Бронникова, 2001. С. 199). Отчетливые следы пахоты, а тем самым и свидетельства земледельческой деятельности жителей древнего Гнёздова, хорошо подтверждает находка двух сошников на территории пойменной части поселения в слое, датированном концом X – первой четвертью XI в.

Орудия такой формы, происходящие из слоев Старой Ладogi и Новгорода X–XI вв., на территории Смоленского Поднепровья и в Гнёздове, в частности, до сих пор известны не были (Мурашева, Нефедов, 2002). Гнёздовские сошники найдены вложенными один в другой, так же как и аналогичные орудия, происходящие из Новгорода. Парность орудий в обеих находках позволила авторам публикации гнёздовских сошников говорить о возможном использовании здесь двузубой сохи (Мурашева, Нефедов, 2002. С. 197). Существование сохи (не важно, одно- или двузубой), предполагает использование тягловой силы животных. В лесной зоне при господстве такого орудия, как соха, тягловым животным была, по-видимому, исключительно лошадь. В этой связи определенный интерес представляют результаты изучения остеологических остатков.

Остеологическую коллекцию Гнёздова составил материал из раскопок как поселения, так и погребений, в том числе, трупосожжений*. Несомненно, что животные, остатки которых обнаружены в погребениях, имели местное происхождение. Среди них подавляющее большинство составляют домашние животные – это лошадь, мелкий рогатый скот, собаки, свинья, птица (куриные). В единичных случаях встречены кости диких животных. Редкость или нехарактерность находок костей диких животных для поселения отмечена всеми исследователями. Среди рассмотренного разными авторами материала из раскопок поселения преобладают кости крупного рогатого скота (от 46 до 69%). Кости лошади, неоднократно отмеченные среди остатков жертвенных животных в курганах Гнёздова (Сизов, 1902; Андреева, 1980. Табл. 1, 3; Жарнов, 1991), хорошо представлены и на поселении – здесь они составляют от 5 до 10% изученного материала. Предварительное сопоставление данных, характеризующих размеры лошадей из двух камерных погребений, с данными о животных, кости которых найдены в культурном слое, показало, что первые представлены особями средней и рослой, а также малорослой групп. Лошади, чьи кости отложились в культурном слое, были небольшого роста, меньше древнерусских лошадей лесной зоны. Вероятно, эти животные в основном использовались в хозяйстве в качестве тягловой силы наряду с крупным рогатым скотом. Находки нескольких костей конечностей этих животных, деформированных в результате воздействия на них очень сильной физической нагрузки, были отмечены

* Материалы из раскопок И.И. Ляпушкина на территории западной части селища определены Н.М. Ермоловой (Ляпушкин, 1967. С. 32, Прил.). Материалы из курганов Центральной и Ольшанской групп, раскопанных в 1970–1976 гг., и раскопок поселения (селища и городища) в 1972–1975 гг. изучались Е.Г. Андреевой (1980). Материалы из раскопок пойменной части селища в 1999–2001 гг., центральной части селища (1995 г.) и городища (1979 г.) рассмотрены И.В. Кирилловой (2007).

И.М. Кирилловой (*Кириллова, 2007. С. 128*). Размер крупного рогатого скота, составлявшего основную часть стада домашних животных, был несколько крупнее среднего древнерусского (*Андреева, 1980. С. 63*).

Значительную часть стада домашних животных, разводимых в Гнёздове, составляли свиньи и мелкий рогатый скот – от 20 до 46% и от 5 до 24%, соответственно. Основная часть остеологических находок является кухонными отходами, при этом специалисты отмечают преобладание костей животных, забиваемых в молодом возрасте. Это наблюдение относится в первую очередь к свиньям и мелкому рогатому скоту (примерно 56 и 33% поголовья). По наблюдениям Е.Г. Андреевой, больше половины свиней забивали в возрасте до года, что объясняется трудностью прокорма этих животных в зимнее время и, кроме того, тем, что молодая свинина является более вкусной. Процент забиваемого молодняка крупного рогатого скота ниже – около 20%, поскольку крупный рогатый скот был еще и источником молочных продуктов. Среди кухонных отходов встречены и кости лошади – как правило, они принадлежат старым особям. Вероятно, мясо лошадей играло незначительную роль в рационе жителей поселка, поэтому под нож шли уже непригодные для использования в хозяйстве животные. Кости домашних птиц – кур и гусей составляют лишь небольшой процент (*Андреева, 1980. С. 61, 62; Кириллова, 2007. С. 127–128*).

Надо сказать, что Гнёздово, как и многие полностью или частично синхронные ему памятники X–XI вв., расположенные в лесной зоне, не богаты находками сельскохозяйственных орудий. Кроме указанных сошников, с территории поселения происходят три косы – одна найдена на участке селища, расположенном на правом берегу р. Свинец, две – в заполнении ям Центрального городища. Коса, найденная поблизости от сгоревшей наземной постройки селища, отличается очень хорошей сохранностью. Длина лезвия около 30 см, ширина – 4,5 см, длина черенка 13 см, ширина – 3 см. Высота дуги изгиба лезвия составляет около 1/20 длины основания. Размеры и пропорции гнёздовской находки позволяют отнести ее к косам-горбушам южнорусского типа (*Левашова, 1956. С. 90*).

Форму двух других кос установить не удалось из-за их фрагментарности, можно лишь говорить о том, что они были несколько крупнее и массивнее. Косы обычно использовались для заготовки сена. Очень часто находка косы-горбуши расценивается как признак стойлового содержания скота, который в зимнее время должен был находиться в закрытом помещении. Кроме сена скотину кормили яровой соломой или половой, лошадям, полагают, могли давать и овес (*Левашова, 1956. С. 91*).

Находки из курганов, возведенных на территории заброшенной пашни, представлены в основном

фрагментами раннекруговых сосудов типичной для Гнёздова формы. На этом основании возведение курганов можно отнести ко времени не ранее середины X в. Вероятно, пашня была заброшена незадолго до этого. Трудно сказать, сколько времени возделывался данный участок. Согласно результатам проведенных спорово-пыльцевых исследований, в части диаграммы, соответствующей времени существования поселения, резко возрастает количество углистых частиц, что может указывать на широкое распространение в этот период подсечно-огневого способа подготовки участка к посеву. В таком случае время эксплуатации участка как части переложного поля едва ли было продолжительным (*Кириянова, 1992. С. 55–56*). С другой стороны, значительная территория, занятая курганами, сосредоточенными в семи окружающих поселение группах, не могла быть вся покрыта лесом – для сооружения погребальных насыпей необходимо достаточно свободное от древесной растительности пространство.

По данным спорово-пыльцевых исследований колонки пойменно-старичных отложений были выделены четыре зоны, характеризующие последовательные климатически- и (или) антропогенно-обусловленные этапы развития растительного покрова и ландшафта территории Гнёздовского археологического комплекса в целом (*Успенская, Бронникова, 2007. С. 162–182*). В спектрах третьей зоны, на последнем ее этапе, отмечено небольшое количество пыльцы культурных злаков, сорняков и ряда других антропогенных индикаторов. Период существования поселения совпадает со второй зоной. В спектрах этой зоны прослежена пыльца пшеницы, гречихи, конопли, некоторое количество пыльцы ржи, а также сорных растений и растений открытых ландшафтов и пастбищных угодий. Представленное в спектрах состояние растительного покрова в известной мере определялось антропогенным воздействием.

Интересные данные получены в результате анализа карпоботанического материала из слоев гнёздовского поселения второй половины X – начала XI в. Состав пыльцы культурных растений частично совпал с составом растений, выявленных в отмывках культурного слоя.

Систематический сбор карпоботанических материалов при исследовании гнёздовского поселения был начат Смоленской археологической экспедицией в 1995 г. Первые пробы культурного слоя для отмывок были взяты с участков центрального селища, расположенного на первой надпойменной террасе к востоку и северо-западу от Центрального городища (раскопы ВС-10 и ЦС-I). Здесь культурный слой почти полностью переотложен и сильно поврежден в результате хозяйственной деятельности населения современной деревни Гнёздово. Несколько лучше сохранился культурный слой на площадке Центрального городища, однако и он серьезно нарушен различными поздними переко-

пами (раскоп ЦГ-XXIV). В силу этого, для получения карплогического материала промывался слой только из не потревоженных поздними нарушениями ям и нижних частей углубленных построек. В результате открытия практически не потревоженного культурного слоя селища, перекрытого значительными аллювиально-делювиальными отложениями поймы Днепра была получена уникальная для Гнёздова возможность сбора хорошо стратифицированных образцов. Пробы слоя для карплогического анализа в данном случае были получены с притеррасного участка (раскоп П-2) и участка, расположенного ближе к Днепру, почти на окраине площади распространения культурного слоя (раскоп П-8). На этих участках удалось получить интересные материалы не только из заполнения ямы, но и распространенного между сооружениями слоя.

За десять лет работы на поселении были взяты для отмывок 202 пробы из 147 пунктов. В пробах обнаружены зерна восьми земледельческих культур: ячменя, пшеницы, проса, ржи, овса, гороха, бобов и льна. Из них основными являются первые пять (Кириянова, 2007)

Найденные на всех исследованных участках поселения зерна ячменя принадлежат, скорее всего, пленчатой разновидности, так как на значительном числе зерен заметны остатки пленок. Определить подвид культуры по сравнительно небольшому количеству зерен не удается.

Среди зерен пшеницы можно выделить зерна двух групп культуры: зерна пшениц голозерной и пленчатой. Плохая сохранность зерен в известной мере затрудняет отнесение части их к той или иной группе. Значительную долю зерен этой культуры составляют зерна пшеницы голозерной (в большинстве – это мягкая пшеница). Зерна пшеницы пленчатой (полбы двузернянки) встречаются несколько реже. О присутствии этого вида пшеницы неопровержимо свидетельствуют, кроме характерных морфологических признаков, находки зерен со следами пленок, а также вилочек – остатков основания колосков полбы. Степень сохранности зерен, которые очень часто оказывались деформированными, позволила определить только род, но не их вид. Можно предположить, что в группе голозерной пшеницы присутствует пшеница карликовая, а среди зерен пленчатой – спельта.

Мелкое зерно проса не всегда сохраняет пленки. Зерна овса также обнаружены без пленок. Поэтому нельзя утверждать, что эта культура возделывалась как самостоятельная. Учитывая, что почти в половине отмывок овес представлен одним, а в остальных двумя–восемью зернами, можно предположить, что в данном случае перед нами остатки овса, засорявшего посева полбы или ячменя.

В подавляющем большинстве отмывок зерен ржи найдено немного. Это позволяет считать их принадлежащими ржи сорнополевой. Только в пяти случаях (заполнение ям участка П-8) зерна этой

культуры встречены в значительном количестве – 120–220 в каждой отмывке. Какое-то количество этих зерен может оказаться остатками посевов яровой ржи. Нельзя исключать и того, что часть зерен этой культуры принадлежит ржи озимой. В трех отмывках из заполнения одной из ям вместе с некоторым количеством зерен ржи найдены семена злаков без пленок, вероятно, костров, часто встречающихся в посевах озимой ржи, появляющихся в лесной зоне в конце X в. (Кириянова, 1992. С. 19, 20).

Редкими находками представлены бобы, горох и лен. Кормовые бобы встречены только в двух отмывках из ям Центрального городища. Это мелкосемянные бобы, среди которых одно зерно принадлежало зернам бобов среднесемянных. Два семени льна найдены в двух ямах селища. В небольшом количестве горох присутствует в материалах всех исследованных участков. Отметим, что присутствие пыльцы конопли и гречихи в спорово-пыльцевой колонке пока не подкрепляется находками семян этих растений. При этом, как показал палинологический анализ, конопля составляет около 5% от общей суммы пыльцевых зерен. Специалисты отмечают высокий процент конопли в спектрах колонок целого ряда памятников раннего Средневековья в Балтийском регионе. Интересно, что на спорово-пыльцевых диаграммах Новгорода и Рюрикова городища также обнаружен пик конопли, относящийся к этому же периоду (Königsson, Possnert, Hammar, 1997).

Интересно сравнить встречаемость пяти главных культур (ячменя, пшеницы, проса, ржи и овса) на разных участках гнёздовского поселения (табл.). Исследованные участки на территории Центрального городища и селища, расположенные на надпойменной террасе, а также пойменный участок П-8 в значительной мере сосуществовали во второй половине X в.

В культурном слое на надпойменной террасе найден самый представительный набор земледельческих культур, в котором преобладают ячмень, пшеница и просо. Иное соотношение культур прослежено в отмывках участка П-8. Здесь первое место занимает пшеница, затем следуют ячмень

Встречаемость культур в отмывках

Участки поселения	Встречаемость культур в отмывках (%)							
	ячмень	пшеница	просо	овес	рожь	бобы	горох	лен
На террасе	95,7	73,9	43,5	23,9	17,4	+	+	+
Пойма (П-8)	82,3	93,5	48,4	24,7	2,6	-	+	-
Пойма (П-2)	47,1	38,2	76,5	-	5,9	-	+	-

(+) – единичные находки

и рожь, просо отодвигается на четвертое место, а овес – на пятое. Возможно, что такое соотношение культур отражает некоторое увеличение окультуренных земель длительного пользования, на которых могла возделываться озимая рожь. Этому вполне может соответствовать появление зерен ржи и семян сорняков, сопутствующих озимой культуре. Как видно, преобладают ячмень и пшеница. Голозерная пшеница встречается в два с половиной раза чаще пленчатой. Достаточно четко видно значение ячменя и пшеницы в посевах и менее значительная роль проса. Эти культуры могли высеваться как на лесных участках, так и на окультуренных землях длительного пользования.

Немного более поздним временем датируются материалы притеррасного участка (П-2). Нижние слои этого участка, отнесенные к рубежу X–XI вв., частично синхронны верхним напластованиям участка П-8, но в целом жизнь на этой территории продолжалась еще около четверти века. Слой притеррасного участка меньше насыщен зернами сельскохозяйственных растений и содержит меньшее число культур по сравнению с другими исследованными участками. Основное отличие состоит в том, что здесь на первом месте по встречаемости стоит просо, второе место занимает ячмень, третье – пшеница (голозерная пшеница встречена чаще: более чем в полтора раза). Рожь занимает только четвертое место – ее зерна обнаружены лишь в нескольких отмывках. Очевидно, что ведущая роль принадлежит культурам, хорошо растущим на мало окультуренных землях. Такое соотношение встречаемости культур скорее характерно для более раннего времени (Кириянова, 2005. С.229). Определенный интерес представляет близость набора гнездовских сельскохозяйственных культур набору и перечню культур, известных населению Смоленского Поднепровья в третьей четверти I тыс. н.э. В материалах городищ этого времени, расположенных в округе Гнездова, обнаружены зерна ячменя (двурядного и многорядного), мягкой пшеницы и проса, встречены зерна ржи и овса и семена конопли и льна. Но, если в материалах Гнездова преобладают ячмень и пшеница, то в предшествующее время предпочтение отдавалось ячменю и просу (Шмидт, 2003. С. 99, 100).

Набор земледельческих культур, выявленных в материалах гнездовского поселения, почти полностью совпадает с составом культур, известных по исследованиям многих памятников лесной зоны Восточной Европы второй половины I тыс. н.э. (Кириянова, 1992. С. 72).

Результаты исследования Гнездова можно сопоставить с данными по некоторым другим памятникам IX–X вв. Так, палинологические исследования материалов городища Георгий в Поволховье указывают на существование смешанных посевов из нескольких культур, которые практиковало население этого городища. Среди культурных растений просо, ячмень, пшеница, рожь, овес, горох огород-

ный. Ведущую роль здесь играли просо (более 26%) и ячмень (около 18%), рожь составляет около 7%, и это позволяет рассматривать ее в данном случае не как самостоятельную культуру, а до X в. как засорителя полей. Содержание спорово-пыльцевых диаграмм образцов с этого памятника говорит о развитии поселения в условиях достаточно открытого ландшафта – малая площадь лесов, преобладание кустарников, лугов и мокрых пойм (Альслебен, 1997. С. 194–195). В этой связи интересным кажется преобладание в стаде домашних животных городища свиней и незначительного количества мелкого рогатого скота (47 и 6%, соответственно), кости крупного рогатого скота составляют около 38% остеологических находок. В свою очередь сравнение гнездовских материалов с материалами Новгорода (Троицкий раскоп, слои XI в.) и Рюрикова городища (слои IX–X вв.), показывает, что все эти памятники между собой сближает решительное преобладание в составе стада крупного рогатого скота, второстепенная роль свиней и незначительное количество мелкого рогатого скота.

Состав культур, выявленных в материалах гнездовского поселения, включает культуры, которые могли возделываться на участках различного характера. При подготовке к посеву лесных залежных участков не требовались пахотные орудия, достаточно было использовать орудия типа бороны-суковатки. К посеву участки подготавливали рубкой и сжиганием деревьев. Для обработки почвы на перелогах обычно использовались орудия с металлическими наконечниками, близкие по форме найденным в пойменной части селища. Такие же орудия могли использоваться для рыхления земель участков длительного пользования. Форма сошников была приспособлена к характеру возделываемых участков и определенному способу обработки почвы.

Считается, что при огневом подсечном земледелии очищенный участок засевался 2–3 года подряд, а затем должен был “отдыхать” более 30 лет. При системе лесного перелога срок “отдыха” составлял гораздо меньший срок – 10–16 лет (Левашова, 1956. С. 21).

Для выяснения вопроса о системах земледелия, использовавшихся в Гнездове в X–XI вв. необходимо учитывать биологические особенности основных земледельческих культур. Пшеница является культурой, которая прекрасно использует питательные вещества, накапливаемые землей за время длительного отдыха от посевов культурных растений и сопутствующих им сорняков (Лукович, 1937. С. 63, 97). Пленчатые пшеницы лучше голозерных мирятся с плохой обработкой почвы и поэтому могли высеваться на лесных участках. По требованиям к почве, влаге и теплу пшенице близок ячмень, который меньше реагирует на засоренность (Владимиров, 1947. С. 86). Обе эти культуры можно выращивать на выжженных залежах и перелогах. В то же время окультуренные участки

Литература

меньше подходят для возделывания проса, которое хорошо растет на целинных или переложных землях, но для него сильными конкурентами являются сорняки. Особенно ценится просо, которое высевается на пласту – оно богаче белком и вкуснее (Прянишников, 1931. С. 207). На существование участков длительного пользования, кроме лесных участков вблизи гнёздовского поселения, указывает уменьшение в спорово-пыльцевом спектре второй зоны доли пыльцы деревьев одновременно с увеличением доли травянистых растений и значительным количеством пыльцы пшеницы.

По представленным сравнительно небольшим зерновым материалам, относящимся к периоду не более столетия, очень сложно проследить динамику состава культур. Уверенно можно говорить только о наличии в находках, сделанных на разных участках поселения, широкого спектра сельскохозяйственных культур, значительная часть которых известна на территории лесной зоны Восточной Европы в течение нескольких тысячелетий. Отчетливо видна важная роль посевов ячменя и пшеницы. Отмечается некоторое увеличение встречаемости ржи в слоях к началу XI в. при одновременном сокращении количества проса. Тенденция увеличения встречаемости ржи в составе культур, проявившаяся в материалах Гнёздова, прослежена на значительных материалах XI – первой половины XIII в. (Кирьянова, 1992. С. 24–25). Обращает на себя внимание высокий процент встречаемости проса и крайне малое число находок ржи на приотрасном участке селища в слоях, датированных первой четвертью XI в. Возможно, это указывает на важную в силу каких-то причин роль участков кратковременного использования. Однако высказанное предположение нуждается в дополнительных материалах.

Попробуем определить размеры пахотных угодий, необходимые для поддержания жизни такого крупного поселения, как Гнёздово X в. В XVIII в., по данным Л.В. Милова, взрослому крестьянину требовалось в год не менее 18 пудов (288 кг) хлеба, а расход на подкормку скота (одной лошади) требовал еще до 8 пудов (144 кг). Все это означает суровый режим очень скудного питания и жесткий режим экономии, обеспечиваемый пашней размером около 1,3 га (Миров, 2001. С. 388, 389, 394). Если это так, то уже для того, чтобы прокормить 800 жителей нашего поселения, было необходимо по меньшей мере 1040 га посевной площади. Трудно себе представить, где и как располагались эти поля, если только занятая курганами и поселением площадь (включая территорию между курганными группами) составляет около 207 га. Вероятно, часть продуктов земледелия поступала от населения окрестных территорий.

Альслебен А., 1997. Земледелие новгородской округи в IX–X вв.: (археоботанические методы и их применение на городище Георгий) // Древности Поволжья. СПб.

Андреева Е.Г., 1980. Остеологические материалы из Гнёздова // СА. № 1.

Владимиров Н.Ф., 1947. Сорные растения и борьба с ними. Куйбышев.

Жарнов Ю.Э., 1991. Животные в погребальном обряде курганов периода становления Древнерусского государства // РА. № 2.

Жарнов Ю.Э., 1992а. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.

Жарнов Ю.Э., 1992б. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М.

Завоская Э.П., Бронникова М.А., 2001. Палеоландшафты Гнёздова: реконструкция, перспективы исследования // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 124).

Кириллова И.В., 2007. Остеологические материалы из культурных слоев Гнёздова: Новые данные // Гнёздово: Результаты комплексных исследований памятников. М.

Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.

Кирьянова Н.А., 2005. О находках зерен культурных растений I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на территории лесной зоны Восточной Европы // Вторые Городцовские чтения. М. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Кирьянова Н.А., 2007. К вопросу о характере земледелия населения Гнёздова (по находкам зерен сельскохозяйственных культур в отмытках культурного слоя) // Гнёздово: Результаты комплексных исследований памятника. М.

Левашова В.П., 1956. Сельское хозяйство // Очерки по истории древнерусской деревни. М. (Тр. ГИМ; Вып. 32).

Лукович С.И., 1937. Освоение целинных земель под пашню в Ленинградской области. Л.

Ляпушкин И.И., 1967. Отчет о работе Днепровской археологической экспедиции в дер. Гнездово в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3501.

Маймусов Д.Ф., 1997. Зеркало ландшафта. Смоленск.

Миров Л.В., 2001. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М.

Мурашева В.В., Нефедов В.С., 2002. Сошники из Гнёздова // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 16.

Нефедов В.С., 1998. Гнёздовский археологический комплекс и путь “из варяг в греки” // Гнёздово: история и современность. Смоленск.

Прянишников Д.Н., 1931. Частное землевладение. М.; Л.

Пушкина Т.А., 2001. Гнёздово: итоги и задачи исследования // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 124).

Пушкина Т.А., Нефедов В.С., 1997. Исследования в Гнёздове // АО 1996 г. М.

Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб. № 28.

Успенская О.Н., Бронникова М.А., 2007. Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздово: Результаты комплексных исследований памятников. М.

Шмидт Е.А., 2003. Верхнее Поднепровье и Подвине в III–VII вв. н.э.: Тушемлинская культура. Смоленск.

Königsson L.-K., Possnert G., Hammar T., 1997. Economical and cultural changes in the landscape development at Novgorod // Tor. Uppsala. Vol. 9.

Рис. 1. Русь в середине XIII в.

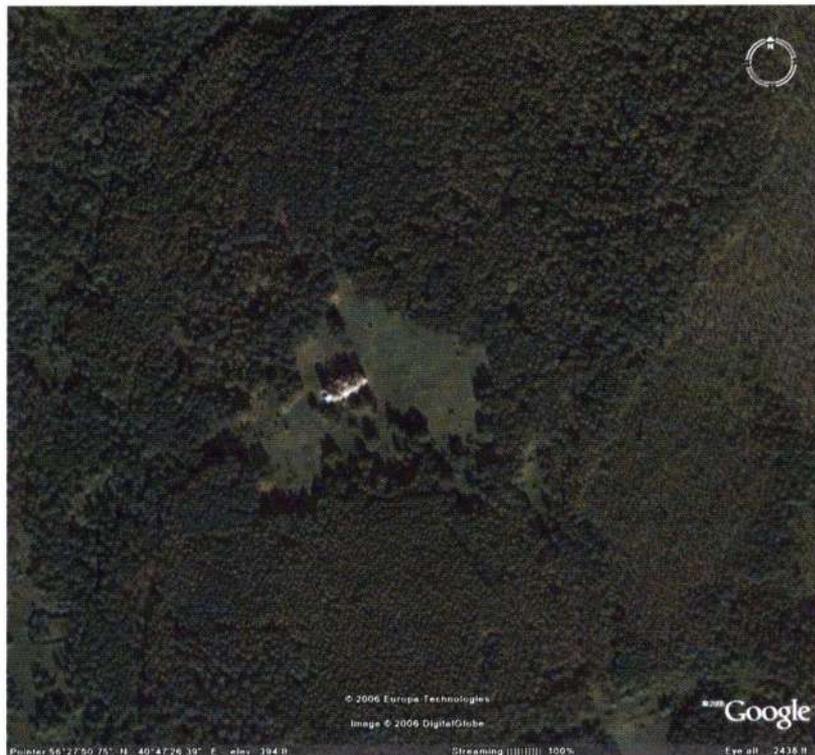
Рис. II. Овручское Ополье (Украина). Аэрофотоснимок

Рис. III. Южная окраина Бежецкого ополья (Тверская область) в районе села Присек – центра вотчины Троице-Сергиева монастыря, по которой сохранилось более 50 актов XV в. Аэрофотоснимок

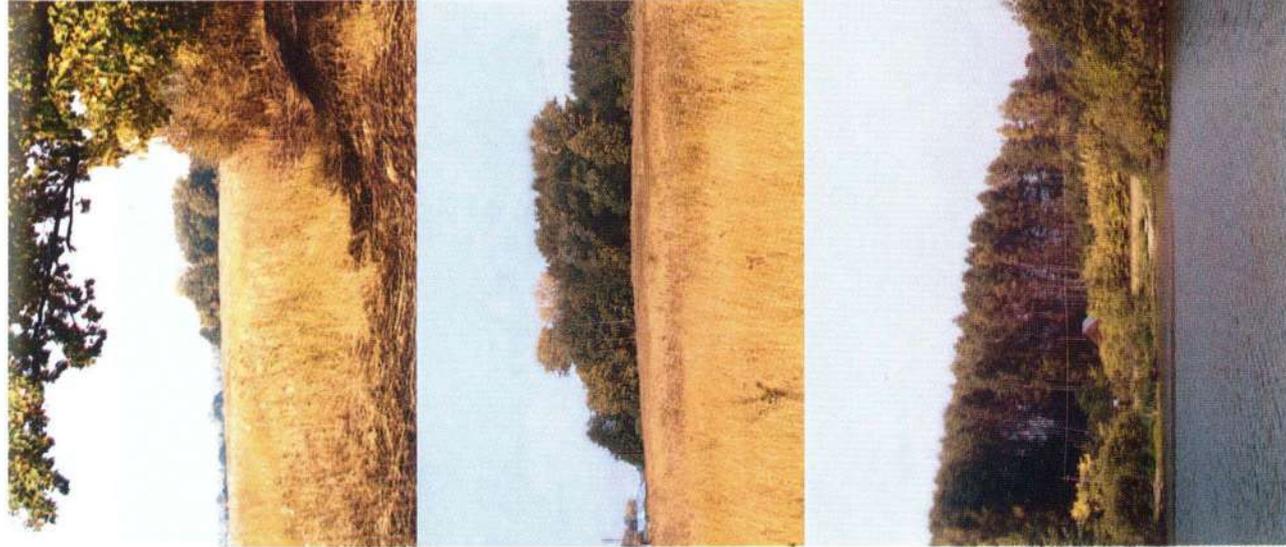
Рис. IV. Селище в селе Весь – типичное крупное поселение Суздальского Ополья XII–XIII вв. Аэрофотоснимок

Рис. V. Погост Веретьево в волости Талша Владимирского уезда – характерный ландшафт бортной волости, располагавшейся к востоку от р. Нерль. Аэрофотоснимок

Рис. VI. Район Медвежьих озер в Пехорской волости (аэрофотоснимок территории к югу от г. Щелково Московской обл.). Мещерский ландшафт, освоенный в XIV в. под бортовые ужожи. Стрелками показаны следы древней дороги из Москвы в Переяславль, упоминаемой в грамоте 1381–1382 гг. как “великая дорога старая Переяславская лесная”. Аэрофотоснимок

Рис. VII. Район Медвежьих озер на окраине Пехорской бортной волости Московского уезда

План расположения памятников археологии XIV (оранжевая заливка) и XV в. (желтая заливка). В основе – топосъемка 1959 г. Селища: 1 – Медвежье озеро-5 (исторический культурный слой Спасо-Преображенского монастыря и поселения при нем); 2 – Медвежье озеро-6 (Ревякино); 3 – Медвежье озеро-7; 4 – Медвежье озеро-1 (в д. Медвежье озеро); 5 – Медвежье озеро-2 (на истоке р. Малашки); 6 – Медвежье озеро-3 (на поле Сётко); 9 – Медвежье озеро, принадлежавшей боярам Мининым в 1360–1430-е годы

Рис. VIII. Селище в Копнинском лесу-I в Радонежском княжестве. Идентифицируется с селом Карамзинским-Копниным, центром вотчины боярина князя Андрея Владимировича († 1425 г.) Василия Борисовича Копнина († 1448–1449 гг.). Типичное село на водоразделах Клинско-Дмитровской моренной гряды. Аэрофотоснимок

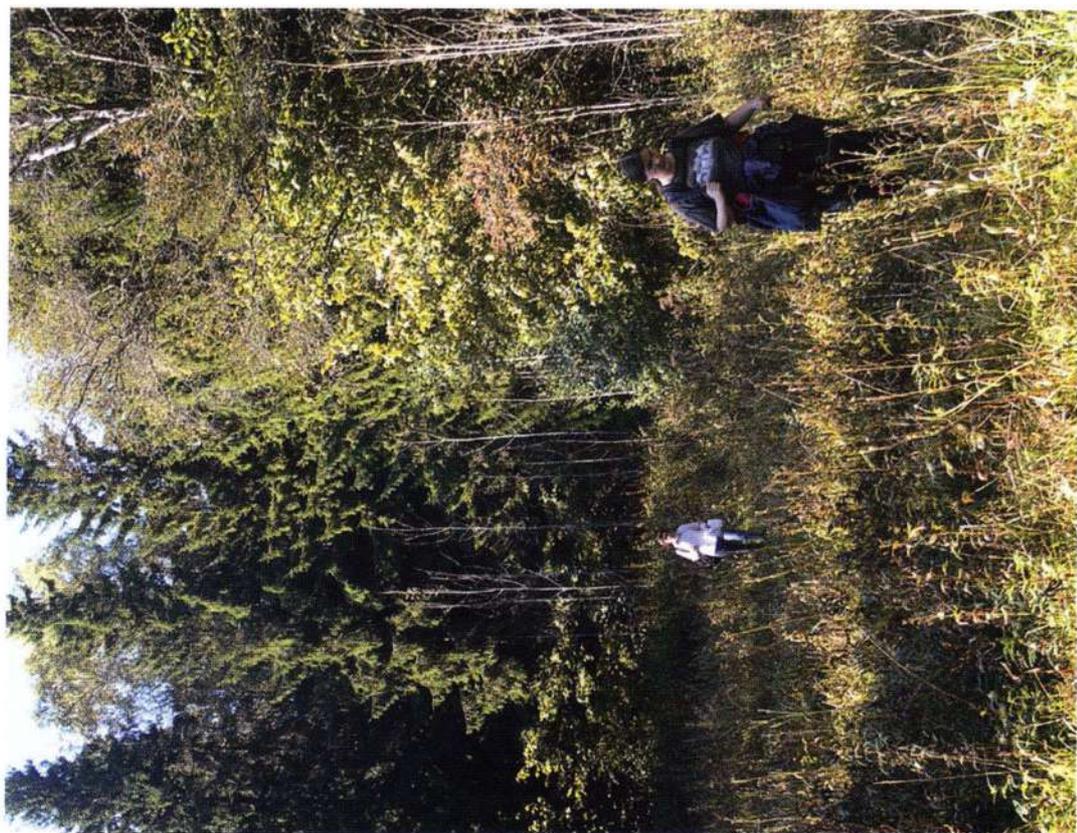
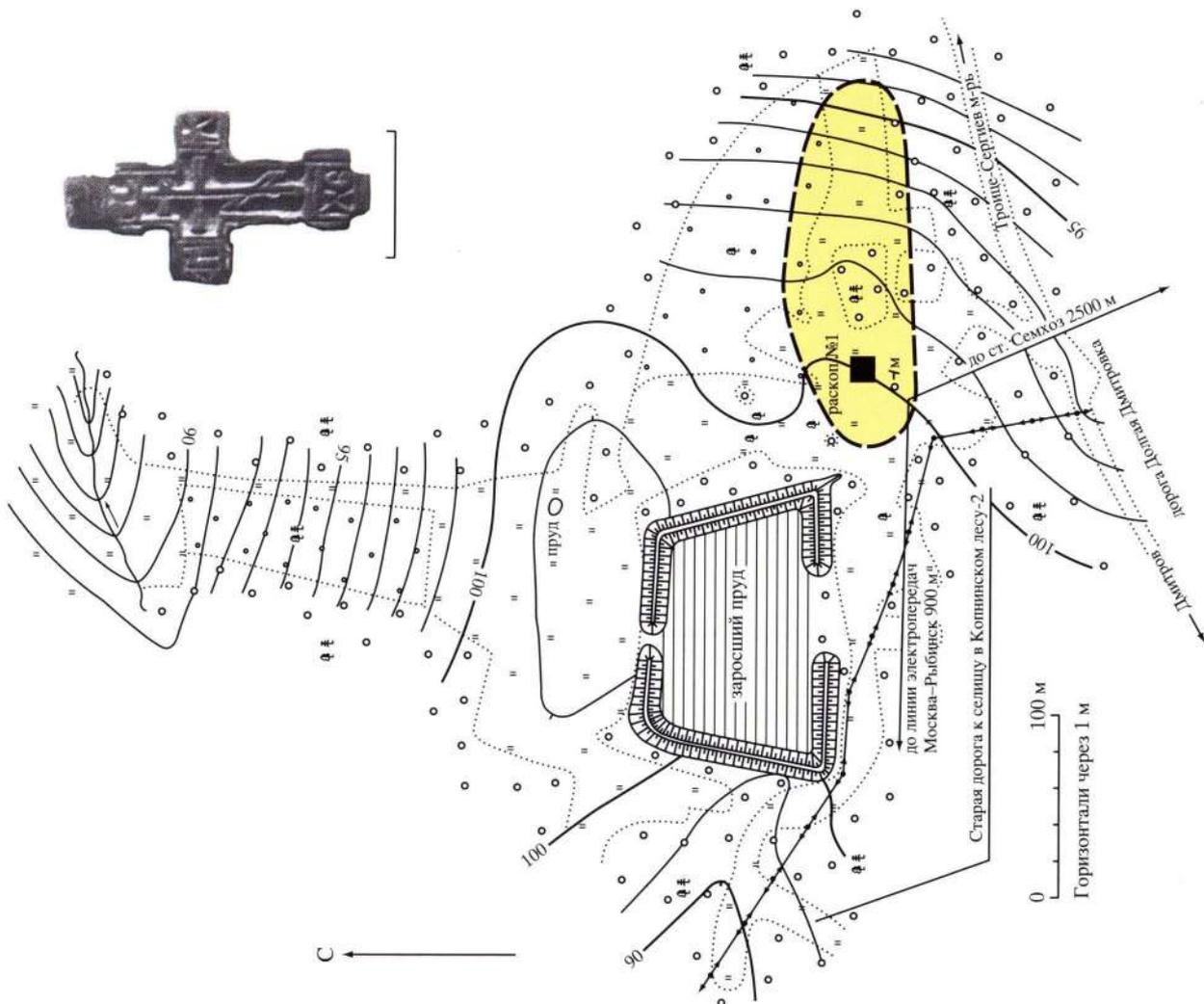

Рис. IX. Селище в Копыньском лесу-1. План с указанием места селища, вид прилегающих полей, крест-гельник XV в. (раскоп 1981 г.)

Рис. X. Часть древнего Березопольского стана Нижегородского княжества по карте генерала Менде середины XIX в. (топосъемка XIX в. совмещена с границами земельных дач Генерального межевания 1760–1780-х гг.). В верхней части карты – окраина г. Нижний Новгород, В нижней части карты – с. Большое Константиново

a

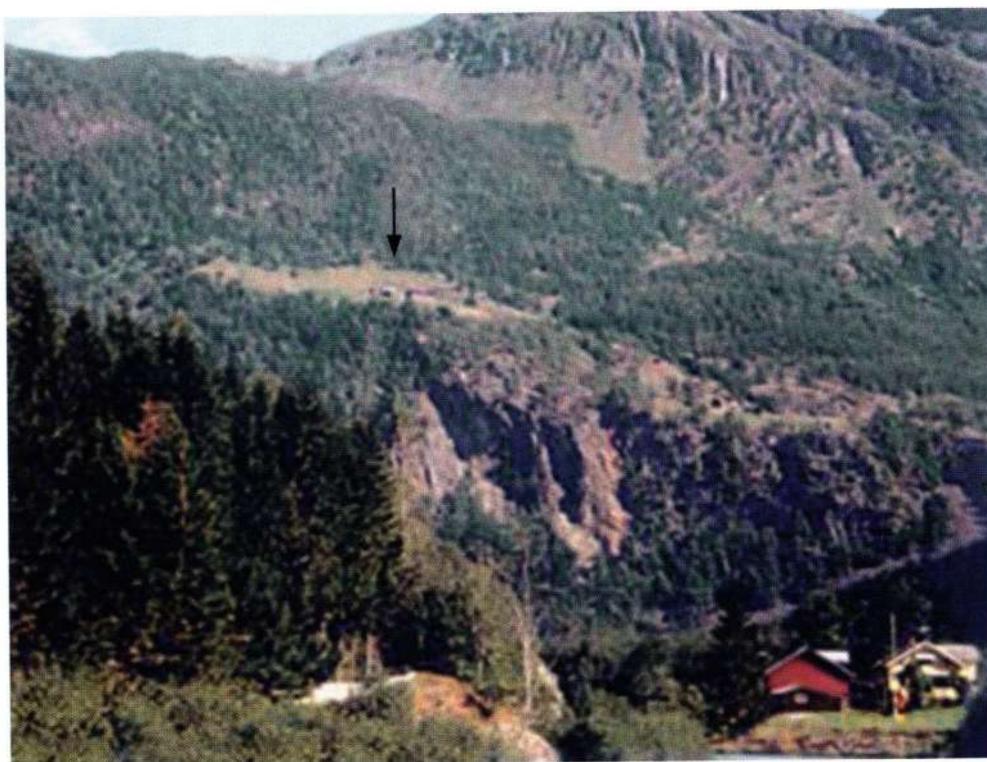
b

Рис. XI. Район древнего Березопольского стана. Аэрофотоснимки

a – село Большое Константиново (в верхней части снимка) и расположенное к югу от него селище Большое Константиново-1 (показано стрелкой). Пример земледельческого освоения моренной возвышенности в XIV–XV вв.; *b* – Селище Большое Константиново-1

Рис. XII. Следы хозяйственной деятельности на землях фермы, различные благодаря сохранившимся остаткам линчетоу и завалов камней на местах расчистки угодий

Рис. XIV. Ферма Ормелид в верхней части долины, при входе во фьорд Согне со стороны основной территории страны, на высоте примерно 450 м над уровнем моря

Рис. XV. Ферма Ли в средней части фьорда Согне, в глубине долины, на высоте 300 м над уровнем моря

Рис. XIII. Жилая часть фермы Гавра – типичная фермерская структура в регионе вплоть до середины XIX в.

Рис. XVI. Карта Гринда 1874 г. Хорошо различима сохранившаяся с давних времен структура: основная, жилая, зона фермы и окружающие ее хозяйственные земли

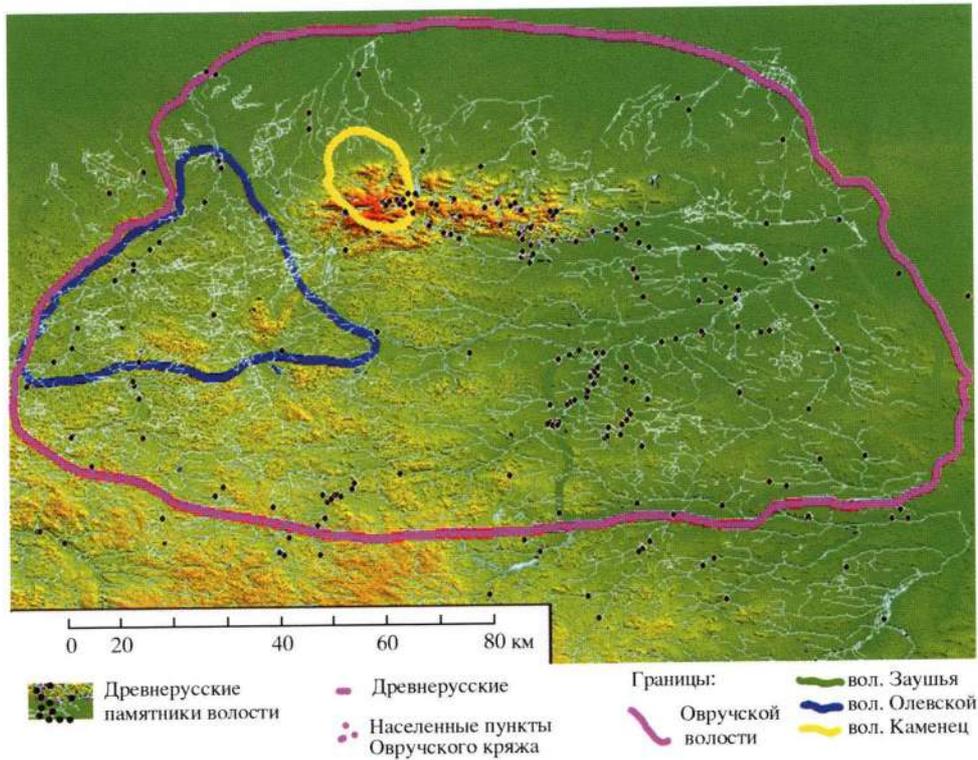

Рис. XVII. Овручская волость, ее внутренняя структура и Овручский край. Орографическая карта

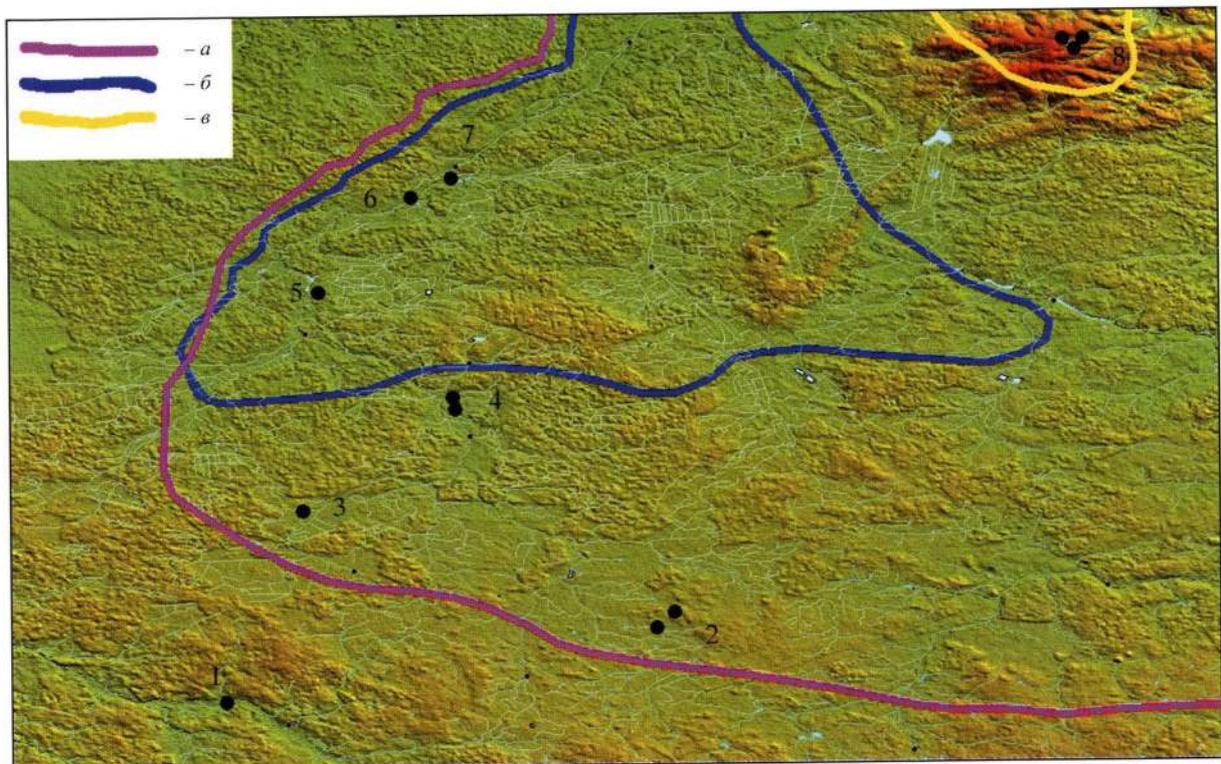
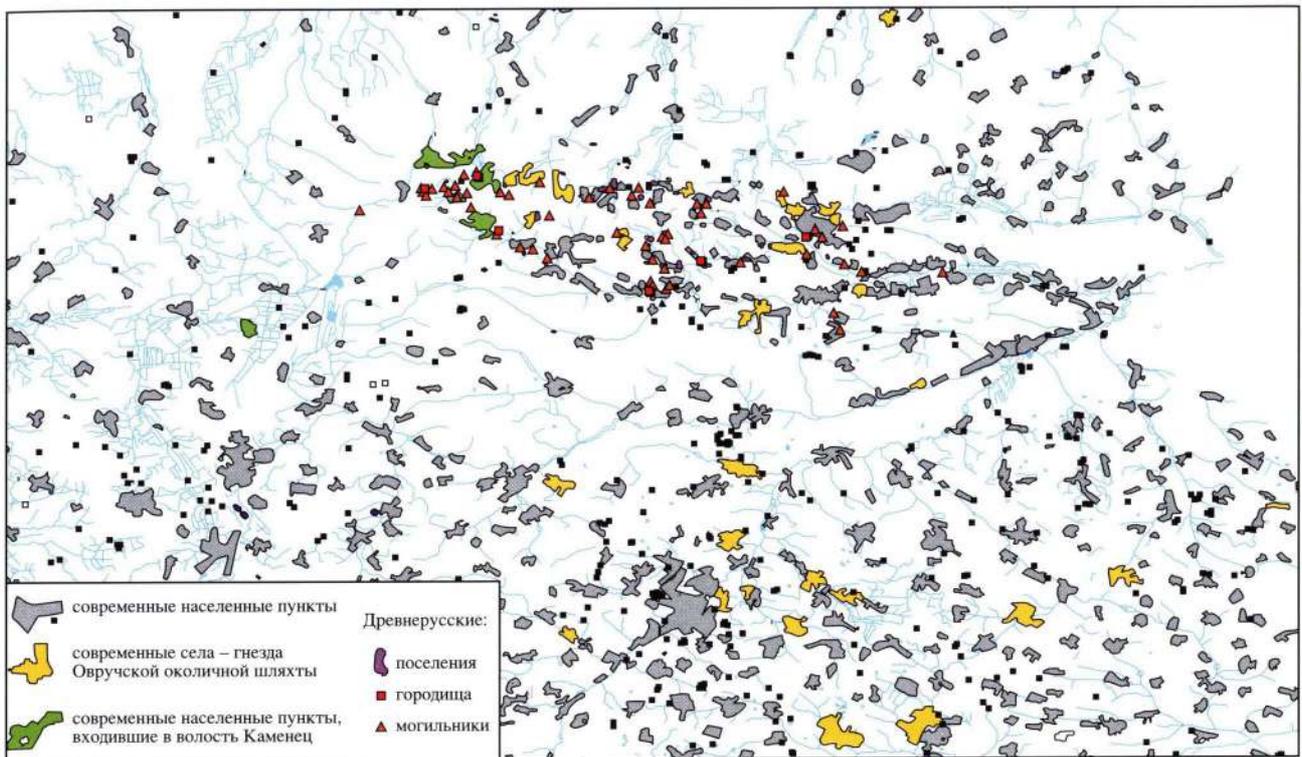
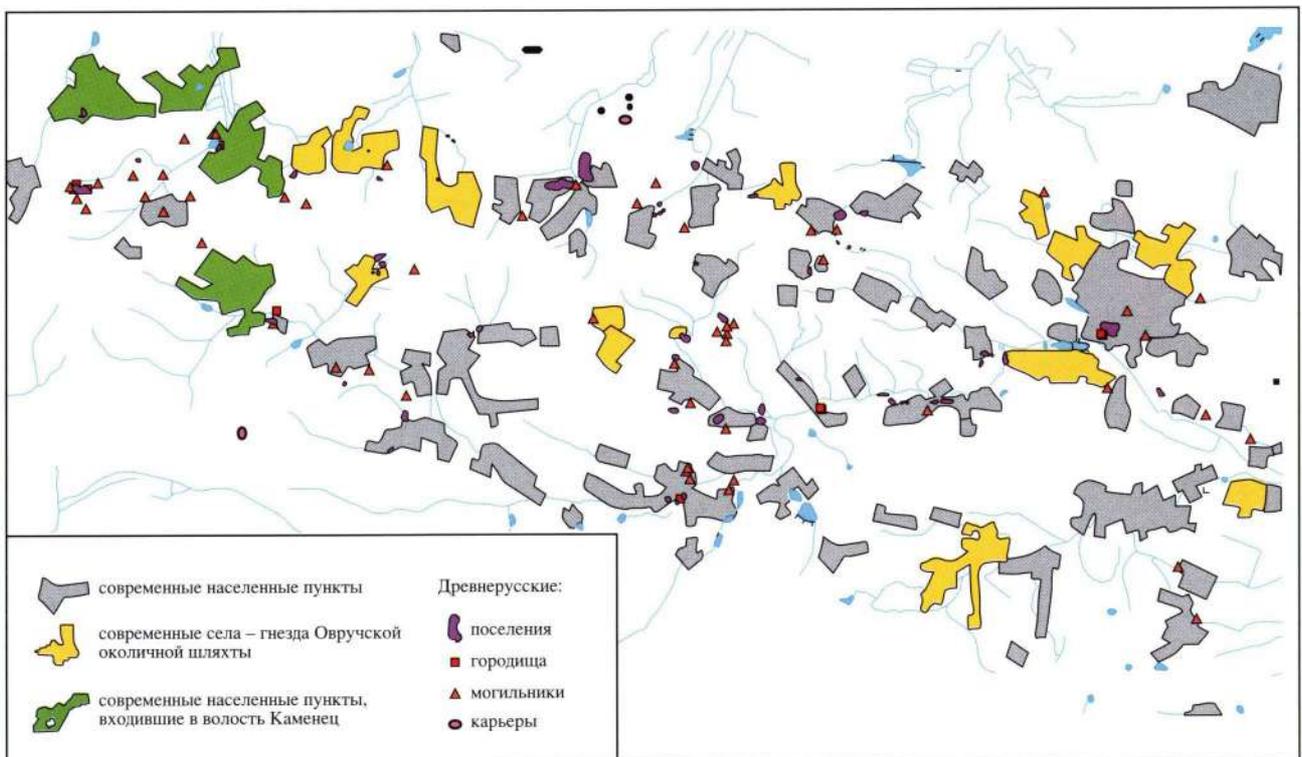

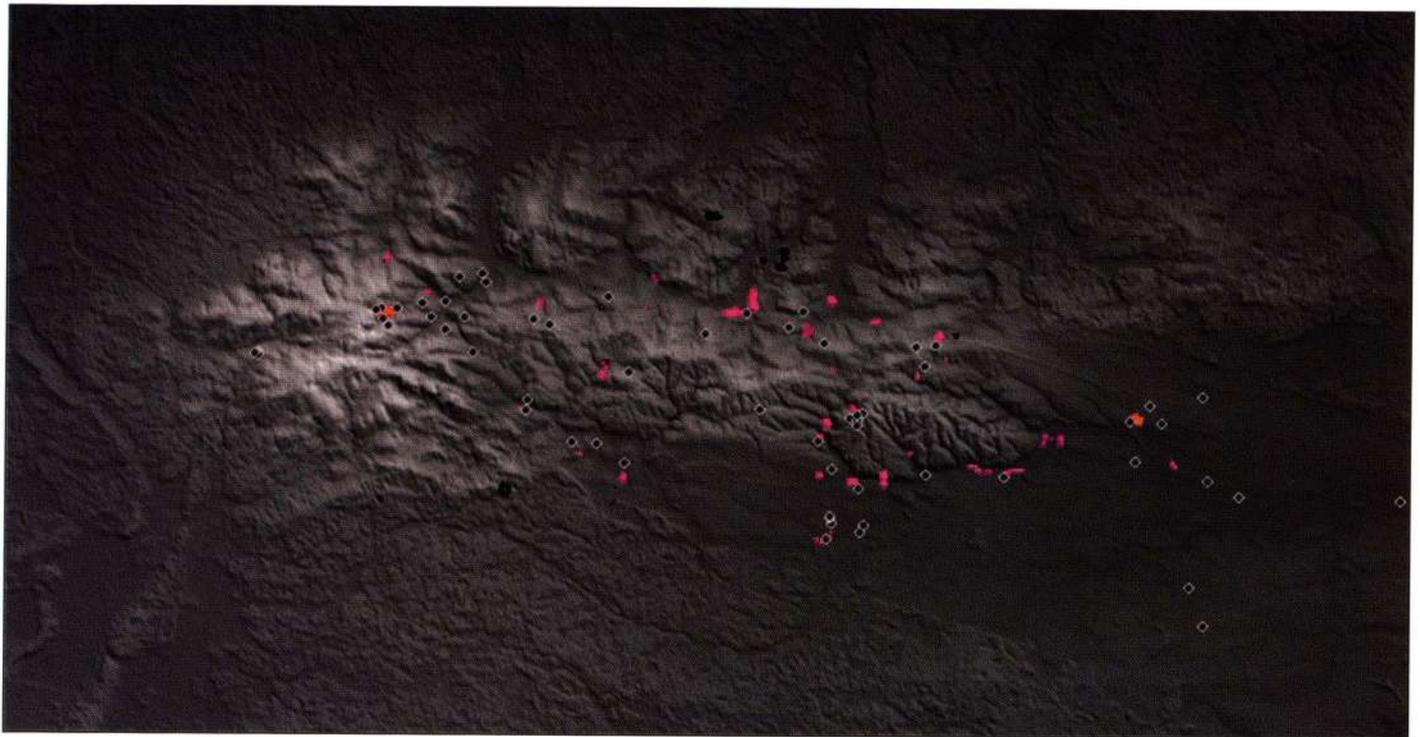
Рис. XVIII. Карта распространения курганных могильников с каменными кругами (ятважских) на фоне административно-территориального деления западной части Овручской волости
 1 – Ходурки; 2 – Андреевичи-Мокляки; 3 – Велика Глумча; 4 – Зубковичи; 5 – Лопатичи; 6 – Олевск; 7 – Тепеница; 8 – Городец – Антоновичи. а – границы Овручской волости; б – границы Олевской волости; в – границы волости Каменец

Рис. XIX. Карта месторасположения родовых сел овручской околичной шляхты на фоне современного заселения и древнерусской системы заселения Овручской волости

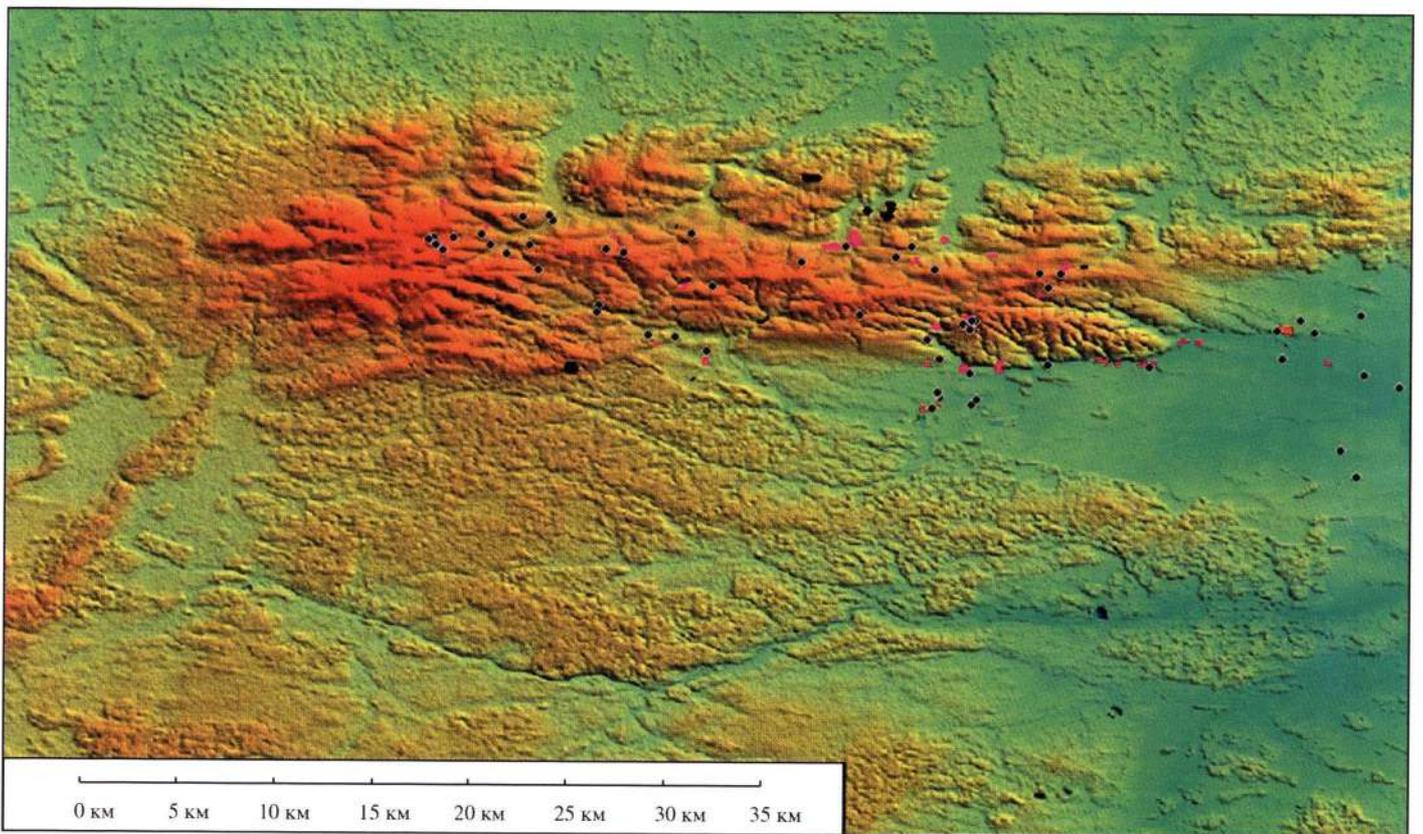

Рис. XX. Карта месторасположения родовых сел овручской околичной шляхты на фоне современного заселения и древнерусской системы заселения Овручского края

0 км 5 км 10 км 15 км 20 км 25 км 30 км

- Древнерусские:
- поселения
  - города (городища)
  - могильники

0 км 5 км 10 км 15 км 20 км 25 км 30 км 35 км

Рис. XXI. Варианты обзорной орографической карты древнерусской системы заселения Овручского края

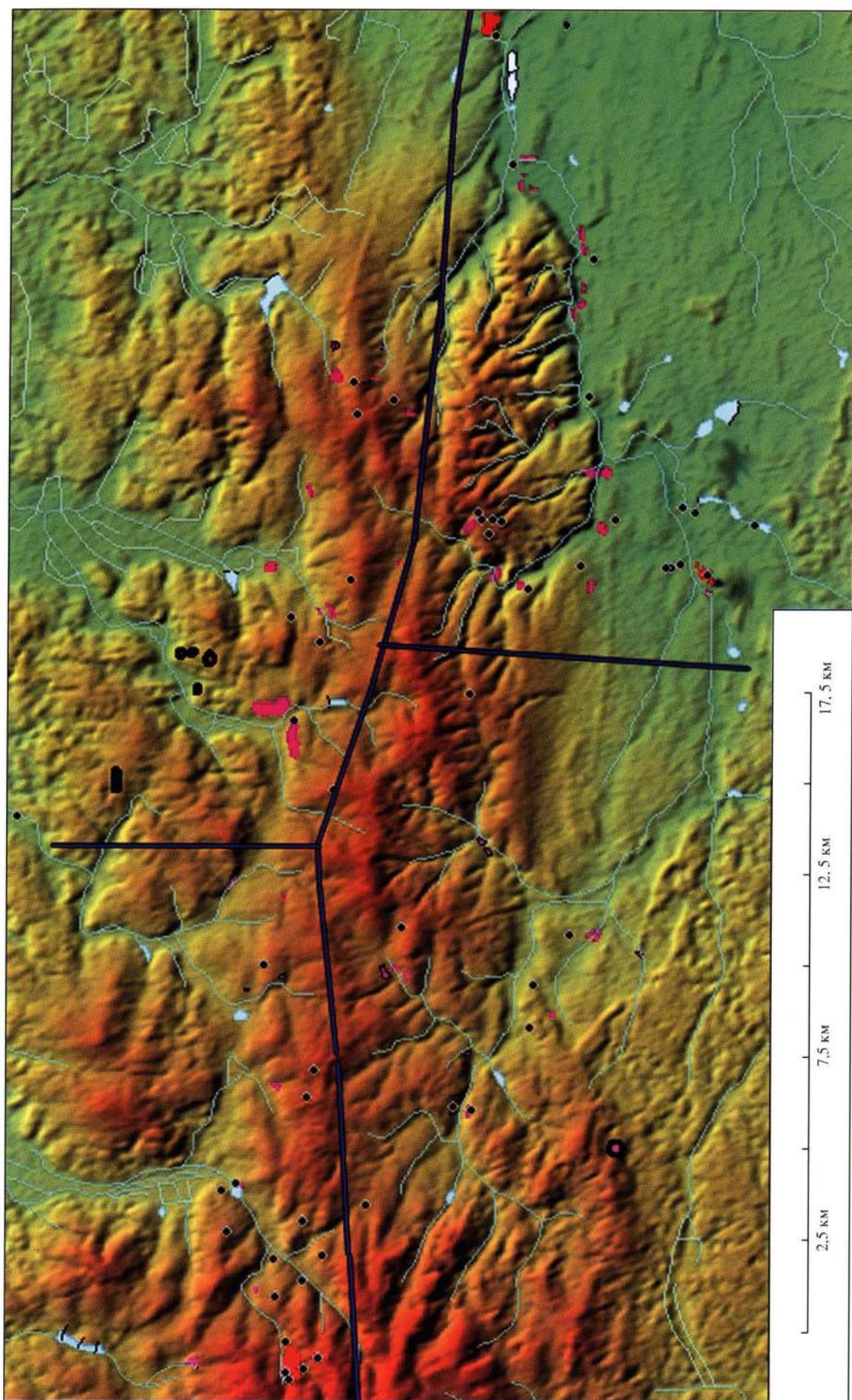
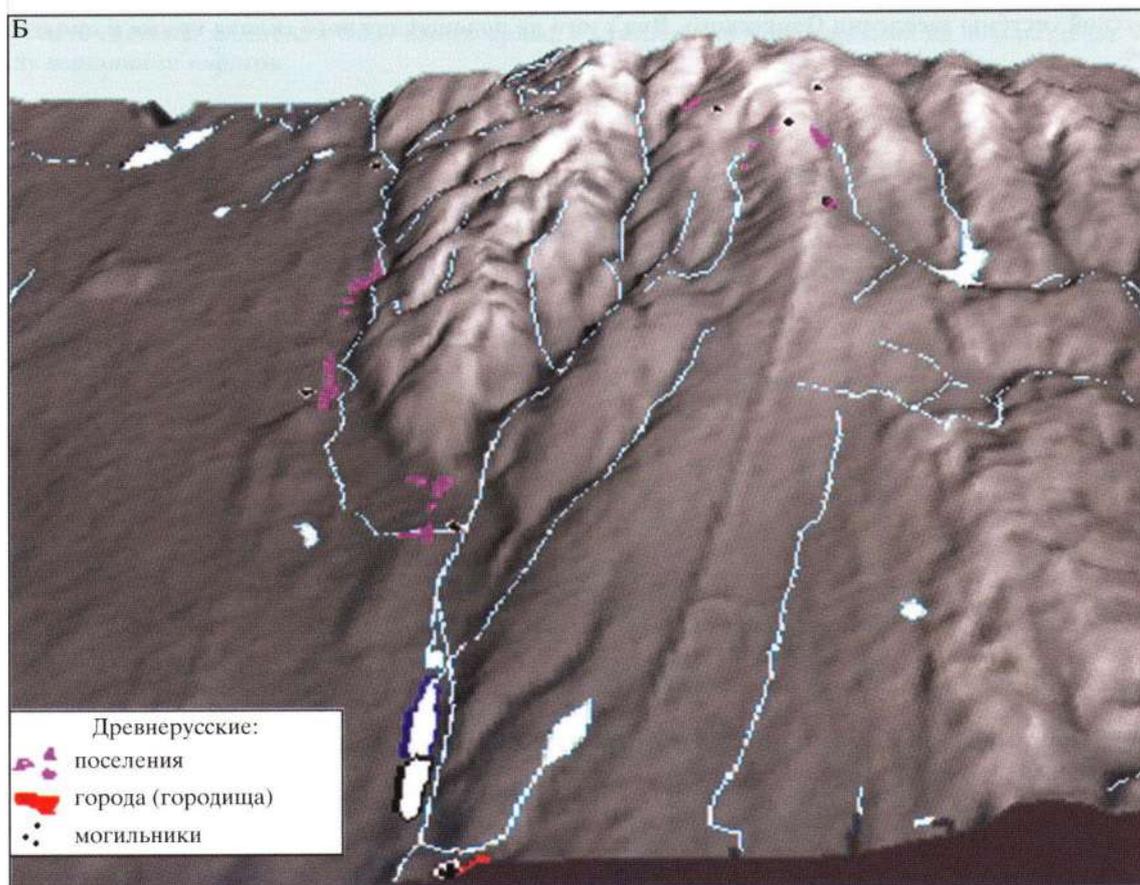
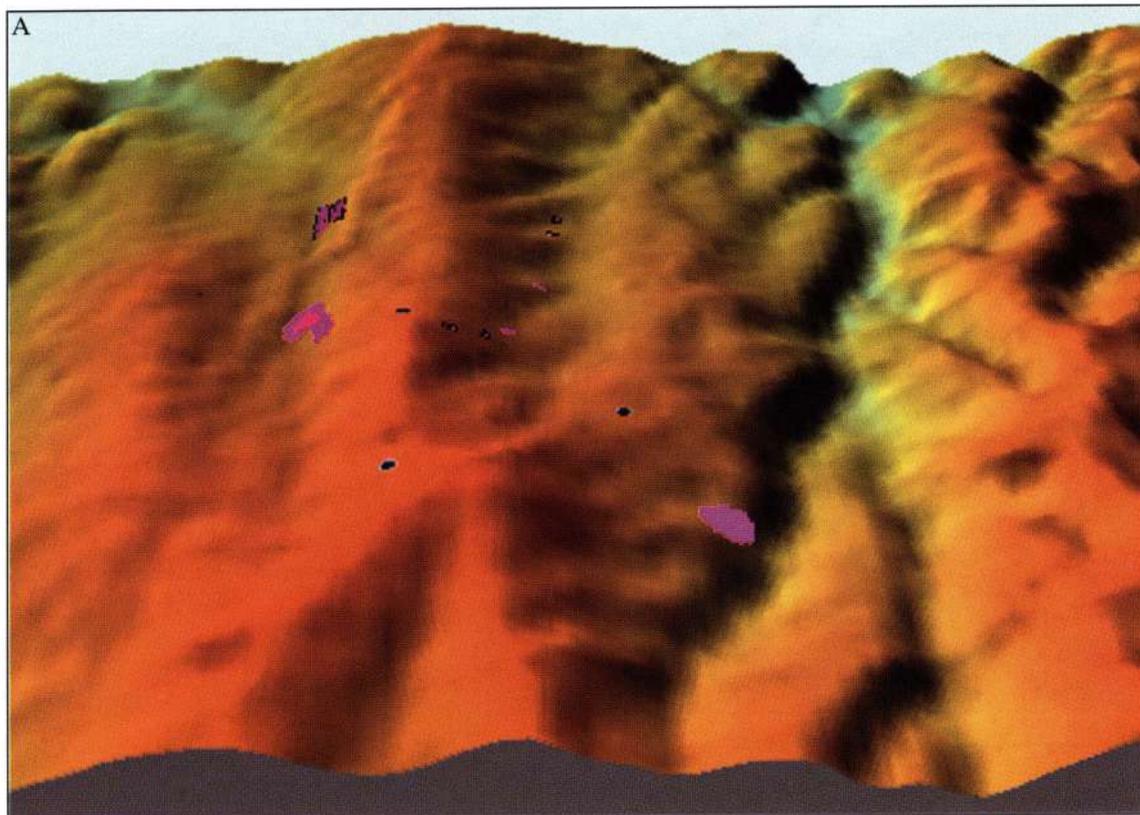

Рис. XXII. Карто-схема с обозначением выделенных четырех зон системы заселения Овручского края

Рис. XXIII. Фрагмент космического снимка LANDSAT с наложением карты юго-восточной зоны древнерусской системы заселения Овручского края

Рис. XXIV. Фрагменты цифровых трехмерных моделей рельефа Полохачевской гряды и ее заселения в древнерусское время
 А – вид с запада; Б – вид с востока

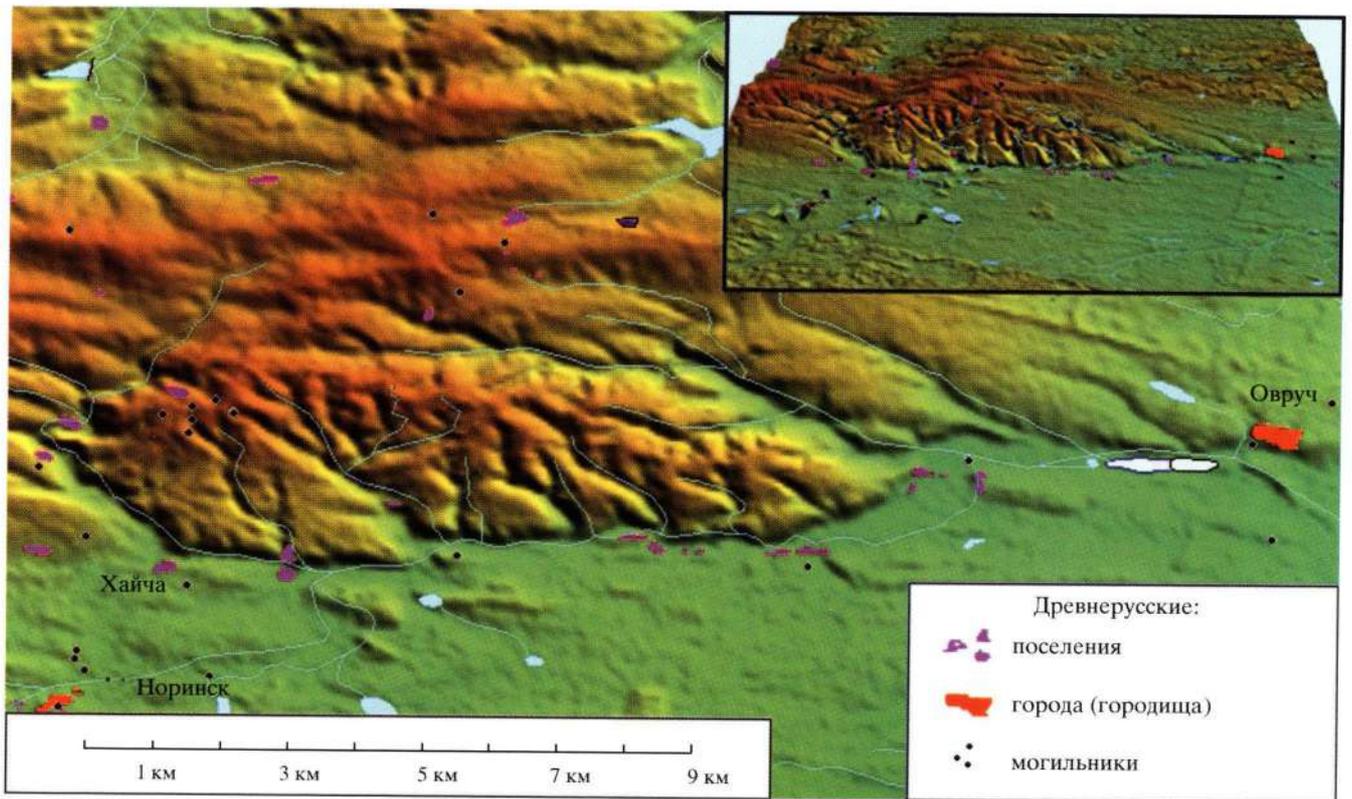
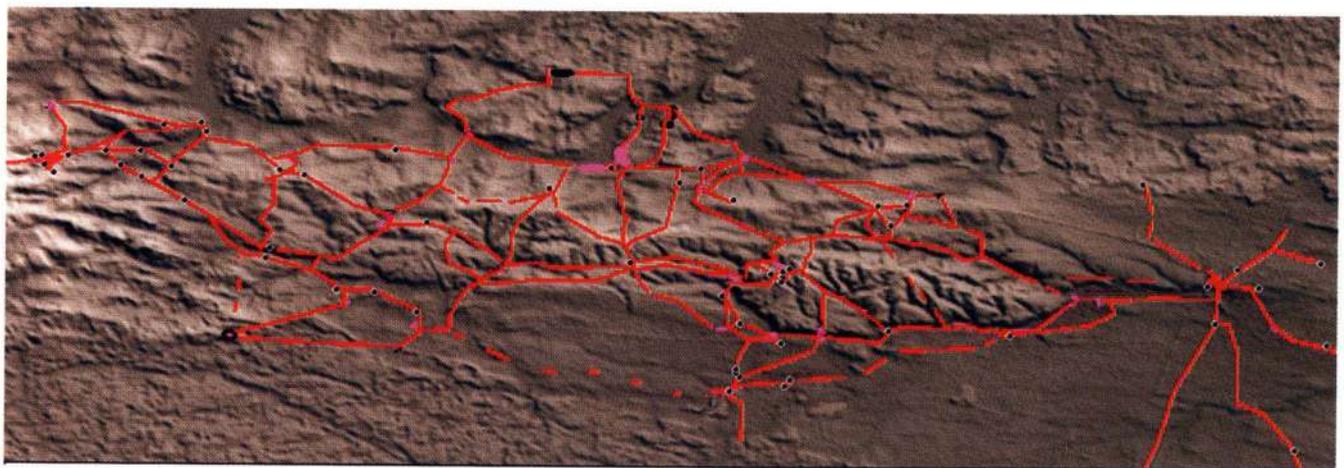

Рис. XXV. Фрагменты цифровых трехмерных моделей рельефа юго-восточной (микрорегион Хайча) зоны древнерусской системы заселения Овручского. Вид с юга на подошву южного склона кряжа и опоясывающее заселение

▲ поселения X–XIII вв.   ••• могильники X–XIII вв.   ■ вероятные пути сообщений X–XIII вв.

Рис. XXVI. Орографическая реконструкция коммуникационной модели древнерусской системы заселения Овручского кряжа

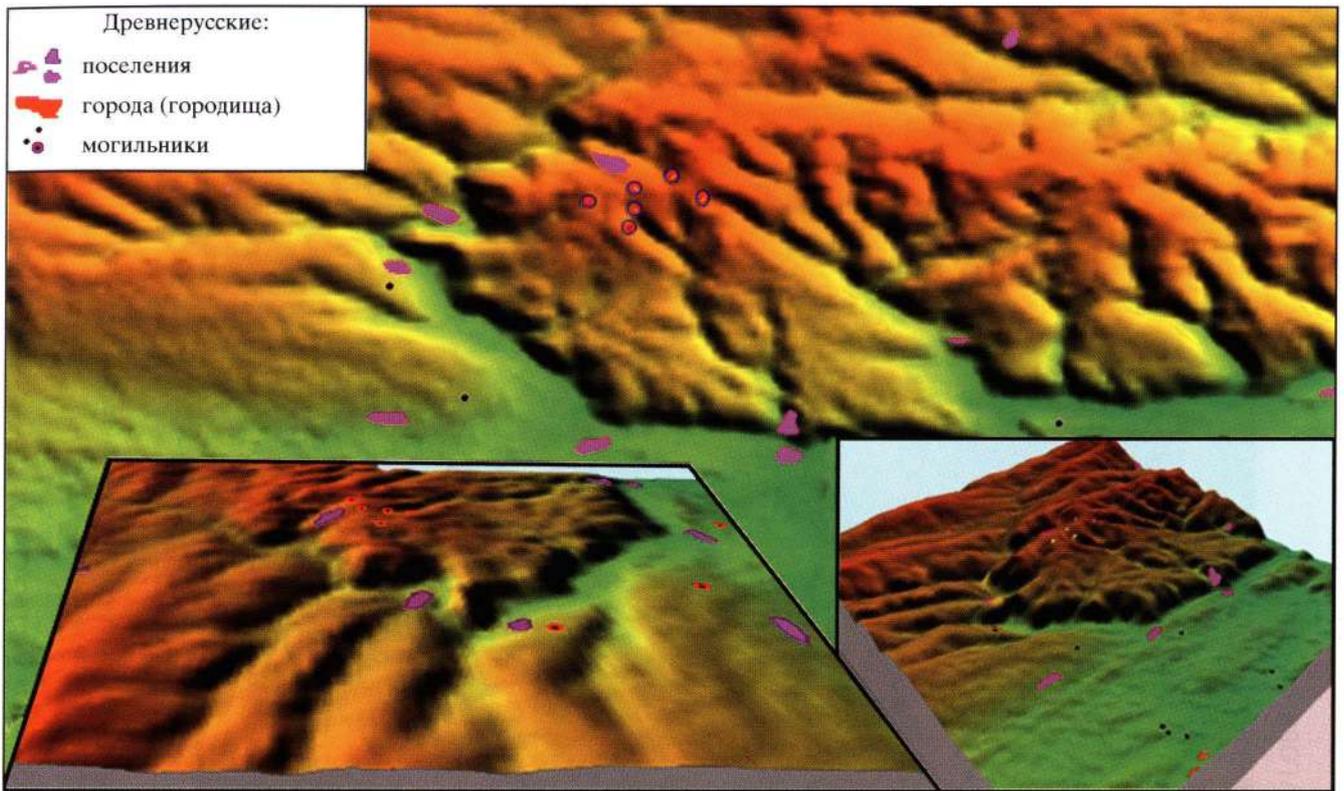

Рис. XXVII. Фрагменты цифровых трехмерных моделей рельефа юго-восточной (микрорегион Хайча) зоны древнерусской системы заселения Овручского края с курганными могильниками на водоразделах и переходах между вершинами оврагов

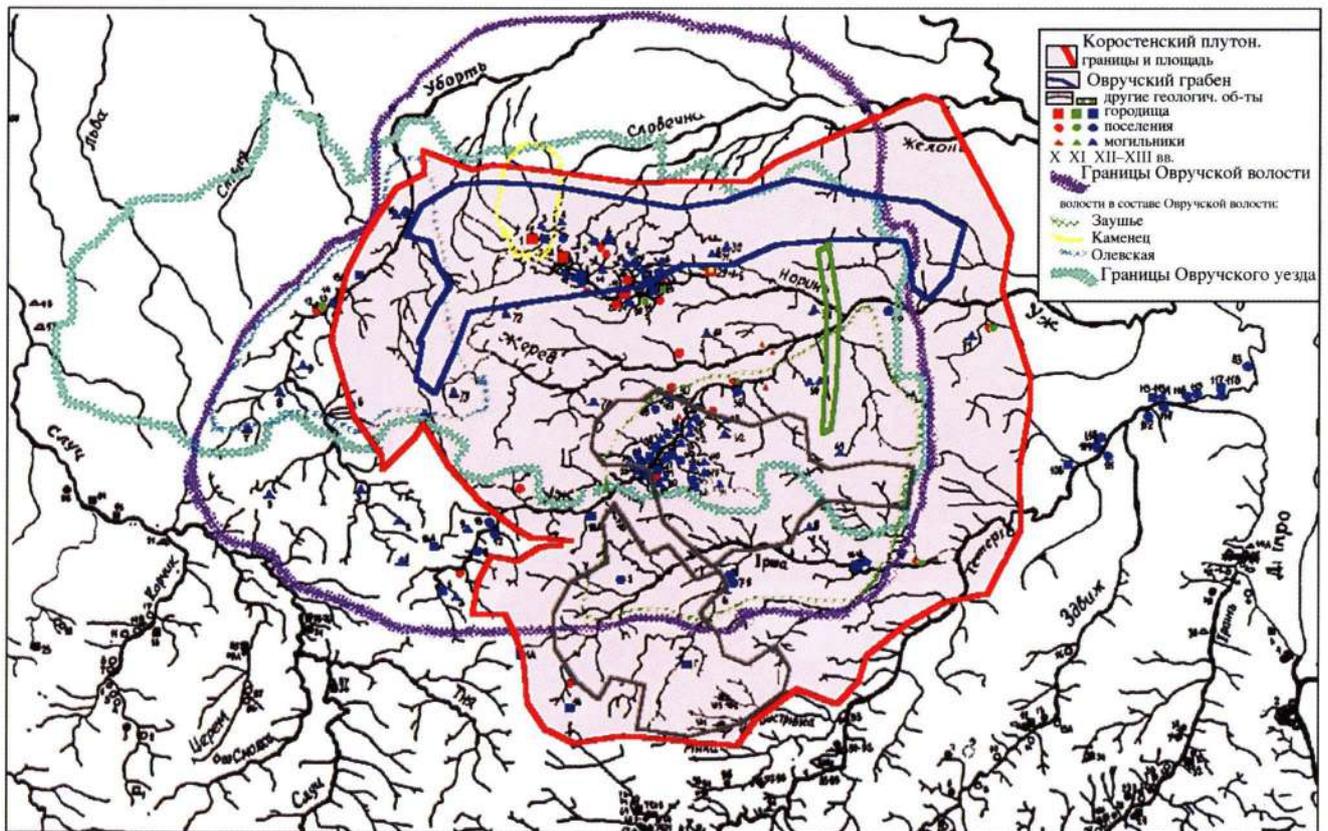

Рис. XXVIII. Картосхема пространственного совмещения геотектонических структур Коростенского плутона, Овручского грабена и системы заселения и внутренней структуры средневековой Овручской волости

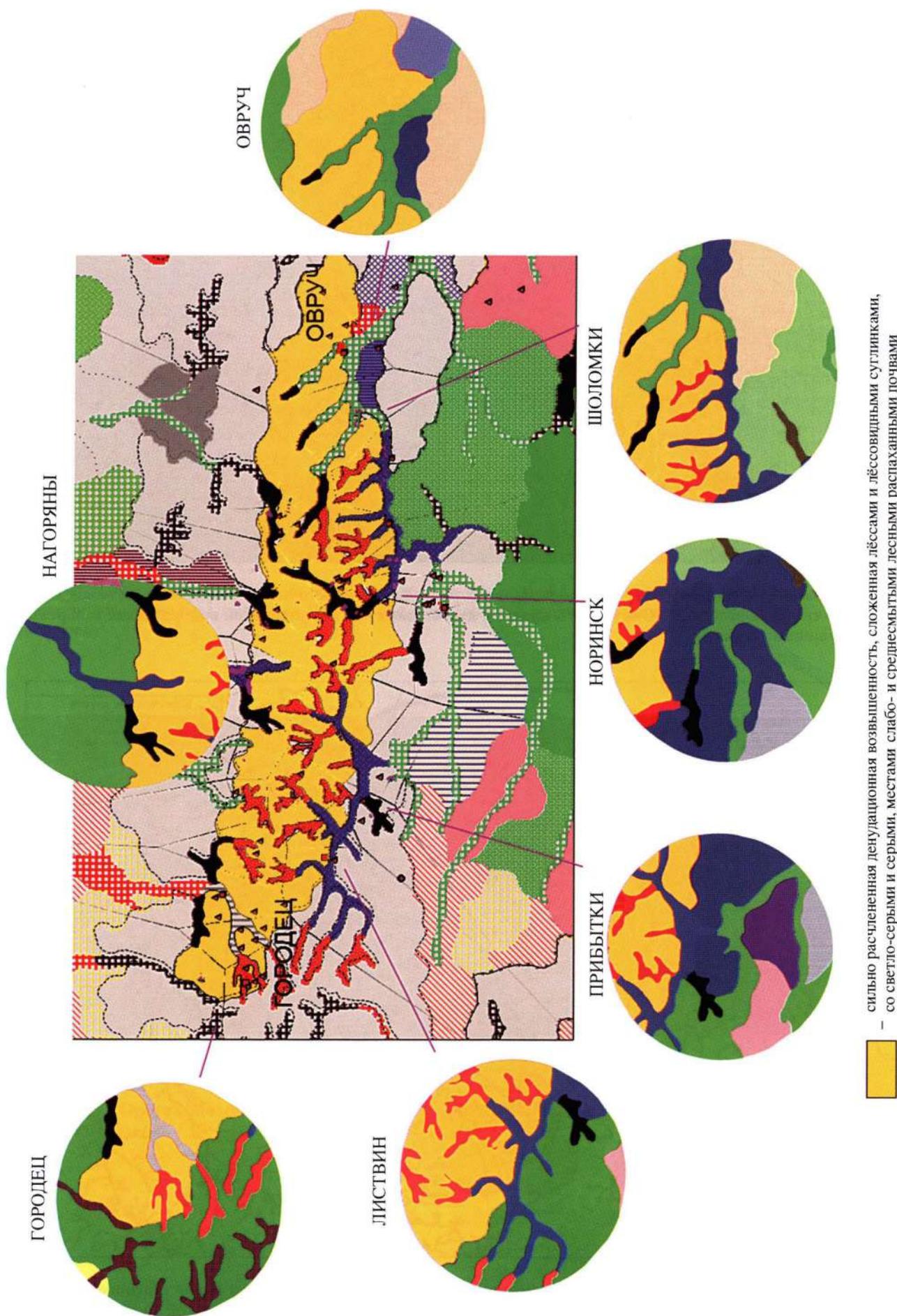
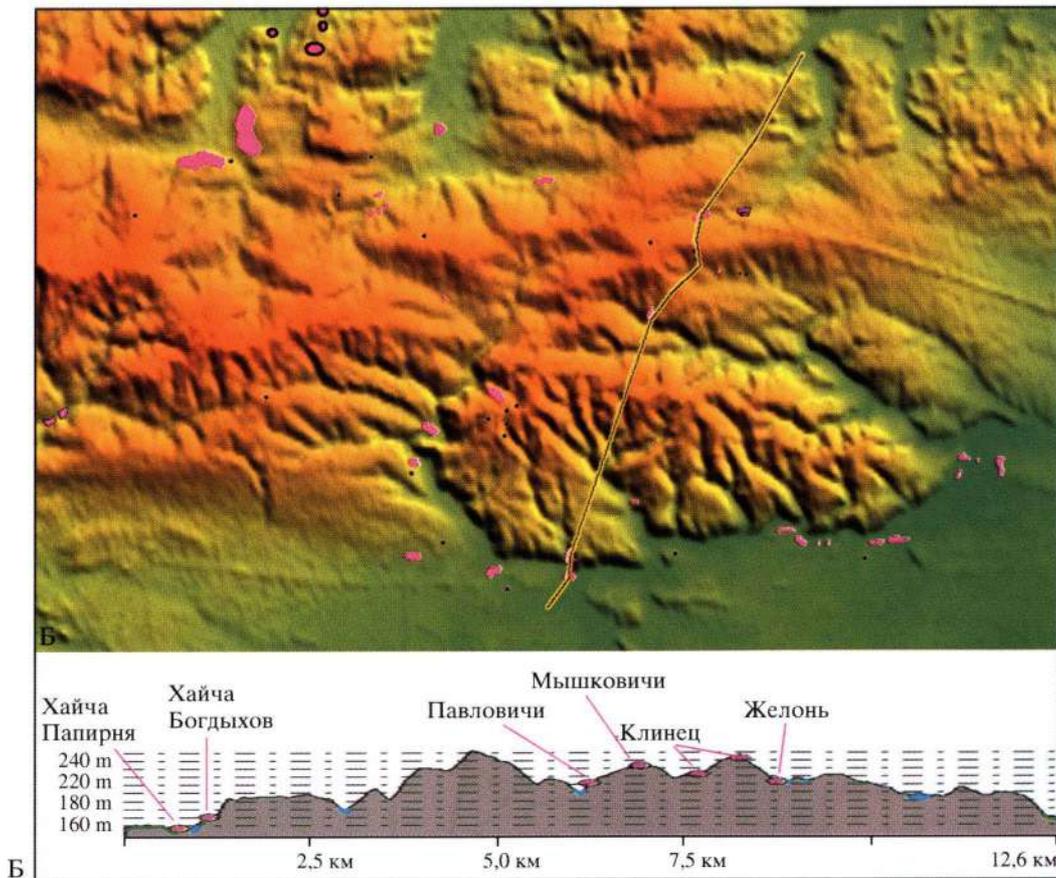
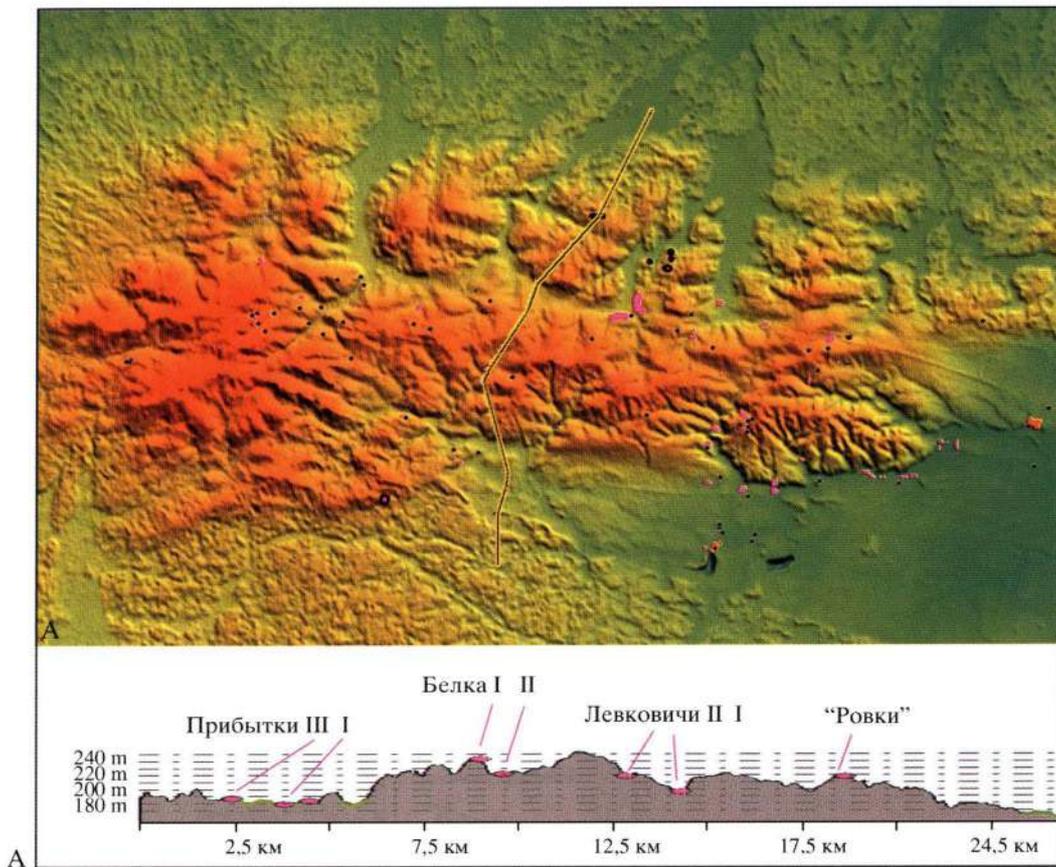

Рис. XXIX. Моделирование освоения ресурсных зон древнерусских населенных пунктов ландшафтов Овручского края. Схемы местонахождения экотонов в реконструированных ресурсных зонах населенных пунктов XII–XIII вв. Овручского края с палеоботаническими и палинологическими спектрами

Рис. XXX. Реконструированные поперечные геоморфологические профили Овручского кряжа через гряды и долины с показом расположения поселений и могильников
 А – через весь кряж посередине с южной подошвы до северных отрогов; Б – через восточные (южную и северную) подзоны кряжа

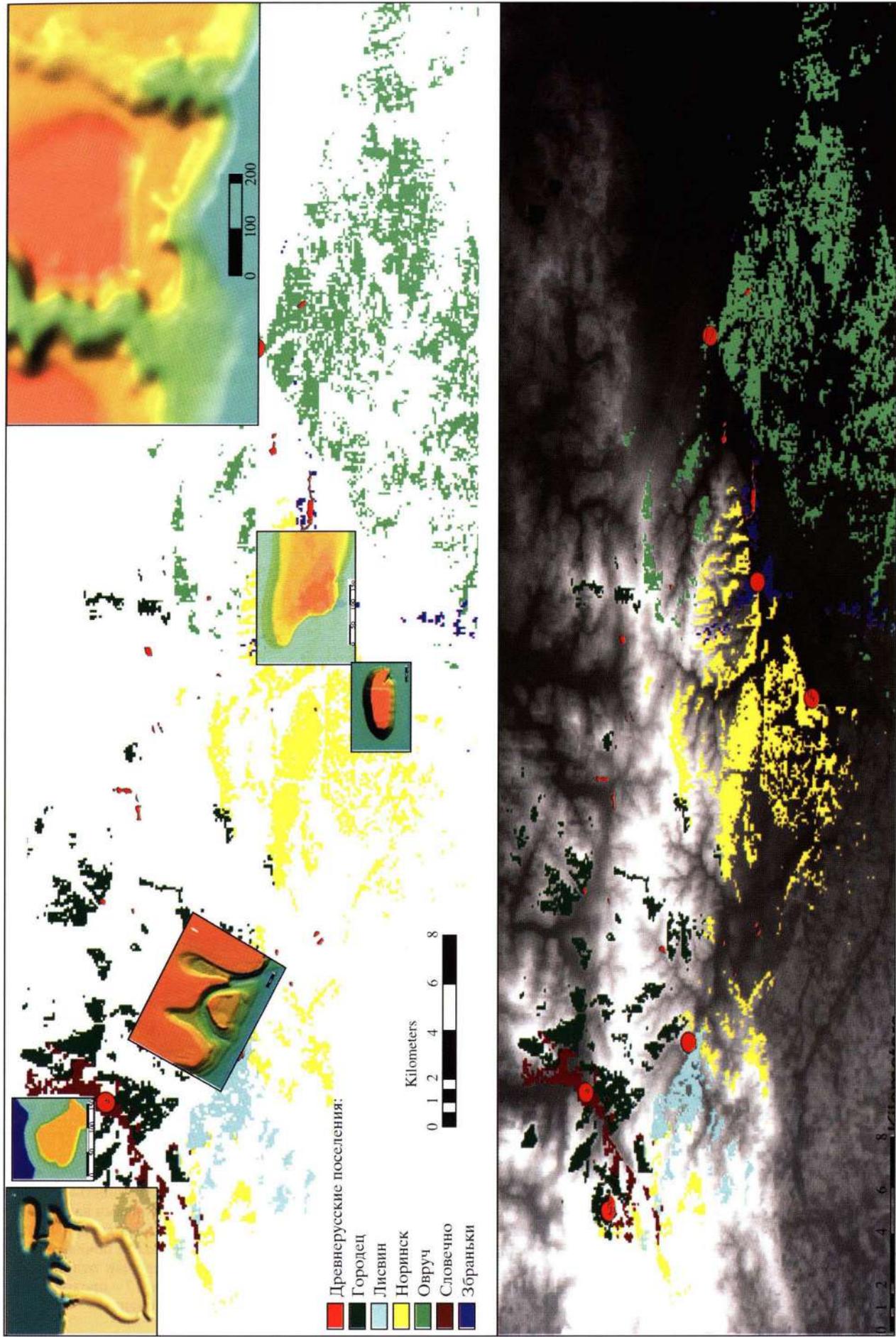
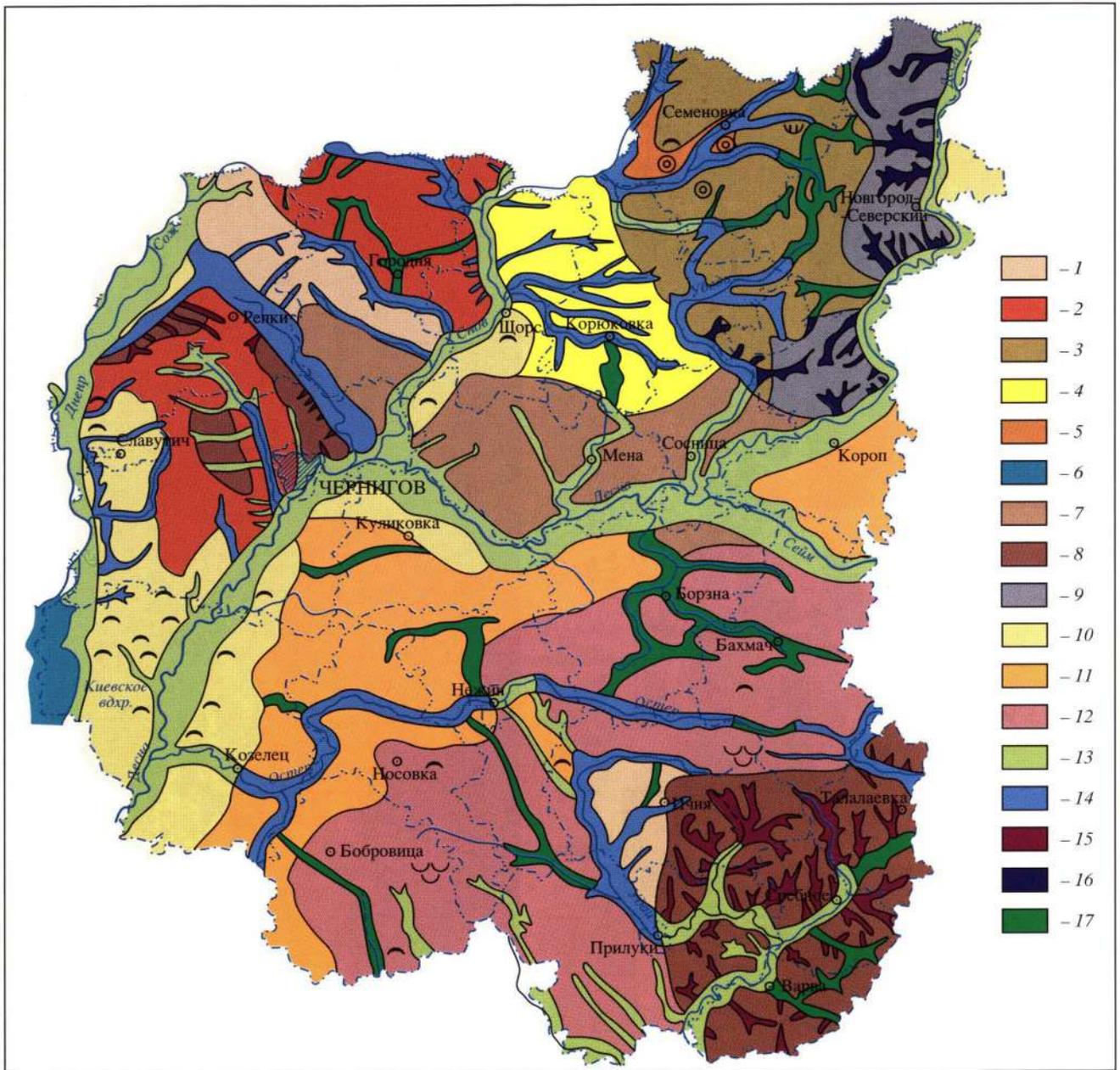
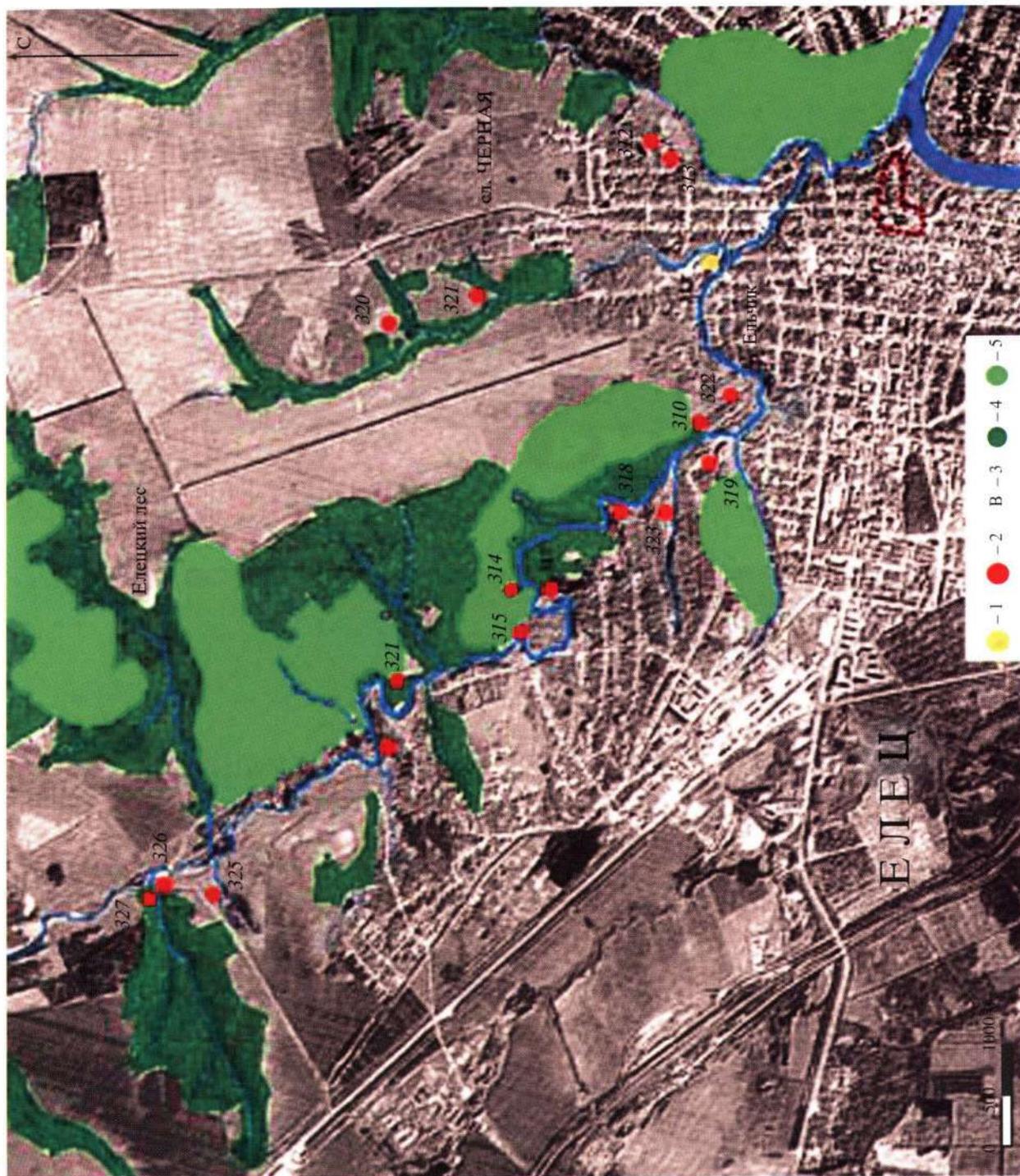

Рис. XXXII. Варианты моделирования зон видимости шести городищ Овручского края и цифровые объемные модели городищ

Рис. XXXIII. Ландшафты Черниговской области (по атласу Черниговской области)

Моренно-водноледниковые равнины: 1 – холмисто-волнистые песчаные с дерново-слабо- и среднеподзолистыми почвами под сосновыми и дубово-сосновыми лесами, частично распаханые; 2 – волнистые, сложенные супесями и опесчаненными суглинками с дерново-подзолистыми и серыми лесными почвами, значительно обезлесенные; 3 – волнистые песчаные с дерново-слабоподзолистыми почвами, закарстованные, с дубово-сосновыми лесами; 4 – слабоволнистые песчаные, с дерново-подзолистыми почвами под сосновыми и сосново-дубовыми лесами, значительно распаханые; 5 – аллювиально-водноледниковые волнистые песчаные равнины, сильно закарстованные, с дерново-слабоподзолистыми почвами под сосновыми лесами; 6 – древняя долина “Замглай” с заболоченным дном, с торфяниками, дерново-подзолистыми оглееными и черноземно-луговыми почвами, с черноольховыми лесами, частично мелиорированная. Лесовые равнины: 7 – слаборасчлененные с черноземами типичными, распаханые, в прошлом под широколиственными лесами; 8 – сильнорасчлененные с черноземами типичными, распаханые, с дубово-грабовыми лесами в балках; 9 – сильнорасчлененные со смытыми серыми лесными почвами и черноземами оподзоленными, под хвойно-широколиственными лесами. Древнеаллювиальные равнины: 10 – песчаные с дерново-слабоподзолистыми почвами под сосновыми и дубово-сосновыми лесами; 11 – песчано-суглинистые с дерново-подзолистыми и светло-серыми лесными почвами, мелиорированные, частично под хвойными и широколиственными лесами; 12 – лесовые, плоские, с черноземами типичными и лугово-черноземными почвами, распаханые, в прошлом под лугово-степной растительностью. Аллювиальные равнины: 13 – песчаные и суглинистые с пойменными дерновыми почвами под ивняками и злаково-разнотравными лугами; 14 – плоские с лугово-болотными почвами на разномошных низинных торфяниках с черноольховыми лесами, лугово-болотной растительностью, мелиорированные. Характерные урочища: 15 – балки сложного профиля в лессовидных суглинках, сырые и заболоченные, со смытыми серыми лесными почвами и черноземами обыкновенными под дубово-грабовыми лесами на склонах; 16 – балки и овраги, врезанные в меловые отложения, сухие и сырые, с дерновыми и светло-серыми лесными почвами под липово-дубово-сосновыми лесами на склонах; 17 – проходные долины с черноземно-луговыми и болотными почвами под лугово-болотной растительностью, частично мелиорированные

Рис. XXXIV. Древнерусские поселения по р. Ельчик в системе зазеленного ландшафта (фрагмент космической съемки)

Условные обозначения: 1 – поселение XII – первой половины XIII в.; 2 – поселение XIV в.; 3 – граница распространения древнерусской керамики в историческом центре г. Ельда; 4 – современные участки леса, фиксируемые также по данным карт Генерального межевания; 5 – лесные территории, фиксируемые только по данным карт Генерального межевания. Нумерация памятников приводится в соответствии с каталогом памятников южных территорий Чернигово-Рязанского порубежья. 310 – Целыковка 3; 311 – Знаменский монастырь; 312 – Черная слобода 4; 313 – Черная слобода 5; 314 – Александровка 3; 315 – Александровка 4; 316 – Хмелинец-4; 317 – “Лесная школа”; 318 – Александровское городище; 319 – Александровка 1; 320 – Черная слобода 11; 321 – Черная слобода 12; 322 – Целыковка 4; 323 – Александровка 8; 324 – Созыкино 7; 325 – Подхорошее 5; 326 – Созыкино 2; 327 – Подхорошее 6; 328 – Подхорошее 1

Рис. XXXV. Селище Веси 5 в Суздальском Ополье. Стекланные бусы из культурного слоя

Рис. XXXVI. Участок Суздальского Ополья у с. Кибол с селищем Кибол 5. Общий вид

Рис. XXXVII. Суздальское Ополье. Средневековый пахотный горизонт на поселении Весь 5

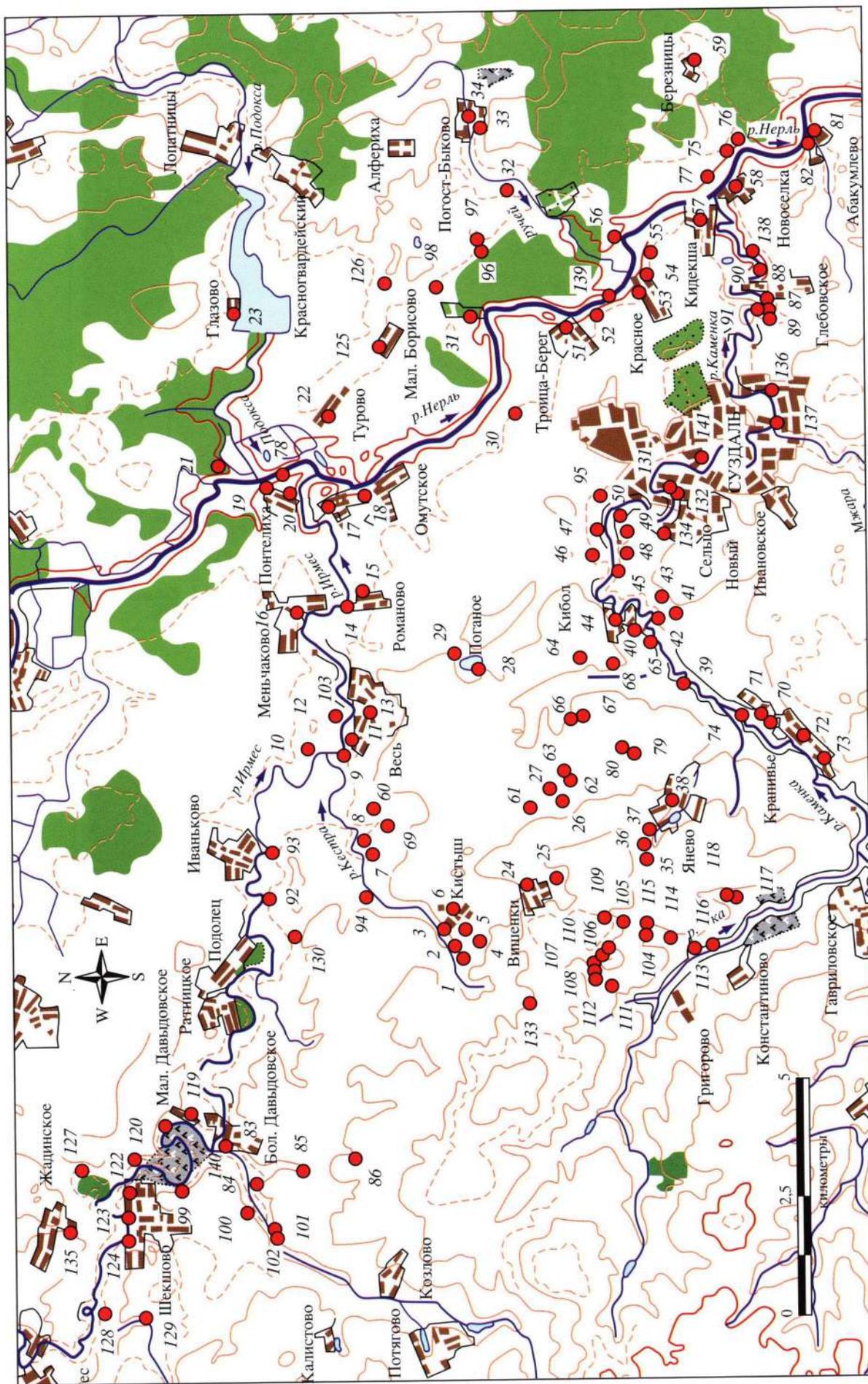
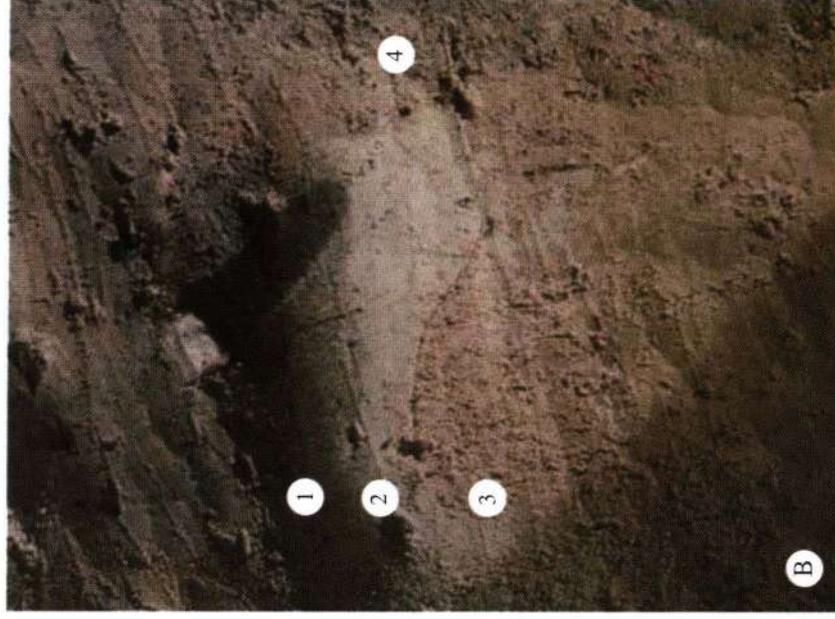
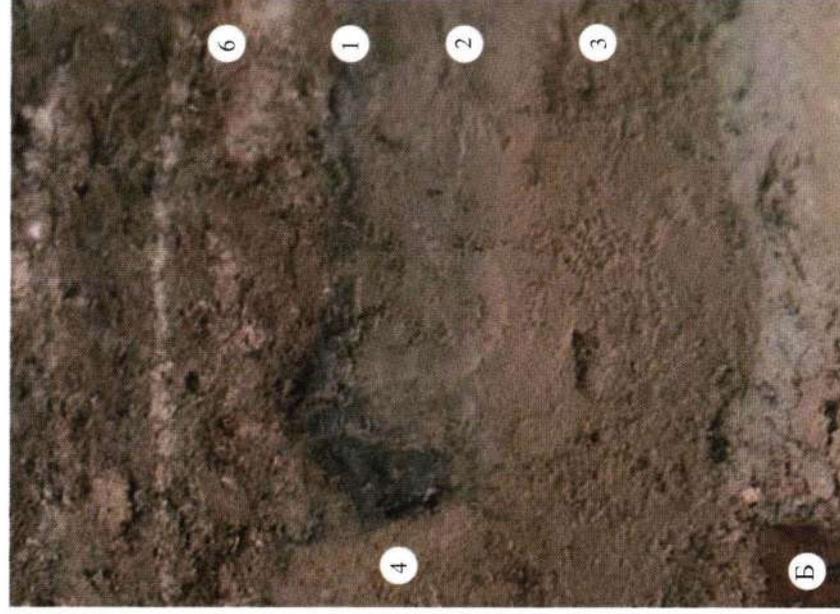

Рис. XXXVIII. Археологические памятники Суздальского Ополя. Условные обозначения см. с. 157, примеч. 1

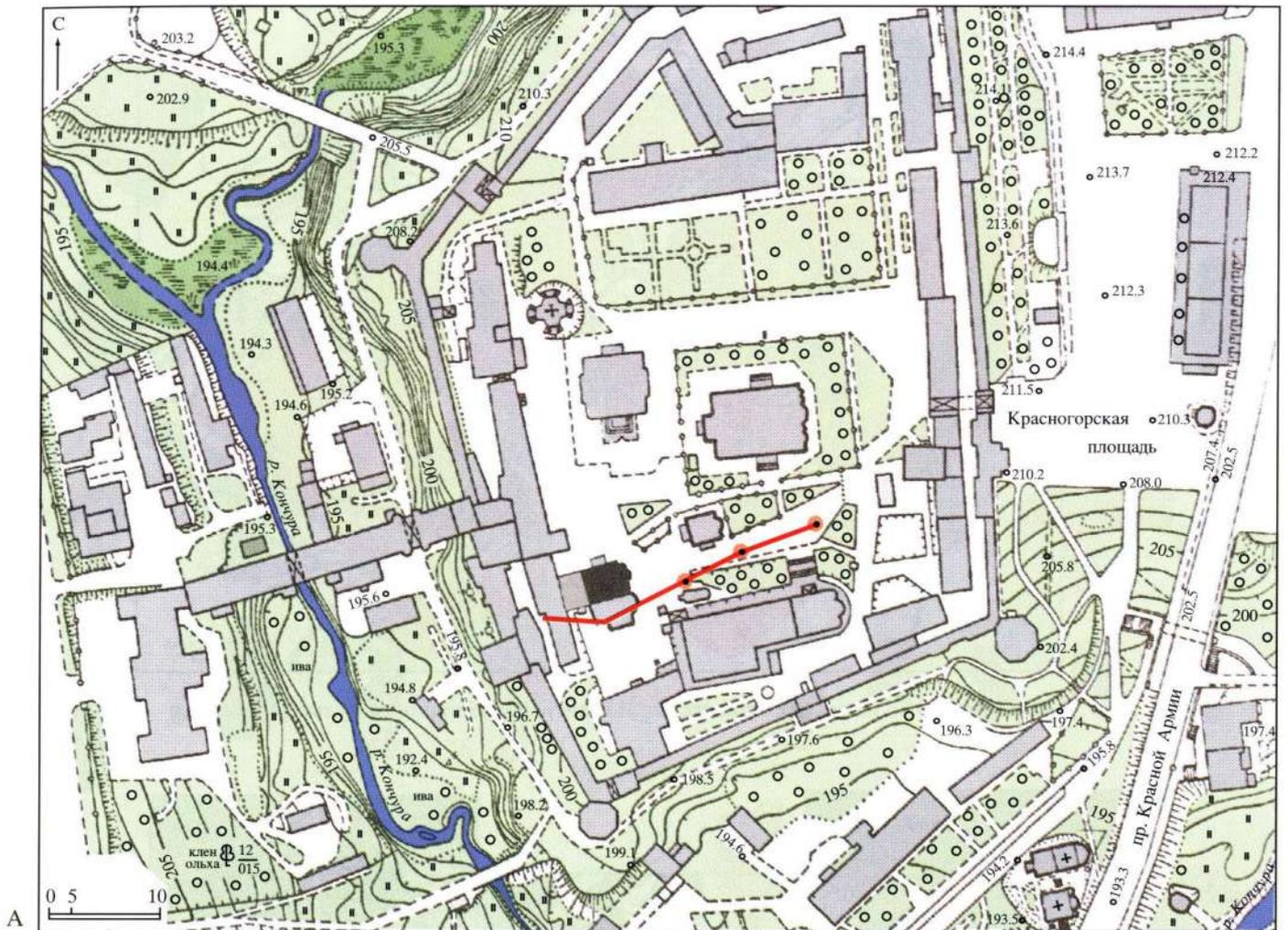

Рис. XXXIX. Гнёздово. Углубленная часть хозяйственной постройки (яма 28)

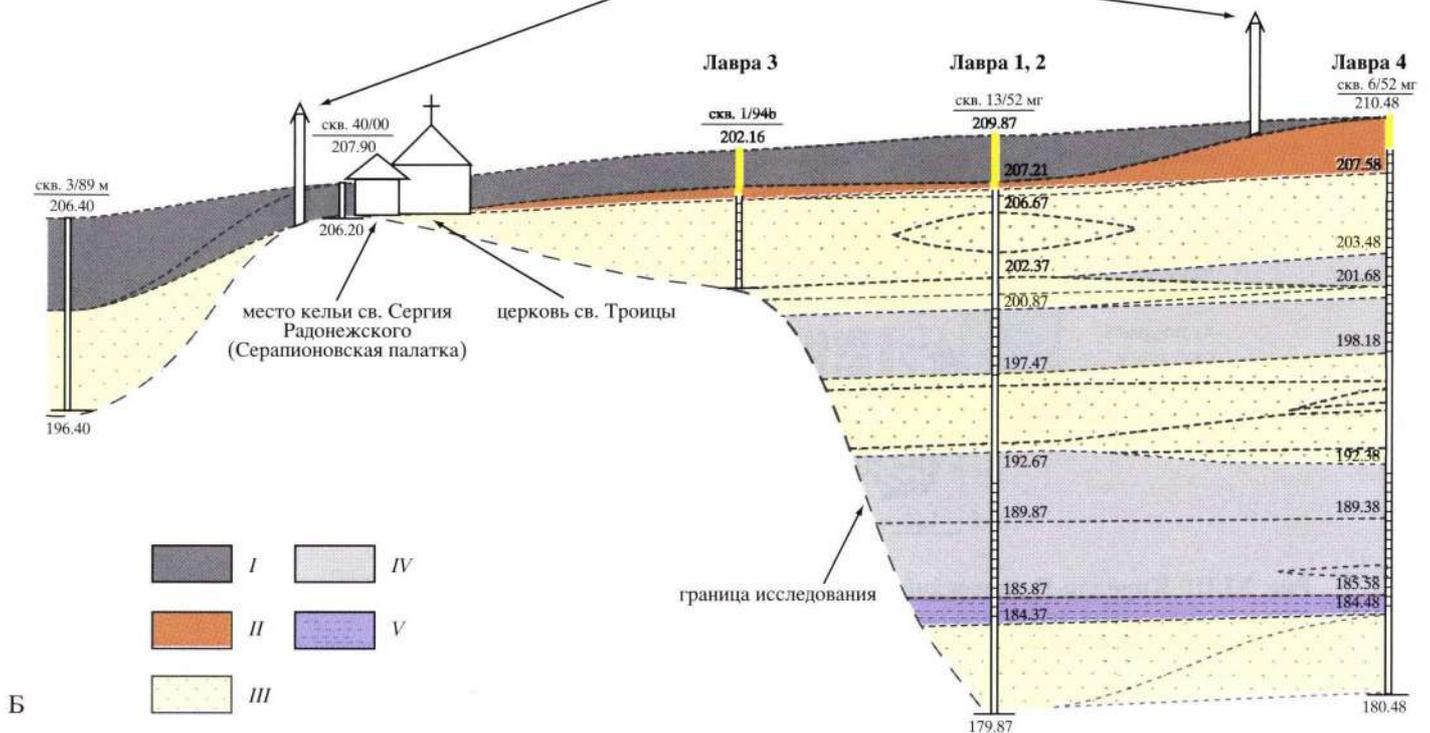

Рис. XI. Троице-Сергиева Лавра. Разрезы погребенных почв. Фото 2003 г.

А – Раскол 2, участок 1. Участок профиля восточнее разреза Лавра 2; Б – Раскол 2, участок 2. Фрагмент профиля западной стенки раскола, аналогичный разрезу Лавра 3. Погребенная почва севернее могильной ямы (слева); В – разрез Лавра 4 северо-западной стенки раскола 3. 1 – гумусированный горизонт (A1); 2 – подзолистый горизонт (E); 3 – покровный суглинок (B); 4 – могильная яма; 5 – строительный горизонт 1688–1692 гг.; 6 – слой засыпки некрополя (между 1692 и 1734 гг.)

Ограда Троицкого монастыря до 1556 г.

Рис. ХLI. Холм Маковец на территории Троице-Сергиевой лавры. План и геологический разрез по линии запад – восток
 А – План (кружками обозначены разрезы погребенных почв, исследованные в 2003 г.); Б – геологический разрез
 I – культурный слой; II – покровные суглинки; III – пески; IV – буровато-коричневый суглинок (верхний), серовато-зеленая супесь (средний) и темно-зеленый суглинок (нижний); V – насыщенный водой слой темно-зеленой глины. Отметки указаны в Балтийской системе

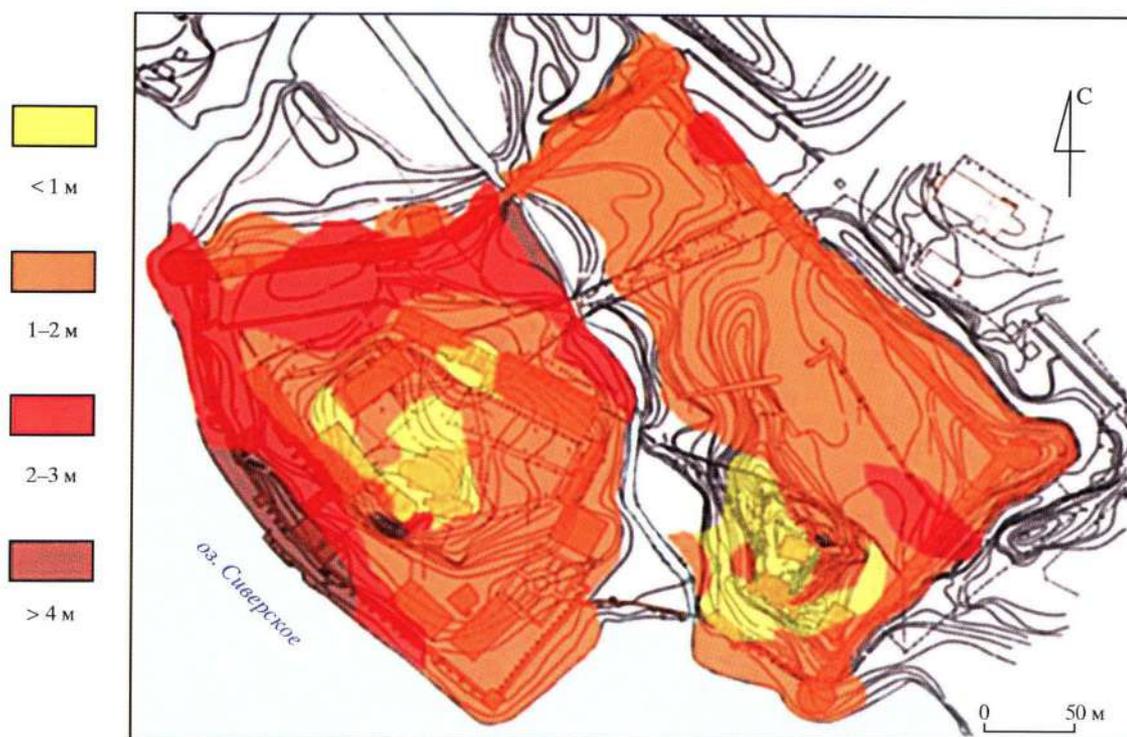

Рис. XLII. Кирилло-Белозерский монастырь. Планиграфия мощности культурного слоя

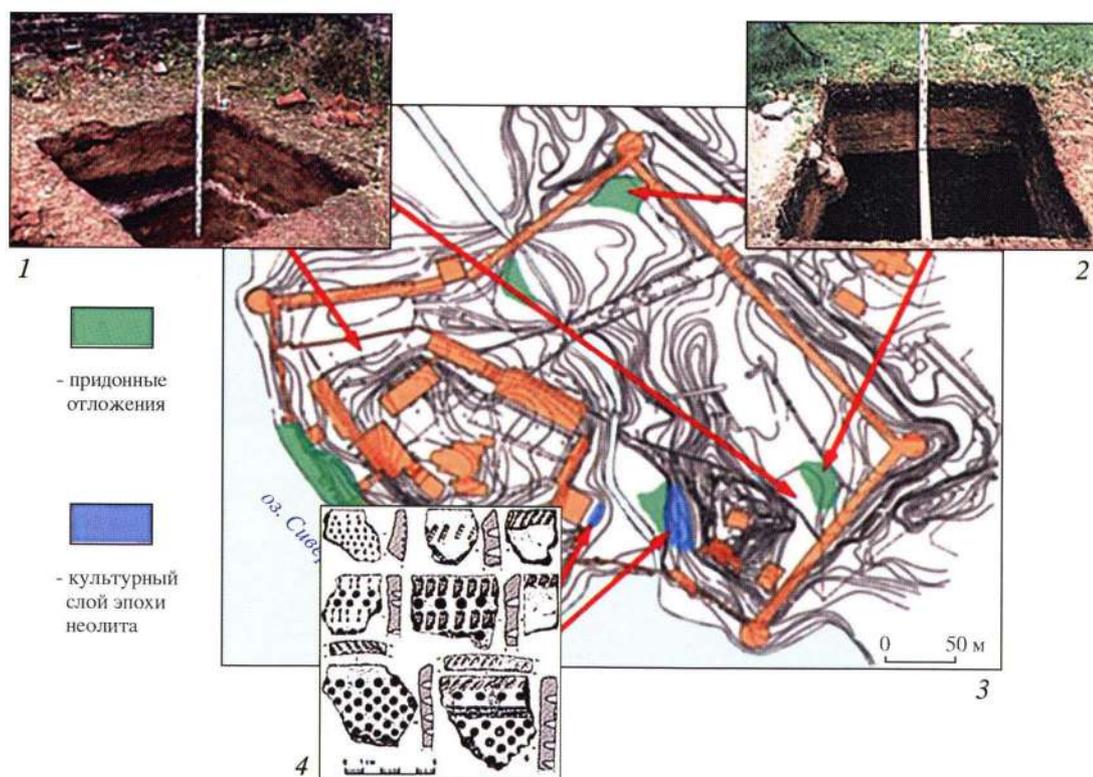
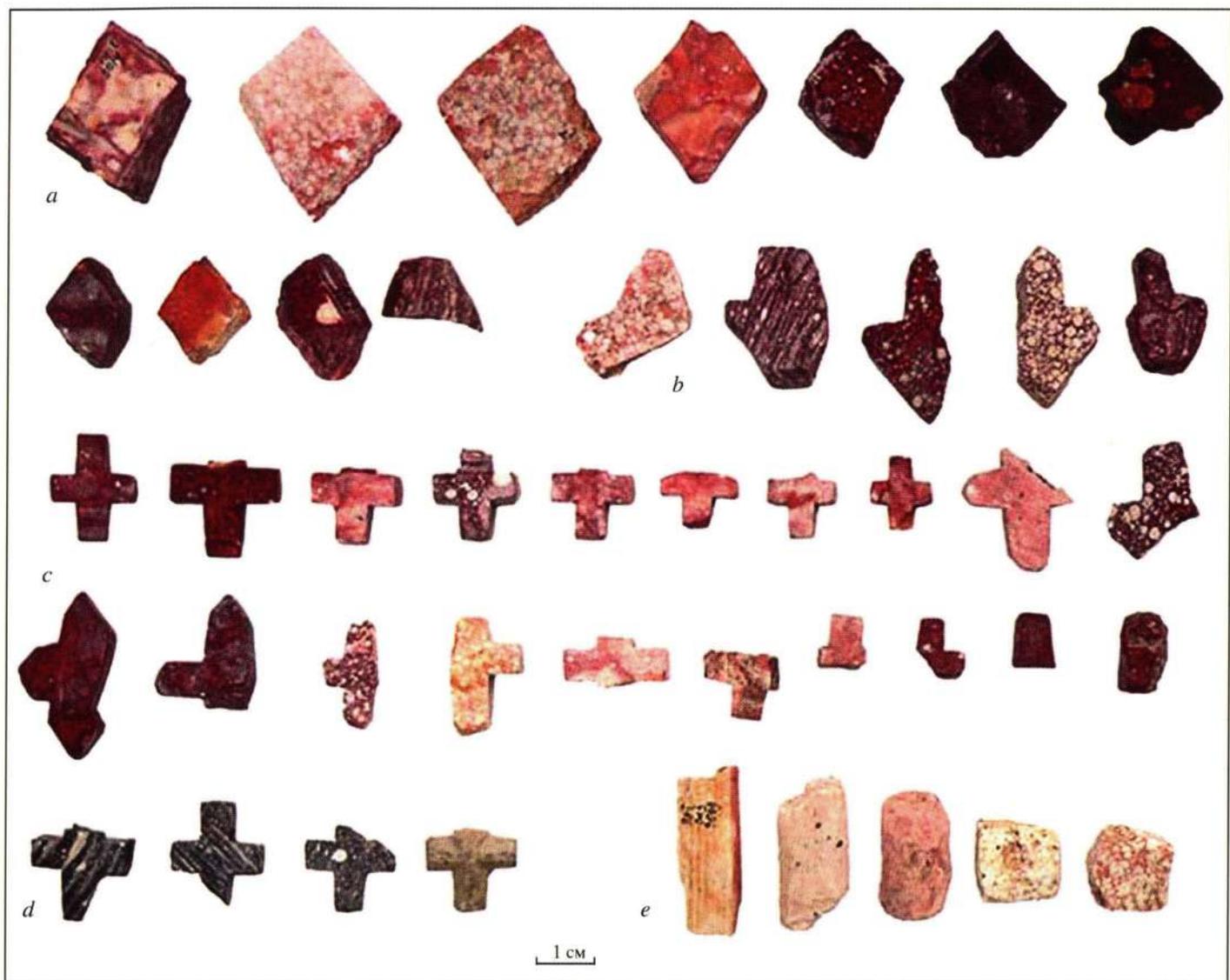

Рис. XLIII. Кирилло-Белозерский монастырь. Расположение участков сохранившихся палеопочв и культурного слоя эпохи неолита

1 – подзолистый горизонт в нижней части отложений (шурф 3, 1999 г.); 2 – торфяниковые отложения (шурф 1, 1999 г.); 3 – схема расположения участков культурного слоя эпохи неолита и торфяников; 4 – неолитическая керамика

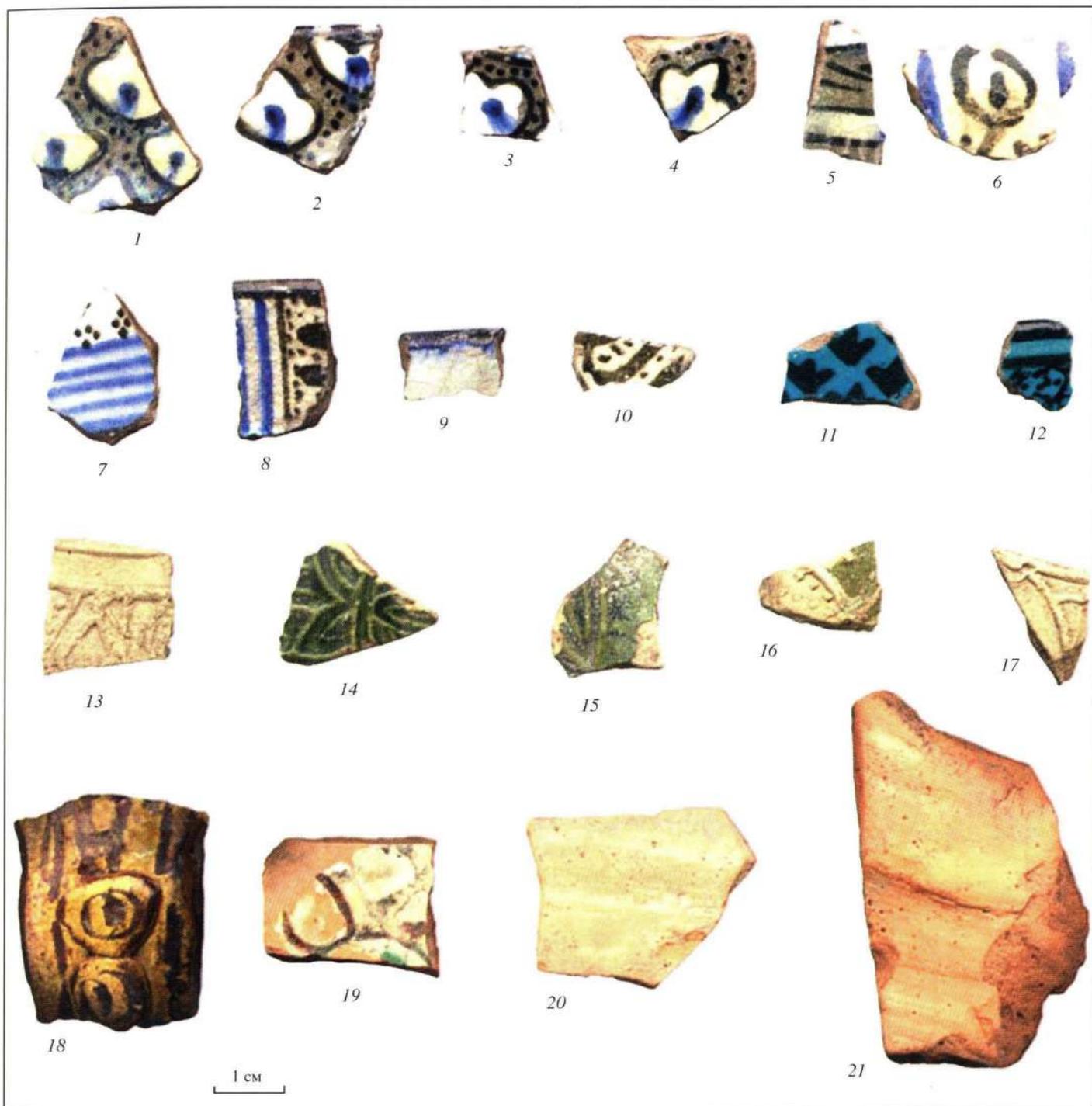
Рис. XLIV. Образцы заготовок и отходов производства крестиков-тельников и бус

a – ромбические заготовки; *b* – заготовки на этапе вырезания лучей крестика; *c* – бракованные крестики-тельники; *d* – “мрамороподобные” крестики-“курсунчики”; *e* – остатки изготовления бус

Рис. XLV. Селище Ближнее Константиново-1

1 – общий вид на площадку памятника с севера; 2 – въездные ворота усадьбы XIV в. на стадии выборки ям в материке. Вид с севера

Рис. XLVI. Селище Ближнее Константиново-1. Фрагменты импортной керамики

1-5 – осколки от одной полуфаянсовой чаши с подглазурной полихромной росписью и рельефной моделировкой поверхности под бесцветной глазурью на кашинной основе; 6-10 – полуфаянсы с бихромной подглазурной росписью под прозрачной поливой на кашине; 11, 12 – полуфаянсы с черной росписью под бирюзовой глазурью на кашине; 13-17 – штампованная “калыпная” керамика (14-16 – с односторонней зеленой поливой); 18 – фрагмент ручки красноглиняного кувшина с орнаментом “сграффито”; 19 – часть дна красноглиняного сосуда с подглазурной гравировкой по ангобу и подцветкой; 20, 21 – осколки красноглиняной амфорной тары

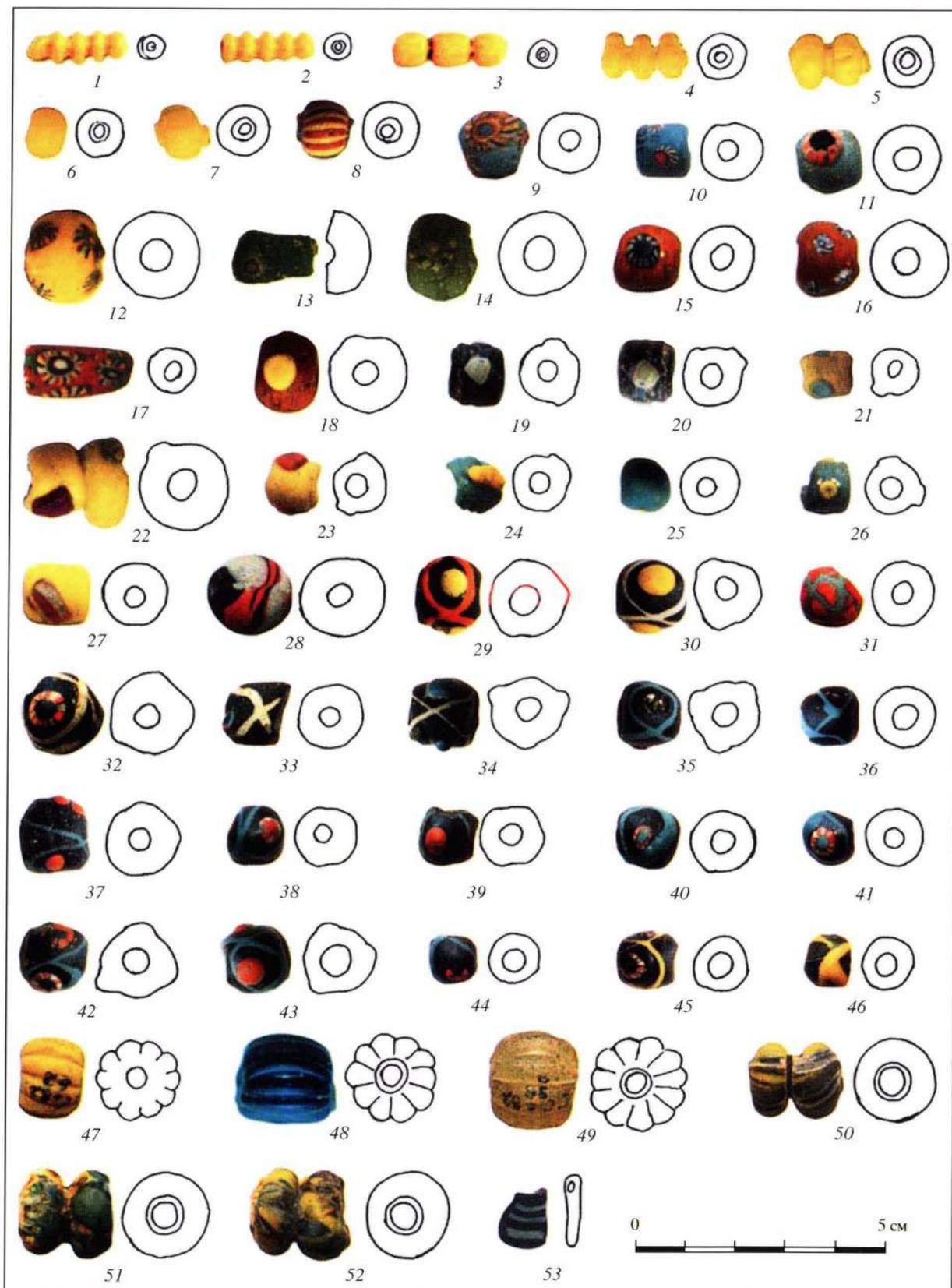

Рис. XLVII. Стекланные бусы селища Семеновского 1

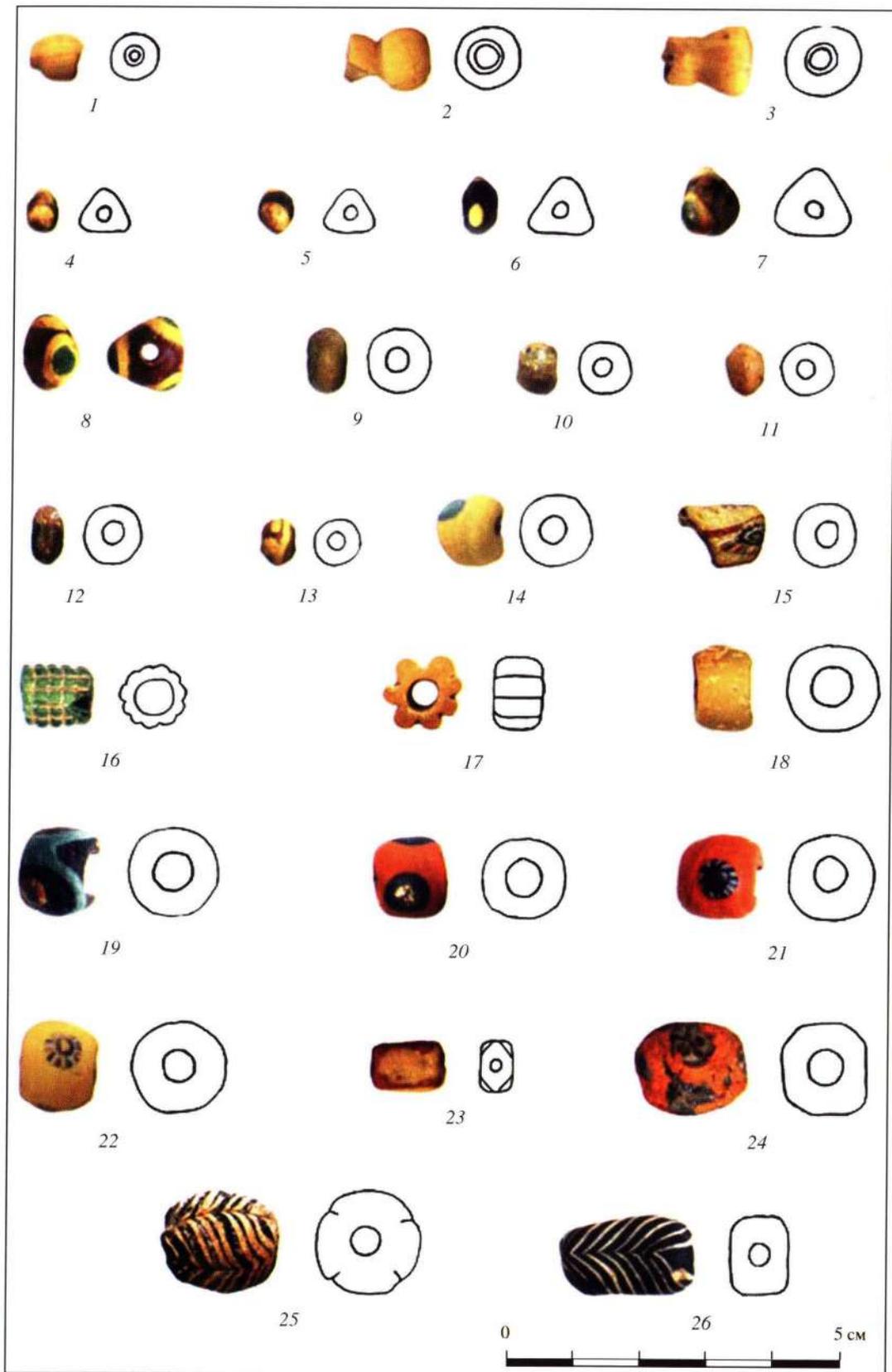

Рис. XLVIII. Стекланные бусы селища Измери 1

Рис. XLIX. Усть-Шексна. Раскопки 2005 г. Комплекс находок из ямы 4/1

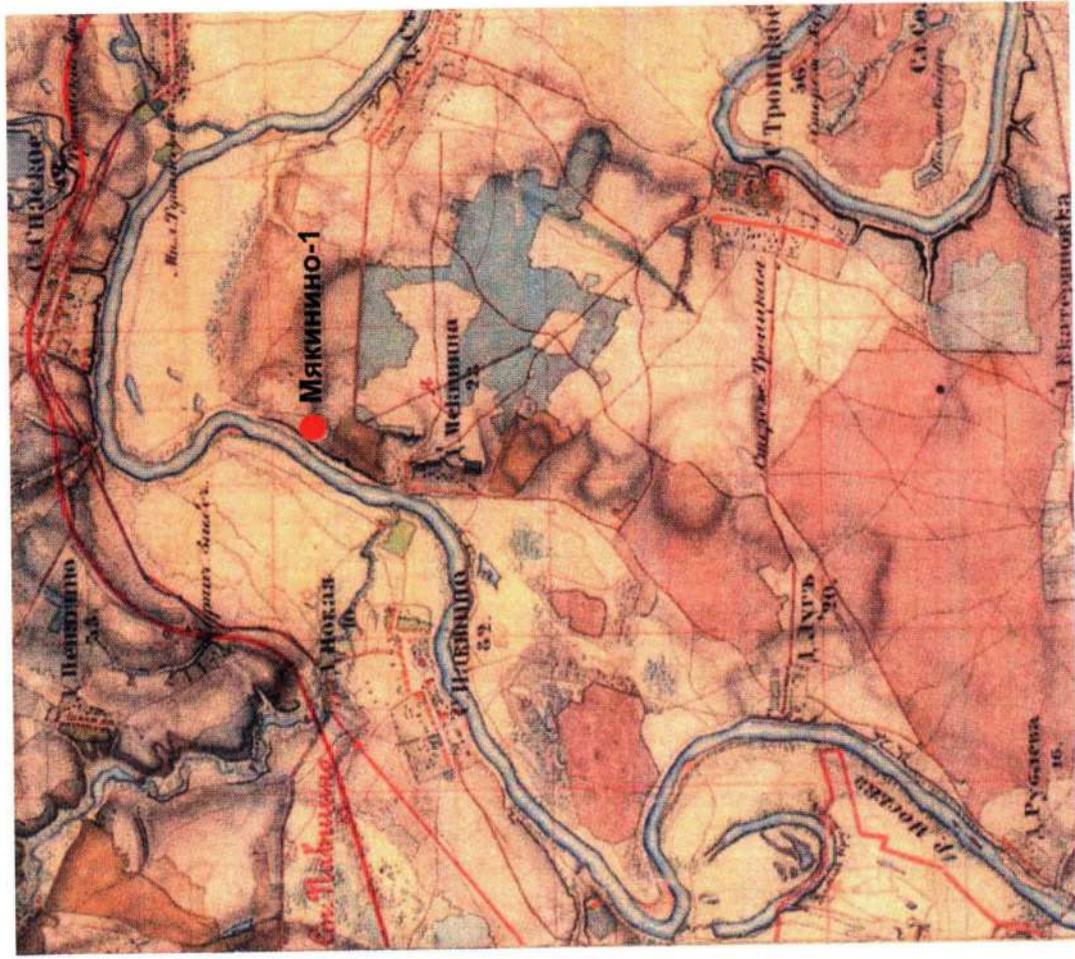

Рис. 1. Окрестности д. Мяснино вблизи Москвы по Военно-топографической карте 1852 г.

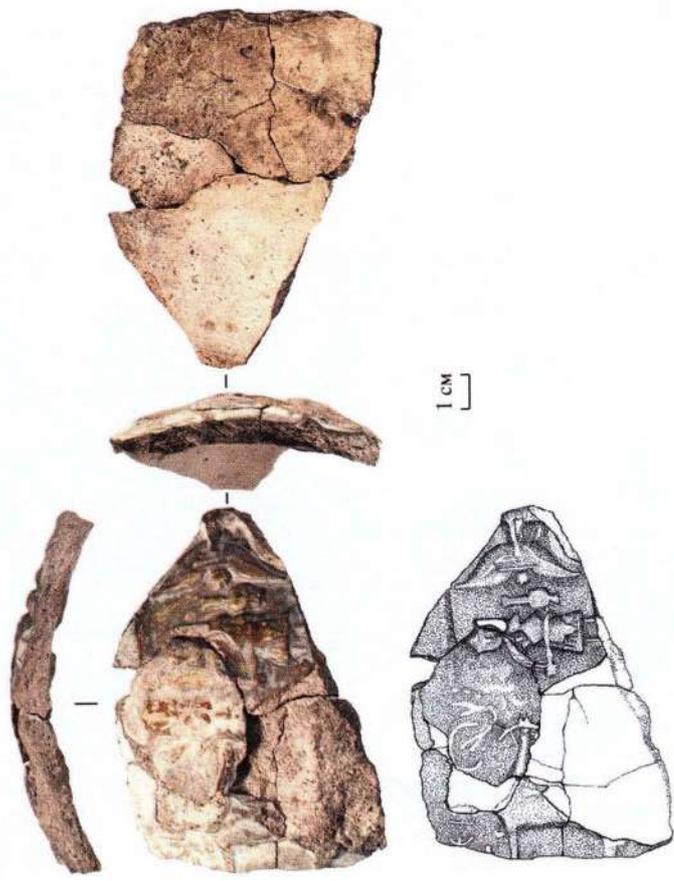

Рис. 11. Селище Мяснино. Обломок поливного сосуда с рельефными изображениями

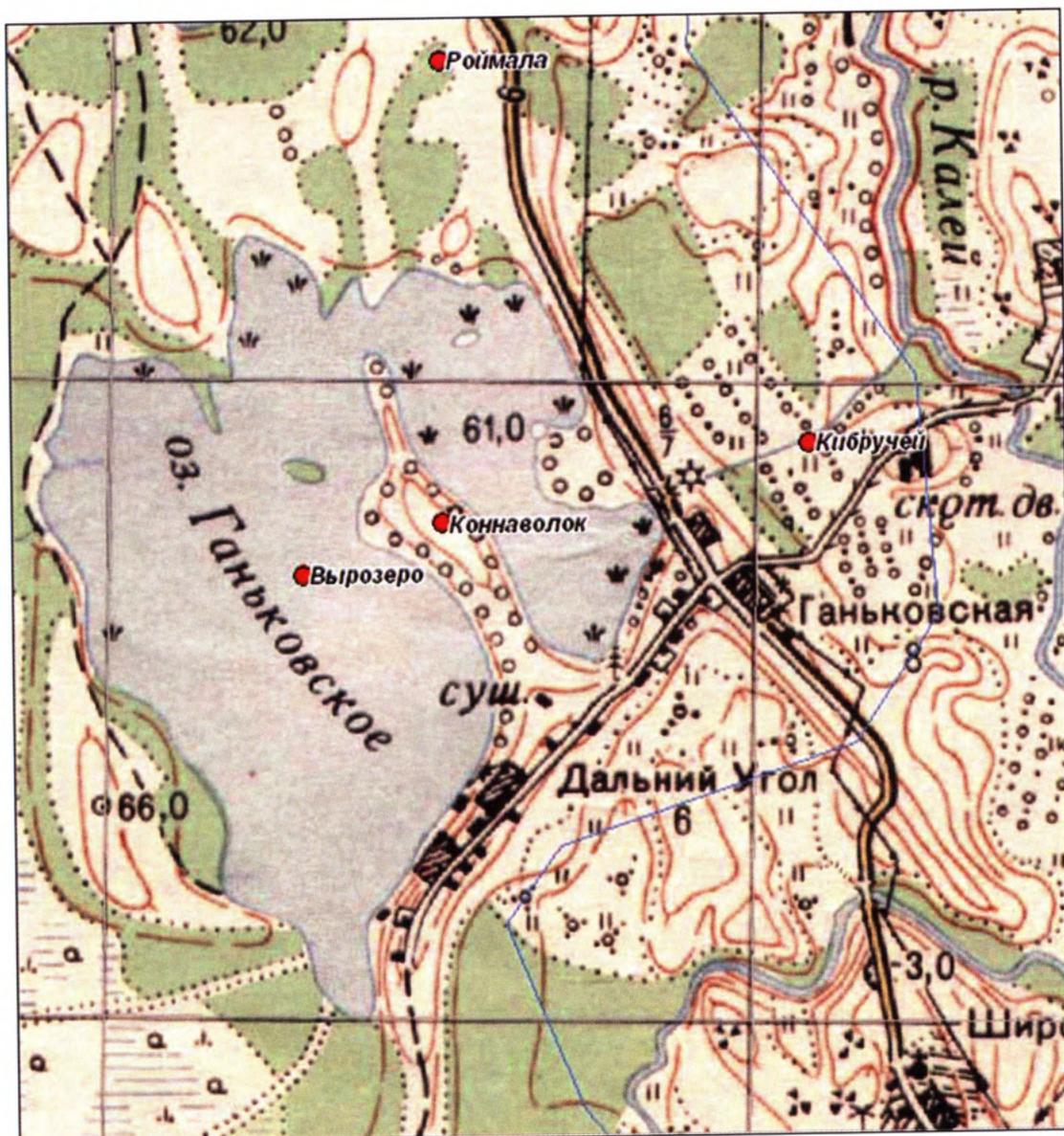

Рис. LI. Озеро Ганьковское, мыс Конनावолок

В.В. Мурашева, М.А. Бронникова, А.А. Гольева, О.Е. Марфенина

Опыт использования естественно-научных методов для интерпретации объектов в составе культурного слоя пойменной части селища Гнёздовского археологического комплекса

Гнёздовский археологический комплекс – один из самых крупных памятников эпохи образования древнерусского государства. Он расположен в 10,5–16 км к западу от центра Смоленска и имеет сложную топографическую структуру, состоит из двух городищ и селища. Общая площадь поселения достигает 30 га. Некрополь Гнёздова состоит из нескольких курганных групп и насчитывает до 4000 курганов – это самое крупное кладбище средневековой Европы. Гнёздово было крупнейшим стратегическим, торговым и политическим центром на “пути из варяг в греки”, связавшим север Европы с Византийской империей – центром цивилизованного мира эпохи раннего Средневековья. “Классическое” Гнёздово датируется X – началом XI в., однако жизнь в различных формах на территории памятника не затухала вплоть до новейшего времени.

Гнёздово систематически исследуется с 1874 г. За 130 лет раскопок сформировались устойчивые представления о топографии памятника. Однако в 1996–1997 гг. в ходе шурфовки был выявлен культурный слой на территории поймы Днепра. Он оказался перекрытым речными наносами, мощность которых достигает 1,2 м. Это обусловило его прекрасную сохранность и уберегло от распашки, которая серьезно испортила слой селища, расположенного на первой надпойменной террасе. Прекрасная сохранность слоя открыла совершенно новые возможности для исследования, в том числе и для применения естественно-научных методов.

На протяжении полевых сезонов 2001–2004 гг. Смоленской экспедицией ГИМ исследовался участок пойменной части поселения, расположенный к западу от озера Камыши, вблизи южной границы распространения культурного слоя (раскоп П-8). За это время было раскопано 128 кв. м, мощность культурного слоя невелика – 20–40 см (без учета ям), слой оказался сухим, не содержащим органических остатков. Отсутствие органических остатков всегда затрудняет интерпретацию археологических объектов, которая является одной из важнейших задач полевых археологических исследований.

Состав находок на исследуемом участке говорит о том, что здесь располагался производственный комплекс, связанный с обработкой металлов. Результаты исследования показали, что некоторые из разновременных сооружений, сменяя друг друга, наследуют единую структуру и планировку и являются не просто совокупностью последовательно сменяющихся друг друга объектов, а по сути, постоянно подновляемым единым производственным комплексом. Однако находки, характеризующие производственную деятельность связаны лишь с частью сооружений, в то время как назначение других построек, состав находок которых невыразителен, совершенно не ясно. Для получения максимальной информации применялись различные методы: геохимический анализ почв, биоморфный и микологический анализы.

Цель данной статьи – на примере пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса продемонстрировать некоторые возможности использования методов естественных наук для интерпретации различных объектов (сооружений) в составе культурного слоя, не содержащего органики (прежде всего, дерева).

Биоморфный анализ

Биоморфный анализ представляет собой последовательное изучение под микроскопом компонентов биогенной фракции образца (пыльцы, спор, древесного и растительного детрита, остатков корней, микроскопических углистых частиц, грибных гифов, копролитов и биогенного кремнезема, т.е. фитоцитов, диатомовых водорослей, спикул губок) с последующим обзором всего комплекса в целом (Гольева, 2000. С. 12–17). Биоморфный анализ, наряду со споро-пыльцевым, довольно широко применяется в археологических исследованиях для реконструкции палеоландшафта. Нами была предпринята попытка использовать данную методику для исследования остатков сооружений в составе культурного слоя (в течение 2002–2003 гг. было

отобрано и исследовано более 30 почвенных образцов).

Использование результатов биоморфного анализа оказалось решающим для интерпретации ряда объектов. Одно из таких сооружений представляет собой большую траншеобразную яму, длиной 5 м 80 см, шириной до 2 м, глубиной 60 см (яма 28 – цв. рис. XXXIX). Отсутствие следов отопительного сооружения (печки или очага) не позволяет считать данную постройку остатками жилища. Реконструкция предназначения подобного рода сооружений при невыразительном составе находок всегда вызывает затруднения.

Обратимся к результатам биоморфного анализа. Один из образцов был взят из придонного, насыщенного углем, слоя. Образец содержит большое количество обугленного древесного детрита, фитолитов, единичные обугленные обломки спикул губок (рис. 1). Состав фитолитов разнообразный, что указывает на искусственный генезис образца – в естественных условиях подобный фитолитный комплекс не формируется. Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что в яме сгорела солома различных культурных злаков и стебли тростника и камыша, с которыми могли быть привнесены спикулы губок. Результаты биоморфного анализа могут быть трактованы двояким образом – либо в слое заполнения ямы сохранились остатки сгоревшей крыши, перекрытой сеном и соломой, либо в постройке, частью которой явилась яма, хранилось сено или запасы зерна.

Сооружения такого типа, не содержащие остатков отопительного устройства, помимо Гнёздова (Вешнякова, Булкин, 2001. С. 41, рис. 2) зафиксированы на многих, синхронных Гнёздову поселениях, например, в Тимереве (Дубов, 1982. С. 171, 175). Целую группу длинных канавообразных сооружений Е.Н. Носов выделяет на Рюриковом городище (Носов, 1990. С. 109). Для интерпретации данных построек он привлекает материалы Старой Ладogi, культурный слой которой намного более информативен из-за сохранности в нем дерева. В Старой Ладoge сооружения с вытянутой углубленной частью имели хозяйственное назначение и использовались, вероятнее всего, как кладовые для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря. Такие сооружения имели легкие плетневые стены и, вероятно, жердевые крыши (Носов, 1990. С. 111). Удлиненные постройки с углубленной частью зафиксированы в эпоху Викингов и за пределами Восточной Европы, например, в Дублине, где они трактуются также как кладовые (Wallace, 1992. Part 1. P. 17; Part 2. P. 66, Fig. 40).

Вероятнее всего, яма 28 является остатком постройки подобного типа, кроме ее конфигурации об этом свидетельствует и древесный тлен от нескольких длинных жердей, сохранившийся в придонной части заполнения.

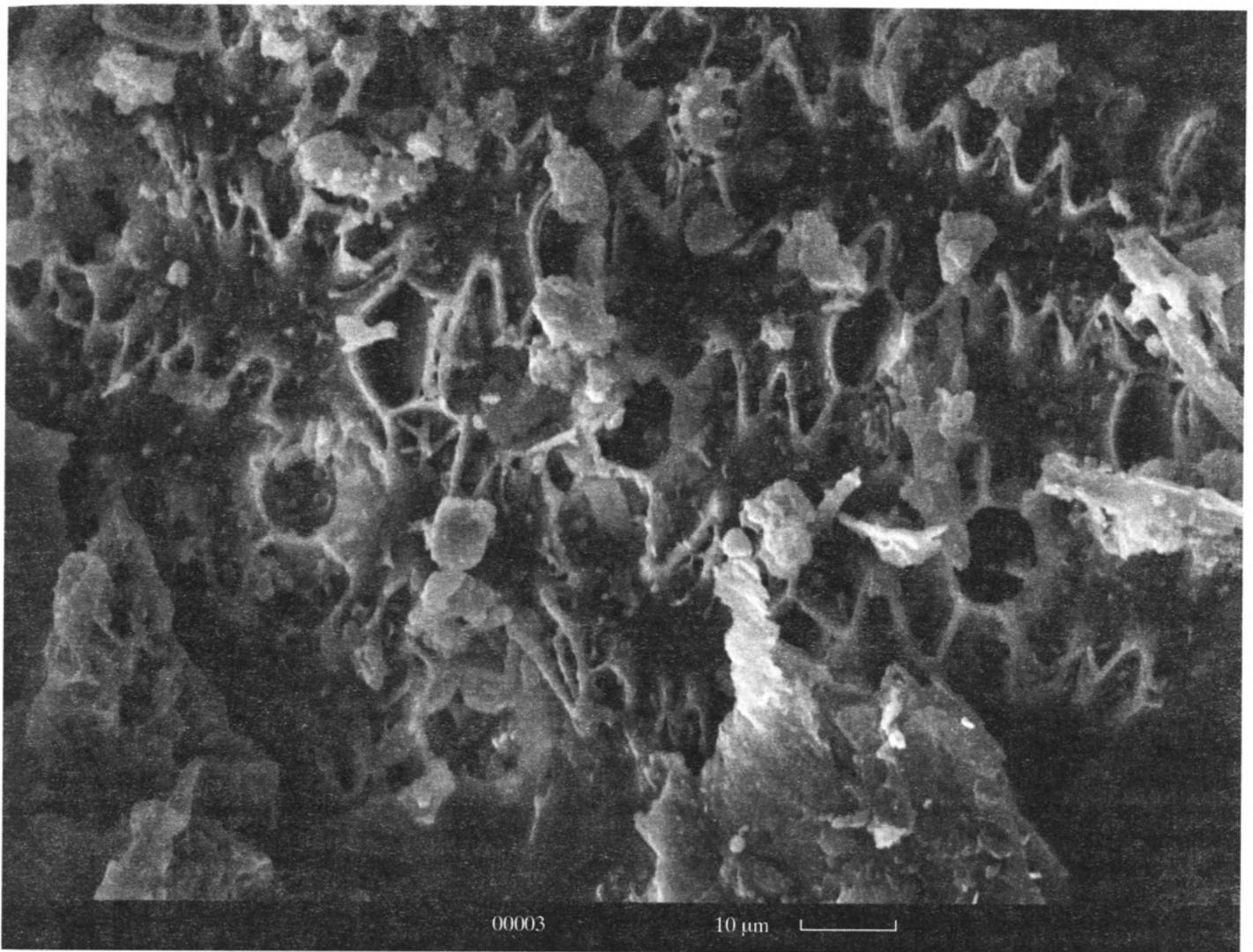
При анализе материалов из данного сооружения возникли противоречия, которые также оказалось

невозможно разрешить, исходя только из совокупности археологических источников. Проблема связана со стратиграфией исследованного участка и относительной хронологией остатков сооружений. На раскопанной территории фиксируются отчетливые следы катастрофической гибели сооружений в результате пожара, после которого поверхность была снивелирована слоем материковой супеси. После всех этих событий существенно меняется характер материала – в массовом количестве появляется керамика, которую исследователи связывают со Средним Поднепровьем (Каменецкая, 1998. С. 132), т.е. с Киевом. Появляются также шиферные пряслица и ременные украшения среднеднепровского происхождения. Все это говорит о значительном усилении влияния Киева в Верхнем Поднепровье. Выпадение кладов в 950-е годы на территории Гнёздовского поселения говорит о возможном насильственном характере этого процесса (Пушкина, 1999. С. 413).

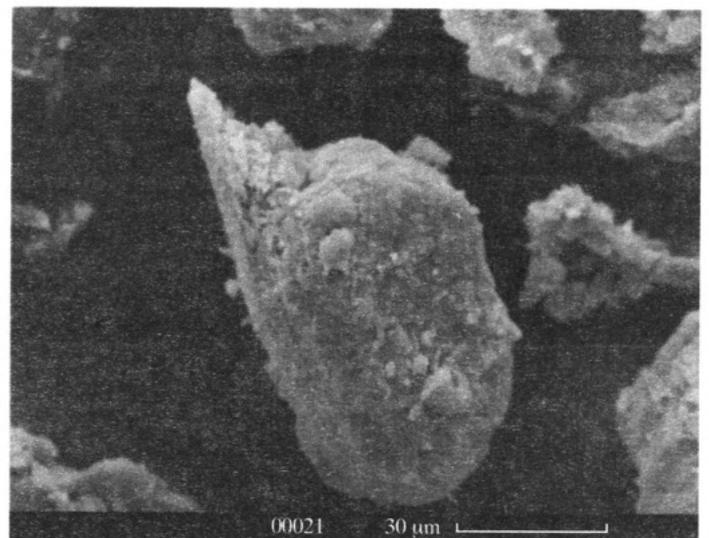
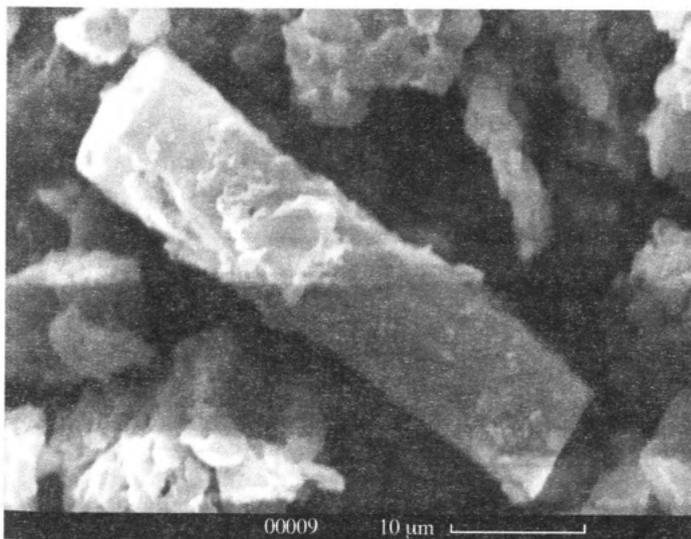
Единственным объектом, противоречившим предложенной реконструкции оказалась рассматриваемая яма. Она также была засыпана слоем материковой супеси. В ее придонном слое преобладает ранний “докиевский” материал – лепная керамика, многочисленны находки раннегончарной керамики, аналогии которой выявлены среди великоморавского материала. На этом фоне резко выделяются фрагменты горшков, “южного (среднеднепровского) типа”. Разрешить противоречия также помогли результаты биоморфного анализа. В образцах были выявлены признаки процессов почвообразования: остатки почвенной фауны (почвенная нематода) и фитолитный комплекс зональных почв. Все это позволяет предположить, что яма не была сразу засыпана. На ее поверхности начались процессы почвообразования, в толще отложенной ямы поселилась почвенная фауна. Таким образом, очевидно, что яма была засыпана намного позже остальных объектов, что и объясняет смешение разновременных комплексов археологических находок в ее придонной части.

Дополнением к картине истории бытования данного объекта являются результаты анализа образца, взятого из слоя выше засыпки ямы. Образец содержал большое количество мелкого древесного детрита при небольшом количестве фитолитов (рис. 2). Среди фитолитов преобладают формы, характерные для разнотравно-луговой растительности. Биоморфный комплекс образца типичен для культурных слоев. Растительный покров над ямой состоял из угнетенных (вытопанных) трав. Таким образом, очевидно, что строительство на месте разрушенной кладовой не возобновлялось и участок использовался для прохода к озеру от крупной кузнечной мастерской финального этапа.

Второе сооружение, которое может быть рассмотрено в контексте использования фитолитного анализа, раскопано частично и уходит за южную

Рис. 1. Фитолиты из ямы 28

Рис. 2. Фитолиты из верхней части заполнения ямы 28

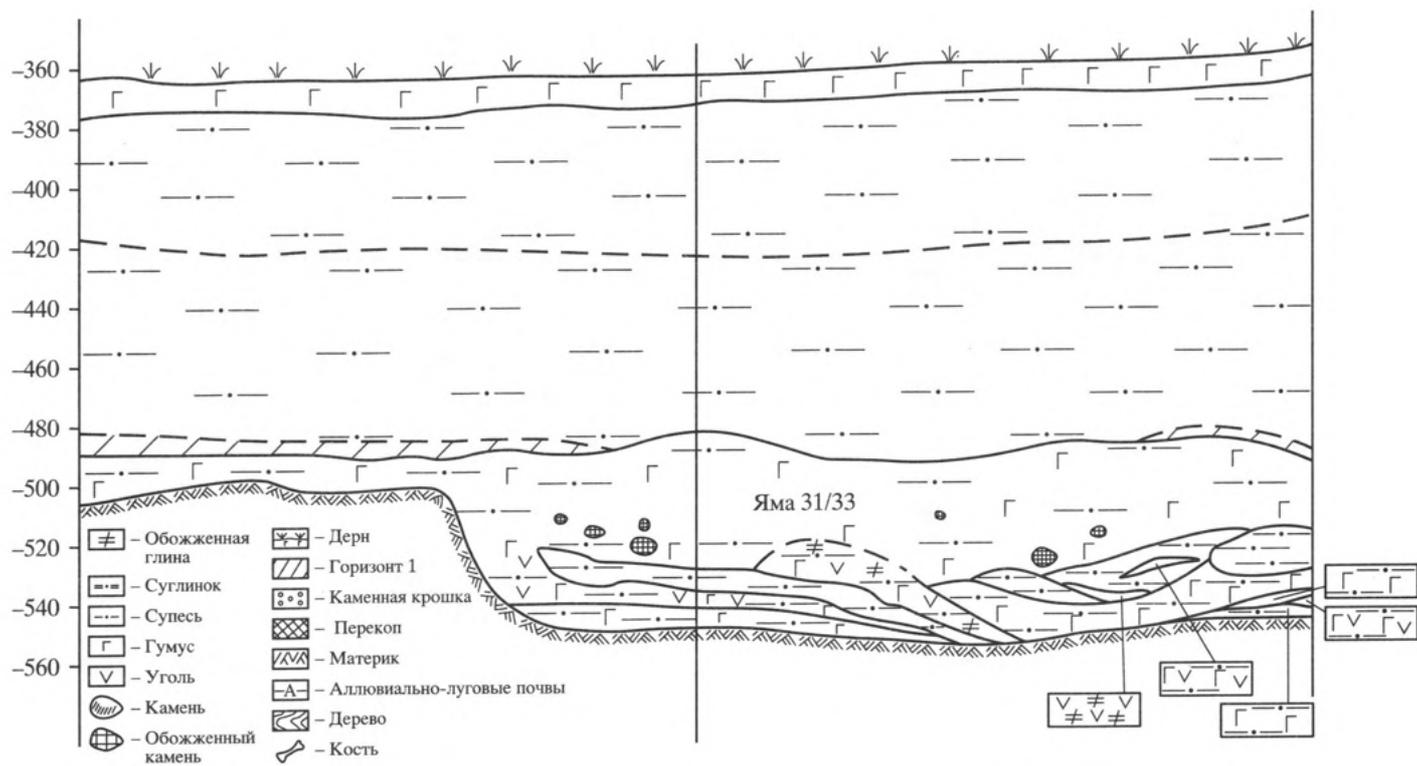

Рис. 3. Разрез углубленной части хозяйственной постройки (яма 31/33)

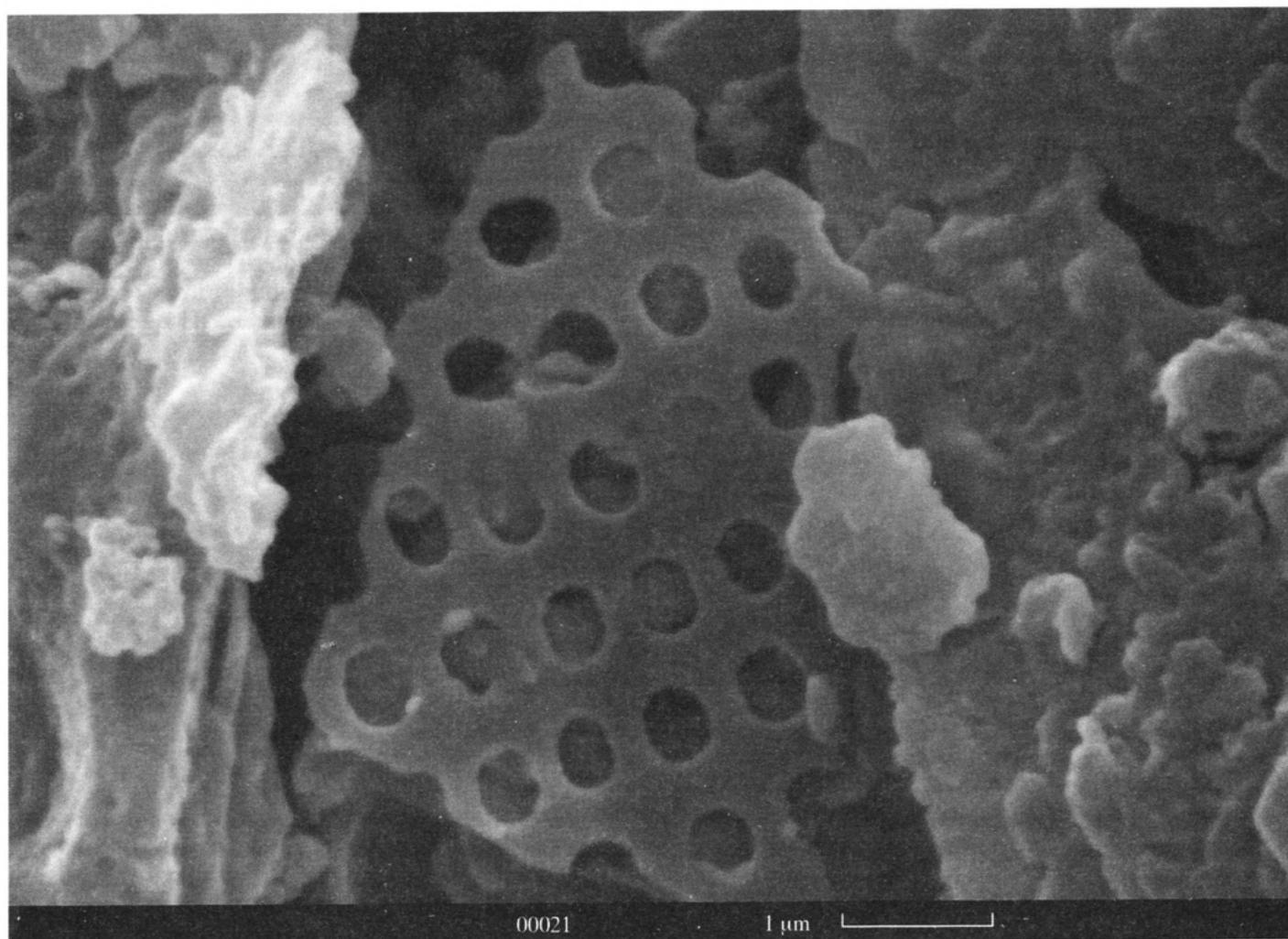

Рис. 4. Древесный детрит

границу исследованного участка (яма 31/33 – рис. 3). Сооружение имеет траншееобразную форму (длина – 3 м, ширина – около 1 м 30 см), осложненную выступом с западной стороны. Яма была вырыта в месте довольно резкого понижения дневной поверхности в сторону озера Камыши. Таким образом, западная стенка ямы подрезает склон, а в восточной части граница читается плохо, так как уровень “пола” практически соответствует уровню понизившейся поверхности. Выступ в западной части может быть истолкован как пологий вход в постройку. Заполнение ямы слоистое, состоящее в основном из слабогумусированных прослоек. Состав находок невыразителен (бусы, два фрагмента глиняных пряслиц, две пуговицы и др.). Материал для интерпретации характера ямы предоставляют по сути дела только результаты биоморфного анализа. В средней части заполнения ямы, перекрытой слабогумусированной супесью, преобладают фитолиги трав, часть из них обуглена, что свидетельствует о том, что травы также горели. Большое количество фитолигов имеет крупные размеры, т.е. сжигались крупные растения или их части. Ниже фитолитный комплекс иной – 17% составляют фитолиги культурных злаков, полностью отсутствующие в вышележащем слое. В образцах придонного слоя присутствует только мелкий древесный детрит (рис. 4). Приведенные данные позволяют предполагать, что перед нами – остатки кладовой для хранения зерна. Наличие древесного детрита на дне ямы может свидетельствовать о дощатом настиле на дне постройки, а многочисленные фитолиги трав – о рухнувшей крыше, крытой сеном или дерном.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что для интерпретации всех рассмотренных объектов, биоморфный анализ сыграл определяющую роль.

Микологическая характеристика образцов культурного слоя

Культурный слой, как и другие почвенные горизонты, населен микроскопическими организмами, среди которых доминирующими являются бактерии и микроскопические грибы. В окружающей среде длительно сохраняются микробы, способные формировать покоящиеся клетки – споры. К таковым относятся микроскопические грибы, более известные в обиходе как “плесени”. Как меняются почвенные грибные сообщества под влиянием современных антропогенных факторов – достаточно хорошо изучено. В последние годы получены данные и о возможности использовать микроскопические грибы как биоиндикаторы для характеристики культурного слоя (Марфенина, 2005).

В течение ряда лет (1998–1999, 2003 гг.) проводился микологический анализ образцов культурно-

го слоя поселения Гнёздовского археологического комплекса в сравнении с зональными почвами. В качестве фоновых в окрестностях Гнёздова были изучены почвы, формирующиеся в геолого-геоморфологических условиях, аналогичных почвам археологического комплекса, но не имеющих следов антропогенного преобразования.

Результаты исследования показали отличия в распределении содержания грибных спор в профилях зональных почв и почв, включающих культурные слои. В профиле фоновой почвы наблюдалось снижение содержания спор от максимального в верхних органических горизонтах к нижним минеральным. В профиле же антропогенно преобразованной почвы распределение грибных спор было более сложным. Здесь помимо максимума в самом верхнем почвенном горизонте выявляли второй максимум содержания спор – в культурном слое. Было также установлено, что почвы древнего поселения отличаются от фоновых ненарушенных почв не только по разнообразию, но и по самому составу видов микроскопических грибов.

На территории пойменной части поселения было исследовано два разреза. Один из них связан с траншееобразной хозяйственной ямой (ямой 28), уже рассмотренной выше, второй относится к причажной яме, связанной с большим каменным очагом производственного назначения. Как уже отмечалось, условия залегания культурного слоя на этом участке отличаются от остальной территории комплекса – он погребен под мощным слоем аллювиальных отложений (более 1 м). Глубина залегания заставляла предполагать наличие в слое крайне низкого содержания грибных зачатков, однако оказалось, что их содержание не ниже, чем в культурном слое террасы.

Результаты исследования образцов из рассмотренной выше хозяйственной ямы (ямы 28) продемонстрировали преобладание грибов рода *Fusarium*, которые являются патогенами многих растений, в том числе и сельскохозяйственных, и часто развиваются на поверхности злаков. Другие обильно выделенные виды известны как целлюлозоразлагающие грибы (*Trichoderma aureoviride*, *P. janthinellum*, *Doratomyces stemonitis*, *Geomyces pannorum*). Наличие этих грибов и представителей *Fusarium* может быть обусловлено присутствием в этом культурном слое значительных количеств растительных остатков. Полученные данные совпадают с рассмотренными выше данными биоморфного анализа и, таким образом, подтверждают реконструкцию назначения траншееобразной ямы как хозяйственной постройки.

Существенно отличается от описанных выше грибных комплексов состав грибов, выделенных из разреза причажной ямы (яма 42). Его можно назвать специфическим, так как он характеризуется большим видовым разнообразием, и сам состав грибов оказался наиболее отличен от зональных грибных сообществ и грибных комплексов, выяв-

ленных из других исследованных образцов культурного слоя. На доминирующих позициях выделялись грибы, обычно минорные в зональных почвах, например, *Nectria radicola*, увеличение их присутствия в почвах зафиксировано после пожаров (Domsch, Gams, Andersen, 1993). Наибольшее содержание зафиксировано в сажистом слое и сильно гумусированной супеси над углистым слоем. Для разреза характерны также грибы рода *Chrysosporium*, известные кератинофильными свойствами, отдельные виды данного рода развиваются на коже, шерсти, волосах и т.п. Эти данные представляются важными для интерпретации исследуемого объекта. Предназначение предочажной ямы не вполне понятно. По мнению Б.А. Колчина, этот предгорной выем создавал удобства при работе с мехами, расположенными на перекрывающем яму помосте (Колчин, 1953. С. 34). Обнаружение в составе грибных сообществ из заполнения ямы видов, разрушающих кератин, представляется аргументом в пользу возможного расположения в этом районе мехов, сделанных из кожи.

Исследование химического состава культурного слоя

Для выявления взаимосвязей между пространственными изменениями химического состава культурного слоя и предполагаемым характером их хозяйственного использования были начаты геохимические исследования. Нами было проанализировано более 120 образцов культурного слоя.

В образцах из культурного слоя, материка и аллювиальных отложений (балласта) определено содержание большого набора химических элементов¹. Геохимические аномалии описывались и оценивались согласно традиционным геохимическим подходам (Сагит и др., 1990)².

¹ Анализ элементного состава выполнен на спектрометре последовательного действия РВ 2400 в лаборатории анализа минерального вещества Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН А.И. Якушевым.

² Для каждой точки опробования выявлялась ассоциация химических элементов, т.е. группа элементов, обнаруженных в образце в количестве, отличном от критериального уровня. В качестве критериального уровня нами был использован геохимический фон исследованного участка. Фоновые содержания элементов рассчитывались как среднее из серии определений их содержания в поверхностных образцах балласта и образцах материка. Для каждого элемента геохимической ассоциации был рассчитан коэффициент его концентрации: отношение содержания химического элемента в образце к его фоновому содержанию. Затем для каждой точки опробования вычислялся так называемый суммарный показатель загрязнения, служащий количественной мерой геохимической ассоциации: аддитивная сумма превышений коэффициента концентрации над фоновым уровнем. Суммарный коэффициент загрязнения рассчитывался по формуле (Сагит и др., 1990):

$$Z_c = \sum_1^i \frac{C_i - C_{\phi}}{C_{\phi}} + 1 = \sum_1^n K_c - (n-1)$$

Полученные результаты положили начало накоплению банка данных по пространственной геохимической неоднородности культурного слоя Гнёздовского поселения. Основываясь на уже имеющихся данных, можно утверждать, что такие характеристики культурного слоя, как набор элементов в геохимической ассоциации, коэффициенты их концентрации и суммарные коэффициенты загрязнения, могут весьма существенно изменяться в пространстве даже в пределах сравнительно небольшой площади. В данной работе мы рассмотрим лишь несколько показательных примеров пространственной неоднородности элементного состава культурного слоя.

Для выяснения связи процессов разрушения артефактов и состава культурного слоя было отобрано пять образцов в радиусе 2 см от медного артефакта, обнаруживших экстремальную аномалию по содержанию меди. Коэффициенты концентрации меди в этих образцах составили 180–890, тогда как на других аномальных по содержанию меди участках этот показатель не поднимается выше 12. Содержание меди в непосредственной близости от медного предмета и в 2 см от него различается в 5 раз, из чего следует, что содержание меди быстро падает по мере удаления от предмета. Из полученных данных можно заключить, что аномалии, связанные с коррозией металлов в культурных слоях, вероятно, имеют точечный, а не площадной характер, а коэффициенты концентрации корродируемого металла внутри этих аномалий имеют экстремально высокие значения. Этот вывод представляется важным для разделения геохимических аномалий, связанных с коррозией металла, и аномалий, возникших в результате производственных процессов, связанных с металлообработкой.

Одна из серий образцов (6 образцов) была отобрана из придонного слоя самых ранних ям (ямы 4б, 4в – рис. 5) исследованного участка. Эти ямы глубоко врезаны в материк (глубина 140 см), на дне лежал зольный слой с крупными углями. Назначение ям неясно, они предшествовали сооружению первого кузнечного горна. Геохимическая ассоциация включает 5–8 элементов, из которых лишь 1–3 элемента обнаруживают существенные коэффициенты концентрации. Во всех образцах довольно высоки коэффициенты концентрации фосфора. Кроме того, высоки также коэффициенты концентрации кальция, марганца и меди. Суммарные коэффициенты загрязнения низкие. Повышенные концентрации фосфора здесь связаны с антропогенно-привнесенным органическим веществом

K_c – коэффициент концентрации (отношение содержания химического элемента в образце к его фоновому содержанию); n – число химических элементов, входящих в ассоциацию; C_i – аномальное содержание элемента; C_{ϕ} – фоновое содержание элемента. Расчет суммарного показателя загрязнения проводился в двух вариантах: с учетом и макро-, и микроэлементов, а также с учетом только микроэлементов.

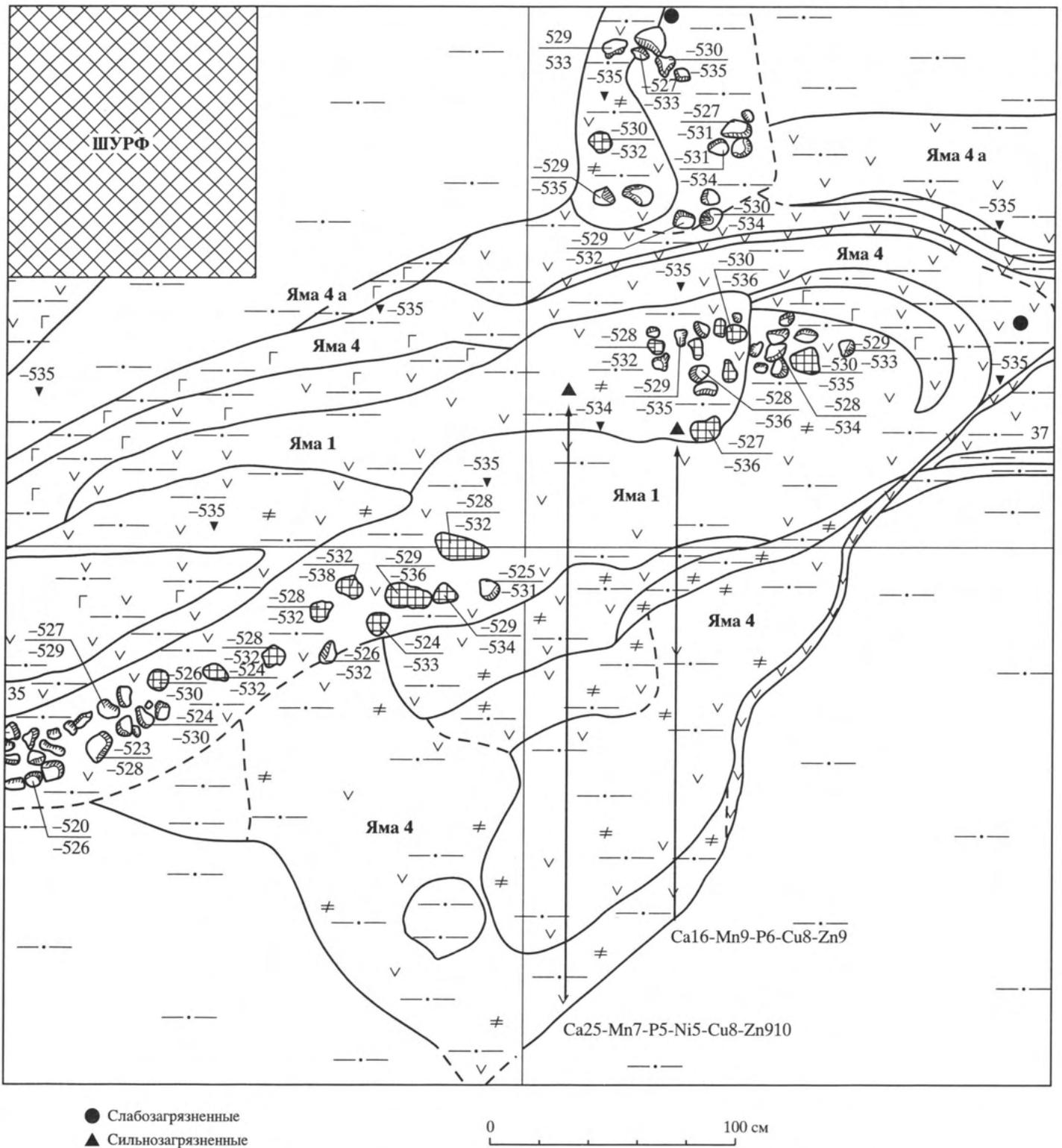

Рис. 5. Карта-схема загрязненности состава заполнения углубленных частей сооружений, не связанных с производством (ямы 4б, 4в)

животного происхождения (кости), высокие концентрации кальция, марганца в яме 4б – результат накопления здесь продуктов горения. Некоторое накопление меди и цинка скорее всего обусловлено высокой сорбционной способностью угля, который так обилен на дне этих ям.

Другая серия образцов была отобрана из заполнения ямы, представлявшей собой углубленную часть сооружения, связанного с металлообработкой (яма 1 – рис. 6). В геохимическую ассоциацию входит 8–10 элементов. В двух из четырех исследованных образцов отмечены высокие суммарные коэффициенты загрязнения. В этих образцах осо-

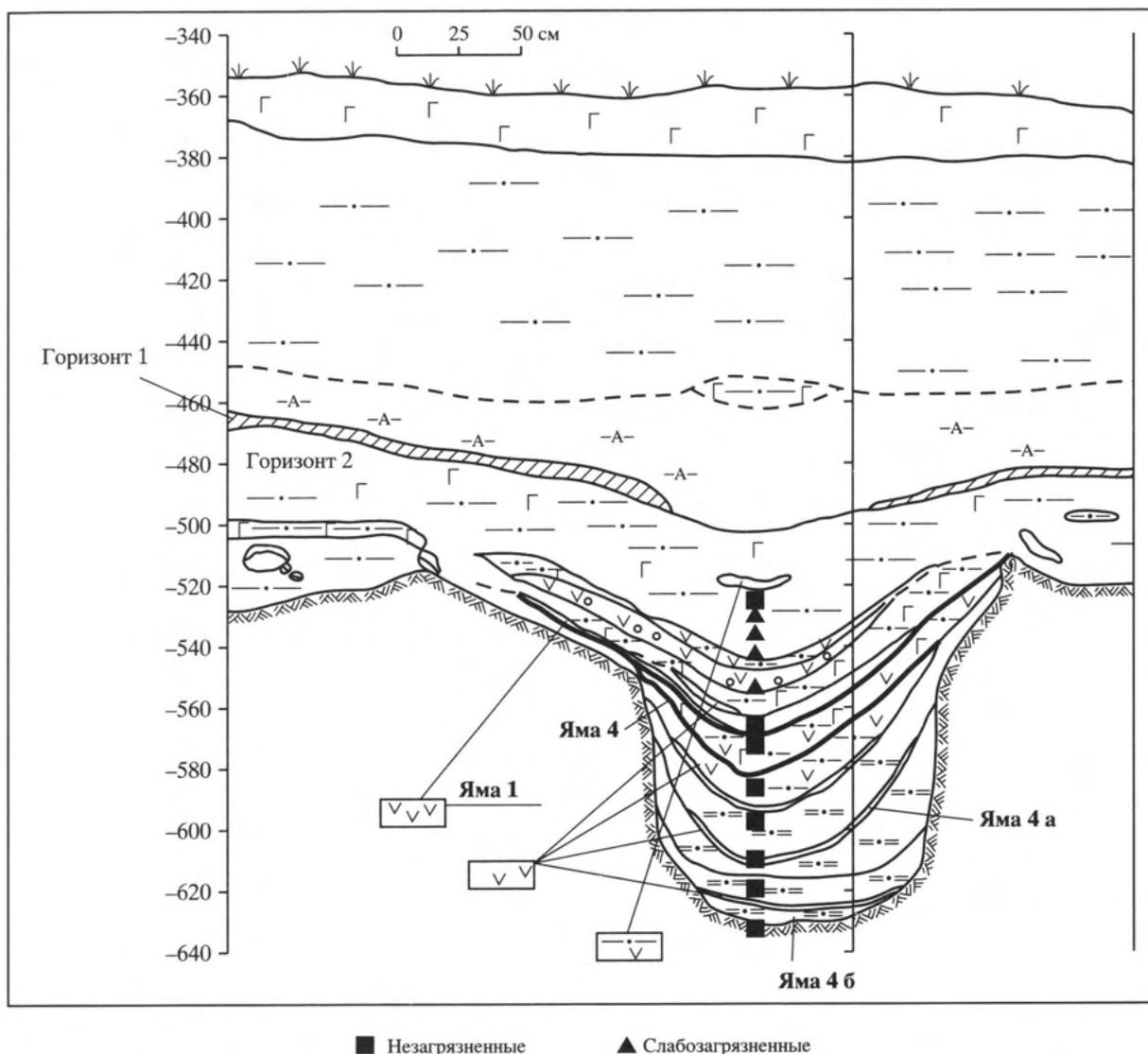
бенно высоки коэффициенты концентрации меди, цинка, марганца. Обращает на себя внимание очень высокое накопление кальция. Экстремально высокие коэффициенты концентрации кальция в этих образцах позволяют предположить антропогенный привнос этого элемента на данный участок в виде минерального вещества (извести, мела). Полученные геохимические данные демонстрируют значительную разницу результатов, полученных при исследовании разных объектов. Существенно более высокие суммарные коэффициенты загрязнения зафиксированы в постройке, связанной с производственной деятельностью по обработке металла.

Рис. 6. Карта-схема загрязненности состава заполнения углубленных частей сооружений, связанных с металлообработкой

Важным представляется сравнение результатов исследования образцов, взятых из заполнения различных объектов и из профиля, в котором представлены все основные стратиграфические элементы культурного слоя, из каждого из которых были получены геохимические характеристики (рис. 7). В геохимическую ассоциацию в большинстве слу-

чаев входят от 2 до 5 элементов. Коэффициенты концентрации значительны только для фосфора. Суммарный коэффициент загрязнения во всех образцах низкий. Таким образом, в месте археологического разреза ни в одной из стратиграфических единиц не обнаружено заметных геохимических аномалий, тогда как в других точках на

Рис. 7. Профильные изменения загрязненности заполнения различных объектов

разных стратиграфических уровнях аномалии наблюдаются. Это обстоятельство подчеркивает преимущество площадного геохимического опробования вещества культурного слоя перед стратиграфическим.

Таким образом, первые результаты исследования пространственной изменчивости элементного состава культурного слоя показали, что такой анализ является чувствительным методом для диагностики палеоантропогенных геохимических аномалий. Однако использование геохимических данных для диагностики типа хозяйственной деятельности и хозяйственного зонирования поселений требует накопления банка данных по элементному составу культурного слоя с обязательным указанием археологического контекста, а также дальнейшей разработки методики исследований, в частности количественных критериев для выделения зон, связанных с различными типами деятельности.

Итак, подводя итоги обзору результатов различных направлений исследования, необходимо кон-

статировать, что результаты биоморфного, микологического и геохимического анализа образцов культурного слоя можно приравнять к еще одному виду археологических источников. В целом ряде случаев использование традиционных археологических методик оказалось недостаточным для решения поставленных задач. Применение естественно-научных методов существенно расширило объем получаемой информации и сыграло важную роль в интерпретации некоторых объектов. Представляется весьма перспективным использование данных методов при полевых исследованиях малоинформативного культурного слоя поселений, в составе культурного слоя которых не сохраняется дерево.

Литература

- Александровская Е.И., Александровский А.Л., 2003. Историко-географическая антропохимия. М.
 Вешиякова К.В., Булкин В.А., 2001. Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпу-

шкина) // Гнёздово: 125 лет исследования памятника: Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 124).

Гольева А.А., 2000. Биоморфный анализ // Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений: (Лабораторные исследования). М.

Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.

Камене́цкая Е.В., 1998. Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.

Марфенина О.Е., 2005. Антропогенная экология почвенных грибов. М.

Пушкина Т.А., 1999. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.

Саен Б.А. и др., 1990. Геохимия окружающей среды. М.

Domsch K.H., Gams W., Andersen T.H., 1993. Compendium of soil fungi. IHW-Verlag. Vol. 1.

Wallace P.F., 1992. The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin. Part 1, 2.

*А.Л. Александровский, Е.Г. Ершова, М.Д. Кочанова, Ю.А. Лаврушин,
Е.А. Спиридонова, С.З. Чернов, А.В. Энговатова*

Исследования погребенных почв в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году и опыты реконструкции коренной растительности

Изучение погребенных почв Троице-Сергиевой лавры было начато в 1989 г. Московской археологической экспедицией Института археологии РАН в рамках комплексной программы по инженерно-геологической защите сооружений монастыря, инициированной доктором геолого-минералогических наук С.Н. Чернышевым. Замысел изучения погребенных почв монастыря принадлежал Н.А. Кренке. Первый опыт таких работ оказался удачным. Шурфом у входа в Митрополичьи покои были обнаружены погребенные почвы на склоне древнего оврага, начинавшегося к югу от алтарей Троицкого собора. У северного входа на участок Успенского собора был зафиксирован древний пашенный горизонт (рис. 1)¹. Археологические исследования 1990-х годов, которые велись Сергиево-Посадским историко-художественным музеем-заповедником (В.И. Вишневский) в рамках проведения вертикальной планировки, ограничились лишь фиксацией уровня залегания погребенных почв. С 2003 г. работам по вертикальной планировке стали предшествовать раскопки широкой площадью, которые были организованы Институтом археологии РАН и сопровождались комплексным (археологическим, почвенным, геохимическим, палинологическим) изучением погребенных почв². Спорово-пыльцевые спектры, полученные в ходе этих исследований, анализируются в настоящей работе.

Полученные данные представляют значительный интерес, поскольку происходят из мало потревоженных хозяйственной деятельностью почвенных горизонтов той части холма Маковец, где в 1341 г. возникла пустынь преподобного Сергия, положившая начало Троице-Сергиеву монастырю. Их анализ, проведенный с учетом особенностей отложения пыльцы в погребенных почвах, а также

локального и зонального факторов в формировании спорово-пыльцевых спектров позволяет реконструировать природную среду того времени.

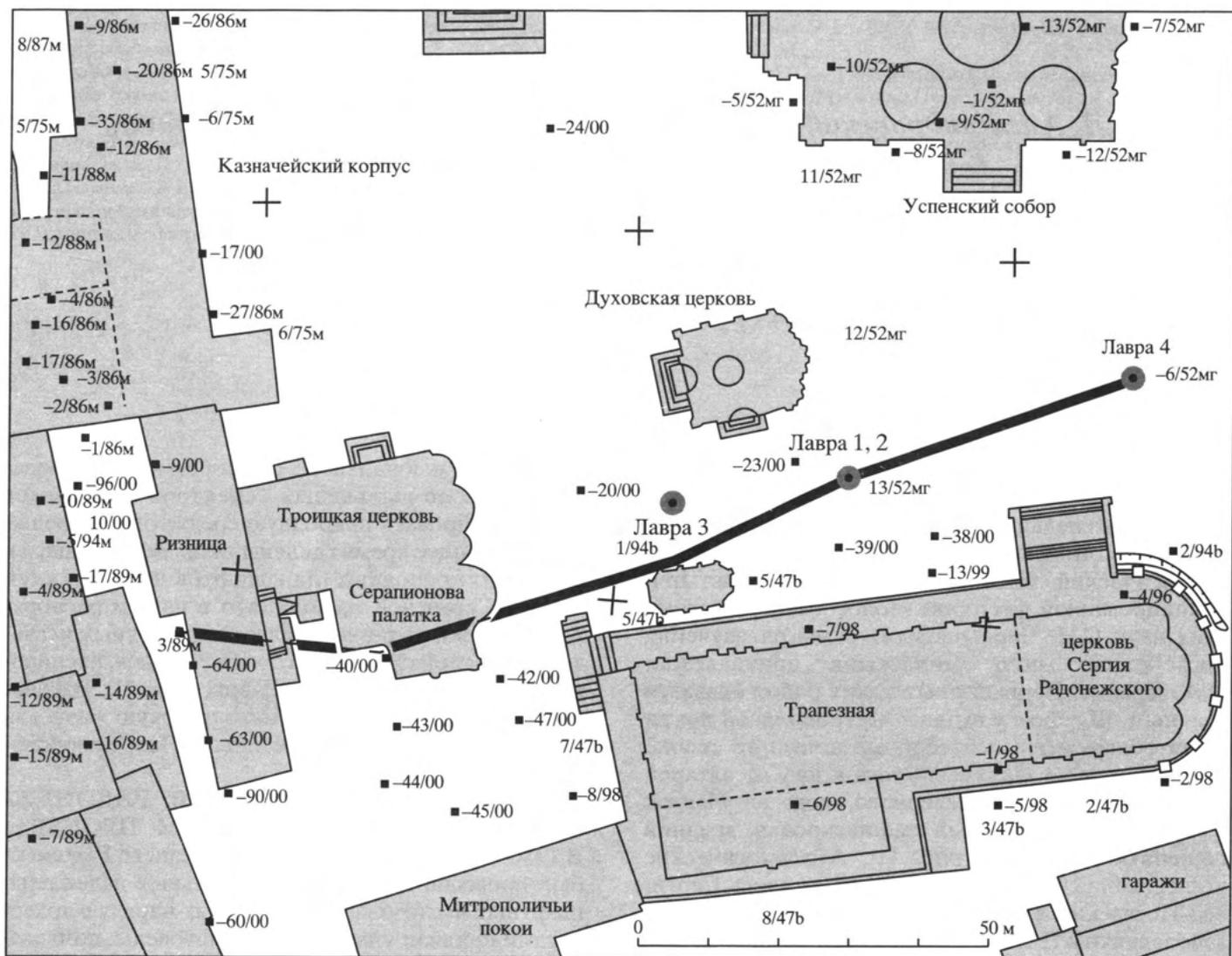
В настоящее время сделаны лишь первые шаги в изучении природных ландшафтов окрестностей Троице-Сергиевой лавры. Зато в нашем распоряжении имеются данные палеоландшафтных исследований района древнего города Радонеж, расположенного в 12 км к югу от Лавры (рис. 2). Эти данные дают определенную методическую базу для интерпретации зафиксированных в Лавре спорово-пыльцевых спектров.

МЕСТО ИССЛЕДОВАНИЯ В РАДОНЕЖСКОМ ПАЛЕОЛАНДШАФТНОМ ПРОЕКТЕ. В 1980-е – 1990-е годы в районе древнего Радонежа был проведен цикл многопрофильных палеоландшафтных исследований, в которых наряду с археологами приняли участие ландшафтоведы, почвоведы, ботаники, палинологи. Эти исследования были начаты в рамках проектирования Зон охраны древнего города Радонеж (1984–1986 гг.) и продолжены с 1988 г. Московской археологической экспедицией ИА РАН.

Они включали геоботаническое обследование территории (Бызова, 1987. С. 59–65), создание карты восстановленных ландшафтов (Низовцев, 1996. С. 23–27), выявление и изучение стратифицированных антропогенно-природных отложений (делювий на склонах и днищах оврагов и балок, пойменный аллювий и др.), изучение процессов почвообразования на территориях, затронутых влиянием человека (Александровский, Кренке, Чернов, 1990. С. 94–109), реконструкцию полей, лугов и других средневековых угодий по историко-археологическим данным (Чернов, 1996а. С. 21–23), изучение средневековых селений, угодий и гидротехнических сооружений как измененных человеком природно-территориальных комплексов, выявление механизмов и процессов, обеспечивающих условия саморегулирующегося состояния их элементов (Чернов, 2000а, С. 35–79; 2004. С. 322–334), выявление типов освоения различных природных ландшафтов в X–XIII, XIV–XVI и XVII вв., а также систем жизнеобеспечения и их связи со сменами типа

¹ Описание почв было проведено Н.А. Кренке, описание культурных слоев – С.З. Черновым (Чернов, 1989).

² Раскоп 2 исследовался Московской областной средневековой экспедицией (Чернов, Янишевский, 2003 г. Т. 1–4). Раскоп 3 исследовался Подмосковной экспедицией (Энговатова, Зеленцова, 2005. С. 78–87).

Геологический разрез холма Маковец с номерами скважин
 Почвенные разрезы

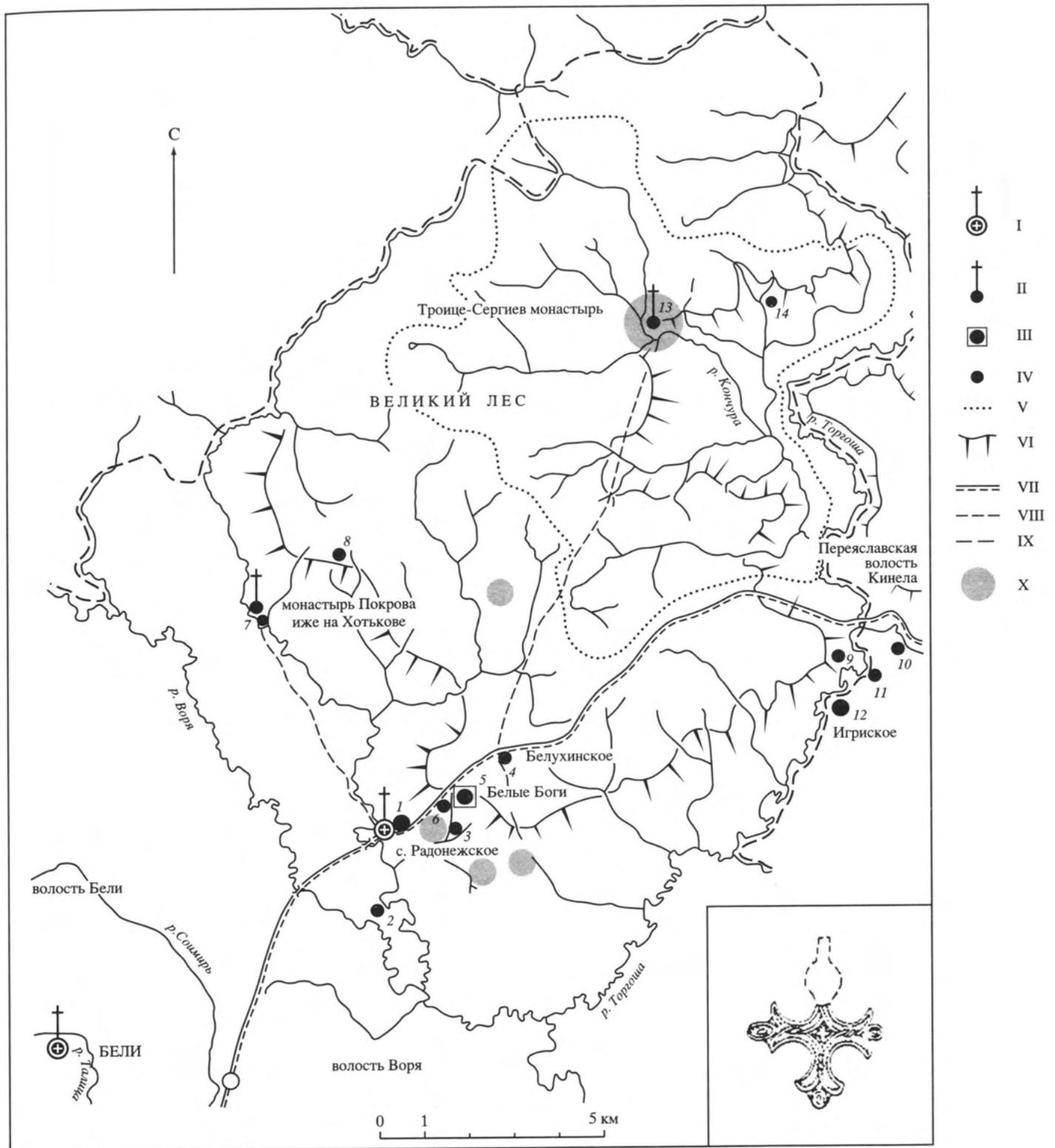
Рис. 1. Расположение скважин геологического бурения и почвенных разрезов, давших споро-пыльцевые спектры в южной части Троице-Сергиевой лавры

хозяйства (Гравес, Низовцев, Чернов, 2001. С. 25–32).

Геоботанические исследования, проведенные в 1984–1985 гг. и включавшие в себя описания растительности, геоботаническое картирование и изучение данных лесной таксации, показали, что большая часть лесных массивов на моренной возвышенности к северо-востоку от села Радонеж – вторичные березняки и осинники на месте бывших пашен и вырубок. На моренной равнине к северо-западу и югу от села Радонеж распространены вторичные ельники, березняки и культуры. О существовании богатых широколиственно-еловых лесов, в древности покрывавших моренную возвышенность (Алехин, 1947. С. 15; см. также: Дик и др., 1949. С. 81), в настоящее время можно судить лишь по немногим сохранившимся на склонах оврагов участкам дубово-еловых и реже липово-еловых лесов, а также по сохранившемуся в осинниках

“широколиственному” подлеску и травянистому ярусу (зеленчук, сныть, волосистая осока и др). На основании проведенных исследований была сделана первая попытка детальной реконструкции коренной растительности в районе Радонежа (Бызова, 1987. С. 59–65).

В последствии на той же территории был осуществлен ряд почвенных и палинологических исследований (рис. 2). Они во многом подтвердили и дополнили полученные ранее выводы. Так, все палинологические спектры из погребенных почв и торфяных отложений, соответствующих эпохе, предшествующей началу массовой распахки, показали сходный состав коренных лесов: преобладание ели при значительном участии широколиственных пород – дуба, который растет и сейчас во вторичных осинниках во втором ярусе, а также вяза и липы, ныне почти исчезнувших. Палинологические диаграммы торфяников в сочетании с радио-

Рис. 2. Радонежская волость в 1330–1340-е гг. Карта-реконструкция

I – центр волости; II – монастырь; III – святилище; IV – поселения (селища) с керамическим комплексом типа Лешково-2 (перв. пол. XIV в.); V – границы бассейна реки Кончуры; VI – границы летописной горы “над Радонежем” (моренной возвышенности); VII – древняя Переславская дорога (“великий и широкий путь вселюдский”); VIII – прочие дороги; IX – границы Московского княжества; X – места взятия палинологических проб. На врезке – крест-тельник XIV в., найденный на селище Лешково-9. Памятники археологии (селища): 1 – Радонеж-1; 2 – Гольгино-2 (у завода Пластмасс); 3 – Лешково-2 (в урочище

Могильцы); 4 – Лешково-4 (в квартале 13); 5 – Лешково-9 (на поле Ржавец); 6 – Лешково-10 (на поле Нижняя Лопата); 7 – у Покровского Хотькова монастыря (южнее Водяных ворот); 8 – Подушкино-2 (на быв. поле Бориски в с/т Парус); 9 – Подсосенье-2 (на месте быв. д. Коськово); 10 – Учхоз-1 (в учхозе Ситники); 11 – МОСО-1 (у детдома МОСО); 12 – МОСО-2 (на территории детдома МОСО); 13 – исторический культурный слой Троице-Сергиева монастыря; 14 – у пос. Козья горка

углеродными датировками позволили проследить историю смен лесной растительности как на протяжении тысячелетий (Воздвиженское болото), так и детально на протяжении последних семи столетий (Морозовское болото – радиоуглеродная дата из основания разреза – 1221–1278 гг.), причем было выявлено несколько циклов сведения и последующего восстановления леса и постепенного полного исчезновения широколиственных пород под влиянием хозяйственной деятельности и замены богатого широколиственно-хвойного леса современным бедным ельником псевдотаежного вида³. Особенно яркий результат был получен на Могилицком разрезе, где пыльца широколиственных пород леса (липы и дуба) была обнаружена под деллювиально-агрогенными смывами, датированными керамикой первой половины XIV в. (*Бызова и др.*, 1993. С. 184–188).

Были также исследованы погребенные пахотные горизонты, обнаруженные в почвах под массивами современных вторичных еловых и мелколиственных лесов. Пыльца культурных злаков и сорняков, а также обилие пыльцы березы, которой зарастали брошенные луга и пашни, подтвердили существование интенсивной сельскохозяйственной деятельности в XV–XVII вв. на этой территории. С помощью трансект, заложенных в районе Воздвиженского и Морозовского болот, были исследованы разные элементы рельефа и палинологически зафиксированы границы полей в лесу. В пойме оврага Коломино, в 1,5 км от подножья моренной возвышенности, в погребенной почве, залегающей под аллювием, был зафиксирован весьма высокий процент пыльцы липы (7,1% от пыльцы деревьев; дуб – соответственно 0,2%). Это свидетельствует, что до начала активной хозяйственной деятельности (XV–XVI вв.) по берегу оврага произрастал широколиственно-еловый лес с участием липы и дуба (*Александровский и др.*, 2001. С. 430–477).

Исследование погребенных почв Троице-Сергиевой лавры является продолжением этого цикла работ.

ХОЛМ МАКОВЕЦ В СИСТЕМЕ ПРИРОДНЫХ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНОГО РАДОНЕЖА. Троицкий монастырь возник на холме Маковец⁴ в северной части Радонежской волости⁵, близ водораздела Волги и Оки. Как показали археологические исследования, в первой трети XIV в. засе-

³ *Бызова и др.*, 1993. С. 167–189. Используются также неопубликованные материалы исследований Е.Г. Ершовой на Морозовской трансекте.

⁴ Древность этого топонима подтверждается рядом свидетельств. Григорий, служивший кн. Петру Дмитриевичу Дмитровскому в купчей грамоте, составленной до 23.02.1427 г. называет себя “чернец святыя Троицы Маковской” (АСЭИ. Т. I. № 13. С. 33). Жалованная грамота Великого Новгорода на беспошлинный проезд на р. Двину монастырских людей (сохранилась в подлиннике) была дана около 1448–1454 гг. “в дом с(вя)т(и)и Тро(и)ци в Серг(е)в(ь) монастырь в Маковец” (АСЭИ. Т. I. № 220. С. 155).

⁵ Первое ее упоминание относится к 1336 г. (ДДГ. № 1. С. 8).

лена была почти исключительно южная часть Радонежской волости, соответствующая бассейну р. Пажи (рис. 2). Северная же ее окраина, расположенная за водоразделом, оставалась практически безлюдной. Эта местность лежала на вершине Клинско-Дмитровской гряды и почти целиком входила в бассейн Кончуры, притока реки Торгоши.

Природные ландшафты, существовавшие в тот период, изменены многовековой распашкой и городской застройкой. Сохраняются лишь отдельные участки, где деятельность человека не успела лишить растительность ее типичных черт. Изучение этих урочищ началось в 1920-е годы, когда ботаники обратили внимание на различия в породах состава лесов, лежащих к юго-западу, северо-западу и востоку от Сергиева Посада.

К юго-западу от Сергиева Посада, в пределах моренной возвышенности, остатки дубрав сохраняются до наших дней у поселка Семхоз, возникшего на месте древнего села Никольского Поддубского⁶. Исследователи отмечают, что широколиственно-еловые леса с преобладанием дуба и липы приурочены к водоразделам. На склонах, приречных и овражных полосах доля широколиственных меньше (*Алехин*, 1947. С. 15; см. также: *Дик и др.*, 1949. С. 81). Если широколиственно-еловые леса действительно покрывали до XIV–XV вв. водоразделы Кончуры и Пажи, нельзя исключить, что они являлись продолжением широколиственно-еловых лесов Радонежа, которые документированы палинологическими исследованиями. К северо-западу от Сергиева Посада, в Копнинском лесу, там, где сохранились участки коренной растительности, преобладает ель: возможно, в средневековый период здесь преобладали ельники, которые до сих пор господствуют на северных склонах Клинской гряды.

Территория к востоку от Лавры характеризуется иными ландшафтными условиями. Здесь, посреди Клинско-Дмитровской гряды расположена древняя котловина доледникового происхождения (*Батурич*, 1959. С. 251–265). Котловина (равнина) начинается от стен обители и распространяется на восток до Торгоши и Тарбеевского озера, и на юг – вниз по Кончуре. Форма ее обусловила конфигурацию бассейна Кончуры и ее притока Карбуги. В Исаковской роще, расположенной в котловине и не подвергавшейся рубкам вплоть до 1920-х годов, ботаников привлек “участок старой еловой тайги”, некогда характерной, по их мнению, для всей территории равнины⁷. Возможно, в древности вся эта территория была покрыта таежными мшистыми хвойными лесами. Своеобразие этого ландшафта было подмечено еще древними насельниками это-

⁶ *Иванова, Шаховская*, 1925. С. 35, 36. До начала строительства поселка Семхоз вокруг поляны, на которой располагалось селище, сохранялась дубрава. Ф.М. Земенков (ул. Хотьковская, 43) в 1946 г. на своем участке выкорчевал 18 дубов (*Чернов*, 1996а. С. 62).

⁷ *Иванова, Шаховская*, 1925. С. 38. Речь идет об Исаковской роще (кварталы 63, 74–77 Сергиево-Посадского лесничества).

го края. Название речки К'арбуги, которая течет в пределах котловины, является производным от финского слова "korv", означающего "сырая глушь, заросшая ельником"⁸.

Граница ландшафтов моренной возвышенности и равнины пролегла практически у подножья холма Маковец. Таким образом, Троицкий монастырь возник, подобно Радонежу, на границе моренной возвышенности и равнины. Однако если равнина, на которой расположен Радонеж, распространялась на обширные пространства и была раскрыта на юг, в сторону издавна освоенных притоков Клязьмы, то близ Троицкого монастыря это была небольшая замкнутая котловина (8 × 2 км), расположенная у вершин моренной гряды. По своим абсолютным отметкам (195–205 м) она находилась как бы "этажом выше", чем равнина Радонежа (180–185 м).

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДАННЫМ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО БУРЕНИЯ. Обратимся теперь к характеристике той части холма Маковец, где были получены спорово-пыльцевые спектры. В геоморфологическом отношении исследованные разрезы лежат вдоль края террасы коренного берега р. Кончуры, примерно в 15 м от бровки и начала склона, который имеет южную экспозицию (рис. 1).

С запада на восток располагались разрезы: Лавра 3 (раскоп 2, участок 2) – в 11 м к югу от юго-западного угла церкви Сошествия Святого Духа, Лавра 1 и 2 (раскоп 2, участок 1) – в 17 м к востоку-северо-востоку от разреза 3 и в 10 м к югу от юго-восточного угла этой церкви⁹, Лавра 3 (раскоп 3) – в 35 м к северу-востоку от разрезов 1 и 2. Таким образом, терраса коренного берега р. Кончуры изучена на участке, удаленном на 30–82,5 м от апсид Троицкого собора 1422 г.

Отметки современной дневной поверхности в районе разрезов составляют 209,12 м (Лавра 3), 209,46 м (Лавра 1, 2), 210,5 м (Лавра 4) над уровнем Балтийского моря. Погребенные почвы лежат на отметках соответственно 208,16, 208,90 и 210,05 м. Для сравнения следует отметить, что дневная поверхность у апсид Троицкого собора, которая близка первоначальному уровню погребенной почвы (здесь выполнена вертикальная планировка), имеет отметку 208,75 м. Понижение уровня древней дневной поверхности в районе разреза Лавра 3 отражает выположенное верховье древнего оврага, который пролегал между Троицким собором и церковью Сошествия Святого Духа. Далее начинался плавный подъем до разреза Лавра 4, который лежит на 1,2 м выше уровня поверхности у апсид Троицкого собора (рис. 1).

Материалы геологического бурения, проведенного Патриаршим архитектурно-реставрационным

центром, дают представление о разрезе коренных отложений вдоль описанной выше линии: от здания Ризницы (скважина 3/89) и Никоновского придела, примыкающего с юга к Троицкому собору (скважина 40/00у) до Михеевской церкви (скважина 1/94в), точки в 5 м к востоку от разрезов Лавра 1, 2 (скважина 13/52) и точки близ разреза Лавра 4 (на половине расстояния между алтарями Трапезной церкви и Успенского собора) (рис. 1).

Разрез показывает, что по мере повышения абсолютных отметок (с запада на восток) характер отложений, на которых залегают почвы, меняется. Под ризницей погребенные почвы залегают непосредственно на песках. Та же картина фиксируется в пробе, взятой у юго-западного угла Никоновского придела (1548 г.), там, где к нему примыкает Серапионовская палатка (возведена вскоре после обретения мощей Серапиона Новгородского в 1559 г.)

Приблизительно у апсиды Никоновского придела над песками начинает фиксироваться слой суглинка (морена). У северной стены Михеевской церкви (1/94в) мощность суглинка составляет 0,7 м (у юго-западного угла – 0,3 м), а на крайней восточной точке нашего разреза – 2,6 м. На этом моренном суглинке и сформировались исследуемые погребенные почвы.

Подобная картина, когда у бровки коренного берега реки суглинки выклиниваются и обнажают пески, была прослежена при раскопках погоста Афанасия и Кирилла Александрийских, расположенного на берегу р. Пажи (южная часть посада Радонежа). Могилы кладбища, датируемые 1570–1610-ми годами, были выкопаны по большей части в суглинке, однако некоторые – пробили суглинок и попали в нижележащие флювиогляциальные отложения (Чернов, 2000б. С. 63–81). Можно указать еще на одну аналогию подобной ситуации. На селище на Марьиной горе (к юго-западу от Радонежа) XV в. поселение было поставлено на кромке коренного берега р. Вори, на супесчаных отложениях. Пруд же был выкопан в суглинистых отложениях морены, которые держали воду (Александровский, Кренке, Чернов, 1990. С. 94–109).

Итак население, осваивавшее радонежские ландшафты в XIV–XV вв., знало и использовало эту особенность строения подпочв. Поэтому можно высказать осторожное предположение о том, что келья преподобного Сергия, которую предание помещает в районе позднейшей Серапионовской палатки (Голубинский, 1909. С. 221)¹⁰, была поставлена на узкой полосе вдоль края бровки коренно-

¹⁰ Павел Алеппский, посетивший Троице-Сергиев монастырь 11 июня 1655 г., сообщает: "келарь Арсений (Суханов)... сначала повел нас в келью св. Сергия, в коей он обитал. Она деревянная и сохранилась силою Божией доселе; от нее отрезают кусочки дерева, кои пользуют от боли коренных и (других) зубов" (Путешествие..., 2005. С. 432). Возможно, после строительства Серапионовской палатки (после 1559 г.) келья была перенесена на новое место.

⁸ В вепском языке "korv" – "глухой еловый лес" (Ижилова, 1993. С. 69).

⁹ 10 м вдоль створа восточной стены церкви и далее 1 м к востоку.

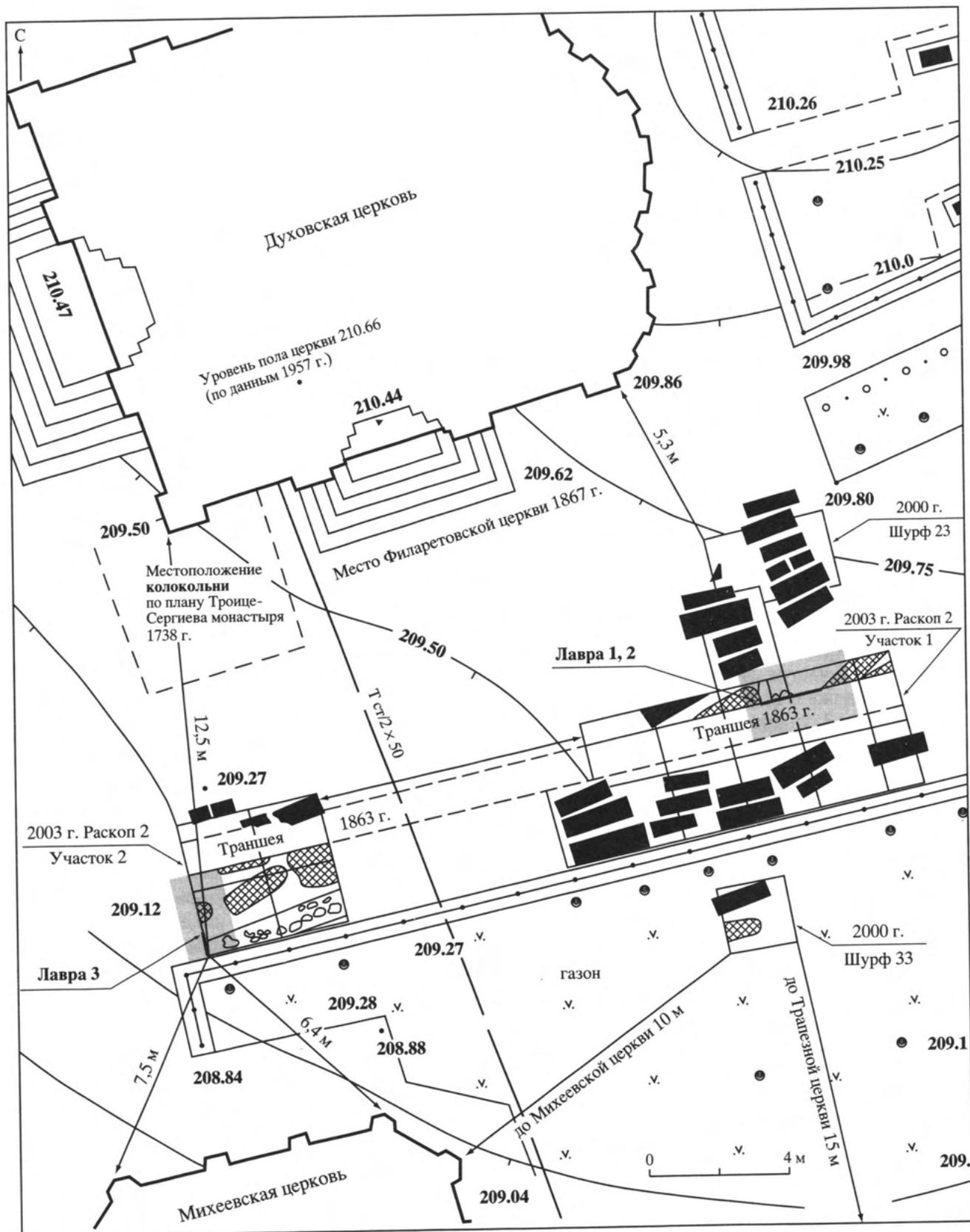

Рис. 3. План расположения раскопа 2 у Духовской церкви

го берега р.Кончуры, где из-под моренных суглинистых отложений выходили пески.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТКА ИССЛЕДОВАНИЯ.
Рассмотрим теперь положение интересующих нас

почвенных разрезов относительно древней монастырской планировки.

Разрезы Лавра 1, 2 и 3 (раскоп 2) расположены в 10 м к югу от церкви Сошествия Святого Духа (рис. 3). Типографская летопись сообщает о за-

кладке существующего здания этой церкви весной 1476 г.: “Заложена бысть, почата дѣлати в Сергѣевѣ монастырѣ церковь святыя Троица, кирпичная, дроугая, на мѣстѣ деревянныя церкви” (ПСРЛ, 1921. Т. 24. С. 195). Деревянная церковь, которую упоминает летописец, была возведена на месте Троицкой соборной церкви, сгоревшей во время разгрома монастыря татарами в декабре 1408 г., и была освящена в 1412 г. В 1422 г., в связи с намеченным строительством на этом месте каменного собора, она была перенесена на 15 саженей к востоку.

Примерно в 10–30 м к востоку от апсид церкви Сошествия Св. Духа располагалась восточная линия келий. Таким образом, первые три разреза характеризуют участок монастырского двора XV в., который был ограничен на севере церковью Сошествия Св. Духа, на юге – бровкой холма, а на востоке – рядом деревянных келий (Голубинский, 1909. С. 107, 108, 178). Такая ситуация сохранялась до раздвижки келий в 1557 г., последовавшей за строительством (в 1540-е годы) новых каменных крепостных стен (Краткий летописец..., 1980. С. 178). Разрез 4 (раскоп 3), расположенный в 35 м к востоку от алтарей церкви Сошествия Св. Духа, попал на территорию, которая до 1557 г. располагалась за кельями, вероятно, близ деревянных стен монастыря.

В раскопе 2 было выявлено 18 плиточных белокаменных надгробий середины XVI – первой четверти XVII в., которые залегали *in situ*. Анализ стратиграфии показал, что между 1692 и 1741 гг. некрополь был засыпан, а территория его использовалась в дальнейшем в качестве площади. Возможно, это было сделано в соответствии с указами Святейшего Синода 1722–1723 гг. (Полное собрание законов..., 1830. С. 653).

Большая часть надгробий несет треугольчато-выемчатый орнамент (“волчий зуб”) и относится к середине – второй половине XVI в. Особый интерес представляют плиты Пелагеи Юрьевой жены Дмитриева (скончалась 28.08.1554 г.) и Лаврентия Торха Осорьина (младший сын троицкого монаха Злобы Осорьина), по душе которого 5.07.1554 г. его мать Марья дала вклад в Троицкий монастырь. Судя по описанию надгробий Троице-Сергиева монастыря, которое было составлено вскоре после 1634 г., погребения Осорьиных и Пелагеи Юрьевой располагались слева от “дороги, что ходят из Святых ворот к Архимандричьим кельям” (Горский, 1879. С. 91). Хотя предполагаемая дорога почти полностью нарушена траншеей 1863 г., о ее существовании говорит перебой ритма рядов надгробий к северу и югу от траншеи (рис. 3). Таким образом устанавливается, что раскопками раскрыты крайние северные надгробия, лежавшие вдоль дороги, которая вела от Святых ворот к Архимандричьим кельям (на месте Митрополичьих покоев).

В северной стенке траншеи 1863 г., которая пересекала раскоп 2 с запада на восток и была использована как стратиграфический разрез,

открылся участок, на котором между могильными ямами сохранилась погребенная почва (разрезы Лавра 1 и 2) (рис. 4, 5). Погребенные почвы были обнаружены также на участке 2 раскопа 2, перед крыльцом Трапезного храма, которое было вынесено на территорию некрополя в 1688–1692 гг. (разобрано при строительстве Михеевской церкви в 1734 г.). Погребенные почвы были здесь перекрыты выбросами из могильных ям (рис. 6, 7).

Археологические материалы, найденные в раскопе 2, крайне бедны. В слое засыпки некрополя встречается красноглиняная гладкая (11, 4%), чернолощенная (31,6%), мореная (32,9%), ангобированная (3,8%), белоглиняная гладкая (8,9%) и гладкостенная (10,1%) керамика XVII в., а также коллекция красных неполивных изразцов, которые датируются 1650–1660-ми годами (Щербаков, 2005. С. 107–110) – обломками изразцов засыпали некрополь.

Гумусовый горизонт погребенной почвы, пробитый могильными ямами 1550-х – 1590-х годов, разбирался на участке 1 к северу от траншеи (рис. 5) и на участке 2 к югу от траншеи 1863 г. на площади около 8 кв. м. Мощность его колеблется от 2 до 10 см, причем в ряде случаев значения 8–10 см связаны с тем, что этот слой сползал в могильные ямы. В нем не было встречено керамики или находок, не зафиксировано следов каких-либо сооружений.

Единственная находка, которая может быть связана с гумусовым горизонтом, была встречена во вторичном залегании: в заполнении могилы Лаврентия Торха, пробившей гумусовый горизонт (участок 1). Это фрагмент венчика типичного красноглиняного грубого сосуда, орнаментированного косой волной по шейке и точками по плечу. Наиболее близкие по общей профилировке горшка и технологическим характеристикам, хотя и не аналогичные, венчики найдены в комплексе постройки 1380–1390-х годов в Шавыкине Дубенском монастыре (Московская керамика, 1991. Табл. 131, № 17) и в яме, исследованной на Старом Ваганькове в Москве (Московская керамика, 1991. Табл. 76, № 194). Горшок из Шавыкина монастыря несет почти аналогичный орнамент (классический вариант косой волны – с вертикально ориентированной стороной волны), но имеет ребро по плечу, которого нет у нашего венчика. Горшок из Ваганькова, так же как троицкий венчик, не имеет ребра по плечу, но украшен горизонтальным орнаментом. Что касается формы завершения, то венчик имеет уплощенную поверхность, ориентированную наклонно. Этим он отличается от серии горшков из комплекса Михайловское-2 (первая половина XV в.) (Московская керамика, 1991. Табл. 70), где плоская поверхность ориентирована горизонтально. На основании указанных аналогий венчик может быть датирован в пределах последней четверти XIV – первой половины XV в.

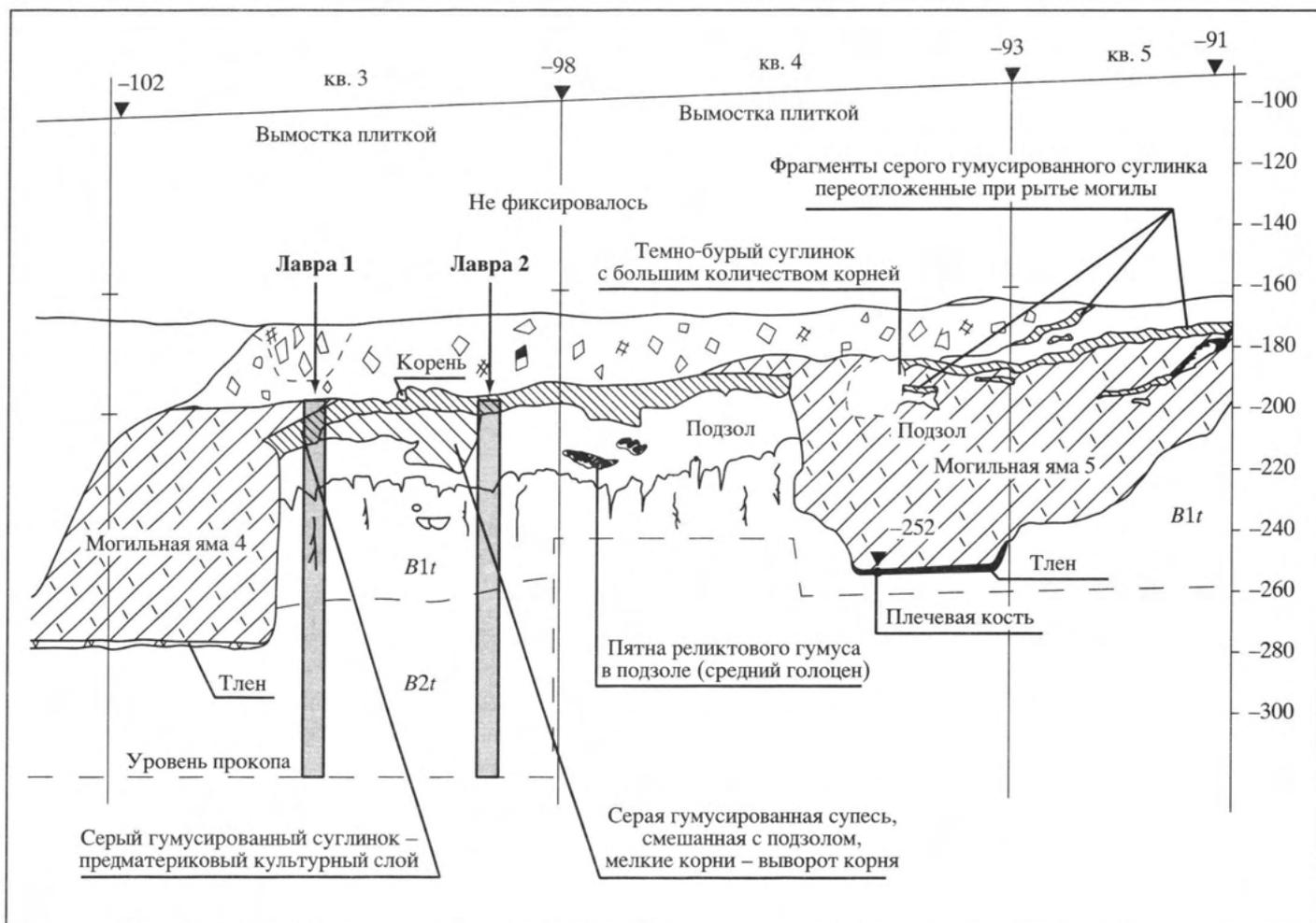

Рис. 4. Профиль северной стенки траншеи 1863 г. в раскопе 2 (участок 1) и положение разрезов Лавра 1 и Лавра 2

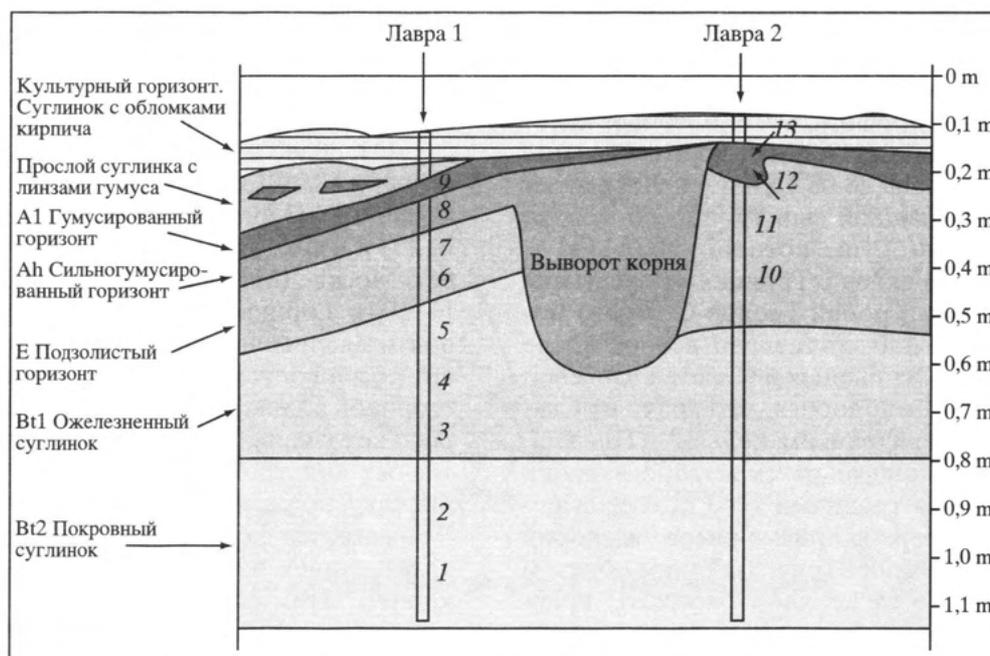

Рис. 5. Разрезы Лавра 1 и 2. Схематический чертеж профиля Е.А. Спиридоновой
Цифрами обозначены номера проб

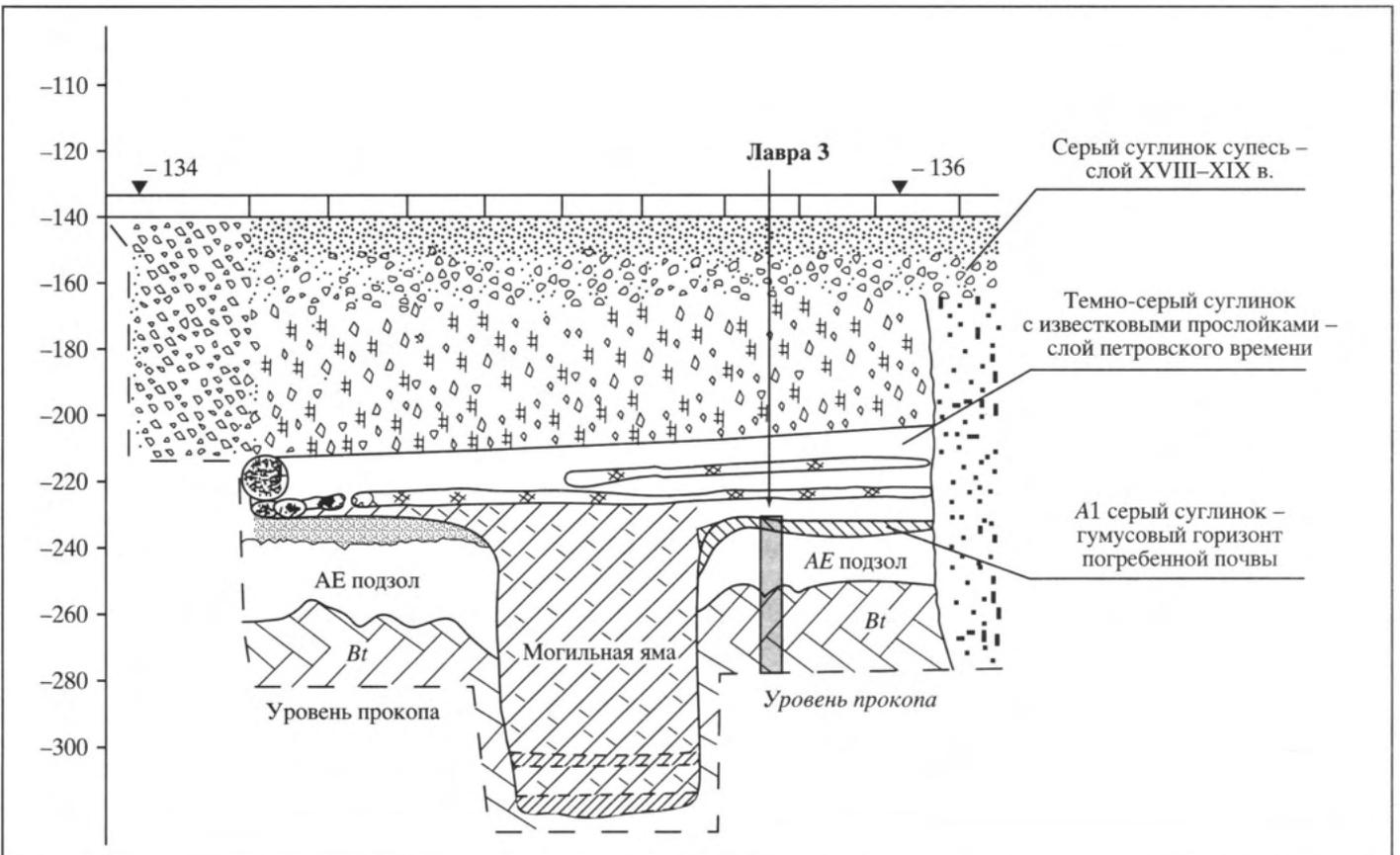
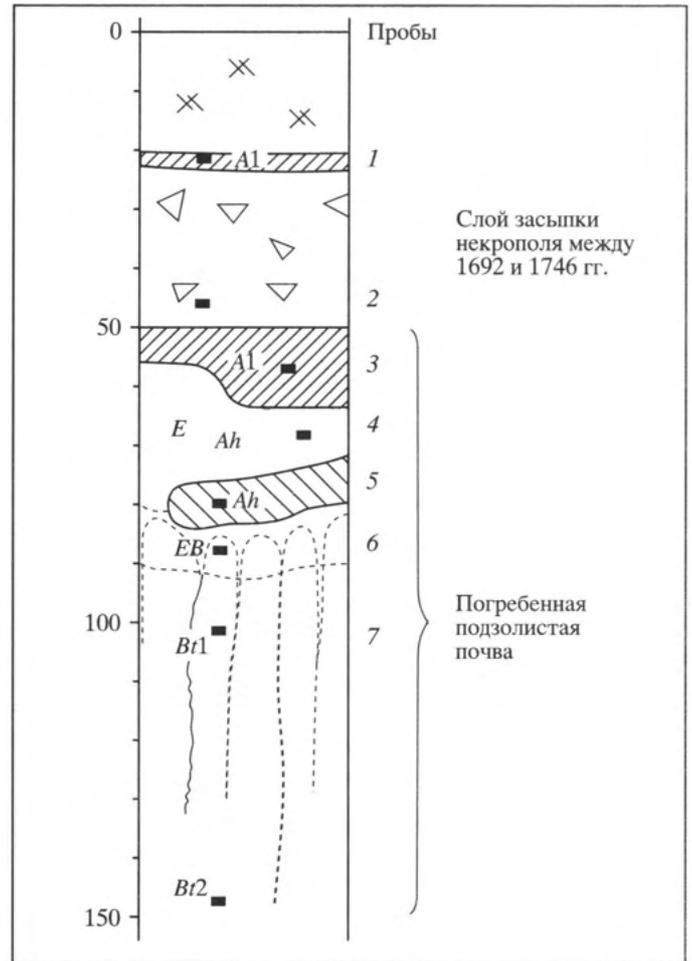
Таким образом, до устройства некрополя (в 1550-е годы или несколько ранее) хозяйственная деятельность на этой территории не велась, что вполне естественно для монастырского двора. Гумусовый горизонт мог насыщаться за счет небольших поступлений органики и отдельных предметов.

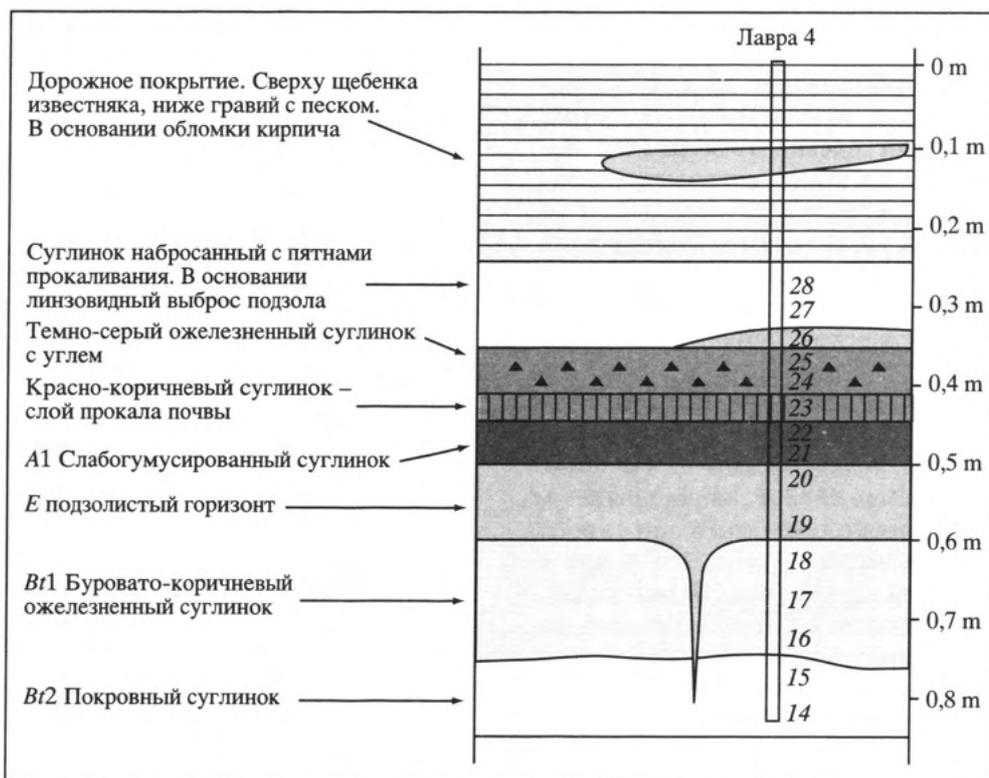
Еще один небольшой участок погребенных почв сохранился между могильными ямами XVII в. в северо-западной стенке раскопа 3, заложенного между крыльцом Сергиевской церкви и зданием книжной лавки (рис. 8).

ПОЧВЕННОЕ ОПИСАНИЕ РАЗРЕЗОВ, Раскоп 2. Участок 1. Морфологическое описание было выполнено А.Л. Александровским на профиле северной стенки траншеи 1863 г., в квадрате 3, между взятыми за несколько дней до этого Е.А. Спиридоновой колонками Лавра 1 и Лавра 2 по описанию Ю.А. Лаврушина (рис. 4; см. ниже). Поверхность подзолистой почвы располагалась на уровне - 190 см и перекрыта слоем засыпки некрополя, который представляет собой смесь кирпичной

Рис. 6. Раскоп 2. Участок 1. Почвенный профиль (рисунок А.Л. Александровского)

Рис. 7. Южная часть профиля западной стенки раскопа 2 (участок 2) и положение разреза Лавра 3

Рис. 8. Разрез Лавра 4 в северо-западной стенке раскопа 3. Схематический чертеж профиля Е.А. Спиридоновой
Цифрами обозначены номера проб

крошки, извести и серой супеси. Переход к гумусовому горизонту резкий. Граница ровная (профиль см. на рис. 6). Гумусовый горизонт имеет относительно ровную поверхность, нижняя граница неровная. Мощность горизонта меняется от 2 до 10 см. Вероятно, это следы турбаций, которые могли быть вызваны действием корней деревьев или связаны с деятельностью человека. Следы распашки не прослеживаются.

Проба¹¹ 3 – гумусовый горизонт (A1) погребенной подзолистой почвы. Темно-серый суглинок легкий, рыхлый, непрочно-комковатый, с угольками. Переход к нижележащему горизонту E относительно резкий, граница неровная. Мощность от 2 до 10 см.

Проба 14 – наиболее темные участки горизонта A1, выделяются повышенным содержанием угольков.

Проба 4 – подзолистый горизонт E. Белесый легкий суглинок к супеси. Переход постепенный, граница неровная, с клиньями.

Проба 5 – наиболее темная часть из пятна реликтового гумуса пепельно-серого цвета; горизонт Ah. Нижняя граница неровная.

Проба 6 – переходный горизонт EB. Буроватый суглинок с белесоватыми пятнами и вертикальными узкими клиньями, заполненным ярко-белесым

материалом подзолистого горизонта E. Переход постепенный, граница неровная.

Проба 7 – горизонт B1t (верхняя часть иллювиальной части профиля). Бурый суглинок, уплотненный, ореховатой структуры (отдельности с плоскими гранями и острыми ребрами). Продолжаются сверху трещины с белесым заполнением. Переход постепенный.

Проба 8 – горизонт B2t (нижняя часть иллювиальной части профиля). Бурый тяжелый суглинок, призматичный, вертикальные трещины с глинистыми натекками.

Раскоп 2. Участок 2 расположен западнее участка 1, несколько ниже по склону, поверхность погребенной почвы здесь слабо наклонена к юго-юго-западу. Исследовался фрагмент погребенной почвы, фиксируемый на западном профиле раскопа, к югу от могильной ямы, между нею и фундаментами крыльца 1688–1692 г. (рис. 7).

Выброс из могильной ямы перекрыт слоем строительства крыльца (серый суглинок с тонкими известковыми прослойками). Могильная яма заполнена мешаным материалом из различных горизонтов подзолистой почвы.

Проба 17. Верхний гумусовый горизонт A1 погребенной почвы. Серый к темно-серому суглинок комковатый, рыхлый. Встречаются угольки.

Проба 18. Нижележащий слабогумусированный горизонт AE: серовато-белесый легкий суглинок. Нижняя граница относительно резкая и ровная.

¹¹ Здесь и далее имеются в виду пробы для химического анализа – см. ниже. Номера проб см. на рис. 6.

Отчасти этот горизонт напоминает пахотный. Однако участок, на котором он выявлен, очень невелик, поэтому признаки пахотной природы горизонта следует считать недостаточными.

Ниже залегают горизонты E и Vt подзолистой почвы (пробы из них не отбирались).

Раскоп 3. Разрез Лавра 4. Проба 9. Серовато-бурый суглинок с гравием.

Проба 10. Суглинок с мелким белесым крапом и неравномерной гумусовой прокраской.

Проба 11. Углистый слой мощностью 7 см. Ниже, на поверхности почвы – прослойка бурого суглинка мощностью 3 см.

Проба 12. Гумусовый горизонт погребенной почвы. Ярко-белесый легкий суглинок.

Ниже залегают горизонты E и Vt подзолистой почвы. Пробы из них не брались.

Таким образом, во всех раскопах выявлены участки с сохранившейся подзолистой погребенной почвой, которая сформировалась здесь, на высоком берегу реки, до возникновения монастыря. Поверхность гумусового горизонта данной почвы соответствует уровню поверхности времени основания монастыря. С этого уровня были сделаны и первые погребения.

Следы распашки, обычные для погребенных почв в подобных условиях (таковы, например, почвы, обнаруженные под культурным слоем в кремле Александровой слободы, под валами крепости в Коломне и т.д.) в Троице-Сергиевой лавре не обнаружены. В некоторых случаях гумусовый горизонт погребенной почвы имеет резкую нижнюю границу, как это обычно бывает при распашке, но такие участки очень небольшие по протяженности, и за их пределами сходство горизонта с пахотным пропадает. В раскопах 2 (участок 2) и 3 фрагменты с погребенной почвой невелики (их ширина около 30 см), поэтому определить наличие распашки сложно.

Погребенные почвы имеют полный профиль. Следов сокращения верхней части в результате эрозии, что нередко бывает при распашке склонов, не видно. Следовательно, большинство фактов свидетельствуют о том, что в момент до возникновения монастыря (1341 г.) территория была покрыта лесом. Можно предполагать, что они (нарушения) частично были образованы в результате раскорчевки леса.

Геохимическое исследование погребенных почв (см. табл.; рис. XL) показало, что содержание железа и микроэлементов близко к природному. Содержание кальция всего 0,4–0,8%, что соответствует среднему значению по Московской области (в культурный слой Москвы – 10–18%). Следовательно, вблизи этого места не велось интенсивное каменное строительство, пыль от которого насыщает почвы и культурные слои кальцием. В гумусовом горизонте повышено содержание марганца, что может быть связано с поступлением золы древесных растений, в которых он накапливается.

Химический состав почв на участке 2, раскоп 2

	CaO	Fe ₂ O ₃	Mn	Cu	Zn	Ni	As	Pb	Sr
Кларк*	0,5	3,0	1000	15	21	9	2	13	384
Раскоп 2, участок 2									
1. Гумусированный горизонт	1,0	2,2	600	20	30	5	1,0	15	300
2. Культурный слой	0,2	3,6	900	13	55	7	1,0	10	250
3. Гумусированный горизонт	0,4	2,1	1200	12	35	5	1,0	7	250
A1									
14. Углистые зоны в A1	1,3	3,0	2000	15	45	5	1,5	10	330
4. Подзолистый горизонт	0,5	1,4	300	7	15	5	1,0	10	220
5. Реликтовый гумус	0,6	3,0	850	7	20	5	1,0	10	300
6. Буроватый суглинок	0,4	4,0	400	10	20	7	1,5	10	200
7. Иллювиальный горизонт, верх	0,4	5,2	800	15	35	10	2,0	10	230
8. Иллювиальный горизонт, низ	0,6	4,0	700	15	35	7	2,0	10	220
Раскоп 2, участок 1									
9. Суглинок с гравием	3,7	3,7	700	35	80	5	2,0	180	300
10. Слой XVIII в.	1,6	3,9	700	20	35	5	2,0	15	250
11. Углистый слой	2,0	2,7	1000	15	50	7	1,0	10	300
12. Гумусированный горизонт	1,4	2,9	1000	10	50	5	2,0	10	250
13. Подзолистый горизонт	0,8	2,1	250	10	25	5	1,0	10	250
Раскоп 3									
15. Слой XVIII–XIX вв.	2,5	2,8	600	15	25	7	2,0	20	210
16. Слой петровского времени	3,5	3,2	800	15	50	5	1,0	30	270
17. Гумусированный горизонт	0,8	2,6	3200	20	60	5	1,0	15	250
18. Подзолистый горизонт	0,7	2,0	600	10	20	5	1,0	10	300

* Среднее содержание в почвах Московской области.

Совместное повышение марганца и цинка обнаруживается в гумусовом горизонте разреза Лавра 4. Поскольку при многократной уборке урожая содержание марганца и цинка в пахотных горизонтах падает (эти элементы накапливаются в культурных растениях и отчуждаются вместе с урожаем), вероятнее предполагать здесь не пахотный, а насыщенный золой слой. В целом исследуемая территория, судя по содержанию в погребенных почвах низких количеств химических элементов, слабо подвергалась антропогенному воздействию и может считаться экологически чистой¹².

ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ. Формирование почв происходит в периоды прекращения или резкого замедления процессов накопления отложений и заключается в переработке ранее отложившихся напластований под действием разнообразных почвообразовательных процессов (накопление гумуса, оструктурирование, перемешивание под действием почвенной фауны). Это необходимо учитывать при интерпретации данных палинологического исследования почв (Березина, Лисс, 2000. С. 61–69; Березина, Гольева, Кривохарченко, 2001. С. 38–60). Погребенный гумусовый горизонт описанных разрезов, хоть и не имеет следов распашки, но несет отпечатки человеческой деятельности, которая не могла не повлиять на условия отложения пыльцы и ее проникновения в глубь почвенного профиля. Так, в образцах из бурого горизонта присутствует пыльца сорняков, явно занесенных в этот почвенный горизонт сверху по трещинам или другим путем. В то же время лесные почвы, в которых накапливается пыльца, оседающая непосредственно под пологом леса, и куда в меньшей степени, чем на открытых пространствах, заносится пыльца из дальних местообитаний, дают информацию о локальных, конкретных участках лесной растительности, хотя и осредненную во времени (Сладков, 1967; Афанасьева, 1996).

РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА. Разрезы Лавра 1 и Лавра 2 были вскрыты траншеей, где удалось изучить довольно значительный по протяженности фрагмент погребенной почвы. Под верхним слоем засыпки некрополя (битый кирпич и изразцы) располагалась яма, разделяющая естественные слои погребенной почвы на два участка (рис. 4). В связи с этим обе части почвы описаны в качестве самостоятельных разрезов “Лавра 1” и “Лавра 2”.

Лавра 1. В первом разрезе, по описанию Ю.А. Лаврушина, сверху вниз вскрыты следующие

слои, которые отчасти будут общими со вторым разрезом (рис. 5).

0.15–0.20 м – Слой засыпки некрополя (между 1692 и 1741 гг.) – суглинок, смешанный с обломками кирпича.

0.20–0.32 м – Клиновидный прослой суглинка с кусками гумуса.

0.32–0.36 м – Слабогумусированный горизонт – смещенный по склону участок гумуса. Образец 9.

0.36–0.44 м – Сильногумусированный осветленный горизонт подзола – смесь подзола с гумусом: переотложенная часть погребенной почвы. Образец 8.

0.44–0.56 м – Белесый подзолистый горизонт. Образцы 6, 7.

0.56–0.80 м – Сильно ожелезненный суглинок – горизонт выветривания. Образцы 3, 4, 5.

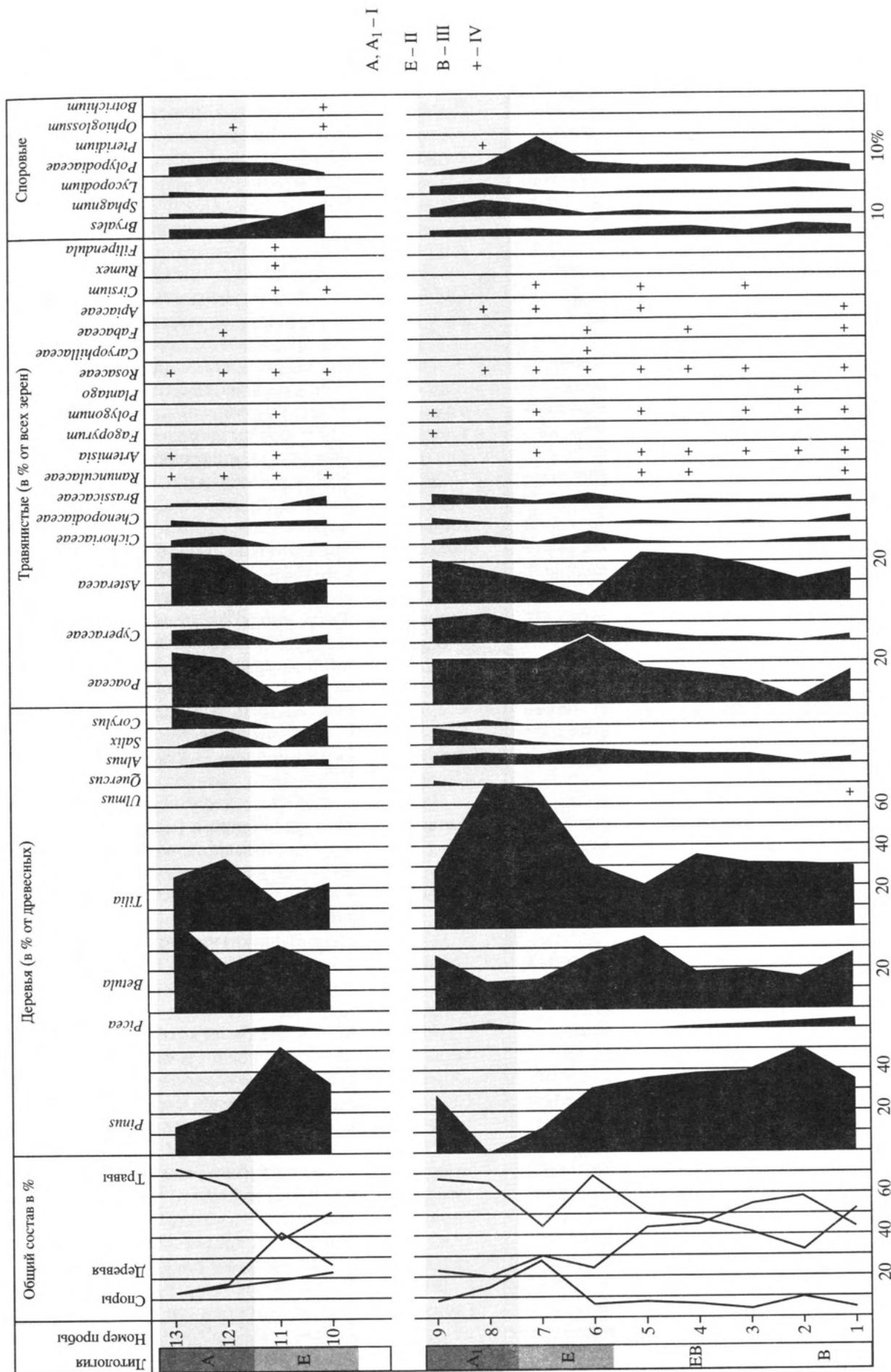
0.80 и ниже – Покровные суглинки. Образцы 1, 2.

Из данного разреза было отобрано и проанализировано палинологическим методом 9 образцов. Все образцы содержали небольшое количество пыльцы и другой органики, много золы, отпечатков зеленых водорослей. Первые (снизу вверх) 6 образцов содержат очень мало органики, в том числе и пыльцы. Результаты анализа приведены на диаграмме (рис. 9, нижняя диаграмма).

В спорово-пыльцевых спектрах образцов 1–5 из подстилающих почву суглинков наблюдается примерно равное количество пыльцы древесных и травянистых растений (43–58% и 32–50% соответственно). Спор немного – от 5 до 10%. Среди древесных преобладают сосна (*Pinus*) (35–50%) и липа (*Tilia*) (30–36%). Береза (*Betula*) составляет 30–35%, единично встречается пыльца вяза (*Ulmus*) (в самом нижнем слое), ели (*Picea*) и ольхи (*Alnus*). В группе травянистых велика доля злаков (*Poaceae*) – до 15% от общего числа, очень много сложноцветных (*Asteraceae*) – до 25% от общего числа, во всех образцах встречаются осоковые (*Cyperaceae*). Отмечены также полыни (*Artemisia*), цикориевые (*Cichoriaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*), крестоцветные (*Brassicaceae*), розоцветные (*Rosaceae*), зонтичные (*Apiaceae*) и, единично, лютиковые (*Ranunculaceae*), бобовые (*Fabaceae*), гречишные (*Polygonum*), бодяк (*Cirsium*). Роль споровых невелика, и представлены они в основном зелеными мхами (*Bryales*) и папоротниками (*Polypodiaceae*) – по 2–3% от общего числа, отмечены также сфагновые мхи (*Sphagnum*) и, единично, плауны (*Lycopodium*).

Спорово-пыльцевые спектры образцов 6 и 7 из подзолистого горизонта погребенной почвы отличаются явным преобладанием травянистых растений (до 65%) над древесными (25–30%). Споровых немного, за исключением образца № 6, в котором много спор папоротников из семейства *Polypodiaceae* (27% от общего числа зерен). Среди древесных наблюдается убывание снизу вверх участия хвойных: ель (*Picea*) исчезает, доля сосны (*Pinus*) уменьшается до 10% в образце № 7, в то время как участие липы (*Tilia*) возрастает до 70% от древес-

¹² В горизонте строительства 1688–1692 гг. (разрез Лавра 3) и близком к нему по времени углистом слое разреза Лавра 4 повышено содержания цинка (50–60 мг/кг), что может быть связано либо с наличием недалеко от этого места металлургического производства (цинк “улетает” при любой плавке металла и затем при охлаждении осажается), или, что более вероятно, с разделкой рыбы (накапливается в жабрах, плавниках и чешуе рыбы) (Александровская Е.И., 2003 С. 16–18).

Рис. 9. Спорово-пыльцевая диаграмма Лавра-1 (внизу) и Лавра-2 (вверху)

I – гумусовый горизонт погребенной почвы; II – подзолистый горизонт погребенной почвы; III – бурый горизонт погребенной почвы; IV – виды, пыльца которых представлена в единичном количестве

ных (или до 20% от общего числа зерен). Единично встречаются ольха (*Alnus*) и ива (*Salix*). Среди травянистых растений доминирует пыльца злаков (*Poaceae*) – 20–30% от общего числа, увеличивается доля осок (*Cyperaceae*) – 10%, по-прежнему много сложноцветных (*Asteracea*), отмечены крестоцветные (*Brassicaceae*), цикориевые (*Cichoriaceae*), розоцветные (*Rosaceae*), бобовые (*Fabaceae*), гвоздичные (*Caryophyllaceae*), а также полынь (*Artemisia*), бодяк (*Cirsium*) и горец (*Polygonum*).

В спорово-пыльцевых спектрах образцов, взятых из гумусового горизонта, пыльцы древесных еще меньше (20–22%), преобладает пыльца травянистых (до 68%), спор около 10%. В образце 8 древесные представлены в основном липой (*Tilia*) (70%) с примесью березы (*Betula*) (13%), хвойные практически отсутствуют. В образце 9 пыльца липы, сосны и березы составляет по 30%. В обоих образцах присутствует пыльца ольхи (*Alnus*) и ивы (*Salix*), а также единично – дуба (*Quercus*) и орешника (*Corylus*). Среди травянистых доминируют злаки (*Poaceae*), осоки (*Cyperaceae*) и сложноцветные (*Asteracea*) – соответственно 20%, 13% и 20% от общего числа зерен. Присутствуют также цикориевые (*Cichoriaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*), крестоцветные (*Brassicaceae*) и, единично, розоцветные (*Rosaceae*), зонтичные (*Apiaceae*), гречиха (*Fagopyrum*) и горец (*Polygonum*). Среди споровых наблюдается значительное количество спор папоротника орляка (*Pteridium*), споры других папоротников, зеленых (*Bryales*) и сфагновых мхов (*Sphagnum*), а также плаунов (*Lycopodium*) составляют, соответственно, по 3–6% от общего числа зерен.

Лавра 2. Этот разрез был заложен в 50 см восточнее разреза Лавра 1, что видно на рис. 4. По описанию Ю.А. Лаврушина, сверху вниз вскрыты следующие слои (рис. 5).

0.05–0.20 м – Слой засыпки некрополя (между 1692 и 1741 гг.) – суглинок, смешанный с обломками кирпича.

0.20–0.28 – Гумусовый горизонт погребенной почвы, резко меняющий мощность (явно произошло перемещение по склону). Образцы 12, 13.

0.28–0.5 м – Белесый подзолистый горизонт. Образцы 10, 11.

Палинологическим методом было изучено 4 образца, характеризующих слои 5 и 6 (погребенную почву). Все образцы содержали большое количество органических остатков, золы, углистых остатков. Присутствуют спиккулы губок (?), пыльцы мало. Результаты палинологического анализа приведены на диаграмме (рис. 9, верхняя диаграмма).

В спорово-пыльцевых спектрах образцов 10 и 11 из подзолистого горизонта погребенной почвы содержание пыльцы древесных и травянистых растений примерно равное: 27–41% и 40–50% соответственно. Споры составляют около 20%. Древесные представлены сосной (*Pinus*) (до 52%), липой (*Tilia*) (до 22%) и березой (*Betula*) (до 32%). Единично

отмечена пыльца ивы (*Salix*), ольхи (*Alnus*) и ели (*Picea*). Среди травянистых преобладают злаки (*Poaceae*) и сложноцветные (*Asteracea*) – по 12–13% от общего числа, во всех образцах присутствует пыльца осок (*Cyperaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), маревых (*Chenopodiaceae*), бодяка (*Cirsium*), определены также горец (*Polygonum*), полынь (*Artemisia*), цикориевые (*Cichoriaceae*), щавель (*Rumex*), розоцветные (*Rosaceae*), лютиковые (*Ranunculaceae*) и таволга. Среди споровых преобладают зеленые мхи (*Bryales*) (10–17%), присутствуют папоротники семейства *Polypodiaceae*, *Ophioglossaceae* и *Botrychiaceae*, сфагновые мхи (*Sphagnum*) и плауны (*Lycopodium*).

Образцы из гумусового горизонта (№ 12, 13) отличаются резким преобладанием в спорово-пыльцевых спектрах пыльцы трав (около 70%), в то время как пыльца древесных и споровых составляет 18% и 16% соответственно. Среди деревьев резко уменьшается количество пыльцы сосны (*Pinus*) (до 13%) и увеличивается доля липы (*Tilia*) (до 35%). Отмечена пыльца лещины (*Corylus*), ивы (*Salix*) и, единично, ольхи (*Alnus*). Ель отсутствует совсем. Среди травянистых доминируют злаки (*Poaceae*) и сложноцветные (*Asteracea*) – по 25% от общего числа, много осок (*Cyperaceae*) (8%), цикориевых (*Cichoriaceae*) (3%), отмечены крестоцветные (*Brassicaceae*), розоцветные (*Rosaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*), лютиковые (*Ranunculaceae*), бобовые (*Fabaceae*), полынь (*Artemisia*). Споры представлены зелеными мхами (*Bryales*) и папоротниками (по 4% от общего числа) и в меньшей степени сфагновыми мхами (*Sphagnum*) и плаунами (*Lycopodium*).

Лавра 3. Разрез был заложен в западной стенке раскопа 2 (рис. 7). В этом разрезе сверху вниз вскрыты следующие слои:

0.00–0.37 м – Культурный горизонт. Темно-серый гумусированный суглинок, содержащий обломки кирпича. Образцы 5 и 1.

0.37–0.44 м – Слабо-гумусированный подзол. Образец 2.

0.32–0.36 м – Слой белесого подзола. Образцы 3 и 4.

Из данного разреза было отобрано и проанализировано палинологическим методом 5 образцов. Образцы из верхних слоев погребенной почвы (обр. 1, 2, 5) содержали много мелких органических остатков, в том числе кусочки древесины и угольков, часто встречается зола. Древесина сосны и ели присутствует иногда в большом количестве. Присутствуют фунги грибов. Для образцов из слоя 3 характерно значительное сокращение органических остатков и большое количество золы. Результаты анализа приведены на рисунке 10.

В спорово-пыльцевых спектрах образцов 3 и 4 (подзолистый слой погребенной почвы) доминирует пыльца споровых – 50% (преимущественно папоротников); травянистых – 30–40%, древесных – всего 15–20%. Среди древесных преобладает

пыльца липы (*Tilia*) и сосны (по 30%). Ель (*Picea*) составляет 5–13%, береза (*Betula*) – 15–25%, отмечена также пыльца дуба (*Quercus*) и ольхи (*Alnus*). Из травянистых много злаков (*Poaceae*) (10–15% от общего числа), среди которых выявляются культурные виды, и осок (*Cyperaceae*) (5–10%). Отмечены сорняки – крестоцветные (*Brassicaceae*), цикориевые (*Cichoriaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*), полынь (*Artemisia*), горец (*Polygonum*) и луговые травы. Споровые, как уже говорилось, представлены в основном папоротниками из семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (35–40% от общего числа), доли мхов и плаунов по 5–10%.

В спорово-пыльцевых спектрах образцов 2, 1 и 5 из гумусового (культурного) слоя несколько уменьшается доля споровых (30–40%), увеличивается доля травянистых (до 45%), доля же древесных по-прежнему невысока – 20–25%. Среди деревьев уменьшается доля сосны (*Pinus*) и ели (*Picea*) (до 15 и 10% соответственно) и увеличивается доля липы (*Tilia*) (45–50%). Из травянистых доминируют злаки (*Poaceae*) (25% от общего числа) и астровые (*Asteraceae*) (8%), присутствуют осоки (*Cyperaceae*) (7%), бобовые (*Fabaceae*), зонтичные (*Apiaceae*), розоцветные (*Rosaceae*) и единично сорняки – цикориевые (*Cichoriaceae*), крестоцветные (*Brassicaceae*), горец (*Polygonum*), но разнообразие их заметно меньше, чем в нижележащих слоях. Из споровых доминируют споры папоротников, хотя их и меньше (15–25% от общего числа), доли зеленых и сфагновых мхов и плаунов не превышают 5%.

Итак, сравнивая спорово-пыльцевые диаграммы разрезов Лавра 1, 2 и 3, мы видим в них много общего. Участки лесной подзолистой почвы, погребенные под культурными слоями XVI в. (выброс из могильных ям) и более поздних веков, хотя и не имеют следов распашки, но явно несут следы интенсивной человеческой деятельности, которая велась на территории монастыря в течение первых двух столетий его существования. Так, во всех образцах, взятых из верхних, гумусовых слоев, наблюдается резкое преобладание пыльцы травянистых растений (65–70%) над пыльцой древесных, причем доминируют злаки (до 25% от общего числа), а в разрезах Лавра 1 и 2 также очень много сложноцветных. Наряду с пыльцой луговых трав (бобовых, розоцветных, лютиковых, зонтичных), присутствует пыльца сорных (рудеральных) видов, таких как горец, бодяк, полынь, маревые, крестоцветные и др., а также споры орляка. Пыльца всех этих видов встречается и в нижних слоях почвы, но в значительно меньших количествах. Все эти данные позволяют предположить, что на территории монастыря в XIV–XV вв. деревья были частично

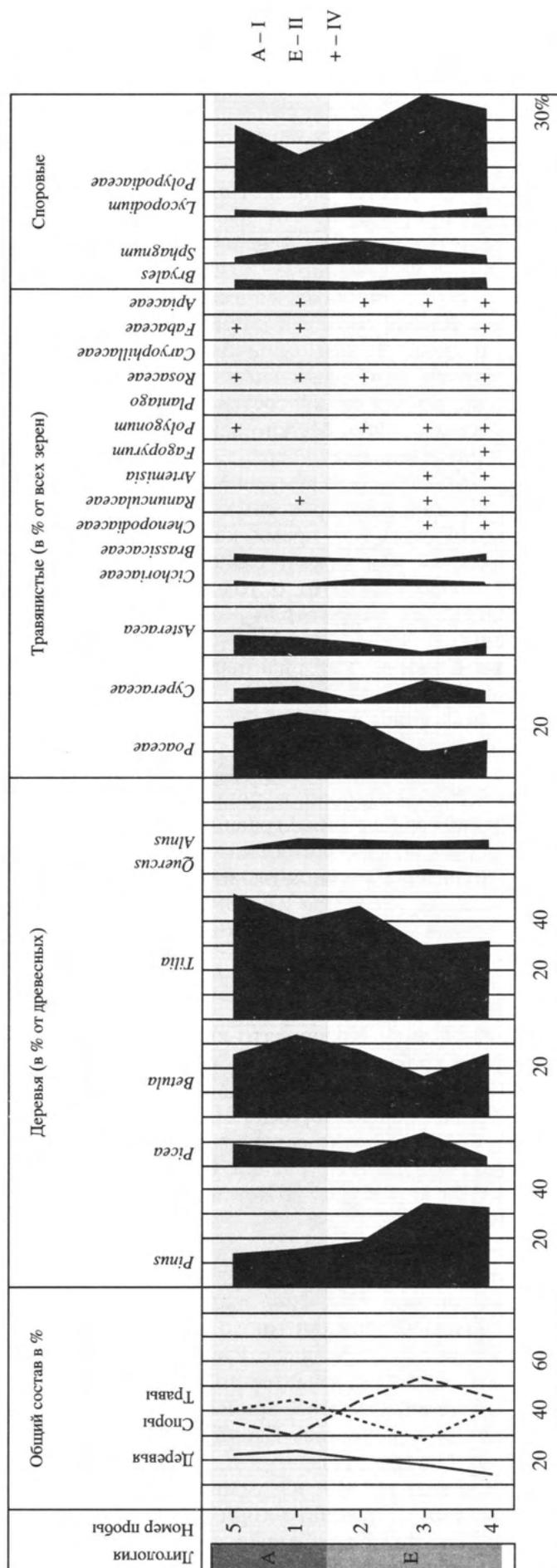

Рис. 10. Спорово-пыльцевая диаграмма Лавра-3

I – гумусовый горизонт погребенной почвы; II – подзолистый горизонт погребенной почвы; IV – виды, пыльца которых представлена в единичном количестве

вырублены, и пространство между кельями было занято лугом, который постоянно выкашивался.

Соотношение пыльцы древесных пород также одинаково во всех спорово-пыльцевых спектрах разрезов Лавра 1, 2 и 3. Обращает на себя внимание очень небольшое количество пыльцы ели (не более 5%) и почти полное отсутствие пыльцы дуба. Во всех образцах преобладает пыльца сосны и липы (в среднем по 30–40% от древесных), везде также присутствует пыльца березы, но ни в одном из образцов она не доминирует, как это всегда бывает в лесах, подвергавшихся сплошным рубкам или пожарам. Кроме того, везде присутствует пыльца ольхи и ивы. Таким образом, коренной лес, покрывавший холм Маковец в эпоху преподобного Сергия, по-видимому, состоял преимущественно из сосны и липы. Можно заметить также, что во всех разрезах снизу вверх, т.е. при переходе от нижележащих слоев к гумусовому вместе с уменьшением общей доли древесных уменьшается доля хвойных (сосны), в то время, как доля липы остается прежней или даже увеличивается, что, возможно, свидетельствует о том, что сосны были вырублены на территории монастыря раньше, чем липы.

Лавра 4. Разрез, который был заложен в северной стенке раскопа 3 (рис. 1), представлял собой небольшой участок погребенной почвы между двумя могилами XVII в. В этом разрезе сверху вниз вскрыты следующие слои (рис. 8):

0.00–0.25 м – Дорожное покрытие. Сверху щебенка известняка, а ниже гравий с песком. В основании встречаются обломки кирпичей.

0.25–0.36 м – Суглинок набросанный, с пятнами прокаливания. Образцы 27, 28. В основании слоя линзовидный выброс подзола (0.33–0.36 м. Образцы 26).

0.36–0.41 м – Темно-серый ожелезненный суглинок с углем. Образцы 25, 24.

0.41–0.44 м – Красновато-коричневый суглинок – слой прокала почвы. Образец 23.

0.44–0.50 м – Слабогумусированный суглинок. Погребенная почва. Образцы 21, 22.

0.50–0.60 м – Светло-серый подзол с клиньями в нижележащую пачку суглинка. Образцы 19, 20.

0.60–0.76 м – Буровато-коричневый суглинок, ожелезненный. Образцы 16–18.

0.76–0.83 м – Покровный суглинок. Образец 14.

Из данного разреза было отобрано и проанализировано палинологическим методом 14 образцов. Все образцы содержали много мелких органических остатков, в том числе кусочки древесины и угольков, часто встречается зола. Древесные остатки представлены древесиной сосны и ели иногда в большом количестве. Единично присутствуют грибы грибов (рис. 11).

В образцах 14–18 из самых нижних слоев (покровного и буровато-коричневого суглинка, подстилающего погребенную почву) количество пыльцы древесных и травянистых примерно рав-

ное – 35–45%, спор – 10–15%. В группе древесных преобладает пыльца сосны (35–55%) и широколиственных пород, среди которых больше всего липы (*Tilia*) (16–20%), кроме которой отмечены дуб (*Quercus*) (1–6%) и, единично, вяз (*Ulmus*). Количество пыльцы ели (*Picea*) колеблется от 1 до 20%, березы (*Betula*) – 15–25%. Среди травянистых преобладает пыльца сорняков – бодяк (*Cirsium*), семейство цикориевых (*Cichoriaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*), крестоцветные (*Brassicaceae*), горец (*Polygonum*), очевидно попавших в этот слой сверху, по трещинам в породе. Много также злаков (*Poaceae*) (5–15%), астровых (*Asteraceae*), отмечены лютиковые (*Ranunculaceae*), гвоздичные (*Caryophyllaceae*), единично встречаются губоцветные (*Lamiaceae*), осоки (*Cyperaceae*) и полыни (*Artemisia*). Среди споровых отмечены в равном количестве споры зеленых мхов (*Bryales*) и папоротников (*Polypodiaceae*).

В образцах 19 и 20, взятых из нижнего, подзолистого горизонта погребенной почвы наблюдаются наиболее характерные для лесной зоны спектры. Пыльца древесных пород доминирует и составляет около 60%, травянистых – около 30% и спор – 6–13%. Среди древесных так же, как и в нижних слоях, преобладает пыльца сосны (*Pinus*) (50%) и широколиственных, преимущественно липы (*Tilia*) (10–20%). Пыльца ели (*Picea*) составляет 10%, березы (*Betula*) – 10–25%. Отмечена также пыльца дуба (*Quercus*) (3–6%) и ольхи (*Alnus*) (2–3%). Среди травянистых по-прежнему много сорняков (бодяк (*Cirsium*), цикориевые (*Cichoriaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*)), много злаков (*Poaceae*), в том числе культурных, пшеницы и ячменя (образец 20), и луговых видов – бобовые (*Fabaceae*), губоцветные (*Lamiaceae*), зонтичные (*Apiaceae*), розоцветные (*Rosaceae*), таволга (*Filipendula*). Состав споровых мало отличается от нижележащего слоя, чуть меньше доля папоротников (*Polypodiaceae*) и чуть выше доля зеленых мхов (*Bryales*).

Заметно выделяются спорово-пыльцевые спектры из погребенного гумусового (культурного) слоя по образцам 21 и 22. Во-первых, в них резко падает доля древесных (до 25%) за счет резкого роста доли травянистых (до 60%) при прежнем количестве споровых (15%). Во-вторых внутри группы древесных уменьшается доля хвойных (сосны (*Pinus*) – до 20%, ели (*Picea*) – до 5%), а доля липы (*Tilia*), наоборот, возрастает до 45%. Доля березы (*Betula*) остается прежней – около 20%. Среди травянистых доминируют сорняки, особенно бодяк (*Cirsium*) и цикориевые (*Cichoriaceae*) – вместе до 35% от общего числа, среди других рудералов – маревые (*Chenopodiaceae*), горец (*Polygonum*), полыни (*Artemisia*); злаков (*Poaceae*) – 5–15%, в том числе культурных, осок (*Cyperaceae*) – 5%, отмечены астровые (*Asteraceae*), бобовые (*Fabaceae*), губоцветные (*Lamiaceae*), розоцветные (*Rosaceae*), зонтичные (*Apiaceae*), таволга (*Filipendula*). Среди споровых – равное количество спор зеленых и сфагно-

вых мхов, плаунов (*Lycopodium*), и папоротников (*Polypodiaceae*).

Вышележащие культурные слои, возможно, образованы привезенными грунтами и содержат пыльцу самого разного происхождения, поэтому анализ образцов из этих слоев вряд ли пригоден для суждения о природных условиях. В целом во всех образцах преобладает пыльца травянистых, преимущественно сорняков (до 50% от общего числа зерен) и злаков (*Poaceae*). Доля древесных – около 20 (лишь в образце 25–40%), состав же их сильно колеблется и, по-видимому, случаен. Так, образец 24 выделяется преобладанием в спектре древесных пыльцы березы (*Betula*), а образец 25 – резким преобладанием пыльцы ели (*Picea*) (35%), во всех других образцах образующей лишь 10–15%. Во всех культурных слоях наряду с пыльцой сосны (*Pinus*), ели (*Picea*), березы (*Betula*) и липы (*Tilia*) отмечена пыльца дуба (*Quercus*), ольхи (*Alnus*), ивы (*Salix*), орешника (*Corylus*). Доля спорых везде невелика (15%), они примерно в равных долях представлены зелеными и сфагновыми мхами, папоротниками и плаунами.

Таким образом, разрез Лавра 4 имеет некоторые особенности. Напомним, что он находится в 35 м к востоку от разрезов Лавра 1 и 2, несколько выше по склону и дальше от края берега, вне первоначальной (до 1557 г.) территории монастыря, возможно, в районе деревянной монастырской стены (рис. XLI). В спорово-пыльцевой диаграмме этого разреза обращает на себя внимание присутствие во всех образцах, начиная с самого верхнего, огромного количества (до 50% от общего числа) пыльцы сорного растения *Cirsium* (бодяк) и других сорняков (в том числе из семейства *Cichoriaceae*), явно проникших в почву сверху по трещинам или другим путем, что искажает общую картину. Тем не менее, в переходном и подзолистом переходе погребенной почвы (образцы 21 и ниже) достаточно отчетливо видны “лесные” спектры, в которых доля древесных составляет около 60%. Так же как в разрезах Лавра 1, 2 и 3, среди древесных преобладает пыльца сосны – до 50%. В то же время доля пыльцы ели заметно больше – до 10–15%, что, учитывая ее более низкую продуктивность и летучесть по сравнению с сосной, указывает на весьма заметное участие ели в древостое. Пыльцы липы несколько меньше, около 20%, зато во всех спектрах присутствует дуб (2–6%). Так же как в разрезах Лавра 1, 2 и 3, при переходе от подзолистого к гумусовому горизонту наблюдается сокращение доли хвойных при одновременном увеличении доли широколиственных.

Состав пыльцы травянистых в разрезе Лавра 4 отличается от состава в разрезах Лавра 1, 2 и 3 гораздо меньшей долей злаков, осок, и, особенно, разнотравья. Резкое возрастание доли трав в гумусовом слое, так ярко выраженное в разрезах Лавра 1, 2 и 3, здесь почти не заметно. Таким образом, можно предположить, что разрез Лавра 4 находится на

территории, которая дольше была покрыта лесом, причем состав леса несколько отличался: наряду с сосной и липой в нем росли в заметном количестве также ель и дуб.

ВЫВОДЫ. Как показало исследование, на коренном берегу р. Кончуры, в 30–85 м к востоку от апсид Троицкого собора, сохранились дерново-подзолистые лесные почвы полного профиля. Хорошая сохранность почв, демонстрируемая разрезами 1–3, связана, видимо, с двумя обстоятельствами. Они сформировались на суглинках, в которых (в отличие от песчаных почв) процессы перемешивания протекают медленнее. Кроме того, сохранность почв обеспечило то, что они оказались на территории монастырского двора, внутри каре келий. Это каре келий возникло в правление вел. кн. Ивана Красного (1353–1359 гг.), когда, по сообщению “Жития Сергия Радонежского”, Сергий Радонежский “монастырь больший воздвиг, келии же убо четверообразно сотворити повеле, посреди их церковь во имя Живоначальной Троицы, отовсюду видимо яко зеркало” (Тихонравов, 1882. Отд. II, С. 15), и существовало до 1557 г. (рис. XLI).

На изученных участках не прослежены следы распашки или эрозии, которая сопутствует распашке склонов и прибрежных участков. Содержание железа и микроэлементов в погребенной почве дало картину, близкую к естественному уровню, типичному для экологически чистых природных участков. Несмотря на хорошую сохранность и отсутствие следов распашки, погребенная подзолистая почва несет следы интенсивной человеческой деятельности (пыльца сорняков).

Сформировавшаяся под лесом, который покрывал холм Маковец до основания монастыря, погребенная почва несет информацию о видовом составе этого леса как в эпоху Сергия Радонежского (ум. 1392 г.), так и в предыдущие несколько столетий. Во всех спорово-пыльцевых спектрах погребенных почв в разрезах Лавра 1, 2 и 3 среди древесных, доля которых уменьшается снизу вверх от 45–55% до 20–30%, доминирует пыльца сосны и липы. Это позволяет предположить, что до возникновения монастыря (1341 г.) на коренном берегу р. Кончуры рос коренной сосново-липовый, с примесью березы, лес.

Таким образом, холм Маковец входил в пределы ландшафтов моренной возвышенности, для которых были характерны широколиственно-хвойные леса, ранее изученные к северо-востоку от Радонжа. Коренные леса с преобладанием сосны необычны для Клинско-Дмитровской гряды и встречаются только небольшими участками, по берегам рек, на песках (например, вдоль высокого берега р. Вори). Возможно, в спорово-пыльцевых спектрах погребенных почв Лавры отразилась такая же небольшая полоса соснового леса, приуроченная к выходу песчаных грунтов на кромке коренного берега реки Кончуры.

На этих песчаных грунтах в настоящее время располагаются Ризница, Никоновский придел и Серапионовская палатка, поставленная, по преданию, на месте кельи преподобного Сергия Радонежского. Учитывая, что использование подобных выходов песков для устройства малодворных поселений зафиксировано в районе Радонежа, можно предполагать, что кромка берега с выходами песков была специально выбрана для размещения келий и церкви (рис. XLI).

Обилие пыльцы липы в спорово-пыльцевых спектрах при почти полном отсутствии дуба и других широколиственных пород также несколько необычно для изучаемого региона и тоже, скорее всего, может быть объяснено легкостью грунтов – маломощностью суглинистого слоя, перекрывающего пески. Согласно С.Ф. Курнаеву, в характерных для Клинско-Дмитровской гряды в древности смешанных широколиственно-еловых лесах дуб преобладал на самых мощных и плодородных суглинках на водоразделах, а липа – на более дренированных склонах (Курнаев, 1955; 1968; 1982).

Постепенно, по мере удаления от края берега, лес с преобладанием сосны и липы, вероятно, сменялся более обычным для водоразделов смешанным широколиственно-еловым лесом. На это указывают результаты палинологического анализа разреза Лавра 4, расположенного в 85 м к северо-востоку от Троицкого собора (рис. XLI). Спорово-пыльцевые спектры образцов из этого разреза во многом похожи на ранее изученные в районе Радонежа (например, погребенная почва в разрезе Коломино), где наряду с пылью сосны и липы весьма заметно участие пыльцы ели, дуба и, единично, вяза.

Анализ спорово-пыльцевых спектров гумусового горизонта разрезов Лавра 1, 2 и 3 позволяет также сделать некоторые наблюдения о жизни монастыря во второй половине XIV–XV вв. Резкое увеличение доли пыльцы злаков и лугового разнотравья в гумусовом слое при уменьшении доли пыльцы деревьев по сравнению с нижележащими слоями говорят, возможно, о выборочных рубках и использовании леса или поляны для сенокоса. При этом рубились, возможно, в первую очередь сосна и ель, а не липа, доля пыльцы которой в верхнем слое даже выше, чем в нижних слоях.

В спорово-пыльцевых спектрах разреза Лавра 4, лежащего за пределами первоначальной территории монастыря, также можно видеть свидетельство рубок – уменьшение в верхнем слое почвы доли пыльцы хвойных пород, но резкого увеличения количества пыльцы злаков и разнотравья, свидетельствующих о сенокосе, не наблюдается.

Эти данные не входят в противоречие, но существенно дополняют знаменитое описание Епифанием Премудрым внешнего вида Троицкого монастыря в первые 15 лет его существования (1341 – около 1356 г.), когда число монахов (тогда еще не

было введено общее житие) редко превышало число 12:

“Дивно бо поистинѣ бѣ тогда у нихъ бываемо видѣти: не сущу от них далече лѣсу, яко же нынѣ нами зримо (Епифаний писал в 1418 г. – С. Ч.), но идѣже кѣлиам зиждемым стоати поставленным, ту же над ними и дресеса яко осѣняющи обрѣтахуся, шумяще стоаху. Окрестъ же церкви часто колоды и пение повсюджу обрѣташеся, уду же и различнаа сѣахуся сѣмена, яко на устроение окладным зелиемъ” (Житие Сергия Радонежского... С. 321).

О деятельности человека говорит присутствие пыльцы сорных растений. Большое количество сорняков, которое было зафиксировано в разрезе Лавра 4, возможно, отражает участок с нарушенным дерновым покрытием между кельями и деревянными стенами монастыря, которые существовали до начала строительства в 1540-е годы каменной крепости.

Присутствие пыльцы культурных злаков (ячменя и пшеницы), а также гречихи, связано скорее всего с существованием поблизости пашни. Древняя монастырская пашня была зафиксирована в 1989 г. в 100 м к северу от описываемых разрезов, за Успенским собором, т.е. вне каре келий. Возможно, именно к этому полю относилась житница преподобного Сергия, которая сохранялась в северо-восточном углу монастыря до середины XVII в. (Голубинский, 1909. С. 102).

Литература

- Александровская Е.И., 2003. Результаты геохимического исследования почв и отложений // Чернов С., Янишевский Б.Е. Охранно-спасательные археологические исследования в зоне проведения вертикальной планировки участков Троице-Сергиевой лавры. Т. 2. (Архив ИА РАН. Р-1. № 24793).
- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З., 1990. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем: (археолого-почвоведческое исследование) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере: Теория, методика, практика. Вып. 1. М.
- Александровский А.Л., Ершова (Бызова) Е.Г., Спиридонова Е.А., Чернов С.З., 2001. Реконструкция измененных человеком природных комплексов средневекового Радонежа по палинологическим, геоботаническим и почвенным данным: соотношение локального и зонального при интерпретации споро-пыльцевых комплексов (исследования 1991–1999 гг. на Воздвиженской трансекте) // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: Материалы Пятой Всероссийской научной конференции (Бородино 15–16 ноября 2000 г.). М. Ч. II.
- Алехин В.В., 1947. Растительность и геоботанические районы Московской и сопредельных областей. М. АСЭИ. М., 1952. Т. I.
- Афанасьева Н.Б., 1996. Современная лесная растительность и ее история в пределах южной части Белозерско-Кирилловских гряд: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.
- Батулин В.Е., 1959. Краткий физико-географический очерк Загорского района // Учен. зап. Московского гор. пед. ин-та. Т. 101: Географический факультет, вып. 6.
- Березина Н.А., Гольева А.А., Кривохарченко И.С., 2001. К истории растительности Звенигородской биостанции МГУ // Тр. Звенигородской биостанции МГУ. М. Т. 3.
- Березина Н.А., Лисс О.Л., 2000. О необходимости палинологических исследований при изучении проблемы взаимоотно-

шения человека с окружающей средой // Болота и люди: Материалы международного семинара "Болота и археология". Тула.

Бызова Е.Г., 1987. Природные ландшафты по данным палеоботанических исследований // Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М.

Бызова Е.Г., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Чернов С.З., 1993. Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Голубинский Е.Е., 1909. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М.

Горский А.В., 1879. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. М.

Гравес И.В., Низовцев В.А., Чернов С.З., 2001. Ландшафтные особенности размещения систем поселений на территории в окрестностях древнего Радонежа в средневековый период // Географическое краеведение: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции по географическому краеведению. Владимир, 24–25 января 2001 г. Владимир.

ДДГ. М.; Л., 1950.

Дик Н.Е., Лебедев В.Г., Соловьев А.И., Спиридонов А.И., 1949. Рельеф Москвы и Подмосковья. М.

Житие Сергия Радонежского, составленное в 1418 г. Епифанием Премудрым (рукопись МДА № 88) // Клосс. Избранные труды. М., 1998. Т. 1.

Иванова Н.А., Шаховская А.Д., 1925. Природа Сергиевского уезда // Сергиевский уезд Московской губернии: Статистико-экономический очерк. Сергиев.

Ижилова Н.В., 1993. Об ареальных связях топонимии западного Прионежья // Деревня Центральной России: История и современность: Тезисы докладов научно-практической конференции. Калуга. 1993. М.

Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы лавры // Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. М., 1890. Приложение.

Курнаев С.Ф., 1955. Роль липы в лесах Московской области // Опыт реконструкции малоценных лесов Московской области. М.; Л.

Курнаев С.Ф., 1968. Основные типы леса средней части Русской равнины. М.

Курнаев С.Ф., 1982. Дробное лесорастительное районирование Нечерноземного Центра. М.

Московская керамика: Новые данные по хронологии / Под ред. С.З. Чернова и М.Д. Полубояриновой. М., 1991.

Низовцев В.А., 1996. Потенциальные агропроизводственные ресурсы земель Радонежа по данным карты восстановлен-

ных ландшафтов // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 10–13 сентября 1996 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VI.

ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24: Типографская летопись.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. М., 2005.

Сладков А.Н., 1967. Введение в споро-пыльцевой анализ. М.

Тихонравов И.С., 1882. Древние жития Сергия Радонежского. М.

Чернов С.З., 1989. Исследования на территории Троице-Сергиевой Лавры // Архив ИА РАН. Р-1. № 14020.

Чернов С.З., 1996а. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. Вып. 9.

Чернов С.З., 1996б. Реконструкция полей древнего Радонежа по историко-археологическим данным и их влияние на формирование вторичных лесов // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 10–13 сентября 1996 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.

Чернов С.З., 2000а. Мониторинг археологических памятников средневекового Радонежа по данным исторических источников, натурным наблюдениям и инвентаризации 1997 года (Московская область) // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. М.

Чернов С.З., 2000б. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // РА. № 1.

Чернов С.З., 2004. Русский средневековый ландшафт как объект археологических исследований: на примере района Древнего Радонежа // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб.

Чернов С.З., Янишевский Б.Е., 2003. Охранно-спасательные археологические исследования в зоне проведения вертикальной планировки участков Троице-Сергиевой лавры. Т. 1–4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 24792–24795.

Щербаков В.В., 2005. Новые находки красных изразцов XVII века в Троице-Сергиевой лавре // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М. Вып. 2.

Энговатова А.В., Зеленцова О.В., 2005. Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М. Вып. 2.

А.В. Алексеев, Ю.Б. Королев

Археологическое и палеоботаническое исследование Введенского погоста под Звенигородом (по материалам работ 2005 года)

В XV–XVI вв. Звенигородская земля отличалась насыщенностью объектами церковной архитектуры. Только в юго-восточной части Звенигородского удельного княжества располагалось около 30 приходских сельских церквей и погостов (рис. 1). По всей видимости, некоторые из храмов могли относиться к категории приписных (в которых богослужения проводились несколько раз в году) или были монастырскими “заоградными” церквями, которые возводились в отдаленных вотчинах обители “на прихождение православному христианству”.

Осветить ранний период церковного строительства и формирования сельских приходов на Звенигородской земле позволяют новые материалы, полученные в процессе совместной работы Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН, Звенигородского музея и Государственного историко-литературного музея-заповедника (ГИЛМЗ) А.С. Пушкина.

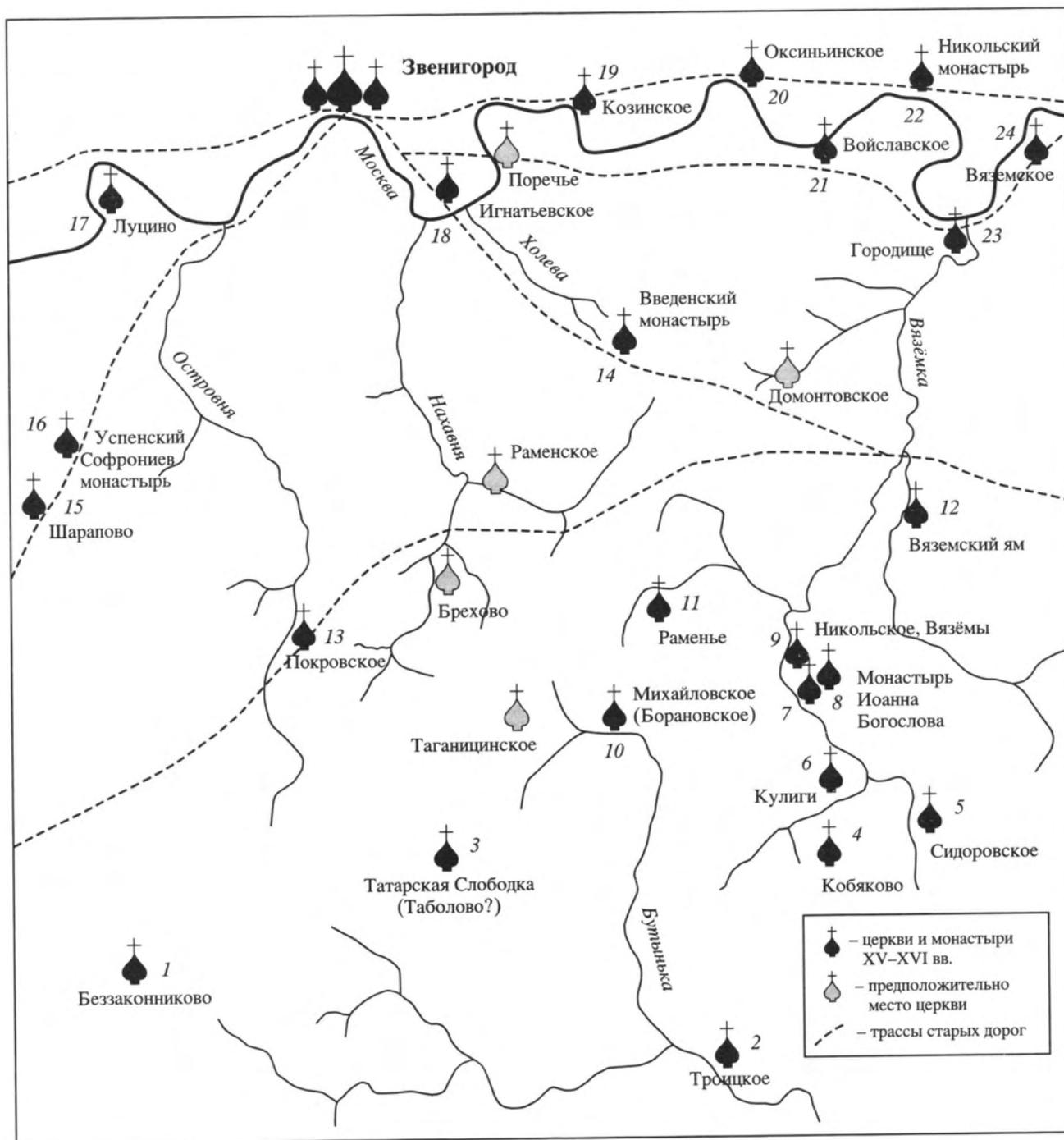
Одно из перспективных направлений археологических исследований в регионе – поиск и изучение древних погостов. Работа включает в себя выявление в письменных источниках упоминаний о когда-либо существовавших церквях и монастырях, разоренных и прекративших свое существование в годы Смуты, когда Звенигород и его окрестности надолго становятся ареной вооруженных действий. Большое количество храмов в это время было разграблено, сожжено и уже никогда не возродилось.

Анализ корпуса письменных источников и карт Генерального межевания вкупе с применением археологических разведок на местности позволил нам локализовать несколько забытых церковных мест. Это церковь Николая Чудотворца в пустоши Михайловской у верховьев р. Бутынки (Алексеев, 2005. С. 231–232), Введенский погост, Георгиевский храм в бывшем селе Беззаконниково, церковь Параскевы Пятницы у Кулицкого болота (пустошь Кулиги), церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Раменской горке (пустошь Раменье), Никольский храм в бывшем селе Татарская Слободка, церковь Всемилоственного Спаса на Вяземском придаточном яме (Смирнов, 2005. С. 146–147), Покровский погост (Смирнов, 2004. С. 202), Носов погост с храмом Успения Пресвятой Богородицы,

Никольский погост (бывший монастырь Николы на Песку).

В 2005 г. наши работы были сконцентрированы на правобережье р. Москвы, к югу от Звенигорода. В XV – начале XVI в. изучаемый район входил в Городской стан Звенигородского удельного княжества. Восточная граница стана и самого Звенигородского удела подробнейшим образом описана в разъезжей грамоте, составленной около 16 июня 1504 г. великим князем Иваном III в связи с передачей Звенигородского удела князю Юрию Ивановичу (ДДГ, 1950. С. 378–381). Информационный потенциал этого чрезвычайно интересного документа очень велик. Однако полноценное прочтение разъезжей грамоты возможно лишь тогда, когда будет идентифицирована вся содержащаяся в ней историко-географическая номенклатура. Таким образом, нашей главной целью стало картографирование топонимических данных начала XVI столетия. Эта задача осложнялась тем, что практически все упомянутые в документе населенные пункты исчезли во время Смуты, когда Звенигородский уезд подвергся страшному разорению. Однако, используя данные писцовых книг XVII в. и картографические материалы Генерального межевания 60–70-х годов XVIII в., ценные тем, что помимо населенных пунктов в них зафиксированы пустоши и их названия (т.е. реликтовая структура землеустройства XIV–XVI вв.), мы все же смогли локализовать некоторые из топонимов. В процессе проведения сплошных археологических разведок эти ключевые для понимания текста разъезжей грамоты пункты удалось выявить на местности (Алексеев, 2006).

Проведенные исследования имели микрорегиональный характер. Мы пришли к выводу, что работа по идентификации древней топонимической номенклатуры выбранного документа наиболее продуктивна лишь на небольших, отдельно взятых участках, которые должны быть детально проанализированы как в архивах, так и в полевых условиях. Это позволило локализовать не только древние села и деревни, дороги, урочища и уголья, но даже такие “точечные” объекты, как деревянные храмы, плотины, пруды, отдельные межевые ямы и

Рис. 1. Церковная топография окрестностей Звенигорода XV–XVI вв.

1 – церковь Великомученика Георгия; 2 – церковь Живоначальной Троицы; 3 – церковь Николая Чудотворца; 4 – церковь Воскресения Христова; 5 – церковь Николая Чудотворца; 6 – церковь Параскевы Пятницы; 7 – церковь Николая Чудотворца; 8 – церковь Иоанна Богослова; 9 – церковь Живоначальной Троицы; 10 – церковь Николая Чудотворца; 11 – церковь Рождества Пресвятой Богородицы; 12 – церковь Спаса Нерукотворного Образа; 13 – церковь

Покрова Пресвятой Богородицы; 14 – церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы; 15 – церковь Николая Чудотворца; 16 – церковь Успения Пресвятой Богородицы; 17 – церковь Николая Чудотворца; 18 – церковь Николая Чудотворца; 19 – церковь Николая Чудотворца; 20 – церковь Николая Чудотворца; 21 – церковь Спаса Нерукотворного Образа (Георгиевская); 22 – церковь Николая Чудотворца; 23 – церковь Рождества Пресвятой Богородицы; 24 – церковь Воздвижения Креста Господня

пр. Все они были нанесены на подробную топографическую карту масштаба 1 : 25 000, а их точные географические координаты фиксировались с помощью приборов спутниковой навигации (GPS-приемников).

Одним из наиболее интересных памятников, который нам удалось обнаружить в процессе работ 2005 г. является селище Чигасово 1.

Селище расположено в 1,1 км к ЗСЗ от дер. Чигасово, на территории Хлюпинского лесничества

Звенигородского лесхоза (рис. 2; 3). Оно находится на водораздельной возвышенности (отметки 195–196 м над уровнем Балтийского моря), на небольшой поляне в центре лесного массива. Размеры селища около 70 × 90 м (на основании распространения подъемного материала). В западной части селища расположен копаный пруд, который в настоящее время заболочен. Культурный слой представляет собой слабо гумусированную серовато-коричневую супесь с включениями измельченных фрагментов средневековой керамики, дисперсного угля и кусочков пачины. Мощность культурных отложений достигает 0,2–0,5 м.

Именно это селище идентифицируется с Введенским монастырем, упомянутым в разьежей грамоте 1504 г. (ДДГ, 1950. С. 381). Это была небольшая скромная пустошь, почти не оставившая после себя каких-либо исторических сведений. К середине XVI в. монастырь уже захирел и превратился в погост. В приправочном списке с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. мы находим, что “на царя великого князя земле волостной погост, а в нем церковь Введение Пречистые. Пашни поповы четырнадцать четьи в поле, а в дву по тому ж, земля средняя, сена десять копен, пороснеку сорок чети” (Приправочный список..., 1992. С. 23). В писцовой книге 7132 и 7133 (1624–1625) гг. значится “пустошь, что был погост на царя и великого князя земле, на волостной, а в нем место церковное Введение Пресвятой Богородицы; пашни церковные средние земли лесом поросло 14 четв. в поле, в дву потому ж, сена 10 копен, лесу пашенного 20 десятин” (Холмогоровы, 1882. С. 16). Из этого документа следует, что во время польско-литовской интервенции начала XVII в. погост подвергся опустошению. Возродиться же из руин Введенский храм уже не смог.

В 7195 (1687) г. церковная земля Введенского погоста, находившаяся на оброке у крестьян близлежащего сельца Першина по распоряжению Патриаршего Казенного Приказа отдана на оброк боярину Михаилу Головину “из наддачи на нем взят 13 алтын, 2 деньги” (Холмогоровы, 1882. С. 17).

«Церковная же земля на пустоши Введенского погоста, была отдана в оброк священнику новостроенной, в селе Першине, Введенской церкви. В приходной книге Патриаршего Приказа, оброчных земель, записано: “В нынешнем 202 (1694) году, апреля 20 дня, по указу святейшего патриарха и по помете на выписке дьяка Андрея Денисовича Владыкина, церковная земля Входа во храм Пресвятыя Богородицы в пустоши, что был погост, в городском стану, которая отдана во 195 (1687) году, на оброк боярину Михаилу Петровичу Головину, велено отдать вотчины его, боярина Головина, села Введенского, Першино тож, попу Харитону на 202 (1694) год, впредь без перекупки из прежнего оброку и поручная запись взята”; а в 7203 г. отдана на оброк той же церкви попу Ивану, с платою

оброка одного рубля в год, и за ним числится по книгам Патриаршего Приказа до 1740 г.» (Холмогоровы, 1882. С. 19).

Локализовать место расположения Введенского погоста нам помогло описание небольшой лесной поляны в урочище “Веденьё”, которое сделал в 1879 г. священник Георгий Иванович Фивейский: “По дороге от с. Введенского к деревне Чигасовой или к сей деревне от деревни Скорлотовой в 1 1/2 версте, в местности, называемой пустошью Введеньем, находится в лесу поляна, на которой и была первая Введенская церковь, давшая название и самой пустоши. При входе на поляну прежде всего представляется небольшой холм, на котором в память бывшей церкви изстари стоит и поддерживается введенскими крестьянами деревянный крест с иконой Введения во храм; вокруг холма земля представляется неровною, на ней много плоских ям, происшедших от осадка земли, – это было кладбище, которое, как извечно, по древнему обыкновению всегда находилось около церкви. Кладбище представляется подобием круга в 20 сажень в длину и столько же в ширину. На восточной стороне холма, на глубине 3 вершков находятся в земле надгробные белые плиты из белого камня с чеканкою на них по краям и по углам, но, к сожалению, подпись на них стерлась, на одном из них остались в разных местах 2 буквы, ничего не объясняющие.

На северной, южной и восточной стороне кладбища, в некотором расстоянии от него, видны неглубокие ямы до 12 и одна глубокая, свидетельствующие о бывшем здесь некогда селении. При входе на поляну с правой стороны находится пруд около 10 сажень в длину и 6 в ширину, хотя и заросший травой, но с постоянною в нем водою; по середине пруда к южной стороне находится довольно глубокая яма с холодною водою. При начале леса, окружающего поляну, заметны полосы, которые служат знаком того, что земля на месте нынешнего леса была пахотная” (Фивейский, 1879. С. 66; цит. по: Чернов, 1987. С. 14).

Летом 2005 г., проведя на месте монастыря рекогносцировочные археологические раскопки (вскрыто 39 кв. м – рис. 4), мы выявили культурные напластования, содержащие материал XIV–XVII вв. Поскольку письменная информация, относящаяся к раннему периоду истории монастыря отсутствует, то именно археологические данные играют главную роль для определения времени возникновения обители. Так, к XIV в. следует относить грубую красную керамику с примесью дресвы в тесте, ряд довольно редких произведений средневековой христианской металлопластики, узколезвийный прямой клиновидный топор с округлой втулкой (рис. 5, 1). Аналогичный топор происходит из раскопок С.З. Чернова (1987–1988 гг.) на территории Московского Монетного двора. Там он был найден в яме 10, керамический комплекс которой датируется концом XIII – серединой XIV в. (Чернов, 1991. С. 27, табл. 52). Серединой XV в. датируется денга

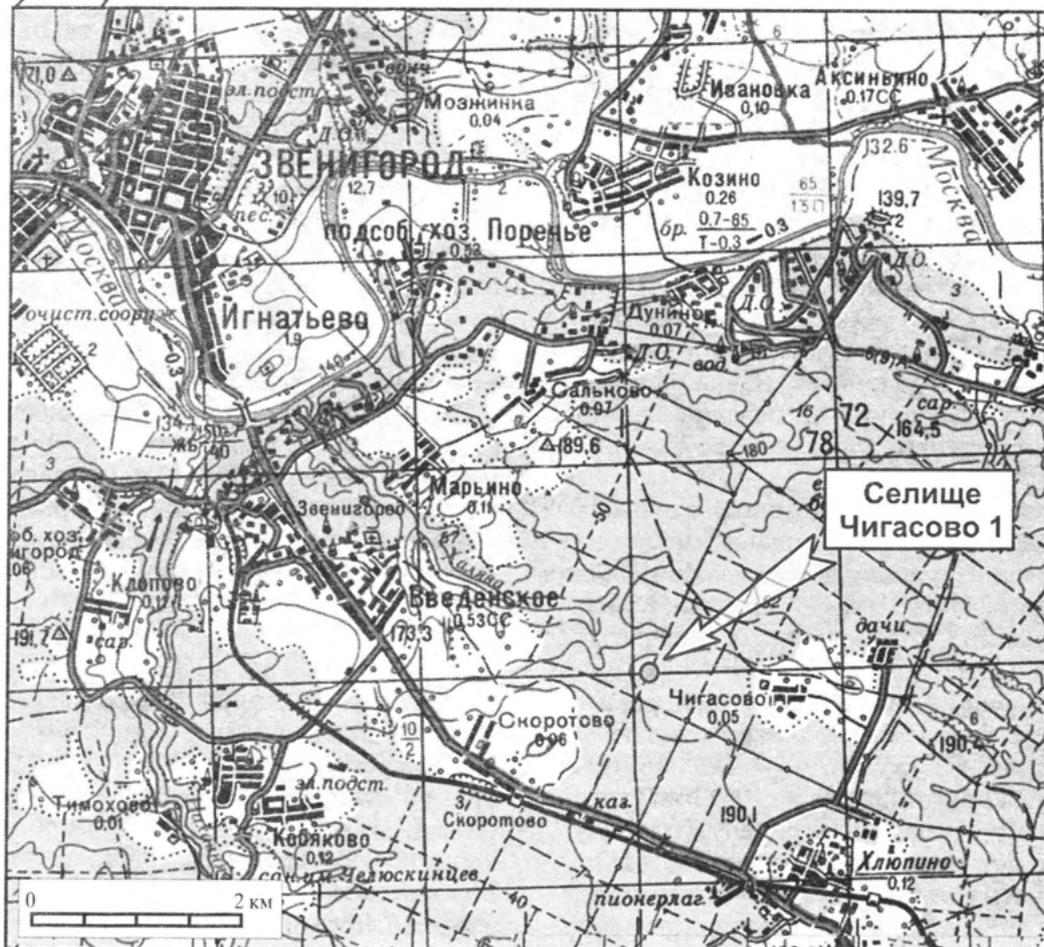

Рис. 2. Селище Чигасово 1. Схема расположения памятника

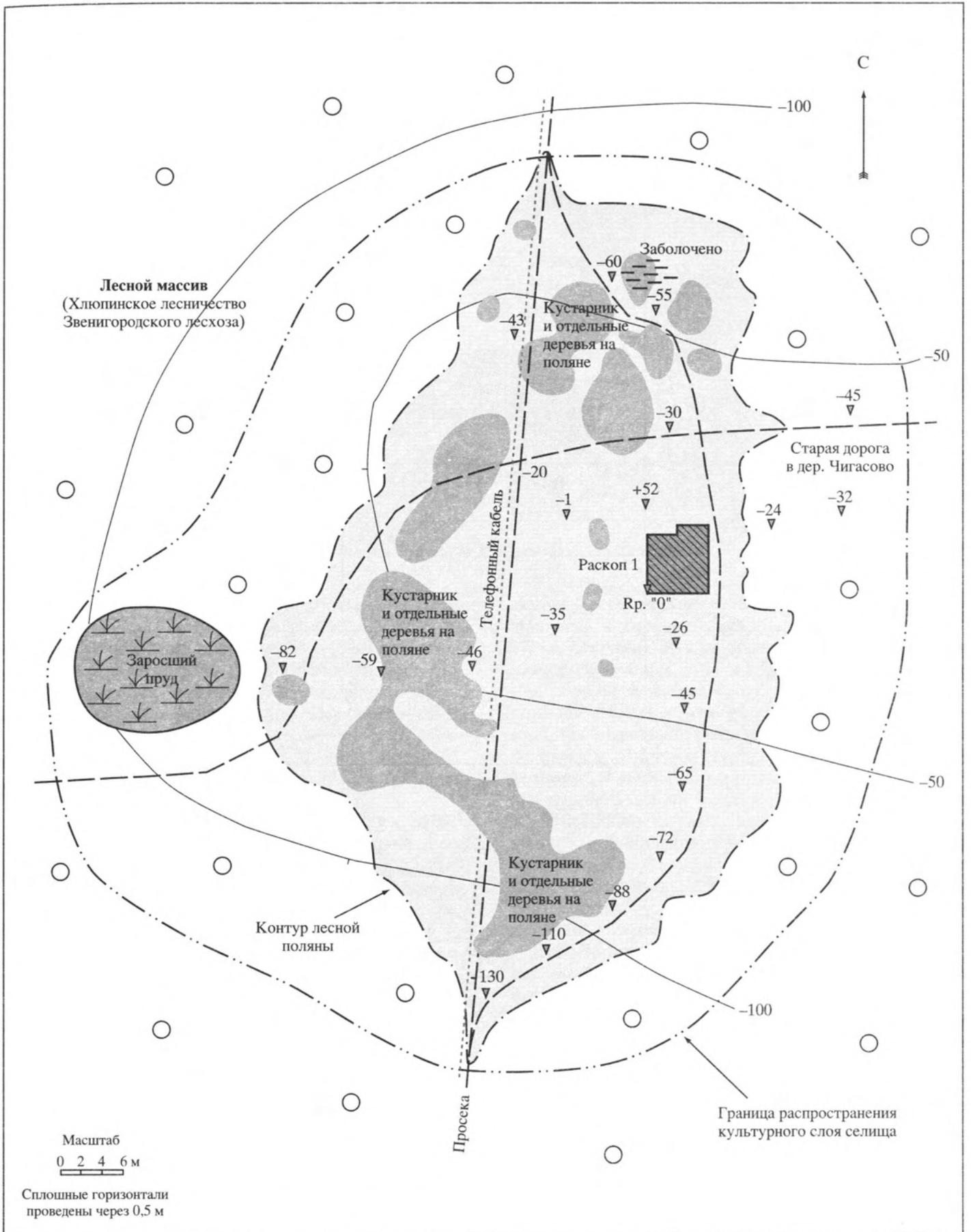
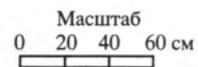
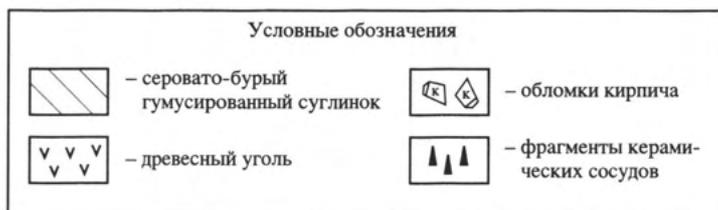
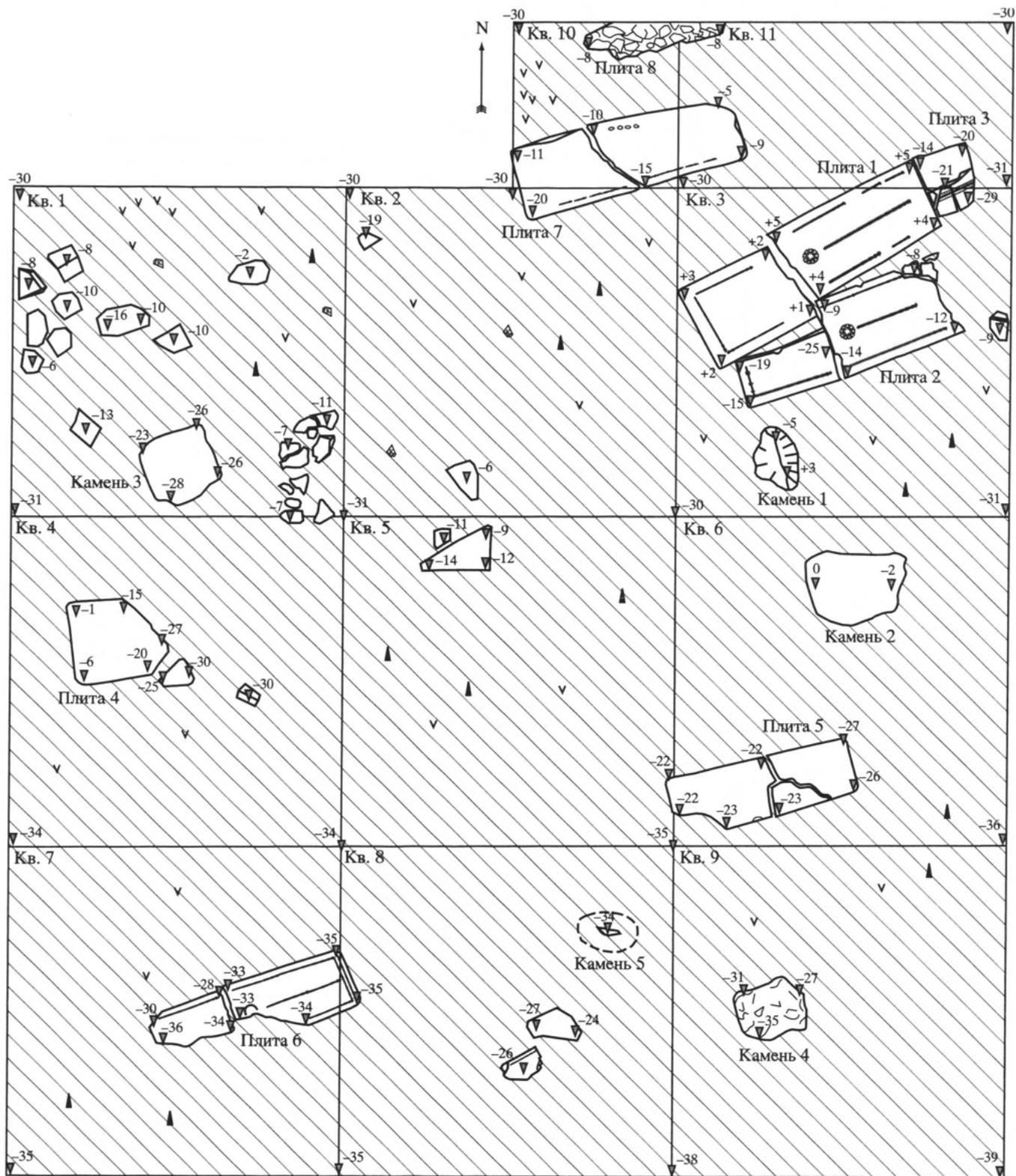

Рис. 3. Селище Чигасово 1. План памятника

Рис. 4. Селище Чигасово 1. Раскоп 2005 г. на месте средневекового некрополя. План

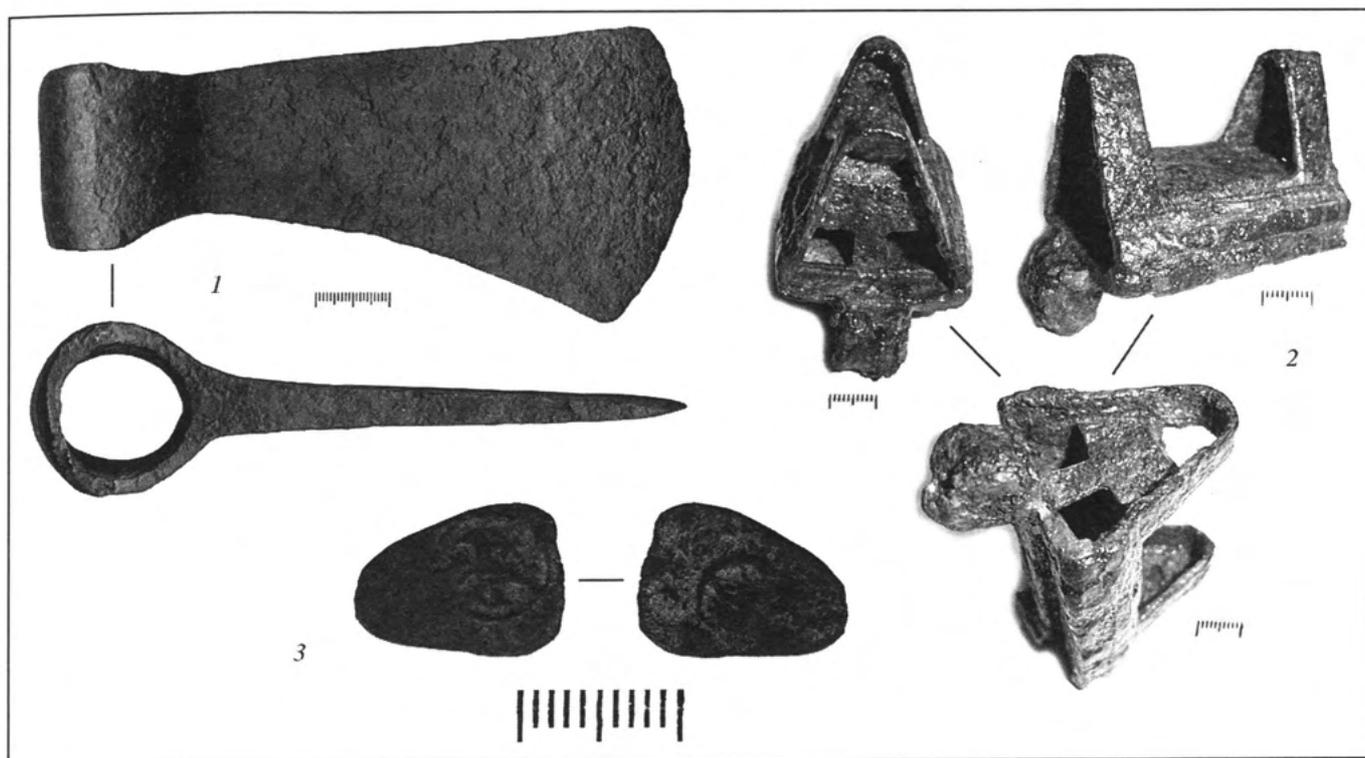

Рис. 5. Селище Чигасово 1. Индивидуальные находки

рязанская, отчеканенная в период княжения Василия Ивановича (AR. Вес 0,337 гр. (рис. 5, 3)).

К более позднему времени (XVI–XVII вв.) относятся красная гладкая, белоглиняная и чернолощенная керамика, нож, ключ от нутряного замка, хорошо сохранившийся корпус навесного “сничного” замка небольших размеров (рис. 5, 2), свинцовая ружейная пуля круглой формы, подковы, пробой, гвозди и другие предметы хозяйственного назначения.

В площадь археологического раскопа попал древний монастырский некрополь. Под слоем дерна были расчищены как валунные надгробия раннемосковского времени, так и тонкие белокаменные надмогильные плиты, часть из которых украшена геометрическим орнаментом, характерным для XV–XVI вв. Толщина известняковых плит колебалась от 50 до 115 мм; декор представлен лентами из мелких противоположенных треугольников и клеймами-розетками из треугольников, размещенных вершиной к центру. Нет сомнения, что средневековый некрополь был приурочен к месту деревянного Введенского храма, который находился в 2–3 метрах к северу от нашего раскопа. В процессе исследования территории кладбища в верхних слоях было найдено несколько массивных литых крестов XIV–XVI вв. (рис. 6), а также створка редкой иконки-энколпия XIV в. с изображением Николая и семи спящих отроков Эфесских (рис. 7). Обнаруженные нами предметы христианской металлопластики, вероятно, в свое время были сняты с отпеваемых в храме покойников. В гроб с телом эти вещи не укладывались, а после погребения,

скорее всего, оставлялись на могиле, либо подвешивались к деревянным кладбищенским крестам. Не исключено, что крупные литые крестики и иконки врезались в те же надмогильные кресты или сооружения типа столбцов-голубцов, которые хорошо известны этнографам на Русском Севере (рис. 8). Последние представляют собой небольшие резные столбы с двухскатной остроугольной кровелькой. “В каждый столбец с западной стороны врезана небольшая медная иконка из тех, что в XVIII и XIX вв. делали в выговских скитах, и оттуда они расходились по всей России. Ниже иконы, на средней части столбца, вытесан пластичный орнамент. Его формы близки по своему характеру к резьбе столбов на крыльцах и галереях древних церквей” (Ополовников, 1989. С. 141).

Естественно, по истечении времени такие деревянные надмогильные сооружения ветшают, падают и гнивают, а врезанные металлические кресты и образки оказываются на земле. Здесь они могут быть случайно втопты в грязь, сломаны, наконец, попасть в засыпку новой могилы. Вероятно, именно таким образом на древних сельских кладбищах и скапливались произведения медного литья, которые нередко обнаруживаются при археологических исследованиях церковных мест (Успенская, 1957 С. 117; Векслер, 1968. С. 113; Чернов, 2000). Есть все основания считать, что в XIV–XVI вв. могильные холмики с деревянными крестами и голбцами могли сосуществовать на одном кладбище с могилами, которые обозначались валунными надгробиями и белокаменными плитами. Так, в процессе исследования некрополя Введен-

Рис. 6. Селище Чигасово 1. Произведения средневековой христианской металлопластики. Находки 2005 г.

ского погоста, при зачистке северного борта раскопа, нами был зафиксирован тлен от деревянного столба диаметром около 13 см (Алексеев, 2006. С. 12, рис. 42). Возможно, это и есть основание одного из кладбищенских крестов.

Снятые с отпеваемых покойников предметы личного благочестия могли стать и частью содержимого церковной ризницы. Ризница (диаконник) – хранилище ладана, вина, священных сосудов, богослужебных одежд, книг и других ценных предметов. Здесь десятилетиями накапливались различные вещевые вклады прихожан – украшения, литые образки, цаты, кресты. Последние чаще всего подвешивались к особо чтимым иконам, которые находились в каждом храме. Когда подвесов-прикладов набиралось слишком много, часть из них снималась и переносилась в диаконник. Сюда же, вероятно, попадали и кресты, принадлежавшие умершим. В последние годы нам удалось зафиксировать два случая, когда при исследовании сгоревших деревянных храмов были найдены скопления оплавленных предметов христианской металлопластики. Причем как новых, так и уже бывших в использовании, в том числе со следами починок (Алексеев, 2004. С. 34).

Как в раскопе, так и при площадных сборах (главным образом на возвышении, где располагался Введенский храм) был собран материал, относящийся к тому периоду, когда поселение прекратило свое существование, но селище продолжало посещаться жителями окрестных деревень. Нет сомнения, что место древнего Введенского погоста продолжало играть существенную роль в традиционной религиозной практике местных крестьян как почитаемый объект – деревенская святыня.

Священным объектом этого почитаемого места был поклонный крест, поставленный там, где располагался престол разрушенного храма, а позже – деревянная часовня с иконой Введения во храм Пресвятой Богородицы. Таким образом, ряд сделанных нами находок, безусловно, связан с многолетней традицией почитания изучаемого объекта. Так, в раскопе, в верхних слоях было найдено несколько фрагментов лампадок, изготовленных из цветного стекла. Среди подъемного материала выделяются жестяные накладки арочной формы от киота иконы, а также бронзовый подсвечник, предназначенный для тонкой “грошовой” церковной свечи. Многочисленные монеты мелкого номинала чекана XVIII – начала XX в. и поздний

медный крестик являются не чем иным как “обетными” приношениями крестьян. Помимо артефактов XIV – начала XX в. здесь были встречены предметы новейшего времени (монеты советского периода, пивные пробки, гильзы от охотничьих патронов), которые отражают период десакрализации и забвения этого почитаемого места...

Одновременно с раскопками в 2005 г. на месте Веденской пустоши было проведено изучение растительного покрова. Эта работа предпринята в основном для выяснения хода экологической сукцессии (восстановления лесов) на территории археологического памятника.

Из-за недостатка времени, обусловленного погодой и другими причинами, в исследовании растительности мы ограничились общими описаниями – без закладки геоботанических площадок, без таксации и без детальных количественных характеристик. Тем не менее, в порядке такого предварительного изучения удалось сделать следующее:

1. Составлен список видов растений, произрастающих на поляне (месте бывшего погоста) с указа-

Рис. 7. Селище Чигасово 1. Иконка-энколпий. Новгород. XIV в.

Рис. 8. Надмогильные столбцы на северном кладбище. Середина XX в. Фото А. Ополовникова

нием их экологической приуроченности и примерного обилия.

2. Составлен план размещения растительных сообществ на территории поляны в масштабе 1 : 400 с краткой геоботанической характеристикой основных выделов.

3. По общему описанию лесного массива, окружающего поляну, получены некоторые данные для характеристики стадий сукцессионного развития растительности.

На основании этих наблюдений и изысканий, мы попытались сделать некоторые предварительные выводы – как относительно прошлого растительного покрова, так и его современного состояния.

По современным представлениям вторичная экологическая сукцессия, т.е. восстановление коренного сообщества (в нашем случае – елового леса) на месте заброшенной пашни, проходит в несколько стадий, причем время прохождения каждой последующей стадии увеличивается по сравнению с предыдущей. Эти стадии таковы:

1. Травяная стадия. Происходит смена полевых (сорных) трав луговыми, а на последнем этапе – вытеснение луговых трав лесными. Продолжительность стадии от 10–15 до 20–25 лет, в зависимости от местообитания.

2. Стадия кустарников: внедрение кустарниковых видов в травяной покров и образование кустарниковых зарослей. Продолжительность стадии 20–30 лет.

3. Стадия лиственного леса. Под кустарниками появляются лиственные древесные породы (береза, осина) и постепенно формируется лиственный лес. Продолжительность этой стадии от 30–70 до 50–100 лет, причем на последнем этапе (70–100 лет) в лиственный древостой уже внедряются молодые ели (подрост).

4. Стадия смешанного леса (обычно елово-березового) с равновесным участием хвойных и лиственных пород. Продолжительность жизни смешанного леса – от 50–100 до 100–150 лет, в зависимости от местообитания и воздействия других факторов.

5. Стадия елового леса. Коренная порода – ель – вытесняет березу, прочие лиственные деревья и кустарник и на последнем этапе создает так называемые климаксные сообщества – чисто еловые насаждения. Эта стадия может продолжаться от 100–150 до 200–250 лет. Средняя продолжительность формирования климакса – 150–200 лет.

Таким образом, для восстановления коренного леса требуется от 300 до 400 лет при условии быстрого прохождения сукцессии. Замедляют сукцессионный процесс различные внешние факторы – климатические изменения (продолжительные засухи или дожди), пожары, а главным образом – антропогенные воздействия. Эти внешние воздействия могут не только замедлить сукцессию, но даже отбросить ее вспять – вплоть до первой стадии.

По современному состоянию растительного покрова можно определить, на какой сукцессионной стадии он находится, каковы были предшествующие растительные сообщества, насколько успешно проходит сукцессия в данном месте и что мешает (или мешало) ее нормальному прохождению. Примерно это мы и попытаемся выяснить на территории селища Чигасово 1.

Список видов травянистых растений, встречающихся на поляне селища Чигасово 1

Примечания к списку растений поляны.

Для каждого вида в списке указана его экология, т.е. преимущественная приуроченность к определенным местообитаниям и растительным сообществам. Обозначения следующие:

“Луг“ – собственно луговые виды растений, встречающиеся также по залежам и лесным полянам.

“Пер“ – переходные по экологии виды, т.е. лугово-лесные или широко распространенные, в том числе и растения заболоченных участков.

“Лес“ – собственно лесные виды, встречающиеся также на вырубках, опушках и других подобных местообитаниях.

№ п/п	Семейство и вид растения	Экология			Встречаемость	Место
		Лес	Пер	Луг		
<i>Папоротники</i>						
1	Щитовник мужской	+			Часто, куртинами	Древесно-кустарниковые участки
<i>Хвощевые</i>						
2	Хвощ полевой				+ Местами, изредка	Влажные участки
<i>Злаковые</i>						
3	Душистый колосок				+ Редко (1 место)	Сухая опушка
4	Ежа сборная				+ Часто, куртинами	На поляне
5	Овсяница гигантская	+			Местами	Рассеянно
6	Перловник поникший	+			Изредка	На поляне
7	Полевица обыкновенная				+ Часто	
8	Пырей ползучий				+ Местами, изредка	Болотистые понижения
9	Щучка дернистая (Луговик)		+		Повсеместно	Сырые участки

№ п/п	Семейство и вид растения	Экология			Встречаемость	Место
		Лес	Пер	Луг		
<i>Осоковые</i>						
10	Осока двудомная		+		Изредка	Болотистые понижения
11	Осока острая		+		Изредка	Сырые участки
12	Осока пальчатая	+			Часто	Древесно-кустарниковые участки
13	Осока пузырчатая		+		Изредка	Сырые участки
14	Осока волосистая	+			Местами	Болотистые понижения
<i>Ситниковые</i>						
15	Ситник жабий		+		Местами	Болотистые понижения
<i>Лилейные</i>						
16	Ландыш майский	+			Изредка, куртинами	В ельниках
<i>Ирисовые</i>						
17	Шпажник черепитчатый		+		Редкий вид	На опушках
<i>Орхидные</i>						
18	Ятрышник (Пальчатокоренник) пятнистый	+			Часто, повсюду, иногда куртинами	
<i>Крапивные</i>						
19	Крапива двудомная		+		Очень часто, куртинами	Влажные участки, в кустах
<i>Кирказоновые</i>						
20	Копытень европейский	+			Очень часто	Только в ельниках
<i>Гречишные</i>						
21	Щавель курчавый			+	Изредка, местами	На поляне
<i>Гвоздичны</i>						
22	Горицвет кукушкин цвет			+	Местами, изредка	На поляне
23	Звездчатка жестколистная	+			Редко, куртинами	В ивниках
24	Песчанка тимьянолистная			+	Редко, рассеянно	На поляне
<i>Лютиковые</i>						
25	Василистник светлый			+	Изредка	На поляне
26	Василистник водосборолистный	+			Очень редко	
27	Купальница европейская			+	Очень часто	Сырые участки
28	Лютик ползучий		+		Местами	
29	Лютик кашубский	+			Изредка	На поляне
<i>Розоцветные</i>						
30	Гравилат речной		+		Местами	На поляне
31	Гравилат городской	+			Редко	В кустах ив
32	Земляника	+			Изредка	В ельниках
33	Костяника	+			Очень редко	На опушке
34	Лапчатка прямостоячая (Калган)			+	Местами, куртинами	На поляне
35	Манжетка			+	Часто	
36	Сабельник болотный		+		Изредка (1 место)	В болоте на пруду
37	Таволга вязолистная			+	Очень часто, рассеянно и куртинами	Повсеместно
<i>Бобовые</i>						
38	Горошек заборный			+	Часто	На поляне
39	Горошек мышиный			+	Часто	В общем травостое
40	Клевер средний			+	Местами, куртинами	
41	Чина луговая			+	Часто	Рассеянно
<i>Гераниевые</i>						
42	Герань лесная	+			Часто, обильно	На поляне
<i>Кисличные</i>						
43	Кислица	+			Часто, обильно	В ельниках
<i>Болотниковые</i>						
44	Болотник изменчивый		+		Редко (1 место)	В лужах на просеке

№ п/п	Семейство и вид растения	Экология			Встречаемость	Место
		Лес	Пер	Луг		
						<i>Зверобойные</i>
45	Зверобой продырявленный				+ Очень часто	На поляне в травостое
						<i>Кипрейные</i>
46	Кипрей волосистый				+ Очень часто	На поляне
						<i>Зонтичные</i>
47	Гирча тминолистная	+			Изредка	
48	Дудник лесной	+			Очень часто	В травостое поляны
49	Дудник лекарственный (Дягиль)		+		Часто, куртинами	
50	Жгун-корень		+		Изредка	На поляне
51	Купырь лесной	+			Часто, куртинами	
52	Сныть обыкновенная	+			Редко, местами	Под кустами в ивниках
						<i>Первоцветные</i>
53	Вербейник обыкновенный				+ Часто, рассеянно	На поляне
54	Вербейник монетчатый (Луговой чай)				+ Изредка	Сырые участки под кустами
						<i>Вахтовые</i>
55	Вахта трехлистная		+		Обильно, в 1 месте	В болоте на пруду
						<i>Бурачниковые</i>
56	Медуница неясная	+			Часто, куртинами	В ельниках
57	Незабудка болотная		+		Часто, рассеянно	На поляне
						<i>Губоцветные</i>
58	Будра плющелистная		+		Часто	В ивниках
59	Буквица лекарственная	+			Часто	
60	Живучка ползучая	+			Изредка, куртинами	В травостое поляны
61	Пикульник двунадрезанный			+	Очень часто	
62	Черноголовка		+		Часто, куртинами	По опушкам
63	Чистец лесной	+			Редко	Под кустами
						<i>Норичниковые</i>
64	Вероника дубравная		+		Очень часто	В травостое поляны
65	Вероника лекарственная	+			Часто, куртинами	В ельниках
66	Марьянник дубравный (Иван-да-Марья)		+			
67	Марьянник луговой		+			По опушкам
						<i>Мареновые</i>
68	Подмаренник северный				+ Часто, куртинами	На поляне
						<i>Ворсянковые</i>
69	Короставник полевой				+ Часто	В травостое поляны
70	Сивец луговой				+ Очень часто	
						<i>Колокольчиковые</i>
71	Колокольчик раскидистый				+ Изредка	В травостое поляны
72	Колокольчик сборный				+ Редко	
						<i>Сложноцветные</i>
73	Бородавник	+			Очень часто	В травостое поляны
74	Бодяк разнолистный	+			Часто, куртинами	
75	Нивяник обыкновенный			+	Изредка	
76	Скерда болотная	+			Редко	Сухие участки на поляне
77	Ястребинка	+				
78	Мицелис стеной	+			Изредка	В ельниках

Деревья и кустарники, встречающиеся в пределах поляны

Ель европейская	Образует лесные островки на поляне, в которых отмечено несколько деревьев в возрасте свыше ста лет, в том числе одно дерево – около 200 лет. По краям поляны (на опушках) несколько (6–7) молодых одиночных деревьев (подрост) высотой до 2–3 метров. Вокруг поляны – старый еловый лес.
Осина	Несколько экземпляров молодых осинки и отдельные старые деревья в угнетенном состоянии. Зарослей не образует, встречается только в ивниках.
Ивы – 5 видов	Образуют густые древесно-кустарниковые заросли в пониженных участках поляны. Преобладают древовидные формы (ива козья – бредина, ива пятичипчинковая – чернотал) и кустарниковые (ива ушастая; ива пепельная, ива гибридная и др.)
Береза бородавчатая	Несколько отдельных деревьев и порослевых куртин на поляне, несколько старых берез в составе лесных островков-перелесков с елями и с ивами. Зарослей не образует. Состояние у всех деревьев угнетенное, подроста нет.
Дуб черешчатый	Несколько небольших, но старых дубков около пруда-болота и отдельные редкие деревца в составе ивняковых зарослей. Все деревья в весьма угнетенном состоянии (сенильные).

Таким образом, на поляне зарегистрировано 78 видов травянистых растений, относящихся к 30 семействам (возможно, даже 80 видов, так как 1–2 вида могли быть пропущены), и 9 видов деревьев и кустарников (возможно, 10, так как определение ив, как известно, весьма затруднительно). Итого – около 90 видов, что чрезвычайно много для столь небольшой территории (0,3 га). Это первое свидетельство того, что сукцессионные процессы здесь идут очень активно: установлено, что по мере развития сукцессии видовое разнообразие и продуктивность увеличиваются. Вместе с тем происходит и накопление биомассы органического вещества.

Экологический анализ флористического состава показывает, что из травянистых растений 30 видов (38,5%) относятся к лесным, 23 вида (29,5%) – к луговым и 25 видов (32%) – к переходным. При этом около 20 видов лесной и переходной экологических групп (25%) произрастают только в древесно-кустарниковых сообществах или на заболоченных участках, а не в общем травостое поляны. Следовательно, в травостое соотношение экологических групп таково: 45% лесных видов и 30% луговых. А в целом по поляне – 70% лесных и 30% луговых. Это второе свидетельство активного зарастания поляны: замещение лесными растениями луговых означает последний этап первой стадии сукцессии.

Куртинное распределение многих травянистых растений поляны обусловлено тем, что здесь силь-

но выражены микро- и нанорельеф, которые имеют явно антропогенное происхождение – результат вытаптывания, перекапывания и перемещения почвы, отходов и т.п. Также, возможно, сказывается опосредованное через почву влияние некоторых погребенных объектов (предметов) археологического значения (захоронений, камней и т.п.).

Активное зарастание поляны началось, по-видимому, в последние 2–3 десятилетия, когда прекратились относительно массовые посещения этого места. Вместе с тем, наличие здесь некоторых редких растений, вроде шпажника (дикого гладиолуса), занесенного в Красную книгу, или ятрышника, говорит об определенной степени сохранности (заповедности) данной территории.

Травяные растительные сообщества, существующие в настоящее время на поляне, очень полидоминантны, как это и должно быть на данном этапе сукцессии. Поэтому границы растительных ассоциаций, показанные на плане поляны (рис. 9), в известной мере проведены условно (приблизительно, с точностью до 1–2 м), да и сама классификация ассоциаций затруднительна. В связи с этим мы не даем названия ассоциаций (это было бы очень тяжело), а просто приводим перечень основных доминантов и содоминантов второго порядка (субдоминантов).

Условные обозначения к схематическому плану размещения растительных сообществ (с краткой геоботанической характеристикой):

I. Злаково-разнотравные полидоминантные ассоциации с общим проективным покрытием травостоя около 70–80%.

1. Доминанты: бородавник, дудник, купырь, вербейник.

Содоминанты: щучка, герань, буквица, чистец.

2. Доминанты: дудник, купырь, герань, зверобой.

Содоминанты: ежа сборная, короставник, сивец.

3. Доминанты: герань, вербейник, дудник, щучка.

Содоминанты: ятрышник, клевер средний, ежа.

II. Разнотравно-злаковые полидоминантные ассоциации с общим проективным покрытием травостоя до 70–80%.

4. Доминанты: ежа, щучка, дудник, вербейник.

Содоминанты: зверобой, герань, сивец.

5. Доминанты: щучка, полевица, вербейник, сивец.

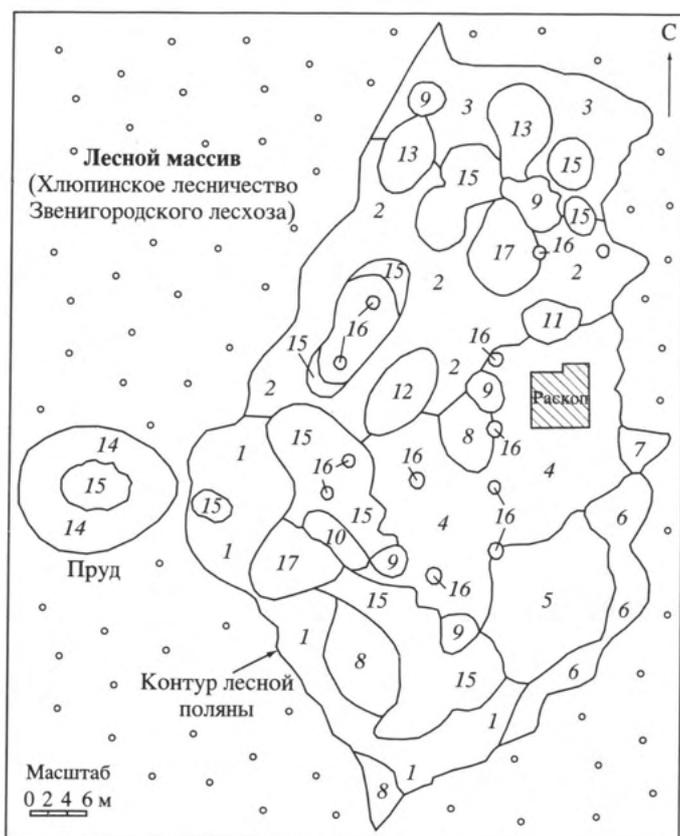
Содоминанты: чистец, ятрышник, герань.

6. Доминанты: полевица, ежа, душистый колосок.

Содоминанты: щучка, калган, сивец.

III. Монодоминантные ассоциации – куртины и заросли злаков и разнотравья с проективным покрытием до 90–100%.

7. Заросли бодяка разнолистного (1 участок).

Рис. 9. Селище Чигасово 1. Схема размещения растительных сообществ на поляне-оселке бывшей Введенской пустоши

8. Заросли крапивы двудомной (3 участка).
9. Куртины таволги вязолистной (5 участков).
10. Куртина ежи сборной (1 участок).
11. Ежа сборная с пыреем и гравилатом (1 участок).
12. Пырей ползучий с зонтичными (1 участок)
- IV. Болотные ассоциации в сырых понижениях (покрытие 100%).
13. Щучка дернистая с осоками (3 вида) – в понижениях северной части поляны (2 участка)
14. Вахта трехлистная, сабельник болотный, осоки – на территории заболоченного пруда.
- V. Древесные и кустарниковые заросли (островки, перелески) в пределах поляны.
15. Ивняки: заросли бредины и чернотала с кустарником или только кустарниковые виды ивы. Наземный покров: крапива, луговой чай, осоки, чистяк, звездчатки.
16. Березняки: порослевые куртины и отдельные деревья на поляне и в перелесках с елью и ивами. Обозначены внемасштабно (кружочками).
17. Ельняки: сформированные островки ели европейской и отдельные деревья (молодые – на поляне, старые – в перелесках), Наземный покров аналогичен покрову окружающего леса: копытень, кислица, медуница,

ца, осока, ландыш, будра, хвощ, папоротник, зеленые мхи.

Общая площадь поляны, вычисленная по карте, составляет около 3000 м², т.е. 0,3 гектара. В том числе травяные сообщества занимают 0,24 га (около 80%), а древесно-кустарниковая растительность более 20% (ельники – 6%, ивняки – 14%, отдельные деревья – около 1%).

Общая площадь пруда (ныне болота) составляет около 200 м², в том числе заросли ивняка посередине пруда – 30 м².

Сопоставляя список видов растений и план размещения растительных сообществ на поляне, можно обнаружить, что на этой небольшой территории наблюдаются практически почти все основные стадии сукцессии (зарастания с восстановлением коренного леса). Поляна со всех сторон окружена таким коренным лесом, и это кольцо сжимается буквально на глазах. Молодые ели на восточной опушке поляны – это, можно сказать, авангард наступления леса.

Начальные этапы травяной стадии сукцессии представлены в контурах 4, 5, 6 (особенно в последнем) – здесь больше всего луговых злаков и других растений той же экологии. Похоже, что именно с этой юго-восточной стороны поляны проходила дорога (тропа).

Растительные сообщества в контурах 1, 2, 3 представляют собою более продвинутый этап травяной стадии сукцессии. Здесь среди доминантов и содоминантов больше лесных и переходных видов, и травостой выше и гуще. Контур 3 в северной части поляны вообще представляет собой законченный вариант лесной поляны.

Куртинное расположение отдельных монодоминантных ассоциаций в центре поляны, как и заболоченные участки (контур 13) в северной части, по видимому, вызваны изменением микрорельефа в результате антропогенного воздействия (о чем уже было сказано выше).

Ивняковые островки (заросли) начали формироваться видимо уже в середине XX в., так как ивовым деревьям на поляне примерно 40–50 лет, а ивы вообще растут очень быстро. Между тем эти сообщества, представляющие вторую, кустарниковую стадию сукцессии, в настоящее время испытывают заметное угнетение под давлением третьей стадии – смешанного елового леса: еловые перелески на поляне наступают на окружающие их ивняки и под пологом ельников обнаруживаются остатки ивовых кустов.

Еловые островки-перелески возникли и начали развиваться вокруг одиночных взрослых деревьев, которые располагаются в середине островков (контур 17) и которым сейчас около 100 лет. Низко опущенная крона этих старых елей свидетельствует о том, что они росли одиночно и на открытом месте. Современное состояние еловых перелесков, принимая во внимание и наземный покров, аналогичный таковому окружающего леса,

показывает, что эти островки уже вполне сформировались как лесные сообщества. Отдельные угнетенные деревья березы внутри островков, как и в лесу, только подтверждают, что здесь третья стадия сукцессии близится к концу.

Что касается бывшего пруда, то он, по-видимому, был заброшен одновременно с началом восстановления окружающего леса. В настоящее время древний водоем (его площадь около 200 м²) представляет собой даже не болото, а довольно мощную торфяную залежь низинного типа. Глубина пруда достигала 1 м. Исходя из имеющихся сведений, можно предположить, что для накопления такого количества органического вещества в ходе сукцессии требуется не менее 200–300 лет. Это подтверждается и тем, что по периферии пруд вплотную окружают очень старые ели. А густая куртина ивняка в середине пруда свидетельствует о развитии кустарниковой стадии сукцессии.

Таковы некоторые предварительные выводы относительно истории зарастания поляны, сделанные на основании ее современного состояния. Необходимо дальнейшее дополнительное изучение этой территории. Так, почвоведческие исследования и спорово-пыльцевой анализ образцов торфяных отложений пруда могут здесь дать богатую информацию об изменениях природной среды, связанных с хозяйственной деятельностью человека в XIV–XVI вв. и о последующей реорганизации пространственной структуры агроландшафтов, произошедшей после Смутного времени.

Литература

- Алексеев А.В.*, 2004. Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья // Материалы VII–VIII Троицких чтений в ГИЛМЗ А.С. Пушкина. Б. Вязёмы.
- Алексеев А.В.*, 2005. Голицынский клад: (предварительное сообщение) // Ставрографический сборник. М. Кн. 3: Крест как личная святыня. М.
- Алексеев А.В.*, 2006. Отчет о разведках и раскопках в Одинцовском районе Московской области в 2005 г. // Архив ИА РАН.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Векслер А.Г.*, 1968. Москва в Москве. М.
- Ополовников А.В.*, 1989. Сокровища Русского Севера. М. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского у. 1558–1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992.
- Смирнов А.Н.*, 2004. Разведки в Одинцовском районе Московской области // АО 2003 г. М.
- Смирнов А.Н.*, 2005. Вязёмы и Вязёмский ям // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М. Вып. 2.
- Успенская А.В.*, 1957. Успенское городище // КСИИМК. Вып. 68.
- Фивейский Г.И.*, 1879. Летопись Спасо-Преображенской церкви Звенигородского уезда, что в селе Введенском Першино тож, с древних времен до Литвы // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. № 8, 9.
- Холмогоровы В. и Г.*, 1882. Исторические материалы о церквях и селах Московской епархии. М. Вып. 2.
- Чернов С.З.*, 1987. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта по материалам древнего Радонежского княжества. М.
- Чернов С.З.*, 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.
- Чернов С.З.*, 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // РА. № 1.

И.В. Папин

Особенности формирования культурного слоя на территории Кирилло-Белозерского монастыря

Общепринятой датой основания Кирилло-Белозерского монастыря считается 1397 г. Основанный на берегу Сиверского озера преподобным Кириллом Белозерским, в течение следующих двух столетий он становится богатейшей обителью на Русском Севере и одним из крупнейших монастырей Руси. Его быстрому росту способствовали и удачное географическое расположение – на перекрестке путей из центральной Руси в Заонежье и Поморье; и протекционистская политика московских князей, а впоследствии царей всея Руси. Особую заслугу в процветании обители следует приписать, конечно, и активной хозяйственной деятельности насельников монастыря, начиная с самого Кирилла и его первых преемников. Среди русских монастырей Кириллов Белозерский монастырь выделяется не только своей сопричастностью ко многим ярким событиям общерусской истории, но и масштабами хозяйственной деятельности, далеко выходящей за рамки истории Белозерского края: достаточно сказать, что монастырь был одним из крупнейших вотчинников Московской Руси, владея в пору своего расцвета землями в шестнадцати уездах (Аграрная история..., 1989. С. 110–112).

Все это объясняет тот интерес к обители со стороны исследователей – историков, архитекторов, искусствоведов, которые обратились к изучению монастырских древностей уже в первые годы XIX в. В середине XIX в. появляются первые сведения о монастыре и в археологической литературе: в первых двух томах Записок Отделения славяно-русской археологии за 1851 и 1861 гг. была опубликована часть описи монастырского имущества 1668 г., и, в частности, опись оружия, хранящегося в оружейной палате (Кирпичников, Хлопин, 1972). Однако объектом полевых археологических исследований обитель становится довольно поздно. Первые опыты в этой области связаны с поисками уже упомянутой оружейной палаты (рухнувшей еще в XVIII в.). В 1913 г. хранитель Артиллерийского музея полковник Н.М. Печенкин заложил в монастыре небольшой шурф, где, по его словам, обнаружил ружейные замки и приклады. Документация и находки этих раскопок не сохранились. Немного информации дали и небольшие по масштабам археологические расчистки, выполненные в ходе реставрации монастыря в 1930-е годы.

Собственно научные исследования начались на территории монастыря лишь в 50-е годы XX в. В 1953–1954 гг. здесь работала экспедиция Артиллерийского исторического музея под руководством А.Н. Кирпичникова, цель которой состояла в раскопках оружейной палаты. В ходе работ найдено немало предметов монастырского вооружения, выполнены натурные исследования, позволившие впоследствии восстановить памятник. В 1960-х годах во время археологических разведок в Белозерье Л.А. Голубева осматривала склон Ивановского холма и, возможно, начала проводить небольшие разведочные работы, оставшиеся, правда, незавершенными и недокументированными. В 1971–1972 гг. на территории монастыря-музея вновь работала археологическая экспедиция ЛОИА АН, возглавляемая А.Н. Кирпичниковым: завершен разбор оружейной палаты, вскрыты остатки фундаментов и основания стен солодеженной башни, солодеженного сушила; проведены охранные работы в помещении церкви Владимира. Здесь в ходе реставрационных работ по замене пола в храме локализованы погребения князей Воротынских и, в частности, найден белокаменный саркофаг. В 1981–1982 гг. экспедицией под руководством П.М. Алешковско-го за два сезона расчищены остатки двух башен ограды монастыря XVI в. – Кузнечной и Малой мереженной, рыболовецкой палатки, располагавшейся рядом с последней, обследованы два погребения в белокаменных саркофагах у южной стены Успенского собора.

И, наконец, значительный объем данных по археологии монастыря был получен в последнее десятилетие XX – начале XXI в. экспедицией под руководством А.В. Суворова и автора в ходе проведения масштабных реставрационных работ на территории музея-заповедника, предваряемых и сопровождающихся работами по археологическому исследованию монастыря (Васильев, Папин, Суворов, 1996. С. 29–31; Папин, Суворов, 1997. С. 55–57; 1999. С. 45–47; Суворов, Папин, 1999; Папин, 2003. С. 54–55; Папин, Суворов, Мокрушин, 2004. С. 62–63; Суворов, Папин, Мокрушин, 2005. С. 67–72). За это время удалось получить информацию о характере и мощности культурного слоя на значительной части территории обители. В период с 1995 по 2005 г. было заложено четыре раскопа

общей площадью около 200 кв. м и 29 шурфов общей площадью чуть более 160 кв. м (рис. 1). Значительный объем исследований выполнен также при осуществлении археологического надзора в ходе выполнения строительных и реставрационных работ.

Важной составной частью работ по оценке культурного слоя монастыря стали и данные геологических исследований территории монастыря. Начавшиеся в середине 1950-х годов, они имели целью в первую очередь изучение свойств грунта, и, в конечном счете, обеспечение сохранности памятников архитектуры. С конца 1980-х годов эти исследования превратились в полноценный литомониторинг состояния памятников архитектуры и, помимо своей прямой функции, дают незаменимую информацию о состоянии культурного слоя монастыря. В целом территория Кирилло-Белозерского монастыря характеризуется достаточно сложными инженерно-геологическими условиями, выражающимися в сочетании больших перепадов высот, высокой степени обводненности грунтов с беспорядочным расположением различных грунтов в верхних слоях четвертичных отложений – красноватых покровных суглинков, заторфованных грунтов, песчаных озерных и речных отложений.

Как выглядела эта часть восточного берега Сиверского озера к тому моменту, когда здесь, “в месте пустынном”, была основана обитель? Пока мы не можем сколько-нибудь уверенно говорить о более или менее полной реконструкции палеорельефа обители; имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют создать лишь приблизительную схему характера и мощности культурного слоя (рис. XLII). Максимальные значения мощности антропогенных напластований достигнуты в прирусловой части р. Свяяги и вдоль берега Сиверского озера на границе Успенского и Ивановского монастырей¹. Средняя же толщина слоя не превышает 2 м. Стоит отметить, что в одной из геологических скважин (№ 30н) мощность техногенных отложений определена в 5,1 м, однако эта скважина заложена на берегу р. Свяяги, где нижние свиты слоев представлены естественными торфянистыми отложениями, в которых очень трудно улавливается граница между культурным слоем и материком, а зачастую ее просто нет: “культурность” нижних слоев нередко определяется отдельными находками, инфильтрованными в торфяной слой. Минимальных же значений мощность антропогенных напластований достигает, в первую очередь, на вершинах холмов, где составляет всего 0,45–0,5 м.

Как и в условиях средневековых русских городов, культурный слой монастыря в меньшей степени образован напластованиями, отложившимися в

ходе повседневной жизни обители и не перемешанными впоследствии. Таких участков не так уж много. Большая же часть культурных напластований представлена слоями, или образовавшимися непреднамеренно в ходе активной строительной деятельности (так называемые щепные слои, слои завалов кирпича, отложившиеся в ходе разборки зданий и т.п.), или в ходе целенаправленной планировки территории монастыря. По характеру образования и физическим свойствам все слои, выявленные на территории обители, можно объединить в четыре группы или литологических горизонта, имеющих не только различный состав, но и различную степень значимости для реконструкции исторических процессов.

Нижний литологический горизонт образован теми слоями, чей генезис обусловлен природными процессами, но которые впоследствии, в ходе жизнедеятельности монастыря, подверглись антропогенному воздействию, а также те, что отложились на рассматриваемой территории в результате деятельности человека до появления здесь собственно монастыря. В эту же группу мы включаем незначительные по мощности древо-щепные слои, соответствующие по времени началу хозяйственной деятельности монастыря. Второй тип отложений представлен переувлажненными, местами заторфованными слоями, отложившимися в период активной хозяйственной деятельности обители в период начала XVI–XVII в. Среди этих слоев фиксируются и первые относительно небольшие прослойки кирпичного боя и извести, отложившиеся в ходе каменного строительства. Третья группа – свита слоев строительного мусора (кирпичный бой, известковые проливы), перемежающиеся прослойками погребенной почвы – слои, отложившиеся в ходе ремонтов и разборки некоторых кирпичных зданий монастыря и масштабных планировок территории XVIII–XIX вв. И, наконец, четвертую группу образуют слои, отложившиеся в новейшее время, характеризующиеся сочетанием значительных прослоек кирпича, извести, отложившихся в ходе реставрационных работ, большого количества бытового и строительного мусора.

Остановимся на каждой из выделенных групп слоев несколько подробнее.

Для реконструкции палеоландшафта наибольшее значение имеет выявление непо потревоженных участков почв, сформировавшихся в домонастырское время. В некоторых случаях – шурф 3, 1999 г. (территория так называемого “Нового города”, место примыкания ограды Ивановского монастыря к стене XVII в. (рис. XLIII, 1)), раскоп 2, 2003 г. (хозяйственный двор Настоятельских келий) – на материке был зафиксирован мощный, до 10–12 см, слой подзола, свидетельствующий о значительной облесенности склонов Успенского и Ивановского холмов. С другой стороны, можно считать установленным, что во время основания монастыря часть его современной территории представляла собой

¹ Максимальная известная на сегодняшний день мощность культурного слоя города Вологды – 5,8 м – также выявлена в прирусловой части р. Золотухи.

заболоченные низины. Остатки болотной растительности и придонные речные и озерные наносы обнаружены в нескольких раскопах и шурфах, особенно в шурфе 1, 1999 г. (у ветряной мельницы) (рис. XLIII, 2), шурфе 3, 1999 г. (у Поваренной башни), шурфе 1, 2000 г. (у Московской башни) и др., где они сохранились в неповрежденном состоянии, будучи погребены под слоем поздних подсыпок. Мощность их также различна – от нескольких сантиметров в северной части монастырской территории до 0,5–0,6 м в приозерной части. Особо следует отметить мощный слой торфа, выявленный в шурфе 1, 1999 г., где он имел толщину до 3 м. Наличие столь мощного слоя позволяет предположить существование довольно глубокого (до 2 м) понижения перед стеной Ивановского монастыря. В шурфе 1 были также выявлены деревянные столбики и остатки настила, интерпретированные как мостки, свидетельствующие, возможно, о существовании пруда в этом месте. Как уже отмечалось, верхняя часть рассматриваемых слоев зачастую даже при условии отсутствия позднейшей активной строительной деятельности подвергается инфильтрации находок из вышележащих слоев и включается таким образом в общую систему культурных напластований.

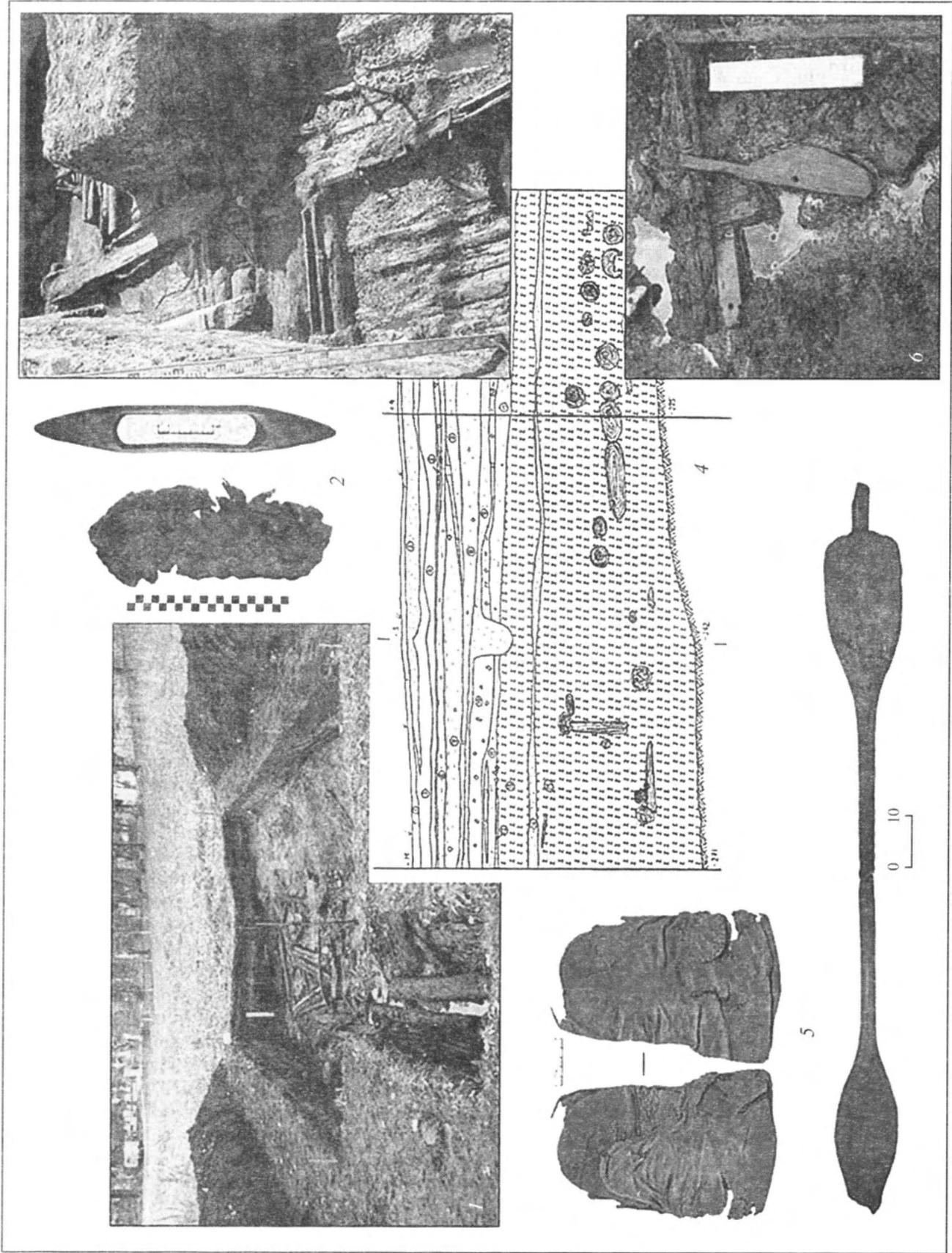
Что касается первых свидетельств пребывания человека на территории монастыря, то они относятся еще к каменному веку. В ходе исследований склонов Ивановского холма, проводившихся в 1998 г., был документирован культурный слой стоянки каменного века, названной Кириллов-1 и датированной эпохой неолита (Суворов, 2001). Инвентарь каменного века, полученный в раскопе 1, 1998 г. и шести шурфах (№ 1, 3–7), представлен 40 орудиями, 71 экземпляром отходов кремнеобработки, 393 фрагментами неолитической ямочно-гребенчатой керамики (рис. XLIII, 4). Каменные орудия, найденные в раскопе 1, изготовлены из кремня, кварцита и сланца. Каменные орудия, в частности, кремневый скребок, сланцевый топор, встречались и раньше в ходе исследований на территории Кирилло-Белозерского монастыря в слоях Нового времени. В ходе монастырского освоения территории, значительная часть культурного слоя стоянки переотложена (больше 60% неолитической керамики найдены в пятом–седьмом пластах раскопа, содержащих остатки позднесредневековой постройки); однако в прибрежной части р. Свяги, а также на противоположном берегу в ямах (котлован септика у здания монастырского архива, 2001 г.) слой этот сохранился и представляет собой 5–7-сантиметровую прослойку серой плотной супеси с многочисленными угольками и керамикой. Тогда же, в 1998 г. на исследуемом участке впервые был обнаружен и инвентарь селища эпохи раннего железного века. Он представлен лишь в раскопе 1 двумя обломками грузика дьякова типа и 14 мелкими фрагментами штрихованной керамики. Эти артефакты имеют следы окатанно-

сти, найдены явно в переотложенном состоянии. Культурного слоя этого времени не выявлено.

Что касается слоев, которые можно было бы уверенно датировать временем начала монастырской хозяйственной жизни, то они крайне невыразительны (в основном, по-видимому, уничтожены). Это слои желто-коричневой супеси с включениями угольков и, обычно, тонкими прослойками щепы и перегнившего дерева; мощность их редко превышает 5–7 см. Датируются они трудно, в основном единичными находками керамики.

Активное накопление культурного слоя на территории Кирилло-Белозерского монастыря началось в связи с активным строительством, развернувшимся с начала XVI в. Хорошая сохранность слоев этого времени на некоторых участках территории объясняется повышенной увлажненностью их нижних горизонтов. Распространение влажного культурного слоя по территории монастыря неравномерно; в первую очередь он обнаруживается в тех местах, где проводились активные работы по засыпке топких мест, т.е. в основном вдоль древней береговой линии р. Свяги и оз. Сиверского. Так, к моменту начала строительства кирпичной стены Старого города XVI в., берег озера представлял собой заболоченную низину. В частности, наблюдения, сделанные в шурфах 3 и 4, 1999 г. показали, что при сооружении прясла стены между малой Мереженной башней и ц. Преображения, строители были вынуждены замостить гать мощностью до 1,5 м из небольших, уложенных рядами елей, в которую вбивались (через каждые 1–1,5 м) вертикальные сваи, на которые, в свою очередь, укладывались шестиметровые бревна-лаги, лежащие поперек фундамента стены (рис. 2, 4). Еще более тщательно выполнена «нивелировка» поверхности на южном берегу р. Свяги (шурф 2, 2000 г.): значительную часть культурных напластований, выявленных в шурфе представляет подсыпка, мощность которой достигает 0,9 м. История сооружения ее предстает следующим образом: в болотистую низину (на слой влажного торфа, в котором уже успело отложиться некоторое количество артефактов) была уложена еловая гать из небольших срубленных с ветвями и уложенных рядами елок и елового лапника. Сверху они перекрыты слоем супеси, на который положен пласт небольших валунов. Это мощение в свою очередь засыпано слоем чистого речного песка. Следующий слой – голубоватый суглинок, на который вновь положен еловый лапник, засыпанный сверху песком почти полуметровой мощности. Вся эта система насыпей была выполнена достаточно тщательно и представляла собой, по-видимому, попытки осушить заболоченную низину перед стенами монастыря.

Сохранности этой части слоя несомненно способствовал подъем уровня воды в Сиверском озере, произошедший в связи с реконструкциями водных путей трижды. Влажные слои содержат и гораздо большее количество артефактов, в основном

Рис. 2. Кирилло-Белозерский монастырь. Влажные слои, сохраняющие органические материалы
 1 – раскоп 1, 1998 г. (Ивановский монастырь); 2, 5 – изделия из дерева, бересты и кожи из раскопа 3, 2005 г. 3 – раскоп 3, 2005 г. (Тюремный двор);
 4 – шурф 3, 1999 г. (прясли стены у Поваренной башни); 6 – деревянные изделия в культурном слое, раскоп 1, 1998 г.

это изделия из органических материалов – кожи, костей животных, дерева, бересты (рис. 2, 2, 5). Так, на 1 кв. м раскопа 1, 1998 г. (Ивановский монастырь), в котором впервые были исследованы влажные слои, приходится в среднем 13 индивидуальных находок, в то время как, например, в раскопе 2, 2003 г. (хозяйственный двор Настоятельских келий), расположенном в сухоходольной части – не более двух. Кроме значительного количества находок, увлажненные слои на территории Кирилло-Белозерского монастыря содержат и многочисленные остатки деревянных построек. В этом смысле они представляют собой уникальный источник по планиграфии монастыря, позволяя фиксировать расположение и, отчасти, конструкцию относительно недолговечных и не всегда попадавших на страницы монастырских описей деревянных построек. Например, в раскопе 1, 1998 г. выявлена постройка 2, с которой связаны многочисленные находки, характеризующие косторезное ремесло: 44 фрагмента кости и рога со следами обработки рубкой, колкой, пилением, резкой и строганием. В слое торфяника выявлен также частично вошедший в раскоп помост из бревен, плах и жердей (в основном во вторичном использовании), уложенных вплотную горизонтально, сориентированный вдоль русла реки (рис. 2, 1). На помосте и вблизи него сконцентрированы находки поплавок и грузил для сетей. В 2005 г. в раскопе, заложенном на территории так называемого Тюремного двора изучены остатки двух стоявших вплотную друг к другу срубов, представлявших собой, по-видимому, единый хозяйственный комплекс (рис. 2, 3). По результатам дендрохронологических исследований время постройки их относится к началу XV в. Поскольку в это время территория современного Тюремного двора не входила в собственно монастырскую территорию, выявленные постройки представляют собой остатки тех хозяйственных построек, располагавшихся вдоль стен монастыря, о которых мы узнаем из монастырских описей (Опись строений и имущества..., 1998).

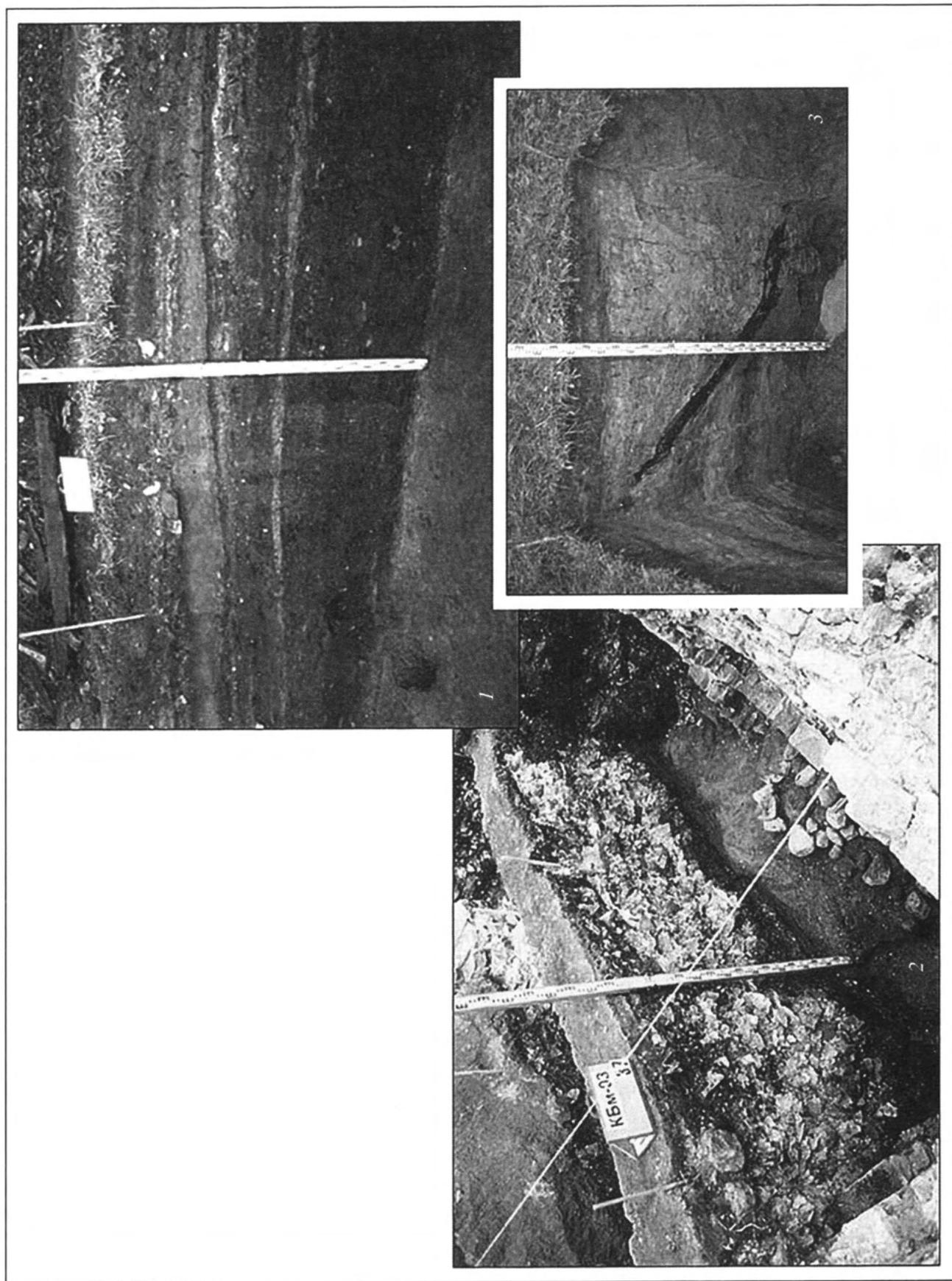
Наконец, пожалуй, важнейшим фактором, оказавшим влияние на состав и характер культурного слоя монастыря, стало каменное строительство, развернувшееся на его территории с рубежа XV–XVI вв. и начавшееся с возведения в 1496 г. Прохором Ростовским первого каменного строения монастыря – Успенского собора. Несколько позже, в 1519 г. сооружается ц. Введения с Трапезной, далее, до конца XVI в. были построены в камне большая часть монастырских церквей (7), колокольня собора, первые кирпичные стены монастыря, ряд хозяйственных построек. В XVII в. сооружаются последние каменные церкви, возводится Новый город и т.д. Таким образом, практически все каменные постройки монастыря появились на его территории менее чем за 200 лет. Масштабы строительства ярко отражены, в частности, в книге городского дела: “да делали у города земляной вал

и ров копали, и под городовую стену борозду вели и сваи били, и камень в бут волочили, и кирпичи и известь носили, и топкие места лыву землею грузили, и около реки лывы чистили и на берег волочили, и сваи били и лесом и землею грузили...” (Кирпичников, Хлопин, 1972).

“Строительные” горизонты разнообразны по своему происхождению и литологическому составу. В основном они представлены линзами битого кирпича и извести, достаточно небольшими по мощности, но широко распространяющимися по площади (рис. 3, 1). Судя по характеру залегания, в большинстве случаев они подвергались разравниванию после окончания строительства. Совершенно иная стратиграфическая картина наблюдается при изучении остатков разобранных/разрушившихся построек, таких как монастырские ледники (рис. 3, 2), солодежня, каменная постройка у основания Ивановского холма и пр. В этом случае наблюдается мощный слой кирпичного лома, извести, зачастую минеральная составляющая отсутствует вовсе.

Отдельно стоит остановиться на особой стратиграфической ситуации, наблюдавшейся в шурфе 7, 1999 г., расположенном у наружной стены Нового города, неподалеку от остатков угловой башни, которые были вскрыты в 2000 г. экспедицией Московской государственной геологоразведочной академии (Пашкин, Подборская, 2003. С. 164–168). Шурфом были изучены остатки крепостного рва XVI в., который был засыпан, по-видимому, при строительстве стен Нового города (рис. 3; 3), точнее в процессе планировки территории под данное строительство. Мощность суглинистой засыпки – более 2 м. Находки единичны и представляют собой несколько неопределимых фрагментов железных предметов.

В заключение нельзя не упомянуть о влиянии, которое оказало на характер культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря функционирование на его территории обширного некрополя. Как известно, хоронить на территории монастыря начали практически сразу после основания обители, последние же захоронения относятся к концу XIX в. Основная часть территории, занимаемой некрополем, никогда не застраивалась (исключая небольшой участок, оказавшийся под алтарем ц. Кирилла XVIII в.). На большей части площади некрополя, а это, прежде всего, восточные и юго-восточные склоны Успенского и Ивановского холмов, культурный слой представляет собой мешаный красно-коричневый материковый суглинок мощностью до 1,5 м, содержащий как непотребованные погребения, фрагменты разрушенных поздними перекопами погребений, так и бытовой и строительный мусор. Мощность перекрывающего некрополь слоя крайне мала и, как правило, ограничивается толщиной современного дернового слоя, кое-где увеличенного за счет прослоек строительного мусора, отложившегося в ходе реставрационных работ.

Рис. 3. Строительные горизонты

1 – слой строительства стен “тюрмы” (раскоп 3, 2005 г.); 2 – слой кирпичного боя, образовавшийся в процессе разрушения монастырских ледников (раскоп 2, 2003 г.); 3 – слой засыпки крепостного рва XVI в. (шурф 7, 1999 г.).

Литература

Аграрная история Северо-Западной России XVII века: (Население, землевладение, землепользование). Л., 1989.

Васильев С.Ю., Папин И.В., Суворов А.В., 1996. Исследования центра “Древности Севера” // АО 1995 г. М.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н., 1972. Великая государева крепость. М.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание. СПб., 1998.

Папин И.В., 2003. Исследования НПЦ “Древности Севера” в Вологодской области // АО 2002 г. М.

Папин И.В., Суворов А.В., 1997. Исследования центра “Древности Севера” в Вологодской области // АО 1996 г. М.

Папин И.В., Суворов А.В., 1999. Исследования центра “Древности Севера” // АО 1997 г. М.

Папин И.В., Суворов А.В., Мокрушин М.Л., 2004. Исследования центра “Древности Севера” в Вологодской области // АО 2003 г. М.

Пашкин Е.М., Подборская В.О., 2003. Исследование нижних частей несохранившейся угловой башни XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря // Археологические вести. СПб. № 10.

Суворов А.В., 2001. Поселение каменного – железного веков Кириллов-1 на территории Кирилло-Белозерского монастыря // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 4.

Суворов А.В., Папин И.В., 1999. Исследования центра “Древности Севера” // АО 1998 г. М.

Суворов А.В., Папин И.В., Мокрушин М.Л., 2004. Работы центра “Древности Севера” в Вологодской и Архангельской областях // АО 2004 г. М.

Основные итоги дендрохронологического изучения древесины из культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря*

Первые работы по дендрохронологическому изучению деревянных деталей из каменных сооружений Кирилло-Белозерского монастыря проводились в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН еще в начале 1970-х годов. Исследованные образцы дерева были отобраны с фундаментных свай при проведении широкомасштабных работ по укреплению оборонительных стен и башен, выходящих на берег Сиверского озера, а также Больших Больничных палат, Поварни и Летнего братского погребя, выявленного при раскопках здания Оружейной палаты (раскопки С.С. Подъяпольского 1967–1969 гг. и А.Н. Кирпичникова 1971–1972 гг.).

Уже тогда, даже при относительно небольшом объеме исследованного материала (53 образца), происходящего из построек “Старого города”, удалось не только определить порубочные даты для 43 бревен, но и установить время возведения некоторых построек (Черных, 1982).

На протяжении 1980-х годов в рамках обширной программы по дендрохронологическим исследованиям архитектурных памятников XV–XX вв. северных регионов России, сотрудником ВСРПО “Союзреставрация” Н.Ф. Сергеевой проводились новые сборы дендробразцов из других архитектурных построек Кирилло-Белозерского монастыря. Позднее архив, содержащий результаты измерений более чем 100 образцов был передан на хранение в лабораторию ИА РАН и оказался доступен для дальнейшего изучения¹.

С 1995 г. в различных частях территории Кирилло-Белозерского монастыря НПЦ “Древности Севера” (г. Вологда) проводились регулярные археологические раскопки под руководством И.В. Папина и А.В. Суворова, в результате которых кирилловская дендрокolleкция увеличилась еще на 76 образцов (Васильев, Папин, Суворов, 1996; Папин, Суворов, Мокрушин, 2004)².

Таким образом, к настоящему моменту из различных архитектурных построек и культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря происходят более 230 образцов древесины, 180 из которых были датированы в процессе дендроанализа.

Однако необходимо отметить, что по своим качественным характеристикам данная коллекция довольно неоднородна. Значительная часть образцов отбиралась Н.Ф. Сергеевой с таких элементов каменных архитектурных сооружений, как дверные и оконные колоды, балки полов и кровель, связи оборонительных стен и башен – т.е. даже в тех случаях, когда сохранность древесины вполне удовлетворяет требованиям дендроанализа, мы имеем дело с образцами, у которых отсутствует значительная часть наружных годовичных колец. Кроме того, деревянные конструкции такого рода или их отдельные детали с большой долей вероятности могли быть заменены при небольших ремонтах этих построек. Оба эти факта, даже в тех случаях, когда образцы удалось датировать, сильно затрудняют интерпретацию результатов дендроанализа. В связи с этим, в рамках данной работы мы будем опираться только на материалы, полученные из культурного слоя (рис. 1; табл.).

Одна из проблем, в решении которой, на наш взгляд, могут помочь результаты дендроанализа древесины из культурного слоя, это вопрос о времени строительства крепостных сооружений “Старого города”. Так или иначе, его затрагивали фактически все исследователи, занимавшиеся историей монастыря.

Н.К. Никольский считал вероятным, что начало строительству каменной ограды было положено закладкой Святых ворот Успенского монастыря в 1523 г. (Никольский, 1897. С. 26). По мнению Н.Н. Забека, опиравшегося на даты строительства надвратных церквей Иоанна Лествичника и Преображения, каменная монастырская стена возводилась между 1568 и 1601 гг. (Забек, 1940. С. 157). А.Н. Кирпичников и И.Н. Хлопин, проанализировав политическую обстановку того времени и опираясь на архивные документы об активной административной деятельности старца Леонида Ширшова, предположили, что основные фортификационные работы проходили в 1583–1599 гг. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 71).

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 03-01-00229а: “Дендрохронология археологических и архитектурных памятников Белозерской и Вологодской земель”.

¹ Пользуемся случаем выразить Н.Ф. Сергеевой свою глубокую признательность.

² Авторы выражают искреннюю благодарность И.В. Папину и А.В. Суворову за предоставленные материалы и ценные консультации при работе над данной публикацией.

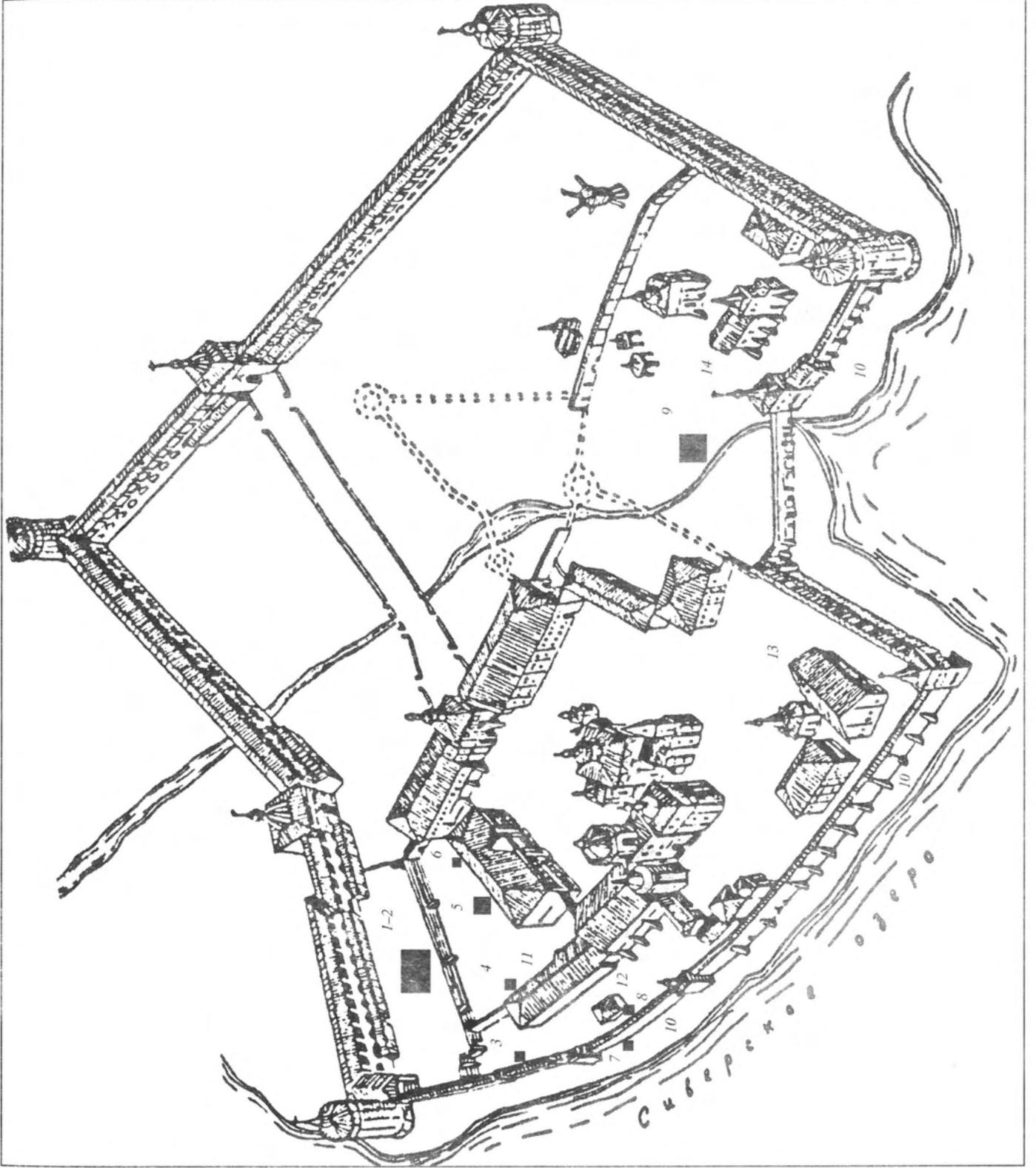

Рис. 1. Кирилло-Белозерский монастырь. Современный вид в проекции. Рисунок С.С. Подъяпольского (см.: Кирилличиков, Хлопин, 1972)
 Нумерация объектов дана в соответствии с таблицей

Количественное распределение дендробразцов из культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря по сооружениям, шурфам и раскопам

№ п/п	Годы сборов	Автор раскопок	Сооружение (шурф/раскоп)	Количество образцов	
				всего	датировано
1	2000	Папин И.В.	Шурф 3	5	4
2	2004	Папин И.В.	Раскоп 3	43	31
3	1999	Папин И.В.	Шурф 5	9	8
4	1995	Папин И.В.	Шурф 3	4	3
5	2003	Папин И.В.	Раскоп 2	3	3
6	1994	Макаров Н.А.	Шурф 4	4	4
7	1999	Папин И.В.	Шурф 3	6	4
8	1999	Папин И.В.	Шурф 4	13	11
9	1998	Суворов А.В., Папин И.В.	Раскоп 1	4	3
10	1967, 1969	Подъяпольский С.С.	Оборонительные стены	25	19
11	1971–1972	Кирпичников А.Н.	Поварня и остатки Оружейной палаты	4	2
12	1987	Сергеева А.Ф.	Поварня или Хлебный домик	5	5
13	1967, 1969	Подъяпольский С.С.	Большие Больничные палаты	12	12
14	1971	Кирпичников А.Н.	Глухая башня	10	9
Всего				147	118

Информация, содержащаяся в письменных источниках, по данному вопросу довольно скудна. Известно сообщение монастырской описи 1601 г. о возврате в казну монастыря денежных средств, оставшихся от городского каменного строительства (Никольский, 1897. С. 236; Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 69). В этом же документе упомянут и амбар, в котором хранился кирпич, оставшийся от строительства (Кирпичников, Хлопин, 1958. С. 145). Кроме того, Н.К. Никольский приводит упоминание о найме в октябре 1610 г. казаков для починки укреплений и надстройки стен в высоту: "... наимовали казаков каменщиков и подъемщиков, около монастыря починивали город и вновь (курсив наш. – Н.Ч., А.К.) стены вверх прибавляли" (Никольский, 1897. С. 51).

Таким образом, сведения письменных источников позволяют утверждать, что к 1601 г. каменные укрепления "Старого города", или какая-то их часть, уже существовали, а с осени 1610 г., возможно не впервые, надстраивались.

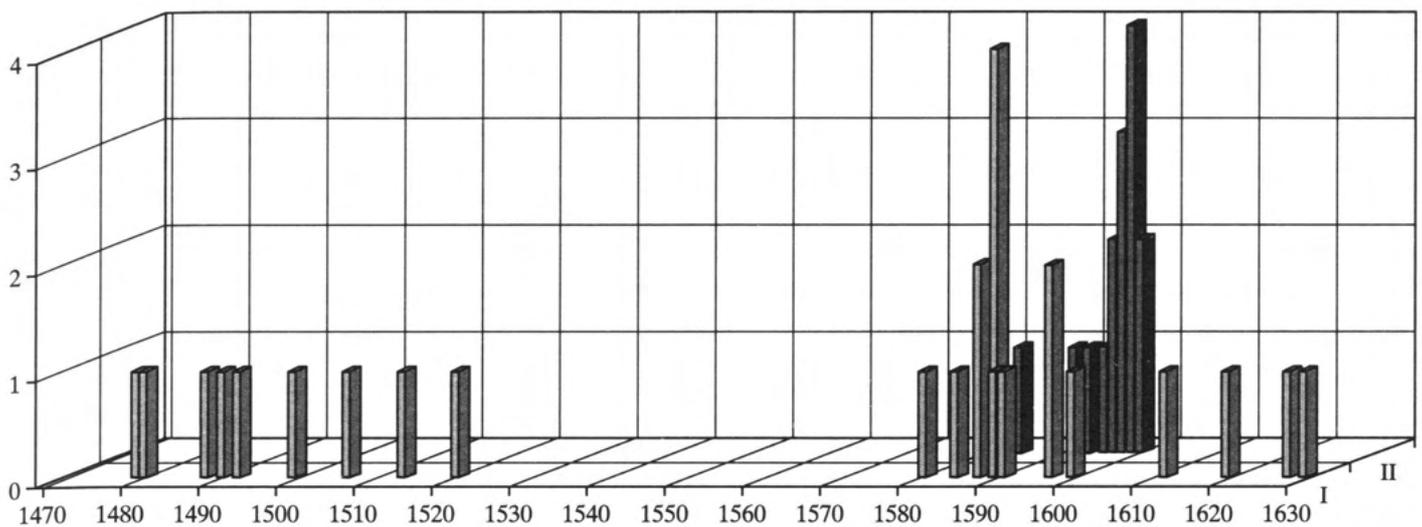
Изученная нами коллекция древесины оборонительных сооружений включала в себя 56 образцов, из которых были датированы 40. Она представлена спилами с бревен-свай, забитых в фундаментные траншеи стен (рис. 1, 10) и извлеченных при работах по их укреплению в 1967 и 1969 гг., а также одной башни (рис. 1, 14), исследовавшейся при археологических работах 1971–1972 гг. Сюда же включены образцы свай и так называемой режи в основании стены из трех шурфов 1999 г. (рис. 1, 3, 7, 8), непосредственно примыкавших к крепостной стене.

Рассмотрим полученные результаты дендроанализа более подробно.

На диаграмме (рис. 2), отражающей количественное и хронологическое распределение полученных дендродат, среди материалов Успенского

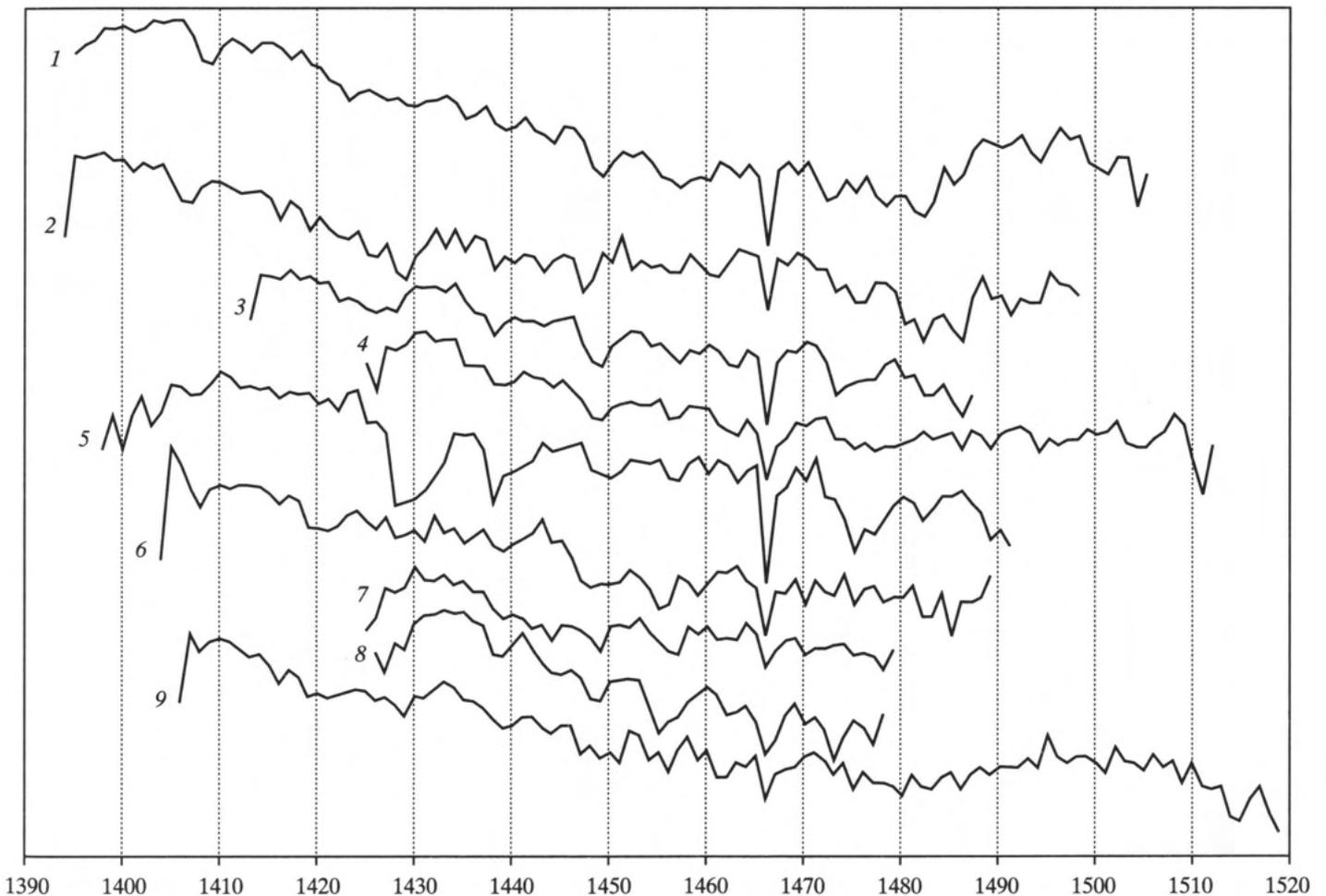
монастыря отчетливо выделяется серия "ранних" дат, располагающаяся на хронологической шкале между 1479 и 1520 гг. Однако связывать с ним возведение каменных оборонительных укреплений, очевидно, нельзя. В пользу этого, свидетельствуют: во-первых, следы вторичного использования – наличие пазов и врубок, зафиксированных на некоторых сваях из сборов 1969 г. С.С. Подъяпольским (1982. С. 213). Во-вторых, полное отсутствие древесины этой группы среди свай стен и Глухой башни Ивановского монастыря; и в-третьих, отсутствие пика порубочных дат при распределении их на хронологической шкале. Последнее, по нашему мнению, косвенно еще раз указывает на вторичное использование древесины, так как в случае целенаправленной заготовки строительного леса на диаграмме распределения дендродаты должны были бы располагаться более компактно.

Группу "ранних" дат составляют бревна четырех свай стены Успенского монастыря и пять бревен "режи" в ее основании (шурф 5, 1999 г.). Кривые погодичного прироста отличаются единообразием (средние величины показателя сходства-изменчивости и коэффициента корреляции составляют соответственно 61% и 0,44), особенно на отрезке середины 40-х – начала 70-х годов XV в. (рис. 3). Довольно четкие микроциклы приходятся на конец 1430-х и середину 1450-х годов. Реперным участком является десятилетие между 1460 и 1470 гг., ограниченное двумя пиками, характеризующими подъем прироста, и заключенным между ними минимумом 1465–1466 гг. Средний возраст стволов группы составляет 87 лет. Последовательность годичных колец имеет протяженность в 125 лет (1394–1519 гг.) Древесине этой дендрологической группы находятся четкие аналогии в тенденции развития погодичного прироста у дерева из культурного слоя Успенского монастыря (шурф 4

Рис. 2. Кирилло-Белозерский монастырь. Количественное и хронологическое распределение дендродат оборонительных сооружений “Старого города”

По оси X – годы; по оси Y – количество дендродат. I – Успенский монастырь; II – Ивановский монастырь

Рис. 3. Синхронизированные кривые погодичного прироста древесины “ранней” (I) группы из оборонительных стен Успенского монастыря

1–3 – сваи фундамента из коллекции 1969 г. (образцы № 15, 12, 13); 4–8 – бревна “режи” в основании стены из шурфа 5 1999 г. (образцы № 17, 16, 15, 22, 18); 9 – свая фундамента из шурфа 3 1999 г. (образец № 5)

1999 г.), а также бревен из шурфа 3 2000 г. в “Новом городе”. Значительная дендрологическая близость образцов указывает, по-видимому, на единое местопроизрастание этого дерева.

Следующая дендрологическая группа образцов (II, “средняя”) из оборонительных сооружений “Старого города” демонстрирует хронологическое распределение дендродат на отрезке 80-х – 90-х годов XVI в. (рис. 2). Этот период практически совпадает с теми временными рамками, которые были определены А.Н. Кирпичниковым и И.Н. Хлопным (1972. С. 71) как время строительства крепостных стен. Анализируя диаграмму распределения дендродат с учетом их разбивки на две группы по территориальному признаку, можно заметить, что к несколько более раннему времени (1580-е годы) относится количественный пик дат образцов Успенского монастыря. Что касается дат трех спилов из этой же части “Старого города”, приходящихся на 1590-е годы, то они получены из хорошо документированного шурфа 4 1999 г., благодаря чему можно констатировать их принадлежность к фундаменту не основного массива стены, а дополнительной аркады, возведенной с внутренней ее стороны. В то же время все, за исключением одной, дендродаты Ивановского монастыря приходятся на 1590-е годы (рис. 2). Единственная более ранняя дата (1584 г.), по-видимому, может быть объяснена отсутствием внешних колец.

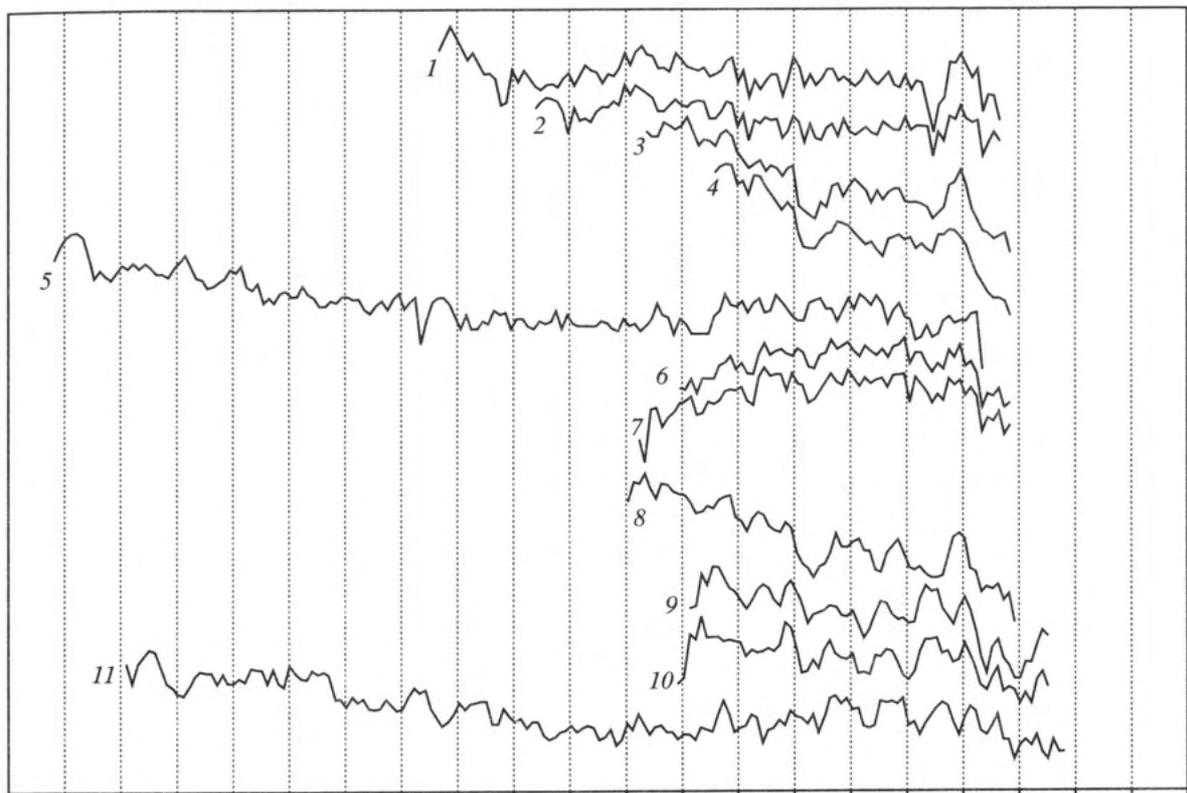
Вторая группа является самой многочисленной. К ней относятся 11 свай фундамента стен Успенского монастыря (рис. 4), восемь свай Глухой башни (рис. 5) и семь лежней и свай фундамента стен Ивановского монастыря. Кривые роста годовых колец характеризуются очень специфическим рисунком, что было отмечено еще при работе с материалами из выборки 1960–1970-х годов. Наиболее четкими и единообразными участками, которые могут рассматриваться как “реперные”, являются отрезки 1540–1560 и 1570–1580 гг. Для первого отмечается микроцикл 1544–1546 гг. в сочетании с максимумом 1557–1558 гг., а для второго микроцикл 1571–1573 гг. с максимумом 1579–1581 гг. Средние величины показателей сходства изменчивости (S_x) и корреляции (r), рассчитанные для трех подгрупп этого дерева (рис. 4–6), достаточно высоки ($S_x=58\%$, $r=0,27$; $S_x=63\%$, $r=0,26$; $S_x=64\%$, $r=0,28$ – соответственно). Средний возраст стволов составляет 73 года. Последовательность годовых колец имеет протяженность в 181 год (1418–1599).

Четыре дендродаты, отнесенные нами к “поздней” (III) группе, распределяются на хронологической шкале между 1610 и 1630 гг. (рис. 2). Это дерево характеризуется крайней динамичностью развития годовичного прироста (рис. 7, № 6–8). Все образцы, вошедшие в группу, отбирались с укреплений Успенского монастыря: три из “режи” в основании стены (шурф 5, 1999 г.) и два со свай внешней прикладки стены, игравшей роль контрфорса, око-

ло Поваренной башни. Причем первые встречены в единой конструкции с бревнами, отнесенными нами к “ранней” (I) группе. Несколько выбивается из общей картины дата одного из бревен “режи” в основании стены, однако принадлежность его к данной дендрологической группе подтверждается, по нашему мнению, ярко выраженной динамикой прироста. Нам представляется, что одним из возможных объяснений подобной датировки может быть значительное повреждение заболонных частей ствола с потерей около 50 годовичных колец при подтесе бревна. Аналогии в развитии годовичного прироста древесины этой группы прослежены нами у дерева настила, открытого в раскопе 1 1998 г., располагавшегося на территории Ивановского монастыря на берегу р. Свияги. По-видимому, появление этого дерева в конструкции стен следует связывать с периодом строительных и ремонтных работ, начавшимся, вероятно, после 1610 г., когда, согласно письменным источникам, начинается строительство Острога и надстройка стен в высоту. То, что исследованные нами образцы происходят из-под фундаментных конструкций, вряд ли противоречит такому предположению, так как подобные работы могли потребовать дополнительного усиления фундаментов.

Помимо очень динамичного рисунка кривых роста, бревна, отнесенные к этой группе, отличаются значительным возрастом, который, в среднем, составляет 144 года. Тем не менее, здесь присутствуют почти все реперные участки, выделенные для первых двух групп. Наиболее четко прослеживаются минимумы 1465–1466 и 1571–1572 гг. Последовательность годовых колец, составленная по материалам этой группы, имеет протяженность чуть более 200 лет (1426–1628 гг.)

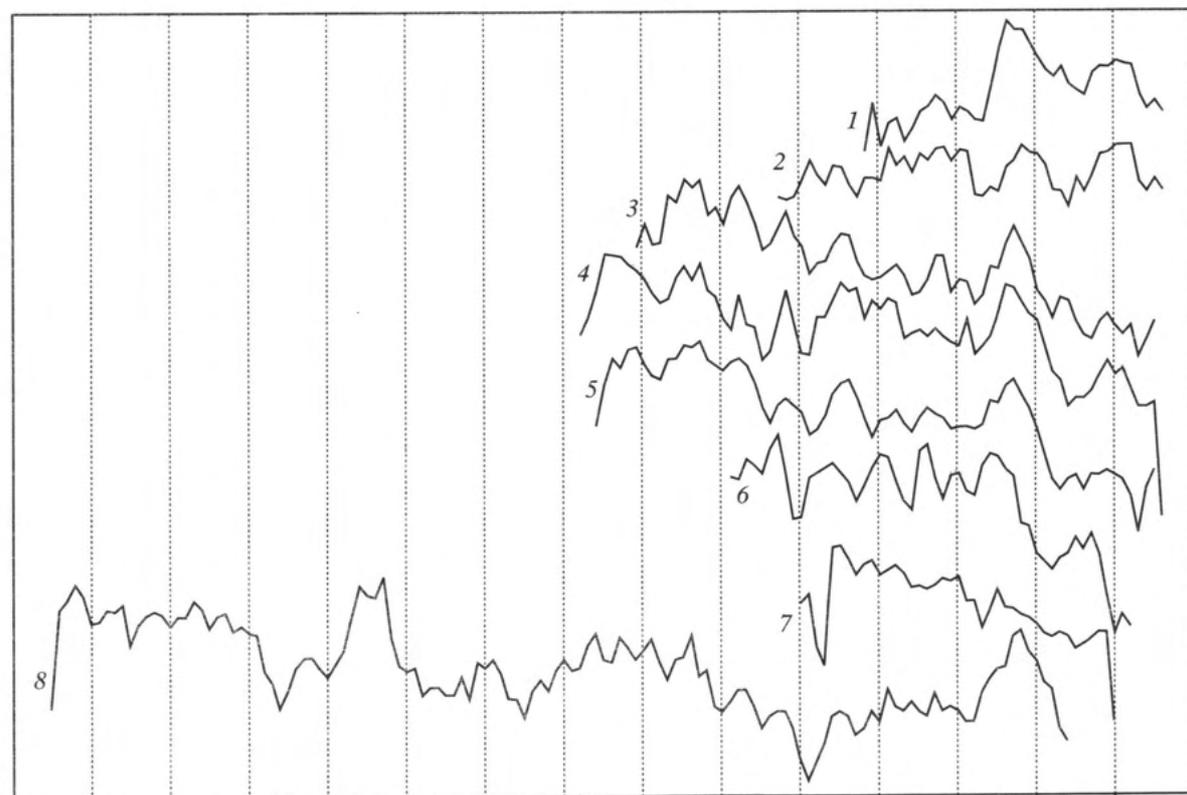
Таким образом, на данном этапе исследований можно говорить о том, что строительство каменных оборонительных сооружений “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря, или, точнее, участка стены, выходящего на берег Сиверского озера, следует датировать двумя последними десятилетиями XVI в. Причем строительные работы начинаются скорее всего в 1580-х годах, вероятно, с возведения укреплений Успенского монастыря, и только в 1590-х годах строительные работы охватывают Ивановский монастырь. При этом при возведении стен Успенского монастыря в качестве свай используется бывшая в употреблении древесина, заготовлявшаяся в конце XV – первой четверти XVI в. С некоторой долей осторожности можно предположить, что дополнительная аркада, возведенная с внутренней стороны стен, по крайней мере, на участке Успенского монастыря, изученном шурфом 4 1999 г., сооружается также в 1590-х годах. Затем, после 1610 г. начинаются работы по усилению стен и надстройке их в высоту. Впрочем, необходимо учитывать, что все наши выводы базируются на сравнительно небольшой в количественном отношении выборке в 40 образцов, и новые

1410 1420 1430 1440 1450 1460 1470 1480 1490 1500 1510 1520 1530 1540 1550 1560 1570 1580 1590 1600 1610 1620

Рис. 4. Синхронизированные кривые годовичного прироста древесины “средней” (II) группы из оборонительных стен Успенского монастыря

1–2 – сваи фундамента из коллекции 1967 г. (образцы № 6, 5); 3–8 – сваи фундамента из коллекции 1969 г. (образцы № 8, 9, 14, 10, 11, 16); 9–11 – сваи фундамента из шурфа 4 1999 г. (образцы № 26, 27, 10)

1450 1460 1470 1480 1490 1500 1510 1520 1530 1540 1550 1560 1570 1580 1590 1600

Рис. 5. Синхронизированные кривые годовичного прироста древесины “средней” (II) группы из Глухой башни Ивановского монастыря

1–2 – сваи фундамента из коллекции 1971 г. (образцы № 2, 3, 7, 10, 4, 5, 9, 8)

поступления могут внести существенные коррективы.

Теперь позволим себе обратиться к некоторым вопросам, которые возникли у нас при работе с дендроколлекцией Кирилло-Белозерского монастыря.

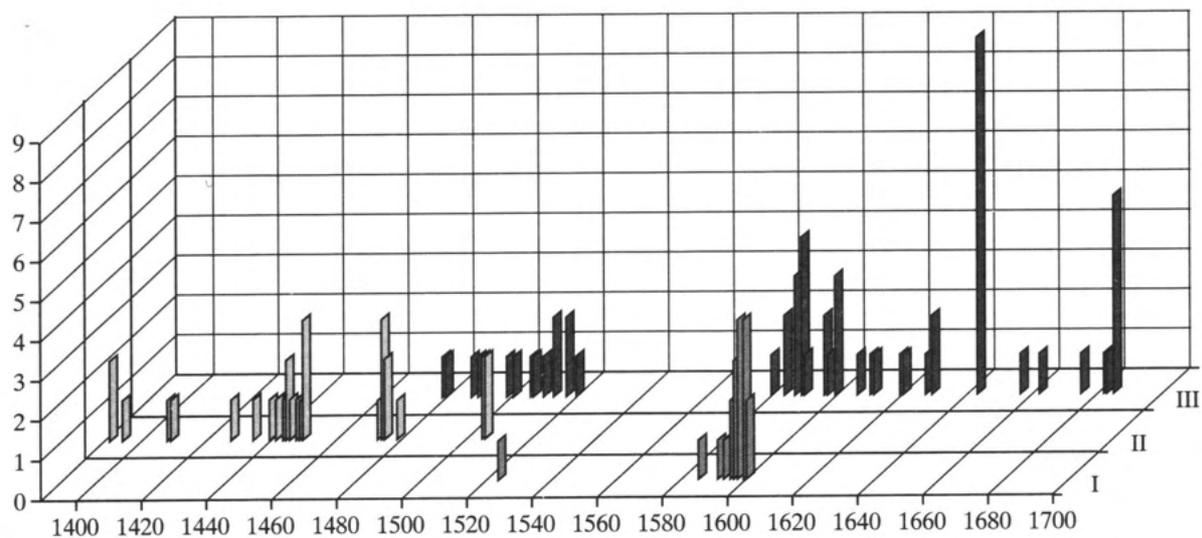
При рассмотрении количественного и хронологического распределения 118 дендродат, полученных для образцов из культурного слоя, отчетливо прослеживается отсутствие дат на отрезке 1520–1570-х годов (рис. 6). Это несколько странно, так как, согласно письменным источникам, различные строительные работы продолжались: в 1523 г. строится Казнохранилище и Святые ворота Успенского монастыря, в 1531–1535 гг. – ц. Архангела Гавриила, в 1531–1534 гг. – ц. Иоанна Предтечи, в 1554 г. – ц. Владимира, в 1568 г. – ц. Преображения (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 50–56). И хотя все перечисленные постройки – каменные, сложно предположить, что такие масштабные работы не повлекли за собой всплеска деревянного строительства вокруг. Кроме того, хорошо известны пожар, случившийся около 1557 г., на ликвидацию последствий которого были направлены значительные вклады Ивана IV и суздальского владыки Афанасия (Никольский, 1897. С. 33), а также грамота царя и великого князя Ивана Васильевича от 28 апреля 1559 г. “в Пошехонье в Милобуцкую волость да в Иванов бор” лесным целовальникам о даче в монастырь “на строение ... хоромного лесу” (Никольский, 1897. Прил. к главе I, грамота от 28 апреля 1559 г.), которая, по мнению Н.К. Никольского (1897. С. 33), была выдана в связи с упомянутым пожаром. Он же приводит несколько сообщений о деревянном строительстве на территории монастыря и о подвозе строительного леса, относящихся к 1568 г. (Никольский, 1897. С. 39, примеч. 1; С. 40, примеч. 2). Тем не менее, по нашим материалам, строительной активности в данный период не прослеживается. Объяснений этому может быть несколько. Во-первых, нельзя исключить, что данный факт связан с недостаточной археологической изученностью территории Ивановского и центральной части Успенского монастырей, что бесспорно влияет на репрезентативность дендроколлекции, по крайней мере, для решения этого вопроса. Во-вторых, отсутствие в нашей выборке древесины 1520–1570-х годов может косвенно свидетельствовать о значительном ущербе, нанесенном монастырским постройкам пожаром 1557 г.

Второй момент, явившийся для нас несколько неожиданным, – это появление серии довольно ранних дат для материалов из раскопа 3 2004 года (рис. 2, № 2) на территории Нового города. Очевидно, мы имеем дело с застройкой территории за пределами монастырских стен, которая предшествует, по крайней мере, каменным оборонительным сооружениям, речь о которых шла выше. Четыре наиболее ранние даты (рис. 6), располагающиеся в

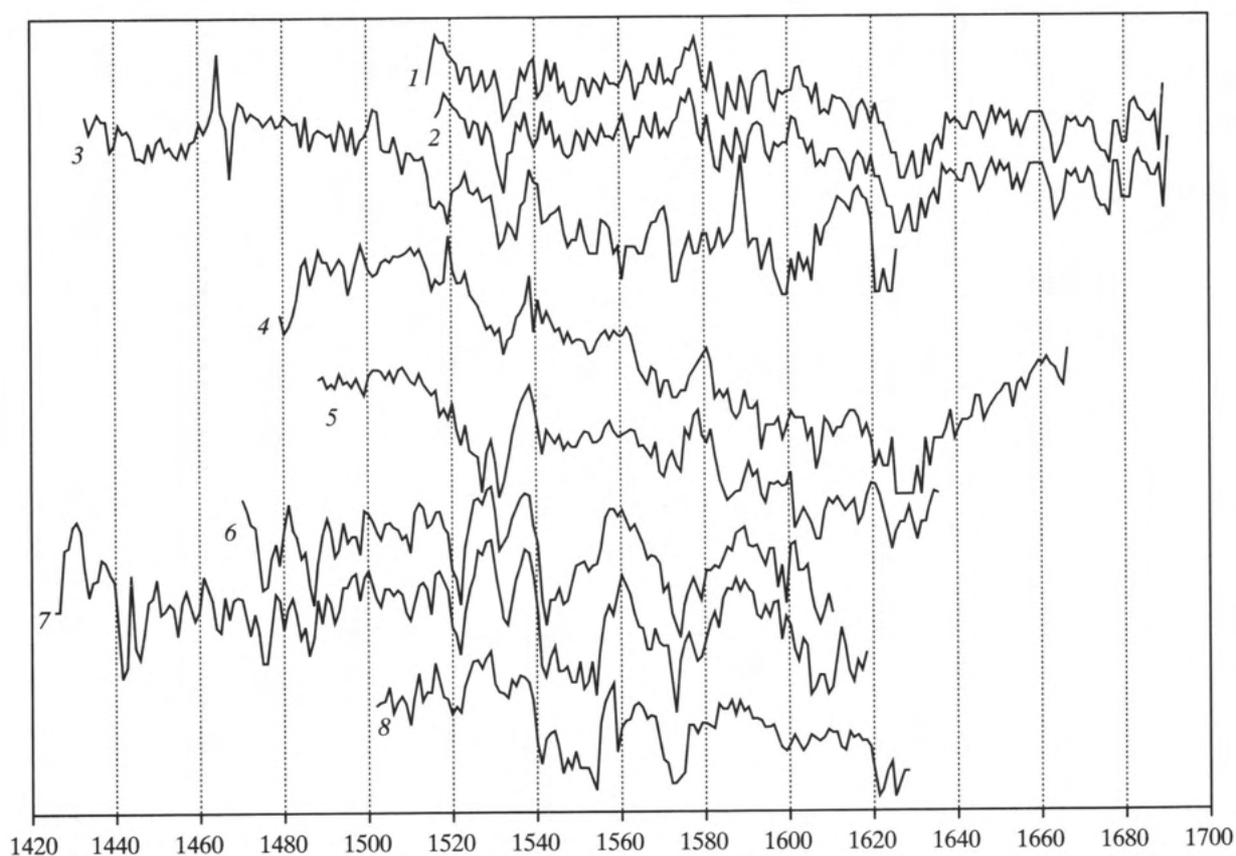
интервале между 1391–1410 гг., получены по образцам настила пола и развала стены сруба 3. В данном случае сложно судить о времени строительства всей постройки, во-первых, из-за небольшого количества дат, а во-вторых, из-за отсутствия количественного пика на диаграмме распределения. Последнее, по нашему мнению, не позволяет уверенно говорить о сохранности последних годовичных колец на образцах и исключить возможность вторичного использования древесины. Однако следующая группа дат, 1420–1440-х годов, относящаяся к срубам 2 и мостовой перед ним, может свидетельствовать о том, что оба сооружения возводятся в конце 40-х – самом начале 50-х годов XV в. Даже в том случае, если в этих конструкциях использовалось бывшее в употреблении дерево и, следовательно, предлагаемая нами строительная дата не верна, вряд ли эта древесина доставлялась издалека. Скорее всего в дело пошло дерево из какого-то сооружения, находившегося в непосредственной близости от места строительства. Таким образом, можно предположить, что данная территория, вошедшая во второй половине XVII в. в пределы Нового города, осваивается не позднее середины XV в., а возможно, принимая во внимание даты сруба 3, и несколько ранее.

Другая тема, которой мы бы хотели уделить немного внимания – это проблема источников строительной древесины. Казалось бы, данный вопрос совершенно не актуален для столь богатой лесом территории. Однако если обратить внимание на уже упомянутую нами грамоту царя и великого князя Ивана Васильевича по поводу дачи в монастырь строительного леса, то направлена она была лесным целовальникам “в Пошехонье в Милобуцкую волость да в Иванов бор”. При локализации данных пунктов на карте (рис. 8), довольно любопытным представляется упоминание Пошехонья. Если Иванов бор и Милобуцкий погост расположены сравнительно недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря (около 12 и около 19 км по прямой соответственно), то расстояние до Пошехонья, опять же по прямой, составляет более 150 км. Кроме того, если мы предполагаем доставку строительного леса по воде, как видно на карте, приведенные цифры должны существенно увеличиться. Однако любопытным нюансом в этом случае является то, что лесосплав производился против течения р. Шексны. Конечно, необходимо учитывать, что заготовка леса велась или в ближайшей округе указанных пунктов, или на территориях, как-то связанных с ними административно, тем более что в грамоте называется Милобуцкая волость, и приведенные нами расстояния в таком случае довольно приблизительны.

Тем не менее, все вышеизложенное позволило нам предположить, что источником строительного дерева Кирилло-Белозерскому монастырю служила территория бассейна р. Шексны. Для проверки этого предположения мы привлекли дендромате-

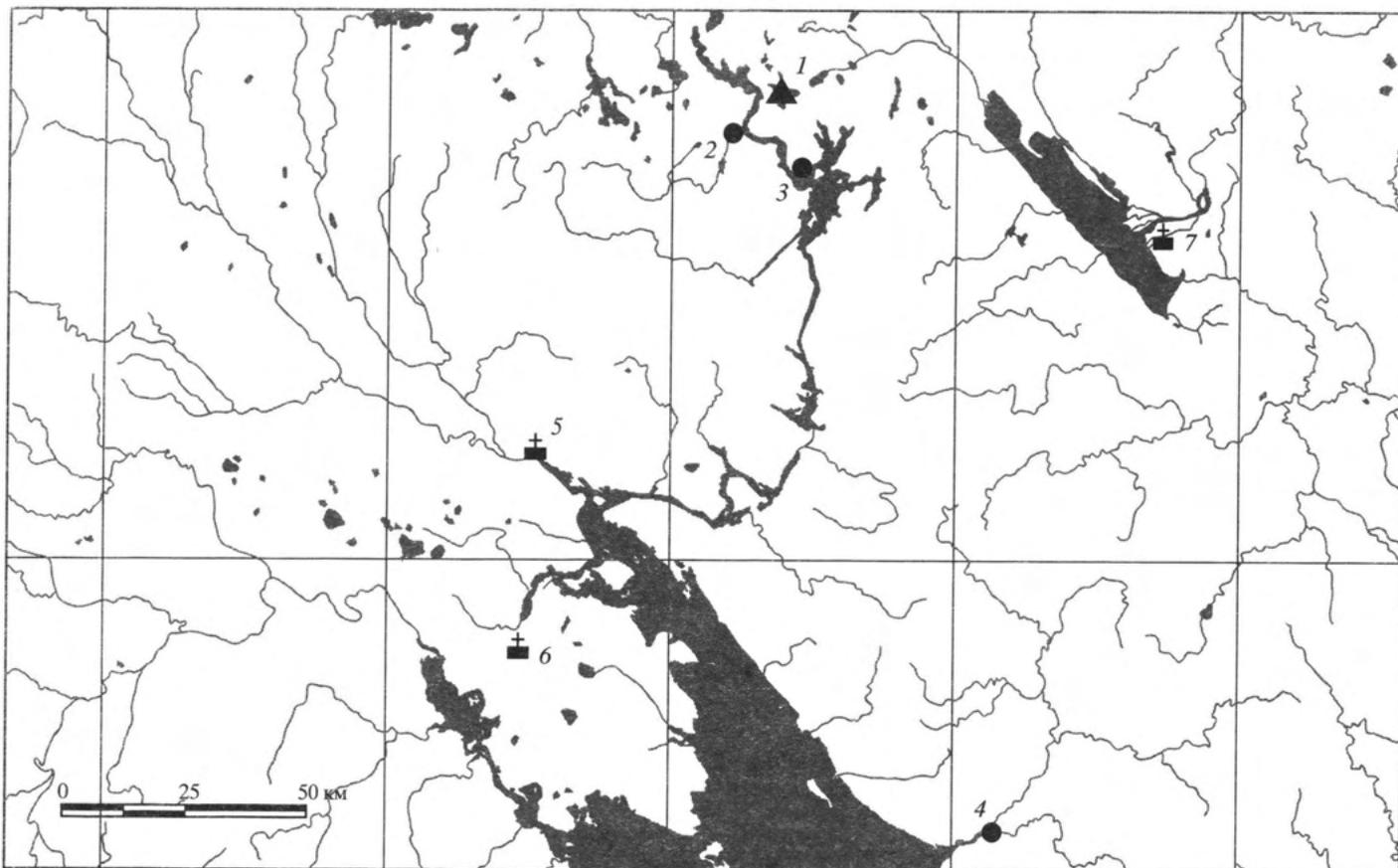
Рис. 6. Количественное и хронологическое распределение дендродат образцов древесины из культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря
 По оси X – годы; по оси Y – количество дендродат. I – Ивановский монастырь. II – “Новый город”. III – Успенский монастырь

Рис. 7. Синхронизированные кривые погодичного прироста древесины церкви Успения Богородицы (с. Нелазское), Никольской церкви (с. Дмитриево) и Кирилло-Белозерского монастыря
 1–2 – образцы церкви Успения Богородицы (№ 1, 2); 3–5 – образцы Никольской церкви (с. Дмитриево); 6, 7 – бревна “режи” в основании стены из шурфа 5 1999 г. (образцы № 19, 20); 8 – бревно из шурфа 3 1995 г. (образец № 3)

риалы двух деревянных церквей из уже упоминавшегося архива Н.Ф. Сергеевой: ц. Успения Богородицы в с. Нелазское, датируемой 90-ми годами XVII в., и Никольской церкви в с. Дмитриево, датируемой второй половиной XVII в. Оба села располагаются на правобережных притоках Шексны

(рис. 8, 5, 6). В результате удалось найти близкие аналогии в динамике кривых погодичного прироста древесины этих памятников и Кирилло-Белозерского монастыря. Любопытно, что степень сходства в тенденции прироста годичных колец древесины исследуемого памятника и Успенской

Рис. 8. Схема расположения пунктов, упомянутых в грамоте Ивана Васильевича от 28 апреля 1559 г. “в Пошехонье в Миллобуцкую волость да в Иванов бор” лесным целовальникам, и архитектурных объектов, дендроматериалы которых привлекались при работе с древесиной Кирилло-Белозерского монастыря

1 – Кирилло-Белозерский монастырь; 2 – Иванов бор; 3 – Миллобуцкий погост; 4 – Пошехонье; 5 – церковь Успения Богородицы (с. Нелазское); 6 – Никольская церковь (с. Дмитриево); 7 – Александро-Каштский монастырь

дицы (с. Нелазское); 6 – Никольская церковь (с. Дмитриево); 7 – Александро-Каштский монастырь

церкви Александро-Куштского монастыря (рис. 8, 7), датируемой 30-ми годами XVII в., расположенной уже в бассейне р. Сухоны, существенно ниже. Таким образом, на данном этапе исследований, с некоторой долей осторожности, можно говорить о существенных отличиях в динамике погодичного прироста древесины Шекснинского и Сухонского бассейнов, по крайней мере, во второй половине XVI–XVII в. Впрочем, для подтверждения последнего вывода желательно привлечение более обширных дендроматериалов как археологических, так и архитектурных памятников, располагающихся в бассейнах этих двух рек.

Литература

Васильев С.Ю., Папин И.В., Суворов А.В., 1996. Исследования центра “Древности Севера” // АО 1995 г. М.

Забек Н.Н., 1940. Крепостные сооружения XVII в. в Кириллове // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л. Т. 1.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н., 1958. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // МИА. М.; Л. Вып. 77.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н., 1972. Великая Государева крепость. Л.

Никольский Н.К., 1897. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). СПб. Т. 1, вып. 1.

Папин И.В., Суворов А.В., Мокрушин М.Л., 2004. Исследования НПЦ “Древности Севера” в Вологодской области // АО 2003 г. М.

Подъяпольский С.С., 1982. О датировке некоторых построек Кирилло-Белозерского монастыря на основе дендрохронологических исследований (к статье Н.Б. Черных) // Реставрация и исследования памятников культуры. М. Вып. II.

Черных Н.Б., 1982. Результаты дендрохронологического изучения дерева из построек Кирилло-Белозерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М. Вып. II.